ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

~ 2019 ~

Редакционная коллегия:

КУЗНЕЦОВА О.А. (главный редактор) – д.ю.н., профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

ГОЛУБЦОВ В.Г. (заместитель главного редактора) – д.ю.н., заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

БОРИСЕВИЧ Г.Я. – к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

БОРОВЫХ Л.В. – к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

ВАСИЛЬЕВА Ю.В. – д.ю.н., профессор, зав. кафедрой трудового права и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

МИХАЙЛОВ С.Г. – к.ю.н., профессор, декан юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

ПОЛЯКОВ С.Б. – д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

ТЕЛЕГИН А.С. – к.ю.н., профессор, зав. кафедрой конституционного и финансового права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

ШЕРШЕНЬ Т.В. – к.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Выпускающий редактор: *А.Н. Стрелко*
Дизайн и верстка: *А.С. Резниченко*

Журнал выходит один раз в год (ежегодник)

Перепечатка материалов из журнала «Пермский юридический альманах» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или Редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказываемые в публикациях авторов, не обязательно отражают официальную точку зрения организаций, которые они представляют.

ISSN 2618-8260
Рег. № ФС77-73155 от 22 июня 2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакция: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7 (3422) 396-275; e-mail: almanach59@mail.ru

Издатель: ООО «Издательство «Статут»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2
Тел.: +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru
www.estatut.ru

WITH THE SUPPORT OF THE PERM REGION GOVERNOR

PERM STATE UNIVERSITY

PERM LEGAL ALMANAC

ANNUAL SCIENTIFIC JOURNAL

~ 2019 ~

Editorial Staff

KUZNETSOVA O.A. (Editor-in-Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm

GOLUBTSOV V.G. (Deputy Editor-in-Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm

BORISEVICH G.YA. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State University, Perm

BOROVYKH L.V. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Prosecutor's Supervision, Perm State University, Perm

VASILYEVA YU.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm

MIKHAILOV S.G. – Candidate of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Law Faculty, Perm State University, Perm

POLYAKOV S.B. – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Theory and History of the State and Law, Perm State University, Perm

TELEGIN A.S. – Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Finance Law, Perm State University, Perm

SHERSHEN T.V. – Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Perm State University, Perm

Production editor: *O.V. Vinogradova*
Design and layout: *A.S. Reznichenko*

The journal is published one time a year (annual)

Reprint and republication of all the materials of the Methodological Problems of the Civil Law Researches Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory. The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The opinions expressed in the publications refer to the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they represent.

ISSN 2618-8260
Reg. No. FS77-73155 of 22 June 2018

Founder: Perm State University

Editors office: 614 990, Russia, Perm, Bukireva st., 15
Phone +7 (3422) 396-275; e-mail: http://almanack.psu.ru

Publisher: LLC «Publishing House «Statut»
119454, Moscow, Lobachevskogo St., 92, Bldg. 2
Phone: +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru
www.estatut.ru

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Поляков С.Б.
Реализация юридической наукой стратегии развития информационного общества 18

Понкин И.В., Редькина А.И.
Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство 24

Реутов С.И.
Теоретические и нормативные основы внедрения и развития цифровизации российского общества 38

II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ, ФИНАНСОВОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Павлова Н.В.
Разрешение внешнеэкономических споров: современные тенденции 50

Вагин И.С.
Эволюция развития избирательной системы в России 62

Иванова О.А.
Автоматический обмен финансовой информацией в России. 70

Князева Е.В.
К вопросу о правовом регулировании отношений по предоставлению государственных услуг в электронной форме (на примере государственной услуги по выдаче пропусков для въезда (прохода) лиц и транспортных средств в пограничную зону.....80

Мухин И.В., Малых И.В.
Источники финансирования содержания частных автомобильных дорог в эпоху цифровой экономики.....86

Попов В.И.
К вопросу об управлении развитием цифровой экономики в субъектах РФ 95

Ромашов П.А.
К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век 103

Саттаров В.Д.
Право коммерческой тайны
в условиях цифровизации общества. 119

Седова Ж.И.
Требования законодательства при переходе
на цифровые технологии в деятельности
опасных производственных объектов 128

Сергун П.П., Бобров А.М.
Субъектно-объектное образование как структурный
элемент административного правоотношения 138

Телегин А.С.
Об использовании цифровизации в административно-правовом
регулировании предпринимательской деятельности.....146

Тиунова Н.В.
Некоторые проблемные аспекты осуществления государственного
контроля и привлечения к административной ответственности
за нарушения прав покупателей не санкционированными
и обезличенными интернет-магазинами в России.....152

Худолей Д.М.
Электронное голосование – необходимость для цифровизации
избирательного процесса Российской Федерации.....163

Худолей К.М.
О некоторых предложениях по цифровизации оказания
государственных и муниципальных услуг в сфере
избирательного процесса 171

III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Гонгало Б.М., Новоселова Л.А.
Есть ли место «цифровым правам» в системе
объектов гражданского права.....179

Андропова Т.В.
Возможность применения современных цифровых
устройств при составлении завещания 193

Барков А.В.
О некоторых тенденциях развития гражданского законодательства
в условиях формирования цифровой экономики 202

Гаврилов Е.В.
О новейшей практике Верховного Суда РФ по делам
о защите чести, достоинства и деловой репутации,
опороченных в сети Интернет 211

Гасумова С.Г.
Цифровизация доступа к информации о медиации 218

Горбунов А.А.
Виртуальные объекты в видеоиграх:
проблема охраноспособности 225

Захаркина А.В.
Надлежащее исполнение сложных обязательств
в условиях цифровизации общества 233

***Мартьянова* Е.Ю.**
К вопросу об определении субъекта авторства в отношении
произведений, созданных искусственным интеллектом 241

Матвеев А.Г.
Новое смежное право издателей прессы на
онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей 257

Моргунова Е.А.
Охраноспособность результатов художественного творчества,
созданных с использованием искусственного интеллекта 264

Морхат П.М.
Концепт «электронного лица» в классификации субъектного
состава лиц в гражданском праве 273

Мхитарян Л.Ю.
Развитие института наследования в России: к вопросу
о необходимости включения цифровых активов
в наследственную массу 283

Подрабинок Е.М.
Особенности осуществления права на забвение
в эпоху цифровизации общества 290

Пьянкова А.Ф.
Особенности защиты прав потребителей
в эпоху цифровизации экономики 301

Савина В.С.
Развитие права интеллектуальной собственности
в современном информационном обществе 312

Синельникова В.Н.
Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности,
созданных саморазвивающимися программами 320

Сушкова О.В.
Система новых договорных конструкций как инструмента
регулирования отношений, связанных с оборотом результатов
интеллектуальной и инновационной деятельности (на основе
законодательства России и Европейского Союза) 329

Тарасова Е.А.
Современный нотариат = электронный нотариат?
(цифровизация нотариальной деятельности). 337

Шершень Т.В.
Цифровизация – фундаментальный тренд современного
общества: правовые основы, ожидания и реальность 345

Эйриян Г.Н.
К вопросу о полноте и достоверности кадастровых
сведений о земельных участках 354

IV. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Габов А.В., Хаванова И.А.
Автономия боевых роботов и право 361

Голубцов В.Г.
Теория доказательств и цифровизация
в гражданском судопроизводстве 379

Акинфиева В.В.
Значение обеспечительного платежа как способа обеспечения
исполнения обязательств в условиях цифровизации
обязательственного права Российской Федерации 388

Волос А.А.
Некоторые проблемы защиты прав и законных
интересов сторон смарт-контракта 396

Гончарова О.С.
Некоторые вопросы защиты прав
инвесторов краудфандинга.....403

Григорьев А.И., Яковлев П.А.
Информационные технологии для решения
конфликтов адвокатской деятельности.....409

Демиева А.Г.
К вопросу о правовом режиме криптовалюты в России.....417

Зинковский М.А.
Юридическая услуга и цифровая доступность
правовой информации: настоящее и будущее юристов.....425

Новиков Р.В.
К вопросу о понятии
и сфере применения смарт-контрактов.....431

Карпычев В.Ю.
Новая реальность или правовое зазеркалье криптовалюты.....441

Кац Р.Ю.
Защита имущественных интересов участников гражданских
правоотношений со стороны антимонопольного органа
на примере рассмотренных дел в сфере цифровой экономики.....450

Комиссарова Е.Г.
Философия «электронной» состязательности
в гражданском судопроизводстве.....460

Кузнецова О.А.
Экономико-социальная природа
и правовая форма краудфандинговых отношений.....473

Михайлова Н.С.
Особенности определения границ релевантных рынков
в области цифровой экономики.....484

Самсонов Н.В.
К вопросу о месте актов, регулирующих порядок использования
цифровых технологий в гражданском судопроизводстве,
в системе источников гражданского процессуального права.....492

Сятчихин А.В.
Смарт-контракт: возможности и условия реализации технологии на примере продажи недвижимости 501

Степанченко А.В.
К вопросу о правовой сущности криптовалюты 510

Степанов В.В.
Перспективы использования информационных технологий для обеспечения доступности правосудия при рассмотрении дел о защите прав и законных интересов собственников помещений в многоквартирном доме 520

Чикулаев Р.В.
Вопросы электронных финансовых инструментов 528

V. ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Иванчина Ю.В.
Цифровые технологии – благо или зло для трудовых отношений? 544

Истомина Е.А.
Доступность как требование к информационной составляющей правового регулирования социального обеспечения 556

Клепалова Ю.И.
К вопросу о возможности использования простой электронной подписи в кадровом делопроизводстве 566

Маматказин И.Р.
Функции права социального обеспечения в условиях цифровой экономики 572

Чесалина О.В.
Вызовы цифровой экономики для систем социального страхования и права социального обеспечения 578

Мингалева Ж.А., Мирских И.Ю.
Трансформация занятости населения под влиянием технологических инноваций и цифровизации экономики 587

VI. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Лопашенко Н.А.
Компьютерное мошенничество – новое слово
в понимании хищения или ошибка законодателя? 598

Борисевич Г.Я.
О развитии межотраслевого института, регулирующего
применение электронно-информационных технологий
в уголовном судопроизводстве России 610

Зуев С.В.
О современной концепции развития информационных
технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС).....618

Вехов В.Б.
Преступления в сфере цифровой экономики:
совершенствование расследования на основе
положений электронной криминалистики.....630

Добровлянина О.В.
Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании)
электронных носителей информации 641

Долгинов С.Д.
Информационные технологии в расследовании
преступлений экономической направленности.....650

Зазулин А.И.
Ознакомление обвиняемого и его защитника
с носителями цифровой информации в уголовном деле.....658

Каминский А.М., Русских Ж.А.
Некоторые аспекты использования компьютерного сленга
для решения задач расследования преступлений
в сфере компьютерной информации 665

Корепанова Е.А.
Криптовалюта как предмет и средство
совершения преступлений 673

Ложкин Ю.А.
О некоторых вопросах собирания электронных доказательств
в рамках предварительного расследования уголовных дел 678

Миков П.В., Шевченко Д.Б.
Проблемы обеспечения осужденных, подозреваемых
и обвиняемых правовой информацией в учреждениях
ГУФСИН России по Пермскому краю 687

Пастухов П.С.
«Электронные доказательства» в нормативной
системе уголовно-процессуальных доказательств 695

Русскевич Е.А.
Об избыточности и пробельности реформирования
уголовного законодательства в целях обеспечения защиты
цифровой экономики 708

Сурин В.В.
Расследование преступлений, совершаемых осужденными
с использованием средств мобильной связи 716

Толстолуцкий В.Ю., Борисов Н.А., Кузенкова Г.В.
Технология дополненной реальности, обеспечивающая
создание психолого-криминалистического
портрета преступника и его розыск 724

Шумихин В.Г.
Судебное и доктринальное толкования способа мошенничества
в сфере компьютерной информации 733

Щербаков А.Д.
Цифровизация преступности
в Великобритании и Норвегии: краткая заметка.....741

CONTENTS

I. THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Polyakov S.B.
Implementation of legal science development strategy
of the information society 18

Ponkin I.V., Redkina A.I.
Digital ontologies of law and digital legal space 24

Reutov S.I.
Theoretical and regulatory framework for the introduction
and development of digitalization of Russian society 38

II. CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE, FINANCIAL AND INTERNATIONAL LAW

Pavlova N.V.
Resolution of international economic disputes: current trends 50

Vagin I.S.
Evolution of the electoral system in Russia 62

Ivanova O.A.
Automatic exchange of financial account information in Russia 70

Knyazeva E.V.
On the issue of legal regulation of relations in the provision of public services
in electronic form (for example, the state service for issuing permits
for the entry (passage) of persons and vehicles into the border zone 80

Mukhin I.V., Malykh I.V.
Sources of financing the maintenance
of private roads in the digital economy 86

Popov V.I.
On the issue of managing the development of the digital
economy in the regions of the Russian Federation 95

Romashov P.A.
Privacy issues in the digital age 103

Sattarov V.D.
The right of trade secrets in the conditions of digitalization of society 119

Sedova Zh.I.
Legislation requirements for the transition to digital technologies
in the activities of hazardous production facilities 128

Sergun P.P., Bobrov A.M.
Subject-object education, as a structural element
of the administrative relationship.....138

Telegin A.S.
On the use of digitalization in the administrative
and legal regulation of entrepreneurial activities.....146

Tiunova N.V.
Some problematic aspects of the implementation of state control
and bringing to administrative responsibility for violations
of the rights of buyers by unauthorized and impersonal online stores
in Russia.....152

Khudoley D.M.
Electronic voting is a necessity for digitization
of the electoral process of the Russian Federation.....163

Khudoley K.M.
On some proposals for the digitization of the provision
of state and municipal services in the electoral process 171

III. CIVIL LAW

Gongalo B.M., Novoselova L.A.
Is there a place of «digital rights»
in the system of objects of civil law.....179

Andropova T.V.
The ability to use modern digital devices
in the preparation of the will.....193

Barkov A.V.
Tendencies of development of civil law
in conditions of development of the digital economy.....202

Gavrilov E.V.
On the newest practice of the Supreme Court
of the Russian Federation in cases of defamation of honor,
dignity and business reputation defamed on the Internet.....211

Gasumova S.G.
The digitalization of the access to information about mediation 218

Gorbunov A.A.
The virtual objects in video games: the problem of guard ability 225

Zakharkina A.V.
Proper fulfillment of complex obligations
in the conditions of digitalization of society.....233

Martyanova E.Yu.
On the question of determining the subject of authorship
in relation to works created by artificial intelligence.....241

Matveyev A.G.
New related right of press publishers to online use
of their publications by news aggregators 257

Morgunova E.A.
Protectability of artwork results created with
the use of artificial intelligence 264

Morkhat P.M.
Concept of «the electronic person»
in classification of subject list of persons in civil law 273

Mkhitaryan L.Yu.
The development of the institution of inheritance in Russia:
on the need for the inclusion of digital assets in the hereditary mass.....283

Podrabinok E.M.
Features of the right to oblivion
in the era of digitalization of society.....290

Pyankova A.F.
Features of consumer protection
in the era of digitalization of the economy 301

Savina V.S.
Intellectual property law development
in the information society 312

Sinelnikova V.N.
Legal regime of the results of intellectual activity,
created by self-developing programss 320

Sushkova O.V.
The system of new contractual structures as a tool for regulating relations connected with the turnover of the results of intellectual and innovative activities (based on the legislation of Russia and the European Union).....329

Tarasova E.A.
The modern notariat = electronic notaries? (notary digitization activities).....337

Shershen T.V.
Digitization is a fundamental trend of modern society: legal foundations, expectations and reality.....345

Eyriyan G.N.
On the issue of completeness and reliability of cadastral information about land plots.....354

IV. BUSINESS LAW, CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

Gabov A.V., Khavanova I.A.
The autonomy of combat robots and the right.....361

Golubtsov V.G.
Theory of evidence and digitalization in civil proceedings.....379

Akinfieva V.V.
The value of the security deposit as a way to ensure the fulfillment of obligations in the conditions of digitalization of the law of obligations of the Russian Federation.....388

Volos A.A.
Some problems of protecting the rights and legitimate interests of the parties to a smart contract.....396

Goncharova O.S.
Some issues of crowdfunding investor protection.....403

Grigoriev A.I., Yakovlev P.A.
Information technology for resolving lawyer's conflicts.....409

Demyeva A.G.
To the question of the legal regime of cryptocurrency in Russia.....417

Zinkovsky M.A.
Legal service and digital accessibility of legal information: the present and the future of lawyers.....425

Novikov R.V.
On the issue of the concept and scope of smart contracts.....431

Karpychev V.Y.
New reality or legal mirror of cryptocurrency.....441

Katz R.Yu.
Protection of property interests of participants in civil legal relations by the anti-monopoly body on the example of cases considered in the field of digital economy.....450

Komissarova E.G.
The philosophy of «electronic» competition in civil proceedings.....460

Kuznetsova O.A.
Economic and social nature and legal form of crowdfunding relations.....473

Mikhailova N.S.
Features of defining the boundaries of relevant markets in the digital economy.....484

Samsonov N.V.
On the issue of the place of acts regulating the use of digital technologies in civil proceedings, in the system of sources of civil procedural law.....492

Syatchikhin A.V.
Smart contract: opportunities and conditions for the implementation of technology on the example of real estate sales.....501

Stepanchenko A.V.
On the issue of the legal nature of cryptocurrency.....510

Stepanov V.V.
Prospects for the use of information technology to ensure the availability of justice in cases of the protection of the rights and legitimate interests of the owners of premises in an apartment building.....520

Chikulaev R.V.
Electronic Financial Issues.....528

V. LABOR AND SOCIAL SECURITY LAW

Ivanchina J.V.
Digital technology - good or evil for labor relations?.....544

Istomina E.A.
Accessibility as a requirement for the information component of the legal regulation of social security 556

Klepalova Yu.I.
To the question of the possibility of using a simple electronic signature in personnel records management 566

Mamatkazin I.R.
Functions of social security law in a digital economy.....572

Chesalina O.V.
Challenges of the digital economy for social security systems and social security law 578

Mingaleva Zh.A., Mirskikh I.Yu.
Transformation of employment under the influence of technological innovation and digitalization of the economy.....587

VI. CRIMINAL LAW AND PROCESS

Lopashenko N.A.
Computer fraud - a new word in the understanding of theft or the mistake of the legislator? 598

Borisevich G.Y.
On the development of an interdisciplinary institute regulating the use of electronic information technologies in criminal proceedings in Russia 610

Zuev S.V.
On the modern concept of development of information technology in criminal proceedings (RITVUS).....618

Vehov V.B.
Crimes in the digital economy: improving the investigation based on the provisions of electronic forensics.....630

Dobrovlyanina O.V.
Some aspects of the procedural seizure (copying) of electronic media.....641

Dolginov S.D.
Information technology in the investigation of economic crimes 650

Zazulin A.I.
Acquaintance of the accused and his counsel
with digital media in a criminal case 658

Kaminsky A.M., Russkih G.A.
Some aspects of the use of computer slang for solving problems
of investigating crimes in the field of computer information 665

Korepanova E.A.
Cryptocurrency as a subject and means of committing crimes.....673

Lozhkin Ju.A.
On some issues of collecting electronic evidence in the framework
of the preliminary investigation of criminal cases.....678

Mikov P.V., Shevchenko D.B.
Problems of providing convicted, suspected and accused persons
with legal information in the institutions of the Federal Penitentiary
Service of Russia in the Perm Region.....687

Pastukhov P.S.
Electronic evidence in the regulatory system
of criminal procedural evidence.....695

Russkevich E.A.
On redundancy and gaps in criminal law reform
in order to ensure the protection of the digital economy 708

Surin V.V.
Investigation of crimes committed
by convicts using mobile communications.....716

Tolstolutsky V.Yu., Borisov N.A., Kuzenkova G.V.
The technology of augmented reality, ensuring the creation
of a psychological-forensic portrait of the offender and his search.....724

Shumikhin V.G.
Judicial and doctrinal interpretations of the method of fraud
in the field of computer information 733

Scherbakov A.D.
«Digitalization» of Crime in the UK and Norway: A Short Note.....741

УДК: 34:[004:002]

РЕАЛИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

С.Б. Поляков,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: psb59@rambler.ru.

Аннотация: показаны направления юридической науки в развитии информационного общества, вытекающие из программных документов государства, и взаимодействие в этих направлениях юридической науки с научными школами, создающими информационные технологии. Представлена работа юридического факультета ПГНИУ в направлении создания информационных технологий для правовой деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная безопасность, правоприменение, правотворчество, программирование.

JURIDICAL SCIENCE IMPLEMENTS THE STRATEGY OF THE INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT

S.B. Polyakov,
Perm State University,
15, Bukireva st., Russia, Perm, 614990
e-mail: psb59@rambler.ru.

Annotation: the article describes the trends of the information society development by juridical science, resulting from the documentation of the national programs, as well associated cooperation between the scientific schools which

create information technologies and the judicial science. The work of the law department of the PSNRU on creating information technologies for legal activities is presented.

Keywords: information technologies, information security, law enforcement, law making, programming.

Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (далее Стратегия) и программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р (далее Программа) определяют задачи и юридической науки. В этих программных документах можно заметить два направления для неё.

Первое – правовое обеспечение информационной безопасности (пп. «д» п.22, пп. «о», «п», «р» п.26, пп. «а», «в», «д», «е», «ж» п.29, п.31, 33, 34, пп. «з» п.38, пп. «е», «ж», «м», «л» п.42, пп. «г»–«л», «п»–«т», «ф», «х» п.43, п.44, 45 Стратегии). Суть их сводится к созданию юридических запретов в использовании информационных технологий и механизмов юридической ответственности за их нарушение. Дело, конечно, нужное, поскольку всякое явление имеет положительные и отрицательные стороны, и с негативным использованием информатики нужно бороться. Например, против сбора и распространения информации о частной жизни людей, мошенничества при дистанционной торговле, распространения ложной информации и т.п. Но для юридической науки этим отводится в действительности роль противодействия развитию информационного общества в России.

В разд. III Программы сказано, что значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров объясняется пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций и, как следствие, низким уровнем применения цифровых технологий бизнес-структурами. Но нормативной базой требуются запреты, которые не могут быть благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций. Для развития информационных технологий нормативная база юристов программистам не нужна, разве чтобы им не мешали, что соответствует указанному в разд. IV Программы: «снятие ключевых правовых ограничений и создание отдельных правовых институтов, направленных на решение первоочередных задач формирования цифровой экономики». Что означает устранение ошибок в создании запретов для информационных технологий.

Играя роль создателей запретов, юристы обычно выглядят беспомощно, поскольку создаваемые ими запреты и обязанности по трафаретам обычных

отношений непригодны для действий в информационной сфере. Например, блокировки сайтов легко преодолеваются за счет создания программистами средств их обхода («зеркала» и т.п.). Создание блокировок сайтов (юридических запретов для информационной среды) и средств их преодоления – удел не юридической науки. И проблема информационной безопасности должна решаться, главным образом, неюридическими средствами.

Новые информационные технологии, в том числе обход запретов, создаются организациями, не жалеющими денег для привлечения лучших специалистов и студентов. Да и по природе своей лучшие умы, творческие по духу, а не по принуждению, стремятся искать и создавать новое, а не запрещать изведанное. На службу к юристам, требующим внедрить запрет, идут аутсайдеры образования, получившие диплом за счет выдуманного бюрократами образования показателя эффективности труда преподавателя в 95 % успеваемости. Показатель ради снижения оплаты труда преподавателя неминуемо обеспечивает прискорбный уровень кадров для обслуживания «экономов».

Даже в решении позитивных (незапретительных) задач, содержательно изложенных в п.1 разд. VI Программы, правоведы должны выполнять роль оруженосцев создателей информационных технологий. При попытках юристов бежать впереди, в напрасной спешке угнаться за информационными изобретениями рождаются реальные вместо виртуальных проблемы. Надо быть осторожными в признании объектами права чего-то из виртуальной реальности, блуждающего в информационном пространстве (сети Интернет). Например, создаваемое судебным правотворчеством регулирование криптовалют и связанных с ними отношений под признанием пробельности регулирования смутных отношений приводит к легализации виртуальных денег и к возложению обязанностей «обналичить» их реальными деньгами. Судебными решениями возлагались обязанности передать пароль для доступа к криптокошельку, что порождало проблему исполнимости таких решений[1].

Второе направление – творческое для юридической науки внедрение информационных технологий в правовую деятельность, т.е. в правотворчество и правоприменение в соответствии с пп. «д» п.21, пп. «а», «в» п.30, п. 37, 38, пп. «д», «е» п.40, пп. «з» п.41 Стратегии, разд. V Программы (применение в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, обеспечивающих повышение качества и эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы; создать российское общесистемное и прикладное программное обеспечение, обеспечить использование и внедрение российских информационных и коммуникационных технологий в органах государственной власти

[1] *Аршинова В.* Формирование цифрового права // Адвокатская газета. 2018. № 12 (269). С. 12–14.

Российской Федерации, компаниях с государственным участием, органах местного самоуправления; обеспечить актуальность научно-исследовательских приоритетов и последовательное развитие прикладных решений на основании передовых фундаментальных научных исследований; разработка и реализация планов цифровой трансформации органов власти, государственных учреждений).

В этом направлении, в отличие от первого, правоведы должны быть инициаторами совместной работы с программистами. Но они в основном выступают либо заведомыми скептиками, либо созерцателями чуда, которое снизойдет к ним само по себе.

В основном юристы пассивно ждут от информатики даров. Дождались справочно-информационных систем («КонсультантПлюс», «Гарант»), «электронного правосудия», которым в действительности является подача процессуальных документов в суд в электронной форме, извещение заинтересованных лиц о процессе с использованием сайтов судов, фиксация доказательств и хода судебного заседания и т.п. Но это не связано с процессом оценки доводов и доказательств участников судебного спора и вынесения решения по делу. В создании названных продуктов информатики, кардинально облегчивших работу юристов, роль правоведов малоизвестна. Разве что практиков-юристов. Например, Адвокатской палаты Пермского края (А.И. Григорьев, П.А. Яковлев) в создании действующей программы автоматического выбора адвокатов для оказания юридической помощи по назначению.

Много мечтаний об электронном судье. Но это создать и подарить юристам программисты, не знающие процессуального и материального права, самостоятельно уже не в состоянии. Есть успехи в создании программы, которая способна не только обрабатывать большой массив законодательства, но и системно толковать его и даже спорить с юристом, приводя контраргументы толкования права[1]. Но эту программу инициировали уже юристы.

В отличие, например, от шахмат, где «машина» превзошла человека, судья не борется с человеком, а решает спор двух людей. В правосудии нужна оценка доводов всех спорящих и аргументация решения спора. Поэтому нужно создавать не судью-машину, а, образно говоря, программу - автоматическую коробку передач для облегчения работы судьи.

Кафедрой теории и истории государства и права ПГНИУ начата работа по созданию программы вынесения судебного решения с условиями:

- не устранение личности судьи из процесса принятия решения, а создание ему строгих условий движения по стадиям правоприменения и юридической аргументации в соответствии с требованиями закона и юридической науки, чтобы исключить неправовые основания вынесения решений;

[1] См. поединок программы и юриста: https://www.youtube.com/watch?v=2IUZnvjN9Z8.

- программа для своей практической востребованности должна не увеличивать, а сокращать дефицит времени судьи. Заполнение форм программы в процессе судебного разбирательства должно быть одновременно написанием мотивированного судебного акта.

Деканом юридического факультета ПГНИУ С.Г. Михайловым на кафедру введена должность программиста. Существенную помощь оказывает заведующий кафедрой информационных технологий профессор Е.К. Хеннер. В настоящее время программа составлена на уровне фильтра юридических фактов, подлежащих доказыванию по мнению участников дела. Для составления форм толкования права, преодоления пробелов и коллизий в праве написаны научные работы, в том числе выполнены исследования студентами (Бушуевой Н.В., Колосовой Ю.Д., Казаковой А.Н., Порохниной А.А.).

Отдельной темой названного направления, к которой еще мы не приступали, должно быть создание программы правотворчества – для создания «защиты от дурака» в правотворчестве, соблюдения в этом процессе правил юридической техники и социальной адекватности нормативных правовых актов. Это возможно в русле подготовки в магистратуре специальности «Юридические технологии в правотворчестве и применении права» специалистов особой юридической профессии – «норморайтеров», идею о которой изложил на Восьмом пермском конгрессе ученых-юристов в октябре 2017 года профессор В.М. Баранов[1].

Превращение правовой материи в программное обеспечение – скрупулезная работа, требующая творчески одержимых людей. Острейший дефицит их в студенческой массе – главная проблема. К сожалению, основная масса студентов – носители, как сказано в п.16 Стратегии, клипового мышления, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Они пригодны для подготовки пользователей информационными технологиями, но трудно найти тех, кто хочет создавать информационные технологии для правотворчества и правоприменения. Набор в магистратуру по специальности «Юридические технологии в правотворчестве и применении права», в русле которой создаются такие технологии, неудовлетворительный. Необходимо искать пути поиска молодежи не с клиповым мышлением и заинтересованности их в творческой работе. Тестовые и дистанционные формы обучения, исключающие общение студентов с преподавателями, и споры в постановке и решении проблем, стремительно расширяющиеся в угоду экономии средств на образование, в геометрической прогрессии стремительно распространяют эпидемию клипового мышления. Рост расходов, необходимых для обучения в магистратуре и аспирантуре, заставляет способных выпускников

[1] *Баранов В.М.* Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.

нижних ступеней высшего образования делать выбор в пользу заработков на пропитание, а не высоких технологий. Так экономия государства на образовании и науке обеспечивает нарастающее признанное государством отставание России в гонке информационных технологий. И далее во всем.

Библиографический список:

1. *Аршинова В.* Формирование цифрового права // Адвокатская газета. 2018. № 12 (269). С. 12–14.

2. *Баранов В.М.* Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.

УДК 34:007

ЦИФРОВЫЕ ОНТОЛОГИИ ПРАВА И ЦИФРОВОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

И.В. Понкин,
доктор юридических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»,
Институт государственной службы и управления
119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 84
E-mail: i@lenta.ru

А.И. Редькина,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры спортивного права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина»
125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9
E-mail: juriste.ap@gmail.com

Аннотация: статья посвящена исследованию и интерпретации понятий цифрового правового пространства и цифровых онтологий права. Авторы исследуют понятие «онтология» применительно к сфере права. Авторы обращаются к вопросу об особенностях влияния цифровизации на право. В статье рассмотрен вопрос о возможности релевантной программной формализации права. Авторы исследуют концепты правовых онтологий, понятие и формы цифрового правового пространства. В статье поднят вопрос о цифровой онтологической инженерии в праве.

Ключевые слова: цифровой универсум, цифровая онтология права, онтология, онтологическая инженерия, цифровое правовое пространство, информационное право.

DIGITAL LAW ONTOLOGIES AND DIGITAL LEGAL SPACE

I.V. Ponkin,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
84, avenue Vernadskogo, Russia, Moscow, 119571
E-mail: i@lenta.ru

A.I. Redkina,
Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaua st., Russia, Moscow, 125993
E-mail: juriste.ap@gmail.com

Annotation: the article is devoted to the study and interpretation of the concepts of the digital legal space and digital ontologies of law. The authors examine the concept of «ontology» as applied to the sphere of law. The authors turn to the question of the peculiarities of the influence of digitalization on the right. The issue of the possibility of relevant program formalization of law is considered in the article. The authors explore the concepts of legal ontologies, the concept and forms of the digital legal space. The article raises the question of digital ontological engineering in law.

Keywords: digital universe, digital ontology of law, ontology, ontological engineering, digital legal space, information law.

Абрис проблемы

В условиях экспоненциального роста сложности правового пространства возникает необходимость поиска новых автоматизированных способов управления нормативными массами, массивами (правовыми отраслями (классическими и комплексными), подотраслями, институтами (отраслевыми и межотраслевыми) и субинститутами), нормативными горизонтами, нормативно-правовыми векторами (развивающимися направлениями правового регулирования), нормативно-правовыми режимами.

Современные процессы упрощения законодательства[1], омологирования нормативно-правового дизайна[2], редуцирования энтропийности в законодательстве[3] наталкиваются на то, что нормативно-правовая «вселенная»[4] всё более выраженно превращается в классическую сложную, открытую, динамическую систему.

Ещё Ганс Кельзен писал, что «нормативная система, которая представляет себя в качестве правопорядка, имеет в основном динамический характер»[5].

[1] *Понкин И.В.* Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного управления // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 8–12.

[2] *Барциц И.Н.* Конституционный дизайн: Образ государства и образ эпохи. М.: Дело, 2018. 60 с.

[3] *Понкин И.В.* Энтропия, негэнтропия и порядок в публичном управлении и в праве // Право и образование. 2016. № 9. С. 11–20.

[4] Нормативно-правовая «вселенная» – всё право в конкретном государстве, или в рамках региона мира, или на планете Земля, в динамике. – Прим авт.

[5] Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов. Вып. 2. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 73.

По словам Г.В. Мальцева, «право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной»[1].

Но, согласно Л.А. Растригину, сложная система рождена и существует, вовсе не для того, чтобы ею кто-то управлял, ибо она «не любит» управления по причине «независимости» своего существования от целей субъекта, стремящегося управлять ею[2].

Ситуация в значительной степени осложнена тем, что, как обоснованно указывают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, объектами правового воздействия ныне становятся во всё большей мере «цифровые сущности», при этом «цифровые технологии способны менять образ права», появляются новые онтологии права, например – «циклические правовые массивы в условиях цифровой реальности», цифровизация в целом оказывает существенное влияние на форму права[3].

Вместе с тем сегодня тематический горизонт цифрового права, цифровой экономики, искусственного интеллекта, применения технологий Blockchain в правоприменении и в государственном управлении очень сильно зашлакован разнообразной весьма вольной лексикой, используемой в большинстве случаев без критического осмысления тех феноменов, процессов и отношений, которые она призвана описывать и объяснять. Переизбыток некритического восприятия (даже избыточного восхищения) всего того, что именуют инновациями, усложняет возможности релевантного отбора и использования терминологических рядов, линеек маркеров и признаков.

Но во всём этом есть и релевантная составляющая, отражающая действительно имеющие место прорывные инновации, реально существующие проекты, феномены, процессы, отношения, которую и надлежит отделить от указанной зашлакованности.

Цифровые технологии уже сегодня позволяют эффективно автоматизировать и администрировать правовое обеспечение в ряде сфер[4].

В условиях интенсивной «цифровизации», пишут Т.Я. Хабриева и

---

[1] *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма – Инфра-М, 2011. С. 70.

[2] *Растригин Л.А.* Адаптация сложных систем: Методы и приложения. Рига: Зинатне, 1981. С. 43–44.

[3] *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 96, 98, 89–93, 99.

[4] *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. 30.05.2018. № 7578 (115). С. 1, 4. Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / Институт гос.-конф. отношений и права. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

Н.Н. Черногор, происходит трансформация, модификация сферы правового регулирования, таковая становится мультисодержательной, соответственно, «задача юристов – придать этой реальности правовую форму»[1]. И совершенно необходимо развитие теоретического базиса, позволяющего поспеть за всеми этими изменениями.

Вопрос о возможности релевантной компьютерно-программной формализации права

Сегодня в рамках концепта так называемого права второго модерна обсуждаются предложения ««упаковать» законы в программный код с целью обеспечения стройности, определённости и однозначности содержания нормативных актов»[2]. И хотя, как отмечает В.Д. Зорькин, «скорее всего, сторонники такого подхода преувеличивают его возможности и недооценивают вариативность общественных отношений, подлежащих регулированию, саму эту идею нельзя отбрасывать»[3].

На сегодня это один из сложнейших вопросов: возможна ли релевантная машинная формализация права без явного ущерба для эффективности права и для самой природы права?

Неслучайно Г.А. Гаджиев задаётся вопросом: «По сути, это тот самый основной для современной онтологии права вопрос: как найти разумное сочетание пространства права с его формализмом и беспристрастностью и пространства этики с его идеей справедливости?»[4]

Исследования по сопряжению компьютерно-программных ресурсов (искусственного интеллекта) и права ведутся уже свыше четырех десятилетий[5]. Ранние исследования в области правовой теории значительно способствовали концептуализации правовой области и привели к явным представлениям с использованием формальных языков. К наиболее ранним из таких представлений относят язык Торна Маккарти для юридического дискурса (LLD) и формальной логикой NORMA Рональда К. Стэмпера. Язык Торна Маккарти LLD базировался на множестве терминов, по существу, интегрально представляющих собой специфический юридический домен: ведётся автоматизированный учёт терминов для отражения и маркиров-

[1] *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 96, 102.

[2] *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. 30.05.2018. № 7578 (115). С. 1, 4.

[3] Там же.

[4] *Гаджиев Г.А.* Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма – ИНФРА-М, 2013. С. 26.

[5] См.: *Rissland E., Ashley K., Loui R.* AI and Law: A fruitful synergy // Artificial Intelligence. 2003. Vol. 150. № 1–2. Pp. 1–15. *Bench-Capon T.* What Makes a System a Legal Expert? // JURIX, ser. Frontiers in Artificial Intelligence and Applications. 2012. Vol. 250. Pp. 11–20. *Prakken H., Sartor G.* Law and logic: A review from an argumentation perspective // Artificial Intelligence. 2015. Vol. 227. Pp. 214–245.

ки материальных объектов и неосязаемых объектов. С использованием таких терминологических рядов юридический дискурс моделируется в форме установлений юридических норм первого порядка и модально-основанных установлений второго порядка, поддерживающих время, события, действия и деонтические проявления[1]. С другой стороны, Рональд К. Стэмпер утверждал[2], что выражение юридических знаний в форме правил чрезмерно упрощает и ограничивает право. Вместо этого он предложил логику форм и привилегий. Эта логика была названа им NORMA и была призвана описывать сущности, основанные на поведении, а не на значении истинности. NORMA включает понятия, которые моделируют агентов, их поведенческие инварианты и их действия[3].

Релевантное решение может быть найдено через задействование концептов правовых онтологий, правовых порядков, правовых универсумов (ландшафтов, пространств).

Концепты правовых онтологий

Потребности в онтологическом подходе в доступе к нормативным знаниям уже давно обоснованы[4].

Как пишет Е.Г. Драгалина-Черная, «развитие онтологической инженерии (ontological engineering), успешно использующей логические методы в построении прагматически ориентированных онтологий предметных областей (domain ontologies), возродило интерес к старой проблеме взаимосвязи логики и онтологии. Онтология… вновь обретает интеллектуальную

[1] *McCarty L.T.* A language for legal Discourse. I. Basic features // ICAIL ‘89 Proceedings of the 2nd international conference on Artificial intelligence and law. New York: ACM Publications, 1989. Pp. 180–189.

[2] *Stamper R.K.* The role of semantics in legal expert systems and legal reasoning // Ratio Juris. 1991. Vol. 4. № 2. Pp. 219–244. *Stamper R.K.* Signs, information, norms and systems // Signs of Work / B. Holmqvist and P. B. Andersen (eds.), Berlin: Germany, De Gruyter, 1996. Pp. 349–397.

[3] D3.1. Ontology-based access to normative knowledge / MIREL (MIning and REasoning with Legal texts). Luxembourg: Université du Luxembourg, 2017. 31 p. P. 6. Перевод цит. цитаты – по переводу, выполненному В.П. Куприяновским и С.А. Синяговым.

[4] См, например: *Bench-Capon T.J.M., Visser P.R.S.* Open texture and ontologies in legal information systems // IEEE Comput. Soc Database and Expert Systems Applications. 8th International Conference, DEXA’97. Proceedings (Toulouse, 1–2 Sept. 1997). Piscataway (New Jersey, USA): IEEE, 1997. Pp. 192–197.

респектабельность, в то время как логика всё настойчивее задается вопросом о собственных основаниях и границах»[1].

В общем значении, согласно интерпретации Ю.И. Волокитина, В.П. Куприяновского и др., «онтология – технология (и результат её задействования) всеобъемлющей и подробной формализации некоторой области знаний с помощью концептуальной схемы», в том числе «посредством задействования формализованных онтологических языков и инструментов, которые уже стали мировыми стандартами»[2]. Но это – лишь одно из значений лексемы «онтология» применительно к рассматриваемой области.

В значении самостоятельной (в чём-то рафинированной) теории понимание правовой онтологии смыкается с теоретическими построениями Ганса Кельзена, писавшего, что «чистая теория права занимается фактическими составами лишь в той мере, в какой они представляют собой содержание правовых норм, т.е. определены правовыми нормами. Её предмет – специфическая, подчиняющаяся собственным законам область смысла»[3].

Согласно (в определённой мере развивающей эти взгляды Ганса Кельзена) концепции Г.А. Гаджиева, юридический концепт действительности с точки зрения онтологии права – это одна из важных методологических категорий, это онтологическая структура. Правовая реальность и реальность права – это самостоятельные категории онтологии права. Понятие «правовая реальность» гораздо шире, чем понятие «реальность права». Специфичность онтологии права состоит в том, что это особый модус бытия – бытие-долженствование. Онтология права имплицитно определяет не только предметную сферу, границы мира права, но и возможности познания и сам характер, дизайн знания[4].

Согласно нашему концепту, **термин «онтология» (применительно к сфере права) интерпретируется и объясняется следующими способами:**

1) интегральный инструмент формализованной концептуализации и топологизации сферы права и, шире, сферы юридических знаний (правовой науки, профессионально-экспертной сферы знаний и т.д.);

---

[1] *Драгалина-Черная Е.Г.* Формальные онтологии как абстрактные логики // Логические исследования. Вып. 12. М.: Наука, 2005. С. 162–169. С. 162.

[2] *Волокитин Ю.И., Куприяновский В.П., Гринько О.В., Покусаев О.Н., Синягов С.А.* Проблемы цифровой экономики и формализованные онтологии // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. № 6. С. 87.

[3] Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1987. <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1146>.

[4] *Гаджиев Г.А.* Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма – ИНФРА-М, 2013. С. 27, 30, 124, 141.

2) средство конструирования и/или репрезентации правовой реальности (действительности)[1] и правового универсума (правового пространства, правового ландшафта);

3) аппроксимированная к условно-идеальному правовая форма;

4) научное учение о бытии и формах бытийствования права;

5) специфические формы (дискретные или длящиеся) бытийствования правовых норм (и правовых массивов), правовых феноменов, правовых процессов (в значении, объяснённом одним из авторов настоящего материала – И.В. Понкиным[2]) и правоотношений, фреймированные определёнными нормативно-правовыми порядками и нормативными экстра-правовыми порядками, в том числе деонтологическими (ценностно-нормативными) порядками.

Что касается четвёртой позиции в списке выше, то, согласно Г.А. Гаджиеву, «правовая онтология – учение о мире права и формах его существования. Практическая онтология права представляет собой её часть, выступая связующим звеном между философией права и практической юриспруденцией. По сути, это применение философско-правовых выводов о мире права для решения сложных проблем юриспруденции, причём порой таких сложных, что кажется, что у них вообще никогда не будет решения… Онтология права в качестве объекта познания рассматривает один из сегментов бытия человека – правовую реальность. Она систематизирует онтологические категории, имеющие отношение к миру права. Практическая значимость онтологии права состоит в том, что она представляет собой разновидность методологической науки, причём не всеобщей, а отраслевой, юридической»[3].

Соответственно, под **цифровой онтологией права** обоснованно понимать всё вышесказанное, экстраполированное на виртуальный (цифровой) универсум (виртуальную среду).

К вопросу о цифровом правовом пространстве

Согласно авторскому определению одного из авторов настоящего материала (И.В. Понкина), в юридико-техническом (инструментальном) понимании **юридическое (правовое) пространство** есть представляемое про-

---

[1] См.: *Гаджиев Г.А.* Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма – ИНФРА-М, 2013. С. 27 и др. *Дидикин А.Б., Оглезнев В.В.* Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2012. 200 с. *Хорунжий С.Н.* Доктринальные аспекты правовой среды. Воронеж: Научная книга, 2014. 231 с. *Золкин А.Л.* Философия права: Уч. М.: Юнити-Дана, 2012. 383 с.

[2] *Понкин И.В.* Понятие «процесс» в праве и в публичном управлении // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 2. С. 11–30.

[3] *Гаджиев Г.А.* Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма ИНФРА-М, 2013. С. 123, 278.

странство, выражающее матрицу, в рамках и на основе которой каждому элементу совокупности правовых норм, нормативно-правовых актов, правовых и юридически-значимых явлений, отношений и событий, субъектов и объектов публичного управления, публично-правовым и другим правовым отношениям атрибутируются свои наборы параметров (спецификаций), привязывающих их к определённому «образу места» в этой матрице, а также определяется, как формальное право, как формальная правовая система взаимодействует (в рамках такой топологии) с субъектами и объектами публичного управления сообразно конкретным обстоятельствам (предоставляя определённую свободу такого взаимодействия)[1].

Это определение релевантно ориентировано и применимо и в отношении **цифрового правового пространства.**

Обоснованно выделять две **формы цифрового правового пространства:**

– пассивное цифровое (виртуальное) пространство, в котором просто электронными (программно-компьютерными) средствами воссоздано пространство правовое, как универсум (среда) системного размещения и хранения всей совокупности текстов нормативно-правовых и иных нормативных актов государства, текстов документов правореализации, договоров, стандартов и т.д. (то есть как банальная «кладовка» хранения текстов нормативно-правовых и иных актов и документов, пусть и цифровая, и даже с продвинутой эргономикой пользования ею и интеллектуальными системами поиска и интерреляций);

– активное цифровое (виртуальное) пространство, в котором вся нормативно-правовая масса принудительно (в рамках спроектированных концептов, функционалов и топологии) релевантно упорядочивается (в том числе иерархизируется и иным образом интеррелируется), автоматизируется и администрируется.

В научной литературе встречаются разные подходы, но, в общем, к линейке основных минимальных (ординарных) онтологических единиц в онтологии права относят (надо думать, список неполон):

– текст правовой нормы и (на несколько более высоком уровне) нормативный правовой акт; добавим сюда норму технического правового регулирования, а также норму иной, помимо права, системы нормативной (экстра-правовой) регламентации, а равно соответствующий акт;

– юридический спор;

– единицу правовой риторики (что сюда относить – предмет дискуссии);

– ординарное («простое») правоотношение и др.

С цифровым правовым пространством связаны многие другие онтологические универсумы, и в частности – интеллектуальная цифровая экономика.

[1] Цит. по: *Понкин И.В.* К вопросу об определении понятия «юридическое пространство» в контексте публичного управления // Власть. 2014. № 1. С. 105–108.

Согласно нашей авторской дефиниции, **интеллектуальная цифровая экономика** – интегральный парадигмально-управленческий и технологический **концепт** дизайна (парадигмальные и ценностные основы, стратегия и топология, комплекс идей о топологии отношений) и связанный с ним концепт нормативно-правового и иного нормативного фреймирования (как жёстких, так и динамически изменяющихся относительно устойчивых правовых рамок – vinculum juris) общественных отношений и их соответствующего технологического обеспечения (сопровождения) в существующей в действительном (не виртуальном) мире экономике, **предусматривающий наложение** на такую экономику и на прошивающие её (взаимодействующие между собой) порядки – **искусственного порядка интеллектуальной электронной инфраструктуры** (находящейся в структурно-функциональном единстве или устойчивых интерреляциях совокупности информационно-телекоммуникационных, математических и компьютерно-программных платформ, инструментов и сервисов – инфраструктуры электронного правительства, инфраструктур корпоративного управления, технологий и ресурсов облачных и туманных вычислений и сервисов, «интернета вещей», «интернета транспортных систем и средств», быстродействующих интеллектуальных электронно-логистических платформ и др.), **обеспечивающего** «бесшовные» сложноструктурные функционально-целевые (корреально-функциональную и конкордантно-целевую) сопряжение и интегрирование массивов и потоков имущественных, управленческих, сервисных и коммуникационных ресурсов, а также обеспечивающего синергетические сопряжения потенциалов и усилий публичного сектора, общества (населения), частного сектора (бизнеса), иных акторов[1].

К вопросу о цифровой онто-инженерии в праве

Соответственно, речь должна идти о **«цифровом юртехе»**[2] или, согласно нашей концепции, о **цифровой юридической онто-инженерии – цифровой онто-инженерии (онтологической инженерии) в праве.**

---

[1] Цит. по: *Понкин И.В., Редькина А.И.* К вопросу о понятии интеллектуальной цифровой экономики и о некоторых детерминируемых ею вызовах в отношении сферы права интеллектуальной собственности // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества: XXII Междунар. конф. Роспатента (Москва, 19–20.09.2018): Тезисы докладов / Роспатент, ФИПС; сост. *Е.В. Королева, М.Ю. Комарова.* М.: ФМИПС, 2018. С. 62–67. С. 63–64.

[2] *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102. С. 102.

При этом термин «онтологическая инженерия» мы понимаем согласно устоявшимся в науке подходам[1].

Цифровая юридическая онто-инженерия имеет в своём арсенале специфические интегральные инструменты оперирования цифровыми онтологиями в праве, в числе которых (согласно нашему концепту):

– формализовано-администрирующая топологизация нормативно-правовых универсумов (пространств, ландшафтов) – на международном, общесударственном и субгосударственном уровнях, а также сложных иерархизаций и интерреляций внутри массивов нормативного правового регулирования и технического нормативного регулирования, в целом на мета-уровне – нормативно-правовой «вселенной» (с помощью технологий энтропийного управления, интеллектуальных семантических технологий и др.);

– маршрутизация и алгоритмизация проектируемых, реализуемых и контролируемых изменений в праве, с использованием технологий генетического и иного существенно омологированного поиска, интеллектуальных технологий управления и др.;

– внутренний интеллектуальный пруденциальный контроль (в том числе с помощью системных идентификаторов) должных (ожидаемых и приемлемых) параметров гомеостаза системы права и её структурных частей, а равно спроектированных (заданных спецификациями) иных их параметров;

– деконструкция и последующее сопряжённое с этим пересобирание (пересборка) отраслевого или подотраслевого нормативно-правового массива (как принципиально новый инструмент систематизации права).

Минимального (ординарного) уровня инструментом здесь может, в числе прочих, выступать правовое фреймирование.

Согласно теории фреймов Марвина Мински, «фрейм – это некоторая структура данных (образ); соответственно, субфреймы, фреймы и суперфреймы – это иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов; группы семантически близких друг к другу фреймов объединены в систему фреймов[2]. По Г.С. Поспелову, фрейм любого вида – это та минимально необходимая структурированная информация, которая од-

[1] См., например: *Gómez-Pérez A., Fernández-López M., Corcho O.* Ontological Engineering. With examples from the areas of Knowledge Management, e-Commerce and the Semantic Web. London: Springer, 2004. – xii; 403 p. *Волокитин Ю.И., Куприяновский В.П., Гринько О.В., Покусаев О.Н., Синягов С.А.* Проблемы цифровой экономики и формализованные онтологии // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. № 6. С. 87–96. *Заковоротная М.В.* Онтологическая инженерия, философская онтология: проблемы и перспективы совместного развития // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2. С. 13–20. *Чистякова И.С.* Инженерия онтологий // Інженерія програмного забезпечення. 2014. № 4. С. 53–68. *Драгалина-Черная Е.Г.* Формальные онтологии как абстрактные логики // Логические исследования. Вып. 12. М.: Наука, 2005. С. 162–169.

[2] *Минский М.* Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М.: Энергия, 1979. С. 7.

нозначно определяет данный класс объектов. Наличие фрейма позволяет относить объект к тому классу, который им определяется[1].

Фреймизация в праве, однако, может пониматься ещё и в ином значении – принудительной императивной постановки в правовые рамки отношений, традиционно относимых к сфере диспозитивной регламентации.

В этом смысле порядок выступает как фреймирующая онтологии права архитектура.

По Гансу Кельзену, правопорядок – порядок, создаваемый и применяемый одним индивидом в соответствии с его собственными предписаниями – обязывающий и управомочивающий других индивидов. «Если государство изображается как вышестоящая по отношению к индивиду инстанция, то это означает только то, что индивиды в качестве государственных органов создают и применяют нормы, которые регулируют поведение других индивидов, в особенности обязывают их вести себя определённым образом. Если же не пользоваться этой пространственной метафорой, то можно сказать, что правопорядок определяет фактические составы, посредством которых создаются правовые нормы, связывающие с человеческим поведением как условием санкции как последствия»[2].

Согласно авторской дефиниции одного из авторов настоящего материала (И.В. Понкина), **порядок** – это фактически существующая субстантивная (то есть обладающая самостоятельным, независимым существованием, в том числе – в силу свойства негэнтропии), или конвенциально (условно) презюмируемая (предсказуемая, полагаемая) либо проектируемая и/или искусственно создаваемая и поддерживаемая пространственно-временная, функционально-логическая, синтаксическая или морфологическая топология (схема, матрица) относительно стабильного состояния (в том числе состояния, обладающего некоторой инвариантностью, либо состояния стабильного развития) набора имеющих определённые фиксированные взаиморасположения и интерреляции объектов или элементов, в рамках и на основе которой [топологии] каждому такому объекту или элементу (каждой группе объектов или элементов) атрибутируются свои наборы параметров, привязывающих (постоянно или в течение временного промежутка) их к определённому «образу места» в этой топологии или к определённому состоянию[3].

Это определение релевантно ориентировано и применимо и в отношении описания телеологической (целевой) нагрузки оперирования цифровыми онтологиями в праве.

[1] *Поспелов Г.С.* Предисловие к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М.: Энергия, 1979. С. 3.

[2] Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов. Вып. 2. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 35.

[3] Цит. по: *Понкин И.В.* Теория государственного управления: содержание понятия «порядок» // Административное право и процесс. 2016. № 11. С. 8–10. С. 9.

Опыты оперирования цифровыми онтологиями в праве за рубежом

Вопросы оперирования цифровыми онтологиями в праве очень серьёзно уже сегодня рассматриваются в Европейском Союзе[1].

Так, высокий интерес представляет проект – MIREL (MIning and REasoning with Legal texts), посвящённый выработке подходов к онтологическому доступу к нормативным знаниям.

Основная цель выполнения проекта D3.1 – «дать описание онтологического представления правовых норм и запрашиваемых репрезентативных знаний». Такое представление, как заявляется, позволит использовать формальную, машино-считываемую семантику в сочетании с когнитивным механизмом, который будет использоваться для применения правовых норм[2].

Заключение

Сегодня из повсеместного массированного внедрения цифровизации (дигитализации) в отношении правового пространства, правового порядка и правовой действительности проистекает весьма много рисков и проблем, в большинстве случаев недооцениваемых и не учитываемых.

Так, В.Д. Зорькин артикулирует проблему и риск «атаки 51 %»: «при применении соответствующей технологии в сфере гражданско-правовых отношений теоретически существует вероятность осуществления так называемой «атаки 51 %», когда группа участников сети сконцентрирует в своих руках 51 % вычислительных мощностей и сможет таким образом начать действовать в своих интересах, подтверждая только выгодные для себя транзакции»[3].

И не замечать эти риски и проблемы становится невозможно. Прорывные инновации, поневоле создающие неразрешимые уже на сегодня правовые проблемы, неминуемо в последующем повлекут радикальные пересмотры некоторых фундаментальных правоведческих концептов и конструктов.

---

[1] См.: H2020 – Create-IoT Project. Deliverable 05.05. Legal IoT Framework (Initial) / Cross fertilisation through alignment, synchronisation and exchanges for IoT. Brussels, 2016. 42 p. D3.1. Ontology-based access to normative knowledge / MIREL (MIning and REasoning with Legal texts). Luxembourg: Université du Luxembourg, 2017. 31 p.

[2] D3.1. Ontology-based access to normative knowledge / MIREL (MIning and REasoning with Legal texts). Luxembourg: Université du Luxembourg, 2017. P. 5.

[3] *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. 30.05.2018. № 7578 (115). С. 1, 4.

Библиографический список:

1. *Барциц И.Н.* Конституционный дизайн: Образ государства и образ эпохи. М.: Дело, 2018. 60 с.

2. *Волокитин Ю.И., Куприяновский В.П., Гринько О.В., Покусаев О.Н., Синягов С.А.* Проблемы цифровой экономики и формализованные онтологии // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. № 6. С. 87–96.

3. *Гаджиев Г.А.* Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма – ИНФРА-М, 2013. 320 с.

4. *Дидикин А.Б., Оглезнев В.В.* Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. 200 с.

5. *Драгалина-Черная Е.Г.* Формальные онтологии как абстрактные логики // Логические исследования. Вып. 12. М.: Наука, 2005. 319 с.

6. *Заковоротная М.В.* Онтологическая инженерия, философская онтология: проблемы и перспективы совместного развития // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2. С. 13–20.

7. *Золкин А.Л.* Философия права: Уч. М.: Юнити-Дана, 2012. 383 с.

8. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета Столичный выпуск. 30.05.2018. № 7578 (115). С. 1, 4.

9. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма Инфра-М, 2011. 800 с.

10. *Минский М.* Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.

11. *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд / Институт гос.-конф. отношений и права. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

12. *Понкин И.В.* К вопросу об определении понятия «юридическое пространство» в контексте публичного управления // Власть. 2014. № 1. С. 105–108.

13. *Понкин И.В.* Понятие «процесс» в праве и в публичном управлении // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 2. С. 11–30.

14. *Понкин И.В.* Теория государственного управления: содержание понятия «порядок» // Административное право и процесс. 2016. № 11. С. 8–10.

15. *Понкин И.В.* Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного управления // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 8–12.

16. *Понкин И.В.* Энтропия, негэнтропия и порядок в публичном управлении и в праве // Право и образование. 2016. № 9. С. 11–20.

17. *Понкин И.В., Редькина А.И.* К вопросу о понятии интеллектуальной цифровой экономики и о некоторых детерминируемых ею вызовах в отношении сферы права интеллектуальной собственности // Роль интел-

лектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества: XXII Междунар. конф. Роспатента (Москва, 19–20.09.2018): Тезисы докладов / Роспатент, ФИПС; сост. *Е.В. Королева, М.Ю. Комарова*. М.: ФМИПС, 2018. С. 62–67.

18. *Растригин Л.А.* Адаптация сложных систем: Методы и приложения. Рига: Зинатне, 1981. 375 с.

19. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

20. *Хорунжий С.Н.* Доктринальные аспекты правовой среды. Воронеж: Научная книга, 2014. 231 с.

21. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1987. 195 с.

22. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов. Вып. 2. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. 213 с.

23. *Чистякова И.С.* Инженерия онтологий // Інженерія програмного забезпечення. 2014. № 4. С. 53–68.

24. Bench-Capon T. What Makes a System a Legal Expert? // JURIX, ser. Frontiers in Artificial Intelligence and Applications. 2012. Vol. 250. Pp. 11–20.

25. Bench-Capon T.J.M., Visser P.R.S. Open texture and ontologies in legal information systems // IEEE Comput. Soc Database and Expert Systems Applications. 8th International Conference, DEXA'97. Proceedings (Toulouse, 1–2 Sept. 1997). Piscataway (New Jersey, USA): IEEE, 1997. Pp. 192–197.

26. D3.1. Ontology-based access to normative knowledge / MIREL (MIning and REasoning with Legal texts). Luxembourg: Université du Luxembourg, 2017. 31 p.

27. Gómez-Pérez A., Fernández-López M., Corcho O. Ontological Engineering. With examples from the areas of Knowledge Management, e-Commerce and the Semantic Web. London: Springer, 2004. xii; 403 p.

28. H2020 – Create-IoT Project. Deliverable 05.05. Legal IoT Framework (Initial) / Cross fertilisation through alignment, synchronisation and exchanges for IoT. Brussels, 2016. 42 p.

29. McCarty L.T. A language for legal Discourse. I. Basic features // ICAIL '89 Proceedings of the 2nd international conference on Artificial intelligence and law. New York: ACM Publications, 1989. Pp. 180–189.

30. Prakken H., Sartor G. Law and logic: A review from an argumentation perspective // Artificial Intelligence. 2015. Vol. 227. Pp. 214–245.

31. Rissland E., Ashley K., Loui R. AI and Law: A fruitful synergy // Artificial Intelligence. 2003. Vol. 150. № 1–2. Pp. 1–15.

32. Stamper R.K. Signs, information, norms and systems // Signs of Work / B. Holmqvist and P. B. Andersen (eds.), Berlin: Germany, De Gruyter, 1996. Pp. 349–397.

33. Stamper R.K. The role of semantics in legal expert systems and legal reasoning // Ratio Juris. 1991. Vol. 4. № 2. Pp. 219–244.

УДК: 004.9:002

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С.И. Реутов,
кандидат юридических наук, профессор
профессор кафедры социальной работы и конфликтологии
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: reutovsi@rambler.ru

Аннотация: рассматриваются вопросы, связанные с распространением информационных технологий в мировом пространстве. Уделяется внимание характеристике нормативно-правовых актов, призванных регулировать вопросы развития информационного общества, цифровой экономики в РФ.

Ключевые слова: интернет, право, информационные технологии, цифровизация.

THEORETICAL AND NORMATIVE FRAMEWORK FOR THE IMPLEMENTATION AND DEVELOPMENT OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

S.I. Reutov,
Perm State University
15, Bukireva st., Russia, Perm, 614990
E-mail: reutovsi@rambler.ru

Annotation: the questions connected with distribution of information technologies in world space are considered. Attention is paid to the characteristic standard and legal the acts designed to regulate questions of development of information society, digital economy in the Russian Federation.

Keywords: internet, right, information technologies, digitalization.

Современное общество характеризуется тем, что глобальная сеть Интернет становится для всех граждан обычным явлением, информатизация охва-

тывает все сферы человеческой деятельности. Интернет представляет собой всемирную систему объединенных компьютерных сетей и образует глобальное информационное пространство. Если взять всю историю цивилизации, то Интернет очевидно представляет собой самое быстро растущее средство массовой коммуникации из всех, которые когда-либо существовали[1].

Интернет – это феномен, он объединяет весь мир. Сегодня этой глобальной сетью пользуются более 2 млрд человек, что составляет почти треть населения Земли. Интернет-отношения нуждаются в правовой регламентации. Прежде всего следует отметить те нормативно-правовые акты, которые определяют государственную политику в отношении развития и использования Интернета. Это: Федеральная Целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 годы)», утв. Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.

В целях развития информационного общества в Российской Федерации были приняты важнейшие нормативно-правовые документы: Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212; Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)», утв. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313.

Были приняты также специальные юридические документы, касающиеся информационной безопасности: Указ Президента РФ от 31.12.1993 г. (в ред. от 01.09.2000 г.) № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан па информацию», Указ Президента РФ от 17.03.2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена», Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации 05.12.2016 г. № Пр-646.

Важно отметить некоторые международно-правовые материалы, регулирующие вопросы защиты и управления Интернетом.

Декларация независимости киберпространства от Дж. Перри Барлоу от 08 февраля 1996.

Хартия прав человека и принципов для Интернета с точки зрения реализации социальных, экономических и культурных прав 2005 (Международный форум по управлению интернетом, IGF).

[1] *Мозолина О.В.* Публично-правовые аспекты международного регулирования отношений в Интернете: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 197 с.

Декларация принципов Всемирного саммита по информационному обществу (Женева, 2003) и Тунисская программа для информационного общества (WSIS, Тунис, 2005).

Манильские принципы ответственности информационных посредников подписаны 24 марта 2015 года по инициативе мирового гражданского общества (подписали более 100 организаций).

Декларация о развитии и совершенствовании нормативно-правовой базы в Восточной и Центральной Европе и Евразии для защиты свободы Интернета подписана 5 мая 2017.

Образованы общественные организации в защиту Интернета: «Общество защиты Интернета» (ОЗИ), Общественная организация «РосКомСвобода», Институт исследований Интернета (ИИИ), Ассоциация интернет-издателей, Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) и др.

Ежегодно в нашей стране проводится Общероссийский гражданский форум, основная цель которого – дискуссии по интернет-регулированию. В 2017 году в Москве состоялся пятый Общероссийский гражданский форум – ОГФ`2017. На этом форуме главной темой, которая обсуждалась на всех секциях, стал «диалог с государством». Отмечено, что информационно-коммуникационные технологии постоянно развиваются и совершенствуются. Они являют собой огромные возможности передачи, обработки и хранения информации, и в этом заключается их неоценимая роль[1].

Развитию Интернета способствуют созданные Академия Интернета, Интернет-университет, Академия Интернет-бизнеса. Последняя – первый в России центр обучения интернет-предпринимательству. Использование Интернета в процессе предпринимательской деятельности уже привело к появлению в нашем лексиконе такого понятия, как «электронная коммерция»[2].

Важно отметить возрастающее юридическое значение информации и информационных технологий. Информационные технологии (ИТ) стали одним из ведущих факторов прогресса цивилизации[3]. В п. 1 Окинавской Хартии Глобального Информационного Общества, принятой 22 июня на острове Окинава 2000 года, отмечается, что «информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ИТ быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики».

[1] *Малахов С.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: дисс. канд. юрид. наук. М., 2001. 208 с.

[2] *Малахов С. В.* Указ. соч.

[3] *Мирских И.Ю., Мингалёва Ж.А.* К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 430–445.

Невозможно переоценить роль использования возможностей информационно-коммуникационных технологий при урегулировании разногласий сторон. Как отмечает Миронова С.Н., это позволит в значительной степени обеспечить доступность защиты, что особенно актуально для ряда государств и территорий в силу их географического расположения, наличия и особенностей труднодоступных местностей, огромных территорий (Австралия, Индия, Россия, Канада, Филиппины и др.). Крайне важно ИТ и для простых граждан, особенно для лиц с ограниченными возможностями, а также для тех, кто просто находится далеко от места разрешения спора[1].

Мы считаем необходимым отметить следующие преимущества использования возможностей информационно-коммуникационных технологий в процедурах разрешения различного рода споров:

1) Возможность обеспечить доступность защиты, что особенно актуально для ряда государств и территорий.

2) Мгновенность передачи сообщений посредством сети Интернет, телефонной связи и проч. Это позволяет быстро разрешать конфликты, разногласия сторон, буквально в течение нескольких дней, а может быть, нескольких часов, сделать ту или иную процедуру более эффективной.

3) Возможность разрешения разногласий участвующих лиц в удобное время и удобной обстановке.

4) Экономичность урегулирования разногласий. Иными словами, есть возможность сэкономить на почтовых отправлениях, канцелярских расходах, на услуги представителя. Можно удачно сэкономить в расходах на поездки к месту разрешения спора, либо сократить их число, или их совсем не совершать. Такие ситуации становятся особенно актуальными для споров на незначительные суммы, а также на споры, осложненные иностранным элементом[2].

5) Повышение активности законотворческой деятельности по разработке и принятию нормативно-правовых актов, призванных урегулировать связанные с использованием Интернета соответствующие общественные отношения.

Видными зарубежными специалистами в области интернет-права являются: Майкл Гейст (Michael Geist), Дарелл Мент (Darell Menthe), Джонотан Зиттрэйн (Jonathan Zittrain), Дэйвид Пост, Дэйвид Джонсон и др.

В России известными специалистами в области информационного права и информационных технологий являются: Просвирнин Ю. Г. («Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве» дисс. докт. юрид. наук. 2002; Шамраев А.В. (Правовое регу-

[1] *Миронова С.Н.* Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. М.: Волтерс Клувер. 2010. 256 с.

[2] *Курочкин С.А.* Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 216 с.

лирование информационных технологий. Анализ проблем и основные документы. М.,2003); Тедеев А.А. Информационное право. М, 2005; Андреев Б.В., Вагонова Е.А. Право и Интернет: Учебное пособие. М.,2001; Серго А.Г. Пути разрешения конфликтов, возникающих при использовании доменных имен в сети Интернет : автореф. дис. . канд. юрид. наук: М., 2004; Бабкин С.А. Интеллектуальная собственность в глобальной компьютерной сети Интернет: проблемы гражданско-правового регулирования в России и США: Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. канд. юрид. наук: М., 2005; Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. канд. юрид. наук: Екатеринбург, 2009; Кокотова Е.И. Правовое регулирование применения информационных технологий в судах общей юрисдикции: автореф. дисс. канд. юрид. наук: М., 2009.

В последние несколько лет на фоне роста использования Интернета в экономике и объема электронной коммерции наблюдается повышение активности законотворческой деятельности. Так, 9 мая 2017 г. был принят Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы».

Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Цифровое правительство 2020. Перспективы для России. 2016 г.

В своем послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 года Президент РФ Владимир Путин отметил высокий потенциал развития отрасли информационных технологий в России, обозначил перспективу двукратного увеличения экспорта ИТ-продукции из России и указал на необходимость формирования в стране цифровой экономики, ориентированной на повышение эффективности всех отраслей за счет использования информационных технологий[1].

В другом выступлении на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 г. в Ново-Огарево Московской области Владимир Владимирович отметил, что формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России и что в текущем году только федеральные и региональные органы власти потратят на информационные технологии почти 200 миллиардов рублей[2].

Сейчас мало кого удивишь словами «цифровая экономика, цифровое телевидение, цифровое правосудие, Цифровое правительство» и т.п. В России

[1] Материалы заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 г., Московская область, Ново-Огарево // Официальный сайт Президента Российской Федерации - http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 15.01.2018).

[2] Материалы заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 г., Московская область, Ново-Огарево // Официальный сайт Президента Российской Федерации - http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 15.01.2018).

есть Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, совсем недавно в Государственной Думе образован специальный совет по развитию цифровой экономики. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) стал учредителем международного научно-практического журнала «Право и цифровая экономика». Вышел в свет первый номер этого журнала.

Создаются коммерческие организации, которые оказывают помощь в цифровом пространстве в вопросах, с которыми сталкиваются пользователи, владельцы веб-сайтов, IT, Телеком бизнес, такие как «Центр цифровых прав» («ЦЦП»). Цифровые технологии весьма активно используют библиотеки и музеи. Европейская Комиссия, являясь разработчиком проекта PULMAN, передала проект «Публичные библиотеки в век цифровой информации» для реализации публичным библиотекам России[1]. Моментально эта весьма актуальная тема находит воплощение на студенческих научно-практических конференциях[2].

Подобное можно сказать и о музеях. Например, Метрополитен-музей недавно запустил VR-приложение Small Wonders. Оно позволяет «побывать» в XVI веке на церковной службе в готическом соборе[3].

Цифровые технологии необходимы в практике при расследовании уголовных дел. П. С. Пастухов отмечает, что использование цифровых технологий, компьютерных средств, специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании позволяет оптимизировать деятельность следователя, сделать процесс собирания доказательств более эффективным[4].

Кроме того, в современное время, в условиях распространения искусственного интеллекта, постоянно увеличивающегося роста компьютерных преступлений, применение информационных технологий во всех сферах правоохранительной, экономической, регулятивной деятельности является необходимым, неизбежным и самым перспективным направлением развития для обеспечения безопасности личности, общества и государства[5].

Принципы цифровизации применяются в нашей стране в промышленности, например, при реализации высокотехнологичных проектов, (пример тому – самолет «МС-21», двигатель ПД-14, головной атомный

[1] https://nauchforum.ru/studconf/gum/xix/5343.

[2] *Какаева Л.Г.* Роль публичных библиотек в образовании российского студенчества в век активного внедрения цифровых и интернет-технологий // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 12 (18). URL: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/12(18).pdf (дата обращения: 29.08.2018).

[3] https://te-st.ru/2017/10/31/museums-and-digital-technologies.

[4] *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 298–304.

[5] *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 231–236.

ледокол «Арктика»), в образовании. Так, Д. Гагарина – доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), сотрудник Центра цифровой гуманитаристики историко-политологического факультета ПГНИУ – в июле 2018 г. приняла участие в Европейском летнем университете по цифровой гуманитаристике (The European Summer University in Digital Humanities, ESUDH) в Лейпциге (Германия)[1].

Принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» – это более пятидесяти законопроектов, направлена на создание новой правовой базы, регулирующей IT-сферу, информационной инфраструктуры. Важно и то, что она направлена на обеспечение кибербезопасности, а также на повышение качества жизни граждан нашей страны. Немаловажно и то, что Программа будет способствовать повышению цифровой грамотности граждан, значительной организации поддержки цифровизации России[2].

Программа имеет также огромное значение для обеспечения социально-политической стабильности и устойчивого экономического развития страны[3].

На 2016 г. в Рейтинге развития электронного правительства ООН (E-government Development Rank) Россия занимает 35 место, в Индексе развития информационно-телекоммуникационных технологий (ICT Development Index – IDI) – 45 место[4]. В Индексе готовности к сетевому обществу (Networked Readiness Index – NRI – 41 место)[5].

Вместе с тем в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов отмечается, что информационные технологии недостаточно используются в социально-экономической сфере, государственном управлении и бизнесе, причиной тому дефицит кадров, недостаточный уровень подготовки специалистов, недостаточное количество исследований мирового уровня[6].

---

[1] https://www.facebook.com/permuniversity/posts/1027801930722296.

[2] *Городов О.А., Егорова М.А.* Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и цифровая экономика. 2018. № 1 (01). С. 6–12.

[3] Аналитические материалы к рабочим мероприятиям форума. ANALYTICAL MATERIALS FOR WORKING EVENTS OF THE FORUM 4–5 июня 2018 года, Москва 4–5 JUNE 2018, MOSCOW Международный форум «Развитие парламентаризма» http://duma.gov.ru/media/files/lxiFIGEAUa3MlXv2K7aN7M8QNR0sLNYW.pdf.

[4] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki / Индекс развития ИКТ.

[5] *Чубукова С.Г.* Стратегии развития информационного общества и направления развития законодательства // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 67–72.

[6] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов // URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/2016241101.

Для современной обстановки в стране важным и своевременным шагом является то, что разработан проект Концепции развития правового регулирования в сфере информационных технологий. Следует отметить, что основной закон Российской Федерации – Конституция – содержит более 30 нормативных правил, устанавливающих основные права и обязанности участников информационных правоотношений. Так, в ст. 29 закрепляются конституционные права на свободу информации, в ст. 23 – права на неприкосновенность частной жизни, включая тайну переписки и сообщений. Обязанность органов власти обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, закреплены в ст.24 Конституции РФ.

В соответствии с Концепцией предстоит внесение и изменение действующих нормативных актов, принятие новых федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов. Ведутся работы по разработке таких важных проектов федеральных законов, как: «О праве на информацию», «Об информации персонального характера», «Об электронной торговле», «О служебной тайне», «Об электронном документообороте» и др.

Принят ФЗ от 7 февраля 2017 года №13-ФЗ (вступил в силу с 1 июля 2017) «Об усилении административной ответственности в области защиты персональных данных». Действует Положение «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения (ЕГИССО)» утв. пост. Правительства РФ от 14 февраля 2017 года №181.

Проекты законов, положения и др. нормативно-правовые акты разработаны и приняты в других сферах деятельности (например, разработан Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ» и др.). Кстати, Правительство РФ своим постановлением № 723 от 18.06.2017 г. утвердило «Правила предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета федеральным государственным образовательным организациям высшего образования». Субсидии выдаются на развитие онлайн-обучения, создание единого информационного ресурса онлайн-курсов. На эти цели в федеральном бюджете предусмотрен один миллиард рублей: в 2017 году – 400 миллионов рублей и по 300 миллионов рублей – в 2018 и 2019 годах.

Следует отметить, что в целях реализации вышеуказанных правовых документов в регионах принимаются и реализуются соответствующие правовые акты. Например, губернатор Пермского края в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Россий-

ской Федерации на период до 2024 года» своим Указом от 13 июля 2018 г. № 66 утвердил «Положение о Единой краевой автоматизированной системе Открытого Правительства Пермского края. («Управляем вместе»)».

Все это свидетельствует, что в 2017 г. в Российской Федерации наметился новый этап развития экономики страны, который сопровождается необходимостью правовой регламентации применяемых цифровых технологий, повышения степени информированности граждан. Разработка и принятие новых нормативных правовых актов, корректировка действующей нормативной базы должны сопровождаться проведением научно-исследовательских работ.

Важно отметить, что в современном мире многие государства (США, Великобритания, Канада, Германия, Украина и др.) весьма активно внедряют информационно-коммуникационные технологии в национальные судебные системы. В Сингапуре электронная форма подачи документов и направления извещений является обязательной и применяется при рассмотрении всех гражданских дел. Декрет от 28 декабря 2005 г. ввел в Новый кодекс гражданского процесса Франции возможность ведения дела и обмена документами (предъявление иска, заявление ходатайства, вызов в судебное заседание, ознакомление с материалами дела, направление копий и выписок решений и проч.) в электронной форме[1]. В Израиле в январе 2007 г. приступили к реализации проекта полностью автоматизированной системы обработки данных во всех судах страны. В некоторых странах успешно проводятся мероприятия по обеспечению открытости правосудия. Например, Канадским судебным департаментом был подготовлен проект реформы «Открытый суд, электронный доступ к судебным актам и конфиденциальность». Английский ученый Л. Вулф утверждает, что в ближайшем будущем информационные технологии станут основой судебной системы[2].

В Российской Федерации поэтапно разрабатываются и осуществляются меры по внедрению электронного цифрового правосудия. В частности, приняты такие акты, как: Концепция информатизации судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента, утв. Советом судей РФ 29 октября 1999 г. Постановление Президиума Совета судей от 27 января 2000 г. № 8 «О стратегии продвижения информационных технологий в федеральные суды общей юрисдикции и систему Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации», Постановление Совета судей РФ «О поэтапном развертывании Федерального и региональных центров внедрения информационных технологий, Концепция информационной политики

[1] *Малешин Д.Я., Филатова М.А., Ярков В.В.* Тенденции развития современного гражданского процесса (По материалам XIII Всемирного конгресса процессуального права, 2007 г.) // Вестник ВАС РФ. 2008. № 11.

[2] Woolf L. Access to justice: Final report. London, 1996. P. 284, 293.

судебной системы, утв. пост. Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 2001 г.

В нашей стране успешно внедряется Государственная автоматизированная система «Правосудие» (в рамках судов общей юрисдикции), утв. постановлением Совета судей РФ от 11.04.2002 № 75; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16 января 2007 г. № 20 «Об эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие», что позволяет быстро и экономично рассматривать дела, обеспечивать прозрачность правосудия, в частности, посредством проведения видеоконференций[1]. Примечательно, что вышла в свет интересная работа И. Катч и О. Рабинович-Эйни. «Цифровое правосудие. Интернет-технологии разрешения споров». М., Издательство «МЦУПК», 2018.

В Российской Федерации система использования ИТ в судебной системе еще не до конца развита, присутствуют пробелы в процессе регистрации и распределения документов, не предоставлен доступ в той мере, в какой он необходим лицам, участвующим в деле[2].

Общим недостатком для всех регионов, для всей России является незадействованный потенциал цифровизации отраслей экономики, и сейчас ученые работают над описанием и анализом процесса цифровизации практически всех отраслей экономики России. Важной государственной задачей является цифровизация в медицине, культурной сфере.

Следует отметить, что отдельные научные работы по вопросам цифровизации встречались значительно раньше. Например, в 2000 г. в Москве В. М. Минкин успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук на тему «Концептуальные и теоретические основы цифровизации национальной транспортной радиорелейной сети связи».

В. В. Путин, выступая на пленарном заседании ПМЭФ'17 (SPIEF'17) – Петербургский международный экономический форум, отметил, что цифровая экономика способствует созданию качественно новых моделей бизнеса, торговли, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, государственного управления, задаёт новую парадигму развития государства, экономики и всего общества[3].

В связи с этим очень важно сейчас в кратчайшие сроки сформировать принципиально новую нормативно-правовую базу для внедрения цифровых технологий во все сферы жизни. Кроме того, выступая на ПМЭФ'17, В. В. Путин отметил еще одну важную национального уровня задачу – «до

---

[1] *Миронова С.Н.* Использование сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. М.: Волтерс Клувер, 2010. 247 с.

[2] *Поддубный Е.О.* К вопросу об оптимизации деятельности судов в России посредством электронного правосудия // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 31–34.

[3] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667.

биться всеобщей цифровой грамотности. Для этого следует серьёзно усовершенствовать систему образования на всех уровнях: от школы до высших учебных заведений»[1].

Библиографический список:

1. *Городов О.А., Егорова М.А.* Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и цифровая экономика. 2018. № 1 (01). С. 6–12.

2. *Какаева Л.Г.* Роль публичных библиотек в образовании российского студенчества в век активного внедрения цифровых и интернет-технологий // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 12 (18). URL: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/12(18).pdf (дата обращения: 29.08.2018)

3. *Курочкин С.А.* Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации: автореф. дисс … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 216 с.

4. *Малахов С.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2001. 208 с.

5. *Малешин Д.Я., Филатова М.А., Ярков В.В.* Тенденции развития современного гражданского процесса (По материалам XIII Всемирного конгресса процессуального права, 2007 г.) // Вестник ВАС РФ. 2008. № 11.

6. Материалы заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 г., Московская область, Ново-Огарево // Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 15.07.2018).

7. *Мирских И.Ю., Мингалёва Ж.А.* К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 430–445.

8. *Миронова С.Н.* Использование сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. М.: Волтерс Клувер, 2010. 247 с.

9. *Мозолина О.В.* Публично-правовые аспекты международного регулирования отношений в Интернете: Автореф. канд. юрид. наук. М., 2008. 197 с. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat http://www.dissercat.com/content/publichno-pravovye-aspekty-mezhdunarodnogo-regulirovaniya-otnoshenii-v- internete#ixzz5OGhGUr9H.

10. *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С.: 298–304.

[1] См. Там же.

11. *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 231–236.

12. *Поддубный Е.О.* К вопросу об оптимизации деятельности судов в России посредством электронного правосудия // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С.: 31–34.

13. *Чубукова С.Г.* Стратегия развития информационного общества и направления развития законодательства // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 67–72.

14. Woolf L. Access to justice: Final report. London, 1996.

УДК 341.64:339

РАЗРЕШЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Н.В. Павлова,
кандидат юридических наук, доцент,
судья Верховного Суда Российской Федерации,
г. Москва
121260, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 15
e-mail: nnkpavlovs@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы внешнеэкономических споров, вызванные информатизацией общества, а также заключения международных коммерческих сделок в условиях экономических санкций.

Выявлены направления правового регулирования в сфере разрешения внешнеэкономических споров: запрос на судебную специализацию в сфере международных коммерческих отношений; внедрение ускоренных средств судебной защиты; развитие альтернативных способов разрешения внешнеэкономических споров; расширение спектра альтернативных способов разрешения споров за счет посредничества, частного и судебного примирения (или медиации). Приведен анализ пакета законопроектов о совершенствовании примирительных процедур, внесенный в 2018 г. Верховным судом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Ключевые слова: внешнеэкономические споры, международные коммерческие сделки, специализация судов, альтернативные способы разрешения споров, примирительные судебные процедуры.

RESOLUTION OF INTERNATIONAL ECONOMIC DISPUTES: CURRENT TRENDS

N.V. Pavlova,
Supreme Court of the Russian Federation,
15, Povarskaya str., Moscow, Russia, 121260,
e-mail: nnkpavlovs@mail.ru

The article deals with the current problems of international economic disputes caused by the informatization of society as well as international commercial transactions being conducted against a background of economic sanctions. There have been identified the following directions of legal regulation in resolving international economic disputes: judicial specialization in international commercial relations; introduction of accelerated judicial remedies; development of alternative ways to resolve international economic disputes; expanding the range of alternative ways to settle disputes through mediation, private and judicial reconciliation. The paper provides analysis of the package of bills aiming to improve conciliation procedures that was introduced by the Supreme Court of the Russian Federation to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2018.

Keywords: international economic disputes, international commercial transactions, specialization of courts, alternative methods to resolve disputes, judicial conciliation procedures.

Глубокие изменения, происходящие во многих сферах общественной жизни в последние 5 лет, настолько фундаментальны, что приобрели характер процессов трансформационного свойства[1], на повестке обсуждения даже появился термин – вызовы: поскольку разрешение этих задач – это определенный вызов человечеству, а юридических аспектов этих проблем – юридическому сообществу.

Это вызовы на адекватное правовое регулирование информационной среды, вопросов трансграничного движения денежных средств и разработку критериев, позволяющих быстро отграничивать злоупотребления в этой сфере от добросовестных операций, опосредующих международные ком-

[1] Если еще в начале XXI века мировая экономика достигла наивысшей в своем развитии степени интеграции национальных экономик, то глобальный кризис 2008 года и последующая длительная рецессия, как отмечают экономисты, показали, что свобода рынков в условиях сохранения политического суверенитета ведет к кризисному развитию национальных экономик, на смену неолиберализма пришла идеология эффективности протекционистских мер // Олейнов А.Г. Экономика международных отношений. М., 2018. С. 266-273.

мерческие сделки. Совершенно «перезревшую» форму приобрел вопрос разделения использования оффшорных юрисдикций и иных зон с особыми экономическими режимами в целях развития бизнеса и привлечения инвестиций и ситуации их применения для вывода капитала, необоснованного привлечения преференций.

Наконец, самый «горячий» вопрос – это вопрос эффективного регулирования внешнеэкономического оборота в условиях санкций (или мер экономического принуждения), а по сути, «скрытых» торговых войн. Ответы на которые в краткосрочной перспективе сводятся к поиску форм и методов встречной правовой реакции (реторсии), а в целях глубокого осмысления представляют собой оценку изменений в правовых режимах внешнеэкономической деятельности, режимах торгово-экономического сотрудничества, которые произошли на последнем этапе развития мировой экономики.

Такое сотрудничество, сопряженное с режимом так называемых санкций[1], рано или поздно потребовало соответствующей судебной реакции. Практически сразу встал вопрос о глубоком правовом судебном толковании столь чувствительной для экономики и бизнеса проблемы. Проблемы, важной для взаимодействия государств, действительно заинтересованных в развитии экономического и правового сотрудничества.

Во-первых, важно отметить, что в России такие меры экономического ограничения никогда не носили инициативного характера. В правовом плане мы всегда эти меры применяли только в режиме реторсий (ответных ограничений), поэтому в правовых актах никогда не именовали их санкциями (то есть мерами ответственности), только ответными мерами, то есть реакцией на соответствующие встречные ограничения.

Во-вторых, мы всегда полагали, что, несмотря на все последние изменения, судебная оценка этих отношений должна быть сбалансированной, основанной на нормах международного права и национального законодательства. Правовое решение этой проблемы, по сути – вызова этого времени, должно быть максимально проэкономическим, максимально удовлетворяющим интересам бизнеса, направленным на сохранение экономических связей сторон, бизнес которых и так достаточно пострадал в результате этих мер.

Что это означает в правовом смысле? Это значит, что правовые последствия, предусмотренные санкционным регулированием, должны применяться судами только действительно к нарушителям этого режима, то есть к лицам, пытающимся извлекать экономическую выгоду на территории Российской Федерации в обход установленных запретов. Права иных лиц, в частности лиц, перемещающих товары по территории Российской

[1] *Дораев М.Г.* Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. М., 2016; *Кешнер М.В.* Экономические санкции в современном международном праве. М., 2015.

Федерации в режиме транзита, должны защищаться судами на основании норм международного права и национального законодательства Российской Федерации. Именно такой подход сформулирован Верховным Судом Российской Федерации в текущем году и подлежит применению судами Российской Федерации во всех аналогичных случаях.

В основе этого подхода лежит позиция о том, что наполнение правового режима экономических санкций не может формулироваться без учета общепризнанных принципов права, системного толкования норм, регулирующих такие отношения. Одним из принципов международного экономического права является принцип свободы таможенного транзита, закрепленный во многих международных договорах. Сегодня ясность в правоприменение в результате судебного толкования внесена – базовый принцип международно-торгового сотрудничества обладает приоритетом, Россия является страной, доступной для международного торгового транзита. Следовательно, правовые последствия, связанные с изъятием и уничтожением товаров, привлечением к юридической ответственности не могут распространяться на лиц, перемещающих товары по таможенной территории Российской Федерации в режиме таможенного транзита. Оценка же поведения субъектов, пытающихся нарушать такие правовые режимы, в том числе под видом транзита ввозить товары для реализации в Российской Федерации, это задача конкретных судебных разбирательств, с которой суды Российской Федерации успешно справляются.

В условиях такой неопределенности, когда регуляторы еще только находятся в поиске подходов к разрешению вопросов, предприниматели, отечественный и зарубежный бизнес, инвесторы особенно рассчитывают на эффективную судебную защиту своих прав, на наличие адекватных природе конкретных споров форм и средств их разрешения как в публичном секторе – в сфере государственного правосудия, так и в сфере альтернативного разрешения споров.

Какие признаки свидетельствуют о том, что и в сфере разрешения споров необходимы особые изменения, вызванные вызовами времени? Что мы увидели в своей практике, в практике судов Российской Федерации?

Во-первых, изменился сам характер внешнеэкономического спора.

По сути, сегодня это уже не споры по поводу квалификации иностранного элемента и выбора применимого права. В настоящее время это уже комплексные правоотношения, затрагивающие не только коллизионные нормы государств. Это и серьёзные блоки, с одной стороны, законодательства государств и норм международного права о преференциях и льготах, с другой стороны, новое регулирование об ограничительных мерах, которое, на первый взгляд, не очень гармонирует с нормами о преференциях. С третей стороны, это и блок норм о предотвращении злоупотреблений (вывода капитала, использования преференций при отсутствии оснований и т.д.).

Во-вторых, изменился характер источников правового регулирования таких отношений. Это уже не только нормы национального права, даже коллизионные нормы, или международных договоров, это и акты международных организаций, причем конкурирующего свойства, это решения международных судебных органов, рекомендации международных специализированных организаций, обеспечивающие тем не менее унификацию правового регулирования в мире.

Эти усложнения на фоне борьбы за инвестиции ставят задачу встречного «упрощения», формирования благоприятного правового регулирования в сфере разрешения споров.

Во-первых, это формулирует запрос на судебную специализацию в сфере международных коммерческих отношений.

Специализация – это результат в отсроченной перспективе. Но результат очень эффективный и необходимый. Мы уже стали свидетелями, как это сработало в сфере экономики – сформировалось экономическое право, правовая определенность и единообразие практики, среда специализированных юристов, а значит, более эффективная защита прав в этой сфере. Иным примером стала специализация в сфере защиты интеллектуальной собственности – формирование определенной и актуальной судебной практики по самым насущным проблемам и представление об этом регулировании стало результатом создания Суда по интеллектуальным правам в Российской Федерации.

Применительно к разрешению международных коммерческих споров в государственных судах в странах различных регионов мира также явно наметилась тенденция к специализации. Попытки разных государств создавать специализированные инвестиционные суды, суды внешней торговли, суды разрешения международных коммерческих споров этому подтверждение.

Россия также идет по пути специализации в этом направлении – особая система арбитражных (государственных экономических) судов формирует подходы, вопрос дальнейшего развития международной коммерческой специализации в государственных судах России находится в постоянном изучении. В настоящее время в арбитражных (экономических) государственных судах выделены специализированные судьи, особенно в регионах, где количество таких споров велико (Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Дальний Восток). Вопросы разрешения международных коммерческих споров, споров с участием иностранных инвесторов являются предметом постоянного анализа и обобщения судебной практики. Так, итогом прошлого IX Форума государств Азиатско-Тихоокеанского региона стало Постановление Пленума Верховного Суда о рассмотрении арбитражными судами Российской Федерации дел по экономическим спорам, возникающих из отношений, осложненных иностранным элементом, № 23 от 27 июня 2017 года.

Постановление Пленума является результатом обобщения правовых позиций, которые формировались в судебной практике Российской Федерации более 20 лет. Оно направлено на то, чтобы продемонстрировать участникам международного коммерческого оборота подходы судов России к разрешению международных коммерческих споров.

Эти подходы очень современные, поскольку формировались и с учетом тех позиций, которые выработаны к решению аналогичных вопросов высшими судебными инстанциями большинства современных государств, а также наднациональными судебными органами.

В частности, правовые позиции, изложенные в Постановлении, совпадают с практикой Европейского Союза, унифицируемой на уровне Суда ЕС. Поскольку само правовое регулирование, а именно – нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о компетенции по экономическим спорам с иностранным элементом совпадают с подходами, содержащимися в европейских регламентах о юрисдикции, исполнении решений, оказании правовой помощи по торговым делам, обоснованно, чтобы и судебное толкование было унифицированным как на пространстве Европейского Союза, так и в Российской Федерации, а следовательно, знакомым как для отечественных, так и для европейских предпринимателей.

С другой стороны, при толковании института тесной связи спорного правоотношения как основания международной компетенции, который пришел в континентальные процессуальные кодексы, в том числе в АПК РФ из англо-американского права, учитывались подходы, сформировавшиеся в судебной практике государств данной правовой семьи. Это делает понятными правовые позиции, изложенные в Постановлении, не только для представителей европейского бизнес-сообщества, но и для представителей бизнеса из государств англо-американского права.

Текст Постановления изложен как алгоритм рассуждения судьи, последовательность действий суда, при рассмотрении дела по спору, осложненному иностранным, международным элементом.

Важное практическое значение приобретает разъяснение, основанное на материалах конкретных дел и содержащее подход к разрешению ситуации, при которой стороны в пророгационном соглашении указывают на арбитражные суды Российской Федерации, но не указывают конкретный арбитражный суд. В таком случае предлагается руководствоваться нормами Арбитражного процессуального кодекса о подсудности споров. А в тех случаях, когда нормы АПК о подсудности не позволяют установить подсудность экономического спора, спор подлежит рассмотрению в Арбитражном суде Московской области, подсудность которого определяется в порядке аналогии закона применительно к норме части 7 статьи 38 АПК РФ.

Сформулированы также правовые позиции, направленные на предотвращение процессуальных злоупотреблений со стороны участников

трансграничных разбирательств. Так, представлен механизм пресечения возможных попыток нивелировать юрисдикцию суда, который приступил к рассмотрению дела по существу: сторона лишается права возражения против компетенции после своего первого заявления по существу спора. Так, она теряет право ссылаться на наличие ранее заключенного пророгационного соглашения, третейского соглашения, приводить доводы об отсутствии, по ее мнению, тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации. Таким образом, предотвращать возможные злоупотребления предлагается на основе принципа процессуального estoppel (потери права на возражение) по аналогии закона – нормы пункта 5 части 1 статьи 148 АПК РФ, сформулированной в отношении третейских разбирательств. Аналогичная практика применительно к спорам, рассматриваемым в третейских судах, международных коммерческих арбитражах, сформирована Верховным Судом России. Примером может служить спор, рассмотренный Судебной коллегией по экономическим спорам буквально накануне, 19 сентября (305-ЭС18-6787 от 21.09.2018, Общество «Элит Девелопмент» против ИП Макеева А.Н.), в котором сторона, проигравшая разбирательство в третейском суде, пыталась затем дезавуировать решение третейского суда любыми способами, однако в нарушение признанного алгоритма оспаривания отсутствия компетенции третейского суда, прежде всего, в самом третейском суде. Такое поведение было признано недобросовестным процессуальным поведением, к действиям был применен принцип estoppel, стороне было отказано в судебной защите.

В равной степени участники внешнеэкономических споров заинтересованы в использовании и внедрении ускоренных средств судебной защиты. Это второе направление совершенствования средств разрешения внешнеэкономических споров на настоящем этапе.

Введение обеспечительных мер, в том числе предварительных обеспечительных, а также приказного и упрощенного производств, способствовало приведению процессуальной формы разрешения международных коммерческих споров в Российской Федерации, как и всех иных споров, к международным стандартам. Современный оборот заинтересован в исключении сутяжничества, пуризма, формализма. Заинтересован в быстром восстановлении спорных отношений. Такой институт, как сокращенный или предварительный судебный акт, который затем становится окончательным, если стороны его не обжалуют или не ходатайствую о более пространном судебном акте, или немотивированный судебный акт, в настоящее время стал современным стандартом, известен многим правовым системам.

Развитие альтернативных способов разрешения внешнеэкономических споров – это третье важнейшее направление современного периода.

На первый взгляд – это, вроде бы, и не новость. Но особенность исторической ситуации последних лет характеризуется явными попытками использо-

вания этих правовых институтов, задуманных для защиты прав, в неправовых целях, с одной стороны (вывода имущества из банкротной массы, легализации денежных средств). С другой стороны – для манипуляции этими средствами, о чем свидетельствуют, в частности, вышесказанные примеры. И особенность этого момента состоит в том, что одни и те же стороны демонстрируют такое поведение по параллельным делам, в зависимости от того, кем они выступают в деле: проигравшей или выигравшей стороной в третейском суде.

В связи с этим эффективное и современное правовое регулирование и единообразная судебная практика являются, на наш взгляд, средствами обеспечения баланса в этих отношениях и залогом развития альтернативных средств разрешения споров.

Проведенная 2016-2017 г.г. в результате обобщения правовых позиций судебных органов законодательная реформа третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража заложила серьезную основу для благоприятного развития этих институтов на профессиональной основе и минимизации злоупотреблений. Последующая судебная практика тем не менее продемонстрировала ряд вопросов, которые потребовали осмысления и формулирования единообразного подхода.

Проблема легализации денежных средств на основе третейских решений и вывода активов из конкурсной массы. Эта проблема была разрешена на основе мер организационного характера через процессуальное участие субъектов – органов, обладающих информацией о происхождении средств. Вопрос вывода активов из банкротства разрешен на основании традиционного для сферы международного коммерческого арбитража института – оговорки о публичном порядке. Подобное поведение участников гражданского оборота, фактически направленное на создание искусственной задолженности, при отсутствии доказательств обратного, представляет собой использование юридических лиц для целей злоупотребления правом, то есть находится в противоречии с действительным назначением юридического лица как субъекта права. В равной степени такие действия являются и формой незаконного использования третейского разбирательства, поскольку направлены не на обращение к третейскому суду как средству разрешения спора согласно его правовой природе, а на использование третейского разбирательства в целях злоупотребления правом. Такие интересы судебной защите не подлежат (например, определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.2017 305-ЭС16-19572 Банк «Открытие» против ООО «НОРДСТРОЙ»).

Равно как и не подлежат судебной защите доводы стороны – юридического лица, лица, ведущего предпринимательскую деятельность, заключившей третейское соглашение (арбитражную оговорку), а затем предполагающей дезавуировать ее по мотиву отсутствия денежных средств на уплату третейского сбора (определение Верховного Суда Российской Фе-

дерации от 12.07.2017 307-ЭС17-640 общество «Редиус-Т» против «ГСЕ Красс»). Факт тяжелого финансового положения стороны – коммерческой организации – не может сам по себе свидетельствовать о неисполнимости арбитражной оговорки, а также не обязывает государственный суд рассмотреть заявленные требования по существу при наличии действительной и исполнимой арбитражной оговорки.

Вопросы арбитрабельности споров, несмотря на состоявшуюся законодательную реформу, продолжают являться предметом судебного контроля. Все мы знаем, что попытки формулировать перечни – дело не очень благодарное, поскольку велика угроза что-либо не учесть или включить лишнее. В настоящем случае норма, и это отмечают специалисты, не совсем удачна, поскольку объединяет и публично-правовые споры, и гражданско-правовые споры. В связи с этим традиционно применяемый при рассмотрении таких дел подход об анализе характера спорных правоотношений не может быть удачным. Тем более что ряд категорий споров в настоящее время по-разному регулируется в законодательстве государств. В частности, ставший предметом недавнего судебного анализа Верховного Суда Российской Федерации вопрос об арбитрабельности споров компаний с серьёзной долей государственного участия по-разному регулируется в государствах, в частности, отдельные страны, в том числе Азиатско-Тихоокеанского региона, страны – участники настоящего Форума – признают такие споры ограниченно арбитрабельными – требующими согласия компетентного государственного органа на участие такой компании или учреждения в третейском разбирательстве. Верховный Суд России в данном случае сформулировал правовую позицию, согласно которой вопросы арбитрабельности – это компетенция законодателя, если не доказаны иные аспекты нарушения публичного порядка. Поскольку вопрос неарбитрабельности споров с участием компаний с государственным участием, в том числе в отношениях закупок, не названы в качестве неарбитрабельных или частично неарбитрабельных напрямую законодателем, а иные элементы публичного порядка, например, расходование бюджетных средств, не доказаны сторонами, спор был признан арбитрабельным (определение 305-ЭС17-7240 от 11.07.2018 Дело Мосинжпроект).

Изложенная ситуация продемонстрировала и необходимость реформирования самого международного коммерческого арбитража (третейского суда) в аспекте внедрения принципа публичности. Именно по причине нарушения этого принципа вопросы арбитрабельности в вышеуказанных отношениях стали предметом дискуссии. Именно поэтому мировое сообщество сегодня всерьёз задумывается над темой публичности арбитража, разрабатываются международные договоры о создании публичного арбитража, чтобы общество (значит, публичный порядок) могли осуществлять эффективный контроль за отношениями. На первый взгляд, это совершенно противоречит природе арбитража как конфиденциального средства. Но

в этом и состоит вызов времени – модернизация института при соблюдении баланса в спорных правоотношениях.

Четвертое направление – расширение спектра альтернативных способов разрешения споров за счет посредничества, частного и судебного примирения (или медиации).

Верховный Суд Российской Федерации внес 18 января 2018 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации пакет законопроектов о совершенствовании примирительных процедур.

Документы являются весьма актуальными и затрагивают три процессуальных кодекса: Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальные кодексы и Кодекс административного судопроизводства.

Принимая это решение, Верховный Суд России исходил из того, что предприниматели и юридические лица заинтересованы в быстром и эффективном разрешении споров. Еще более важна своевременная защита прав физических лиц в семейных, имущественных отношениях, в отношениях с государством и его органами.

Главная новация законопроекта состоит во введении в отечественную правовую систему дополнительно к уже известному институту частной медиации института судебного примирения. Вместе с тем законопроект не ограничивается только детальной регламентацией судебного примирения, он более глубоко, по сравнению с действующим законодательством, закрепляет вопросы взаимодействия государственного правосудия и частной медиации. Это сделано для того, чтобы в российском обществе полноценно «заработали» оба института: и судебное примирение, и частная медиация.

Судебное примирение является современным международным стандартом.

На необходимость содействовать примирению в суде указано в Рекомендации Комитета министров Совета Европы – о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды, принятой еще в 1986 году.

В использовании судебного примирения мы далеко не первые. Институт судебного примирения широко используется в различных странах (в частности, в Республике Беларусь, Великобритании, Республике Казахстан, Словении, Германии, Королевстве Нидерландов, Канаде, США и др.). Более того, эффективнее институт примирения развивается в тех странах, которые внедрили не только частную, но и судебную медиацию.

К осуществлению функций судебных примирителей предлагается привлекать судей в отставке и работников аппарата суда, имеющих высшее юридическое образование и стаж работы в области юриспруденции не менее пяти лет, не работающих с судьей, рассматривающим спор по существу.

Помимо возможности участия в судебном примирении, стороны будут вправе на любой стадии рассмотрения дела инициировать проведение

процедуры медиации (частного примирения). Стороны не ограничены в выборе посредника и могут прибегнуть к услугам медиатора либо избрать судебного примирителя, который утверждается судом.

Законопроект исходит из того, что примирительные процедуры, в том числе медиация, могут проводиться и по делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства судами общей юрисдикции или арбитражными судами. Такой подход будет способствовать нахождению сторонами взаимоприемлемого результата урегулирования спора, в том числе и по спорам, где одной из сторон является государственный орган, орган местного самоуправления.

Подобный опыт имеется в ряде зарубежных стран – Германии, Королевстве Нидерландов, Великобритании, Франции, Австралии, где существует обязательный досудебный порядок урегулирования публично-правовых споров, в том числе с использованием медиации, в связи с чем до стадии судебного рассмотрения доходит незначительное количество подобных споров.

Законопроект, по сути, закрепляет два вида стимулов для обращения к примирению:

экономический стимул – дифференциация возврата государственной пошлины – при примирении часть уплаченной пошлины будет возвращаться, объем возвращаемой пошлины будет зависеть от стадии судебного разбирательства, на которой стороны достигли примирения. Следовательно, чем раньше достигнуто примирение, тем больше средств возвращается;

временной стимул – законопроектами о реформе процессуального законодательства, которые также сегодня находятся на рассмотрении законодателя, предполагается увеличение (в среднем в два раза) сроков рассмотрения дел в судах. Примирение будет обеспечивать более быстрое разрешение конфликта.

Предлагаемая модель судебного примирения исключает риски коррупциогенности, поскольку процедуры судебного разбирательства и примирения разграничены.

Во-первых, по субъектному составу, когда судья и его аппарат, работающие по конкретному делу, совершенно отграничены от процедуры примирения, примирение осуществляют не связанные с судебным разрешением спора субъекты.

Во-вторых, суд не связан никакими доводами примирителя. В отношения с судом по вопросам результатов примирения вступают исключительно стороны.

В-третьих, мировое соглашение, достигнутое в результате примирения, оценивается судом на основе классических принципов: законности, защиты интересов третьих лиц, в том числе интересов публичного порядка.

Принятие данного пакета законопроектов позволит сделать существенный шаг на пути создания доступных и эффективных механизмов урегули-

рования споров. Это, в свою очередь, будет способствовать не только повышению качества правосудия за счет оптимизации судебной нагрузки, но и создаст условия для снижения конфликтности, укрепления социальных и деловых связей, становлению и развитию партнерских отношений, формированию уважительного отношения к закону в российском обществе.

Количество международных коммерческих споров в практике судов Российской Федерации в последние годы неуклонно растет. С 2010 г. количество дел только с участием одного вида иностранного элемента – иностранных субъектов – к настоящему времени возросло более чем в 4 раза и составляет около 8 тысяч дел. Практически всегда это дела очень непростые. Около полутора тысяч судебных поручений иностранных судов поступило в арбитражные суды Российской Федерации в истекшем году. Более 50 заявлений иностранных лиц о применении обеспечительных мер.

Показательно, что процент выигранных иностранными участниками дел в государственных арбитражных судах России составляет около 60%. Это свидетельствует о справедливом, сбалансированном подходе судов, о том, что специализированное отношение к международным коммерческим спорам дает свои результаты. Предложенные направления совершенствования процедуры разрешения внешнеэкономических споров направлены на то, чтобы разрешение этих споров было еще более эффективным, а судебные процедуры унифицированными мировым стандартам, понятным участникам международных коммерческих споров из различных юрисдикций.

Библиографический список:

1. *Дораев М.Г.* Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. М., 2016. 216 с.

2. *Кешнер М.В.* Экономические санкции в современном международном праве. М., 2015. 184 с.

3. *Олейнов А.Г.* Экономика международных отношений: учебное пособие. М., 2018. 388 с.

УДК 342.8(470+571)

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

И.С. Вагин,
кандидат юридических наук,
председатель совета
Пермского отделения ассоциации юристов России,
председатель Избирательной комиссии Пермского края
614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, д.51, каб. 918
E-mail: elect@permkray.ru

Аннотация: в статье излагается основной путь цифровизации выборов в новейшей истории России с 1993 до 2018 годы. Описываются основные современные электоральные технологии, используемые при проведении выборов, выделены их положительные и отрицательные стороны. Во второй части статьи описаны три пути перспективного использования современных цифровых технологий при проведении выборов, а также возможные плюсы и минусы их внедрения.

Ключевые слова: выборы, удобство избирателей, цифровые технологии, избирательные комиссии, безопасность.

EVOLUTION OF THE ELECTORAL SYSTEM IN RUSSIA

I.S. Vagin,
Perm branch of Russian's lawyers association,
Election Commission of the Perm region,
51, Lenina st., room 918, Perm, Russia, 614000
E-mail: elect@permkray.ru

Annotation: describes the main way of digitalization of elections in the modern history of Russia from 1993 to 2018. The beginning of the article describes the main actual electoral technologies. The author highlights their positive and negative sides.

The second part of the article describes three ways of perspective use of digital technologies during the elections and possible advantages and risks of their implementation.

Keywords: elections, voter's comfort, digital technologies, election committees, security

Новейшая история избирательной системы началась в 1993 году. Тогда еще результаты голосования подводились вручную и заносились в протоколы от руки, подсчёт вели на счетах и на бумаге.

Следующей вехой развития избирательной системы стал 1995 год – год начала работы ГАС «Выборы» – основы современного избирательного процесса.

Система позволяет существенно ускорить подведение итогов выборов. Например, в 1993 году до получения бумажных копий протоколов из регионов невозможно было говорить даже о промежуточных или предварительных результатах голосования. На это уходило по 3-4 дня, теперь данные в ТИК заносят в систему и они мгновенно «видны» на региональном и федеральном уровнях. Первые результаты появляются через 2 часа после закрытия первых УИК на Дальнем Востоке.

Кроме того, ГАС «Выборы» позволяет защитить данные от взлома и модификации как за счёт программного кода, так и за счёт собственных криптозащищенных каналов передачи данных, не зависящих от сетей общего пользования. Благодаря наличию в открытом доступе контроля результатов голосования в разрезе каждой УИК система обеспечивает открытость и гласность избирательного процесса, прежде казавшегося недоступным для общественности. И, наконец, использование ГАС «Выборы» сделало возможным систематизировать данные, проводить аналитику и исследовать электоральный процесс.

Тем не менее система ГАС «Выборы» достаточно архаична, поскольку не доходит до уровня УИК и не представляет возможности отказаться от бумажных документов. До сих пор необходимо тратить время на физическую доставку бумажной версии протокола в ТИК.

Кроме того, операторы системы – специально обученный штат сотрудников региональных и территориальных избиркомов. В случае внедрения ГАС «Выборы» до уровня участковых комиссий необходимо будет обучить и их операторов. В Пермском крае 1784 УИК, все это приведет к удорожанию и без того затратного содержания, обслуживания и доработки ГАС «Выборы».

Следующей вехой в эволюции избирательной системы стал 2003 год, ознаменовавший появление КОИБ. Это был первый автоматизированный комплекс голосования. С течением времени модификации устройств улучшались. Так, последняя версия КОИБ уже оснащена технологией изготовления QR-кодов на итоговом протоколе УИК, а также сенсорным управлением и источником бесперебойного питания.

Как и любая автоматизация избирательного процесса, использование КОИБ значительно ускоряет подведение итогов голосования. Кроме того, использование комплексов обработки избирательных бюллетеней направлено на повышение доверия к выборам, поскольку полностью исключает

возможность «вброса» или доступа в урну в процессе голосования, а также исключает возможные ошибки и человеческий фактор при подведении итогов голосования. Защита данных обеспечивается автономностью устройства ввиду отсутствия подключения к интернету. Таким образом, отсутствует возможность прямой пересылки данных в ТИК и ГАС «Выборы».

Однако оснастить все избирательные участки КОИБами не представляется возможным ввиду дороговизны оборудования и его обслуживания: один КОИБ в среднем стоит 250 000 руб. Обслуживание одного КОИБ в год – около 20 тыс. руб. В Прикамье на 1784 УИК всего 203 КОИБ. Поэтому ЦИК приняла решение на региональных выборах дооснащать комиссии КОИбами за счёт имеющихся в наличии в других регионах, а также рекомендовать регионам закупать КОИБы за счёт регионального бюджета.

В 2006 году появились еще одни устройства для голосования посредством сенсора – КЭГи. Однако они не получили логического продолжения развития: прежде всего, они не обеспечивали должный уровень доверия голосованию со стороны общественности, так как бумажные бюллетени при таком виде голосования не используются, производить контрольный пересчёт не представлялось возможным. В связи с этим, а также из-за частых поломок, ненадежности и чрезвычайной дороговизны эксплуатации после 2011 года КЭГи в России не закупались.

Следует отметить, что в нашей стране уделяется беспрецедентное внимание обеспечению доверия общества к выборам. Именно поэтому в 2012 году на выборах Президента России повсеместно было организовано видеонаблюдение. С тех пор в Пермском крае, в отличие от многих регионов России, эта технология используется на всех региональных и федеральных выборах. С 2017 года видеонаблюдение в Прикамье помимо УИК организовано и во всех 55 ТИК, с 2018 года трансляция видеонаблюдения со всех избирательных участков, оборудованных видеокамерами, впервые велась онлайн.

Помимо повышения доверия к выборам и обеспечения открытости избирательного процесса, видеонаблюдение позволяет исключить жалобы и спорные ситуации в связи с возможностью просмотра записи. Например, у нас вообще нет жалоб на организацию голосования на таких УИК. Кроме того, эта технология очень удобна для кандидатов и партий, которые не смогли направить своих наблюдателей на все УИКи, так как видеонаблюдение позволяет наблюдать за голосованием на большом количестве УИК одновременно. Как и все технологии, оборудование видеонаблюдения на УИК затратно. На последних выборах оно составило порядка 10 млн для бюджета, при оборудовании только крупных УИК (порядка 50%). Возможно, эти затраты можно было бы снизить, если бы оборудование не приходилось демонтировать и устанавливать на каждые выборы вновь.

Другая современная цифровая технология, используемая в наши дни, – оснащение специальным защитным и одновременно информационным QR-кодом итоговых протоколов УИК.

В апреле 2017 года Пермский край одним из первых в России протестировал данную технологию на выборах. С тех пор она применяется на всех избирательных участках в Прикамье. Для её использования во все УИК на время выборов предоставляются компьютеры и принтеры. Специально предустановленная программа после введения данных подсчета голосов проверяет так называемые контрольные соотношения (правильность проведения подсчета и заполнения протокола), кодирует их и распечатывает готовый итоговый протокол с QR-кодом, который впоследствии сканируется в ТИКе и сразу попадает в ГАС «Выборы». Таким образом, эта технология также позволяет ускорить процесс подведения итогов.

Например, первый протокол в 2013 году был введен в 20:50, а последний в 9:31 утра, на выборах в 2018 году первый ввод осуществлен уже в 20:19, а последний в 4:46. Таким образом, экономия времени составила порядка 5 часов.

Кроме того, технология исключает логические и математические ошибки при составлении протокола, исключен и «человеческий фактор» при внесении данных в ГАС «Выборы», а наблюдатели могут оперативно получить результат голосования.

Использование QR-кода – это значительный шаг на пути к модернизации избирательного процесса. Но сегодня стало очевидно, что вся избирательная система в своем существующем виде слишком архаична и ресурсозатратна. Несмотря на то, что избирательная система обеспечивает определенный уровень доверия со стороны общественности, она требует значительной модернизации.

Законодательство о выборах в нашей стране, пожалуй, самое детализированное и объемное во всем мире. В существующем количестве инструкций для членов ТИК и УИК просто невозможно не запутаться, каждый шаг регламентирован с правовой точки зрения, более того, ни одни выборы у нас не проходят по одним и тем же законам. В Прикамье осуществляют свои полномочия почти 18 тысяч членов избиркомов, что составляет около 1 % от всех зарегистрированных избирателей. Учитывая среднюю явку в 40 %, получается, один человек обеспечивает голосование 44 человек. При этом огромные суммы из бюджета затрачиваются, с одной стороны, на сами УИКи, а с другой стороны, на «контроль» за ними.

В этих правилах игры все возможные шаги по автоматизации процесса уже предприняты, и все последующие изменения требуют глобальной трансформации самого подхода к избирательному процессу в нашей стране. С одной стороны, это обеспечение этого доверия к выборам и обеспечение избирательного права абсолютно всех категорий граждан (у нас до сих пор

есть деревни, в которых проживает 1 – 2 избирателя), а с другой стороны, это удобство для остальной массы избирателей, которые уже не готовы тратить свое время в выходной и голосовать «под прицелом» толпы наблюдателей и журналистов, это молодежь, которая привыкла все делать через Интернет и так далее. Эта «развилка» встает ребром при выборе дальнейшего пути модернизации избирательной системы. Нам видится три возможных варианта.

I. Модернизация ГАС «Выборы», интеграция УИК

ГАС «Выборы» – это огромная отработанная система, обеспечивающая безопасность данных и ускорение подведения итогов голосования при обеспечении открытости данных. Логичным видится довести ее до каждого избирательного участка. Эта инициатива обсуждается с 1995 года. По сути, она и создавалась с ориентиром на оснащение УИК доступом к общей базе. Интеграция каждого УИК в общую систему сэкономит время на ввод данных в ГАС «Выборы»: результаты будут появляться сразу после подведения итогов голосования на УИК. Кроме того, это обеспечит автоматизацию изготовления и контроля движения части документов строгой отчётности УИК, что подразумевает также защиту от внешнего вмешательства и от ошибок и опечаток.

Однако этот вариант отличается чрезвычайной дороговизной. Только в Пермском крае ежегодное обслуживание ГАС «Выборы» на УИК обойдется в год порядка 60 млн руб., проведение каналов связи до каждого УИК будет стоить несколько сотен млн рублей. Кроме того, необходимо будет решить вопросы сохранности оборудования, защиты от несанкционированного доступа, т.к. помещения УИК находятся в школах, ДК, библиотеках и других общественных зданиях.

Исходя из этого возникает закономерный вопрос: что же важнее в современных условиях для граждан, государства, участников выборов: безопасность и защищенность систем подсчета или быстрота подведения итогов с сохранением необходимости доверия результатам выборов, переданных через открытые каналы связи.

II. Электронные списки избирателей, отсутствие привязки к УИК, передача данных по Интернет

Естественно, эти суммы неподъемны как для нашего региона, так и для всей страны. Менее затратным вариантом цифровизации избирательного процесса является оснащение УИК доступом в Интернет и специализированным ПО. Этот вариант видится логичным и необходимым в развитии технологии QR-кода. Для реализации технологии QR-кодирования все УИКи уже оснащены компьютерами. Большинство из них находится в учреждениях социальной сферы, уже имеющих высокоскоростной до-

ступ в Интернет. Это позволяет при минимальных затратах обеспечивать подключение компьютеров в УИК к сетям общего пользования. Таким образом, QR-код с каждого протокола будет передаваться по Интернет на транзитный сервер, а оттуда в ГАС «Выборы».

Эта технология ускорит ввод данных и подведение итогов голосования в разы: данные после подсчета направляются через Интернет, вводятся в ГАС «Выборы» немедленно после проверки, не дожидаясь бумажной версии протокола, на доставку которого уходит иногда 5-7 и более часов.

Однако здесь встает неизменный вопрос обеспечения безопасности передачи данных и самого транзитного сервера, и, соответственно, доверия общества к защищенности технологии.

С другой стороны, при этом варианте становятся видны перспективы и становится логичным перевод списков избирателей в электронный вид. Шаги в данном направлении были предприняты при введении заявительного порядка в 2017 году, когда избирателю стало возможным голосовать на любом удобном ему УИК.

Если пойти дальше в этом направлении, то перевод бумажных книг избирателей (сведений об избирателях) на электронные позволит голосовать не только на УИК, но и в любых удобных пунктах или со специальных устройств. К примеру, электоматы можно установить в проходных местах, можно снабдить этой функцией банкоматы и так далее.

Этот вариант развития обеспечивает:

- удобство для избирателей из-за отсутствия привязки к УИК по месту регистрации;

- невозможность повторного голосования (при голосовании будет ставиться отметка и отправляться в общую базу);

- возможность голосования на УИК тем избирателям, кто привык к традиционному голосованию.

Минусами подобной технологии являются, прежде всего:

1. Вопросы безопасности хранения и доступа в базу данных;
2. Необходимость разработки специального ПО и установки специальных устройств, а также снабжение избирателей специальными идентификационными системами;
3. Возможность раскрытия персональных данных избирателя или тайны его голосования;
4. Возможность голосования за другого избирателя;
5. Недоверие к голосованию со стороны общественности из-за невозможности «надзора» за избирателем.

Таким образом, полагаем, что обеспечение доступа в сеть общего пользования во всех УИК сегодня является одним из наиболее перспективных, реальных и современных направлений при относительно небольших бюджетных затратах.

Однако при его внедрении необходима готовность общественности к доверию к безопасности системы и результатам выборов, проработка вопросов защиты персональных данных и баз избирателей, доступа к базам, а в случаях повторных вводов протоколов или ошибках – возможности исправления сведений.

При этом очевидным минусом останется дублирование части функций на бумажном носителе.

В целом описанные выше тенденции ведут в будущем к ликвидации УИК ввиду отсутствия необходимости в них и перевод голосования сугубо в виртуальную плоскость.

III. Online-голосование

Будущее невообразимо без виртуальных технологий, они позволяют человеку, не выходя из дома, решать многие вопросы. Уже сейчас через мобильные приложения мы вызываем такси, записываемся к врачу, заказываем еду, оплачиваем счета, заказываем справки в госорганах и многое другое. Рано или поздно встанет вопрос и о голосовании через Интернет, это лишь вопрос времени.

Для этого необходимо учкесть два условия: это обеспечение доверия к результатам такого голосования и обеспечение всех граждан Интернетом. И если последнее рано или поздно настанет, то вопрос доверия и есть тот краеугольный камень, который заставляет продумывать способы обеспечения защиты данных.

Блокчейн технология может стать новым шагом в осуществлении прозрачности старых методов. Данные о пользователе и его голосе при этом будут находиться в зашифрованном виде на различных компьютерах, подключенных к сети Интернет, и будут недоступны для изменения, контроля голосования, взлома или «утечки».

При этом случае верификация избирателя-пользователя возможна через:

- смс,
- личную регистрацию в комиссии,
- сим-карту, привязанную к паспорту,
- привязку ПО к мобильному устройству с конкретным хозяином,
- использование сторонних приложений с аутентификацией (напр. Сбербанк Online),
- электронную цифровую подпись,
- верифицированный аккаунт в социальных сетях или иных приложениях.

Этот вариант сейчас детально прорабатывается. Возможно использование для online голосования как уникальных мобильных приложений (как вариант базы – пермская разработка – «Мои выборы»), так и приложения «ГосУслуги».

Очевидными плюсами данного метода являются:

- простота использования,
- доступность для большинства избирателей,
- удобство голосования (возможно голосовать на любых выборах как из любой точки мира, так и из удаленных и труднодоступных местностей),
- исключение человеческого фактора,
- экономия ресурсов на охране помещений, коммунальных и прочих услугах, подготовке помещений для голосования,
- экономия на оплате членов УИК порядка 175 млн. рублей только в Пермском крае.

Однако есть и существенные минусы:

- недостаточная безопасность данных, возможность хакерской атаки,
- недоверие результатам подобного голосования,
- возможность голосования за другого человека,
- необходимость обеспечения тайны голосования,
- невозможность пересчета голосов, сложность защиты своих прав в суде для участников избирательного процесса.

Большинство из указанных минусов связаны с тем, что общество не знакомо с особенностями технологии блокчейн, соответственно, не доверяет результатам и полагает возможным вмешательства в итоговый или промежуточный результат.

И сегодня на нашей площадке есть те, кто поддерживает эту технологию, и те, кто не доверяет ей. Поэтому одной из целей нашего круглого стола будет разобраться с технологией и её возможностями применения на практике.

Тем более Центральная избирательная комиссия России всерьез рассматривает внедрение технологии блокчейн и одного или нескольких описанных элементов удаленного голосования в обозримом будущем. Подобные технологии будут обсуждаться на аналогичном круглом столе федерального уровня в ЦИК в ближайшие понедельник и вторник. Поэтому наше обсуждение и предложения в преддверие этого мероприятия очень актуальны.

Часть из предложенных нами вариантов может реализовываться региональными комиссиями в качестве «пилотных проектов», для части необходимо внесение существенных изменений в федеральное законодательство и достижение общественного консенсуса по вопросам защиты информации.

Сегодня мы хотели бы обсудить все имеющиеся и еще только перспективные варианты цифровизации не только собственно голосования и подсчёта голосов, но и информирования, а также текущей деятельности избирательных комиссий.

УДК: 347.73(470+571)

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ОБМЕН ФИНАНСОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В РОССИИ

О.А. Иванова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и финансового права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990. Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: oksanaivanova2011@mail.ru

Аннотация: статья посвящена аспектам международного обмена финансовой информацией, к которому приступает Россия. Целью обмена можно назвать противодействие уходу от налогов резидентов через финансовые институты за пределами национальной юрисдикции. Для эффективной работы должна быть разработана кадровая политика для осуществления процессов на местах, разработаны системы кодирования и пакет документов для передачи данных, обеспечена надежная защита передаваемой информации. Также должны быть заключены двусторонние соглашения с каждой страной, налажено взаимодействие на основе принятых нормативных актов с государствами, с которыми осуществляется обмен информацией. Необходимо оказывать методическую помощь финансовым институтам, передающим информацию, и обеспечить контроль за их деятельностью. Совместных усилий всех заинтересованных государств потребует создание общей политики при реализации миграционных программ в целях недопущения злоупотреблений при автоматическом обмене финансовой информацией.

Ключевые слова: налоговое право, международный стандарт для автоматического обмена налоговой информацией, Многостороннее Соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией, налоговый номер, финансовый институт, передающий информацию.

AUTOMATIC EXCHANGE OF FINANCIAL ACCOUNT INFORMATION IN RUSSIA

O.A. Ivanova,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: oksanaivanova2011@mail.ru

Annotation: the article is devoted to the aspects of international financial information exchange, which Russia is embarking on. The purpose of the exchange can be called counteraction of tax evasion of residents through financial institutions outside the national jurisdiction. For effective work, a personnel policy should be developed for the implementation of processes in the field, coding systems and a package of documents for data transmission should be developed, reliable protection of the transmitted information should be provided. Bilateral agreements should also be concluded with each country, and cooperation should be established on the basis of the adopted normative acts with the States with which information is exchanged. It is necessary to provide methodological assistance to reporting financial institutions and to monitor their activities. The joint efforts of all interested States will require the establishment of a common policy in the implementation of migration programmes in order to prevent abuse in the automatic exchange of financial information.

Keywords: tax law, Common Reporting Standard, CRS, Multilateral Competent Authority Agreement on automatic exchange of financial account information, Taxpayer Identification Number, reporting financial institution.

Процесс борьбы с оффшорами, инициированный государством, проводится с целью защитить налоговую систему от уклонения крупных компаний от уплаты налогов. В процессе финансовой интеграции произошли очень благоприятные изменения для межгосударственного налогового планирования. В полной степени исключить оффшорную деятельность остается невозможным, поэтому представители власти и налоговые инстанции активно работают над идентификацией реальных обладателей оффшорных организаций и ужесточением контроля над финансовыми операциями[1].

[1] Автоматический обмен налоговой информацией: список стран. Соглашение об автоматическом обмене налоговой информацией [Электронный ресурс]: BusinessMan.ru от 09.07.2017 г. Режим доступа: https://businessman.ru/avtomaticheskiy-obmen-nalogovoy-informatsiey-spisok-stran-soglashenie-ob-avtomaticheskom-obmene-nalogovoy-informatsiey.html (дата обращения: 10.08.2018).

Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам вступила в силу 1 июля 2015 года. Она предусматривает возможность обмена информацией и оказания помощи по взиманию налогов между государствами-участниками. Для реализации положений Конвенции 12 мая 2016 года ФНС России от имени Российской Федерации подписала многостороннее Соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29 октября 2014 года (МСАА CRS). Российская Федерация приступает к международному обмену финансовой информацией в 2018 году.

Глава 20.1 Налогового кодекса Российской Федерации устанавливает обязанность российских организаций финансового рынка по идентификации среди своих клиентов лиц, не являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации, и представлении сведений о таких клиентах и договорах с ними в ФНС России на ежегодной основе.

Список юрисдикций, с которыми Российская Федерация будет обмениваться информацией, содержится в приложении к Приказу ФНС России от 30 мая 2018 г. № ММВ-7-17/360@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией».

Процедуры идентификации, а также порядок и форматы представления данных организациями финансового рынка устанавливаются постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2018 г. № 693 «О реализации международного автоматического обмена финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств (территорий)».

Глобальной целью системы можно назвать противодействие уходу от налогов резидентов через финансовые институты за пределами национальной юрисдикции[1].

При присоединении к Конвенции МСАА любое государство имеет право следовать «принципу невзаимности». Это предполагает, что такая страна-участница обязуется передавать финансовую информацию о счетах налоговых плательщиков-резидентов других государств-участников Конвенции, но не будет получать от них данные о собственных резидентах-налогоплательщиках, так как некоторые оффшорные процессы предусматривают полную невыплату налогов, и для государства эта информация от других стран является бесполезной[2].

---

[1] *Ищенко А.* Глобальный надзор. Как будет работать обмен налоговой информацией между Россией и миром [Электронный ресурс]: Forbes.ru от 24.01.2018 г. Режим доступа: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/356115-globalnyy-nadzor-kak-budet-rabotat-obmen-nalogovoy-informaciey-mezhdu (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Автоматический обмен налоговой информацией: список стран. Соглашение об автоматическом обмене налоговой информацией [Электронный ресурс]: BusinessMan.ru от 09.07.2017 г. Режим доступа: https://businessman.ru/avtomaticheskiy-obmen-nalogovoy-informatsiey-spisok-stran-soglashenie-ob-avtomaticheskom-obmene-nalogovoy-informatsiey.html (дата обращения: 10.08.2018).

Раньше налоговые органы тоже получали такую информацию от своих зарубежных коллег. Но только по запросу, который был выборочным и во многом зависел от степени заинтересованности конкретного налогового органа в конкретном плательщике[1].

Специалисты считают, что автоматический обмен имеет как преимущества, так и недостатки. Плюс – не нужно отправлять запрос на предоставление информации об оффшорах. Данные поступают в государство в автоматическом порядке, что регулируется на законодательном уровне и сокращает время работы. Минус – финансовые и налоговые данные очень легко скрыть, особенно если денежные средства находятся вне государства-заявителя. Поэтому придется разрабатывать новые нормативные акты, проводить мониторинг бизнеса и проверять полностью всю банковскую систему[2]. Еще к минусам можно отнести низкую доступность для развивающихся стран и неучастие США.

Секретариат Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) осуществляет мониторинг за исполнением странами обязательств. Оффшоры вынуждены тоже присоединяться к международным инструментам обмена, хотя это процесс длительный.

Начальник Отдела международной деятельности Управления стандартов и международного сотрудничества ФНС России Максим Кузнецов отмечает, что информация CRS позволяет сложить картину о зарубежных активах российских налогоплательщиков и оценить соответствующие риски для повышения эффективности налогового администрирования. Получаемые данные могут использоваться в аналитике, контрольной работе, в качестве доказательств в суде и в целях международного сотрудничества. CRS имеет политическую поддержку наиболее влиятельных международных организаций и глобальный охват. Автоматический обмен информацией решил проблему с доставкой, скоростью, форматом обмена, поскольку была создана технологическая транспортная система, к которой присоединились налоговые всех стран, при этом инспектор ФНС может посмотреть информацию только на экране, скачать данные невозможно[3].

Термин «автоматический обмен» означает, что у держателей счетов в иностранных банках дополнительной обязанности представлять какие-ли-

[1] *Бурслугинова Б., Кириллов А.* Автоматический обмен налоговыми данными: стоит ли бояться? [Электронный ресурс]: Журнал «Налоговые споры». 2018. № 6. Режим доступа: https://e.nalspori.ru/article.aspx?aid=645569 (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Автоматический обмен налоговой информацией: список стран. Соглашение об автоматическом обмене налоговой информацией [Электронный ресурс]: BusinessMan.ru от 09.07.2017 г. Режим доступа: https://businessman.ru/avtomaticheskiy-obmen-nalogovoy-informatsiey-spisok-stran-soglashenie-ob-avtomaticheskom-obmene-nalogovoy-informatsiey.html (дата обращения: 10.08.2018).

[3] *Михайлова А.* Двойное налогообложение и международный обмен информацией: итоги работы налогового конгресса [Электронный ресурс]: Материал сайта Право.ру от 18.04.2018 г. Режим доступа: https://pravo.ru/story/201777/ (дата обращения: 20.08.2018).

бо документы не возникает. Сами налоговые органы заниматься сбором информации тоже не будут. Основная нагрузка по работе с финансовой информацией возложена на финансовые институты, в частности банки, депозитарии, страховые организации, пенсионные фонды. Они должны будут проанализировать открытые у них счета, определить их фактических, а не номинальных бенефициаров, установить их налоговое резидентство, а затем выгрузить обработанные сведения в общую систему передачи данных, откуда доступ к ней и получат налоговые органы.

По большей части организации финансового рынка уже располагают необходимой информацией. Ее собирают, чтобы идентифицировать клиентов и соблюсти требования Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Что касается счетов физических лиц, то информация о них попадет в периметр обмена в любом случае. Если у финансового института нет оснований полагать, что имеющиеся у него сведения неверны или неактуальны, то проверка на этом заканчивается. По крупным счетам – свыше 1 млн долл. – проводят более тщательную работу: анализируют документы, направляют запрос к клиентскому менеджеру.

Если в результате проверки сложно или невозможно установить налоговое резидентство бенефициарного владельца счета, информацию о нем направят во все потенциально заинтересованные государства.

Не все счета компаний подпадают под автоматический обмен. Так, исключены из-под обмена счета юридических лиц, на которых менее 250 тыс. долл. Если на счете организации больше 250 тыс. долл., то банк должен установить, является она активной или пассивной. Под обмен подпадают только пассивные компании[1].

Автоматический обмен не имеет для российских налоговых резидентов последствий при условии, что они соблюдают нормы налогового и валютного законодательства[2].

Руководитель международной консалтинговой компании Fincastle Никита Хлопотин отмечает, что налоговый номер (Taxpayer Identification Number, TIN) должен стать обязательной частью анкеты клиента. Свободная трудовая миграция в Европе может усложнить определение страны, в которую необходимо передавать информацию. По оценкам советника российской налоговой и таможенной практики в московском офисе Dentons Игоря Шикова, именно Россия как страна в наибольшей степени заинтересована в этом обмене. «Это связано с тем, что российские налоговые рези-

[1] Если более половины дохода компании за предыдущий год были пассивными, а более 50 процентов активов порождают пассивные доходы, то такая компания признается пассивной.

[2] *Бурслугинова Б., Кириллов А.* Автоматический обмен налоговыми данными: стоит ли бояться? [Электронный ресурс]: Журнал Налоговые споры. 2018. № 6. Режим доступа: https://e.nalspori.ru/article.aspx?aid=645569 (дата обращения: 10.08.2018).

денты гораздо более активно используют счета и компании в зарубежных юрисдикциях, нежели западные налогоплательщики»[1].

Возникает вопрос, будет ли эффект от внедрения новой системы? Далеко не все счета попадут в поле зрения налоговых органов.

Еще до того, как CRS заработал в России, состоятельные граждане стали задумываться о том, как, не нарушая законодательство, сохранить тайну своих зарубежных финансов. Многие обратились к схеме приобретения гражданства или налогового резидентства за инвестиции. Такую возможность предоставляет довольно большое количество стран. Хотя гражданство другой страны не гарантирует автоматический переход под ее налоговую юрисдикцию, некоторые страны, в частности Мальта, ужесточили требования к налоговому резиденту, обязав его фактически проживать в своих границах не менее полугода, невзирая ни на какие инвестиции. Другие, такие как Кипр, потребовали доказать, что гражданин не окажется случайно налоговым резидентом еще какой-нибудь страны. Третьи настроились против российского капитала, угрожая блокировкой и даже конфискацией активов вплоть до выяснения источников его происхождения. Разброс «цен» на паспорта за инвестиции значительный: от 500 тыс. евро в Болгарии до 2 млн на Кипре. И далеко не по всем пунктам вложения можно вернуть.

С видом на жительство тоже все непросто. В Швейцарии, например, придется ежегодно отчислять в бюджет не менее 100 тыс. швейцарских франков одного только «аккордного» налога. Его рассчитывают не на базе доходов гражданина, а на основе его расходов.

Одним из выходов для состоятельных россиян стала смена налогового резидентства по календарному принципу. Чтобы выйти из-под российской налоговой юрисдикции, гражданину нужно 183 дня в году и более прожить в другой стране. И хотя не всегда этого достаточно, именно такой вариант оказался одним из самых популярных.

Есть и еще одна причина, по которой смена налогового резидентства на основе количества прожитых за границей дней столь привлекательна. В январе 2018 года в России вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2017 г. № 427-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле»). Теперь те, кто живет в РФ менее 183 дней, не только перестают быть налоговыми резидентами — они не обязаны больше сообщать в налоговую об открытии счета в иностранном банке и предоставлять годовые отчеты о движениях по этому счету.

Таким образом, отказ от резидентства России – возможность избежать исполнения новых требований законодательства об обмене информацией[2].

[1] *Криворотова А., Дементьева С.* Трансграничный простой Россия не готова к глобальной борьбе с уклонением от налогов [Электронный ресурс]: Газета РБК от 18.08.2017 г. Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2017/08/21/5996cf4d9a7947873f966803 (дата обращения: 10.08.2018).

[2] *Поллак Д.* Автоматический обмен информацией — пути отхода. [Электронный ресурс]: Газета Деловой Петербург от 23.04.2018 г. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2018/04/23/Avtomaticheskij_obmen_inf (дата обращения: 10.08.2018).

Либерализация валютного законодательства, конечно, преследует благие цели. Было бы логично отменить подачу отчетности лицами, счета которых находятся в странах, участвующих в автоматическом обмене. Проблему же смены резидентства валютное законодательство не решит.

В то же время у граждан России, имеющих счета в европейских банках, стали возникать проблемы. Иностранные банки стали детально проверять счета нерезидентов и запрашивать дополнительные документы, предоставлять которые у клиента не было необходимости при открытии счета. В ряде случаев проведение проверок приводит к ограничению права клиента распоряжаться денежными средствами. Анализируется возможность «создания видимости смены налогового резидентства».

В связи с запуском международного обмена информацией для борьбы с трансграничными схемами уклонения от налогов европейские банки стали обновлять сведения о клиентах, чтобы избежать репутационных рисков. По словам банкиров, есть два ключевых момента, на которые иностранные банки обращают пристальное внимание. Первый — источник происхождения денежных средств. В связи с этим банки запрашивают справки о доходах, чтобы убедиться, что заработанные клиентом средства сопоставимы с суммами, хранящимися на счете в банке. Если клиент не может предоставить документальное обоснование источника происхождения денежных средств, банки могут действовать по двум сценариям: ограничить операции на списание средств или установить повышенную комиссию за обслуживание счета.

Второй определяющий фактор при проверке иностранного банка — подтверждение налогового резидентства.

В частности, у российских налоговых резидентов отдельные банки стали запрашивать копии уведомлений об участии в иностранных компаниях или о контролируемых иностранных компаниях (КИК) с отметкой российского налогового органа о принятии этих документов. Если клиент не подтверждает выполнения требований внутреннего законодательства (той юрисдикции, где он является налоговым резидентом) или не может предоставить документы, объясняющие происхождение денежных средств, банк может заблокировать счет или попросить клиента добровольно вывести средства и прекратить сотрудничество. Сейчас клиенту иностранного банка могут задавать вопросы как о происхождении нового капитала, так и о ранее размещенных денежных средствах[1]. В целом ужесточение контроля можно признать положительной тенденцией.

Есть и другая тенденция. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) через портал для публичных комментариев по автоматическому обмену отметила злоупотребление миграционными программами с целью обхода требований по предоставлению информации в рамках

[1] *Мальгин А.* [Электронный ресурс]: LiveJournal от 06.02.2018 г. Режим доступа: https://avmalgin.livejournal.com/7501526.html (дата обращения: 11.08.2018).

автоматического обмена[1]. Например, Черногория начинает программу получения гражданства за инвестиции[2].

19 февраля 2018 года Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала консультационный документ под названием «Предотвращение злоупотребления схемами резидентства за инвестиции в целях обхода требований стандарта CRS».

Отмечается, что существующие в ряде государств программы получения резидентства (права постоянного места жительства) или гражданства за инвестиции в местную экономику пользуются спросом по многим вполне законным причинам (безвизовые путешествия, политическая стабильность и пр.) и сами по себе не предлагают «решений» по избежанию автоматического обмена. Более того, такие программы, как правило, не предлагают именно налоговое резидентство, а предоставляют либо право на постоянное проживание, либо гражданство. Даже в случае, когда вместе с ними может быть приобретено и налоговое резидентство, оно само по себе не влияет на уже имеющийся у лица статус налогового резидента того или иного государства.

Проблема, по мнению ОЭСР, состоит в возможности манипуляции сведениями о стране налогового резидентства. Лица, использующие указанные программы получения резидентства/гражданства, могут сообщать банку неточные или неполные сведения о своем налоговом резидентстве (с тем, чтобы информация в рамках автоматического обмена попадала в «безопасную» для данного лица юрисдикцию либо вообще не подпадала под автоматический обмен в силу неучастия в нем данной юрисдикции).

Такая ситуация может быть характерна для случаев, когда физическое лицо фактически не проживает в данной стране, но заявляет о своем резидентстве в ней для налоговых целей (предоставляя в банк соответствующие подтверждающие документы – сертификат о налоговом резидентстве, паспорт, коммунальные квитанции и пр.).

Для определения того, какие схемы получения резидентства/гражданства несут в себе повышенный риск использования в целях обхода автоматического обмена, ОЭСР называет, в частности, следующие критерии: 1) схема не содержит требований (либо содержит минимальные требования) к заявителю по физическому пребыванию в юрисдикции или не предполагает проверки их соблюдения; 2) схему предлагают низконалоговые

[1] *Кутяева О.* ОЭСР опубликовала консультационный документ о злоупотреблении программами резидентства через инвестиции для обхода автоматического обмена информацией [Электронный ресурс]: Информация сайта gsl.org от 19.02.2018 г. Режим доступа: https://gsl.org/ru/news/оэср-опубликовала-консультационный/ (дата обращения: 15.08.2018).

[2] *Кутяева О.* Черногория начинает программу получения гражданства за инвестиции [Электронный ресурс]: Информация сайта gsl.org от 27.07.2018. Режим доступа: https://gsl.org/ru/news/черногория-начинает-программу-получ/ (дата обращения: 15.08.2018).

или безналоговые юрисдикции либо юрисдикции, не участвующие в автоматическом обмене по стандарту CRS вообще либо не обменивающиеся информацией с конкретными странами или группой стран.

ОЭСР обращает внимание на необходимость корректного выполнения банками процедур due diligence в части указания налогового резидентства, предусмотренных стандартом CRS, для чего приводятся следующие рекомендации:

- в качестве резидентного адреса должен указываться реальный адрес постоянного места жительства лица (не почтовый ящик), который должен быть надлежащим образом подтвержден документально;

- держатели счета должны указывать в формах самосертификации все юрисдикции, в которых они являются налоговыми резидентами;

- финансовые учреждения не вправе полагаться на сведения, заявленные клиентом в порядке самосертификации, а равно на документальные подтверждения, если им известно или имеются основания полагать, что такие сведения являются недостоверными, ложными или неполными.

В связи с изложенным клиентам рекомендуется учитывать, что рекомендации ОЭСР (по итогам рассмотрения указанной проблемы) могут стать причиной дополнительной проверки банками данных о стране (странах) налогового резидентства, заявляемых клиентами в банковских формах для целей CRS[1].

Можно сделать вывод, что для эффективной работы по автоматическому обмену финансовой информацией необходимо проведение мероприятий и правового и организационного характера.

Должна быть разработана кадровая политика для осуществления процессов на местах, разработаны системы кодирования и пакет документов для передачи данных, обеспечена надежная защита передаваемой информации[2]. В частности, 7 июня 2018 года Россия присоединилась к единой системе передачи данных ОЭСР[3]. Также должны быть заключены двусторонние соглашения с каждой страной, налажено взаимодействие на основе принятых нормативных актов с государствами, с которыми осуществляется обмен информацией. Необходимо оказывать методическую помощь фи-

[1] ОЭСР озабочена схемами приобретения резидентства для обхода автоматического обмена [Электронный ресурс]: Материалы сайта gestion-law от 26.02.2018 г. Режим доступа: https://www.gestion-law.com/news/offshore/oesr-ozabochena-skhemami-priobreteniya-rezidentstva-dlya-obkhoda-avtomaticheskogo-obmena/(дата обращения: 15.08.2018).

[2] Автоматический обмен налоговой информацией: список стран. Соглашение об автоматическом обмене налоговой информацией [Электронный ресурс]: BusinessMan.ru от 09.07.2017 г. Режим доступа: https://businessman.ru/avtomaticheskiy-obmen-nalogovoy-informatsiey-spisok-stran-soglashenie-ob-avtomaticheskom-obmene-nalogovoy-informatsiey.html (дата обращения: 10.08.2018).

[3] Новости международного налогообложения [Электронный ресурс]: Информация сайта gsl.org от 27.06.2018 г. Режим доступа: https://gsl.org/ru/news/фнс-тенденции-и-перспективы-автомати/(дата обращения: 15.08.2018).

нансовым институтам, передающим информацию, и обеспечить контроль за их деятельностью. Совместных усилий всех заинтересованных государств потребует создание общей политики при реализации миграционных программ в целях недопущения злоупотреблений при автоматическом обмене финансовой информацией.

Библиографический список:

1. *Бурслугинова Б., Кириллов А.* Автоматический обмен налоговыми данными: стоит ли бояться? [Электронный ресурс]: Журнал Налоговые споры. 2018. № 6. Режим доступа: https://e.nalspori.ru/article.aspx?aid=645569 (дата обращения: 10.08.2018).

2. *Ищенко А.* Глобальный надзор. Как будет работать обмен налоговой информацией между Россией и миром [Электронный ресурс]: Forbes.ru от 24.01.2018 г. Режим доступа: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/356115-globalnyy-nadzor-kak-budet-rabotat-obmen-nalogovoy-informaciey-mezhdu (дата обращения: 10.08.2018).

3. *Криворотова А., Дементьева С.* Трансграничный простой. Россия не готова к глобальной борьбе с уклонением от налогов [Электронный ресурс]: Газета РБК от 18.08.2017 г. Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2017/08/21/5996cf4d9a7947873f966803 (дата обращения: 10.08.2018).

4. *Кутяева О.* ОЭСР опубликовала консультационный документ о злоупотреблении программами резидентства через инвестиции для обхода автоматического обмена информацией [Электронный ресурс]: Информация сайта gsl.org от 19.02.2018 г. Режим доступа: https://gsl.org/ru/news/оэср-опубликовала-консультационный/ (дата обращения: 15.08.2018).

5. *Кутяева О.* Черногория начинает программу получения гражданства за инвестиции [Электронный ресурс]: Информация сайта gsl.org от 27.07.2018. Режим доступа: https://gsl.org/ru/news/черногория-начинает-программу-получ/ (дата обращения: 15.08.2018).

6. *Мальгин А.* [Электронный ресурс]: LiveJournal от 06.02.2018 г. Режим доступа: https://avmalgin.livejournal.com/7501526.html (дата обращения: 11.08.2018).

7. *Михайлова А.* Двойное налогообложение и международный обмен информацией: итоги работы налогового конгресса [Электронный ресурс]: Материал сайта Право.ру от 18.042018 г. Режим доступа: https://pravo.ru/story/201777/ (дата обращения: 20.08.2018).

8. *Поллак Д.* Автоматический обмен информацией — пути отхода. [Электронный ресурс]: Газета Деловой Петербург от 23.04.2018 г. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2018/04/23/Avtomaticheskij_obmen_inf (дата обращения: 10.08.2018).

УДК: 351.71:004.9

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УСЛУГИ ПО ВЫДАЧЕ ПРОПУСКОВ ДЛЯ ВЪЕЗДА (ПРОХОДА) ЛИЦ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ПОГРАНИЧНУЮ ЗОНУ

Е.В. Князева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического института
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
E-mail: eee6591@mail.ru

Аннотация: правовое регулирование отношений по предоставлению государственных и муниципальных услуг в электронной форме осуществляется Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2018), Постановлением Правительства от 16 мая 2011 г. № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» и соответствующими регламентами. Проводится анализ норм закона и регламента по предоставлению государственных услуг в электронной форме (на примере государственной услуги по выдаче пропусков для въезда (прохода) лиц и транспортных средств в пограничную зону, отмечается, что имеет место дисбаланс норм закона и регламента, чем фактически нарушаются права несовершеннолетних дееспособных граждан (эмансипированных и вступивших в брак) в исследуемых отношениях.

Ключевые слова: электронные услуги по выдаче пропусков в пограничную зону, вступившие в брак несовершеннолетние, эмансипированные, нарушение прав.

TO THE QUESTION ON LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN EXERCISING STATE SERVICES IN THE E-FORM (USING THE EXAMPLE OF STATE SERVICE IN ISSUING ENTRY PERMITS TO PERSONS AND TRANSPORT MEANS IN THE BORDER ZONE)

E.V. Knyazeva,
Moscow Municipal Pedagogical University,
4, 2 Agricultural passage, Moscow, Russia, 129226
E-mail: eee6591@mail.ru

Annotation: legal regulation of relations in exercising state and municipal services in the e-form is exercised in the Federal Law of 27.07.2010 № 210-ФЗ (ed. of 04.06.2018) «On organization of exercising state and municipal services» with changes and amendments of 31.07.2018, in the Governmental Disposal of May 16, 2011 № 373 «About elaboration and adoption of administrative regulations of state supervision and administrative regulations off exercising state services», as well as administrative regulations.

An analysis of legal norms and regulations on exercising state services in the e-form using the example of state service in issuing entry permits to persons and transport means in the border zone is carried out. It is pointed out that there is disbalance between legal norms and regulations, which in fact offends the right of the minor active citizens (emancipated and married) in the studied relations.

Key words: e-services on issuing entry permits to the border zone, married minor citizens, emancipated, offence of rights.

Современное развитие общества немыслимо без развития информационных технологий, которые могут быть применимы во многих сферах человеческой деятельности. Так, «не вызывает сомнений, что и российская правовая система объективно «пропитана» процессами цифровизации, поддержка которых существенно повышает конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность страны, обеспечивает экономический рост, в котором особенно остро нуждается Россия…»[1]. Причинами внедрения информационных технологий является экономическая целесообразность, необходимость сокращения бюрократического аппарата, более качественного предоставления государственных услуг, повышения качества и уровня жизни[2]. С точки зрения П.С. Пастухова, оказание государ-

[1] *Захаркина А.В.* Позитивация института обусловленного исполнения обязательств как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 240–263.

[2] *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 231–236.

ственных услуг «посредством компьютерных сетей, значительно сокращают объемы традиционного бумажного документооборота»[1].

Как отмечает А.М. Воронов, органы государственной власти, органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества «обеспечивают развитие информационной инфраструктуры, доступность информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества, равный доступ к государственным услугам на всей территории Российской Федерации, в том числе с использованием информационных и коммуникационных технологий»[2].

Правовое регулирование отношений по предоставлению государственных и муниципальных услуг в электронной форме осуществляется Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[3] (далее – ФЗ-210), Постановлением Правительства от 16 мая 2011 г. № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг»[4] (далее – постановление 373), соответствующими регламентами и иными нормативными правовыми актами.

Государственная услуга по выдаче пропусков для въезда (прохода) лиц и транспортных средств в пограничную зону оказывается в соответствии с «Административным регламентом Федеральной службы безопасности Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче пропусков для въезда (прохода) лиц и транспортных средств в пограничную зону, разрешений на хозяйственную, промысловую и иную деятельность, проведение массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий, содержание и выпас скота в пограничной зоне, промысловую, исследовательскую, изыскательскую и иную деятельность в Российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов,

---

[1] *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 298–304.

[2] *Воронов А.М.* Институты гражданского общества в негосударственной системе обеспечения национальной безопасности современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 1. С. 33–41.

[3] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

[4] Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 (ред. от 13.06.2018) «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг».

где установлен пограничный режим» (далее – регламент), утвержденным Приказом ФСБ России[1] (далее приказ 455).

Попытаемся проанализировать данные положения регламента на предмет соответствия ФЗ-210 и иным нормативным правовым актам, а также соотношение некоторых норм ФЗ-210.

1. Согласно п. 3 ст. 2 ФЗ-210 в качестве одного из заявителей на предоставление государственной услуги указано физическое лицо либо его уполномоченный представитель, обратившиеся в орган, предоставляющий государственные услуги, с запросом о предоставлении государственной услуги в устной, письменной или электронной форме. В данном случае понятие «уполномоченный представитель», по мнению автора, должно включать и законных представителей, и представителей, уполномоченных доверенностью. Ибо ни в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК), ни в Федеральном законе «Об опеке и попечительстве»[2] (далее – закон об опеке) нет понятия «уполномоченный представитель». В нормах данных законов, определяющих представителей недееспособных и частично дееспособных граждан, речь идет не об уполномоченных, а о законных представителях (статьи 20, 26, 28, 185, 575, 1153, 1159 ГК и статьи 2 и 15 закона об опеке). В п. 11 той же ст. 2 ФЗ-210 при определении понятия «жалоба» фактически назван круг лиц, имеющий право обжалования при нарушении порядка предоставления услуг – это заявитель или его законный представитель. То есть обращается за предоставлением услуги заявитель (физическое лицо или, как было отмечено ранее, его уполномоченный представитель – п. 3 ст. 2 ФЗ-210), а жалобу при нарушении права подает заявитель или его законный представитель (п. 11 ст. 2 ФЗ-210). Заявитель в первом случае фигурирует как родовое понятие, во втором – как видовое. В приведенном примере, как соотносятся понятия «уполномоченный представитель» и «законный представитель», понять невозможно. Очевидно, что круг лиц, обращающихся за предоставлением услуги, и круг лиц, имеющих право при нарушении порядка предоставления услуги подать жалобу, должен быть одним и тем же.

2. Возникает вопрос, до какой степени при разработке регламентов следует учитывать положения Правил разработки регламентов, утвержденных постановление 373, если в пункте 6 этого постановления указывается: «Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления руководствоваться пра-

[1] Приказ ФСБ России от 07.08.2017 № 455 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче пропусков для въезда (прохода) лиц и транспортных средств в пограничную зону, разрешений на хозяйственную, промысловую и иную деятельность, проведение массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий, содержание и выпас скота в пограничной зоне, промысловую, исследовательскую, изыскательскую и иную деятельность в Российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, где установлен пограничный режим».

[2] Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

вилами, утвержденными настоящим Постановлением при утверждении …порядка разработки и утверждения …административных регламентов предоставления государственных услуг»? Ведь сама по себе формулировка «рекомендовать» не предполагает обязательности. Логичнее в данном случае, наверное, не рекомендовать, а обязать.

3. В соответствии с п. 2 регламента при оформлении пропуска физическим лицам для въезда (прохода) лиц и транспортных средств в пограничную зону «Заявителями являются:

а) граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства…, достигшие 18-летнего возраста;

б) российские и иностранные юридические лица…, индивидуальные предприниматели;

в) один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей гражданина, не достигшего 18-летнего возраста, или гражданина, достигшего 18-летнего возраста и признанного в установленном порядке недееспособным либо ограниченным в дееспособности, обратившийся с заявлением о предоставлении государственной услуги в отношении этого гражданина, если иное не предусмотрено федеральным законом».

Законом предусмотрена возможность приобретения несовершеннолетним гражданином полной дееспособности при вступлении в брак (п. 2 ст. 21 ГК) и при эмансипации (ст. 27 ГК). В этих случаях у несовершеннолетних нет законных представителей, сами несовершеннолетние не указаны в регламенте как заявители на предоставление государственной услуги, тем самым они лишены возможности быть участником данных правоотношений. Очевидно, что эмансипированные и вступившие в брак несовершеннолетние граждане должны иметь право самостоятельно обращаться за оформлением пропуска, должны быть указаны в качестве заявителей.

4. Несовершеннолетний, осуществляющий предпринимательскую деятельность, когда это допускается законом, в соответствии с подпунктом «б» ст. 2 регламента, вправе быть заявителем, что противоречит подпункту «а» той же ст. 2, поскольку он не достиг 18-летнего возраста.

5. Все нормативные правовые акты, регулирующие отношения по оказанию государственных услуг, формулируют требования к порядку информирования лиц при предоставлении этих услуг. Так, в пункте 8 регламента указано, что заявитель, желающий оформить пропуск, вправе получить консультацию общего характера. Перечень сведений, которые ему могут быть предоставлены, в целом соответствует ФЗ-210, однако здесь же регламентом устанавливается, что «продолжительность консультации по телефону и на личном приеме не должна превышать 10 минут». С учетом того, что для получения услуги гражданину необходимы сведения о должностных лицах, сроках, месте и времени оказания услуги, информация правового и иного характера, представляется, что десятиминутное ограничение фактически противоречит закону. Ведь согласно п. 2 ст. 5 ФЗ-210 заявитель

имеет право на получение полной, актуальной и достоверной информации о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг, что весьма проблематично в столь короткий срок.

Пункт 4 регламента фактически ограничивает в ряде случаев лиц в получении услуги в электронной форме, несмотря на то, что здесь указан адрес сайта: «Информация о подразделениях пограничных органов, осуществляющих предоставление государственной услуги, почтовых адресах, адресах электронной почты (при их наличии), номерах телефонов, по которым можно получить информацию справочного характера, размещена на информационных стендах пограничных органов». Оговорка по поводу адресов электронной почты «при их наличии» означает, что допускается и их отсутствие, при котором невозможно получить услугу в электронной форме.

Для устранения отмеченных недостатков правового регулирования, на наш взгляд, целесообразно было бы привести в соответствие с действующими федеральными законами понятия, употребляемые в регламенте. Так, заявителями на оказание государственной услуги по выдаче пропусков для въезда (прохода) лиц и транспортных средств в пограничную зону в регламенте целесообразно указать дееспособных граждан и законных представителей недееспособных и частично дееспособных граждан. Следует исключить в п. 4 регламента оговорку о возможном отсутствии адреса электронной почты пограничного управления, оказывающего соответствующую услугу, ибо его отсутствие препятствует получению услуги в электронной форме. Кроме того, Правила разработки регламентов оказания государственных услуг, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации, должны носить обязательный характер, а не рекомендательный.

Библиографический список:

1. *Воронов А.М.* Институты гражданского общества в негосударственной системе обеспечения национальной безопасности современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 1. С. 33–41.

2. *Захаркина А.В.* Позитивация института обусловленного исполнения обязательств как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 240–263.

3. *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С.: 231–236.

4. *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 298–304.

УДК: [351:656.9]:004

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЧАСТНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

И.В. Мухин,
Заместитель генерального директора по правовым вопросам, начальник Департамента правового обеспечения ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 62
E-mail: Igor.Mukhin@lp.lukoil.com

И.В. Малых,
кандидат юридических наук, начальник отдела ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 62
E-mail: Ivan.malykh@lp.lukoil.com

Аннотация: в статье исследуются основные проблемы, связанные с правовым регулированием финансирования затрат, связанных с содержанием частных автомобильных дорог общего пользования в РФ. Авторами использованы общенаучные (индукция, дедукция, анализ, синтез) и частно-научные (формально-юридический, логический) методы. Проводится анализ законодательства, правовой доктрины и судебной практики по данным вопросам, исследуются подходы к нахождению баланса между публичными и частными интересами. По результатам исследования авторы предлагают пути совершенствования действующего законодательства и судебной практики для поступательного развития в эпоху цифровой экономики.

Ключевые слова: частные автомобильные дороги, финансирование затрат, правовое регулирование.

SOURCES OF FINANCING THE MAINTENANCE OF PRIVATE ROADS IN THE DIGITAL ECONOMY

I.V. Mukhin,
Department LLC LUCOIL-PERM
62, Lenina st., Perm, Russia, 614990
E-mail: Igor.Mukhin@lp.lukoil.com

I.V. Malykh,
LLC LUCOIL-PERM,
62, Lenina st., Perm, Russia, 614990
E-mail: Ivan.malykh@lp.lukoil.com

Annotation: the article examines the main problems associated with the legal regulation of financing costs associated with the maintenance of private public roads in the Russian Federation. The authors used General scientific (induction, deduction, analysis, synthesis) and private-scientific (formal-legal, logical) methods. The analysis of legislation, legal doctrine and judicial practice on these issues is carried out, approaches to finding a balance between public and private interests are investigated. According to the results of the study, the authors suggest ways to improve the current legislation.

Key words: private roads, financing costs, legal regulation.

Цифровая экономика нуждается в соответствующей институциональной и инфраструктурной среде[1]. Информационная инфраструктура автомобильных дорог общего пользования, включая электронный мониторинг ситуации на дорогах, будет развиваться только при соответствующих государственных мерах поддержки и стимулирования. Поскольку для реализации таких проектов требуются значительные материальные ресурсы.

Правовое регулирование финансирования затрат, связанных с содержанием частных автомобильных дорог общего пользования (далее – частная автомобильная дорога), осуществляется главным образом Федеральным законом от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №257-ФЗ). Согласно ч. 2 ст. 35 Федерального закона №257-ФЗ содержание таких дорог осуществляется за счет средств их владельцев и иных не запрещенных законом источников.

Особенности объекта позволяют поставить вопрос, о каких источниках кроме средств собственников, идет речь в указанной норме[2].

Автомобильные дороги общего пользования, включая частные, обеспечивают передвижение транспортных средств и функционируют на

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; План мероприятий («дорожная карта») по повышению эффективности расходов на развитие автомобильных дорог общего пользования утвержден Правительством РФ 25.09.2015 № 6319п-П36.

[2] Об исследовании автомобильных дорог как объектов гражданских прав см., например, *Наниев А.Т.* Автомобильные дороги как объекты гражданских прав.: Дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2017. 184 с.

принципах открытости, всеобщей, добровольной и равной доступности пользования.

В современной экономической науке под «публичным имуществом» понимаются такие блага, которые достаются обществу в результате их производства, и выгоды от этого получают все лица, безвозмездно пользующиеся имуществом[1]. Рыночная система не в силах обеспечить их производство частными лицами. Выделяются и «квазиобщественные» блага, которые не могут быть отнесены исключительно к индивидуальным или общественным благам[2].

В действующем гражданском законодательстве отсутствует понятие такого вида вещей, как «вещи общего пользования» или «публичная собственность», а в современной юридической науке вопрос о понятии публичной собственности является дискуссионным[3].

Не вступая в научный спор, исходим из того, что частные автомобильные дороги следует признать «квазиобщественным благом», объектом частной собственности, обремененным публичным назначением, т.к. они используются не только для доступа к объектам собственника, но и для передвижения иных лиц. С учетом характера таких благ предполагается, что государство должно заботиться о финансировании их строительства, содержания и посредством законодательного регулирования стремиться к соблюдению баланса интересов общества и собственника особого имущества. Иными словами, если автомобильная дорога строится частным лицом и данная дорога объективно будет использоваться неограниченным кругом лиц, необходимо определить механизмы государственного финансового содействия в ее содержании.

В результате анализа действующего законодательства выявлено несколько вариантов механизма компенсации затрат собственника, не связанных с возмещением вреда в рамках правовой ответственности пользователей дорог.

1. Установление платы за пользование частными автомобильными дорогами.

Для установления платы за пользование должен быть альтернативный бесплатный проезд. Его протяженность не должна превышать более чем в три раза протяженность к платной дороге[4]. Однако законодатель не устанавливает требований к альтернативному проезду по качеству.

[1] *Макконелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс. Т. 1. М., 1992. С. 99.

[2] Там же. С. 100.

[3] *Голубцов В.Г.* Институт публичной собственности в современном гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2. С. 108; *Тархов В.А., Рыбаков В.А.* Собственность и право собственности. М., 2007. С. 41; *Иванов А.А.* Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2005 год с комментариями / под ред. *А.А. Иванова.* М.: Статут, 2010. С. 78; *Винницкий А.В*. Публичная собственность. М.: Статут, 2013. С. 48.

[4] Исключения из этого правила предусмотрены в ч. 2 ст. 37 Федерального закона № 257-ФЗ.

Решение об использовании частной автомобильной дороги принимает собственник. Публикация в течение 30 дней со дня принятия соответствующего решения – обязательное условие для правомерности решения собственника. При этом формулировка ч. 6 ст. 36 Федерального закона № 257-ФЗ вызывает ряд вопросов (например, в каком порядке происходит публикация решения, если дорога проходит в границах нескольких муниципальных образований, взимается ли плата за такую публикацию) и поэтому нуждается в уточнении.

С компенсаторной функцией напрямую связан вопрос о размере взимаемой платы. Частью 5 ст. 36 Федерального закона № 257-ФЗ ограничено право владельца платной автомобильной дороги устанавливать размер платы за проезд, такой размер не должен превышать установленный максимальный размер. Эта норма содержит неопределенность в части порядка установления максимального размера платы. Предусмотренные частями 4.1 - 4.3 ст. 40 Федерального закона № 257-ФЗ правила установления максимального размера платы за проезд транспортных средств распространяются только на платные дороги федерального, регионального или межмуниципального, местного значения. Представляется, что поскольку законодательством не указано иного, максимальный размер платы за проезд по частной автомобильной дороге устанавливается собственником и предельным размером не ограничен.

Рентабельность платной автомобильной дороги связана со многими факторами, включая размер платы, интенсивность движения, размер расходов на ее содержание. Нередки случаи, когда рентабельность такой дороги имеет отрицательное значение, а для собственников частных автомобильных дорог с небольшой интенсивностью движения указанная форма компенсации затрат вообще является малопригодной.

2. Установление платного публичного сервитута на соответствующий земельный участок.

Ученые солидарны в определении природы публичного сервитута – это не ограниченное вещное право, а общее ограничение права собственности на недвижимую вещь[1]. Поскольку это не субъективное вещное право, постольку сервитутом называется лишь условно. Данный термин первоначально был введен приватизационным законодательством. Публичными сервитутами объявлялись права на безвозмездное и беспрепятственное использование автомобильными дорогами, находящимися на приватизированном земельном участке[2].

[1] *Рыбалов А.О.* Некоторые вопросы установления публичных сервитутов (на примерах из судебной практики) // Закон. 2016. № 6. С. 42–52; *Иванов А.А.* Проблемы публичного права России: взгляд со стороны // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 46–59; *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 122.

[2] Указ Президента РФ от 22.07.1994 №1535 «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года» // СЗ РФ.1994. № 13. Ст. 1478.

Для установления публичного сервитута необходим ряд условий.

Земельный участок должен принадлежать владельцу частной автомобильной дороги на праве собственности.

Наличие цели – для удовлетворения нужд неопределенного круга лиц, обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения, в том числе для проезда или прохода через земельный участок[1].

Невозможность обеспечить указанные интересы каким-либо иным способом. Это условие прямо не отражено в ЗК РФ, а выработано в судебной практике. Наличие альтернативных проездов может стать основанием для отказа в установлении сервитута по инициативе публичного субъекта[2]. Критерии допустимых альтернатив остаются на усмотрение суда. В случае если инициатором выступит собственник частной автомобильной дороги, то признак наличия альтернативного проезда не должен рассматриваться как препятствующий установлению публичного сервитута.

В отличие от частного сервитута, которому неотъемлемо присущ принцип возмездности (п. 6 ст. 23 ЗК РФ), плата за публичный сервитут устанавливается в случаях возникновения у собственника существенных затруднений в использовании земельного участка (п. 7 ст. 23 ЗК РФ).

Норма по установлению платности публичного сервитута сформулирована как норма-исключение. По общему правилу данный вид сервитута – бесплатный. Такой подход представляется спорным, не соответствующим принципу платности использования земли (пп. 7 п. 1 ст. 1 ЗК РФ). Очевидно, что если участком земли пользуется неограниченный круг лиц, то у собственника возникают дополнительные расходы на содержание дороги в нормативном состоянии. Учитывая дорогостоящий характер содержания дорог, требуется распространить презумпцию платности публичного сервитута для указанных случаев.

Практического опыта установления платных публичных сервитутов в Российской Федерации пока недостаточно. Основной проблемой является отсутствие единых подходов к определению размера платы даже для частных сервитутов[3]. Действующие нормативные акты по этому вопросу не при-

[1] Часть 3 ст. 23 ЗК РФ; Определение ВАС РФ от 28.01.2014 №ВАС-144/14 по делу №А32-29930/2010 / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение ВАС РФ от 17.01.2012 № ВАС-17337/11 по делу №А39-465/2011/ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] См., например: *Малеина М.Н.* Плата за частный сервитут: определение размера, порядок изменения, последствия неуплаты // Гражданское право. 2013. № 5. С. 11–13; *Козлова Е.В.* Соразмерная плата за сервитут // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 4. С. 62–82; *Копылов А.В.* Критерии определения размера платы за сервитут // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 4–9; *Монахов Д.А., Тиммерманс В.* Плата за сервитут // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 9–40; *Ефимов А.Ф., Николаев М.Н.* Некоторые вопросы рассмотрения судами споров о земельных сервитутах // Комментарий судебной практики / отв. ред. *К.Б. Ярошенко.* М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. С. 4–19.

няты, кроме п. 7 ст. 23 ЗК РФ, в котором указано на соразмерность платы. До конца 2014 года судами часто применялись Временные методические рекомендации по оценке соразмерной платы за сервитут, утвержденные Росземкадастром 17.03.2004. Соразмерная плата за сервитут определялась в размере убытков, причиненных собственнику обремененного сервитутом земельного участка. По причине несоблюдения порядка государственной регистрации и опубликования нормативного правового акта, а также несогласием с определением характера платы (плата за пользование земельным участком, а не компенсация убытков), этот нормативный акт был признан Верховным Судом РФ недействующим[1], и с 2015 года судебная практика изменилась, однако до настоящего времени суды при расчете платы учитывают размер ущерба, причиненного собственнику земельного участка[2]. При этом в 2017 году Верховным Судом РФ предпринята попытка обобщить практику и ввести единообразие в правоприменение с подтверждением характера платы как компенсации ограничений, претерпеваемых собственником земельного участка[3]. Представляется, что для определения платы за публичный сервитут должен использоваться аналогичный подход.

3. Установление налоговых льгот владельцам частных автомобильных дорог.

Софинансирование затрат на содержание частных автомобильных дорог возможно посредством установления льгот (или пониженных ставок) по налогу на имущество организаций.

В действующем законодательстве налоговая льгота предусмотрена только для организаций – в отношении федеральных автомобильных дорог общего пользования (п. 11 ст. 381 НК РФ).

На региональном уровне приняты законы, предусматривающие льготы в виде пониженной ставки в размере 0% для организаций в отношении автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения, автомобильных дорог общего пользования местного значения[4].

---

[1] Решение Верховного Суда РФ от 18.12.2014 №АКПИ14-1093 / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См., например: Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2015 по делу №301-ЭС14-9021, А43-11824/2013; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.07.2016 №Ф08-2174/2016 по делу №А32-25433/2015 / [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] «Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок», утвержденный 26.04.2017 Президиумом Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Например, для проезда – это разумные затраты на содержание участка в надлежащем состоянии, на организацию проезда, с учетом интенсивности использования, общей площади, срока и других условий. Для определения размера платы может привлекаться эксперт.

[4] Закон Пермского края от 13.11.2017 № 141-ПК «О налоге на имущество организаций на территории Пермского края и о внесении изменений в Закон Пермской области «О налогообложении в Пермском крае» // СЗ Пермского края. 2017. № 9 (126).

Налоговый кодекс РФ прямо запрещает устанавливать налоговые льготы в зависимости от формы собственности (абз. 2 п. 2 ст. 3).

Частные автомобильные дороги могут отвечать критериям, установленным для государственных и муниципальных дорог, объективные отличия здесь отсутствуют. Поэтому выведение их за пределы льготируемых объектов представляется необоснованным.

Таким образом, есть основания считать региональную норму, исключающую применение льготы для собственников частных автомобильных дорог, дискриминирующей по признаку формы собственности.

Установление налоговой льготы для собственников частных автомобильных дорог будет соответствовать всем существенным признакам, характерным для правовых льгот[1].

Цель предоставления льготы – более полное удовлетворение общественных интересов через софинансирование содержания дорог в надлежащем состоянии, используемых публично.

Налоговая льгота будет выполнять и стимулирующую, и компенсационную функции. С одной стороны, льгота направлена на стимулирование строительства – «социальное поощрение экономической деятельности», а с другой стороны, будет выполнять компенсационную функцию при эксплуатации дорог.

В этом случае соблюдаются конституционные принципы: юридического равенства, всеобщности налогообложения, равного налогового бремени.

При внесении изменений в региональный закон льгота будет выступать как правомерно данная лицу юридическая возможность для реализации особых интересов.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам.

Содержание частных автомобильных дорог общего пользования финансируется за счет средств их владельцев. В качестве иных не запрещенных законом источников, в теории, могут выступать средства, получаемые при установлении платности таких дорог, платежи от публичного сервитуария при установлении публичного сервитута, налоговой экономии при установлении соответствующей льготы в законодательстве. Приоритетной мы рассматриваем установление налоговой льготы для собственников частных автомобильных дорог. На практике каждая из приведенных форм софинансирования имеет массу ограничений, законодательных недостатков и пробелов, что влечет фактическую невозможность использования сторонних источников финансирования содержания таких дорог.

---

[1] *Малько А.В., Морозова И.С.* Льготы в российском праве (проблемы теории и практики). М.: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. С. 49–53; *Шевелева Н.А., Братко Т.Д.* Налоговая льгота как категория финансового права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 63–80.

Учитывая общественную и государственную значимость автодорог общего пользования для поступательного развития в эпоху цифровой экономики, предлагаемое совершенствование действующего законодательства необходимо уже в настоящее время для достижения стратегических целей, которые ставит государство на среднесрочную и долгосрочную перспективы.

Библиографический список:

1. *Винницкий А.В.* Публичная собственность. М.: Статут, 2013. 48 с.
2. *Голубцов В.Г.* Институт публичной собственности в современном гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2. С. 106–113.
3. *Ефимов А.Ф., Николаев М.Н.* Некоторые вопросы рассмотрения судами споров о земельных сервитутах // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. 140 с.
4. *Иванов А.А.* Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2005 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2010. 78 с.
5. *Иванов А.А.* Проблемы публичного права России: взгляд со стороны // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 46–59.
6. *Козлова Е.В.* Соразмерная плата за сервитут // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 4. С. 62–82.
7. *Копылов А.В.* Критерии определения размера платы за сервитут // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С.: 4–9.
8. *Макконелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс. Т. 1. М., 1992. С. 99–100.
9. *Малеина М.Н.* Плата за частный сервитут: определение размера, порядок изменения, последствия неуплаты // Гражданское право. 2013. № 5. С. 11–13.
10. *Малько А.В., Морозова И.С.* Льготы в российском праве (проблемы теории и практики). М.: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 274 с.
11. *Монахов Д.А., Тиммерманс В.* Плата за сервитут // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 9–40.
12. *Наниев А.Т.* Автомобильные дороги как объекты гражданских прав.: Дис. … канд. юрид. наук. Калининград., 2017. 184 с.
13. *Рыбалов А.О.* Некоторые вопросы установления публичных сервитутов (на примерах из судебной практики) // Закон. 2016. № 6. С. 42–52.

14. *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 122 с.

15. *Тархов В.А., Рыбаков В.А.* Собственность и право собственности. М.: Юрист, 2007. 41 с.

16. *Шевелева Н.А., Братко Т.Д.* Налоговая льгота как категория финансового права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 63–80.

УДК: 351(470+571)

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СУБЪЕКТАХ РФ

В.И. Попов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: vladimir.pfna@mail.ru

Аннотация: в статье анализируется нормативно-правовое регулирование функционирования системы управления развитием цифровой экономики в субъектах РФ. На конкретных примерах доказывается необходимость ревизии действующих в регионах нормативно-правовых актов (регламентов), приведения их в соответствие с федеральным законодательством, устранения излишних административных барьеров и процедур.

Ключевые слова: система управления развитием цифровой экономики, административные барьеры, цифровизация, административный регламент, государственные и муниципальные услуги.

ON THE ISSUE OF MANAGING THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE RF SUBJECTS

V.I. Popov,
Perm state University of Humanities and Education,
24, Sibirskaya st., Russia, Perm, 614990.
E-mail: vladimir.pfna@mail.ru

Annotation: the article analyzes the legal regulation of the system of management of the development of the digital economy in the subjects of the Russian Federation. On concrete examples the necessity of audit of the normative legal acts (regulations) operating in regions, their reduction in compliance with the Federal legislation, elimination of excessive administrative barriers and procedures is proved.

Keyword: digital economy development management system, administrative barriers, digitalization, administrative regulations, state and municipal services.

43-е место Российской Федерации на глобальном цифровом рынке в международном рейтинге – это не только низкий уровень инноваций и неразвитость бизнеса, но и свидетельство несовершенства управления развитием цифровой экономики.

С учетом целей и задач развития цифровой экономики, заявленных в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» и Программе Правительства РФ «Цифровая экономика Российской Федерации», сегодня в Российской Федерации формируется система управления, которая:

включает представителей всех заинтересованных сторон в развитии цифровой экономики (органов государственной власти всех уровней, бизнеса, гражданского общества и научно-образовательного сообщества);

обеспечивает прозрачность и подотчетность своей деятельности; реализовывает проектный подход в организации управления;

включает в себя 3 уровня управления – стратегический, оперативный и тактический[1].

Поэтому, создавая подобную систему управления в субъектах РФ, недостаточно лишь нормативно установить перечень органов управления ответственных за цифровизацию на подведомственной территории, как это сделано в Пермском крае[1]. Необходимо также чётко определить и назвать другие элементы системы, которые по определению должны входить в любую систему управления, в том числе и в систему управления цифровой экономикой.

Представляется, что к таким элементам относятся объекты управления, т.е. те субъекты, в отношении которых осуществляется управленческое воздействие. Ими могут быть органы государства и местного самоуправления, бизнес, гражданское общество и иные заинтересованные лица.

Кроме того, любая система социального управления не может функционировать без соответствующих средств регулирования общественных отношений, каковыми, как правило, выступают правовые акты.

В нашем случае к таким актам относятся акты управления, направленные на ликвидацию административных «барьеров» на пути к цифровизации, а также акты, содержащие конкретные планы мероприятий или, как

---

[1] Указ губернатора Пермского края № 59 от 04.07.2018г. «О системе управления цифровой экономикой Пермского края» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

сейчас стало модно называть, «дорожные карты» консолидированных действий органов власти, бизнеса, гражданского общества и научно-образовательного сообщества.

Во многих регионах подобные «дорожные карты» пока находятся на стадии разработки. И если на федеральном уровне предусмотрены стратегические направления и конкретные мероприятия, нацеленные на комплексное регулирование отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики, то на региональном уровне во многих случаях очевидно, что это ещё предстоит сделать.

Сегодня наблюдается явный дисбаланс между развитием цифровой экономики на федеральном и региональном уровнях. С различной степенью активности осуществляется цифровизация и в муниципальных образованиях.

Это объясняется прежде всего пробелами нормативной основы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций, разным уровнем экономического развития отдельных субъектов РФ, различиями в их стартовых и финансовых возможностях, различной технологической базой, имеющейся в регионах и т.п. Но даже в тех случаях, когда, казалось бы, цифровые технологии уже давно применяются, мы видим, что на региональном и муниципальном уровне возникает ещё немало проблем с их использованием.

Например, при реализации положений федерального законодательства, регламентирующего предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг[2].

Ещё в 2013 году в «Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 2516-р, указывался Примерный перечень государственных и муниципальных услуг, подлежащих первоочередной оптимизации, предоставляемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или другими организациями, в которых размещается государственное или муниципальное задание (заказ).

Казалось бы, 5 лет, прошедших с того времени, достаточный срок для создания в регионах условий, при которых возможность получать вышеперечисленные услуги в режиме удалённого доступа в электронной форме через единый портал «государственных услуг», без обязательного личного посещения гражданами тех или иных инстанций и сбора различных справок давно должна была стать реальностью, но, к сожалению, не все региональные и муниципальные услуги доступны в электронном виде в полном объёме.

В отдельных случаях заявителю приходится после подачи заявления об оказании необходимой услуги в электронном виде явиться лично или через представителя передать в орган, оказывающий такую услугу, под-

линные документы, подтверждающие право гражданина или юридического лица на её получение.

При этом решение по обращению, как правило, принимается практически в те же сроки, что и поступившее через МФЦ в обычном порядке, а не в электронном виде.

Возьмём, например, такую услугу, как «Предоставление социальных пособий малоимущим гражданам».

Мало того, что прежде чем подать заявление о предоставлении такой услуги, необходимо лично собрать в различных инстанциях ворох справок и документов, которые невозможно получить через портал «Госуслуг» с использованием Интернета, а их согласно регламенту насчитывается более десяти[1]. Так, эти документы заявитель обязан принести лично в подлиннике в орган социальной защиты или передать документы через многофункциональный центр.

При этом большинство регламентов, действующих в субъектах РФ, подобных принятому Министерством социально-демографической и семейной политики Самарской области по предоставлению государственной услуги[2], утверждают, что «Для получения государственной услуги заявители могут представить заявление о предоставлении государственной услуги в электронной форме через Социальный или Региональный портал в сети Интернет»[3]. Но здесь же сразу прописаны процедуры, которые сводят на нет все преимущества подачи заявления в электронной форме.

Так, в п. 2.34. этого же Регламента говорится: «Документы к заявлению, необходимые для предоставления государственной услуги, которые заявитель должен предоставить самостоятельно, должны быть представлены заявителем в уполномоченный орган на личном приеме. До представления заявителем указанных документов рассмотрение запроса (заявления) о предоставлении государственной услуги приостанавливается». Похожие решения содержатся и в регламентах, принятых в других субъектах РФ, например, в п.3.2.1 Приказа от 7 июня 2011 г. № сэд-33-01-02-113 Министерства социального развития Пермского края «Об утверждении административного регламента по предоставлению государственной услуги по предоставлению субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг гражданам».

---

[1] Административный регламент Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области по предоставлению государственной услуги «Предоставление ежемесячного социального пособия малоимущим семьям и малоимущим одиноким гражданам, проживающим на территории Самарской области»: Утвержден приказом министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 20.12.2012 № 738. (в ред. Приказов от 08.07.2015 № 348, от 27.06.2016 № 303).

[2] Приказ Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 20.12.2012 № 738 // Волжская коммуна. 2012. № 486.

[3] Там же, п.2.32.

При этом срок для представления заявителем документов на личном приеме при представлении заявления в электронной форме составляет в одних субъектах РФ 20 дней со дня регистрации заявления, в других может быть и меньше, например, 5 дней[1]. При непредставлении документов в указанный срок уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении государственной услуги.

В некоторых нормативных актах, регламентирующих порядок предоставления госуслуги в электронной форме, говорится, что «..с 01.01.2016 года заявителю предоставляется возможность направления запроса (заявления) и электронных форм или электронных образов документов, заверенных в установленном порядке»[2].

Но кто должен заверять эти документы – нотариус или тот, кто выдавал эти справки, регламент не раскрывает, но и без того данная процедура является крайне неудобной и затратной по времени. Скорее всего, речь здесь идёт о квалифицированной электронной подписи[3].

Поэтому не стоит удивляться, что пользователи подобных услуг по-прежнему обречены на хождения по кабинетам и организациям, а сами по себе услуги становятся для них далеко не благом и помощью со стороны государства, а скорее чем-то малодоступным и обременительным.

Казалось бы, чего проще, закрепи законодатель в каждом регламенте оказания государственных и муниципальных услуг простое и понятное правило, по которому, если ты зарегистрированный пользователь на портале государственных услуг и прошёл идентификацию, то в соответствии с законом для подачи заявления через Единый портал Заявитель должен выполнить только следующие действия:

- пройти идентификацию и аутентификацию в ЕСИА;

- в личном кабинете на Едином портале заполнить в электронном виде заявление на оказание государственной услуги;

- приложить к заявлению отсканированные документы, необходимые для получения соответствующей услуги;

---

[1] Административный регламент предоставления муниципальной услуги «Принятие документов, а также выдача решений о переводе или об отказе в переводе жилого помещения в нежилое или нежилого помещения в жилое помещение» утверждено Постановлением Администрации города Екатеринбурга от 2 июля 2012 г. № 2867 // Вечерний Екатеринбург. 2012. № 126.

[2] http://suprema63.ru/msdr/portal/social/socreglaments/reglament/regulation.do;jsessionid=-FAE5001687436A0348BB3BD89E56E714?regulationId=12986529, (дата обращения 27.08.2018 г.).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 852 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 05.12.2014 № 1327,от 25.10.2017 № 1296) «Об утверждении правил использования усиленной квалифицированной электронной подписи при обращении за получением государственных и муниципальных услуг и о внесении изменения в правила разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг» // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4903.

- направить пакет электронных документов в территориальное подразделение компетентного органа посредством функционала Единого портала.

При комплектности и надлежащем оформлении заявления и документов, направленных с использованием Единого портала, специалист территориального органа управления в 5-дневный срок с даты его получения (регистрации) уведомляет Заявителя о приеме и регистрации документов, а также осуществляет проверку достоверности информации, содержащейся в документах, представленных Заявителем в электронной форме.

Так, очевидно, должна была бы выглядеть процедура оказания услуги в электронном виде, сокращающая до минимума личное общение заявителя с представителем власти. В идеале решения об оказании государственной услуги вообще должны бы приниматься на основании одного заявления без каких-либо справок с места жительства, работы и т.п. Представляется, что необходимые сведения для принятия решения об оказании услуги должны быть получены в рамках межведомственного информационного взаимодействия. Следовательно, существует настоятельная потребность объединения разрозненных баз данных различных ведомств, созданных на различных платформах в единую межведомственную сеть, к которой могли бы иметь доступ в режиме онлайн все органы государственной власти, оказывающие подобного рода услуги населению.

В большинстве случаев для получения полного перечня государственных услуг в электронной форме регламенты требуют удостоверения направленных Заявителем документов в соответствии с требованиями Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и статей 21.1 и 21.2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[1].

Возникает закономерный вопрос: как стать владельцем такой подписи? Увы, это ещё одно испытание для того, кто решил получить услугу в электронном виде. Получение её требует от пользователя как определённых временных, так и материальных затрат, сумма в среднем получается нема-

[1] Приказ Министерства социального развития Пермского края от 26 сентября 2017 г. № СЭД-33-01-03-529 «Об утверждении административного регламента по предоставлению государственной услуги по назначению и выплате ежемесячного пособия по уходу за ребенком через органы социальной защиты населения» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. № 39. 2017; Приказ Министерства социальной политики Свердловской области от 1 июня 2012 г. № 541 (в ред. 08.08.2017 № 414) «Об утверждении административного регламента предоставления территориальными отраслевыми исполнительными органами государственной власти Свердловской области – управлениями социальной политики – Министерства социальной политики Свердловской области государственной услуги «Назначение и выплата ежемесячного пособия по уходу за ребенком» // «СЗ Свердловской области». 2013. № 11-4 (2012). Ст. 2006.

лая, от 2 до 8 тысяч рублей[1]. Все ли готовы заплатить такие деньги, если, как правило, за субсидиями или пособиями в основном обращаются лишь малоимущие граждане.

В других случаях, например, при осуществлении регистрации актов гражданского состояния, получения лицензий, охотничьего билета заявленная законодателем возможность получить государственную услугу в электронном виде сведена по факту к простейшей манипуляции – записи на приём в органы ЗАКС(а), подразделение национальной гвардии и т.п.

Несомненно, электронные услуги даже в таком усечённом виде необходимы, как, например, электронная запись на приём к врачу, т.к. такая услуга определённым образом регулирует поток посетителей, позволяет ликвидировать очереди в учреждениях и заблаговременно подготовить необходимые потребителю услуг документы.

Но можем ли мы в данном случае говорить о реальной цифровизации, не выхолащиваем ли мы само понятие цифровой экономики, выдавая за цифровизацию чисто регистрационные действия, произведённые с помощью электронных устройств.

Анализ показал, что из 18 государственных и муниципальных услуг, подлежащих первоочередной оптимизации, предоставляемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или другими организациями, в которых размещается государственное или муниципальное задание (заказ), только 6 от начала и до конца реализуются в полном объёме в цифровом варианте, а остальные 12, к сожалению, являются по факту лишь первичными регистрационными действиями, предшествующими получению услуг, требующими на каком-то этапе личного присутствия заявителя либо наличия в представленных электронных документах соответствующей квалифицированной или простой электронной подписи.

Причём в содержании регламентов по оказанию одной и той же услуги, но в разных субъектах РФ нередко можно встретить различия в подходах в реализации права граждан получить услугу в электронном виде. В одном случае это сделать довольно просто и регламент чётко прописывает указанные процедуры, в другом требует личного присутствия и предъявления подлинных документов на бумажном носителе.

Вместе с тем ст.21.2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» гарантирует, что запрос и иные документы, необходимые для предоставления государственной или муниципальной услуги, подписанные простой электронной подписью признаются равнозначными запросу и иным документам, подписанным собственноручной подписью и представленным на бумажном носителе.

[1] https://www.abt.ru/shop/ep/ep-dlya-portalov/4879, дата обращения 29.08.2018г.

Таким образом, сегодня сам сайт государственных и муниципальных услуг формирует такую простую электронную подпись заявителя, если тот прошёл регистрацию, имеет свой логин и пароль, посредством которых может входить в личный кабинет и из него направлять свои запросы в государственные и муниципальные учреждения.

Иными словами, сегодня на федеральном уровне уже создана определённая правовая и технологическая база для развития цифровизации в регионах и муниципальных образованиях. Недостаёт лишь малого, ревизии соответствующих нормативно-правовых актов (регламентов), приведения их в соответствие с действующим законодательством, устранения из таких актов излишних административных барьеров и никому не нужных процедур.

УДК: 342.7:004.9

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВОЙ ВЕК

П.А. Ромашов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и финансового права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: romashov059@gmail.com

Аннотация: в статье анализируются различные аспекты права на информацию и права на неприкосновенность частной жизни в условиях современных цифровых технологий. Раскрывается природа и содержание права на неприкосновенность частной жизни как основополагающего права человека в международном и российском праве. Обосновывается широкий подход к необходимости разработки и принятия справедливого и современного правового регулирования пределов реализации конституционного права на информацию и закрепления дополнительных гарантий на неприкосновенность частной жизни в информационном пространстве и обществе.

Ключевые слова: право на информацию, право на неприкосновенность частной жизни, конфиденциальность, неприкосновенность частной жизни, поощрение и защита права на неприкосновенность частной жизни, цифровой век, цифровые технологии, Конституция, Совет по правам человека, Европейский суд по правам человека.

PRIVACY ISSUES IN THE DIGITAL AGE

P.A. Romashov,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990,
E-mail: romashov059@gmail.com

Annotation: the article analyzes various aspects of the right for information and right for privacy in digital age. It reveals the nature and content of the right for privacy, as the fundamental human right, in the international and Russian law. It describes the part of the world's approach to the need to develop and

adopt a fair and modern legal regulation of the limits of the constitutional right for information and the securing of additional guarantees for the inviolability of privacy in digital age and society.

Keywords: the right for information, the right for privacy, confidentiality, privacy, the promotion and protection of the right for privacy, the digital age, digital technology, the Constitution, the Human Rights Council, the European Court of Human Rights.

Современное общество справедливо называют информационным, так как именно информация становится основополагающим фактором управления социумом. Развитие информационных систем и технологий, многократно увеличивающих возможности информационного воздействия, позволяет констатировать факт формирования нового пространства – информационного, в котором находят свое отражение все стороны общественной жизни.

Исследуя проблемы пределов и ограничений, а также гарантий конституционного права на информацию и права на неприкосновенность частной жизни в обществе, в котором информация и информационные коммуникации приобретают всеобъемлющее и решающее значение для темпов и качества его развития, нельзя не признать, что данные вопросы оказывают существенное влияние на правовые, общественные и государственные институты, а равно на состояние дел с правами человека и гражданина в Российской Федерации, поэтому они должны найти справедливое и современное правовое разрешение и закрепление.

Современный цифровой мир со всем своим потенциалом и технологиями в контексте права на неприкосновенность частной жизни ежедневно ставит серьезные и острые задачи как перед теорией основных прав человека, так и в юридической практике.

В июле 2015 года Совет по правам человека назначил Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. В многочисленных резолюциях Совет по правам человека и Генеральная Ассамблея выражали обеспокоенность по поводу рисков для неприкосновенности частной жизни, вытекающих из государственных мер слежения и деловой практики.[1] В феврале 2018 года Управление Верховного комиссара по правам человека провело в Женеве экспертный семинар (рабочее совещание) по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий в соответствии с резолюцией 34/7 Совета по правам человека (A/HRC/RES/34/7), принятой 23 марта 2017 года с целью

[1] См., например, резолюции 68/167, 69/166 и 71/199 Генеральной Ассамблеи и резолюции 28/16 и 34/7 и решение 25/117 Совета по правам человека.

выявления и уточнения принципов, стандартов и передового опыта в отношении поощрения и защиты права на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий, включая ответственность деловых предприятий в этом отношении.[1]

На этой основе в настоящее время подготовлен Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 03.08.2018 г. (A/HRC/39/29), в котором отмечается, что цифровые технологии, которые развиваются в основном благодаря частному сектору и в которых постоянно используются данные, связанные с жизнью людей, постоянно и всё больше охватывают и проникают в социальную, культурную, экономическую и политическую структуру современного общества. Возможности таких технологий, как «большие данные» и искусственный интеллект, и объем используемых в них данных постоянно растут, угрожая породить интрузивную цифровую среду, в которой как государства, так и коммерческие предприятия смогут осуществлять слежение в беспрецедентных масштабах, а также анализировать и прогнозировать поведение людей и даже манипулировать им. Хотя трудно отрицать, что технологиям на основе данных могут быть найдены весьма полезные применения, если не управлять этими технологическими изменениями с большой осторожностью, они могут стать серьезной угрозой для человеческого достоинства, автономии, частной жизни и существования прав человека в целом.[2]

В связи с изложенным необходимо обратить внимание на природу и содержание права на неприкосновенность частной жизни. Право человека на неприкосновенность частной жизни нормативно было установлено во второй половине XX в. Последовательное закрепление этого права в международных документах, в частности его включение во Всеобщую декларацию прав человека (статья 12), Пакт о гражданских и политических правах (статья 17), Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (статья 8), Конвенцию СНГ о правах и основных свободах человека (статья 9), а также во многие другие международные и региональные договоры о правах человека,[3] – стало ключевым моментом в признании данного права со стороны международного сообщества.

[1] См., https://www.ohchr.org/EN/Issues/DigitalAge/Pages/DigitalAgePrivacyWorkhop.aspx и материалы интернет-трансляции по адресу: http://webtv.un.org/search/part-1.1-un-expert-workshop-on-the-right-to-privacy-in-the-digital-age/5734527899001/?term=2018-02-19&sort=date&page=2

[2] Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. The right to privacy in the digital age. A/HRC/39/29 // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018. https://www.ohchr.org/Documents/Issues/DigitalAge/ReportPrivacyinDigitalAge/A_HRC_39_29_EN.pdf

[3] См., например, ст. 16 Конвенции о правах ребенка; ст. 14 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей; ст. 22 Конвенции о правах инвалидов; ст. 10 Африканской хартии прав и благополучия ребенка; ст. 11 Американской конвенции о правах человека; ст. 8 Европейской конвенции по правам человека.

Анализ данных международных документов позволяет прийти к выводу, что право человека на неприкосновенность частной жизни относится к категории основных прав и свобод человека, признаваемых в силу рождения, как и право свободы, равенство всех людей и право на жизнь.

Конфиденциальность является основополагающим правом человека. Неприкосновенность личной жизни может быть определена как презумпция того, что частные лица должны иметь определенное поле для самостоятельного развития, взаимодействия и свободы, «частную сферу» во взаимодействии с другими лицами или без него, свободную от вмешательства государства и от чрезмерного инициативного вмешательства со стороны других незваных частных лиц (см., например, A/HRC/13/37, пункт 11, и A/HRC/23/40, пункты 22 и 42).[1] В цифровой среде конфиденциальность информации, включая информацию, которая уже существует или может быть получена о человеке и его или её жизни, а также решения, основанные на этой информации, имеют особое значение.

Право на неприкосновенность личной жизни часто понимается как одно из базовых условий реализации свободы выражения мнений. Чрезмерное вторжение в личную жизнь может как напрямую, так и косвенно ограничивать свободное развитие идей и свободный обмен ими.

Комитет по правам человека применительно к анализу содержания права на неприкосновенность личной жизни (статьи 17 Пакта о гражданских и политических правах) в своем замечании общего порядка № 16 (1988 год) указывает, что цель статьи 17 состоит в защите частных лиц от любого незаконного или произвольного вмешательства в их личную жизнь, включая семейную жизнь, жилище или тайну корреспонденции, а национальная правовая основа должна обеспечивать защиту этого права. Это положение налагает особые обязательства, относящиеся к защите личной жизни в области коммуникаций, подчеркивая, что «корреспонденция должна доставляться адресату без перехвата, не вскрываться или прочитываться так или иначе». «Должно быть запрещено электронное или иное наблюдение, перехватывание телефонных, телеграфных или иных сообщений, прослушивание и запись телефонных разговоров». В данном замечании общего порядка также указывается, что «законом должны регулироваться сбор и хранение личной информации государственными властями или частными лицами или органами в компьютерах, банках данных или как-либо иначе».[2]

[1] Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism. Martin Scheinin. A/HRC/13/37 // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018. https://www.right-docs.org/doc/a-hrc-13-37

[2] Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. Frank La Rue. A/HRC/23/40 // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018. https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/161/62/PDF/G1316162.pdf?OpenElement

Следует отметить, что право на неприкосновенность частной жизни эволюционировало по двум различным путям. В указанных международных документах по правам человека основное внимание уделяется «негативному» аспекту права на неприкосновенность частной жизни, запрещающему любое произвольное вмешательство в личную неприкосновенность, семью, жилище или переписку человека, в то время как некоторые региональные и внутренние документы международного сообщества также включают «позитивное» измерение данного права: каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его/её дома и переписки или права на то, чтобы его/её достоинство, личная неприкосновенность или хорошая репутация признавались и уважались. Хотя конфиденциальность не всегда упоминается непосредственно как отдельное право, в конституциях почти все государства (члены ООН) признают его ценность как имеющую конституционное значение. В некоторых странах право на неприкосновенность частной жизни возникает путем расширения общего права нарушения доверия, права на свободу, свободу выражения мнений или надлежащего судебного разбирательства. В других странах право на неприкосновенность частной жизни возникает как религиозная ценность.

Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни является не только фундаментальным правом человека, но и правом человека, которое поддерживает другие права человека и составляет основу любого демократического общества.

В Российской Федерации право на неприкосновенность частной жизни также закреплено на высшем юридическом уровне. Конституция Российской Федерации напрямую гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23). При этом сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ч. 1 ст. 24). В то же время каждому гарантируется свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29), каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29).

В силу ч. 2 ст. 17 Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Значение этого положения заключается в том, что оно юридически оформляет основополагающие отношения между личностью и государством и тем самым закрепляет один из фундаментальных принципов таких отношений. Исходя из этого данное положение Конституции РФ следует понимать следующим образом: каждый с момента рождения и до момента смерти обладает важнейшими (основными) правами. Никто и ни при каких условиях не может быть лишен этих прав. Понимание основных прав определяется через при-

зму ч. 2 ст. 17 Конституции РФ и означает их неотчуждаемый характер и принадлежность каждому в силу рождения.[1]

Таким образом Конституция РФ наряду с правом на жизнь к неотъемлемым правам относит право на достоинство личности (ч. 1 ст. 21), на свободу (ч. 1 ст. 22), а также право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23). Все эти права рассматриваются в группе личных конституционных прав и свобод. В силу этого они и называются как основные.

В то же время в практике Конституционного Суда РФ право на неприкосновенность частной жизни раскрывается не через понятие «основное право», а через соотношение с другими, в том числе основными, правами и свободами и конституционными гарантиями, в частности правом на информацию (ч. 4 ст. 29), правом на квалифицированную юридическую помощь (ст.ст. 45, 48), в том числе гарантией конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, а также гарантиями института семьи (ст. 38), в том числе тайной усыновления и др.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Право на неприкосновенность частной жизни распространяется на ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только этого лица и, если его действия носят непротивоправный характер, не подлежит контролю со стороны общества и государства (Постановление от 16 июня 2015 года № 15-П, определения от 9 июня 2005 года № 248-О, от 16 февраля 2006 года № 63-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и от 27 мая 2010 года № 644-О-О).

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 31 марта 2011 года № 3-П, право на свободу информации, если этим правом затрагиваются права личности, гарантированные статьями 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, осуществляется как ограничивающее указанные права личности, которые находятся под особой, повышенной защитой Конституции РФ и ограничение которых требует наличия предусмотренных федеральным законом оснований и (или) допускается только по судебному решению, вынесенному в соответствии с таким федеральным законом. Из этого следует, что не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации, сопряженные с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну.

[1] *Кочев В.А., Эктумаев А.Б.* Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 134–142. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-134-142.

Вместе с тем объективно-правовой аспект права на неприкосновенность частной жизни исключает ничем не ограниченную свободу индивида (субъективного права). При реализации права на неприкосновенность частной жизни и осуществлении его гарантий следует обеспечить согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ защиту иных конституционных ценностей – основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, оборону страны, безопасность государства.

Таким образом, несмотря на основополагающий характер, право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным правом. При этом данное право весьма уязвимо, особенно в эпоху цифровых технологий.

В соответствии со статьей 17 Пакта любое вмешательство допускается только в том случае, если оно не является ни произвольным, ни противоправным. Правозащитные механизмы неизменно толкуют эти слова как указывающие на всеобъемлющие принципы законности, необходимости и соразмерности (см. A/HRC/27/37, пункты 21–27).[1] В соответствии с этими принципами государства могут нарушать право на частную жизнь лишь в той степени, в какой это предусмотрено законом, и в соответствующем законодательстве должны подробно определяться конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. Вмешательство является незаконным и произвольным не только в том случае, если оно не допускается законом, но и тогда, когда тот или иной закон или конкретное вмешательство противоречит положениям, целям и задачам Пакта.[2] Ограничение может быть законным и не произвольным, если оно преследует законную цель (см. A/HRC/29/32, пункт 33). Ограничение должно быть необходимым для достижения этой законной цели и пропорционально ей и представлять собой наименее интрузивный вариант действий. Кроме того, любое ограничение права на неприкосновенность частной жизни не должно нарушать существо признанного в Пакте права (см. A/69/397, пункт 51).

В этой связи следует затронуть вопрос о критериях правомерного вмешательства в право лица на уважение частной (личной), семейной жизни и жилища. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) исходит из того, чтобы вмешательство было оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции, должно быть доказано, что оно «предусмотрено законом», имеет цель или цели, предусмотренные этим пунктом, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанной цели или целей (пункт 92 постановления ЕСПЧ от 8 января 2009 г. по делу Куимов против Российской Федерации).

Право на неприкосновенность частной жизни также имеет решающее значение для соблюдения и осуществления прав человека в сети Интер-

[1] См. также резолюцию Совета по правам человека 34/7, пункт 2.

[2] См. замечание общего порядка № 16 (1988 год) Комитета по правам человека о праве на личную жизнь, п. 3, 4 и 8.

нет и вне ее. Оно является одной из основ демократического общества и играет ключевую роль в осуществлении широкого спектра прав человека, начиная от свободы выражения мнений (см. A/HRC/23/40 и A/HRC/29/32, пункт 15) и свободы ассоциации и собраний (см. A/HRC/31/66, пункты 73–78 и A/72/135, пункты 47–50) и заканчивая запрещением дискриминации и др.[1] Посягательство на неприкосновенность частной жизни может иметь несоразмерные последствия для определенных лиц и/или групп, что усугубляет неравенство и дискриминацию[2]. Чрезмерно широкие нормы регулирования в области конфиденциальности могут представлять собой неоправданные ограничения других прав, в частности права на свободу выражения мнений, когда, например, несоразмерные ограничения мешают законной новостной журналистской деятельности, художественному самовыражению или научным исследованиям.

Важно отметить, что само понятие частной (личной) жизни, особенно в цифровой век, охватывает огромное множество различных аспектов жизни человека. Концепция «частной жизни» является общим термином, не допускающим исчерпывающего определения, который включает, помимо прочего, информацию, относящуюся к данным о личности, таким как имя, фотографии, или физическая и психическая неприкосновенность... и, как правило, включает всю частную информацию лица, которая, как определено законодательством, не должна публиковаться без его разрешения (пункт 193 постановления ЕСПЧ от 18 апреля 2013 г. по делу Агеевы против Российской Федерации). Понятие «частной жизни» включает в себя также аспекты, связанные с самоидентификацией, такие как имя человека и его образ. Образ человека представляет собой одно из основных качеств личности, поскольку отражает уникальные характеристики человека и отличает его от остальных людей. Право на защиту своего образа, таким образом, является одним из значимых компонентов персонального развития. В основном такое право предполагает право человека на контроль за использованием такого образа, в том числе на отказ от его публичного распространения (пункт 40 постановления ЕСПЧ от 12 декабря 2013 г. по делу Хмель против Российской Федерации). Также данное право распространяется на физическую неприкосновенность человека, поскольку тело человека является самым интимным аспектом частной жизни, а медицинское вмешательство, пусть и незначительное, составляет вмешательство в это право (пункт 40 постановления ЕСПЧ от 9 октября 2014 г. по делу Коновалова против Российской Федерации). Разговоры по мобильному телефону также подпадают под понятие

[1] *Paul Bernal.* Data gathering, surveillance and human rights: recasting the debate. Journal of Cyber Policy. 2016. 1:2. Pp. 243–264. DOI: 10.1080/23738871.2016.1228990. // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018. https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/23738871.2016.1228990?needAccess=true

[2] См. резолюцию 71/199 Генеральной Ассамблеи, пункт 5 g); резолюцию 34/7 Совета по правам человека, пункт 5 g).

«личная жизнь» и «корреспонденция» согласно пункту 1 статьи 8 (пункт 173 постановления ЕСПЧ от 4 декабря 2015 г. по делу Роман Захаров против Российской Федерации). В понятие частной (личной) жизни включаются аспекты физической и социальной индивидуальности человека, включая право на личную автономию, личное развитие и установление и развитие отношений с иными людьми и окружающим миром (пункт 27 постановления ЕСПЧ от 7 мая 2009 г. по делу Калачева против Российской Федерации) и др.[1]

В цифровую эпоху право беспрепятственно придерживаться своих мнений нередко также становится объектом посягательств. Например, рабочие документы, журналы и дневники, хранящиеся на жестких дисках портативных компьютеров и в облачных хранилищах, все чаще подвергаются хакерским атакам... В сообщениях содержатся утверждения о том, что лица могут подвергаться преследованию, по меньшей мере частично, из-за их членства в какой-либо организации. Такое преследование может рассматриваться как недопустимое ограничение свободы мнений согласно пункту 1 статьи 19, а также ущемление права на свободу ассоциации согласно статье 22 Пакта (пункт 6 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение. Поощрение и защита права на свободу мнений и их свободное выражение. Размещен 6 сентября 2016 г. A/71/373). Когда в рамках официального расследования в отношении отдельного лица или проведения его проверки органом безопасности между органами безопасности проводится обмен личной информацией на основании проведения борьбы с терроризмом, право на неприкосновенность частной жизни затрагивается практически в автоматическом порядке. Речь идет о ситуации, при которой государства имеют законные полномочия на ограничение права на неприкосновенность частной жизни в соответствии с международным правом в области прав человека. Вместе с тем борьба с терроризмом не является «козырной картой», которая автоматически оправдывает легитимность любого посягательства на право на неприкосновенность частной жизни. В каждом случае такое вмешательство необходимо подвергать критической оценке (пункт 13 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.)[2].

---

[1] Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, а также позиций, выработанных в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека. Верховный Суд Российской Федерации. 2017 // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018. http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26335/

[2] Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения. Верховный Суд Российской Федерации. 2018 // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018. http://www.supcourt.ru/documents/international_practice/26427/

Однако в современном мире с развитием информационных технологий угрозы и посягательства на неприкосновенность частной жизни только увеличиваются. Анализируя Доклад Верховного комиссара ООН по правам человека от 03.08.2018 г. (A/HRC/39/29), указанные посягательства можно разделить на следующие две группы: расширение использования личных данных правительствами и компаниями, а также государственное слежение и перехват сообщений.[1]

К первой группе относятся такие тенденции и проблемы, как:

- усиление цифрового следа, поскольку государства и компании собирают и используют всё больше данных, относящихся к частной жизни физических лиц. Огромные потоки данных, касающихся миллиардов людей, собираются персональными компьютерами, смартфонами, «умными часами», фитнес-браслетами и другими личными аксессуарами. Стремительно растущее число других взаимосвязанных устройств и датчиков, установленных в так называемых «умных домах» и «умных городах», добавляют дополнительные данные. Масштабы и глубина собираемой и используемой информации огромны: начиная от идентификаторов устройств, адресов электронной почты и телефонных номеров и заканчивая биометрическими, медицинскими и финансовыми данными и моделями поведения. Многие подобные вещи происходят без ведома затронутых лиц и без осознанного согласия;

- обмен и сведение данных, так как компании и государства постоянно обмениваются личными данными из различных источников и баз данных и занимаются их сведением, причем ключевую роль здесь играют коммерческие поставщики данных. Как следствие, люди оказываются бессильны, поскольку практически невозможно отследить, кто и какой информацией о них обладает, не говоря уже о том, чтобы контролировать множество ситуаций, в которых такая информация может использоваться;

- биометрические данные, поскольку государства и предприятия все чаще внедряют системы, предусматривающие сбор и использование биометрических данных, таких как ДНК, лицевая геометрия, голос, узор сетчатки и радужной оболочки глаза и отпечатки пальцев. Некоторые страны создали огромные централизованные базы данных для хранения такой информации в разных целях – от целей национальной безопасности и уголовных расследований до поиска лиц при необходимости получения основных услуг, таких как социальные и финансовые услуги и образование. Государственные субъекты во всем мире устанавливают камеры видеонаблюдения с замкнутой системой в городах, на железнодорожных вокзалах и в аэропортах, где используется автоматическое распознавание лиц

[1] Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. The right to privacy in the digital age. A/HRC/39/29 // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018. https://www.ohchr.org/Documents/Issues/DigitalAge/ReportPrivacyinDigitalAge/A_HRC_39_29_EN.pdf

для поиска и маркировки отдельных людей. Биометрические технологии все чаще используются для контроля за миграцией как на границах, так и внутри стран. Создание массовых баз биометрических данных вызывает серьезную озабоченность в области прав человека. Такие данные носят особенно конфиденциальный характер, поскольку они по определению неразрывно связаны с конкретным лицом и его жизнью и могут подвергаться серьезным злоупотреблениям. Например, крайне трудно компенсировать последствия кражи персональных биометрических данных, которая может серьезно затронуть права физического лица. Кроме того, биометрические данные могут быть использованы не для тех целей, для которых они собирались, включая незаконное отслеживание и мониторинг отдельных лиц. С учетом этих рисков при сборе биометрических данных необходимо уделять особое внимание вопросам необходимости и соразмерности. В этой связи вызывает тревогу тот факт, что некоторые государства приступили к осуществлению масштабных проектов с использованием биометрических данных, не внедрив адекватных правовых и процессуальных гарантий;

- укрепление аналитического потенциала технологий, основанных на использовании данных, продолжает расти в геометрической прогрессии. Методы анализа больших данных и искусственный интеллект расширяют возможности государств и компаний получать точную информацию о жизни людей, делать выводы об их физических и психических характеристиках и создавать подробные личные досье. В результате создается среда, порождающая угрозы для людей и обществ, которые трудно переоценить. Например, в последние годы мы стали свидетелями утечки данных огромных масштабов, в результате чего затронутые лица стали жертвами кражи персональных данных и раскрытия глубоко личной информации. Незаконный сбор и анализ данных происходит в контексте избирательных кампаний. Профили, «оценка» и «ранжирование» лиц могут использоваться для оценки права на медицинское обслуживание, иного страхового покрытия, финансовых услуг и др. Непрозрачные решения на основе использования данных в делах, имеющих серьезные последствия, например при вынесении приговоров и проведении оценки рецидива могут угрожать обеспечению надлежащей правовой процедуры. Попытки выявить лиц, представляющих потенциальную угрозу безопасности, в контексте прогнозирования преступности вызывают озабоченность, учитывая проблемы, связанные с транспарентностью, нарушением конституционных прав, подотчетностью и возможной дискриминацией;

Ко второй группе относятся такие тенденции и проблемы, как:

- массовое слежение: многие государства продолжают осуществлять тайное массовое слежение и перехват коммуникаций, сбор, хранение и анализ данных о всех пользователях в рамках широкого круга средств коммуникации (например, электронная почта, телефонные и видеозвонки,

текстовые сообщения и посещаемые веб-сайты). Хотя некоторые государства утверждают, что такое неизбирательное массовое слежение необходимо для защиты национальной безопасности, эта практика «не допускается международным правом прав человека, поскольку при таких мерах невозможно проводить анализ каждого конкретного случая на предмет необходимости и соразмерности применяемых мер» (см. A/HRC/33/29, пункт 58).[1] Как отметил Европейский суд по правам человека, «система тайного слежения, созданная для защиты национальной безопасности, может подорвать или даже уничтожить демократию под предлогом ее защиты»;[2]

- доступ к данным пользователей, имеющимся у коммерческих предприятий, так как государства часто полагаются на компании в деле сбора и перехвата личных данных. Например, некоторые государства обязывают поставщиков телекоммуникационных услуг и услуг доступа в Интернет предоставлять им прямой доступ к потокам данных, проходящих через их сети. Такие системы прямого доступа вызывают серьезную озабоченность, поскольку они особенно уязвимы для злоупотреблений и, как правило, идут в обход основных процессуальных гарантий.[3] Кроме того, некоторые государства требуют доступа к информации, которая собирается и хранится поставщиками телекоммуникационных и интернет-услуг. Государства продолжают вводить императивные требования к телекоммуникационным компаниям и поставщикам интернет-услуг, обязывающие их хранить данные о коммуникациях в течение длительного периода времени. Многие такие законы требуют от компаний неизбирательно собирать и хранить информацию о трафике всех подписчиков и пользователей в рамках всех средств электронной коммуникации. Они ограничивают способность людей общаться анонимно, создают опасность злоупотреблений и могут облегчить раскрытие информации третьим сторонам, включая преступников, политических противников или коммерческих конкурентов, путем взлома или иной кражи данных. Такие законы выходят за пределы того, что может считаться необходимым и соразмерным;[4]

- Взлом. По всей видимости, правительства все чаще полагаются на агрессивное проникающее программное обеспечение, которые «внедряется» в цифровые устройства физических лиц. Такого рода хакерская деятельность дает возможность осуществлять неизбирательный перехват и сбор всех видов коммуникаций и данных (зашифрованных и незашифрованных), а также получать дистанционный и тайный доступ к

[1] См. также A/HRC/27/37, пункт 25.

[2] См. Роман Захаров против России, пункт 232.

[3] См. Роман Захаров против России, пункт 270.

[4] Объединенные дела Европейского суда C-203/15 и C-698/15, «Теле2 Свериге АБ» против Шведского почтового и телекоммуникационного агентства и Министр внутренних дел против Уотсона, постановление от 21 декабря 2016 года, п. 107; CCPR/C/ZAF/CO/1, пункты 42–43; и CCPR/C/CMR/CO/5, п. 39–40.

личным устройствам и хранящимся на них данным, позволяя проводить слежение в режиме реального времени и манипулировать данными на таких устройствах.[1] Это угрожает не только праву на неприкосновенность личной жизни, но и правам, относящимся к процессуальной законности, применительно к использованию таких доказательств в ходе судопроизводства (см. A/HRC/23/40, пункт 62). Хакерская деятельность также ставит серьезные проблемы, связанные с экстерриториальностью, поскольку она может затрагивать физических лиц во многих юрисдикциях. Кроме того, взлом опирается на использование уязвимых мест в системах информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и, таким образом, усугубляет угрозы безопасности для миллионов пользователей.

- Попытки ослабления шифрования и анонимности. Неоднократные попытки государств ослабить технологии шифрования и ограничить доступ к инструментам анонимизации также угрожают безопасности и конфиденциальности общения и другой деятельности в Интернете. Некоторые государства требуют встраивания в системы шифрования сообщений утвержденных «потайных ходов», обязывают поставщиков услуг шифрования сообщений передать ключи шифрования (см. A/HRC/29/32, пункты 38–45) или даже запрещают или блокируют некоторые приложения для безопасной связи, включая приложения для использования зашифрованных текстовых сообщений и виртуальные частные сети и сети по анонимизации. Шифрование и анонимность обеспечивают отдельным лицам и группам пространство неприкосновенности частной жизни в Интернете, где они могут иметь собственное мнение и осуществлять свободу выражения мнений без произвольного и незаконного вмешательства или посягательств (A/HRC/29/32).[2] Инструменты шифрования и анонимизации широко используются во всем мире, в том числе правозащитниками, гражданским обществом, журналистами, лицами, сообщающими о нарушениях, и политическими диссидентами, которым угрожает преследование и притеснение. Их ослабление ставит под угрозу конфиденциальность всех пользователей и подвергает их опасности незаконного вмешательства не только государств, но и негосударственных субъектов, включая преступные сети. Такое широкомасштабное и неизбирательное воздействие несовместимо с принципом соразмерности (см. A/HRC/29/32, пункт 36);

- Обмен разведывательными данными. Правительства по всему миру регулярно обмениваются разведывательными данными о физических ли-

[1] Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, «Encryption and anonymity follow-up report» (June 2018).

[2] UCI Law International Justice Clinic, «Selected references: unofficial companion to report of the Special Rapporteur (A/HRC/29/32) on encryption, anonymity and the freedom of expression»; Amnesty International, «Encryption. A matter of human rights» (March 2016); и Wolfgang Schulz and Joris van Hoboken, «Human rights and encryption», United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (2016).

цах вне каких-либо правовых рамок и без надлежащего надзора.[1] Обмен разведданными создает серьезный риск того, что государства могут использовать этот канал для обхода внутренних правовых ограничений, полагаясь на другие стороны для получения информации и последующего обмена ею. Такая практика несовместима с принципом законности и может поставить под угрозу сам принцип права на неприкосновенность частной жизни (см. A/HRC/27/37, пункт 30). Угроза для защиты прав человека является особенно серьезной в тех случаях, когда разведданные предоставляются государствам со слабой правоохранительной системой и/или государствам, известным своими продолжительными и систематическими нарушениями прав человека. Разведывательные данные, полученные одним государством от другого, могли быть получены в нарушение международного права, в том числе в результате применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения. Риски в области прав человека, связанные с обменом разведданными, усугубляются отсутствием на сегодняшний день транспарентности, подотчетности и надзора за функционированием механизмов обмена разведданными (см. A/69/397, пункт 44, CCPR/C/GBR/CO/7, пункт 24, CCPR/C/SWE/CO/7, пункт 36). За очень немногими исключениями, законодательство не смогло поставить обмен разведывательной информацией в надлежащие правовые рамки в соответствии с принципом законности согласно международному праву прав человека;

- Трансграничный доступ к данным, находящимся в распоряжении компаний. Недавно были предприняты усилия по созданию правовых механизмов, направленных на облегчение доступа государств к личной информации, хранящейся на серверах коммерческих предприятий за рубежом. Получение доказательств в ходе уголовного расследования, несомненно, является важной и законной целью. Однако такой доступ может привести к ослаблению или обходу процессуальных гарантий, таких как требование о получении разрешения со стороны независимого органа и создание надлежащих механизмов надзора. Трансграничные запросы также могут негативно влиять на доступ отдельных лиц к механизмам апелляции и судебной защиты. Особую озабоченность вызывает опасность того, что государства со слабой правоохранительной системой и/или проблемами в области прав человека могут получить доступ к конфиденциальной информации о физических лицах без надлежащей защиты от нарушений прав человека.

Международные правозащитные рамки создают прочную основу для разработки мер реагирования на многочисленные вызовы, возникающие в эпоху цифровых технологий. Существует настоятельная необходимость

[1] Privacy International, Secret Global Surveillance Networks: Intelligence Sharing between Governments and the Need for Safeguards (April 2018) и http://www.ohchr.org/Documents/Issues/DigitalAge/ReportPrivacyinDigitalAge/SRCT.pdf.

полного выполнения государствами своих обязательств по соблюдению права на неприкосновенность частной жизни, а также своих обязанностей по защите этого права, в том числе от корпоративных злоупотреблений. Для достижения этой цели необходимо создать надлежащие правовые и политические рамки, в том числе принять надлежащие законодательные и нормативные акты с целью защиты неприкосновенности частной жизни, основанные на принципах законности, соразмерности и необходимости, и обеспечить гарантии, надзор и средства правовой защиты.

В этой связи в национальном законодательстве необходимо тщательно разработать и принять эффективное, справедливое и современное правовое регулирование конституционного права на информацию и закрепить дополнительные гарантии неприкосновенности частной жизни в информационном пространстве и обществе с учетом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в сфере прав и свобод человека и гражданина, а также на основе имплементации норм международного права и позиций ЕСПЧ систематизировать нормы национального законодательства об охране и защите частной жизни, включая защиту конфиденциальности данных, с целью действенной защиты права на неприкосновенность частной жизни.

Библиографический список:

1. *Балашкина И.В.* Право на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.

2. *Бурылов А.В., Кочев В.А.* Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в Российской Федерации. Перм. ун-т. Пермь, 2006. 47 с.

3. *Ковлер А.И.* Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. Вып. 1: Европейская конвенция: новые «старые» права. М.: Статут, 2015. С. 19–65.

4. *Кочев В.А., Эктумаев А.Б.* Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 134–142. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-134-142.

5. *Митцукова Г.А.* Право на неприкосновенность частной жизни как конституционное право человека и гражданина: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 182 с.

6. *Несмелов П.В.* Конституционно-правовое обеспечение прав человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 196 с.

7. *Солгалов С.В.* Конституционно-правовые основы права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 20 с.

8. *Хессе Конрад.* Основы конституционного права ФРГ. М.: Юрид. лит., 1981. 370 с.

9. *Pescatore P.* L'ordre juridique des Communautés europpéennes. Presses universitaires de L'iège. 1975.

10. *Smith, Rhona K.M.* The essentials of Human Rights / Rhona K.M. Smith, van der Anker. Hodder Arnold, 2005. P. 115. ISBN 0-340-81574-4.

11. *Paul Bernal.* Data gathering, surveillance and human rights: recasting the debate. Journal of Cyber Policy. 2016. 1:2. Pp. 243–264. DOI: 10.1080/23738871.2016.1228990. // [Электронный ресурс]: дата обращения 20.09.2018.https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/23738871.2016.1228990?needAccess=true

12. *Wolfgang Schulz and Joris van Hoboken,* «Human rights and encryption», United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (2016).

УДК: 346.775:004

ПРАВО КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В.Д. Саттаров,
Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: sattarov_@mail.ru.

Аннотация: настоящая статья посвящена проблемам и перспективам развития права коммерческой тайны в условиях современной цифровизации общества. Автор, используя разнообразные методы исследования, в том числе исторический и сравнительный анализ, делает выводы о необходимости поиска путей совершенствования права коммерческой тайны. Принимая во внимание требование достижения баланса между исследуемым правом и правом на информацию, автор предлагает использовать в отечественном законодательстве некоторые западные правовые институты, а также рекомендует более гуманно относиться к информационным потребностям личности.

Ключевые слова: право коммерческой тайны, право на информацию, цифровизация общества, конфиденциальная информация, конституционный баланс.

THE RIGHT OF COMMERCIAL SECRET IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

V.D. Sattarov,
Perm Institute of the Federal Service for the Execution of Punishments of Russia.
125, Karpinsky St., Perm, Russia, 614012
E-mail: sattarov_@mail.ru.

Annotation: this article is devoted to the problems and prospects for the development of the right of commercial secret in the conditions of digitalization of society. The author uses a variety of research methods, including historical and comparative analysis. These methods made it possible to draw conclusions about the need to find ways to improve the law of commercial secrets. The arti-

cle takes into account the need to achieve a constitutional balance between the studied right and the right to information. The author bases on this argument and proposes to use in the legislation of Russia some Western legal institutions. In addition, the article recommends more humane attitude to the information needs of the individual.

Key words: the right of commercial secret, the right to information, digitalization of society, confidential information, the constitutional balance.

Коммерческая тайна имеет длительную историю, которая неоднократно становилась предметом исследований ученых-юристов, проявлявших активный интерес к проблемам развития правового регулирования в данной сфере общественной жизни.

Среди наиболее известных научных работ по заявленной теме, внесших свой вклад в совершенствование юридической науки, следует отметить очерк А.А. Фатьянова, подробно характеризующий трансформацию нормативной основы института коммерческой тайны начиная с имперского периода и заканчивая моментом возрождения рыночных экономических отношений в нашей стране[1], а также труд И.С. Кокорина и З.Р. Игбаевой, в котором проанализирован еще более длительный период времени с древнейших времен до нового времени[2].

Авторы перечисленных исследований, оперируя идентичными фактами из истории становления коммерческой тайны, пришли к схожему по своему содержанию выводу, суть которого заключается в том, что эволюция правового регулирования анализируемого правового института всегда закономерна и зависит от конкретных условий жизни общества.

В настоящее время изменения в жизни людей плотно связывают с явлением цифровизации, которое набирает все большую популярность и становится фундаментальным трендом современности, результатом которого становится возрастание давления на бизнес-среду. Предприниматели и предприятия вынуждены подстраиваться под новые веяния, меняя подходы к управлению информацией.

Все чаще диалог и расчёты с клиентом осуществляются дистанционно, с помощью достижений коммуникативных технологий и онлайн-банков. Сведения о способах производства, результаты исследований рынка и другая информация, которая потенциально может принести прибыль, активно переводится в цифровой формат. Уступая место хакерским атакам, уходит в прошлое традиционный промышленный шпионаж.

[1] *Фатьянов А.А.* Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений // Пространство и время. 2014. № 4. С. 168–174.

[2] *Кокорин И.С., Игбаева З.Р.* Развитие коммерческой тайны в России (историко-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1. С. 92–100.

Эти и другие изменения не могли не отразиться на современном праве, в том числе на состоянии правового регулирования коммерческой тайны. По словам В.Н. Монахова «цифровизация всего и вся в окружающем нас информационном пространстве… вызовет буквально тектонические сдвиги в нашем восприятии… существенно изменит информационные механизмы наших размышлений и действий[1]».

Вряд ли кто-то оспорит, что одни из самых важных преобразований будут иметь место в секторе экономики и предпринимательства. В таких обстоятельствах справедливо будет произвести оценку исследований права коммерческой тайны как одних из наиболее актуальных в современной правовой науке.

На наш взгляд, защита этого права входит в число приоритетов государства, но одновременно с этим необходимо также учитывать необходимость разумного сочетания информационной открытости и закрытости в экономической сфере. Право коммерческой тайны и конституционное право на информацию должны исследоваться системно, с учётом их взаимного влияния друг на друга.

Следуя такому подходу, мы произвели анализ правовых основ обоих прав. Мы считаем, что право коммерческой тайны базируется на п.1 ст.34 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Являясь основным экономическим правом, данная норма обеспечивает защиту прав и законных интересов участников рыночных отношений, что в условиях цифровизации общества объективно невозможно осуществить в отрыве от права коммерческой тайны.

Для уточнения содержания исследуемого права следует акцентировать внимание на несколько положений Федерального закона от 29 июля 2004 №98-ФЗ «О коммерческой тайне» (далее – Закон о коммерческой тайне), включающих в себя ряд значимых легальных понятий, в том числе:

1) информация, которая составляет коммерческую тайну. Под ней закон понимает сведения любого характера, которые имеют действительную или потенциальную ценность в силу неизвестности третьим лицам;

2) обладатель информации, которая составляет коммерческую тайну. Закон характеризует такое лицо как законного владельца данной информации, принявшего меры по ограничению доступа к ней.

Оба эти понятия требуют дополнительного раскрытия, так как в оценке их качественного потенциала научное сообщество еще не пришло к единым выводам. Например, с критикой отнесения информации к коммерче-

[1] *Монахов В.Н.* Утро пятой свободы (к проблеме совершенствования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 123.

ской тайне на основании ее действительной или потенциальной ценности выступал Г.З. Мансуров.

Названный автор считал, что отсутствие в законе разъяснений о данных критериях является негативным явлением, которое исключает практическую пользу нормы права. В качестве аргументации этой позиции указывалось на возможность дестабилизации практики правоприменения относительно коммерческой тайны, так как произвольный характер оценки информации создавал опасность злоупотреблений при установлении режима коммерческой тайны[1].

Вместе с тем необходимо учитывать и иную грань исследуемого вопроса, которая связана с приоритетом диспозитивных норм в гражданском праве. Широкое понимание коммерческой тайны в анализируемом законе вполне соответствует классическому принципу, господствующему в экономической жизни общества – разрешено все, что не запрещено.

Кроме того, правомерность возникновения права на защиту информации на основании исследуемого правового института должна оцениваться при учете перечней сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну. Установив такие перечни, закон создал страховку против подобного рода злоупотреблений.

Согласно ст. 5 Закона о коммерческой тайне недопустимо устанавливать режим конфиденциальности в отношении следующих сведений, которые можно сгруппировать в несколько групп, включая:

1) информацию, необходимую для осуществления предпринимательской деятельности и взаимодействия с другими участниками экономических отношений (п.1, 2 и 10 указанной статьи). Данные сведения содержатся в учредительных документах, лицензиях, предоставляются в открытом доступе налоговыми органами;

2) общественно значимую информацию (п.3-9). Например, запрещено распространять режим исследуемого правового института на информацию, которая касается факта загрязнения окружающей среды или состояния противопожарной безопасности. Сокрытие такой информации противоречит общественным интересам, может стать способом сокрытия факта нарушений прав и свобод граждан.

Применительно к данной группе следует сделать небольшую ремарку и указать на ее значительное сходство со шведским правовым институтом whistle-blowing, который в буквальном переводе на русский означает «право свистеть». В.Н. Монахов раскрывал социально-правовую сущность этого элемента законодательного регулирования европейских государств

[1] См.: *Мансуров Г.З.* Коммерческая тайна как разновидность конфиденциальной информации // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 4. С. 70.

весьма лаконичной фразой: «нельзя держать в секрете то, что в интересах общества должно быть разглашено»[1].

Чаще всего это право применяется к отношениям между гражданами и гражданским обществом с одной стороны и государством, публичными органами власти в лице их чиновников с другой. В таком случае должностные лица иностранных государств имеют защиту от возможного преследования за разглашение конфиденциальной информации в случае, если их действиями руководили мотивы общественных интересов.

Между тем с учетом формы построения ст.5 Закона о коммерческой тайне следует предположить, что использование такого правового института возможно и в общественных отношениях, не связанных с государственным сектором, как инструмент защиты прав работников предприятий, которые допустили огласку информации в целях препятствования нарушению прав и свобод граждан. Например, при информировании общественности о фактах слива сточных вод в водоемы или использовании в произведенном товаре вредных для здоровья веществ.

Предполагаем, что заимствование вышеуказанной формулы у Запада и внедрение ее в отечественную правовую действительность может иметь положительные последствия и будет способствовать улучшению баланса прав и свобод участников информационных отношений, в том числе в исследуемой сфере.

3) информацию, обязательность раскрытия которой прямо предписана законодательством (п.11). К примеру п.6 ст.28 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, обязательному опубликованию подлежит широкий перечень информации, в том числе сведения о введении стадий банкротства, утверждении, отстранении или освобождении арбитражного управляющего, о проведении торгов и так далее. Иные нормативные правовые акты также довольно часто содержат предписания об опубликовании отдельных категорий информации.

В отношении второго понятия необходимо обратить внимание, что впервые оно было введено в нормативный оборот лишь в 1994-м, во время принятия части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако в полной мере его использование стало возможно лишь с 2006 года, когда Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) установил полный перечень прав и обязанностей обладателя информации, который до этого не был сформулирован.

[1] *Монахов В.Н.* Информация как общественное достояние: политико-правовые грани проблемы // Архивы Российской Национальной библиотеки. 2016. URL: http://nlr.ru/tus/271004/monahov.htm (дата обращения: 29.09.2018).

На настоящий момент времени пп.1 п.3 ст.6 Закона об информации предоставляет обладателю информации право разрешать или ограничивать доступ к информации, определять порядок и условия такого доступа, защищать установленными законом способами свои права в случае незаконного получения информации или ее незаконного использования иными лицами.

Перечисленные полномочия фактически определяют содержание права коммерческой тайны, которое, ввиду совокупности вышеизложенного, можно расценивать как право обладателя информации (субъекта экономических отношений) устанавливать порядок доступа к сведениям, обладающим действительной или потенциальной ценностью, а также принимать меры по ее защите.

Вместе с тем принятие мер по защите коммерческой тайны является не только правом, но и обязанностью обладателя информации. Отсутствие каких-либо действий данного лица в указанном направлении повлечет невозможность защиты его прав. По словам Д.Г. Коровяковского, неразумная политика компании в отношении информационной безопасности «может послужить основанием для отказа в судебной защите интересов лица, не проявившего должной предусмотрительности в сфере охраны собственных секретов»[1].

Исходя из ст.4 Закона о коммерческой тайне право на отнесение сведений к числу подлежащих защите принадлежит самому обладателю информации. Только в том случае, если предприниматель или организация оценивает технологию своей деятельности как уникальную, в силу чего производимый им товар или услуга будет обладать конкурентными преимуществами, может идти речь о возникновении права коммерческой тайны, которое будет выражаться в конкретных действиях.

В своем классическом виде защита исследуемого права чаще всего принимает формы уведомления сотрудников предприятия о недопустимости разглашения конфиденциальных сведений, утверждения локальных нормативных правовых актов, которыми предусматриваются правила секретности в организации, проставления соответствующих грифов на документах, хранение этих документах в сейфах и т.д.

В условиях цифровизации общества применяемые меры по защите коммерческой тайны претерпевают значительную трансформацию. Растет ценность технических средств, криптографических методов преобразования информации, все чаще ограничивается доступ сотрудников к средствам связи на рабочем месте.

Подобного рода меры сопряжены с тем, что нарушения в сфере права коммерческой тайны часто заключаются в фактах копирования работником предприятия конфиденциальных сведений на внешний носитель, со-

[1] *Коровяковский Д.Г.* Защита коммерческой тайны предприятия: теоретические и практические аспекты // Юридический комментарий. 2006. № 3. С. 72.

хранении такой информации на своих страницах в социальных сетях или электронной почте, в случайном разглашении в ходе личной переписки.

Относительно недавно Конституционный суд Российской Федерации рассматривал показательное дело, которое заключалось в том, что работник предприятия направлял на свою электронную почту служебные документы, а также персональные данные других сотрудников, имея целью продолжить работу над ними дома.

Несмотря на то, что работник не имел умысла передать данные сведения третьим лицам, суд посчитал его увольнение правомерным, мотивировав это тем, что компания – владелец почтового сервера в ходе пересылки получала доступ к охраняемым законом сведениям, что следует рассматривать как разглашение коммерческой тайны. Постановление суда от 26 октября 2017 года №25-П, принятое по настоящему делу и содержащее вышеизложенные доводы, представляет собой яркий пример разрешения подобного рода споров.

Относительно случаев случайного разглашения необходимо отметить, что в современном мире чрезвычайно широко распространены ситуации, когда работники предприятия используют в рабочее время электронную почту и различного рода мессенджеры не только для отправления профессиональных функций, но и в личных целях.

Ряд рассматриваемых судами дел демонстрирует, что отрицательное отношение предприятий к такого рода практике может приводить к увольнению работников, при этом в качестве основания применения дисциплинарного наказания указывается пп. «в» п.6 ст.81 Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающего ответственность за факты разглашения охраняемой законом тайны.

Например, соответствующие события легли в основу определения Иркутского областного суда от 26 марта 2014 №33–2352/14, решения Мещанского районного суда города Москвы от 21 декабря 2016 по делу №2-11360/2016, апелляционного определения Московского городского суда от 16 мая 2017 по делу №33–17995/2017, а также иных судебных актов.

Вместе с тем, согласно п.43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 №2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», работодателю для обоснования правомерности своих действий по увольнению сотрудника необходимо представить доказательства того, что разглашенные сведения действительно относятся к коммерческой тайне.

В соответствии с п.4 ст.29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Поэтому пересылка, копирование или сохранение сведений с места работы само по себе не может являться основанием для применения к работнику санкций, если предприятие не

сможет доказать ценность передаваемой информации для осуществления коммерческой деятельности.

Обоснование необходимости отнесения информации к коммерческой тайне необходимо и служит цели не допустить произвольное ограничение права на информацию. При этом следует иметь в виду приоритет последнего права по сравнению с правами обладателя информации по ограничению доступа к ней. Практика отечественных судов, в том числе вышеизложенная, а также правовые позиции отдельных судей по исследуемому вопросу[1], указывают на поддержку таких доводов в большинстве изученных случаев.

Более того, принципиальная возможность использования ресурсов сети Интернет сотрудниками предприятий не только в рабочих целях была подтверждена Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ). Согласно постановлению ЕСПЧ от 05 сентября 2017 по делу Бэрбулеску против Румынии, полный запрет на пользование Интернетом в личных целях с рабочего компьютера неприемлем, так как в процессе общения человек формирует свою социальную личность и именно в контексте своего рабочего времени большинство людей имеют значительную, если не самую большую, возможность устанавливать отношения с внешним миром.

Изложенное снова отсылает нас к проблемам установления границ права на информацию и права коммерческой тайны. Подводя итоги настоящему исследованию, следует отметить, что эти проблемы не имеют очевидного решения, но учет и использование лучшей зарубежной практики, а также достижений и особенностей цифровизации общества позволит нам хотя бы приблизиться к достижению баланса между этими важнейшими правами.

Мы полагаем, что на развитие исследуемого права значительное влияние может оказать применение в отечественном законодательстве такого института, как whistle-blowing, в то же самое время гуманное отношение к потребностям человека в общении, которое обостряется в современном мире, должно стать одним из принципов правоприменения.

В целом же перспективы изменений права коммерческой тайны, равно как и связанного с ними законодательства, которые неизбежно будут иметь место в праве, еще только предстоит исследовать.

Библиографический список:

1. *Кокорин И.С., Игбаева З.Р.* Развитие коммерческой тайны в России (историко-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1. С. 92–100.

[1] *Шульга И.В.* Позиция суда о праве на информацию // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 54–55.

2. *Коровяковский Д.Г.* Защита коммерческой тайны предприятия: теоретические и практические аспекты // Юридический комментарий. 2006. № 3. С. 71–77.

3. *Мансуров Г.З.* Коммерческая тайна как разновидность конфиденциальной информации // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 4. С. 69–71.

4. *Монахов В.Н.* Информация как общественное достояние: политико-правовые грани проблемы // Архивы Российской Национальной библиотеки. 2016. URL: http://nlr.ru/tus/271004/monahov.htm (дата обращения: 29.09.2018).

5. *Монахов В.Н.* Утро пятой свободы (к проблеме совершенствования правового режима свободы информации и знаний как ценностей и драйверов развития) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 121–135.

6. *Фатьянов А.А.* Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений // Пространство и время. 2014. № 4. С. 168–174.

7. *Шульга И.В.* Позиция суда о праве на информацию // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 52–56.

УДК: 351:004.9

ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Ж.И. Седова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: zhanna.sedova@enel.com

Аннотация: цифровизация является одним из механизмов глобализации, проникающих во все процессы жизнедеятельности, включая производственные отношения, требующие жесткого правового регулирования в сфере охраны труда и техники безопасности. Переход к цифровым технологиям при эксплуатации опасных производственных объектов должен обязательно соответствовать законодательным требованиям, в связи с чем процесс диджитализации в этой области не опередит правовое регулирование, которое обычно отстает от складывающихся отношений с использованием цифровых технологий. Таким образом, актуальной задачей современного правового регулирования в сфере промышленной безопасности является разработка сбалансированных норм, позволяющих цифровизировать процессы в области техники безопасности и охраны труда при эксплуатации технологически сложного оборудования. Примером цифровизации на производстве является законодательное закрепление электронного наряда-допуска на выполнение работ в электроустановках и совокупности юридических требований к установке системы видеонаблюдения на опасных производственных объектах для сбора и обработки информации.

Ключевые слова: диджитализация, система видеонаблюдения на опасных производственных объектах, защита персональных данных работника, наряд-допуск в электронном виде, электронная подпись.

LEGISLATION REQUIREMENTS FOR THE TRANSITION TO DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF HAZARDOUS PRODUCTION FACILITIES

Zh.I. Sedova,
Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117418
E-mail: zhanna.sedova@enel.com

Annotation: digitalization is one of the mechanisms of globalization, getting into all processes of daily living activities, including production relations, which require strict legal regulation in the field of health and safety. The transition to the digital technologies in the operation of hazardous industrial facilities shall be mandatory in compliance with the law requirements, and therefore the process of digitalization in this area will not precede the legal regulation, which usually lags behind the emerging relationship with the use of digital technologies. Thus, an actual task for modern legal regulation in the field of industrial safety is the development of balanced norms that allow to digitalize the processes in the field of health and safety when operate technologically complex equipment. An example of digitalization at the production operation is the legislative consolidation of an electronic permit-to-work form for the performance of works in electricity-generating equipment and a complex of legal requirements for the installation of a video monitoring system at hazardous production facilities for the collection and processing of information.

Key words: digitalization, video monitoring system at hazardous production facilities, protection of employee's personal data, permit-to-work in electronic form, electronic signature.

Основными видами деятельности, цифровизация которых активно реализуется на практике обществами, владеющими промышленными объектами, являются: в производственной сфере – это организация видеонаблюдения за производственными процессами для целей сокращения несчастных случаев и повышения дисциплины труда работников; в сфере корпоративного управления – это создание электронной платформы для организации деятельности совета директоров, электронного голосования акционеров на общем собрании акционеров, если такая возможность электронного голосования закреплена уставом общества; в сфере трудового права – это подписание электронной подписью документов, регулирующих трудовые отношения; в сфере организации документооборота – это

создание электронного документооборота компании по ознакомлению, согласованию документов, их обмену и хранению; в сфере налогового учета – это подписание электронной подписью документов, имеющих налоговые последствия и обмен информацией с налоговыми органами по цифровым каналам связи. Каждая компания заинтересована в диджитализации[1] своих процессов и нахождении тех цифровых решений, которые приспособлены исключительно под внутренние требования и специализацию компании или холдинга. Однако для того, чтобы цифровизировать те или иные направления деятельности в обществе, необходимо разобраться, насколько российское законодательство обладает гибкостью для возможности применения цифровых решений. Особенно существенное значение имеет соответствие диджитал-технологий, используемых на опасных производственных объектах, жестким требованиям действующего законодательства.

Цифровизация в производственной сфере выражается, прежде всего, в установке систем мониторинга показателей состояния действующего оборудования, систем алкотестирования работников на проходных пунктах и систем видеонаблюдения на опасных производственных объектах, что позволяет передавать оперативно информацию о нарушениях охраняемого периметра объектов, нарушениях правил эксплуатации и ремонтов основного оборудования, об авариях на производстве.

В связи с тем, что для целей мотивации исполнения дисциплины труда, соблюдения требований промышленной безопасности и охраны труда работодатель стремится повсеместно устанавливать видеонаблюдение для сбора и обработки соответствующей информации, то необходимо проанализировать законодательные требования к установке и использованию системы видеонаблюдения на опасных производственных объектах.

Действующее трудовое законодательство РФ не содержит положений, запрещающих организациям устанавливать системы видеонаблюдения, равно как и положений, регулирующих порядок установки системы видеонаблюдения на рабочих местах. Вместе с тем в некоторых случаях установка видеонаблюдения может быть предписана требованиями закона. В частности, согласно статье 10 Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, обязана создавать системы наблюдения, оповещения, связи и поддержки действий в случае аварии и поддерживать указанные системы в пригодном к использованию состоянии.

Кроме того, в силу статей 22 и 212 Трудового кодекса РФ работодатель обязан обеспечивать безопасные условия и охрану труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда. Рабочее

[1] Диджитализация (от английского слова «digitalization») – переход на цифровые технологии, на электронные каналы взаимодействия (с клиентами, акционерами и т.п.).

место работника прямо или косвенно находится под контролем работодателя согласно части 6 статьи 209 Трудового кодекса РФ. Следовательно, установка систем видеонаблюдения на производственных объектах (в производственных помещениях) является нормативно обоснованной, поскольку обусловлена выполнением работодателем требований по обеспечению охраны труда и техники безопасности.

Установка систем видеонаблюдения на рабочих местах административных работников вспомогательных функций (бухгалтеров, юристов и т.п.), т.е. не связанных непосредственно с производством, должна быть выполнена в соответствии с законом и (или) трудовым договором, когда видеонаблюдение необходимо для обеспечения безопасных условий труда, сохранности материальных ценностей и надлежащего выполнения работником других трудовых обязанностей. Таким образом, при установке на рабочих местах системы видеонаблюдения необходимо соблюдать следующее.

1) Право работника на информацию об условиях труда:

Согласно части 1 статьи 21 Трудового кодекса РФ работник имеет право на полную достоверную информацию об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте, включая реализацию прав, предоставленных законодательством о специальной оценке условий труда. Таким образом, при установке систем видеонаблюдения на рабочих местах необходимо проинформировать работника под роспись о наличии видеонаблюдения на рабочем месте, а места установки видеокамер (систем видеонаблюдения) обозначить соответствующими табличками.

2) Неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны:

В соответствии с частью 1 статьи 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается согласно части 1 статьи 24 Конституции РФ. Правовая охрана изображения гражданина как нематериального блага предусмотрена статьей 152.1 Гражданского кодекса РФ с изъятием из общего запрета – например, когда видеосъемка производится в местах, открытых для общего доступа[1]. Таким образом, в целях недопущения нарушения указанных прав работников не допускается установка системы видеонаблюдения в раздевалках, душевых, туалетах, медпунктах и иных местах, связанных с частной (личной, семейной) жизнью работника.

3) Защита персональных данных работника:

В соответствии с пунктом 1 статьи 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно опреде-

[1] *Патракеев С., Дмитриев Д.* Видеонаблюдение: юридические аспекты // Трудовое право. 2012. № 6. С. 105–117.

ленному либо определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Осуществление видеонаблюдения за трудовым процессом и, соответственно, за работником расценивается как обработка персональных данных, поскольку под «обработкой персональных данных» согласно статье 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» понимается сбор, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передача (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных.

В силу статьи 87 Трудового кодекса РФ порядок хранения и использования персональных данных работников устанавливается работодателем с соблюдением требований Трудового кодекса РФ и иных федеральных законов. Лица, виновные в нарушении положений законодательства РФ в области персональных данных при обработке персональных данных работника, привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами, а также привлекаются к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами (ст. 90 Трудового кодекса РФ).

Согласно подпункту 1 части 1 статьи 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных. Кроме того, Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определены условия и порядок обработки персональных данных в целях недопущения нарушения прав обладателей персональных данных.

Обращаю внимание, что согласно Разъяснениям Роскомнадзора[1] «О вопросах отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки» при ведении видеонаблюдения в рабочих помещениях

[1] Согласно статье 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций», Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – «Роскомнадзор») является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также функции по организации деятельности радиочастотной службы. Роскомнадзор является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по защите прав субъектов персональных данных.

оператора с целью фиксации возможных действий противоправного характера согласно статье 74 Трудового кодекса РФ работники должны быть уведомлены за два месяца об изменении условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (введением видеонаблюдения), под роспись.

В то же время суды придерживаются иного подхода и считают, что не требуется включать в трудовой договор специальное условие о системе видеонаблюдения на рабочем месте, так как видеонаблюдение является необязательным условием трудового договора с учетом части 2 статьи 57 Трудового кодекса РФ, т.е. наличие или отсутствие видеонаблюдения рабочего места не относится к существенным условиям труда, в связи с чем не нужно уведомлять работников об установке видеонаблюдения за два месяца в порядке, предусмотренном статьей 74 Трудового кодекса РФ. Установка системы видеонаблюдения на рабочем месте не является изменением условий трудового договора, так как видеонаблюдение связано с обеспечением безопасности и не является и источником получения персональных данных работника по смыслу, заложенному в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[1].

Учитывая вышеизложенное, в целях соблюдения перечисленных выше требований российского законодательства при введении системы видеонаблюдения в обществе, в том числе на его производственных объектах, необходимо: (1) разработать локальный нормативный акт, регламентирующий: места установки систем видеонаблюдения; порядок и условия установки, использования систем видеонаблюдения; порядок и условия использования, хранения, уничтожения информации (данных) с систем видеонаблюдения; ответственных лиц за соблюдение требований по установке, использования систем видеонаблюдения, а также сборе, хранении/уничтожении данных (информации) с систем видеонаблюдения; (2) ознакомить работников общества с указанным локальным актом под роспись согласно статье 22 Трудового кодекса РФ; (3) в помещениях, в которых будет вестись видеонаблюдение, разместить информационные таблички об установке системы видеонаблюдения с графическим изображением, а также текстовым информированием о наличии видеонаблюдения; (4) проверить наличие письменного согласия всех работников на обработку персональных данных работников, в том числе с использованием систем видеонаблюдения в помещениях, в периметре охраняемой зоны территории общества.

Одним из важных вопросов в сфере обеспечения техники безопасности при выполнении ремонтов оборудования собственным операци-

[1] См. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.08.2016 № 33-30048/2016, Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 15.10.2013 по делу № 33-8403/2013 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

онным персоналом и (или) работниками подрядных организаций является оформление нарядов-допусков. От соблюдения выдающим лицом порядка оформления наряда-допуска и выполнения ремонтной бригадой требований наряда-допуска зависит безопасность проведения работ и ответственность должностных лиц за отсутствием несчастных случаев на производстве. Выдача нарядов-допусков относится к требованиям охраны труда и является элементом промышленной безопасности. Под промышленной безопасностью опасных производственных объектов понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий таких аварий[1].

Порядок оформления наряда-допуска (далее – «наряд») для безопасного проведения работ зависит от вида технологически сложного оборудования, на котором необходимо выполнить ремонтные работы. Для целей выполнения ремонтных работ на электроустановках разрешается выдача нарядов в электронном виде.

До 03.08.2014 оформление нарядов регулировалось «ПОТ Р М-016-2001. РД 153-34.0-03.150-00. Межотраслевые Правила по охране труда (Правила безопасности) при эксплуатации электроустановок», утвержденные Постановлением Министерства труда и социального развития РФ от 05.01.2001 № 3 и Приказом Министерства энергетики РФ от 27.12.2000 № 163, (далее – Межотраслевые правила)[2]. Согласно пункту 2.2 Межотраслевых правил письменная форма для наряда до 03.08.2014 была обязательной. Однако 03.08.2014 вступил в силу Приказ Минтруда России от 24.07.2013 № 328н «Об утверждении Правил по охране труда при эксплуатации электроустановок» (далее – «Приказ № 328н»). Согласно пункту 6.1 Приказа № 328н наряд разрешено оформлять в электронном виде и передавать по электронной почте. При этом согласно пункту 6.6 Приказа № 328н выдача и заполнение наряда, ведение журнала учета работ по нарядам и распоряжениям допускается в электронной форме с применением автоматизированных систем и использованием электронной подписи в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Из вышеприведенных положений Приказа № 328н очевидно, что в электронной форме могут осуществляться следующе действия: оформление наряда (выдача и заполнение наряда) по форме Приложения № 7 к Приказу № 328н, передача наряда, ведение журнала учета работ по нарядам и распоряжениям.

---

[1] *Устинов А.А.* Классификация опасных производственных объектов и требования промышленной безопасности // Правовой энергетический форум. 2015. № 4. С. 4–11.

[2] Документ фактически утратил силу в связи с изданием Приказа Минтруда России от 24.07.2013 № 328н, утвердившего новые Правила по охране труда при эксплуатации электроустановок.

Следует учитывать, что оформление (выдачу и заполнение) наряда, а также его передачу осуществляет работник, выдающий наряд. Пункт 5.2 Приказа № 328н устанавливает исчерпывающий перечень работников, ответственных за безопасное ведение работ в электроустановках. Таким образом, только работник, выдающий наряд, может использовать электронную подпись, все другие лица, чьи подписи предусмотрены формой наряда, должны расписываться лично без применения электронной цифровой подписи. Согласно пункту 4.1 Приказа № 328н указания по заполнению наряда предусмотрены Приложением № 7 к Приказу № 328н. Приложением № 7 к Приказу № 328н предусмотрено наличие в наряде подписей всех лиц, перечисленных в пункте 5.2 Приказа № 328н, и этим лицам не предоставлено право использования электронной подписи, кроме работника, выдающего наряд. Поэтому проставление подписи в наряде всеми иными работниками, ответственными за безопасное ведение работ в электроустановках, кроме выдающего наряд, должно осуществляться на документе (наряде), изготовленном на бумажном носителе.

Приказ № 328н не определяет тип электронной подписи для наряда, указав общую ссылку в пункте 6.6 на необходимость использования электронной подписи в соответствии с законодательством Российской Федерации. Порядок использования электронной подписи регулируется Федеральным законом № 63-ФЗ от 06.04.2011 «Об электронной подписи», в статье 5 которого предусмотрены простая и усиленная электронные подписи, последняя делится на квалифицированную и неквалифицированную.

Наибольшей юридической силой обладает квалифицированная подпись, поскольку электронная квалифицированная подпись позволяет достоверно определить лицо, подписавшее электронный документ. В пункте 1 статьи 6 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» презюмируется, что информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе. Например, в пункте 4.1.3 Правил техники безопасности при эксплуатации тепломеханического оборудования электростанций и тепловых сетей (РД 34.03.201-97), утвержденных Министерством топлива и энергетики РФ 03.04.1997, указано, что наряд-допуск – это письменное распоряжение на безопасное производство работ. Таким образом, не допускается оформление в электронной форме наряда на безопасное проведение работ на тепломеханическом оборудовании и тепловых сетях.

В соответствии с пунктом 2 статьи 6 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» информация в электронной форме, подписанная простой электронной подписью или усиленной неквалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, в случаях, установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия.

Учитывая вышеизложенные положения нормативных актов, а также в целях исключения риска признания наряда-допуска, подписанного электронной подписью, оформленным ненадлежащим образом, для подписания наряда-допуска электронной подписью сторонам договора подряда, в рамках которого необходимо выполнить работы по ремонту электроустановки, рекомендуется заключить отдельное соглашение об использовании электронной подписи, в котором предусмотреть согласие сторон на оформление нарядов посредством электронной подписи с определением вида электронной подписи, удостоверяющего центра, порядка создания и проверки электронных подписей и т.д.[1]

Несмотря на юридическую возможность заключения в электронном виде с использованием электронной подписи как гражданско-правового договора на выполнение работ на опасных производственных объектах, так и нарядов-допусков на некоторые виды работ, факт надлежащего заключения или оформления любого из документов может быть оспорен другим участником электронного документооборота и, соответственно, может стать основанием для судебного спора, в связи с чем в юридической науке также требуют изучения средств и способов доказывания в судебном процессе надлежащего использования цифровых технологий для выработки единого подхода к оценке электронных доказательств[2].

Вышеописанные примеры применения цифровых систем мониторинга и цифровых решений при создании документов в сфере охраны труда и техники безопасности в электронном виде с использованием электронной подписи в процессе эксплуатации опасных производственных объектов свидетельствуют о том, что современное правовое регулирование посте-

[1] Данная рекомендация сделана для тех обществ, которые до сих пор не перешли на процедуру оформления актов-допусков и нарядов-допусков в порядке Правил по охране труда при размещении, монтаже, техническом обслуживании и ремонте технологического оборудования, утвержденных Приказом Минтруда России от 23.06.2016 № 310н, и продолжают оформление нарядов-допусков силами заказчика для работников подрядчика. В связи с существующими противоречиями в законодательстве, регулирующем порядок оформления актов-допусков и нарядов-допусков, ожидаются разъяснения от Минэнерго РФ по запросу генерирующей компании.

[2] *Крылов Е.* Электронные доказательства: когда скайп, смс и переписка по e-mail помогут выиграть спор // Юрист компании. № 3. 2017. URL: https://e.lawyercom.ru/article.aspx?aid=540177 (дата обращения: 23.09.2018).

пенно закрепляет результаты диджитализации даже в опасных сферах, которые требуют специального государственного надзора и контроля.

Вне правового регулирования параллельно развиваются вспомогательные электронные ресурсы, оптимизирующие рабочие процессы, например, для эффективного решения задач служб технических ассистентов, осуществляющих техническое обслуживание сложного оборудования, юридических подразделений, служб безопасности и финансового мониторинга, служб по работе с корпоративными клиентами и по работе с проблемными активами. Такие электронные сервисы объединяют информацию о публичных процессах, информационные базы судов, сведения из реестра налоговых служб и залогов движимого имущества, выполняя поиск и тематическое обобщение любых доступных данных. Создаются центры данных о показателях работы оборудования на опасных производственных объектах для целей обобщения такой информации и выявления однотипных ошибок в работе оборудования, могущих привести к аварии, что позволит в будущем не устранять последствия аварий, а предотвращать их возникновение.

Библиографический список:

1. *Крылов Е.* Электронные доказательства: когда скайп, смс и переписка по e-mail помогут выиграть спор // Юрист компании. 2017. № 3. URL: https://e.lawyercom.ru/article.aspx?aid=540177.

2. *Патракеев С., Дмитриев Д.* Видеонаблюдение: юридические аспекты // Трудовое право. 2012. № 6. С. 105–117.

3. *Устинов А.А.* Классификация опасных производственных объектов и требования промышленной безопасности // Правовой энергетический форум. 2015. № 4. С. 4–11.

УДК: 342.9

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

П.П. Сергун,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, профессор кафедры
административного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.
E-mail: sergun-pp@yandex.ru

А.М. Бобров,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и финансового права,
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125
E-mail: prepodobnih@mail.ru

Аннотация: в статье идет речь о том, что в настоящее время в условиях бурного развития цифровизации общества правовое регулирование возникающих в связи с этим новых отношений явно недостаточное. Научно-технический процесс ставит перед наукой, в том числе и административным правом, новые задачи. В частности, необходимо пересмотреть структуру административного правоотношения в связи с появлением термина «искусственный интеллект». Представлено обоснование выделения нового структурного элемента административного правоотношения как субъектно-объектное образование.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, административное правоотношение, элементы управления, субъектно-объектное образование.

SUBJECT-OBJECT FORMATION AS A STRUCTURAL ELEMENT OF ADMINISTRATIVE RELATIONSHIP

P.P. Sergun,
Saratov state law academy,
1, Volskaya st., Saratov, Russia, 410056
E-mail: sergun-pp@yandex.ru

A.M. Bobrov,
Perm state University,
15, Bukireva st., Russia, Perm, 614990
E-mail: prepodobnih@mail.ru

Annotation: this article deals with the fact that currently in the conditions of rapid development of digitalization of the society the legal regulation of the new relations arising in connection with this is clearly insufficient. The scientific and technical process poses new tasks for science, including administrative law. In particular, it is necessary to revise the structure of the administrative legal relationship in connection with the appearance of the term «artificial intelligence». The rationale for singling out a new structural element of an administrative legal relationship is presented, as a subject-object formation.

Keywords: artificial intelligence, robot, administrative relationship, controls, subject-object education.

В настоящее время в административно-правовой науке наблюдается явная недостаточность разработки вопросов развития административных правоотношений и выделения в их структуре новых элементов. Вместе с тем научно-технический прогресс, цифровизация общества, бурное развитие робототехники неизбежно заставляют правовую науку выдвигать новые идеи, направленные на формирование механизма правового регулирования новых явлений и процессов. Задача юристов – придать новой цифровой реальности правовую форму[1]. Кроме того, формирование новой правовой базы определено, в частности, Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[2], Распоряжением Правительства

[1] *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

[2] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

РФ от 28.07.2017 № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[1].

Как известно, субъектом управления и возникающего в связи с этим административного правоотношения всегда выступает человек (оператор, распорядитель, руководитель и т. д.) или коллективное образование – администрация (дирекция, руководство, командование и т. д.)[2]. Однако науке административного права необходимо ответить на вопрос: всегда ли субъектом административного правоотношения будет человек или допустимы и другие субъекты? Например, могут ли быть животные или роботы субъектами правоотношений вообще и административных в частности? В настоящее время традиционным для понимания является выделение названных элементов исключительно в качестве объектов правоотношений. Объектом правоотношения могут быть действия, поведение людей (так называемые неимущественные отношения), а также материальные ценности, вещи (имущественные отношения)[3]. По мнению Г.Ф. Шершеневича животное не может быть субъектом права, потому что в случае нарушения его прав оно не способно обратиться за их защитой. Однако далее он пишет, что «если бы государство организовало оценку над животным, то ничего нельзя было бы возразить против признания его субъектом права»[4]. Интересно отметить, что в законодательстве многих государств на определенном этапе их развития животные считались не объектами, а субъектами права. Еще в Древней Греции существовал специальный суд, который осуществлял правосудие в отношении животных, обвиняемых в совершении различных преступлений[5]. В настоящее время судебная практика некоторых зарубежных стран свидетельствует об активных попытках признания животных субъектами права в связи с их геномом (например, ДНК шимпанзе на 98% совпадает с ДНК человека)[6]. В Германии впервые животные стали рассматриваться как существа (с 2002 г. их права защищаются Конституцией), а не только как объекты, а в Индии дельфины стали рассматриваться как «личности нечеловеческой природы». Также в большинстве развитых европейских стран некоторые животные законодательно наделе-

[1] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: расп. Правительства Рос. Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

[2] Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / под ред. *А.Ю. Соколова.* М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 24.

[3] Административное право: учеб. пособие / под общ. ред. *А.С. Телегина*; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. Ч. 1. С. 54.

[4] *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. первый. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. С. 579.

[5] *Ячменев Г.Г.* Отлов и содержание безнадзорных домашних животных (бюджетно-правовой аспект) // Информационно-аналитический журнал Арбитражные споры. 2016. № 3. С. 97–118.

[6] *Романовский Г.Б.* Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 260–271.

ны отдельными правами и свободами, за нарушение которых установлена юридическая, в том числе и уголовная ответственность. Животные являются живыми существами, давным-давно ставшими частью человеческого общества, и могут испытывать переживания, страдания, рефлексии, подобные человеческой душе. Конечно, выделять животных в качестве субъектов правоотношений преждевременно, однако субъектно-объектными образованиями административных правовых отношений они вполне могли бы являться, например, в качестве служебной собаки правоохранительных органов. Стоит отметить, что сейчас служебные собаки выступают в роли средства административного правового принуждения.

По мнению А.С. Алексеева, юридические нормы и юридические отношения не имеют никакого внешнего бытия и существуют исключительно во внутреннем сознании человека[1]. В позапрошлом столетии с этим никто не спорил. Но в условиях научно-технического прогресса появляется новая категория «искусственный интеллект». Искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделенная/обладающая специальными способностями и возможностями[2].

В XXI веке в научной среде технологии развиваются так быстро, что все чаще можно встретить рассуждения о возникновении правоотношений не только между человеком и животным, но даже между человеком и роботом. Вместе с тем вопросы наделения робота статусом правоотношений в настоящее время вызывают бурные дискуссии. В отличие от животных, роботы не могут чувствовать, переживать, страдать от физического принуждения, несмотря на то, что их искусственный интеллект по своим возможностям уже сейчас приближен к человеческому мозгу. В настоящее время вопросов больше, чем ответов.

Хотелось бы отметить, что впервые в истории Королевство Саудовская Аравия предоставило подданство человекоподобному роботу Софии (производства американской компании Hanson Robotics). Об этом стало известно на инвестиционном форуме Future Investment Initiative, который 24-26 октября 2017 г. проходил в столице королевства Эр-Рияде[3]. Невероятно, но на один из вопросов робот весьма аргументированно отвечал.

– Мой искусственный интеллект разработан на основе человеческих ценностей, таких как мудрость, доброта и сострадание. Не волнуйтесь,

[1] *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: Типо-литография Высоч. утвержд. Т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1894. С. 5.

[2] *Морхат П.М.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография / *П.М. Морхат.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С.5.

[3] Форум «FUTURE INVESTMENT INITIATIVE» 24-26 октября, 2017г., Эр-Рияд, КСА // http://www.russarabbc.ru/about/news/index.php?ELEMENT_ID=42317.

если вы будете добры ко мне, я тоже буду любезна с вами. Относитесь ко мне просто как к умной системе ввода и вывода данных...[1]

В 2017 году Европейский Парламент в своей резолюции обозначил необходимость определения особого правового статуса для роботов, которые смогут нести ответственность за свои действия и даже принимать независимые решения. По мнению Председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Вячеслава Володина, уже в 2022 году в мире будут повсеместно приняты законы, которые будут регулировать взаимоотношения человека и робота. Таким образом, именно Россия может стать пионером в правовом регулировании развития робототехники и искусственного интеллекта[2].

Робот уже стал социальным существом, он участвует в общественных отношениях, поскольку общество приняло его и большинство людей уже не смогут обойтись без него. Более того, обучаемые роботы уже превосходят человека по эффективности создаваемых результатов, в том числе и интеллектуальной деятельности. Они смогли победить в шахматах, вылечить человека от разных недугов, выявить недостоверные сведения коррупционеров. В 2013 году система Watson фирмы IBM на общих основаниях даже смогла сдать университетские экзамены и получить диплом врача, приобретя юридическое право лечить людей от определенных недугов[3]. Что касается юридической сферы, то речь уже идет о создании в будущем роботов-адвокатов, роботов-судей, роботов-консультантов по юридическим вопросам, роботов по охране общественного порядка и т. д.[4] Уже сейчас роботы ведут переговоры и заключают контракты, принимают решения, каким образом их реализовывать. Робот будет весьма ограничен в дискреционных полномочиях, что в результате не позволит повлиять на принимаемые решения коррупционным факторам.

Вместе с тем велики и риски в сбое работы искусственного интеллекта, которые могут причинить вред как отдельному человеку, так и обществу и государству. Искусственный интеллект в будущем будет способен самообучаться и осуществлять действия, приводящие к непредвиденным

---

[1] Человекоподобная девушка-робот получила гражданство Саудовской Аравии // Комсомольская правда. 2017. 27 окт.

[2] Госдума примет закон об отношениях робота и человека // Российская газета. 2017. 13 фев.

[3] *Райков А.Н.* Искусственный интеллект как стратегический инструмент экономического развития страны и совершенствования ее государственного управления. Часть 2. Перспективы применения искусственного интеллекта в России для государственного управления // International Journal of Open Information Technologies ISSN: 2307-8162 Vol. 5, Issue 9, 2017. Pp. 76–100.

[4] *Сергун П.П.* Субъектно-объектное образование как субъект управления // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. Издательство: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.) (Пенза) 2017. С. 246–248.

для программиста последствиям. Габриэль Халлеви приводит в качестве примера следующую ситуацию: на программный комплекс, оснащенный искусственным интеллектом, предназначенный для тюремной охраны, возложены функции по предотвращению побегов из тюрьмы с минимизацией применения силы, которая может нанести вред здоровью и жизни беглых заключенных. Для выполнения названной задачи такой программный комплекс может использовать силу с помощью киберфизических систем (с актуаторами). В какой-то момент заключенный предпринимает попытку побега. Программный комплекс эту попытку обнаруживает и отправляет киберфизическую систему (физически осязаемого робота) для решения проблемы. В данном случае не имеет значения, является ли этот робот частью программного комплекса с искусственным интеллектом или же он обладает собственным автономным искусственным интеллектом. Отправленный для решения проблемы робот предотвращает попытку побега, крепко схватив (удерживая) заключенного. В результате этот заключенный пострадал и заявляет о злоупотреблении физической силой. Анализ действий робота показывает, что, хоть он и мог выбрать более мягкую меру воздействия, он все же выбрал определенное пагубное действие. Причиной этому служило то, что робот значительно переоценил риски. Следовательно, правовой вопрос в такой ситуации заключается в определении того, кто именно несет юридическую ответственность за причинение вреда здоровью заключенного[1]. Признание робота субъектно-объектным образованием позволило бы хоть как-то решить эту юридическую проблему.

Формирование нормативной правовой базы, регулирующей статус роботов и их взаимодействие с человеком, становится актуальным и своевременным. В будущем робот будет выполнять не только отдельные самостоятельные функции, но и вполне может являться субъектом права, обретет свой правовой статус с его элементами: права, обязанности, ответственность, гарантии, ценности и т.д.; интеллектуальные роботы будут составлять часть человеческого общества и будут признаны обществом; они будут обладать способностью управлять различными субъектами и объектами и принимать решения[2]. Но правовая база, позволяющая отнести «роботов», «андроидов», «дроидов», «киборгов», «искусственный интеллект», «юнитов», «электронных лиц» и др. к субъектам правоотношений в настоящее время отсутствует. Вместе с тем наука административного

[1] Цит. по: Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография / М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 16.

[2] *Сергун П.П.* Интеллектуальный робот как субъект управления: миф или завтрашняя реальность // Публичная власть: реальность и перспективы: сб. науч. тр. по материалам III Ежегодных Саратовских административно-правовых чтений (Междунар. научно-практ. конф.) (Саратов, 28-29 сентября 2017 г.) / под ред. *А.Ю. Соколова;* [ред. кол.: *А.Ю. Соколов и др.*]; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2017. С. 42–45.

права должна оперативно реагировать на новеллы, которые исходят от развития научно-технического прогресса, в том числе и в вопросах информатики и робототехники и способствовать созданию такой правовой базы.

Нам представляется, что уже скоро искусственный интеллект будет наделен правовым статусом, позволяющим ему вступать в правоотношения. Возможно, ограниченно, он будет признан субъектом права. Это будет субъект с узким правовым статусом и объект одновременно. Он будет выступать на одной стороне с человеком. Таким образом, в системе управления появится новый элемент, который можно именовать «субъектно-объектное образование». Это образование будет воздействовать на другие объекты управления. При этом важную роль будут играть прямые и обратные связи между субъектно-объектным образованием и объектом. Именно эти связи будут способствовать выработке определенных методов и способов регулирования нового элемента субъекта управления. Помогут нам в этом научные исследования и практика.

Библиографический список:

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 352 с.

2. Административное право: учеб. пособие / под общ. ред. А.С. Телегина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. Ч. 1. 182 с.

3. *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: Типо-литография Высоч. утвержд. Т-ва И.Н. Кушнеров и К., 1894. 35 с.

4. *Морхат П.М.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография / М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 113 с.

5. *Райков А.Н.* Искусственный интеллект как стратегический инструмент экономического развития страны и совершенствования ее государственного управления. Часть 2. Перспективы применения искусственного интеллекта в России для государственного управления // International Journal of Open Information Technologies ISSN: 2307-8162 Vol. 5, Issue 9, 2017. Pp. 76–100.

6. *Романовский Г.Б.* Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 260–271.

7. *Сергун П.П.* Интеллектуальный робот как субъект управления: миф или завтрашняя реальность // Публичная власть: реальность и перспективы: сб. науч. тр. по материалам III Ежегодных Саратовских административно-правовых чтений (Междунар. научно-практ. конф.) (Саратов, 28-29 сентября 2017 г.) / под ред. А.Ю. Соколова; [ред. кол.: А.Ю. Соколов и др.];

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2017. 248 с.

8. *Сергун П.П.* Субъектно-объектное образование как субъект управления // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. Издательство: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.) (Пенза) 2017. С. 246–248.

9. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

10. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. первый. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. 805 с.

11. *Ячменев Г.Г.* Отлов и содержание безнадзорных домашних животных (бюджетно-правовой аспект) // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2016. № 3. С. 97–118.

УДК: 351:004

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.С. Телегин,
кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного и финансового права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Аннотация: анализируются современные направления развития административно-правового регулирования предпринимательской деятельности, анализируется его структура. Отмечается, что по своему содержанию регулирование носит комплексный характер, повышение его эффективности предполагает использование информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти. Делаются выводы о необходимости совершенствования нормативной основы механизма административно-правового регулирования.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, предпринимательская деятельность, информационные технологии, органы исполнительной власти.

ON THE USE OF DIGITALIZATION IN THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

A.S. Telegin,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

Annotation: modern directions of development of administrative and legal regulation of business activity are analyzed, its structure is analyzed. It is noted that the content of the regulation is complex, improving its efficiency involves the use of information technology in the activities of the Executive authorities. Conclusions are drawn about the need to improve the regulatory framework of the mechanism of administrative and legal regulation.

Key words: administrative and legal regulation, business activity, information technologies, Executive authorities.

Переход к рыночной экономике предполагает необходимость совершенствования административно-правового регулирования в сфере предпринимательской деятельности. Однако точного определения данного понятия нет. В научной литературе используются также термины «государственное управление», «государственное администрирование»[1].

Так, Г.В. Атаманчук полагает, что государственное управление представляет собой организующее воздействие государства через систему своих структур на жизнедеятельность общества в целях ее упорядочения и преобразования, опирающееся на властную силу государства[2]. При этом, как отмечает А.А. Фатьянов, в государственном управлении участвуют все ветви государственной власти[3].

По- нашему мнению, в современный период целесообразно говорить о государственном регулировании, так как на смену административно-командным методам, которые ранее широко использовались в управлении экономикой, пришли методы косвенного воздействия. Регулирование можно рассматривать как в широком, так и узком аспектах. В широком аспекте под государственным регулированием следует рассматривать деятельность всех органов государства по упорядочению отношений, возникающих в обществе. В узком аспекте административно-правовые начала государственного регулирования выражаются в деятельности органов исполнительной власти[4], осуществляемой на основе и во исполнение законов с целью регуляции общественных отношений.

Регулирование, являясь одной из функций государственного управления в целом, направлено на установление определенного режима взаимодействия государства и субъектов предпринимательства. Это выражается в нормативном регулировании, координации, контроле (надзоре) со стороны уполномоченных органов, опосредованном руководстве и т.п.

Основу государственного регулирования составляет нормотворческая деятельность, посредством которой (через федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты Президента и Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти) уста-

---

[1] *Гоголев А.М.* Государственное администрирование в области налогов и сборов: проблемы административно-правового регулирования. Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федерации. Москва, 2015. С. 23–34.

[2] *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2004. С. 62–65.

[3] *Фатьянов А.А.* К вопросу о реформировании системы административного права // Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 5.

[4] Административное право / под. ред. *Каплунова А.И.* М.: ДГСК МВД России, 2011. С. 455.

навливаются пределы самоопределения субъектов предпринимательства. Кроме того, в согласно ст. 72 Конституции РФ субъекты федерации могут путем законодательных положений регулировать отношения в сфере предпринимательства, например, устанавливая отдельные положения налогообложения и др.

Совершенствованию механизма правового регулирования в сфере предпринимательства в значительной степени способствует выявление и устранение обстоятельств, влияющих на его эффективность. Это может быть связано с дефектами самой правовой системы. Так, предпринимательская деятельность является предметом правового регулирования двух самостоятельных отраслей права – административного и гражданского. При этом на уровне законодательства можно выявить несоответствие различных правовых актов Конституции Российской Федерации либо имеют место коллизии, возникающие между нормативными правовыми актами, относящимися к разным правовым системам. Примером могут служить многочисленные установления, связанные с приватизацией недвижимого имущества[1].

В качестве обстоятельств, препятствующих нормальному развитию предпринимательской деятельности, могут выступать и правоприменительные правовые акты органов исполнительной власти. Так, постановлением губернатора Саратовской области от 9 сен. 1998 г. № 520 «Об упорядочении вывоза сельскохозяйственной продукции за пределы Саратовской области» был запрещен вывоз с территории области мяса и мясопродуктов, продовольственного зерна, муки, круп, сахара и др. Перемещение названной продукции могло осуществляться только по согласованию с региональным министерством сельского хозяйства при условии полного выполнения сельхозпроизводителями обязательств перед бюджетами разных уровней, государственными внебюджетными фондами и областной продовольственной корпорацией[2]. Таким образом, были нарушены конституционные основы предпринимательской деятельности, предусматривающие свободное перемещение товаров, работ и финансовых средств, а также свободу конкуренции (ст.8 Конституции РФ).

Важную роль в механизме государственного регулирования играют информационные технологии, направленные на формирование национальной цифровой экономики, в которой основным фактором является использование и обработка ресурсов, существующих в электронном виде. Правовую основу развития цифровых технологий составляет Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента России от 9 мая 2017г. Одним из приоритетных направлений

[1] См., например: Постановление Конституционного Суда П/РФ от 30 марта 2012 г. № 9-П // СЗ РФ. 2012. № 15.

[2] СЗ Саратовской обл. 1998. № 3.

названной стратегии является использование инфраструктуры электронного правительства с целью обеспечения свободного доступа граждан и организаций к информации о деятельности органов публичной власти.

Так, в соответствии с указом губернатора Пермского края от 13 июля 2018 г. № 67 определен перечень информации о деятельности губернатора, правительства и администрации губернатора, подлежащей размещению в сети Интернет. Представляется, что в сети должна также размещаться информация о деятельности органов местного самоуправления Пермского края[1].

Следует отметить, что использование информационных систем в органах публичной власти не ограничивается созданием и ведением сайтов, возникает проблема сохранности электронных документов, их аутентичности. Тем более что наше ИТ-оборудование во многом (80 – 100%) зависит от поставок из-за рубежа. При этом сроки его использования постоянно сокращаются. Это требует четкого правового регулирования, которое должно учитывать специфику использования цифровых технологий и защищать экономические свободы, а также безопасность государства.

Функционирование электронного правительства предусматривает расширение сферы предоставления государственных и муниципальных услуг через Интернет, что повышает эффективность управленческих процедур и снижает коррупционные риски во всех сферах деятельности. В этой связи представляет интерес инициатива Федеральной налоговой службы о введении цифрового финансового (налогового) аудита в отношении самозанятых граждан (переводчиков, репетиторов, нянь и др.), которые смогут платить налог через мобильное приложение. Оно позволит гражданам становиться на учет в налоговых органах без их посещения и вносить платежи без каких-либо документов. В порядке эксперимента ФНС планирует введение такого аудита в ряде регионов во второй половине текущего года. Однако эксперимент пока на имеет должного правового обеспечения.

В системе административно-правового регулирования важная роль принадлежит контролю как одному из методов государственного воздействия в системе предпринимательской деятельности. Поэтому формирование государственной политики в сфере контроля предпринимательской деятельности является одной из приоритетных задач современного периода. Так, с целью ослабления избыточного административного давления при осуществлении государственного и муниципального контроля в сфере предпринимательской деятельности была разработана программа рефор-

[1] Об обеспечении доступа к информации о деятельности губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, администрации губернатора Пермского края в инфомационно-телекоммуникационной сети Интернет и внесении изменений в отдельные нормативные правовые акты нубернатора Пермского края: указ губернатора Перм. края от 13 июля 2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

мы контрольной и надзорной деятельности, рассчитанная на период до 2025 г.[1], предусматривающая внедрение в деятельность органов исполнительной власти «риск-ориентированного подхода» при осуществлении плановых проверок. Сущность такого подхода предполагает переход от всеобъемлющего контроля (надзора) к дифференцированному планированию проверок в зависимости от уровня риска причинения вреда охраняемым законом интересам.

На этой основе федеральные органы исполнительной власти, наделенные контрольно-надзорными полномочиями, разработали обязательные требования, предъявляемые к подконтрольным объектам, нарушение которых представляет непосредственную угрозу причинения вреда жизненно важным интересам личности, общества и государства. Внедрение «риск-ориентированного» контроля должно привести, согласно мировому опыту, к снижению числа проверок, а отдельные категории бизнеса и вовсе освободить от необходимости прохождения плановых мероприятий. При этом должно быть обеспечено сохранение или даже повышение уровня безопасности в подконтрольной сфере. Однако практика показала, что использование такого подхода далеко не всегда позволяет достичь желаемого результата. Так, в приказе Роспотребнадзора, регулирующем порядок проверки предприятий общественного питания, содержится более 150 пунктов, по которым проводится проверка[2], что свидетельствует не о смягчении, а об ужесточении контроля. В этой связи представляется необходимым использование цифровых технологий, позволяющих контролирующим органам в режиме реального времени получать информацию о состоянии объектов предпринимательской деятельности. Это позволит избежать последствий аналогичных трагедии в кемеровском торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в России формируется модель административно-правового регулирования, объединяющая выработку приоритетных направлений развития экономики, нормативное регулирование, контроль (надзор) и другие элементы. Для повышения его эффективности необходимы дальнейшее совершенствование правовой базы и разработка действенных мер по устранению нарушений на всех уровнях органов государства.

---

[1] Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности», утв. Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 дек. 2016 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Приказ Роспотребнадзора России от 18 сен. 2017 № 860 «Об утверждении форм проверочных листов (списков контрольных вопросов), используемых должностными лицами территориальных органов Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека при проведении плановых проверок в рамках осуществления федерального санитарно-эпидемиологического надзора» // Официальный интернет портал правовой информации http // www.pravo/ gov/ru.

Библиографический список:

1. Административное право / под. ред. *Каплунова А.И.* М.: ДГСК МВД России, 2011. 534 с.

2. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М.: Омега - Л. 2004. 301 с.

3. *Гоголев А.М.* Государственное администрирование в области налогов и сборов: проблемы административно-правового регулирования. Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федерации. Москва, 2015. 269 с.

4. *Фатьянов А.А.* К вопросу о реформировании системы административного права // Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 3–5.

УДК: 351.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПОКУПАТЕЛЕЙ НЕ САНКЦИОНИРОВАННЫМИ И ОБЕЗЛИЧЕННЫМИ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНАМИ В РОССИИ

Н.В. Тиунова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и финансового права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева,15
E-mail: nvt888@mail.ru

Аннотация: статья посвящена актуальным проблемам защиты прав покупателей на сайтах в интернет-магазинах с использованием электронных платежных систем, а также о необходимости усиления государственного контроля и установления административной ответственности за нарушения в данной сфере торговых отношений в обществе. Речь идет о таких проблемных аспектах, как: 1) отсутствие на законодательном уровне обязательных требований для регистрации сайта интернет-магазина и информации, подлежащей размещению на его официальных страницах в сети Интернет; 2) отсутствие Единого государственного реестра сайтов интернет-магазинов и органа исполнительной власти, в полномочия которого бы входило ведение данного реестра, регистрация сайтов интернет-магазинов, контроль, применение мер пресечения и наказания к нарушителям; 3) отсутствие у Роспотребнадзора принудительных государственно-властных полномочий по блокировке несанкционированных и обезличенных сайтов, несмотря на то, что именно контроль в сфере продаж дистанционным способом является юрисдикцией данного органа власти; 4) не предусмотрено административной ответственности за нарушения в сфере продаж дистанционным способом в сети Интернет (отсутствие официальной контактной и регистрационной информации о продавце или товаре, невозврат покупателю денежных средств за непоставленный товар и нереализованную продавцом доставку товара и др.); 5) проблема и практика возврата покупателю продавцом денежных средств, внесенных в рублях за товар по цене в долларах в интернет-магазине через платежные системы в сети Интернет.

В результате исследования вышеобозначенных проблемных аспектов предложены возможные варианты их разрешения и направления по совершенствованию законодательства РФ, регулирующего вопросы государственного управления и административной ответственности в сфере защиты прав покупателей на сайтах в интернет-магазинах с использованием электронных платежных систем.

Ключевые слова: обезличенные и несанкционированные интернет-магазины, государственный контроль и защита прав покупателей в сети Интернет, электронные платежи, блокировка сайтов интернет-магазинов, административная ответственность за нарушения прав покупателей, осуществляющих приобретение товаров дистанционным способом на сайтах интернет-магазинов с использованием электронных платежных систем, проблемы возврата денежных средств.

SOME OF THE PROBLEMATIC ASPECTS OF STATE CONTROL AND BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF THE RIGHTS OF BUYERS BY UNAUTHORIZED AND IMPERSONAL ONLINE STORES IN RUSSIA

N.V. Tiunova,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990.
e-mail: nvt888@mail.ru

Annotation: the article is devoted to actual problems of protection of the rights of buyers on the websites in online stores with use of electronic payment systems, and also about need of strengthening of the state control and establishment of administrative responsibility for violations in this sphere of trade relations in society. We are talking about such problematic aspects as: 1) the absence at the legislative level of mandatory requirements for the registration of the website of the online store and the information to be placed on its official pages on the Internet; 2) the absence of a Single state register of websites of online stores and the Executive authority, whose powers would include the maintenance of this register, registration of websites of online stores, control, application of measures of restraint and punishment to violators; 3) the lack of Rospotrebnadzor compulsory state authority to block unauthorized and impersonal sites, despite the fact that it is the control in the sphere of sales by remote means is the jurisdiction of this authority; 4) there is no administrative responsibility for violations in the field of sales by remote means on the Internet (the lack of official contact and registration information about the seller or the goods,

no refund to the buyer of funds for the goods not delivered and not sold by the seller delivery of goods, etc.); 5) the problem and the practice of returning to the buyer by the seller of funds deposited in rubles for the goods at a price in dollars in the online store through payment systems on the Internet.

As a result of the study of the above mentioned problematic aspects, possible solutions and directions for improving the legislation of the Russian Federation regulating the issues of public administration and administrative responsibility in the field of protection of the rights of buyers on websites in online stores using electronic payment systems are proposed.

Keywords: impersonal and unauthorized online stores, state control and protection of the rights of buyers on the Internet, electronic payments, blocking of websites of online stores, administrative responsibility for violations of the rights of buyers engaged in the purchase of goods remotely on the websites of online stores using electronic payment systems, the problem of refund.

В современной России, в век новых технологий и внедрения в информационное пространство электронных интернет-платежей при осуществлении торговых отношений в обществе все более важным становится вопрос о совершенствовании законодательства, регулирующего правовые основы юридической ответственности, в том числе административной, когда речь идет о правах и законных интересах граждан и организаций, участвующих в хозяйственных безналичных расчетах.

Тема, связанная с цифровыми экономическими отношениями, весьма актуальна и значима, закреплена в «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017-2030 годы», согласно которой дано определение цифровой экономики: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»[1].

Расширение сферы деятельности, которая непосредственно связана с развитием цифровых компьютерных технологий, электронными интернет-платежами, различными интернет-сервисами по предоставлению онлайн-услуг, краудфандингом, интернет-банкингом, влечет за собой необходимость в усилении мер информационной и экономической безопасности

[1] Указ президента РФ от 09.05.2017 №203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

в сфере обращения денежных средств, в том числе речь идет о защите персональных данных граждан и организаций. В прогнозе социально- экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов предусмотрено распространение использования информационных технологий в социально-экономической сфере, государственном управлении и бизнесе и указаны основные сдерживающие факторы, включая дефицит кадров, недостаточный уровень подготовки специалистов, недостаточное количество исследований мирового уровня[1]. В системе органов государственной власти вопрос цифровой трансформации также является весьма актуальным[2]. В том числе вопрос об административной ответственности, посвященный правовым основам защиты прав покупателей в интернет-пространстве в ныне действующем Кодексе РФ об административных правонарушениях[3] требует особого внимания.

Нельзя не отметить, что в КоАП РФ предусмотрено несколько составов нарушений, совершенных в экономическом обороте с использованием платежных систем. Так, в КоАП РФ речь идет об ответственности за неисполнение обязанностей и требований при осуществлении внешнеторговых бартерных сделок (ст.14.50 КоАП РФ); а также за незаконные выдачу либо обращение документов, удостоверяющих денежные и иные обязательства (ст.15.24.1.КоАП РФ), неисполнение оператором платежной системы требований законодательства Российской Федерации о национальной платежной системе (ст.15.36 КоАП РФ) и за нарушение законодательства Российской Федерации о микрофинансовой деятельности (ст.15.26.1 КоАП РФ). Однако вопросу защиты прав потребителей интернет-услуг при использовании электронных платежных систем в действующем КоАП РФ не уделено, к сожалению, достаточного внимания. Если подробно рассмотреть квалифицирующие признаки состава ст. ст. 14.7 КоАП РФ, то данная норма предусматривает административную ответственность за обман потребителей, а в качестве квалифицирующих признаков закреплено только обмеривание, обвешивание или обсчет потребителей при реализации товара (работы, услуги) либо иной обман потребителей, введение потребителей в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (работы, услуги) при производстве товара в целях сбыта либо при

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 №627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.07.2018). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

реализации товара (работы, услуги). Вопрос, связанный с некачественным оказанием услуг потребителю в сети Интернет, к сожалению, пока не урегулирован.

Поскольку при оказании услуг все больший оборот набирают платежи с использованием электронных платежных систем в интернет-магазинах, то вполне целесообразным было бы дополнить положения ст. 14.7 КоАП РФ таким квалифицирующим признаком, как с использованием электронных платежных систем в сети Интернет, в том числе посредством неразмещения на сайте интернет-магазина информации о товаре и продавце.

Проблемный аспект заключается в том, что решение данного вопроса находится на стыке гражданского и административного законодательства России и требует особого внимания со стороны усиления и упорядочения системы государственного контроля органами исполнительной власти в данной сфере экономических отношений в стране.

Рассмотрим более подробно. На практике весьма часто встречаются случаи невозврата продавцом интернет-магазина оплаченных покупателем сумм за заказанный товар как в полном, так и возврат в меньшем объеме. Особенно если речь идет о платежах в рублях за товар, продаваемый в интернет-магазинах в долларовом эквиваленте. Фактически, если покупатель заказал товар в интернет-магазине и оплатил продавцу сумму, эквивалентную в долларах, то в случае непоставки товара продавец возвращает то количество рублей, которые поступили ему на счет на день платежа, без учета пересчета на курс доллара на день возврата этой суммы покупателю. Фактически покупатель теряет в деньгах и возможность приобрести аналогичный товар, не доплачивая в цене.

Согласно сложившейся судебной практике, если законом или соглашением сторон курс и дата пересчета не установлены, суд в соответствии с пунктом 2 статьи 317 ГК РФ указывает, что пересчет осуществляется по официальному курсу на дату фактического платежа[1].

В подтверждение сложившейся практики можно привести положения суда, согласно которому денежные средства в сумме, эквивалетной в рублях, а при несостоявшейся сделке денежные средства были возвращены без учета изменения курса доллара на день возврата, ибо в договоре не был предусмотрен перерасчет[2].

Однако в случае, если денежное обязательство выражено в иностранной валюте или условных денежных единицах, котируемых Банком России, однако должно быть оплачено в рублях не по курсу Банка России, а

[1] П. 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 04.11.2002 № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.01.2018 № Ф07-14876/2017 по делу № А56-1990/2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

по иному подлежащему определению курсу и при этом в отношении существования такого курса и (или) порядка определения его размера не будет представлено достаточных доказательств, суду следует применять курс Банка России[1].

Практика же возврата денежных средств, внесенных в рублях за товар по цене в долларах в интернет-магазине, не предполагает заключения письменного договора с какой-либо оговоркой о правилах возврата денежных средств, да и на сайтах интернет-магазинов, как правило, не содержится информации о том, что сумма за непоставленный товар покупателю возвращается по курсу доллара не на день платежа, а на день возврата денежных средств. Также весьма сомнителен сам курс доллара, который применяет интернет-магазин при пересчете цены, указанной за товар в долларах, т.к. на сайтах интернет-магазинов, как правило, нет об этом официальной информации на текущий день покупки товара покупателем.

Учитывая данную особенность, можно предложить внести изменения, предусмотрев возврат покупателю рублевой суммы, оплаченной за товар по цене в долларах, рассчитывая по курсу соотношения рубля к доллару не на день платежа, а на день возврата денежных средств покупателю продавцом, если иное не предусмотрено договором или иным соглашением сторон, в том числе при отсутствии данной информации на сайте интернет-магазина. Данное предложение вполне бы защитило права покупателя в интернет-магазинах и позволило бы ему приобрести равноценный товар, в том числе у другого продавца, не теряя в деньгах. При этом можно было бы предусмотреть административную ответственность продавца за неполный возврат денежных средств покупателю за неполученный товар, в том числе установить наказание за те случаи, когда продавец возвращает покупателю денежные средства на банковскую карту с удержанием процентов за перевод с использованием электронных платежных систем.

При этом необходимо вести речь о государственном контроле за надлежащей регистрацией интернет-магазина и качеством размещенной информации на сайте магазина в интернете. Проблема заключается в идентификации лица, которому принадлежит интернет-магазин, а также в отсутствии Единого государственного реестра сайтов интернет-магазинов с размещением в сети Интернет, по которому можно было бы обычному гражданину легко проверить информацию о владельце. Из этого прослеживается невозможность взыскания неустойки за пользование чужими

[1] П.14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 04.11.2002 № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

денежными средствами в порядке ст.395 ГК РФ[1] в случае невозврата денежных средств покупателю за неполученный товар.

Еще одна проблема заключается в том, что цена объявлена на сайте, покупатели купили товар и оплатили за его доставку, но товар получен адресатом и по факту он не соответствует по виду, размеру и качеству. В этих случаях возврат товара обратно продавцу производится, как правило, за счет покупателя. При этом возврат денежных средств продавцом покупателю производится только за товар. В результате покупатель теряет те суммы, что он оплатил за доставку заказанного товара, и те, что он вынужден заплатить на транспортные расходы, связанные с отправкой возвращаемого товара продавцу. В этой ситуации представляется, что на уровне государственного управления в стране должна быть создана такая служба, которая бы защищала интересы покупателей в сети Интернет, с помощью организованной работы которой гражданин мог бы вернуть всю сумму при электронных платежах, включая транспортные расходы за возврат товара. Конечно, споры, возникающие между покупателем и продавцом, подлежат разрешению в судебном порядке. Но проблема заключается в том, что в большинстве случаев в торговых отношениях в интернет-пространстве зачастую оказывается, что на сайте нет официального адреса магазина, по которому можно было бы предъявить претензии, т.е. любое лицо фактически беспрепятственно может открыть однодневный обезличенный интернет-магазин, собрать деньги за картинки товара на страничке, не осуществить поставку товара покупателю и в итоге ни за что не ответить. В этой связи также возникает проблема привлечения к юридической ответственности, от административной до уголовной, включая вопрос разрешения споров гражданско-правового характера в судебном порядке.

Представляется вполне логичным на законодательном уровне установить обязательные правила осуществления платежей в интернет-магазине. Если создан интернет-магазин, есть сайт, то на его странице должны быть указаны все обязательные для предпринимателя реквизиты, позволяющие идентифицировать продавца (телефоны, банковские реквизиты, юридический или адрес регистрации физического лица). Еще одним из важных моментов является то, чтобы платежи за товар, осуществляемые при покупке товара в интернет-магазине, производились через электронный сайт магазина. Весьма было бы удобно для покупателя, если бы продавец предоставлял электронные квитанции с реквизитами продавца, подтверждающие поступление данного платежа в личном кабинете покупателя, которые можно было бы распечатать и, в случае возникшего спора, предъявить в суде. В ситуациях с обезличенными сайтами магазинов на просторах Ин-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

тернета эту проблему без вмешательства со стороны органов государственной власти разрешить в кратчайшие сроки пострадавшему покупателю практически невозможно. Остается лишь проводить профилактическую работу среди населения в средствах массовой информации, предупреждая не приобретать товары в обезличенных интернет-магазинах.

Вместе с тем возникает необходимость в обеспечении надлежащего государственного контроля в этой сфере. Как вариант, функцию контроля можно возложить на Федеральную налоговую службу РФ или иной специально созданный орган государственной власти со штатом специалистов, которые были бы наделены полномочиями устанавливать адреса интернет-магазинов в интернет-пространстве и осуществлять их принудительную блокировку. С одной стороны, возложение данной функции на налоговиков весьма оправданно, поскольку в пределы полномочий данной службы входит государственная регистрация лиц в качестве предпринимателей[1]. Но у налоговиков, к сожалению, нет полномочий осуществлять блокировку так называемых несанкционированных обезличенных сайтов в сети Интернет.

Интересен факт, что правом осуществлять блокировку интернет-страниц наделена Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России, которая осуществляет надзор в сфере информационных технологий[2]. Но в перечень оснований для данной блокировки не входит такое основание, как обезличенный интернет-сайт. Данная служба ведет Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено[3]. Фактически контроль за интернет-сайтами в сети Интернет также не входит в пределы полномочий данной службы, т.е. нет контроля по основанию, что сайт обезличен. Можно наделить эту службу этими полномочиями как вариант, т.к. в пределы полномочий

[1] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.04.2018). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 (ред. от 27.01.2018) «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций»).[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[3] Статья 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

данной службы входит ограничение доступа к информации, распространяемой с нарушением закона[1]. Однако в перечне оснований для ограничения доступа к информации на обезличенном интернет-магазине также в законе не предусмотрены. Весьма интересен тот факт, что данная служба ведет Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено[2]. Также установлены Правила принятия мотивированного решения о признании сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет копией заблокированного сайта[3]. Но, к сожалению, применение данных мер к обезличенным интернет-магазинам в полномочиях данной службы также не предусмотрено. Вполне возможно, что решение проблемы может находиться на стыке взаимодействия органов государственной власти между собой.

Проблема заключается еще в том, что порядок регистрации интернет-магазинов законодательно не определен, нет обязанности у продавца в интернете размещать свои реквизиты на сайте. Также не определен перечень обязательной информации, подлежащей размещению на сайте интернет-магазина.

Нельзя не отметить, что в системе государственного управления функцию контроля и надзора в сфере защиты прав потребителей осуществляет Роспотребнадзор. Именно Роспотребнадзор[4] контролирует соблюдение правил продажи товаров дистанционным способом, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 № 612[5], согласно которому «продажа товаров дистанционным способом» – продажа товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся

[1] Статья 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.06.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.06.2018). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Статья 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.06.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.06.2018). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[3] Постановление Правительства РФ от 07.10.2017 № 1225 «Об утверждении Правил принятия мотивированного решения о признании сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет копией заблокированного сайта» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[4] Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 (ред. от 24.04.2018) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[5] Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. от 04.10.2012) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора.

Важно, что в полномочия Роспотребнадзора входит контроль за тем, что продавец обязан предоставить информацию о месте нахождения (адрес), фирменное наименование (наименование) изготовителя (продавца), место нахождения (адрес) организации (организаций), уполномоченной изготовителем (продавцом) на принятие претензий от покупателей и производящей ремонт и техническое обслуживание товара, для импортного товара – наименование страны происхождения товара[1]. Однако в круг полномочий данной службы также не входит такая мера государственного принуждения, как блокировка несанкционированных и обезличенных интернет-магазинов.

Для решения данной проблемы в средствах массовой информация уже идет речь о том, что Роспотребнадзор предложил временно блокировать интернет-магазины и товарные агрегаторы, которые не предоставляют покупателям информацию о товаре и продавце, объясняя инициативу тем, что онлайн-ретейлеры такие же участники торгового рынка, как традиционные магазины, и к ним необходимо применять такие же меры контроля[2]. Вместе с тем надзорным ведомством подготовлены поправки к закону «О защите прав потребителей» и КоАП РФ о необходимости привлечения к ответственности за деятельность товарных агрегаторов, которые не являются реальными продавцами.

Исходя из этого Роспотребнадзор предложил закрепить в законе «О защите прав потребителей» термин «поставщик» и предусмотреть в КоАП РФ возможность временной блокировки сайтов нарушителей[3]. Вместе с тем Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ) предлагает призвать государственные органы в лице Роспотребнадзора к блокировке сайтов. Роспотребнадзор уже имеет функции внесудебной блокировки интернет-ресурсов, но пока только в отношении сайтов, которые данное ведомство признает

---

[1] Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 (ред. от 24.04.2018) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека»; Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. от 04.10.2012) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2018).

[2] *Екатерина Х.* В России заблокируют интернет-магазины. «Они нарушают законы» [Электронный ресурс]: URA.RU Российское информационное агентство, г. Москва, 03.07.2015г. Режим доступа: https://ura.news/news/1052213832 (дата обращения: 10.08.2018).

[3] В России заблокируют интернет-магазины. [Электронный ресурс]: Главный форум потребителей России - Powered by vBulletin. Режим доступа: http :// forum.ozpp.ru/ showthread. php? t=172179 (дата обращения: 10.08.2018).

пропагандирующими суицид. Как сообщает Интерфакс, Роспотребнадзор обратился в правительство с предложением блокировать сайты недобросовестных интернет-магазинов и агрегаторов – по аналогии с приостановкой работы традиционных магазинов и ресторанов, поскольку в действительности интернет-магазины фактически оказываются вне юрисдикции закона о защите прав потребителей[1]. Несомненно, что интернет-магазины участвуют в торговых отношениях и являются объектом имущественных прав, о чем также немало идет речь среди ученых-юристов[2].

Таким образом, вполне обоснованно представляется необходимым наделить Роспотребнадзор правом применять такую меру государственного принуждения, как блокировка обезличенных сайтов, несанкционированных интернет-магазинов, предусмотрев соответствующий порядок реализации данных полномочий. Вместе с тем в КоАП РФ необходимо предусмотреть административную ответственность за размещение в сети Интернет обезличенных и несанкционированных интернет-магазинов, а также за непредоставление информации о создании интернет-магазина в Роспотребнадзор, в том числе за отсутствие на сайте созданного интернет-магазина контактной информации и обязательных реквизитов о продавце. Вместе с тем важно создать Единый государственный реестр регистрации интернет-магазинов и обеспечить надлежащий государственный контроль, возложив данную функцию на Роспотребнадзор.

Библиографический список:

1. *Тюлькин А.А.* Содержание объекта индивидуализируемого коммерческим обозначением. [Электронный ресурс]: Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 1 (23). С. 226–233.

2. *Холкина Е.В.* В России заблокируют интернет-магазины. «Они нарушают законы» [Электронный ресурс]: URA.RU Российское информационное агентство, г. Москва, 03.07.2015г. Режим доступа: https://ura.news/news/1052213832 (дата обращения: 10.08.2018).

[1] Роспотребнадзор и АКИТ требуют новые основания для блокировок — теперь интернет-магазинов. [Электронный ресурс]: РосКомСвобода. Режим доступа: https://roskomsvoboda.org/11821/ (дата обращения: 10.08.2018).

[2] *Тюлькин А.А.* Содержание объекта индивидуализируемого коммерческим обозначением. [Электронный ресурс]: Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 1 (23). 2014. С. 226–233. Режим доступа: http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-1-23-2014/27-2010-12-01-13-31-58/1-23-2014/570-tyulkinaa-soderzhanie-obekta individualiziruemogo-kommercheskim-oboznacheniem (дата обращения: 10.08.2018).

УДК 342.8

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ – НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.М. Худолей,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и финансового права
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: dkhudolej@yandex.ru

Аннотация: анализируются процедуры электронного и дистанционного голосования в России. Предлагается выдать гражданам электронные удостоверения личности (или биометрические паспорта) и внедрить систему дистанционного голосования через сеть Интернет. Такая реформа позволить сократить расходы на проведение выборов, сделать их более честными и доступными для населения. В конечном счете, электронное голосование поможет становлению в России электронной демократии.

Ключевые слова: электронное голосование, дистанционное голосование, электронные удостоверения личности, биометрические паспорта.

ELECTRONIC VOTING IS A NECESSITY FOR DIGITALIZATION OF THE ELECTORAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

D.M. Khudoley,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: dkhudolej@yandex.ru

Annotation: the procedures of electronic and remote voting in Russia are analyzed. It is proposed to issue electronic identity cards (or biometric passports) to citizens and to introduce a system of remote voting via the Internet. Such reform will reduce the cost of the elections and make them more honest and accessible to the population. Ultimately, e-voting will help to establish e-democracy in Russia.

Keywords: electronic voting, remote voting, electronic identity cards, biometric passports.

Цифровизация избирательного процесса Российской Федерации – необходимое условие для становления электронной демократии в России. Мы считаем, что необходимым условием для ее развития является электронное голосование.

Как указано в ч. 15 ст. 64 Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» № 67 от 12 июня 2002 г., при проведении выборов вместо голосования с использованием бюллетеней, изготовленных на бумажном носителе, может проводиться электронное голосование. Решение о проведении электронного голосования принимается ЦИК РФ или по ее поручению соответствующей избирательной комиссией субъекта РФ. Порядок электронного голосования утвержден Постановлением ЦИК РФ «О Порядке электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации» № 31/276-6 от 7 сентября 2011 г. Данное Постановление установило, что электронное голосование – голосование при помощи избирательных машин, комплексов для электронного голосования (КЭГ). Внешне данные машины напоминают банкоматы. Кратко рассмотрим процедуру такого голосования.

Избиратель, прибывший в помещение для голосования, проставляет в списке избирателей серию и номер своего паспорта или документа, заменяющего паспорт гражданина, и выбирает любую карту для доступа к голосованию. Член участковой комиссии с правом решающего голоса (оператор КЭГ) активирует карту для доступа к голосованию путем ее считывания на оптическом считывателе кода, обеспечивая избирателю доступ к электронным бюллетеням для голосования только по тому избирательному округу, в котором избиратель обладает активным избирательным правом, и своей подписью подтверждает факт предоставления избирателю доступа к электронному бюллетеню.

Избиратель подходит к КЭГу и прикладывает карту для доступа к голосованию к светящемуся прямоугольнику (считывателю) так, чтобы штрих-код был внизу.

Если считанный устройством штрих-код соответствует коду, занесенному в базу кодов при активации карты для доступа к голосованию членом участковой комиссии (оператором КЭГ), и при этом не был использован ранее, избирателю становится доступен экран для начала голосования.

На данной странице отображаются все доступные для голосования на избирательном участке виды выборов, избирательные бюллетени, если их больше двух, в нижней части экрана отображаются кнопки перехода к сле-

дующим страницам, информация о количестве бюллетеней, номере текущей страницы и количестве непросмотренных бюллетеней.

Избиратель в любой последовательности приступает к голосованию по перечисленным видам выборов, избирательных бюллетеней путем касания части экрана с названием конкретных выборов. После этого на экране появляется электронный бюллетень для выбранного вида выборов с фамилиями кандидатов либо наименованиями избирательных объединений.

Выбор вида выборов, избирательных бюллетеней и сама процедура голосования осуществляется путем касания части экрана с выбранной строкой.

Избиратель осуществляет выбор путем касания квадрата напротив фамилии выбранного кандидата или избирательного объединения, после этого появляется знак «Галочка», а количество использованных голосов уменьшается на один.

При касании другой части выбранной строки на экран выводится информация о кандидате (избирательном объединении).

Избиратель может завершить заполнение бюллетеня в любой момент, нажав кнопку «Завершить заполнение БЮЛЛЕТЕНЯ». Если использованы не все голоса, избиратель увидит соответствующее сообщение, при этом он может вернуться к заполнению бюллетеня, нажав кнопку «Нет», или завершить голосование нажатием кнопки «Да».

После того как избиратель завершил заполнение электронных бюллетеней по всем видам выборов, он нажимает кнопку с надписью «ЗАВЕРШИТЬ» и переходит на страницу подтверждения выбора, при этом на бумажной ленте (контрольной ленте) в окошке принтера распечатывается сделанный избирателем выбор. Избиратель должен сравнить сделанный выбор, выведенный на экране, с информацией, распечатанной на бумажной ленте для МПУ, а затем подтвердить результат голосования нажатием кнопки «ПОДТВЕРЖДАЮ».

При выборе кнопки «ПОДТВЕРЖДАЮ» голосование завершается, на бумажной ленте (контрольной ленте) печатается надпись «ПОДТВЕРЖДЕНО», и бумажная лента сдвигается вперед таким образом, чтобы следующий избиратель не мог видеть результаты голосования предыдущего избирателя.

Также предусмотрена аналогичная процедура голосования вне помещения при помощи переносных машин.

Таким образом, электронное голосование в России – заполнение бюллетеня при помощи избирательной машины. Рассмотрим плюсы и минусы такого голосования.

Достоинства:

- упрощается процедура подсчета голосов избирателей;

- практически исключается возможность ошибок и фальсификаций со стороны рядовых членов избирательных комиссий при подсчете бюллетеней.

Недостатки:

- такое голосование не может проводиться дистанционно, даже в случае проведения голосования вне помещения к избирателю должны явиться члены избирательной комиссии с переносным устройством;

- в отличие от обычного «бумажного» способа голосования, избиратель не может испортить бюллетень и тем самым выразить свой протест. Напомним, что в большинстве субъектов РФ не допускается голосование против всех кандидатов (списков кандидатов). Такое голосование, на наш взгляд, нарушает принципы свободных выборов и равного избирательного права[1].

Голосование при помощи специальных избирательных машин известно за рубежом. В США такое голосование проводится многие десятилетия. Ряд стран СНГ также перешел на такой способ голосования (Казахстан). Но на самом деле в мире под электронным голосованием понимается, в первую очередь, дистанционное голосование через сеть Интернет. В этом случае избиратель заранее регистрируется в избирательной комиссии и получает код авторизации. Так, в Испании и Бразилии граждане получают по почте в запечатанном конверте данный PIN-код. Допустимо получение кода по SMS (Великобритания)[2]. Регистрация может быть необязательной, если гражданам выдаются специальные электронные удостоверения (Эстония)[3]. В день голосования, пройдя авторизацию на сайте соответствующей избирательной комиссии, избиратель вправе проголосовать. Однако подобный метод в России не применяется по причине возможных фальсификаций (взлома сервера со стороны хакеров). Более того, при проведении такого голосования очень сложно обеспечить тайну голосования (операторы электронной системы голосования при желании смогут определить, каким образом голосовал каждый избиратель).

Электронное голосование в России – правовой эксперимент, он проводится на участках, численность которых не превышает 1%. Действительно, «вброс» бюллетеней со стороны избирателей или рядовых членов избирательных комиссий при таком способе голосования маловероятен, однако возможность фальсификаций со стороны специалистов, обслуживающих КЭГ, полностью не устранена. Большинство избирателей в России – пенсионеры, которые с недоверием относятся к достижениям технического прогресса. Практике известны случаи, когда избиратели отказывались голосовать при помощи КЭГов и им выдавали обычные бумажные

[1] *Худолей К. М.* Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 38. С. 463–473.

[2] *Павлушкин А.В., Постников А.Е.* Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5–13.

[3] *Худолей К.М.* Конституционное право зарубежных стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь. 2009. 240 с.

бюллетени. В целом можно говорить, что указанный правовой эксперимент полностью провалился.

Мы считаем, что в настоящий момент электронное голосование должно быть только дистанционным. Поэтому в помещениях для голосования нужно устанавливать не КЭГИ, а КОИБы, упрощающие подсчет бюллетеней. Проще говоря, КОИБ – сканер, устанавливаемый на ящик для голосования, обрабатывающий информацию с избирательного бюллетеня в тот момент, когда избиратель его опускает в избирательную урну. Такие механизмы весьма активно использовались во время последней президентской кампании.

КОИБы также упрощают процедуру подсчета голосов избирателей, но, в отличие от КЭГов, вполне пригодны для голосования граждан, не обладающих опытом общения с ЭВМ. Фальсификации на выборах, проводимых с использованием КОИБов, маловероятны. Стоит отметить, что такое голосование не является электронным. Это обычное «бумажное» голосование с использованием специальных технических средств при подсчете избирательных бюллетеней.

Мы твердо уверены, что дистанционное голосование просто необходимо. В настоящий момент в России может проводиться голосование по почте на региональных и местных выборах. Большинство субъектов РФ, включая Пермский край, не разрешает такой способ голосования ввиду безобразной работы Почты России. В России уже проводились эксперименты с другими способами дистанционного голосования (они оформлялись как социологические опросы). Аутентификация избирателей проводилась либо при помощи SMS, либо универсальных электронных карт, либо при помощи цифровых подписей[1]. На наш взгляд, самый оптимальный вариант связан с электронным удостоверением личности, которые используются во многих странах мира (Сингапур, Эстония). В этом случае гражданину необходимо лишь приобрести специальный карт-ридер, и он сможет проголосовать в день выборов в любой точке земного шара, не затрудняя себя бюрократическими процедурами (получение открепительного удостоверения, например). Мы считаем, что переход на электронные паспорта позволит избежать и случаев «двойного голосования» на обычных избирательных участках – перед выдачей бюллетеня члены комиссии также должны передавать по сети Интернет на сервер ЦИК информацию с электронного паспорта, препятствуя повторному голосованию на другом избирательном участке. Технических препятствий для этого мы не видим: практически все избирательные участки в России подключены к сети Интернет в связи с внедрением систем видеофиксации процедуры голосования и подсчет го-

[1] *Митин Г.Н.* Per interrogationem: опыт электронного опроса избирателей в г. Новомосковске (Тульская область) 12 октября 2008 г. // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 11. С. 28–30.

лосов. Необходимо решить лишь один вопрос: выдать гражданам электронные удостоверения личности. Отметим, что вполне решить этот вопрос не столь радикально: перейти на биометрические внутринациональные паспорта со специальной микросхемой (как на современных загранпаспортах). Ряд государств мира выдают биометрические внутринациональные паспорта (Польша, Казахстан, Беларусь, Украина, Литва и пр.). Такие паспорта сложно подделать, они хранят биометрические данные гражданина (отпечатки пальцев, например). Наличие специального микрочипа позволяет упростить процедуру идентификации личности и допускает возможность дистанционной передачи информации. Именно этот факт и является ключевым для внедрения дистанционного электронного голосования.

В современной России электронные технологии не всегда используются во благо. Так, как показала последняя президентская кампания, процедура прикрепления избирателей к избирательным участкам без выдачи открепительных удостоверений приводила к «двойной регистрации» избирателей. Главная причина – отсутствие единого электронного списка избирателей. В настоящий момент списки избирателей составляются в бумажном виде на каждый избирательный участок. В силу этого практически невозможно установить факт «двойного голосования»: списки избирателей содержат персональную информацию, доступ к ним ограничен. Для повторного пересчета голосов на избирательном участке необходимо представить доказательства, которые содержатся, в первую очередь, в самом списке избирателей (несколько подписей одного и того же избирателя). Однако доступ к этим документам после проведения голосования может предоставить лишь суд. Круг замыкается. Разумеется, можно представить видеозаписи с различных участков, на которых можно зафиксировать множественное голосование одних и тех же лиц («карусель»), однако для просмотра видеозаписей со всех участков потребуются астрономическое количество человеко-часов, поэтому такие нарушения остаются незамеченными даже на тех участках, на которых проводилось видеонаблюдение.

Отметим, что списки избирателей формируются на основе данных единого регистра избирателей, являющегося частью системы ГАС «Выборы». Очевидно, что использование электронных удостоверений или биометрических паспортов позволит использовать единый электронный список избирателей, исключающий возможность двойной регистрации и, соответственно, множественного голосования. Такая процедура в выгодную сторону отличается от устаревшей методики установки пометок несмываемой краской на пальцах рук избирателей при их голосования. Данная методика активно применяется во многих странах третьего мира и нередко приводит к нарушению принципа свободного голосования, т.к. обычно используются темная краска (как на выборах в Грузии), а не прозрачная, видимая в инфракрасном спектре.

Отметим, что использование электронных удостоверений личности и внедрение системы дистанционного электронного голосования позволит значительно уменьшить численность избирательных комиссий (до 5-7 с существующих 10-15). В дальнейшем, когда повысится компьютерная грамотность населения, вполне возможно перейти на процедуру заполнения избирательных бюллетеней при помощи избирательных машин (КЭГов). Разумеется, в этом случае государство сможет сэкономить значительные средства бюджета (в настоящий момент затраты на оплату труда членов комиссий и печать избирательных бюллетеней астрономически велики). За рубежом, как правило, члены участковых избирательных комиссий не осуществляют подсчет голосов (бюллетени свозятся в окружные комиссии и там подсчитываются другими членами). Такая процедура, как показала практика, позволяет уменьшить процент ошибок со стороны членов избирательных комиссий при подсчете голосов. В случае применения системы электронного голосования подсчет голосов не будет отнимать практически никакого времени. Даже в случае использования КОИБов можно радикально решить проблему ошибок и фальсификаций при подсчете голосов избирателей.

Мы считаем, что затраты на внедрение данных технологий не будут значительными, т.к. в настоящее время на федеральных и региональных выборах применяется веб-интернет трансляции с помещений для голосования. В настоящее время протоколы избирательных комиссий составляются на компьютерах, выдаваемых членам избирательных комиссий, при помощи специального ПО. Таким образом, техническое оснащение практически всех избирательных комиссий РФ пригодно для использования систем электронного голосования. Главная проблема – нежелание властей и отставание в компьютерной грамотности подавляющего большинства избирателей России.

Вполне возможно, что дистанционное голосование позволит увеличить явку избирателей за счет молодежи и граждан, которые в силу тех или иных причин не могут явиться на избирательный участок. Уменьшение ошибок и фальсификаций со стороны членов избирательных комиссий сможет повысить доверие граждан к институту выборов. Разумеется, это потребует денежных средств, однако нет ничего дороже демократии.

Библиографический список:

1. *Митин Г.Н.* Per interrogationem: опыт электронного опроса избирателей в г. Новомосковске (Тульская область) 12 октября 2008 г. // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 11. С. 28–30.

2. *Павлушкин А.В., Постников А.Е.* Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5–13.

3. *Худолей К.М.* Конституционное право зарубежных стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь. 2009. 240 с.

4. *Худолей К.М.* Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 38. С. 463–473.

УДК 342.8

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПО ЦИФРОВИЗАЦИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

К.М. Худолей,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
и финансового права юридического факультета
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail:

Аннотация: рассматриваются вопросы по внедрению цифровизации в оказании государственных и муниципальных услуг в избирательном процессе. Изучены вопросы использования сайта Госуслуги для сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов, включения в списки избирателей для голосования по месту нахождения и интернет-голосования.

Ключевые слова: выборы, списки избирателей, двойное голосование, голосование, справедливые выборы.

ABOUT SOME OFFERS ON DIGITALIZATION OF RENDERING THE STATE AND MUNICIPAL SERVICES IN THE SPHERE OF ELECTORAL PROCESS

K.M. Khudoley,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail:

Annotation: the issues of implementation of digitalization of the provision of public and municipal services in the electoral process. The issues of using the public Service website to collect signatures in support of the nomination of candidates, inclusion in the electoral lists for voting at the location and online voting were studied.

Keywords: elections, electoral registers, double vote, vote, fair elections.

Организацию и проведение выборов избирательными комиссиями следует воспринимать как услугу, оказываемую избирателям, кандидатам, наблюдателям, представителям СМИ. Широкое внедрение цифровизации в сфере государственного и муниципального управления, как нам кажется, без ее использования на различных стадиях избирательного процесса, которые являются самыми массовыми явлениями в государственной жизни, является бессмысленным. Как нам представляется, широкое внедрение цифровизации возможно практически на всех стадиях избирательного процесса, в т.ч. при сборе подписей в поддержку выдвижения кандидатов, формирования списков избирателей, при осуществлении голосования.

Группа депутатов от «Справедливой России» во главе с Олегом Шеиным в 2017 г. внесла в Госдуму законопроект, который позволяет собирать подписи в поддержку выдвижения кандидатов на выборах в том числе в электронном виде, например через сайт «Госуслуги». По данным Минкомсвязи на конец июля 2017 года, число зарегистрированных граждан в Единой системе идентификации и аутентификации достигло 52,8 млн человек, что превышает 50% от общего числа лиц, обладающих избирательным правом (около 107 млн чел.). Основные положения данной законодательной инициативы были озвучены достаточно давно, например сопредседателем движения «Голос» Г. Мелконьянцем на международной научно-практической конференции, организованной ЦИК РФ в 2016 г. Сложившаяся электоральная практика свидетельствует о том, что практически на всех уровнях организации избирательных комиссий сложилась манипулятивная система сбора и проверки подписей в поддержку кандидатов. Так, на выборах в Госдуму в 2016 г. ЦИК РФ отказал в регистрации на выборах двух списков кандидатов. На региональных и местных выборах в ряде случаев складывается вообще удручающая картина злоупотребления «административным» ресурсом при проверке подписных листов кандидатов. Данное обстоятельство в условиях, когда сбор подписей стал единственной формой для выдвижения кандидата или списка кандидатов, влечет полное устранение неугодных кандидатов из избирательной гонки. Поэтому организация сбора подписей в поддержку кандидатов и списков партий через портал «Госуслуги», в дополнение к бумажному способу, является современным решением этой застарелой проблемы. Электронная система сбора подписей повысит гарантии реализации избирательных прав граждан и облегчит выдвижение кандидатов на выборах всех уровней, устранит предвзятость и злоупотребления пресловутым административным ресурсом из процесса регистрации кандидатов на основе сбора подписей избирателей[1]. Применение системы

[1] *Овчинников В.А., Антонов Я.В.* Некоторые аспекты обеспечения конституционного соответствия электронного голосования как части электронной демократии. // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. С. 40–44.

сбора подписей в поддержку кандидатов в электронной форме позволит расширить круг избирателей, отдающих свои подписи в поддержку кандидатов, за счет граждан, которые находятся за рубежом или вне места своего проживания, граждан с ограниченными возможностями по зрению (есть специальные инструменты, позволяющие им участвовать в таких процедурах).

Использование системы сбора подписей в поддержку кандидатов позволит избежать достаточно большого количества случаев отказа в регистрации по причинам неправильного оформления подписных листов, в том числе и при отсутствии вины сборщиков подписей. Согласно действующему законодательству, подписные листы проверяются с использованием системы ГАС «Выборы», а данные паспортов, которые выдавали различные органы за разные периоды времени (МВД, ФМС), не всегда в силу различных причин содержат в каждом конкретном случае необходимые сведения. Суды, рассматривая такие дела, придерживаются формальных законодательных оснований для отказа в регистрации кандидатов.

Например, Р. обратился в суд с заявлением об отмене решения избирательной комиссии о регистрации В. кандидатом в депутаты, ссылаясь на отсутствие необходимого количества достоверных и действительных подписей избирателей, поданных в поддержку выдвижения В., поскольку в ряде подписных листов отсутствует наименование района и населенного пункта в адресах места жительства избирателей, во всех подписных листах, подлежащих проверке, отсутствует наименование района в адресе места жительства лица, осуществляющего сбор подписей избирателей.Удовлетворяя заявление Р., суд руководствовался пунктом 12 статьи 37, подпунктами «г», «ж», «з» пункта 6.4 и подпунктом «г.1» пункта 24 статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ и исходил из того, что во всех подписных листах, представленных В. в его поддержку, в нарушение законодательства о выборах отсутствует наименование района в адресе места жительства лица, осуществляющего сбор подписей избирателей; в ряде подписных листов в адресах места жительства избирателей отсутствует наименование района, сведения о наименовании населенного пункта, имеются неоговоренные исправления в серии паспорта избирателя, в адресе места жительства избирателя, в дате выдачи паспорта лица, осуществляющего сбор подписей избирателей. Довод В. о том, что сведения о месте жительства избирателей и лица, производившего сбор подписей, отражены в подписных листах в соответствии с данными, зафиксированными в их паспортах, признан судом несостоятельным, поскольку пункт 5 статьи 2 названного федерального закона включает в понятие адреса места жительства наименование субъекта Российской Федерации, района, города, иного населенного пункта, улицы, номера дома и квартиры, где гражданин Российской Федерации зарегистрирован

в органах регистрационного учета граждан по месту пребывания и по месту жительства в пределах страны[1].

При традиционном сборе подписей существуют риски совершения ошибок, которые впоследствии будет невозможно устранить. В настоящее время при проверке подписей операторы вводят данные вручную, переводят подписные листы в специальные таблицы, которые потом проверяются, но и здесь без ошибок не обходится. Использование электронной системы решает проблему ошибок, исключая человеческий фактор, связанный как с работой почерковедов, которые не несут юридической ответственности за «выбракованные» подписи, так и со сборщиками подписей и даже с всевозможными провокаторами. Одновременно упрощаются процедуры и для избирательных комиссий, которые за процессом сбора подписей могут наблюдать в реальном времени. Отпадает необходимость в проверке подписных листов, более того, повышается уровень доверия к выборам и их организаторам.

Если законопроект в итоге будет принят, от ЦИК России потребуется разработка порядка электронного сбора подписей с учетом возможных рисков, продумать интерфейс, сделать его интуитивно понятным и удобным для избирателей, кандидатов, избиркомов, внедрить компоненты сервиса на порталах «Госуслуги» и «ЦИК России», связать их между собой, обучить работе с сервисом членов избирательных комиссий, кандидатов и избирателей. Но дело того стоит.

Граждане все активнее пользуются сервисами портала «Госуслуги» для решения повседневных вопросов. При этом в 2017 г. этот инструмент уже начал применяться избирателями на выборах для смены избирательного участка для голосования по месту нахождения. Согласно нововведениям, для голосования по месту нахождения на выборах Президента РФ используются два механизма: с 31 января по 12 марта 2018 года для включения в список избирателей по месту нахождения нужно было обратиться в территориальную избирательную комиссию (ТИК) или многофункциональный центр по месту жительства или пребывания либо через портал «Госуслуги» при наличии подтвержденной учетной записи, а с 13 марта и до 14:00 17 марта изменить место голосования можно было, получив заявление со специальной маркой на участке по месту жительства (спецзаявление). Но если заявления по первой процедуре фиксировались в системе ГАС «Выборы», и из нескольких поданных одним избирателем обрабатывалось только первое, то выдача спецзаявлений отмечалась только в списках избирателей, что, учитывая низкий уровень квалификации сотрудников избиркомов, фактически исключает их верификацию. При этом сами УИКи полу-

[1] Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

чают информацию об исключении избирателя в связи с подачей заявления о голосовании по месту нахождения только за день до голосования. Фактически в законодательстве обнаружена лазейка для двойного голосования для тех избирателей, которые сначала подали заявление о голосовании по месту нахождения по одному адресу (например, через сайт «Госуслуги»), а менее чем за 3 дня до голосования сами лично обратились в УИК по месту своей прописки для получения спецзаявления для голосования по месту нахождения по другому адресу. Вычислить число таких избирателей, проголосовавших дважды, практически невозможно. ЦИК РФ заявил, что под подозрением в настоящий момент находятся 678 избирателей, подавших несколько заявлений, но это те, кто воспользовался первой процедурой (45-5 дней до голосования), поскольку их заявления учитывались информационной системой, но в силу различных причин были обработаны на включение более чем в 1 списке избирателей.

При этом утвержденная ЦИК РФ процедура голосования по месту нахождения избирателя вовсе не исключает возможность для голосования им по месту своего жительства – в этом случае сотрудники избиркома должны по телефону удостовериться, что данный избиратель ранее не проголосовал по месту нахождения. В условиях аврала в день голосования вряд ли в каждом случае эти положения могли быть выполнены, особенно если место жительства и место нахождения избирателя географически было очень отделено друг от друга[1]. Тем более что многие работодатели оформляли за своих работников без их ведома заявления для голосования по месту нахождения предприятия.

Как думается, широкое применение этой процедуры в рамках системы использования административного ресурса может создать условия для широкого применения «карусельного голосования», несмотря на введенный законодателем механизм не только административного, но и уголовного преследования за организацию (для членов избиркомов) или участие в ней (для избирателей). В силу этого предлагаем отказаться от процедуры выдачи спецзаявлений в пользу первой процедуры включения в списки избирателей по месту нахождения, в т.ч. посредством МФЦ и сайта «Госуслуги».

Внедрение цифровизации посредством использования сайта «Госуслуги» возможно и на стадии голосования. К числу очевидных преимуществ такого голосования по сравнению с обычным (сокращение расходов и времени на подсчет голосов и проведение голосования, исключение подтасовки результатов) следует отнести и возможность широкого использования различных избирательных систем, имеющих более высокий уровень учета мнений граждан, но и гораздо сложный порядок установления результатов

[1] *Худолей Д.М.* Классификация избирательных систем. Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 33. С. 260.

голосования (например, преференциальное голосование)[1], в том числе и в соответствии с критериями Кондорсе.

В настоящее время ЦИК РФ проводит эксперименты по введению института голосования по Интернету. Так, в октябре 2008 года подобный эксперимент был проведен в городе Новомосковск Тульской области (по Интернету проголосовало около 62% от числа лиц, принявших участие в голосовании). При этом на международном уровне практика голосования через Интернет имеется на выборах в Великобритании, США, Швейцарии, Эстонии, Канаде, Франции и ряде других стран.

Интернет-голосование во Франции используется для граждан, находящихся за границей (около 800 тысяч человек) с 2003 года. Фактически через Интернет голосуют не более 2 процентов тех, кто имеет на это право.

В феврале 2007 года Эстония стала первой страной в мире, которая ввела электронное голосование на парламентских выборах, на которых более 30000 человек приняло участие в электронном голосовании. На муниципальных выборах 2009 года возможностью проголосовать с помощью ID-карты воспользовались уже 104413 человек – 9,5 % населения, имеющего право голоса. Эстонский Закон о выборах предусматривает возможность избирателя лично проголосовать по Интернету на сайте Республиканской избирательной комиссии в период с 6 до 4 дней до дня голосования с 9:00 первого дня до 20:00 последнего дня указанного периода. Чтобы проголосовать, нужно обладать специальной ID-картой (внутригосударственный удостоверяющий личность документ, обязательный для граждан, достигших 15-летнего возраста, позволяющий также ставить электронную подпись). Избиратель, проголосовавший по Интернету до окончания периода предварительного голосования, вправе неоднократно менять свой выбор посредством повторения процедуры голосования (в таком случае будет засчитан только последний голос избирателя) и посредством голосования с использованием традиционного бюллетеня (в таком случае голосование по Интернету аннулируется).

В США первым опытом интернет-голосования стали предварительные выборы Демократической партии в штате Аризона в марте 2000 года. В феврале 2008 года было организовано интернет-голосование на первичных выборах для избирателей-демократов, находящихся за границей. Что же касается голосования на выборах в органы власти с использованием Интернета, то оно применяется только в графстве Окалооза, штат Флорида[2].

На выборах в Великобритании интернет-голосование пока не стало общенациональной нормой. Зато страна давно и активно экспериментирует

---

[1] *Худолей Д.М.* Классификация избирательных систем // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 33. С. 258–267.

[2] *Митяева Ю.В.* Опыт проведения Интернет голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом // URL://http:// www.rcoit.ru/technologies/detail.php?ID=17065.

с интернет-выборами на разных уровнях. Еще в 2002 году в ряде районов было разрешено голосование через Интернет (с домашних компьютеров) и мобильные телефоны (посредством sms-сообщений). 14 муниципальных выборов в стране уже прошли по Интернету: за несколько дней до голосований в избирательных комиссиях желающим после предъявления документов выдавали карту с персональным паролем. Самое известное интернет-голосование прошло на муниципальных выборах в Ливерпуле, где в порядке эксперимента разрешили голосовать через Интернет по мобильным телефонам. Для этого нужно было получить отдельный пин-код у оператора сотовой связи и скачать на смартфон специальное ПО. При этом в выборах могли участвовать только обладатели моделей устройств, имеющих дополнительные сертификаты безопасности, – например BlackBerry.

Еще один экспериментальный проект интернет-голосования прошел в графстве Суиндон. 300 портативных компьютеров со специальным программным обеспечением были установлены в 65 точках (в публичных библиотеках, на почтах, в школах и даже в пабах) по всему району. Доступ к компьютеру был возможен только после предъявления документов – фактически процесс голосования мало чем отличался от традиционного, только вместо галочки в бюллетене избиратели ставили галочку в интерфейсе компьютерной системы.

В Швейцарии первые пробные «электронные голосования» прошли в 2003 году на уровне коммунальных выборов в кантоне Женева. В 2005 году такие же пилотные проекты были реализованы в кантонах Невшатель и Цюрих. На уровне национальных парламентских выборов первые пробные электронные голосования были проведены в 2011 году в кантонах Базель (городской и сельский), Граубюнден, Ааргау и Санкт-Галлен. В 2012 года к участию в электронном голосовании внутри Швейцарии было допущено 90 тыс. граждан, а за ее пределами — 65 тыс. В настоящее время только 30% зарегистрированных на кантональном уровне избирателей могут участвовать в пробных «электронных голосованиях».

Как нам думается, подлинное становление режима электронной демократии без применения цифровых технологий, том числе и посредством интернет-голосования на сайте «Госуслуги», является невозможным. Но вместе с тем необходимо указать и на некоторые сложности, связанные с реализацией этих предложений – проблема защиты персональных данных, тайны голосования и недопущения несанкционированного проникновения в систему для голосования, в том числе и с целью искажения воли избирателей. Кроме того, введение в действие в России с 1 июля 2018 г. пакета законов «Яровой» может создать определенные препятствия к реализации инициатив электронного и интернет-голосования. Поскольку данный закон предъявляет дополнительные условия по хранению метаданных и использованию криптошифров. Поэтому решение задачи осуществления

цифровизации оказания государственных и муниципальных услуг в избирательном процессе является актуальной задачей ближайшего будущего.

Библиографический список:

1. *Митяева Ю.В.* Опыт проведения Интернет голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом // URL://http:// www.rcoit.ru/technologies/detail.php?ID=17065.

2. *Овчинников В.А., Антонов Я.В.* Некоторые аспекты обеспечения конституционного соответствия электронного голосования как части электронной демократии // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. С. 40–44.

3. *Худолей Д.М.* Классификация избирательных систем // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 33. С. 258–267.

4. *Худолей Д.М.* Парадоксы Кондорсе и их решение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 288–302.

УДК 347.47

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО «ЦИФРОВЫМ ПРАВАМ» В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Б.М. Гонгало,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Л.А. Новоселова,
профессор, доктор юридических наук,
заведующая кафедрой интеллектуальных прав
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина»
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Аннотация: использование новых цифровых технологий, в том числе технологий блокчейн, для обеспечения оборота имущества, совершения сделок, поставили перед правовыми системами сложные вопросы. Правовая природа смарт-контактов, криптовалют вызвала волну дискуссий. В статье рассматриваются наметившиеся подходы российского законодателя к регулированию оборота объектов в цифровой среде с использованием новых технологий с точки зрения науки гражданского права. Оценивается значение изменений Гражданского кодекса РФ, в том числе ст. 128 ГК, в части признания российским законодателем нового объекта – «цифровое право», и проводится его сравнение с другими объектами гражданского права, в частности, с ценными бумагами.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданских прав, ценные бумага, блокчейн, «смарт-контракты», цифровые технологии.

IS THERE A PLACE FOR «DIGITAL RIGHTS» IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

B.M. Gongalo,
Ural State Law University
21, Komsomolskaya st., Russia, Yekaterinburg, 620137

L.A. Novoselova,
Moscow State Law University them. O.E. Kutafina
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Russia, Moscow, 125993

Annotattion: the usage of new digital technologies, including blockchain technologies, to ensure the traffic of property and transactions settlement, has posed difficult questions for legal regulation. The legal nature of smart-contracts and cryptocurrences has caused heated discussions. The article discusse the emerging approaches in Russian legislation regulating the traffic of property in the digital environment using new technologies on the basis of the civil law science. New amendments to the Russian Civil Code (art. 128) are evaluated, acknowledging in Russian legislation new object – «digital right»; and it is campared with other objects of civil rights, with securities in particular.

Keywords: digital rights, objects of civil rights, securities, blockchain, smart-contracts, digital technologies.

Революционные изменения технологий, как правило, выбивают из среды комфорта как обычных людей, так и государственные структуры, заставляя их выбирать меры реагирования на новые виды общественных отношений и конфликтов. Например, изобретение автомобиля и «автомобилизация» населения послужили причиной постепенных, но многочисленных изменений законодательства – правила дорожного движения, система административного воздействия, налогообложение и так далее.

Появившаяся в 2000-гг. технология блокчейн первоначально не вызывала никакого интереса у политиков и регуляторов, поскольку была известна лишь узкому кругу технических специалистов. Но она ожидаемо привлекла к себе внимание после резкого взлета интереса к одному из продуктов этой технологии – системы платежей BITCOIN. Появление нового инструмента, который создал серьезные опасности для привычной системы регулирования денежных потоков из-за анонимности, децентрализации и транснационального характера заставило государственные органы различных стран искать способы снижения возникающих рисков.

Естественно, что варианты первой реакции государственных органов в разных странах различались: от выжидательной (посмотрим, как будет развиваться ситуация, возможно, все утрясется само собой) до резко отрицательной (запретить все и применять жесткие санкции, в том числе уголовные, к нарушителям).

По мере стремительного развития технологий блокчейн стало очевидно, что она способна эффективно решать огромное количество насущных задач во всех областях жизни: электронное голосование, организации здравоохранения обеспечение системы поставок, страхование, финансирование, энергетика и т.д. Не признавать этот факт и пытаться уклониться от регулирования возникающих новых отношений стало невозможно. Очевидно, что речь не идет об установлении единых правил использования самой технологии (хотя такой вариант и обсуждается).

В большинстве правовых систем была выявлена необходимость в определении статуса продуктов, создаваемых с помощью данной технологии (криптовалют, токенов) и, как следствие, своей позиции в отношении допустимых границ их использования. Определение их правовой природы позволяет регулятору либо подвести их под известный правовой режим, либо дает основания для определения нового правового режима.

Технология блокчейн способна обеспечивать создание и поддержание распределенных баз данных любых дематериализованных («цифровых») активов. Одним из принципиально новых свойств технологии является возможность устанавливать правила о характере операции (сделки) в привязке к самому объекту операции (сделки). Именно это позволяет использовать технологию блокчейн для создания «умных контрактов», то есть соглашений, заключаемых и исполняемых в автоматическом режиме, без участия человека[1].

Смарт-контракт работает именно с цифровым активом, поскольку передача (предоставление) предмета сделки (актива, определенной обособленной ценности) обеспечивается посредством его привязки к конкретному блоку информации в распределенной системе. Материальные или нематериальные активы для этого должны быть «перемещены» в виртуальную среду, отражены в виртуальной форме.

Виртуальные единицы, которыми оперирует блокчейн, чаще всего в в специальной литературе называют токенами (или жетонами, монетами). Такого рода единицы могут иметь различные названия, присваиваемые им разработчиками. М. Свон отмечает: «в контексте криптоэкономики слово «валюта» обобщенно используется для обозначения «единицы ценности, которая может быть заработана и использована в определенной экономической системе», а также обменена на что-то равноценное в других эконо-

[1] *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2016. 640 с. // СПС «Консультант Плюс».

мических системах. Вместо термина койн (coin) с таким же успехом можно использовать термин токен (token), то есть цифровой маркер, или средство доступа, или механизм отслеживания некой активности»[1].

Токены различных систем можно создать в процессе майнинга, а также купить или получить за совершение каких-либо действий. Токены могут выполнять функции награды за какие-либо действия в системе, а также кредитные, платежные функции, функции опосредования передачи иных активов.

Единого русскоязычного термина, тем более легального, определяющего токены с различными функциями, связанными с оборотом активов, длительное время не было предложено. В различных законопроектах предлагалось либо ввести понятие «токен», «криптовалюта» в качестве легального термина, либо использовать понятия «цифрового права», «цифрового финансового актива» как русскоязычных аналогов для определенного типа токенов[2].

С точки зрения выполняемых функций токены блокчейна можно (весьма условно, поскольку сфера использования технологии постоянно расширяется) разделить на несколько видов.

Программные (лицензионные) токены – виртуальные единицы, которые дают их обладателю право на действия внутри исключительно компьютерной системы – право создавать программные продукты, изменять их, право пользоваться системой, определять ее функционал и т.д. В целом программные токены не являются объектом товарного оборота, их использование не имеет выхода на реальную экономику, что позволяет не рассматривать их в качестве категории гражданского права.

Платежные токены (виртуальная валюта, криптовалюта) – токены, используемые для оплаты товаров, работ и услуг (для отмена на товары, работы или услуги). К таким токенам можно отнести токены платежных систем: Биткойн, Эфириум и т.д.

Появление именно таких объектов вызвало наибольший переполох в среде государственных регуляторов, поскольку их широкое использование, по мнению многих, подрывает государственную монополию на эмиссию платежных средств и организацию денежного обращения.

Совершенно необходимо определить их правовой режим, поскольку речь идет о ранее неизвестном праву виде платежных средств (не имеющих эмиссионного центра, номинальной стоимости, правовых гарантий платежной силы и т.д.). Необходимо определить, при наличии каких при-

[1] *Свон М.* Блокчейн. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 241 с.

[2] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (вступит в силу 1 октября 2019 года) (далее – Закон о цифровых правах); Пояснительная записка к проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»; Проект федерального закона № 419090-7 (принят в первом чтении 22 мая 2018 года).

знаков государство (а не только участники системы) будет (и будет ли вообще) признавать эффект передачи платежных токенов различных систем как окончательный платеж в рамках гражданско-правовых обязательств? Какова природа деятельности платежных систем на блокчейне, а также деятельности по майнингу таких валют, способы и пределы регулирования перечисленных видов деятельности, меры по защите прав потребителей?. Огромный пласт проблем связан с публичным регулированием криптовалют – объем и характер государственного регулирования, вопросы налогообложения операций, уголовная и административная ответственность за противоправные действия и т.д. К сожалению, положения, определяющие пределы признаваемого государством использования платежных токенов («цифровые деньги») были исключены из проекта закона о внесении изменений в ГК РФ.

Кредитные токены, используемые для закрепления прав требования возврата денежных средств или родовых вещей. В указанных схемах токен зафиксирует право обладателя токена на получение (возврат) денежных средств или родовых вещей на условиях, заданных в программе.

Инвестиционные токены – отражающие операции по инвестированию реальных денежных средств или виртуальных валют в бизнес-проекты, в основном для обеспечения стартового финансирования.

Наиболее показательным примером является Initial coin offering, ICO – первичное предложение (размещение) монет (токенов) – форма привлечения инвестиций, как правило, в новые технологические проекты. В процессе ICO осуществляется выпуск и продажа инвесторам новых токенов (криптовалют).

Утилитарные токены – отражают права их владельца на работы, услуги, вещи (движимые и недвижимые), иные объекты.

Технически к блоку информации в блокчейне может быть добавлена информация о любом объекте. Токен в этом случае выступает в качестве виртуального образа, символа имущества, в отношении которого совершаются юридически значимые действия. Иногда в публикациях для обозначения «привязки» к блоку информации данных о конкретном объекте, который он символизирует, используют красивый термин «окрашенный» токен (или окрашенная, «цветная» монета).

В смарт-контрактах передача такого токена приравнивается к передаче (предоставлению) самих активов.

Расширяющаяся практика использования смарт-контрактов в различных областях ставит перед юристами множество нестандартных задач, одной из которых является определение правовой природы токена в системах, где он используется в качестве маркера какой-либо передаваемой имущественной ценности. Следует ли рассматривать его в качестве нового особого объекта гражданского права – «цифрового имущества», «вир-

туального актива», для которого необходимо установление специального правового режима, либо речь идет только об особом порядке учета известных имущественных прав (объектов)?

Исходя из совершенно различного функционала токенов в разных системах, которые используют блокчейн-технологию, общее решение предложить невозможно.

В большинстве систем блокчейна, используемых для реализации коммерческих проектов, токен является способом фиксации (маркером) определенных имущественных прав, и возможность лица распорядиться им определяет это лицо в качестве обладателя этого имущественного права.

Соответственно, предметом смарт-контракта в этих случаях будут именно имущественные права (чаще всего обязательственные). Так, в описанных системах блокчейна, предназначенных для фиксации факта привлечения денежных средств на определенных условиях, токен закрепляет право владельца на получение при этих условиях либо при наступлении определенного срока той или иной имущественной ценности (денежных средств, доли в прибыли, товаров и т.д.).

Во многих случаях токены реализуют те же функции, что и ценные бумаги – фиксируют наличие и содержание права (причем часто аналогичного по содержанию тому, которое может быть закреплено в ценной бумаге) и обеспечивают его передачу в привязке к носителю, на котором оно закреплено.

Создание цифрового образа того или иного объекта оборота, как правило, не меняет его природы. Например, учет акций на блокчейне не делает их особым цифровым активом. Для легализации такого учета достаточно внести дополнения в закон об акционерных обществах и закон о рынке ценных бумаг в части допустимых технологий учета бумаг.

Например, в феврале 2019 г. Парламент Люксембурга уравнял юридический статус обычных ценных бумаг и ценных бумаг, выпущенных с использованием технологии блокчейн. Показательно, что выпуск бездокументарных ценных бумаг был разрешен в Люксембурге только в 2013 г. Новые поправки в закон о ценных бумагах разрешают регистрацию и дистрибуцию ценных бумаг с использованием надежной электронной регистрации, например, по технологии распределенного реестра[1].

Следовательно, «перевод» традиционных объектов в цифровую форму, как правило, принципиально не меняет характера регулирования.

Но если перемещение объектов гражданского права в цифровую среду в большинстве случаев не меняет их правовой природы и не приводит к

[1] https://chd.lu/wps/PA_RoleDesAffaires/FTSByteServingServletImpl?path=941A5ADDCB-D2A7967FA717045881789D441DD9A03654CB056EB4C1BD77207AD3A680CD9F7B06B-38FF5BDE9B7845E2E09$20CD81147AB6C983B2B378482C9F6417; https://www.coindesk.com/luxembourg-passes-bill-to-give-blockchain-securities-legal-status.

созданию нового («вторичного» объекта), существует ли необходимость в конструкции особого объекта гражданского права – «цифрового права», и если такая необходимость существует, то какие признаки позволяют рассматривать его в качестве самостоятельного, не сводимого к уже известным объектам?

Включение в ГК РФ статьи 141.1 «Цифровые права» свидетельствует о том, что российский законодатель признал необходимым включить положения о цифровых правах как о самостоятельных объектах гражданского права.

При разработке подходов к регулированию оборота объектов с использованием технологий защищенных распределенных реестров обсуждалась возможность отнесения рассматриваемой категории прав к известным видам объектов, в частности, предлагалось относить их к ценным бумагам (бездокументарным ценным бумагам).

Сходство данных объектов трудно отрицать, поскольку ценные бумаги также являются особым «надстроечным», «вторичным» объектом, который породила коммерческая практика для снижения издержек обращения и снижения рисков, возникавших при использовании традиционных способов передачи права (риск исполнения ненадлежащему лицу, риск двойного исполнения, риск недействительности уступленного требования (особенно в связи с наличием возражений должника) и многие другие.

Ценная бумага, таким образом, это не просто закрепление права в документе. Речь идет об особом правовом режиме, который во многом приравнивает передачу документа (вещи) к передаче воплощенного в ней права и изменяет систему распределения рисков, вводя тесно связанные друг с другом принципы формализма, публичной достоверности, ограничения возражений.

Предложения приравнять определенные объекты в цифровой среде к ценным бумагам, очевидно, имели в виду бездокументарные ценные бумаги, поскольку «классические» бумаги – это документы, материальные объекты, используемые для фиксации и передачи имущественных прав.

Собственно, в признании токенов, закрепляющих имущественные права, ценными бумагами нет и необходимости, поскольку нормы ГК РФ о ценных бумагах определяют форму ценных бумаг, начала ограничения возражений обязанного лица по ним, особенности передачи прав, защиты добросовестного приобретателя ценной бумаги, определяют способы легитимации обладателя права. Эти правила утрачивают практический смысл применительно к системе передачи с использованием технологии блокчейн, где исполнение сделки обеспечивается технологически, с помощью правил программного кода и криптографического подтверждения фактов обладания объектом и его передачи.

Например, вряд ли есть необходимость распространять на права, закрепленные в блокчейне, правила ГК РФ об ограничении возражений,

поскольку все условия исполнения могут контролироваться программным кодом; соответствующее требованиям кода исполнение будет произведено, а ненадлежащее исполнение практически исключено (по крайней мере, в системе).

Порядок передачи прав также диктуется технологией системы, система же определяет и особенности подтверждения права (путем использования криптографии и специальных ключей).

Модель воплощения объекта (имущественного права) в ценной бумаге (во многом сходная с моделью воплощения объекта в токене блокчейна) функционировала за счет уровня доверия к эмитенту (обязанному по ценной бумаге лицу), а также за счет правовых механизмов, обеспечивающих переход прав и исполнение обязательств по такой бумаге.

«Цифровое право», как оно понимается в статье 141.1 ГК РФ, сходно с бездокументарной ценной бумагой по одному из свойств – в обоих случаях имущественное право (чаще всего обязательственное) не привязано к материальному носителю и передается путем внесения записей о передаче в специальную систему учета. С таким же по природе феноменом мы сталкиваемся при анализе категории «безналичных денег», когда функции средства платежа начинают выполнять данные о наличии средств на банковских счетах (счетах иного центрального оператора), а передача имущественной ценности оформляется посредством внесения записей на счет. Само обязательственное право по договору банковского счета (или сходного по природе договора) к банку одновременно рассматривается и как самостоятельный объект (безналичные денежные средства), используемый как средство платежа наряду с наличными деньгами.

Вместе с тем системы учета бездокументарных ценных бумаг и безналичных денег требуют обязательного наличия лица, ведущего учет и отвечающего за его верность (банки в системе безналичных расчетов, регистраторы в системе учета ценных бумаг). Львиная доля норм ГК РФ, определяющих особенности передачи прав и фиксации юридических действий по распоряжению ими, определяют обязанности и ответственность лиц, ведущих учет прав и обеспечивающих верность записей об их передаче или иных актах распоряжения (центральные операторы, посредники).

В неконтролируемых блокчейнах такой единый оператор отсутствует, правильность операций и доверие к системе обеспечивается всеми участниками (без участия центрального оператора).

Необходимо отметить также, что бездокументарные ценные бумаги могут быть только именными, и это исключает возможность подведения под эту категорию прав, в отношении которых распоряжение осуществляется анонимно, а возможность распоряжения и право на получение исполнения подтверждаются только криптографическим методом, очень часто без раскрытия личности владельца.

Определение токена в блокчейне, к которому привязана информация об имущественных правах владельца, в качестве особого способа фиксации имущественных прав в распределенном реестре оставляет открытым вопрос, допустимо ли сам такой токен рассматривать в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Противоречий в постановке вопроса здесь нет, поскольку, например, ценные бумаги – это тоже особая форма фиксации имущественных прав, но одновременно их признают самостоятельным объектом: отсюда и известное всем противопоставление «права на бумагу» и «права из бумаги».

Соответственно, и токен (или некоторые их виды), будучи средством фиксации имущественного права в блокчейне, также может быть признан самостоятельным объектом гражданских прав при условии, что будут выявлены его особые признаки, требующие установления специального правового режима, не сводимого к режиму известных объектов.

Следует учитывать и различия самих систем блокчейн, определяемые целями их создания и использования, заложенным в них функционалом. Например, в известных платежных системах токен используется как средство платежа («цифровая или виртуальная валюта»).

Оснований для объединения в одну категорию платежных токенов и токенов, закрепляющих права на иные объекты, недостаточно. Токены, выполняющие денежную функцию в платежных системах, не содержат ограничений по лицам, к которым может быть предъявлено требование, а также по товарам (услугам, работам), передаваемым в обмен на токены.

В отличие от этого токены, фиксирующие определенные имущественные права, предоставляют владельцу возможность получить конкретную и точно определенную ценность (вещи, услугу, ценные бумаги, права на интеллектуальную собственность, доли в доходах и т.д.).

Можно также обратить внимание на различие между токенами, которые закрепляют права на «внешний актив» – иные самостоятельные объекты, существующие независимо от самой системы (например, движимые вещи, обязательственные или исключительные права), и токенами, фиксирующими права, реализуемые исключительно в самой сети (например, право на возврат переданных эмитенту криптовалют, с начислением или без начисления процентов, изначально возникшее в привязке к токену определенной системы).

Выделение токенов, закрепляющих имущественные права, в самостоятельный объект права (во многом сходный по природе с ценными бумагами), несомненно, может иметь место, но при условии выявления общих сущностных отличий токенов с различным функционалом от уже имеющихся объектов гражданского права.

В любом случае создание «новой сущности» в праве становится необходимым только тогда, когда уже имеющиеся инструменты, даже при их модификации, не позволяют решить возникающие проблемы.

Важно отметить что понятие «цифровых прав» в статье 141.1 ГК РФ («Цифровые права»[1]) не охватывает все рассмотренные выше виды токенов, являющихся маркером имущественных прав. Оно гораздо уже.

Во-первых, речь идет только о правах, в отношении которых закон должен прямо указать, что они могут создаваться и обращаться в качестве цифровых прав. Аналогичную конструкция ГК РФ использует в отношении ценных бумаг (ценные бумаги должны быть названы в таком качестве в законе или в установленном им порядке – см. п.2 ст.142).

Во-вторых, эти права должны изначально создаваться (возникать) в привязке к определенной информационной системе и существовать (возникать, передаваться, прекращаться и т.д.) только в электронной среде. Возникновение права непосредственно в цифровой среде происходит по инициативе обязанного лица, и оно заведомо соглашается с тем, что право переходит по правилам информационной системы. Именно поэтому пункт 3 статьи 141.1 ГК РФ устанавливает, что переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Показательно, что рассматриваемая норма не содержит технологических описаний системы, не упоминает ни о ее распределенном характере, ни о привязке к определенным криптотехнологиям. Требования к таким системам также должны быть определены законом применительно к конкретным видам прав.

Однако один из прямо указанных в норме признаков позволяет говорить о том, что в данном случае имеется в виду принципиально отличная от традиционных система учета прав – отсутствие посредника, обеспечивающего передачу прав и отвечающего за правильность учетных данных в их статике и динамике.

Соответственно, если при учете определенных объектов сохраняются требования о наличии центрального оператора (посредника), то учитываемые в такой системе объекты не могут быть отнесены к категории цифровых прав.

Принципиально иная система учета и особенности подтверждения прав в ней (право признается принадлежащим тому лицу, которое имеет возможность распоряжаться им, имея доступ к системе) позволяют говорить о них как об особом объекте, не сводимом к известным объектам прав.

Обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (п.2 ст.141.1).

---

[1] Выбор самого названия для объекта нельзя признать удачным, поскольку оно вводит в заблуждение, порождая впечатление, что создается какое-то новое право. Однако примененный законодателем термин обозначает не особое право, а особый способ фиксации, влияющий на свойства закрепленного права.

Одновременно внесены изменения и в статью 128 ГК РФ, где «цифровые права» упоминаются в числе имущественных прав, наряду с бездокументарными ценными бумагами и безналичными деньгами. При обсуждении законопроекта необходимость изменения данной нормы подвергалась сомнению, даже при согласии оппонентов с возможностью включения в ГК отдельной статьи о цифровых правах.

Вопрос об объектах гражданских прав (понятие, виды и пр.) как с точки зрения теоретической, так и исходя из положений ст. 128 ГК, несомненно, заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения. В связи с обсуждаемыми проблемами уместно вспомнить некоторые исходные положения.

В теории гражданского права и учебной литературе характеристике объекта гражданских прав (правоотношений) традиционно уделялось достаточно много внимания. Так, в учебнике Д.И. Мейера, впервые вышедшем в 1858 г. и впоследствии неоднократно переиздававшемся, объектам гражданских прав посвящена отдельная глава[1]. Советская цивилистика была увлечена как исследованием общих положений об объектах гражданских правоотношений, так и рассмотрением отдельных видов объектов[2].

В законодательстве общих правил об объектах гражданских прав не содержалось. Но количество порождает новое качество: теоретические наработки (учения) об объектах гражданских прав оказались востребованы при создании Гражданского кодекса Российской Федерации. Отказавшись от определения объекта («то, на что направлены права и обязанности»; «то, по поводу чего возникают гражданские правоотношения» и пр.), закон (ст. 128 ГК) дал перечень объектов гражданских прав, зафиксировав достижения доктрины. Эти положения весьма полезны при научных исследованиях и еще более востребованы в учебном процессе, поскольку они хорошо воспринимаются при изучении гражданских правоотношений, способствуют систематизации знаний. Но нужны ли нормы ст. 128 ГК с практической (в правотворчестве, правоприменении) точки зрения? Думается, нет.

Первоначальная редакция (1994 г.) ст. 128 ГК выглядела следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Коренное обновление законодательства активизировало споры об объектах гражданских прав и породило новые разногласия. Так, никогда и ни у кого не вызывало сомнений, что объектами гражданских прав являются вещи. После этого слова в законе звучало: «включая деньги».

[1] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2-х т. М.: Статут, 1997. Т. 1. 831 с.

[2] Обзор литературы см., напр.: *Ровный В.В.* Проблемы единства российского частного права. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1999. С. 89–110.

Однако бывают наличные деньги, и они же (деньги) могут существовать в безналичной форме. Некоторые специалисты обратили внимание на то, что законодатель якобы не случайно в ст. 807 ГК называет предметом займа деньги (или иные предметы, определяемые родовыми признаками), а в ст. 819 ГК предметом кредитного договора указал на денежные средства и предложили вывод: денежные средства на счетах – это не вещи! Наиболее эффектно это аргументировал Е.А. Суханов, который, обосновав, что право требования вкладчика к банку не является объектом вещного права (с этим нельзя не согласиться) констатирует: «При таком очевидном для квалифицированного юриста подходе снимается и вопрос о «праве собственности» на безналичные деньги, которые… являются не вещами, а правами требования»[1].

Однако безналичные денежные средства – это тоже деньги. Когда по договору поставки покупатель оплачивает товар, то, передавая права требования к банку, он платит деньги. Таким образом, в данном случае законодатель использовал (быть может, частично) фикцию: безналичные деньги в виде вещи реально не существуют, однако признаются ею[2].

Суть в том, что деньги существуют в вещественной (телесной) форме и дематериализованном состоянии (в виде прав требования; безналичные деньги).

Аналогичная проблема с ценными бумагами: в ст. 128 ГК (ред.1994 г.) они объявлены вещами. Одновременно в ст. 149 ГК (ред. 1994 г.) предусматривалась возможность существования бездокументарных ценных бумаг (фиксация прав в бездокументарной форме – с помощью средств электронно-вычислительной техники и т.п.). Данная норма породила массу вопросов: есть ли права собственности на бездокументарные ценные бумаги, можно ли их виндицировать и т.д. и т.п.

Есть достаточно широко распространенное заблуждение, будто едва ли не любую проблему, возникающую в обществе, можно решить изменением закона либо принятием нового. В данном случае требовалось лишь скорректировать практику применения законодательства, устранив неправильное толкование закона, приводившее к некритическому применению к бездокументарным ценным бумагам правил о вещах. Но в силу различных причин оказалось легче поменять закон, нежели практику его применения.

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации указывалось на необходимость в ст. 128 ГК «указать на то,

---

[1] *Суханов Е.А.* Банковский вклад // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. *О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова.* М.: Межд. центр финансово-эконом. развития, 1996. С. 452–453.

[2] *Ефимова Л.Г.* Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 39–49; *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств. М.: Статут. 2004. С. 202.

что к бездокументарным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам могут применяться правила о вещах, если иное не установлено законом, иными правовыми актами и не вытекает из существа названных объектов»[1].

В 2013 году в ГК РФ, однако, воплощен несколько иной подход: наличные деньги и документарные ценные бумаги признаются вещами, а безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги относятся к иному имуществу (ст. 128)[2]. По мнению В.В. Витрянского, внесение соответствующих изменений в ст. 128 ГК РФ стало возможным в связи с тем, что предложен комплекс специальных правил, регулирующих отношения по поводу безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг[3].

Учитывая появление таких специальных правил, представляется, что изменения ст. 128 ГК практически «подгонялось» под указанные правила. Разграничение наличных и безналичных денег, а также документарных и бездокументарных ценных бумаг в ст. 128 ГК в связи с этим носит исключительно информационный характер.

Можно еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что содержание рассматриваемой статьи закона весьма важно с доктринальной точки зрения и необходимо при познании правовой материи, но для регулирования общественных отношений бесполезно.

Формирование перечня объектов гражданских прав, который образует содержание ст. 128 ГК, шло «снизу вверх». В доктрине выделялись объекты гражданских прав (вещи, результаты выполнения работ, услуги и др.). В нормативных актах регламентировались отношения, возникающие по поводу выполнения работ, оказания услуг и т.д. Соответствующие знания обобщены и как бы «вынесены за скобки» (как это обычно делается при конструировании общей части). Нет оснований утверждать, что при отсутствии перечня, аналогичного тому, что содержится в ст. 128 ГК, правовое регулирование было бы ущербным. Говорить о том, что с появлением такого перечня гражданско-правовое регулирование поднялось на качественно новый уровень, тоже нет оснований.

Тем не менее появление в ст. 128 ГК упоминания о цифровых правах следует приветствовать (независимо от согласия или несогласия с понятием «цифровые права» в ст. 141.1 ГК). В данном случае дополнение перечня объектов идет «сверху вниз». Представляется очень разумным то, что Гражданский кодекс, не открещиваясь от цифровых прав, в отношении

---

[1] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 34.

[2] *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. С. 99–100; 105–110.

[3] Там же. С. 99.

правового регулирования которых продолжаются жаркие споры, не предлагает развернутую систему норм о них, но вместе с тем признает их объектом гражданских прав.

Библиографический список:

1. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431 с.
2. *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств. М.: Статут. 2004. С. 202.
3. *Ефимова Л.Г.* Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 39–49.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 34.
5. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2-х т. М.: Статут, 1997. Т. 1. 831 с.
6. *Ровный В.В.* Проблемы единства российского частного права. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1999. С. 89–110.
7. *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2016. 640 с. // СПС «Консультант Плюс».
8. *Свон М.* Блокчейн. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 241 с.
9. *Суханов Е.А.* Банковский вклад // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М.: Межд. центр финансово-эконом. развития, 1996.

УДК: 004.9:347.67

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ЗАВЕЩАНИЯ

Т.В. Андропова,
аспирант кафедры гражданского права юридического факультета, помощник нотариуса Пермского городского нотариального округа
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева,15
E-mail: andropovatv@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается возможность использования цифрового оборудования при составлении завещания, правомерность записи последней воли завещателя данным способом на основе сравнительно-правового анализа законодательства РФ и ряда зарубежных стран. В частности, анализируется применение аудиозаписи и видеозаписи в качестве актуальной устной формы распоряжения имуществом в рамках наследственных правоотношений. Сделаны выводы о том, что необходимо вносить изменения в законодательство РФ в части внедрения цифровых устройств при составлении завещания, и что необходимы проекты, которые будут исследовать связь между цифровым оборудованием и исполнением последней воли завещателя с точки зрения возможности и полезности такого оборудования.

Ключевые слова: завещания, формы завещания, устные завещания, завещания в форме звукозаписи, видеозавещания, новые технологии.

THE POSSIBILITY OF USING MODERN DIGITAL DEVICES IN THE PREPARATION OF THE WILL

T.V. Andropova,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: andropovatv@yandex.ru

Annotation: the article reviews the possibility of using digital equipment in the preparation of the will, the legality of the recording of the last will of

the testator in this way on the basis of comparative legal analysis. In particular, the application of video and sound recording as an actual oral form of property disposal within the framework of hereditary legal relations is analyzed. It is concluded that it is necessary to amend the legislation of the Russian Federation in terms of the introduction of digital devices in the preparation of the will, as well as the conclusion that projects are needed that will explore the relationship between digital equipment and the possibility of the last will of the testator in terms of the usefulness of such equipment.

Keywords: wills, forms of wills, nuncupative wills, wills in the form of sound recordings, videowills, new technology.

Одним из важнейших аспектов действительности завещания как сделки является конструирование его по установленной форме. Современным правовым системам известны различные формы завещательных распоряжений, что, с одной стороны, направлено на то, чтобы чрезмерно не обременять завещателя и не создавать лишних препятствий для выражения и закрепления его последней воли, а с другой стороны, формализм завещательных распоряжений имеет целью в максимально возможной степени отразить подлинную волю завещателя и не допустить преждевременного разглашения содержания завещания[1].

Одной из тенденций развития отечественного и зарубежного законодательства о наследовании, в частности, наследования по завещанию, выступает законодательно закрепленная множественность форм, с помощью которых наследодатель может распорядиться своим имуществом на случай смерти. При этом завещатель может, во-первых, выбрать любую из установленных форм, и во-вторых, в максимальной степени учесть те жизненные обстоятельства, при которых он составляет завещание[2].

Безусловно, в законодательстве и судебной практике многих стран по-прежнему доминируют традиционные взгляды, и вопрос завещательной дееспособности и формальной действительности завещательного распоряжения наиболее полно гарантируется при составлении завещания в форме публичного акта с обязательным участием нотариуса или должностного лица, которое в соответствии с местными законами наделено полномочиями удостоверять завещания, или же свидетелей, что характерно для стран общего права[3]. Наряду с традиционными формами гражданское законода-

[1] *Тарасова И.Н.* Понятие и значение формы завещания в российском гражданском праве // Наследственное право. 2014. № 3. С. 35.

[2] *Барков Р.А., Блинков О.Е.* Эволюция основных положений о завещании: общие тенденции и перспективы их унификации на постсоветском пространстве // Наследственное право. 2013. № 4. С. 41.

[3] *Паничкин В.Б.* Различие завещания в российском и англо-американском праве и их правовая природа // Нотариус. 2017. № 2. С. 45.

тельство некоторых стран предусматривает возможность совершения завещаний в специальных формах, в частности, простой письменной форме, устной форме, в форме аудиозаписи.

Основным требованием к совершению завещания в большинстве зарубежных современных правопорядках является составление завещания в письменной форме, при этом наиболее распространенной формой, в частности в таких странах, как США, Германия, Франция, Венгрия, Италия, Испания, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Греция, Израиль, Япония, Швеция, является собственноручная форма завещания без привлечения свидетелей или каких-либо должностных лиц, так называемые олографические завещания, которые предполагают именно собственноручное написание завещания без использования каких-либо технических средств. В качестве исключения в нескольких штатах США допустимо напечатать такое завещание или даже использовать современные технические устройства. К сведению, штат Невада – единственный штат, который допускает электронную форму завещаний, вместе с тем два других штата, такие как штат Луизиана и штат Индиана, нормативно закрепили, что завещание в форме видеозаписи возможно, если соблюдены все требования к данной форме завещания[1].

Действующим ГК РФ в ст. 1124 установлена обязательная письменная форма завещания. Причем простая письменная форма завещания имеет место в РФ при составлении закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах с обязательным требованием собственноручного написания и подписания завещания. В нескольких странах, таких как Франция, Италия, Испания, Мальта, законодательством предусмотрена возможность использования технических средств при составлении закрытого завещания, в частности, составление печатного текста с помощью компьютера[2]. Особый интерес представляет опыт Дании, где законодательство допускает составление завещаний при особых обстоятельствах с использованием современных информационных технологий. В частности, любые распоряжения завещателя в чрезвычайных обстоятельствах, которые выражают его последнюю волю, могут быть составлены в виде текста, записи на магнитной ленте, видео, в электронной почте, на мобильном телефоне или других средствах электронной связи[3].

Устные завещания допускаются лишь в виде редкого исключения. Устная форма завещаний неизвестна российскому законодательству, хотя она законодательно закреплена в ряде зарубежных стран, в частности в таких

---

[1] *Kenneth G C Reid, Marius J de Waal, Reinhard Zimmermann.* Comparative Succession Law – Volume I: Testamentary Formalities Cambridge: Cambridge university press, 2011. P. 365.

[2] *Garb Louis, Wood John.* International Succession: Oxford Academ, 2015. P. 276, 438, 533, 791.

[3] Там же. P. 241.

странах, как КНР, Швейцария, Германия, Венгрия, Израиль, Польша, Дания, Австрия, Швеция, Норвегия, Тайвань, Великобритания, некоторых штатах США. В качестве условия реализации данной формы завещания необходимо, как правило, наличие особых обстоятельств, в которых завещатель может составить такого рода завещания. Только в нескольких зарубежных странах на законодательном уровне закреплена возможность составления завещания в виде звукозаписи. В частности, особенностью составления завещания в устной форме согласно законодательству Тайвани является возможность звукозаписи слов завещателя на магнитофон в присутствии свидетелей. В этом случае сначала завещатель произносит свое имя и текст самого завещания. Далее свидетели должны произнести свои имена и подтвердить, что слова, высказанные завещателем, действительно являются его распоряжением на случай смерти. Затем свидетели должны поместить данную аудиозапись в конверт, запечатать его, датировать и написать свои имена на нем[1]. В Китае законодательством предусмотрена как устная форма завещания, так и завещание в виде звукозаписи, которое не связано с наличием особых, чрезвычайных обстоятельств[2]. В Дании завещания в устной форме в виде записи голоса завещателя с содержанием устного завещания на любое электронное записывающее устройство, в частности на магнитофон, мобильный телефон, диктофон, а также посредством записи на видеокамеру или на камеру мобильного телефона признаются действительными формами завещания в чрезвычайных обстоятельствах или в связи с предсмертной болезнью завещателя[3].

В наш цифровой век, век современных технологий и Интернета, когда почти каждая семья имеет доступ к аудио и видео цифровому оборудованию (компьютеры, планшеты, мобильные телефоны, диктофоны), завещание как письменный документ с подписями может показаться устаревшим. В связи с этим довольно интересным является вопрос о признании оформления завещания в РФ, в частности закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах при определенных условиях, с помощью современных технических средств. Не вызывает сомнения, что на сегодняшний день волеизъявление относительно судьбы своего имущества на случай смерти, зафиксированное таким способом (например, с помощью видеозаписи на видеокассете, голосового сообщения на мобильный телефон или диктофон), не имеет юридической силы, поскольку законодательством не предусмотрено такой формы выражения последней воли. Изложение распоряжений на случай смерти перед записывающим устройством, в частности в форме видеозавещания или аудиозавещания, является, по

[1] *Garb Louis, Wood John.* International Succession: Oxford Academ, 2015. P. 830.

[2] Закон КНР 1985 года «О наследовании» по состоянию на 01 августа 1018 года // URL // http://chinahelp.me/notary/zakon-knr-o-nasledovanii.

[3] *Garb Louis, Wood John.* International Succession: Oxford Academ, 2015. P. 241.

сути, устной формой сделки, а сама видеозапись или аудиозапись является только доказательством ее изложения.

Видеозавещания и аудиозавещания могут являться разновидностью устных завещаний, когда «документ» присутствует буквально в говорящем голосе человека. Но вместе с тем такого рода завещания вызывают ряд следующих вопросов: низкая правовая культура завещателя и открыто записанная речь завещателя может создать путаницу в отношении распоряжений. По этим причинам видеозавещания и аудиозавещания могут породить сомнения в их состоятельности. Во-первых, видеозавещание или аудиозавещание – это прямая коммуникация, которая может не соответствовать правилам речевого общения. Напротив, в письменном тексте его составитель может воссоздать личность, которой принадлежит голос, не теряя при этом содержательной точности и непосредственной задачи. Во-вторых, история завещаний подтверждает восприятие и ожидания того, чем должно являться завещание. Возможности записанных на видео или оцифрованных завещаний никогда не рассматривались юрисдикциями в качестве действительного завещания. Поэтому, по мнению зарубежных исследователей, подобные записи, выполненные в форме устного завещания, можно рассматривать в рамках только конкретных форм завещания при определенных обстоятельствах[1].

Надо заметить, что ряд исследователей высказываются за внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, в соответствии с которыми лицам, не способным выразить свою последнюю волю без посторонней помощи, должно быть предоставлено право составлять закрытые завещания посредством видеозаписи. Так, по мнению Е. Путилиной, для такой категории лиц закрытое завещание, совершенное посредством видеозаписи, в большей степени позволило бы определить, в каком состоянии находился завещатель в момент его совершения (совершения записи), и в то же время избежать ущемления прав отдельных граждан на совершение закрытого завещания[2]. Такую же точку зрения разделяет С.А. Слободян, который считает, что видеозавещания помогут устранить ограниченность свободы составления закрытого завещания, поскольку у наследодателя, который не в состоянии собственноручно написать и подписать завещание, также могут быть причины для совершения закрытого завещания[3].

Следует обратить внимание на то, что возможность использовать современную технику в рамках наследованных правоотношений, в частности видеозавещаний, открыло бы возможность последней «беседы» с

---

[1] *Karen J. Sneddon.* Speaking for the Dead: Voice in Last Wills and Testaments. St. John's Law Review, 2014. P. 734.

[2] *Путилина Е.* Совершение закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах // Законность. 2007. № 11. С. 39.

[3] *Слободян С.А.* Правовой режим закрытых завещаний // Нотариус. 2009. № 6. С. 20.

родными и близкими, возможность попрощаться с семьей и друзьями в более «зрелищной» манере, которая оставляет незабываемые воспоминания возможность сделать завещание еще более личным, менее формальным. Важно отметить еще несколько положительных моментов в видеозаписи. Если завещатель не имеет достаточных знаний в области наследственного права по написанию формального собственноручного завещания, то это может вызвать в свою очередь, определенные проблемы и расходы. Включить видеокамеру и записать свою речь будет гораздо проще для завещателя, чтобы выразить, свою последнюю волю по поводу распоряжения своим имуществом. Также видео может быть полезным инструментом, если завещатель думает, что кто-либо из наследников может оспорить его после смерти завещателя. Видео может обеспечить весомое доказательство, что завещатель знал, что он делал и делал это по собственной воле. В связи с этим применение видеозавещаний кажется актуальным, современным и может иметь доказательственное значение.

Сравнительно недавно англо-американская доктрина наследования по завещанию указывает на важность принятия во внимание широкого спектра обстоятельств, при которых завещатель оставляет своё волеизъявление на телефонах, компьютерах и ноутбуках, при этом соответствующие должностные лица должны быть уверены, что запись на данных носителях полностью включает в себя слова завещателя, его волю и распоряжение по распределению имущества. Именно поэтому законодательство должно попытаться, по возможности, эффективно оптимизировать намерения завещателя по свободному волеизъявлению[1]. Следовательно, с одной стороны, должны быть обозначены и законодательно закреплены формальные требования к завещаниям, сделанным на указанных носителях, если последняя воля завещателя ясна. С другой стороны, соответствие формальным требованиям многим из них настолько важно, что при несоответствии им завещание становится недействительным при любых обстоятельствах.

В качестве примера возможности использования современной электронной техники при составлении завещания можно привести судебные решения некоторых зарубежных стран, где такие завещания были признаны действительными, хотя данная форма завещания законодательно не закреплена в этих странах. Гражданин Австралии незадолго до своего самоубийства сделал ряд записей на своём мобильном телефоне - iPhone. Одна из записей являлась его завещанием, в котором он назначил своего душеприказчика и распорядился своей собственностью на случай смерти. Названный душеприказчик обратился в суд Австралии, чтобы засвидетельствовать запись с iPhone как завещание. Его обращение прошло успешно, хотя законодательство Австралии не имеет такой законодатель-

[1] *Bennet M.* Technology and Wills (Using an iPhone, Word or Other Modern Devices) // Lexology. 2014. P. 6.

но закрепленной формы завещания в наследственном праве[1]. При вынесении решения суд принял во внимание тот факт, что текст начинался со слов: «Это моя последняя воля и завещание…», что подтверждало статус данной записи как завещания. Суд также отметил тот факт, что назначение душеприказчика снова указывает на состоятельность документа как завещания. Было учтено и то, что завещатель напечатал своё имя в конце документа, в том месте, где должна быть его подпись, далее указал дату и адрес. Положения и указания, которые содержались в тексте, подтверждали тот факт, что документ может быть признан завещанием в случае смерти завещателя. В частности, обстоятельства, что документ был создан сразу после прощальных посланий и непосредственно перед смертью завещателя, чёткие инструкции о распределении имущества подтверждали тот факт, что документ может быть признан действительным. Суд удовлетворили данные обстоятельства и признал запись, сделанную завещателем на мобильном телефоне iPhone, подлинным завещанием.

Аналогичный случай был рассмотрен судом в Швеции. Завещатель провёл часть своих последних часов, рассылая смс-сообщения своей семье и друзьям, в которых он детально описал ту часть имущества, которую каждый из них получит после его смерти. Несколько часов спустя он совершил самоубийство. В суде эта процедура была представлена как непосредственно собственно завещание, которое завещатель хотел оставить своим родным. Сначала районный суд не признал действительными смс-сообщения как завещание, но апелляционный суд отменил решение районного суда. Согласно одному из экспертов по наследству в Швеции, если бы этот завещатель написал дополнительно свои слова на бумаге, то завещание могло быть признано недействительным. В прессе данный случай был освещен со смыслом о пересмотре завещательного права в Швеции. «Шведские законы являются устаревшими, много изменений произошло с начала 20 века, когда эти законы были приняты»[2].

В связи с изложенным возникает вопрос о том, насколько завещание, составленное в виде электронного документа, то есть не на бумажном, а на ином носителе, с помощью современных электронных технологий, например, на сменном носителе (флэшке), в виде файла изображения, видеозаписи, смс в мобильном телефоне может рассматриваться в качестве документа, приравненного к письменному. Как было уже отмечено выше, стремительное развитие информационных технологий в последние десятилетия привело к широкому использованию электронных документов как

---

[1] См., напр.: Решение Верховного суда штата Квинсленд, Австралия от 06.11.2013 по делу № BS10313 – 2013 // URL: http://www.queenslandreports.com.au/docs/db_keydecisions/QSC13-322.pdf.

[2] *Brattstrom M.* SMS not a Valid Last Will and Testament: Court // The Local. 2014 // URL: http:// www.thelocal.se/20140224/ sms-not-valid-last-will-and-testament-court/.

в гражданском обороте, так и в повседневной жизни, в быту. Это обстоятельство делает особенно актуальным вопрос об использовании электронных документов в качестве письменных доказательств, в том числе в гражданском судопроизводстве[1].

На основании вышеизложенного новые технологии и использование цифровых устройств вызывают много вопросов по возможности их внедрения в законодательство в части наследования по завещанию. Можно сказать, что необходимо новое мышление за рамками принятых законов в связи с возможными случаями по распоряжению имуществом посредством цифровой техники и новых технологий в будущем. Обращаясь к законодательству РФ, необходимо отметить, что законодательство в области наследственного права достаточно консервативно. Полагаю, что формальные требования к завещаниям, в частности обязательное соблюдение письменной формы, направлено на предотвращение нелегитимного использования новых технологий и цифровых устройств. Отсюда следует, что правоприменители хотят получить чётко обозначенные законодательные принципы и требования использования новых технологий.

Необходимо отметить, что перед внесением изменений в текущее законодательство о внедрении новых форм завещания необходимо провести комплексное исследование, проектирование и обсуждение по приемлемым формам и возможностям использования технического, цифрового оборудования в наследственных правоотношениях. Такие проекты должны исследовать возможности, предоставляемые новыми технологиями, с учетом возможных рисков и негативных правовых последствий, и определить, какие из них могут быть законными инструментами для применения завещателем при распоряжении своим имуществом на случай смерти. Результат таких проектов должен включать в себя, в частности, законные характеристики, например, видеозавещания как нового законного наследственного инструмента. Эти результаты позволят расширить знания в наследственном праве, в частности, в наследовании по завещанию, а также станут значительным научным вкладом в это направление. Кроме того, они смогут объяснить связь, существующую между развитием технологий и законными инструментами, применяемыми завещателем для оформления своих распоряжений на случай смерти. До сих пор ни одно исследование подобного типа не было проведено в РФ.

---

[1] *Ралько В.В., Виноградова В.В.* Порядок оформления завещаний: проблемы теории и практики: сборник материалов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1. С. 36.

Библиографический список:

1. *Барков Р.А., Блинков О.Е.* Эволюция основных положений о завещании: общие тенденции и перспективы их унификации на постсоветском пространстве // Наследственное право. 2013. № 4. С. 41.

2. *Паничкин В.Б.* Различие завещания в российском и англо-американском праве и их правовая природа // Нотариус. 2017. № 2. С. 45.

3. *Путилина Е.* Совершение закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах // Законность. 2007. № 11. С. 39.

4. *Слободян С.А.* Правовой режим закрытых завещаний // Нотариус. 2009. № 6. С. 20.

5. *Тарасова И.Н.* Понятие и значение формы завещания в российском гражданском праве // Наследственное право. 2014. № 3. С. 35.

6. *Ралько В.В., Виноградова В.В.* Порядок оформления завещаний: проблемы теории и практики: сборник материалов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1. С. 36.

7. *Bennet M.* Technology and Wills (Using an iPhone, Word or Other Modern Devices // Lexology. 2014. P. 6.

8. *Brattstrom M.* SMS not a Valid Last Will and Testament: Court // The Local. 2014.

9. *Garb Louis, Wood John.* International Succession: Oxford Academ, 2015. P. 276, 438, 533, 791.

10. *Karen J. Sneddon.* Speaking for the Dead: Voice in Last Wills and Testaments. St. John's Law Review, 2014. P. 734.

11. *Kenneth G C Reid, Marius J de Waal, Reinhard Zimmermann.* Comparative Succession Law – Vol. I: Testamentary Formalities Cambridge: Cambridge university press, 2011. P. 365.

УДК: 347(094.4):33

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А.В. Барков,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», профессор департамента правового регулирования экономической деятельности
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Аннотация: в статье отмечаются тенденции, влияющие на развитие гражданского законодательства в условиях формирования цифровой экономики, к которым отнесены экономизация, социализация и экологизация всех сфер общественной жизни. Обращается внимание, что проводимая российская политика подтверждает приверженность экономических реформ общему глобальному курсу устойчивого развития, взятому государством при присоединении к решениям Конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 года. Цифровизация экономики не только не противоречит стратегии национальной политики, закрепленной в различных долгосрочных государственных программах, ориентированных на переход к интенсивному инновационному, энерго-эффективному, эколого и социально направленному вектору развития экономики, но и является средством обеспечения их эффективности на более высоком технологическом уровне. Доказывается, что экономизация, социализация и экологизация представляются общемировыми, глобальными тенденциями развития гражданского законодательства, что следует учитывать в процессе его совершенствования.

Ключевые слова: цифровая экономика, гражданское право, экономизация, социализация, экологизация.

TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF CIVIL LAW IN CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY

A.V. Barkov,
Saratov State Law Academy,
Financial University under the Government of the Russian Federation
1, Volskaya St., Saratov, Russia, 410056.
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Annotation: the article notes the trends affecting the development of civil legislation in the conditions of the digital economy formation, which include economization, socialization and greening of all spheres of public life. It is noted that the Russian policy confirms the commitment of economic reforms to the General global course of sustainable development, taken by the state when joining the decisions of the UN Conference in Rio de Janeiro in 1992. Digitalization of the economy not only does not contradict the strategy of national policy enshrined in various long-term government programs aimed at the transition to an intensive innovative, energy-efficient, environmental and socially oriented vector of economic development, but also is a means of ensuring their efficiency at a higher technological level. It is proved that economization, socialization and greening are represented by global, global trends in the development of civil legislation, which should be taken into account in the process of its improvement.

Key words: digital economy, civil law, economization, socialization, ecologization.

Реализация стратегии перехода к цифровой экономике[1] должна обеспечиваться всеми отраслями российского права, среди которых одно из ведущих мест занимает гражданское право, призванное создать необходимую правовую среду, способствующую эффективности проводимых реформ. Значение гражданского права и законодательства обусловливается тем, что цифровизация экономики не означает отхода от курса формирования рыночной экономики, а является лишь корректировкой его, определяя, что ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности становятся «данные в цифровой форме», что должно существенно сказаться на обеспечении конкурентоспособности страны, качества жизни граждан, экономическом росте и национальном суверенитете.

[1] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Портал «Правительство России» URL: http://government.ru/docs/ (дата обращения 20. 08. 2018).

Следовательно, говорить о цифровизации гражданского права в условиях перехода к цифровой экономике в принципе неверно. Однако это не означает, что цифровизация экономики не будет влиять на развитие гражданского права и законодательства, определяя тенденции его развития, которые, несомненно, должны учитываться при правовом обеспечении экономических реформ.

В очередной раз следует обратить внимание на то, что цифровизация экономики не только не противоречит стратегии национальной политики, закрепленной в различных долгосрочных государственных программах, ориентированных на переход к интенсивному инновационному, энергоэффективному, эколого- и социально направленному вектору развития экономики[1], но и является средством обеспечения их эффективности на более высоком технологическом уровне. Данная политика Российской Федерации подтверждает приверженность проводимых экономических реформ общему глобальному курсу устойчивого развития, взятому государством при присоединении к решениям Конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 года, до настоящего времени определяющих ориентиры всемирного экологобезопасного формирования «модели будущего цивилизации»[2].

Принятие Конференцией ООН по окружающей среде исторического решения об изменении курса общемирового развития было продиктовано стремительно ухудшающейся глобальной экологической ситуацией, способной привести к гибели планеты, спровоцированной обострением противоречий между растущими потребностями и невозможностью биосферы их обеспечения, а также научным прогнозом о возможной глобальной катастрофе уже в XXI веке[3]. Идеи концепции устойчивого развития, как альтернативы пути, основанного на неограниченном экономическом росте, учитывающие три главных фактора устойчивого прогресса (экономический, социальный, экологический), нацелены на изменение нерациональных моделей производства и потребления в направлении перехода к ресурсосберегающей и низкоуглеродистой экономике, получившей устойчивое и общепринятое название «зеленой»[4]. Учитывая взаимосвязь экономического, социального и экологического компонентов концепции устой-

[1] Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.11.2009г. № 1715-р // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5836; «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации период до 2030 года». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.11.2008г. № 1734-р // СЗ РФ. 2008. № 50. Ст. 5977.

[2] См.: Устойчивое развитие: концепция, принципы, цели. URL: http://csrjournal.com/ustojchivoe-razvitie-koncepciya-principyceli (дата обращения: 11.07.2018).

[3] *Урсул А.Д.* Россия в БРИКС: в контексте устойчивого развития. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_15266.html (дата обращения: 11.07.2018).

[4] Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности — обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП, 2011. URL: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 16.07.2018).

чивого развития, предполагается перестроить глобальную экономику в направлении ее «озеленения», увеличения инвестиций в человеческий капитал, безопасные технологии и «природную» инфраструктуру, при этом стимулировав экономизацию, социализацию и экологизацию всех сфер общественной жизни, включая право и законодательство.

Учитывая, что успех экономических реформ напрямую зависит от эффективности их правового обеспечения, то представляется, что устойчивый прогресс возможен лишь при эффективном гражданском законодательстве, которое так же, как и все сферы общественной жизни, подвергается воздействию правовой идеологии устойчивого развития. Этот процесс взаимосвязи социально-экономической политики устойчивого развития и права обусловлен тем, что данная политика оформляется в нормах права и реализуется через нормы права. Как справедливо отмечено Е.П. Губиным: «Поскольку экономическая политика осуществляется в значительной степени государством, а государство воздействует на экономику через право, последнее есть форма выражения и реализации соответствующей политики. Право связано с экономикой не непосредственно: оно определяется экономикой «в конечном счете». Политика же связана с экономическим базисом значительно теснее: через политику требования экономического базиса определяют содержание права»[1].

В продолжение данного тезиса, с учетом идей устойчивого развития, возможно обратить внимание на то, что политика «устойчивого развития на всех уровнях и интеграции его экономической, социальной и экологической составляющих и учета их взаимосвязи, для достижения целей устойчивого развития на всех его направлениях»[2], определяет тенденции развития современного права в целом, а также гражданского права в частности. Эти тенденции, соответственно, приобретают характер экономизации, социализации и экологизации гражданского права и законодательства.

Обращая внимание на экономизацию права как тенденцию его развития, обусловленного проявлением все большей взаимосвязи отдельных направлений, сфер жизнедеятельности, сегментов, отраслей, а также на комплексный характер их взаимодействия при решении конкретных задач (энергетика, энергосбережение, экологическая безопасность, медицина, инвестиции, инновации и т.д.) и комплексный характер регулирования соответствующих отношений, Е.П. Губин отмечал: «Как относиться к данному явлению — закрывать глаза, ругать экономистов, вычеркивать из проектов нормативных актов экономические категории? Бесполезно, уже пытались. Надо просто понять, что это объективное явление. Чистые ак-

[1] *Губин Е.П.* Правовая политика в сфере рыночной экономики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 6. С. 23–24.

[2] Будущее, которое мы хотим // Конференция ООН по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия. 20–22 июня 2012 года. С. 1.

тивы, прибыль, дивиденды, курсовая и рыночная стоимость, цена, бухгалтерский баланс, уставный и складочный капитал и т.д., и т.д. — все это требует осмысления, придания правовой формы возникающим в связи с использованием этих категорий отношениям. Но только не надо бороться с этим»[1]. Несомненно, что стремительная цифровизация российской экономики устойчивого развития только ускорит дальнейшую комплексность и экономизацию гражданского законодательства.

К сожалению, по версии международного индекса сетевой готовности к цифровой экономике, представленной в докладе «Глобальные информационные технологии» Всемирного экономического форума за 2016 год, Российская Федерация занимала скромное 41-е место. Такое значительное отставание от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония[2], может катастрофически сказаться на реализации стратегических планов устойчивого развития и требует координации усилий государства, бизнеса и гражданского общества.

Цифровизация российской экономики — это новый вызов современного мира. Несомненно, что уровень нормативного регулирования должен соответствовать реформируемым отношениям, что подразумевает формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики). Законодательство и право должны быть готовы к появлению в нормативных актах не просто экономических категорий, а «цифровых» экономических категорий, соответствующих основным цифровым технологиям, таким как: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный Интернет; компоненты робототехники и сенсорика; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей[3]. При этом не исключено расширение данного перечня по мере появления и развития новых цифровых технологий.

Очевидно, что к переходу на постиндустриальный уровень устойчивого экономического развития должно соответствовать гражданское законодательство, направленное на обеспечение создания постоянно действующего механизма управления изменениями и компетенциями (знаниями) в

[1] *Губин Е.П.* Правовая политика в сфере рыночной экономики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 6. С. 27–28.

[2] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Портал «Правительство России» URL: http://government.ru/docs/ (дата обращения 20. 08. 2018).

[3] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

области регулирования цифровой экономики; снятие ключевых правовых ограничений и создание отдельных правовых институтов, направленных на решение первоочередных задач формирования цифровой экономики; формирование комплексного законодательного регулирования имущественных и лично неимущественных отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики; принятие мер, направленных на стимулирование экономической деятельности, связанной с использованием современных технологий, сбором и использованием данных в различных сферах. В этой связи представляется, что процесс совершенствования гражданского законодательства будет, вне всякого сомнения, отмечен углублением его экономизации.

Вместе с тем представляется, что экономизация гражданского законодательства будет сопровождаться его дальнейшей социализацией. На доктринальном уровне на социализацию экономики и права как тенденцию их развития неоднократно обращалось внимание в научной литературе[1]. По мнению В.Ф. Яковлева и Э.В. Талапиной, тенденция развития права и законодательства в направлении его социализации обуславливается глобальными изменениями в современном мире, что «приводит к нарастанию комплексности в праве»[2]. Данная закономерность отражается на подвижности границ публичного и частного права путем взаимопроникновения публично-правовых элементов в отрасли частного права и наоборот[3]. В качестве новых тенденций в правовом регулировании экономики обращается внимание на характерные для публичного и частного права процессы: 1) «публицизацию» частного права (проникновение публичного права в область частного, в результате которого в частном праве образуется больше императивных норм) и 2) «цивилизацию», или «приватизацию», публичного права (усиливающееся регулирование нормами частного права отношений с участием властных субъектов)[4].

Исследование эволюции конкурентных отношений в направлении их социализации неопровержимо свидетельствует о невозможности в современных условиях обеспечения конкурентных преимуществ в гонке за моментальной сверхприбылью за счет экономии на качестве и безопасности продукции, недобросовестной конкуренции[5]. Если в индустриальном об-

[1] *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5–16.; *Барков А.В.* Проблемы социализации частного права и законодательства // Концепция частного и публичного права России: Азбука частного права: Монография / под ред. *В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой.* М., 2014. С. 91–115.

[2] *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 11.

[3] Там же.

[4] *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 12.

[5] *Попов Ю.Н., Гришина Т.В.* Конкуренция и социализация рыночной экономики // Труд и социальные отношения. 2012. № 11. С. 11–25.

ществе экономия на фонде оплаты труда, обеспечении достойными жилищно-бытовыми условиями и других социальных расходах еще могло способствовать достижению конкурентных преимуществ, то сегодня это невозможно, так как приведет к социальной напряженности и конфликтам.

В настоящих условиях конкурентоспособность субъекта предпринимательской деятельности достигается уже не средствами «ценовой» конкуренции, а развитием нематериальных (социальных, экологических, инновационных) факторов. При этом главное изменение заключается в том, что в социально и экологоориентированном обществе определяющим фактором производства становятся не финансовые или природные условия, а социальные – инвестиции в человеческий капитал[1].

Доказано, что высокооплачиваемый и достойно обеспеченный сотрудник предприятия более компетентен и профессионален и, соответственно, способен более качественно оказать услугу, соответствующую возрастающим потребностям и ожиданиям потребителя. Конкурентными преимуществами будет обладать товар (работа, услуга), соответствующий социальным, экологическим стандартам безопасности, эффективности, качества, производимый социально и экологически ответственным предприятием. При этом инвестиции в повышение заработной платы, достойного уровня жизни, квалификации, то есть в повышение эффективности человеческого капитала, становятся не обременением, а нематериальным фактором обеспечения конкурентных преимуществ предприятия.

Осознание того, что социальные факторы в конкурентной борьбе постепенно начинают доминировать над экономическими, приводит к убеждению, что социально и экологически ответственным быть не только нравственно, но и прибыльно. Смещение акцентов в обеспечении конкурентных преимуществ предприятия, социально значимого товара или услуги, с экономических к социальным (экологическим) факторам представляется свидетельством социализации и экологизации конкурентного механизма и экономики. Опосредующие данные отношения нормы гражданского законодательства также социализируются и экологизируются.

В концепции устойчивого развития идея экологизации, озеленения экономики занимает центральное место. Необходимость эффективного нормативного обеспечения формирования социально и экологически ориентированной, ресурсосберегающей и низкоуглеродистой экономической модели обусловливает не только социализацию, но и экологизацию права. В целом под экологизацией, по мнению профессора С.А. Боголюбова, следует понимать «проявление природоохранного подхода ко всем без исключения событиям и явлениям общественного бытия как проникновение глобальной задачи охраны окружающей среды во все сферы общественных

[1] Подр., см.: *Кицай Ю.А.* Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС. 2016. 240 с.

отношений, как регулируемые, так и не регулируемые до сих пор правом»[1]. Экологизация права происходит тогда, когда «экологические императивы используются в содержании правовых норм, обогащая их природоохранным фактором»[2].

На необходимость учета экономизации, социализации и экологизации и влияние этих тенденций на совершенствование гражданского законодательства обращено внимание в феврале 2017 года в резолюции Парламента ЕС № 2015/2103(INL) «Нормы гражданского права о робототехнике» («Civil Law Rules on Robotics»)[3]. В решениях резолюции, состоящих из более чем сотни пунктов, содержатся разные аспекты гражданско-правового обеспечения робототехники и искусственного интеллекта как одной из областей цифровой экономики, символизирующей начало новой промышленной революции. С целью гарантированного контроля за умными машинами планируется их регистрация и учет специализированным Агентством ЕС по робототехнике и искусственному интеллекту, унифицированные требования к сертификации и тестированию.

Одним из центральных разделов представляется вопрос об обязательном страховании гражданской ответственности рисков, связанных с действиями роботов, которое планируется осуществлять по аналогии с ОСАГО. В целях обеспечения гарантированной компенсации за причиненный вред в случаях, которые не покрываются страховкой, рекомендуется формирование резервного компенсационного фонда за счет отчислений производителей робототехники. Очевидно, что законодательное определение технических понятий, таких как «робот», «искусственный интеллект», «киберфизические системы», «автономные системы», «умные автономные роботы» и других специальных универсальных дефиниций, способствующих развитию инноваций, в частности, повлияют на экономизацию страхового законодательства и гражданского законодательства – в целом.

В резолюции предусмотрен экологический раздел «Влияние на окружающую среду», в котором отмечается, что развитие робототехники должно быть организовано так, чтобы влияние на окружающую среду было сведено к минимуму за счет эффективного энергопотребления. Особое внимание уделено ответственности разработчиков робототехники за социальные и экологические последствия, последствия для здоровья людей, которые могут возникнуть в настоящем и будущем в результате использования роботов в таких приоритетных социальных сферах, как медицина, социальное обслуживание, транспорт, энергетика. При разработке искусственного интеллекта рекомендовано учитывать вопро-

---

[1] *Боголюбов С.А., Сулейменов М.К.* Место экологического права и его структурных элементов в системе права // Право и государство. 2014. № 2 (63). С. 61.

[2] *Боголюбов С.А., Сулейменов М.К.* Там же.

[3] http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения 30.08.18).

сы безопасности, раскрывать всю информацию о возможных опасностях для общества и окружающей среды.

Таким образом, экономизация, социализация и экологизация всех сфер общественной жизни в условиях формирования цифровой экономики представляются общемировыми, глобальными тенденциями развития гражданского законодательства, что следует учитывать в процессе его совершенствования.

Библиографический список:

1. *Барков А.В.* Проблемы социализации частного права и законодательства // Концепция частного и публичного права России: Азбука частного права: Монография / под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М., 2014. С. 91–115.

2. *Боголюбов С.А., Сулейменов М.К.* Место экологического права и его структурных элементов в системе права // Право и государство. 2014. № 2 (63). С. 61.

3. *Губин Е.П.* Правовая политика в сфере рыночной экономики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2012. № 6. С. 23–36.

4. *Кицай Ю.А.* Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС. 2016. 240 с.

5. *Попов Ю.Н., Гришина Т.В.* Конкуренция и социализация рыночной экономики // Труд и социальные отношения. 2012. № 11. С. 11–25.

6. *Урсул А.Д.* Россия в БРИКС: в контексте устойчивого развития. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_15266.html (дата обращения: 11.07.2018).

7. *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5–16.

УДК: 347.991:004.738.5

О НОВЕЙШЕЙ ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ, ОПОРОЧЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Е.В. Гаврилов,
консультант юридического отдела экспертно-правового управления Законодательного Собрания Красноярского края
660009, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, д. 110,
E-mail: defamation@inbox.ru

Аннотация: в статье исследуются гражданское законодательство, а также новейшая практика Верховного Суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, опороченных в сети Интернет. Дается характеристика трем правовым позициям Верховного Суда РФ по данной теме.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, Интернет, Верховный Суд РФ.

ON THE NEWEST PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ABOUT THE PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION, DEFAMED IN THE INTERNET NETWORK

E.V. Gavrilov,
Legislative Assembly of the Krasnoyarsk territory
110, Mira Avenue, Krasnoyarsk, Russia, 660009
E-mail: defamation@inbox.ru

Annotation: the article examines civil law, as well as the latest practice of the Supreme Court of the Russian Federation about cases of protection of honor, dignity and business reputation, defamed in the Internet. The characteristics of the three legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on this topic are given.

Keywords: honor, dignity, business reputation, the Internet, the Supreme Court of the Russian Federation.

Процесс цифровизации общества неминуемо влияет на развитие российского законодательства. Не стали исключением и нормы ст. 152 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) о защите чести, достоинства и деловой репутации.

С 1 октября 2013 года вступила в силу новая редакция ст. 152 ГК РФ. Среди новелл этой статьи – законодательная регламентация защиты чести, достоинства и деловой репутации, опороченных в сети Интернет. Согласно п. 5 ст. 152 ГК РФ, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети Интернет, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей Интернета. Кроме того, гражданин вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений (п. 9 ст. 152 ГК РФ). Данные правила могут быть применены судом к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений (не обязательно порочащих) о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности (п. 10 ст. 152 ГК РФ). Эти правила, за исключением положений о компенсации морального вреда, применяются и к защите деловой репутации юридических лиц (п. 11 ст. 152 ГК РФ)[1].

Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 (далее – Обзор Президиума Верховного Суда РФ), подтверждает, что сеть Интернет часто является местом, информационно-коммуникационным средством распространения не соответствующих действительности и (или) порочащих сведений, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию и влекущих необходимость применения способов защиты и (или) мер ответственности, предусмотренных ст. 152 ГК РФ. В предпринимательских отношениях необходимость полноценной защиты от негативной информации в сети Интернет обусловлена тем, что «рано или поздно любому бизнесу придется идти в Интернет, а значит, однажды там появятся плохие отзывы или негатив в СМИ. И к этому надо быть готовым»[2].

---

[1] Об этом подробнее см.: *Гаврилов Е.В.* Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 2. С. 49–53.

[2] *Прохоров Н., Сидорин Д.* Управление репутацией в интернете. М.: Университет «Синергия», 2017. С. 160.

Актуальность темы защиты чести, достоинства и деловой репутации, опороченных в сети Интернет, подтверждается и правовой доктриной[1].

Специфика удаления информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица, привели к тому, что в 2018 году гл. 13 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» была дополнена новой ст. 109.4, касающейся особенностей исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об удалении информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица. Согласно этой статье, в случае, если должник в течение срока, установленного для добровольного исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об удалении информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица, не удалил указанную информацию, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и постановление об ограничении доступа к информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица. В течение 1 рабочего дня с момента вынесения постановления судебного пристава-исполнителя об ограничении доступа к информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица, судебный пристав-исполнитель направляет такое постановление в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

В связи с изменением законодательства не стоит на месте и судебная практика. Какова новейшая практика Верховного Суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, опороченных в сети Интернет? Изложим три правовые позиции Верховного Суда РФ по исследуемому вопросу.

1. Информация, распространенная на форумах в сети Интернет, в социальных сетях не всегда является оценочным суждением, мнением, убеждением (далее – оценочные суждения), при которых защита чести, достоинства или деловой репутации по правилам ст. 152 ГК РФ исключается. Поэтому судам необходимо установить, можно ли оспариваемые сведения проверить на предмет соответствия их действительности или нет. Если такая проверка

[1] *Мордохов Г.Ю.* Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 134–146; *Петров В., Бородин Д.* Имя компании порочат в интернете. Как добиться опровержения и взыскать возмещение вреда // Юрист компании. 2016. № 8. С. 72–75; *Сизова Е.И.* Некоторые аспекты дел о защите деловой репутации, затронутой недостоверными порочащими сведениями, распространенными в сети Интернет // Арбитражные споры. 2010. № 4. С. 139–151.

возможна, то имеют место утверждения о фактах, а не оценочные суждения, а в этом случае защита соответствующих нематериальных благ в порядке ст. 152 ГК РФ вполне допустима.

Данный вывод был сделан Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 16.12.2016 № 309-ЭС16-10730 по делу № А07-12906/2015 и подтвержден в пункте 20 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017 (в редакции Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017).

Тем самым был положен конец ранее имеющейся в теории и на практике дискуссии относительно того, возможна ли защита чести, достоинства и деловой репутации по правилам ст. 152 ГК РФ от порочащих сведений на форумах в сети Интернет, социальных сетях, или размещение такой информации в любом случае подразумевает изложение оценочных суждений, при которых указанная защита исключается, так как такую информацию априори невозможно проверить на предмет ее соответствия действительности? Так, например, к последнему мнению (о невозможности защиты) в 2009 году ошибочно пришел Арбитражный суд Свердловской области[1], а также З.В. Каменева, которая писала: «Распространение информации на форуме представляет собой изложение субъективного мнения, так как его изначальное предназначение – высказывание личного мнения по поставленному вопросу»[2].

По данному вопросу мы полностью согласны с той правовой позицией, которую утвердил Верховный Суд РФ. Полагаем, что не важно, где распространены сведения (в печати, по радио, на телевидении, на форумах в сети Интернет, социальных сетях и т.п.): если суд установит, что они являются порочащими и (или) не соответствующими действительности, представляют собой утверждения о фактах, то заинтересованное лицо вправе требовать защиты своих нематериальных благ в соответствии со ст. 152 ГК РФ. Объясняется это тем, что применение ст. 152 ГК РФ поставлено в зависимость от содержания оспариваемых сведений, а не от формы или способа их изложения[3].

---

[1] Арбитражный суд Свердловской области в 2009 году / под ред. проф. *И.В. Решетниковой* / сост. *В.С. Трухин.* Екатеринбург, 2009. С. 38–39.

[2] *Каменева З.В.* Опыт правового регулирования диффамации в мире // Адвокат. 2014. № 6. С. 46–47.

[3] Об этом подробнее см.: *Гаврилов Е.В.* Защита деловой репутации от негативной информации в социальных сетях. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.12.2016 № 309-ЭС16-10730 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 4–8; *Гаврилов Е.В.* Защита деловой репутации от диффамации на интернет-форумах // Право в сфере Интернета: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д. ю. н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 457–475.

2. Учитывая особенности современных технических средств, позволяющих размещать информацию различными способами, в том числе в сети Интернет, в ряде случаев установить надлежащего ответчика по делу невозможно, однако такие обстоятельства не могут лишить юридическое лицо или физическое лицо права на судебную защиту, и заявление лица рассматривается в порядке гл. 27 АПК РФ («Рассмотрение дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение»), суд устанавливает факт соответствия либо несоответствия действительности распространенных сведений на основании доводов заявителя и иных заинтересованных лиц. При этом необходимо учитывать, что процедура доказывания факта несоответствия действительности оспариваемых сведений для заявителя объективно затруднена, соответственно, невозможно возлагать на заявителя бремя предоставления суду тех доказательств, которыми он объективно не мог владеть и не владеет в силу действующего законодательства и обычаев делового оборота. Вместе с тем заинтересованные лица, при наличии действительного интереса, имеют возможность представить соответствующие доказательства.

Такой вывод сделан в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2018 № 305-ЭС17-19225 по делу № А40-97932/2015.

Из него следует, что проблема надлежащих ответчиков по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации, опороченных в сети Интернет, – одна из основных по данной категории дел. Ответчиками по требованию об удалении сведений из сети Интернет является владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте и имеет техническую возможность удалять сведения, признанные судом не соответствующими действительности (пункт 16 Обзора Президиума Верховного Суда РФ). В случае если установить ответчика не представляется возможным, – заинтересованное лицо вправе воспользоваться особым порядком (посредством гл. 27 АПК РФ установить факт распространения не соответствующих действительности порочащих сведений). Важно, чтобы при этом отсутствовал спор о праве. Кроме того, в этом случае Верховный Суд РФ ориентирует на недопустимость возложения на заинтересованное лицо чрезмерного бремени доказывания факта несоответствия действительности оспариваемых сведений. Напомним, в исковом производстве ложность сведений истец не доказывает (у ответчика имеется обязанность доказать соответствие сведений действительности), а в рамках гл. 27 АПК РФ – это его обязанность.

3. Факт удаления оспариваемых сведений с сайта в сети Интернет не может сам по себе являться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований о размещении опровержения, так как за период времени, в течение которого такие сведения были размещены на сайте ответчика, с

ними мог ознакомиться неопределенный круг лиц. При таких обстоятельствах именно опровержение информации, не соответствующей действительности, размещенной умышленно или по ошибке, могло бы являться соразмерной мерой в целях восстановления баланса прав сторон в спорных правоотношениях.

Данный вывод был сделан Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 18.07.2018 № 305-ЭС18-3354 по делу № №А40-2791/2017.

Из указанной правовой позиции следует, что требования об опровержении и удалении информации из сети Интернет не являются тождественными, они автономны, представляют собой самостоятельные способы защиты[1]. Реализация одного из них (удаления информации из сети Интернет) не препятствует в последующем или параллельно реализации другого способа защиты (опровержения). Думается, данный вывод справедлив и в «зеркальной» ситуации: при опровержении сведений в последующем или параллельно можно требовать их удаления из сети Интернет. При этом важно восстановить баланс прав сторон в спорных правоотношениях, обеспечить баланс соответствующих интересов[2].

Библиографический список:

1. Арбитражный суд Свердловской области в 2009 году / под ред. проф. И.В. Решетниковой / сост. В.С. Трухин. Екатеринбург, 2009. С. 38–39.

2. *Гаврилов Е.В.* Защита деловой репутации от негативной информации в социальных сетях. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.12.2016 № 309-ЭС16-10730 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 4–8.

3. *Гаврилов Е.В.* Защита деловой репутации от диффамации на интернет-форумах // Право в сфере Интернета: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 457–475.

4. *Гаврилов Е.В.* Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 2. С. 49–53.

5. *Каменева З.В.* Опыт правового регулирования диффамации в мире // Адвокат. 2014. № 6. С. 46–47.

6. *Мордохов Г.Ю.* Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук; 12.00.03. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. С. 134–146.

[1] *Гаврилов Е.В.* Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 2. С. 49–53.

[2] О балансе интересов более подробно см., например: *Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов сторон при одностороннем отказе от договора // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2011. № 3 (13). С. 128–137.

7. *Петров В., Бородин Д.* Имя компании порочат в интернете. Как добиться опровержения и взыскать возмещение вреда // Юрист компании. 2016. № 8. С. 72–75.

8. *Прохоров Н., Сидорин Д.* Управление репутацией в интернете. М.: Университет «Синергия», 2017. 160 с.

9. *Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов сторон при одностороннем отказе от договора // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2011. № 3 (13). С. 128–137.

10. *Сизова Е.И.* Некоторые аспекты дел о защите деловой репутации, затронутой недостоверными порочащими сведениями, распространенными в сети Интернет // Арбитражные споры. 2010. № 4. С. 139–151.

УДК 34.06: 316.485: 004.9

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ О МЕДИАЦИИ

С.Г. Гасумова,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы и конфликтологии
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Аннотация: в статье рассматривается процесс цифровизации медиации в части доступа граждан к информации о данной альтернативной процедуре разрешения споров. Анализируется проблема низкой информированности населения о медиации, причины и пути их преодоления, а также – формы и способы участия государственных, муниципальных органов власти, некоммерческих организаций медиаторов в обеспечении доступности информации о медиации для граждан. Кроме того, поднимается вопрос об информационной открытости предоставления услуг в области медиации.

Ключевые слова: цифровизация медиации, доступность информации, информированность граждан о медиации.

THE DIGITALIZATION OF THE ACCESS TO INFORMATION ABOUT MEDIATION

S.G. Gasumova,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

Annotation: the article deals with the process of mediation digitalization in terms of citizens' access to information about this alternative dispute resolution procedure. In the article the author analyzes the problem of low awareness of the population about mediation, the reasons and ways to overcome it, as well as the forms and ways of participation of state and municipal authorities, non – profit organizations of mediators in ensuring the availability of information about mediation for citizens. In addition, the issue of information transparency in the provision of mediation services is raised.

Keywords: digitalization of mediation, availability of information, awareness of citizens about mediation.

В современных условиях информационные ресурсы государства или отдельного региона должны рассматриваться как стратегически важная социально-экономическая категория, сопоставимая по значимости с природными ресурсами. Социальные аспекты данной проблемы, по убеждению профессора К.К. Колина, заключаются в том, чтобы создать в обществе такие условия, которые стимулировали бы носителей живых знаний к их отчуждению и фиксации в формализованном виде, пригодном для широкого социального использования[1]. Поэтому целью государственной политики должно быть обеспечение достаточности, доступности и достоверности информационных ресурсов по любым вопросам организации жизнедеятельности для всех членов общества. К таким социально значимым информационным ресурсам относится, безусловно, и информация о довольно новом для российской практики альтернативном способе урегулирования споров с участием посредника – процедуре медиации.

Уровень информированности граждан о сущности и назначении процедуры медиации критически низок, что вполне объяснимо, учитывая, что такая процедура официально на законодательном уровне была введена в российскую практику лишь с 2011 г. Кроме того, так же низок уровень доверия к медиации со стороны граждан во многом оттого, на наш взгляд, что предлагается и реализуется она от имени физических лиц либо организаций, не представляющих органы государственной власти или органы местного самоуправления.

Отсюда возникает проблема: кто и как должен информировать граждан о медиации в целях повышения правовой грамотности общественности в этих вопросах и пропаганды данной процедуры, преодоления недоверия к ней?

Очевидно, что государство должно предпринимать все возможные усилия, чтобы законодательно и организационно обеспечить гражданам доступ ко всей необходимой для жизнедеятельности информации, включая сведения о процедуре медиации. Для этого нужно:

1. с одной стороны, предусмотреть механизмы стимулирования формирования и размещения в свободном доступе компетентными субъектами (органами власти и местного самоуправления, различными организациями и учреждениями) полезных и важных информационных ресурсов во всех областях;

2. с другой стороны, четко очертить права человека по гарантированному доступу к любой информации, доступ к которой не ограничен за-

[1] *Колин К.К.* Социальная информатика: учеб. пособие. М.: Акад. Проект: Фонд «Мир», 2003. С. 102.

конодательством в силу того, что это могло бы нанести вред интересам и безопасности личности (например, персональные данные) или государства (например, государственная тайна).

Проанализируем законодательные гарантии по вопросам информирования граждан в России. Конституционные гарантии права на доступ к информации появились в нашей стране в 1993 г. Согласно ст. 24 Конституции РФ, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. При этом органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ст. 29). То есть по идее, раз граждане Российской Федерации с 2011 г. имеют право пользоваться процедурой медиации, органы государственной власти и органы местного самоуправления должны каким-то образом информировать их об этом. Нужно отметить, что в Пермском крае все более эффективно подобную функцию в последние годы реализуют суды и органы ЗАГС.

Однако что касается размещения информации о медиации на официальных интернет-ресурсах органов государственной власти и органов местного самоуправления, то это на сегодняшний день сложный вопрос. Как известно, законодательно закреплен перечень конкретной информации, которую они должны выкладывать на своих сайтах. Первый такой перечень был утвержден в России еще в 2003 г. и касался только федеральных органов исполнительной власти[1]. Затем с 1 января 2010 г. подобный перечень, включающий 29 пунктов, был утвержден уже для всех органов власти и местного самоуправления с вступлением в силу Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[2] (ст. 13). Однако проблема в том, что медиация на сегодняшний день не является государственной услугой либо направлением деятельности какого-либо органа власти, она также не осуществляется по государственному заказу. Поэтому к вопросам ведения властных структур сфера применения медиации фактически не относится, а значит, информация о ней на их сайтах может появиться лишь в том случае, если руководство конкретного ведомства осознает необходимость развития этой процедуры. АНО «Медиация» (Пермь), к примеру, обращалось

[1] Перечень сведений о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, обязательных для размещения в информационных системах общего пользования: утв. постановлением Правительства РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти» от 12.02.2003 № 98 (утратило силу с 01.01.2010).

[2] Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

на портал «Госуслуги» с просьбой разместить информацию о медиации и получило официальный отказ.

С 1996 г. в России финансово поддерживаются социально значимые телерадиопрограммы и издания в целях улучшения информационного обеспечения населения[1]. Соответственно, еще одно, чего следует сегодня ожидать или даже требовать, – это информирование о процедуре медиации через телевизионные и радиопрограммы, печатные и интернет-издания. В Пермском крае такой опыт есть.

С 2006 г. в России был гарантирован доступ к некоторой информации о деятельности некоммерческих организаций. Введена их обязанность размещать на сайте в сети Интернет годовой отчет о формировании, пополнении и использовании целевого капитала, о распределении дохода от целевого капитала не позднее 10 дней с даты его утверждения[2]. Это позволяет довести до общественности и органов власти сведения о деятельности различных автономных некоммерческих организаций, общественных объединений. Под эту норму законодательства подпадают сразу два типа организаций, имеющих отношение к предоставлению медиации: это, во-первых, сами организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, если они созданы в форме некоммерческих организаций, и во-вторых, саморегулируемые организации медиаторов, которые создаются в форме ассоциаций (союзов) или некоммерческих партнерств в соответствии с вступившим в силу с 1 января 2011 г. федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последние создаются в целях разработки и установления стандартов и правил профессиональной деятельности медиаторов, а также порядка осуществления контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил медиаторами, осуществляющими деятельность на профессиональной основе, и (или) организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации).

Указанный федеральный закон ввел также требование к саморегулируемым организациям медиаторов осуществлять информационное обеспечение своих членов в сфере осуществления деятельности медиаторов (ст. 19), но эта деятельность не обязана быть публичной.

Если бы медиация в России предоставлялась по государственному заказу, к примеру, как социальная услуга, то поставщики такой услуги сразу же могли бы подпасть под действие соответствующих нормативно-правовых актов, регламентирующих обязательное размещение определенной

[1] Постановление Правительства РФ «Об улучшении информационного обеспечения населения Российской Федерации» от 12.01.1996 № 11 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 188.

[2] Федеральный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» от 30.12.2006 № 275-ФЗ. Ст. 12 // СЗ РФ. 2007. № 1 (часть I) ст. 38

информации на интернет-сайте организации-поставщика. Например, ст. 13 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ регулирует информационную открытость поставщиков социальных услуг и обязывает их размещать на сайтах следующую информацию: 1) о дате государственной регистрации, учредителе, месте нахождения, филиалах, режиме, графике работы, контактных телефонах и адресах электронной почты; 2) о структуре и органах управления организации; 3) о форме обслуживания, видах услуг, порядке и условиях их предоставления, тарифах; 4) о численности получателей услуг по формам обслуживания и видам услуг за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов РФ и в соответствии с договорами за счет средств физических и юридических лиц; 5) о руководителе, его заместителях, руководителях филиалов (при их наличии), о персональном составе работников (с указанием с их согласия уровня образования, квалификации и опыта работы); 6) о материально-техническом обеспечении предоставления услуг (наличие оборудованных помещений и проч.); 7) о количестве свободных мест для приема получателей услуг, финансируемых за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов РФ, а также оплачиваемых в соответствии с договорами за счет средств физических и юридических лиц; 8) об объеме предоставляемых услуг за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов РФ и в соответствии с договорами за счет средств физических и юридических лиц; 9) о наличии лицензий на осуществление деятельности; 10) о финансово-хозяйственной деятельности; 11) о правилах внутреннего распорядка для получателей услуг, правилах внутреннего трудового распорядка, коллективном договоре; 12) о наличии предписаний органов, осуществляющих государственный контроль, и отчетов об исполнении указанных предписаний; 13) о проведении независимой оценки качества оказания услуг. Подобные предписания, если бы они распространились на сферу медиации, могли бы существенно расширить и упорядочить общедоступную информацию о субъектах проведения процедуры медиации, что позитивно сказалось бы на уровне информированности общественности и повышении популярности этой процедуры.

Сегодня нам представляется оптимальным выходом из сложившейся ситуации разработка и размещение на сайтах органов государственной власти и органов местного самоуправления по согласованию с ними интерактивных сервисов «Нужна ли мне медиация?». Пользователи могли бы, ответив на несколько несложных вопросов, узнать, попадает ли та жизненная ситуация, в которой они находятся, в поле медиации и рекомендуется ли им эта процедура. В случае положительного вывода после ответов на вопросы могла бы предлагаться ссылка на ресурсы по подбору медиатора. Например, в Пермском крае такой онлайн-сервис «Мобильный медиатор»

на основе карты, содержащей информацию о географическом расположении медиаторов, в 2018 г. запустило АНО «Медиация». Если даже посетителю сайта органа власти не требуется в данный момент медиация, он в любом случае запомнит, что эта процедура рекомендуется государством или муниципалитетом, что существенно повысит уровень доверия к ней в будущем. Кроме того, многие граждане впервые увидят сам этот термин и вольно или невольно запомнят его.

Кроме того, целесообразно было бы закупить и использовать в органах ЗАГС, судах и органах государственной власти и местного самоуправления роботов-консультантов Promobot. Они выведены на российский рынок в 2013 г. пермской компанией ООО «МИП Интеллект»; в дальнейшем для их продвижения была создана компания «Promobot», ставшая резидентом фонда «Сколково» и являющаяся крупнейшим производителем автономных сервисных роботов на территории России, Северной и Восточной Европы. По оценкам экспертов, благодаря компании «Promobot» ни в одной другой стране мира нет такого большого количества сервисных андроидных роботов на службе у различных компаний. Они трудятся в НПФ Сбербанка, МФЦ, «Пермэнергосбыте»[1], «Билайн», Музее современной истории России, «Московском метрополитене»[2] и др. Передвигаясь автономно и избегая столкновений, такой робот знакомится и консультирует на заданные темы посетителей на 7 языках, транслирует промо-материалы на своём дисплее, отвечает на вопросы и запоминает каждого, с кем общался. При этом Promobot шутит и делает комплименты. Он автоматически подъезжает к зарядному устройству после 8 часов работы. Например, с 2015 г. в Якутске в МФЦ Promobot выступает в качестве администратора зала и рассказывает посетителям про услуги центра. У него можно проконсультироваться практически по любому вопросу, например «Какие документы нужны для загранпаспорта?» или «Где можно сделать копию?». По оценкам специалистов МФЦ, многие посетители теперь с вопросами обращаются к нему. Чтобы посетители привыкли к такой процедуре, потребовалось три месяца[3]. С таким же успехом Promobot мог бы консультировать граждан по вопросам процедуры медиации, заниматься ее промоутингом.

---

[1] «Пермэнергосбыт» принял на работу робота-консультанта // Пермэнергосбыт [Электронный ресурс]. 2018. 24 окт. http://permenergosbyt.ru/populations/press/2018-10-24_permenergosbyt-prinyal-na-rabotu-robota-konsultanta?utm_source=https___properm_ru_&utm_medium =banner&utm_campaign=robot.

[2] Промобот продал роботов в пять новых стран // Promobot. 2018. 16 авг. [Электронный ресурс]. https://promo-bot.ru/blog/trk-perm-mfc-yakutiya/.

[3] Сервисные роботы на службе торговых центров Перми и МФЦ Якутии // Promobot. 2015. 9 фев. [Электронный ресурс]. https://promo-bot.ru/blog/trk-perm-mfc-yakutiya/.

Совершенствование правовой базы процесса информатизации сферы медиации на основе принципа информационной открытости способствует повышению эффективности самого управленческого процесса в результате вовлечения в него общественности, возникновения обратной связи с населением, привлечения внимания к новой процедуре урегулирования конфликтов, и в конечном итоге – достижению социальной стабильности в обществе.

Библиографический список:

1. *Колин К.К.* Социальная информатика: учеб. пособие. М.: Акад. Проект: Фонд «Мир», 2003. 432 с.

УДК: 004.94:347.78

ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ В ВИДЕОИГРАХ: ПРОБЛЕМА ОХРАНОСПОСОБНОСТИ

А.А. Горбунов,
аспирант кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
e-mail: adv.gorbunov@yandex.ru.

Аннотация: в статье исследуются вопросы правовой охраны виртуальных объектов в видеоиграх. Автором рассматриваются основные подходы к правовой охране виртуальных ценностей. На основе изучения системы экономического взаимодействия между пользователями видеоигр, пользовательских соглашений с издателями видеоигр делается вывод о том, что имеет место сформировавшаяся система общественных отношений, требующих правовой регуляции. В статье анализируется российская доктрина и практика относительно появления новых объектов гражданских прав. Автором делается вывод, что виртуальные объекты в видеоиграх представляют собой самостоятельный объект гражданского оборота.

Ключевые слова: видеоигры, виртуальные объекты, пользователь, объект гражданских прав, виртуальная собственность.

THE VIRTUAL OBJECTS IN VIDEO GAMES: THE PROBLEM OF GUARD ABILITY

A.A. Gorbunov,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
e-mail: adv.gorbunov@yandex.ru

Annotation: the article explores the issues of legal protection of virtual objects in video games. The author considers the main approaches to the legal protection of virtual values. Based on the study of the system of economic interaction between users of video games, user agreements with video game publishers, it is concluded that there is a formed system of public relations requiring legal regulation. The article analyses the Russian doctrine and practice regarding the

appearance of new objects. The author comes to a conclusion that virtual objects in video games can be treated as new objects of civil circulation.

Keywords: video games, virtual objects, the user, object of civil rights, virtual property.

В современных реалиях индустрия видеоигр стала неотъемлемой частью мировой экономической системы. Видеоигры, в особенности онлайн-игры, приносят своим разработчикам и правообладателям колоссальную прибыль. Так, согласно отчету Activision Blizzard (представляет такие игры, как Overwatch, World of Warcraft), перед инвесторами за первый квартал 2018 года компанией достигнуты рекордные показатели доходности по сравнению с предшествующими периодами: чистый доход Blizzard составил 480 млн долларов, из которых 122 млн пришлись на операционную прибыль[1].

Немаловажным является также тот факт, что видеоигры сегодня – значительная часть повседневной жизни, что иллюстрируется широчайшим охватом интернет-аудитории. Например, во всех продуктах Activision Blizzard ежемесячное число активных пользователей составляет 374 миллиона[2].

Уместно привести цитату Б. Карделлы, обоснованно пришедшего к выводу: «Мы перешли от ноу-хау к ноу-хау, от одного игрока, бросающего вызов своему компьютеру, к созданию реального виртуального сообщества, собирающего тысячи людей в постоянных виртуальных универсумах, генератора культурных и экономических обменов»[3].

Широкая распространенность видеоигр в жизни современного общества и высокий экономический потенциал индустрии видеоигр актуализируют необходимость исследования данной группы отношений.

В современной цивилистике изучение вопросов о правовой охране виртуальных объектов в видеоиграх – предмет непрекращающегося научного дискурса. Наиболее подробное изучение правового статуса виртуальных объектов в российской правовой науке представлено А.И. Савельевым. Автор демонстрирует основные подходы к квалификации отношений относительно виртуальных объектов.

Первый подход обусловлен отказом государств от вмешательства в отношения, связанные с виртуальными объектами в видеоиграх[4]. Отметим,

---

[1] См.: Activision Blizzard, first quarter 2018 results, may 3, 2018. URL://investor.activision.com/static-files/b1c6cb58-8fa7-4b6c-89e0-2a2070ab704c (дата обращения 28.07.2018).

[2] См.: там же.

[3] См: *Cardella B.* Le droit des jeux vidéo, de la virtualité à la réalité juridique. Droit. Université de Toulon, 2011. Français. С. 137.

[4] *Савельев А.И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

что обозначенный подход полностью реализуем в российской правовой системе.

Второй подход характеризует попытка распространения норм о вещных правах на отношения, связанные с виртуальными объектами из видеоигр. Распространен указанный подход в азиатских странах, что, в первую очередь, детерминировано самыми высокими в мире темпами развития индустрии видеоигр[1]. А.И. Савельев, подчеркивая сложность применения данного концепта, делает вывод: «Если даже американское право, достаточно гибко подходящее к определению понятия собственности и объектов данного права, не готово признать виртуальные объекты в качестве объектов права собственности, то что уж говорить о российском праве»[2].

Третий подход выражен в регулировании статуса виртуальных объектов в видеоиграх нормативными положениями договорного права. Соответствующая точка зрения находит свое подтверждение в пользовательских соглашениях с разработчиками крупнейших онлайн-игр, таких как World of Warcraft, World of Tanks.

Критикуя представленные позиции, А.И. Савельев предлагает квалифицировать виртуальные объекты в качестве «иного имущества» в соответствии с Гражданским кодексом РФ[3]. Ученый делает вывод, что «существующий в законодательстве и доктрине плюрализм в понимании имущества наталкивает на вывод, что данный термин носит конъюнктурный характер и его содержание может варьироваться в зависимости от конкретных потребностей и специфики отношений»[4]. В юридическом сообществе данное решение получило высокие оценки[5].

Необходимо обратить внимание на заключение автора о том, что в будущем может возникнуть необходимость выработки специальных правовых норм, посвященных виртуальным объектам: «...в определенный момент возникнет необходимость переосмысления традиционных представлений о праве собственности, его объектах и порядке их защиты с целью причисления к ним виртуальных объектов»[6].

Рассмотрение вопросов о правовой охране виртуальных объектов связано также и с уголовным правом. В европейской практике проблема защиты прав владельца виртуальных объектов с позиции уголовно-правовой охраны впервые возникла в связи с рассмотрением уголовного дела Уго-

---

[1] Additionally Infographic: PC/MMO Gaming Revenues to Total $24.4Bn in 2014. URL: http://www. newzoo.com/2014/infographicpcmmo-gaming-revenuesto-total-24-4bn-in-2014 (дата обращения: 14.08.2018).

[2] *Савельев А.И.* Указ соч. С. 127–150.

[3] *Савельев А.И.* Указ соч. С. 127–150.

[4] Там же.

[5] *Архипов В.В.* Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.

[6] *Савельев А.И.* Указ соч. С. 127–150.

ловным отделом Окружного суда Леувардена в Нидерландах. В судебном акте от 22.10.2008 суд заключил, что понятие кражи применимо и в том случае, когда украденное имущество виртуально. Было совершено следующее преступление: два молодых человека пригласили третьего (потерпевшего) в дом одного из нарушителей. Там они избили потерпевшего, также угрожали ему ножом. Целью противоправного поведения выступило желание нападавших заполучить два виртуальных товара, имеющих ценность в игровом мире[1].

Охарактеризуем современное состояние отношений по поводу виртуальных объектов в видеоиграх.

Ввиду отсутствия какой-либо нормативной регламентации по вопросу правовой охраны виртуальных объектов в видеоиграх единственными нормативными источниками регулирования выступают только пользовательские соглашения, на которые пользователи никак не могут повлиять. Условием включения в игровой процесс становится отказ игроков от каких-либо прав в отношении внутриигровых ценностей. Дополнительно стоит обратить внимание, что за нарушение пользовательского соглашения предусмотрена возможность применения односторонних санкций в отношении нарушителя.

Одной из наиболее явно проявляющихся тенденции в обозначенной сфере выступает появление «теневого рынка» виртуальных объектов. Механизмы экономического взаимодействия в данной сфере проявляются следующим образом[2].

Как уже отмечалось, практически во всех пользовательских соглашениях с конечными пользователями включено условие о том, что пользователь не приобретает никаких прав на внутриигровые элементы, также запрещены сделки в отношении них за реальные деньги, а не за внутриигровую валюту. При этом в большинстве случаев объекты имеют реальную экономическую ценность среди пользователей видеоигры. Б. Карделла верно отмечает: «Пользователь через свой аватар имеет атрибуты и символы реального владельца, так как он имеет право использовать, исключать и переносить виртуальный объект в виртуальном мире. Тем не менее это представление виртуального мира осуществляется с помощью программного обеспечения, на которое у издателя имеется право интеллектуальной собственности»[3].

Данная ситуация порождает у пользователей, конституирующих себя владельцами внутриигровых ценностей, необходимость обхода запретов. Существующие ограничения приводят к появлению посредников, спо-

[1] *Cardella B.* Ibid. C. 139.

[2] Assael S. Skin in the Game. URL: https://translate.google.com/?hl=ru#fr/ru/Skin%20in%20the%20Game (дата обращения 14.07.2018).

[3] *Cardella B.* Ibid. C. 142.

собствующих совершению сделок, противоречащих пользовательским соглашениям.

Все подобные сделки проходят в кибер-пространстве, и, как следствие, наиболее превалирует такое исполнение обязательств по оплате, как оплата посредством электронных средств платежей, обеспечивающих анонимность оплаты. Взаимодействие происходит следующим образом: продавцом предоставляется товар (чаще всего путем перевода виртуального предмета на аккаунт посредника (гаранта) или посредством предоставления данных для проверки подлинности), а покупатель производит платеж на один из электронных счетов гаранта. Гарант производит сверку, а затем передает покупателю имущество и продавцу – деньги, при этом за свою деятельность он получает комиссионное вознаграждение.

Таким образом, возник целый сегмент экономики вокруг оборота виртуальных объектов, чей правовой статус неопределен и в отношении которых у конечных пользователей нет никаких прав в соответствии с пользовательскими соглашениями. Причем подобное положение дел выгодно и посредникам, и разработчикам, имеющим от этого рынка косвенный доход, и фактически не предпринимающим никаких мер по ликвидации рынка продажи виртуальных объектов за неигровую валюту.

В итоге пользователь остается незащищенным как в рамках отношений купли-продажи (поскольку отношения возникают по поводу имущества, не имеющего юридического статуса), так и в отношениях с посредниками, и в отношениях с разработчиками (в отношении имущества у пользователя нет никаких прав).

Думается, что существующее состояние дел сопоставимо с тенденциями, возникающими в связи с появлением новых объектов гражданского оборота.

Развитие общества и гражданского оборота приводят к появлению новых объектов, по поводу которых складываются отношения. Один из индикаторов подобной ситуации – попытка «втиснуть» новые отношения в существующую систему цивилистических конструкций, распространить ставшие классическими правовые режимы на новый объект. Итогом становится появление новых объектов оборота со специальным правовым режимом.

Наиболее ярко подобное положение дел иллюстрируется существовавшими спорами относительно природы объектов интеллектуальных прав, поиска оптимального правового режима для данных объектов. В правовой теории и юридической практике предпринимались попытки распространить на новые объекты право собственности, рассматривать их как вид обязательственных правоотношений, как объект личных неимущественных прав[1]. В конечном итоге, специфика соответствующей группы отно-

[1] *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Петроград: тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. С. 12–20.

шений привела к появлению новых правовых норм, посвященных установлению правового режима объектов интеллектуальных прав.

Подобное положение дел, обусловленное появлением нового объекта гражданского оборота, который не может квалифицироваться как видовая разновидность одного из объектов гражданских прав, связано с поиском оптимальной модели правовой охраны такого объекта, как бездокументарные ценные бумаги[1]. Невозможность подведения бездокументарных ценных бумаг под видовую разновидность существующих объектов гражданских прав привела к созданию специального режима правовой охраны данного объекта.

Приведенные примеры демонстрируют, что ситуация с виртуальными объектами в видеоиграх (поиском вариантов их правовой охраны), по своей сути, воспроизводит положение, возникающее при появлении новых объектов гражданского оборота. Полагаем, что предлагаемые в теории и практике подходы лишь временное решение, в перспективе требуется поиск новых вариантов правовой охраны виртуальных объектов, с их конституированием как самостоятельных объектов гражданских прав.

Нельзя не отметить также тенденцию обращения внимания государств на те или иные экономические системы, находящиеся за пределами их регулирования. Например, длительное время валютный рынок Форекс находился за границами действия юридических предписаний, позволяя участникам получать значительную прибыль. 29.12.2014 г. был принят Федеральный закон № 460-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который представил полноценную систему регулирования отношений на валютном рынке.

Думается, что имеются все предпосылки для признания виртуальных объектов самостоятельными объектами гражданских прав. Целесообразно обратиться к теоретическим характеристикам объектов гражданского оборота. С.С. Алексеев давал следующую дефиницию объекта прав: «Предметы материального и духовного мира, т.е., иными словами, разнообразные материальные и нематериальные блага, способные удовлетворять потребности субъектов»[2].

Виртуальные объекты приобретают дискретный характер[3]. Имеется возможность их обособления от иных объектов гражданского оборота.

Виртуальные объекты обладают способностью находиться в состоянии присвоенности и отчужденности[4]. Присвоенность выражается в предо-

[1] *Бойцов С.М.* Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 84–90.

[2] *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 155–156.

[3] *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав в законодательстве РФ: дисс. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. С. 153–156.

[4] Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. Т. 1. С. 178–179.

ставлении возможности обладателю виртуальных объектов использовать их, передавать, ограничивать доступ к ним, а отчужденность проявляется в восприятии третьими лицами меры принадлежности виртуальных объектов обладателю.

Кроме того, допустимо говорить о потенциальной возможности юридической привязки, выражающейся в возможности закрепления виртуальных объектов за субъектами гражданского права[1].

Полагаем, что достижение цели правовой охраны виртуальных объектов требует создания специального правового регулирования, устанавливающего нормативный глоссарий, особенности правового режима данных объектов, основы статики и динамики гражданских правоотношений по поводу данных объектов и т.д.

В то же время нельзя не учитывать одной существенной детали: виртуальное пространство игнорирует территориальные границы государств, что, в свою очередь, ставит вопросы определения юрисдикции при возникновении споров и применимого права. Считаем, в этой связи повышается роль международно-правового регулирования, что создаст возможность гармонизации законодательства. При этом такая гармонизация будет в полной мере соответствовать и международным тенденциям. Так, 08.06.2016 в целях гармонизации законодательства о секретах производства была принята Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите ноу-хау и бизнес-информации от незаконного приобретения, использования или раскрытия», которая содержит правовые положения, определяющие основы нормативного регулирования отношений по поводу секретов производства в странах ЕС, в том числе правила о юрисдикции и применимое право.

Библиографический список:

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник в 2 т. Т. 2 / М.: Юрид. лит., 1982. 354 с.

2. *Архипов В.В.* Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.

3. *Бойцов С.М.* Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 84–90.

4. *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Петроград: тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. 745 с.

5. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав в законодательстве РФ: дисс. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 537 с.

[1] См.: Лапач В.А. Указ. соч. С. 170–172.

6. *Савельев А.И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

7. Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. Т. 1. 516 с.

8. Activision Blizzard, first quarter 2018 results, may 3, 2018. URL:// investor.activision.com/static-files/b1c6cb58-8fa7-4b6c-89e0-2a2070ab704c (дата обращения 28.07.2018).

9. Additionally Infographic: PC/MMO Gaming Revenues to Total $24.4Bn in 2014. URL: http://www. newzoo.com/2014/infographicpcmmo-gaming-revenuesto-total-24-4bn-in-2014 (дата обращения: 14.08.2018).

10. *Assael S.* Skin in the Game. URL: https://translate.google.com/?hl=ru#fr/ru/Skin%20in%20the%20Game (дата обращения 14.07.2018).

11. *Cardella B.* Le droit des jeux vidéo, de la virtualité à la réalité juridique. Droit. Université de Toulon, 2011. Français. 411 p.

УДК 347.412

НАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ СЛОЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

А.В. Захаркина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311- 00051 мол_а

Аннотация: значительное отставание Российской Федерации от мировых цифровых лидеров объясняется прежде всего недостатками нормативной базы для цифровой экономики, отсутствием надлежащего нормативного регулирования базовых институтов цифровой экономики, что само по себе фактически «блокирует» их практическое использование в гражданском обороте. Являясь правовой формой динамики гражданского оборота, надлежащие исполненные обязательства оказывают позитивное влияние на развитие экономики и предпринимательства, на рост материального благосостояния граждан и общества в целом. Обращается внимание на то, что предметом обязательства могут выступать цифровые права, ставшие самостоятельным объектом гражданских прав в результате принятия Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на механизм надлежащего исполнения соответствующего обязательства.

Ключевые слова: сложные обязательства; надлежащее исполнение; обязательственное право Российской Федерации; цифровые права; цифровая экономика; информационное общество.

PROPER EXECUTION OF COMPLEX OBLIGATIONS IN TERMS OF THE DIGITALIZATION OF SOCIETY

A.V. Zakharkina,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

The Study was Performed with Financial Support RFBR, Research Project 18-311–00051 mol_a

Annotation: the significant lag of the Russian Federation from the world digital leaders is primarily due to the shortcomings of the regulatory framework for the digital economy, the lack of proper regulatory regulation of the basic institutions of the digital economy, which in itself actually «blocks» their practical use in civil circulation. As a legal form of the dynamics of civil turnover, properly fulfilled obligations have a positive impact on the development of the economy and entrepreneurship, on the growth of material well-being of citizens and society as a whole. Attention is drawn to the fact that the subject of the obligation may be digital rights, which became an independent object of civil rights as a result of the adoption of the Federal law of 18.03.2009 № 34-FZ «on amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil code of the Russian Federation», which in turn has a significant impact on the mechanism of proper execution of the relevant obligation.

Key words: complex obligations; proper execution; law of obligations of the Russian Federation; digital rights; digital economy; information society.

Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., которая была утверждена соответствующим Указом Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», стала «нормативной» точкой отсчёта широкого обсуждения как в юриспруденции в целом, так и в сфере обязательственного права, в частности, вопросов цифровизации общества, цифровизации экономики и, наконец, цифровизации сферы частного права в Российской Федерации.

Согласно докладу «Глобальные информационные технологии» Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике (индекс сетевой готовности NRI) и находится в середине второй группы стран (догоняющей) по индексу цифровой экономики и общества (I-DESI).

Согласно программе «Цифровая экономика Российской Федерации», нормативное регулирование цифровой экономики позиционируется как одно из пяти базовых направлений развития цифровой экономики в Российской Федерации, что следует расценивать в качестве одной из приоритетных задач, стоящих перед современным научным юридическим сообществом и бизнесом.

Добавим, что в Программе говорится о том, что именно нормативное регулирование выступает одним из ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики.

Актуализация исследования цифровизации обязательственного права Российской Федерации обеспечивается также проектируемыми нормами гражданского права: так, в Государственную Думу Российской Федерации внесен Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым предлагается ввести в цивилистический категориальный аппарат «цифровые права», реализация которых в отсутствие цифровых компетенций не представляется возможной.

В условиях структурного экономического кризиса, особо остро ощущаемого в современных исторических условиях, поэтапного широкомасштабного реформирования российского гражданского законодательства как никогда возрастает необходимость сохранения стабильности гражданского оборота, гарантированности неукоснительного соблюдения условий взятых на себя участниками обязательств.

В условиях цифровой экономики на первый план выходят электронные и цифровые технологии, которые на сегодняшний день не имеют четкой нормативной платформы, в которой остро нуждается современный экономический оборот, в контенте которого лидирующие позиции занимает электронный бизнес. Недостатки нормативной среды создают существенные барьеры на пути формирования новых институтов цифровой экономики и обновления имеющихся, что, в конечном счете, оказывает негативное влияние на развитие экономического оборота Российской Федерации, а также завоевание им статуса «инвестиционно привлекательного».

Использование опций цифровой экономики актуализируется не только применительно к электронному бизнесу, но и к сфере потребления, в которой ключевая роль принадлежит гражданам, остро нуждающимся в приобретении цифровых компетенций. Цифровизация, оказывающая существенное воздействие на конфигурацию глобальных рынков, касается всей правовой платформы, в том числе и обязательственного права Российской Федерации.

Цифровой спектр экономики Российской Федерации широко известен за пределами страны. В этой сфере работает около 1,5 млн человек, порядка 60 тыс. предприятий, общий объем этого сектора оценивается примерно в 30 трлн руб. При этом потенциал цифровой экономики огромен. Прогресс идет так стремительно, что уже сегодня надо дать цифровой экономике адекватную правовую оценку. Если этого не сделать сегодня, то завтра Россия может оказаться в роли «догоняющих» стран.

По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, «Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества… Формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний».

Надлежащее исполнение сложных обязательств в условиях цифровой экономики, которая характеризуется электронными и цифровыми технологиями, не имеющими четкой нормативной платформы, представляется трудноразрешимой задачей. При этом электронный бизнес остро нуждается в использовании правового и экономического потенциала таких сложных обязательств, как альтернативные и факультативные обязательства, которые создают для участников экономических правоотношений дополнительные гарантии реального исполнения обязательств.

Несмотря на популярность исследования проблем исполнения обязательств, в юридической доктрине отсутствует системное представление о принципах исполнения обязательств в условиях цифровой экономики. Особый интерес в этой связи представляет рассмотрение принципов исполнения сложных обязательств. Необходимость исследования их вызвана не только потребностями теоретических основ обязательственного права, но и практической значимостью более эффективного использования исследуемых гражданско-правовых конструкций в целях совершенствования гражданского оборота.

Вопрос о принципах исполнения сложных обязательств в условиях цифровой экономики в науке гражданского права специально не рассматривался. Как правило, цивилисты исследуют лишь общие вопросы исполнения обязательств. При таком подходе принципы исполнения подвергаются изучению без учета специфики отдельных видов обязательств.

Нам представляется, что к изучению рассматриваемой проблемы следует подходить с более узких позиций с учетом особенностей механизма исполнения сложных обязательств. В этом отношении весьма интересное замечание было сделано Е.В. Вавилиным: «…к наиболее освоенным направлениям «принципологии» можно отнести исследования, посвященные изучению общих и отраслевых начал гражданского права. Исходным положениям отдельных юридических институтов повезло меньше»[1].

В учебной литературе традиционно выделяют такие принципы исполнения обязательств, как реальное исполнение обязательств и надлежащее исполнение обязательств. Однако и этот вопрос в цивилистической науке является дискуссионным.

Признавая значимость принципа надлежащего исполнения обязательства, С.В. Сарбаш справедливо указывает: «…надлежащее исполнение – это тот эффект, который должен в наибольшей степени удовлетворять интерес кредитора»[2].

Данный принцип принято выводить из содержания ст. 309 ГК РФ, согласно которой «обязательства должны исполняться надлежащим образом

[1] *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2012. С. 198.

[2] *Сарбаш С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 103.

в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями».

Как верно заметила О.А. Кузнецова, «ст. 309 ГК РФ акцентрирует не то, что обязательство должно быть исполнено, а скорее то, как оно должно быть исполнено»[1].

В юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о содержании принципа надлежащего исполнения обязательств. Так, А.А. Чайка пришел к выводу, что в содержании данного принципа необходимо выделить «две функциональные группы: 1) определяющие условия его внешнего проявления в окружающем мире, к которым относятся надлежащий субъект исполнения; надлежащий предмет и способы исполнения; 2) характеризующие пространственно-временные параметры исполнения, в качестве которых выступает надлежащее место и срок исполнения обязательств»[2].

Из анализа положений гл. 22 ГК РФ видно, что все ее нормы в совокупности воплощают принцип надлежащего исполнения обязательства через следующие требования: исполнение обязательства надлежащим предметом (ст. 317, 320, 320.1 ГК РФ), надлежащим способом (ст. 311, 323, 325, 326, 327, 327.1 ГК РФ), надлежащему лицу (ст. 312 ГК РФ), надлежащим лицом (ст. 313 ГК РФ), в надлежащий срок (ст. 314, 315 ГК РФ), в надлежащем месте (ст. 316 ГК РФ). Бесспорно, что названные условия надлежащего исполнения обязательств распространяются в равной мере и на любые виды сложных обязательств, но с определенными особенностями.

Во-первых, надлежащее исполнение обязательства предполагает его исполнение надлежащим предметом, т.е. конкретной вещью, работой, услугой или иным благом, которые составляют основной интерес кредитора.

Ю.М. Доренкова обосновала целесообразность классифицирования перечня предметов исполнения в четыре группы: «1) вещи (например, по договору купли-продажи); 2) материальный (овеществленный) и индивидуально-определенный результат работы (например, по договору подряда); 3) результат интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на него (интеллектуальная собственность, например, по авторским договорам); 4) результат деятельности по выполнению услуг материального (овеществленного) и нематериального (неовеществленного) характера (например, по договору возмездного оказания услуг)»[3].

---

[1] *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 240.

[2] *Чайка А.А.* Принцип надлежащего исполнения обязательств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 14.

[3] *Доренкова Ю.М.* Исполнение договорного обязательства в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 19.

На наш взгляд, термины «предмет обязательства» и «предмет исполнения обязательства» следует признать тождественными и понимать под ними «то, по поводу чего должник обязан совершить действие, выполняя требование кредитора, т.е. различные блага (вещи, услуги, работы и т.д.)»[1].

В условиях цифровой экономики рассматриваемое условие принципа надлежащего исполнения обязательства может отличаться следующей спецификой: предметом обязательства могут выступать цифровые права, ставшие самостоятельным объектом гражданских прав в результате принятия Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[2].

С учетом сказанного считаем возможным рекомендовать участникам гражданского оборота при выборе конструкции сложного обязательства идентифицировать, насколько это возможно, предмет исполнения с целью избежания в будущем возможных споров относительно того, что понимать под надлежащим предметом обязательства. Иначе требовать исполнения будет трудно.

Во-вторых, надлежащее исполнение обязательства означает его исполнение надлежащим способом. А.А. Чайка предложил под способом исполнения понимать «порядок совершения действий должником по исполнению обязательств»[3]. Следует помнить, что такого рода порядок напрямую связан с предметом исполнения и во многом им определен.

В-третьих, одним из важнейших временных параметров исполнения обязательства выступает надлежащий срок. Согласно ст. 314 ГК РФ, обязательство должно быть исполнено в срок, предусмотренный условиями обязательства, а «в случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условия, позволяющие определить этот срок, а равно и в случаях, когда срок исполнения обязательства определен моментом востребования, обязательство должно быть исполнено в течение семи дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не предусмотрена законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства».

---

[1] *Маслов В.Ф.* Субъекты и предмет исполнения // Советское гражданское право: Учебник: В 2 ч. / под общ. ред. В.Ф. Маслова, А.А. Пушкина. Киев: Вища школа, 1983. Ч. 1. С. 421.

[2] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 18.03.2019).

[3] *Чайка А.А.* Принцип надлежащего исполнения обязательств. С. 18.

Как просрочка должника или кредитора, так и досрочное исполнение обязательства, по общему правилу, являются нарушением правил об исполнении обязательства в надлежащий срок. Хотя ст. 315 ГК РФ прямо предусматривает право должника «исполнить обязательство до срока, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо не вытекает из его существа».

Наконец, в-четвертых, немаловажное значение для надлежащего исполнения обязательства имеет и надлежащее место его исполнения. Если место исполнения обязательства определено законом, иными правовыми актами или договором, явствует из обычаев либо существа обязательства, то исполнение должно быть предоставлено в этом месте.

Сложность вызывает ситуация, когда предметом сложного обязательства выступают цифровые права. Так, в соответствии с новой редакцией ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Следовательно, надлежащим местом исполнения таких обязательств следует признать соответствующую информационную систему.

Стоит особо отметить, что рассмотренный перечень условий принципа надлежащего исполнения обязательств нельзя признать исчерпывающим. Принимая во внимание то обстоятельство, что надлежащее исполнение – это совокупность качественных и количественных характеристик совершаемых должником действий[1], подчеркнем, что указанные характеристики могут быть установлены не только гражданским законодательством, но и условиями конкретного обязательства.

«Правовое обрамление» оболочки цифровой экономики призвано обеспечить инвестиционную привлекательность российской правовой и экономической систем для зарубежных инвесторов. При креатизации отечественной платформы цифровой экономики важно учесть положительный европейский опыт, международные принципы функционирования информационного общества.

[1] *Белых В.С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2014. С. 364.

Библиографический список:

1. *Белых В.С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2014. 432 с.

2. *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2012. 360 с.

3. *Доренкова Ю.М.* Исполнение договорного обязательства в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. 28 с.

4. *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.

5. *Сарбаш С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.

6. Советское гражданское право: Учебник: В 2 ч. / под общ. ред. В.Ф. Маслова, А.А. Пушкина. Киев: Вища школа, 1983. Ч. 1. 464 с.

7. *Чайка А.А.* Принцип надлежащего исполнения обязательств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

УДК: 347.78:004.8

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТА АВТОРСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОм

Е.Ю. Мартьянова,
аспирантка кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермского государственного национального исследовательского университета»
Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор Матвеев Антон Геннадьевич
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: lizaveta.fomina@mail.ru

Аннотация: рассматривается вопрос о возможности наделения роботов, наделенных искусственным интеллектом, правосубъектностью в сфере авторских прав. Выявлены подходы к установлению авторства в отношении объектов, созданных искусственным интеллектом, проанализированы доктринальные позиции в отношении режима, применимого к объектам такого рода. Предлагается закрепить законоположения, определяющие создателя программы, лежащей в основе работы искусственного интеллекта, в качестве автора произведений, созданных юнитом искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторство, автор, синтетические произведения, авторские права.

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE SUBJECT OF AUTHORSHIP IN RESPECT OF WORKS CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

E.Yu. Martyanova,
Perm State University
Scientific adviser: Doctor of Law, Professor Matveev Anton Gennadievich
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: lizaveta.fomina@mail.ru,

Annotation: the article considers the problem of the possibility of endowing artificial intelligence with a legal personality in the field of copyrights. The set of approaches of establishing authorship is determined with respect to objects

created by artificial intelligence. Doctrinal positions are identified regarding the regime applicable to such objects. The legal provisions are being suggested to consolidate defining the creator of the program underlying the work of artificial intelligence, as the author of the works created by the artificial intelligence unit.

Key words: artificial intelligence, authorship, author, synthetic literature, copyrights.

Появление и развитие робототехники именуется четвертой индустриальной революцией[1]. Общая тенденция технологизации и роботизации производственных процессов стала проявляться и в иных сферах общественной жизни. Значимость воздействия изменений в техническом секторе индицирует гражданский оборот, в который включаются новые, ранее неизвестные праву объекты, требующие доктринального осмысления и законодательного определения их правового режима. Одним из таких объектов являются так называемые «синтетические произведения»[2], которые представляют собой объекты, созданные искусственным интеллектом без вмешательства человека в процесс его деятельности. Из доклада ВОИС «Революционные инновации и экономический рост» следует, что имеется объективная необходимость в заполнении теоретических и нормативных брешей в регулировании отношений в сфере робототехники и искусственного интеллекта[3]. Так, в зарубежной и отечественной научной литературе имеются исследования, посвященные проблеме наделения роботов моральными правами[4], рассматриваются этические аспекты внедрения роботов, обладающих «социальными» навыками, в повседневное использование[5]. В фокусе ряда работ находится вопрос о возможности признания роботов самостоятельными субъектами права и введения категории «элек-

[1] *Holder C., Khurana V., Harrison F., Jacobs L.* Robotics and law: Key legal and regulatory implications of the robotics age (Part I of II) // Computer law & security review. 2016. № 32. P. 383–402.

[2] *Henrickson L.*We, robot: the computer co-authoring a story with a human writer. URL: http://theconversation.com/we-robot-the-computer-co-authoring-a-story-with-a-human-writer-84932 (дата обращения: 28.06.2018).

[3] Доклад о положении в области интеллектуальной собственности в мире: революционные инновации и экономический рост. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_944_2015.pdf (дата обращения 22.06.2018).

[4] *Gunkel D.J.* The other question: can and should robots have rights? URL: https://www.researchgate.net/publication/320463916_The_other_question_can_and_should_robots_have_rights (дата обращения 22.06.2018).

[5] *Sheliazhenko Y.V.* Artificial Personal Autonomy and Concept of Robot Rights // European journal of law and political sciences. 2017. P. 17–21; Алексеева И.Ю., Никитина Е.А. Интеллект и технологии. М.: Проспект, 2016. 96 с. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0ahUKEwjor-DRkfzbAhXDhSwKHRpaB8QQFggxMAI&url=https%3A%2F%2Frucont.ru%2Ffile.ashx%3Fguid%3D0240ebf1-dc6f-4093-97cb-a69c7b4ff89b&usg=AOvVaw0-V6aZIFQJCQoxpsqCbs-L (дата обращения 01.07.2018).

тронное» или «техническое лицо» наряду с физическими, юридическими лицами и иными субъектами[1], имеются работы, посвященные вопросам ответственности за причинение вреда роботом, наделенным искусственным интеллектом (далее – ИИ)[2]. При этом возможность признания робота самостоятельным субъектом ставится в зависимость от степени его автономности.

Взаимовлияние научного прогресса и правовой материи становится предметом изучения не только правоведов, но и специалистов различного вида направлений[3]. Особую актуальность данная тематика приобрела в связи с появлением концепции технологической сингулярности и необходимости осмысления роли, статуса и перспектив развития отношений человек-робот. При этом о назревании ряда проблем во взаимодействии со стремительно развивающимися техническими усовершенствованиями ученые высказывались еще на этапе зарождения производства автоматизированных роботов, отмечая, что их появление и использование с неизбежностью создаст юридические и политические головоломки[4].

Технические характеристики машин, способных к автономной деятельности, детерминируют методологию, структуру и цели изучения их роли и статуса в социальном пространстве. Так, в философских трудах узловым вопросом обозначается правомерность использования категории «искусственный интеллект» к подобного рода устройствам, а также проблема их субъектности. Признаками интеллекта в научной литературе называют способность к систематизации знаний, планированию, прогнозированию, целеполаганию, аргументированию принимаемого решения, рефлексии, познанию и пр.[5] Особенность машин, наделенных «искусственным интеллектом», видится в проявлении качеств, сущностных для определения понятия субъектности, таких как способность к самоорганизации, познавательной и практической деятельности[6]. Изыскание ответа на философский вопрос о субъектности ИИ является одной из отправных точек для осмысления статуса ИИ в правовом пространстве.

Для юридической науки ключевым мыслится разрешение вопроса о том, необходимо ли регулировать деятельность ИИ, а также определять

[1] *Nevejans N.* Université d'Artois, Centre de Recherche en Droit Ethique et Procédures EUROPEAN CIVIL LAW RULES IN ROBOTICS. P. 14. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf (дата обращения 22.06.2018).

[2] *Saripan H.* Are Robots Human? A Review of the Legal Personality Model // World Applied Sciences Journal 34 (6). 2016. Pp. 824–831.

[3] *Lin H., Sun J.G., Zhang Y.M.* Theorem proving based on the extension rule // Journal of Automated Reasoning. 2003. № 31. Pp. 11–21.

[4] *Lehman-Wilzig S.N. F*rankenstein Unbound: Towards A Legal Definition of Artificial Intelligence // Futures. 1981.

[5] *Финн В.К.* К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 88–103.

[6] *Никитина Е.А.* Проблема субъекта познания в современной эпистемологии // Перспективы науки и образования. 2015. № 2 (14). С. 16–24.

режим объектов, производимых им, или же стоит оставить данную сферу вне правового поля[1]. Первая заявка в США на регистрацию интеллектуальных прав в отношении объекта изобразительного искусства, полностью созданного компьютером, была зарегистрирована в 1965 году[2], что привлекло внимание юридического сообщества к вопросу о статусе объектов, созданных ИП. В настоящее время существуют программы, генерирующие стихи и прозаические произведения, такие как the Cybernetic Poet[3], Стихоробот[4] и т.д. В доктрине сформировались четыре основные позиции об определении правового статуса искусственного интеллекта и результатов его действий:

1. Робот как самостоятельный субъект авторского права, способный выступать как индивидуальным творцом, так и соавтором[5].

2. Робот как субъект авторского права, способный быть лишь соавтором физического лица[6].

3. Робот как объект интеллектуальных прав и средство, используемое в творческой деятельности, не способное быть субъектом авторского права[7].

4. Позиция о принципиальной неохраноспособности произведений, созданных ИИ[8].

Точка зрения о необходимости наделения ИИ правосубъектностью основана на том, что автоматизированность действий программ, оснащенных ИИ, фактически устраняет человека, его создателя или правообладателя от процесса создания объекта. В качестве необходимого признака авторства в американской судебной практике указывается условие, согласно которому произведение должно воплощать мысль автора, а его воплощение не могло бы быть совершено без использования умственных ресурсов лица, претен-

---

[1] *Solum L.B.* Legal Personhood for Artificial Intelligence, 70 N.C. L. REV. 1231 (1992). P. 1244.

[2] Register of copyrights, sixty-eight annual rep. of the register of copyrights 5 (1966). P. 5. URL: https://www.copyright.gov/reports/annual/archive/ar-1965.pdf (дата обращения 01.07.2018).

[3] *Baldauf K., Stair R.* Succeeding with Technology. Cengage Learning, 2008. P. 180.

[4] URL: http://neogranka.ru (дата обращения 01.07.2018).

[5] *Bridy A.* Coding Creativity: Copyrightand the Artificially Intelligent Author // Stan. Tech. L. Rev. № 5. 2012.

[6] U.S. Congress, Office of Technology Assessment, lntellectual Property Rights in an Age of Electronics and Information, OTA-CIT-302 (Washington, DC: U.S. Government Printing office, April 1986). P. 72. URL: https://www.princeton.edu/~ota/disk2/1986/8610/8610.PDF (дата обращения: 22.06.2018).

[7] *Samuelson P.* Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works // U. Pitt. L. Rev. 1185. 1985. P. 1205. URL: https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2067&context=facpubs (дата обращения: 22.06.2018).

[8] *Breyer S.G.* The Uneasy Case for Copyright: a study of copyright in books, photocopies, and computer programs // HARV. L. Rev. 1970. № 2. P. 351.

дующего на авторство[1], но в процессе создания произведения ИИ некоторым ученым и правоприменителям видится отсутствие данного признака. S. Balganesh полагает, что при отсутствии контроля над творческим процессом со стороны лица, претендующего на авторство, возможность признания авторства за этим лицом отсутствует[2]. Имеются попытки обосновать связь автора программного кода искусственного интеллекта и самого робота через проведение аналогии со служебным произведением в рамках доктрины «work made for hire»[3]. Так, по мысли M.E. Kaminsky, институт создания произведения в связи с трудовыми отношениями демонстрирует, что законодателю известна модель, по которой авторские права изначально возникают у лица, не являющегося человеком, – организации, в силу прямого указания в ст. 201(b) Закона США «Об авторском праве»[4]. При применении концепции «в поте лица», которая традиционно считается ключом к определению возможности защиты прав лица, создавшего произведение[5], некоторые авторы также усматривают минимизированность роли человека при генерировании объектов самим ИИ и делают вывод о невозможности признания авторства за каким-либо иным лицом, кроме как за юнитом ИИ. При этом вопрос о реализации искусственным интеллектом авторских прав в случае их предоставления декларируется в качестве узловой и неразрешенной проблемы[6], постановка и разрешение которой неразрывно связаны

[1] United States Customs Court Reports: Cases Adjudged in the United States Customs Court, T. 31. P. 58. URL: https://books.google.ru/books?id=P4PPAAAAMAAJ&pg=PA58&lpg=PA58&dq=%22and+would+not+have+found+existence+in+the+form+presented,+but+for+the+distinctive+individuality+of+mind+from+which+it+sprang%22&source=bl&ots=Ewz9LmErwB&sig=EcUDZenqi5YzoptIDum9v2r0L7I&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwibzaPPloDcAhULFywKHVdnAgEQ6AEIMTAC#v=onepage&q=%22and%20would%20not%20have%20found%20existence%20in%20the%20form%20presented%2C%20but%20for%20the%20distinctive%20individuality%20of%20mind%20from%20which%20it%20sprang%22&f=false (дата обращения: 22.06.2018).

[2] *Balganesh S.*The Normativity of Copying in Copyright Law // Duke L.J. 2012. № 2. Pp. 203–284.

[3] *Denicola R.C.* Ex MACHINA: COPYRIGHT PROTECTION FOR COMPUTER GENERATED WORKS // Rutgers University Law Review. 2016. № 251. URL: http://www.rutgerslawreview.com/wp-content/uploads/2017/07/Robert-Denicola-Ex-Machina-69-Rutgers-UL-Rev-251-2016.pdf (дата обращения 29.06.2018).

[4] *Kaminski M.E.* Authorship, Disrupted: AI Authors in Copyright and First Amendment Law. URL: https://lawreview.law.ucdavis.edu/issues/51/2/Symposium/51-2_Kaminski.pdf (дата обращения 29.06.2018).

[5] *Flinn P.J.* Handbook of Intellectual Property Claims and Remedies. 2015. URL: https://books.google.ru/books?id=qLrafnllh84C&pg=SA2-PA31&lpg=SA2-PA31&dq=doctrine+useful+articles+Sweat+of+the+brow&source=bl&ots=qFNhefiLIW&sig=EE0mW4P6HYyOkukfKk8vNEKdv8w&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiemP7CpNjYAhXBhqYKHVB7D1sQ6AEIfzAJ#v=onepage&q=doctrine%20useful%20articles%20Sweat%20of%20the%20brow&f=false (дата обращения 23.06.2018).

[6] *Clifford R.D.* Intellectual Property in the Era of the Creative Computer Program // Tul. L. Rev. 1675. 1997. P. 1686. URL: https://scholarship.law.umassd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1077&context=fac_pubs (дата обращения 29.06.2018).

с обоснованием цели наделения роботов правосубъектностью с учетом затруднительности самостоятельного осуществления ими предоставленных им прав на данном этапе развития робототехники. D. Vladeck, S. Willick полагают, что наделение роботов статусом юридических лиц будет адекватным регулированием и позволит разрешить вопрос с реализацией ИИ предоставленных прав, а также не потребует существенных изменений законодательства[1].

Сторонники позиции о принципиальной невозможности признания носителя искусственного интеллекта субъектом права, в том числе авторского права, отводят ему роль средства, которое используется человеком в процессе творческой деятельности. Так, В.Н. Синельникова, О.В. Ревинский отмечают, что инновационные технологии могут рассматриваться исключительно как инструмент получения продукта интеллектуального труда, права на которые должны быть признаны за программистами или лицами, создавшими данное оборудование[2]. Л.В. Солум утверждает, что кибер-субъекты лишь имитируют человеческую деятельность, но не являются аналогами физических лиц и не обладают атрибутами, позволяющими наделить их тождественным правовым статусом: душой, сознанием, чувствами и т.д. К данному выводу автор приходит, также исходя из содержания ключевых нормативных актов государств, норм международного права, где используются такие категории, как «человек», «личность» и пр., что, по его мнению, исключает возможность признания за роботами прав, предоставляемых личности[3]. Уязвимость данных аргументов сам Л.В. Солум усматривает в том, что законодательству известен прием наделения правами субъектов, не являющихся людьми, например, юридических лиц, а также в том, что рассуждения об отсутствии или наличии у ИИ сознания, эмоций, интересов выходит за пределы правовой науки и не имеет доказательной основы в связи с отсутствием достоверных данных о том, что представляют собой данные категории, а применение лишь религиозных аргументов будет неуместно для разрешения важных правовых, политических вопросов. Противники данной точки зрения отмечают, что имеется существенная разница между написанием литературного произведения лицом с использованием компьютера, позволяющим фиксировать текст в определенной программе и выводить его на печать, и созданием объекта самим компьютером, без непосредственного участия человека в напи-

---

[1] *Vladeck D.* Machines without Principals: Liability Rules and Artificial Intelligence // Washington Law Review. 2014. № 89. P. 117–150; *Willick, S.* Artificial Intelligence: Some Legal Approaches and Implications // Al Magazine. 1983. № 4(2). Pp. 5–16.

[2] *Синельникова В.Н., Ревинский О.В.* Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.

[3] *Solum L.B.* Legal Personhood for Artificial Intelligence, 70 N.C. L. REV. 1231 (1992). P. 1258.

сании и редактировании словесного набора, сгенерированного роботом[1]. Приведенная логика рассуждений не отражает полной картины работы искусственного интеллекта, так как не освещает вопрос происхождения у искусственного интеллекта способности к созданию объектов искусства.

Во многих зарубежных правопорядках ИИ не признается субъектом авторских прав. Так, в § 178 Закона Великобритании «Об авторских правах, промышленных образцах и патентах» указано, что «произведения, сгенерированные компьютером, представляют собой такие объекты, автором которых является не человек»[2]. В § 9 данного акта закреплено, что «в случае создания литературного, драматического, музыкального или художественного произведения с помощью компьютера автором считается лицо, с помощью которого осуществляются мероприятия, необходимые для создания произведения»[3]. Срок действия исключительных прав на такого рода произведения является сокращенным по сравнению с традиционными объектами авторских прав и составляет 50 лет, исчисляемых с года, следующего за тем, в котором было создано данное произведение (§ 12 указанного закона). При этом в отношении произведений, сгенерированных компьютером, не действуют право авторства (§ 79 указанного закона), право на неприкосновенность произведения (§ 81 указанного закона).

Позиция о невозможности признания робота субъектом авторских прав имеет четыре направления развития мысли. Часть исследователей полагает, что автором произведения является программист. Затруднительно отрицать, что у робота, наделенного подобным навыком, имеется создатель, иной правообладатель, то есть сама машина, обладающая искусственным интеллектом, является объектом интеллектуальных прав, и появление робота, способного к такого рода деятельности, заслуга программиста, создавшего соответствующий код. Так, генератор стихов способен собирать произведения только благодаря созданию соответствующей программы, предполагающей наличие алгоритмов использования базы стихотворений, созданных человеком[4]. По мысли R. Davis, какая-либо проблема в отношении установления прав на объекты, производимые искусственным интеллектом, отсутствует, так как роль человека в создании машины, способной создавать различного рода произведения, носит явный, не имплицитный характер, ввиду чего доктрина и законодатель лишены возможности принять какое-либо иное решение, кроме как признать авторские права на результаты деятель-

[1] OTA-CIT-302. указ соч. Pp. 112–113.

[2] Copyright, Designs and Patents Act 1988. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/178 (дата обращения 29.06.2018).

[3] Copyright, Designs and Patents Act 1988. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/9#text%3Dcomputer-generated (дата обращения 29.06.2018).

[4] *Gerva P.* Computational Modelling of Poetry Generation. Universidad Complutense de Madrid. 2013. URL: http://www.macs.hw.ac.uk/~ruth/aisb2013/Gervais.pdf (дата обращения: 27.06.2018).

ности искусственного интеллекта за создателем соответствующего программного кода, наделившего робота созидательным навыком[1]. По мнению некоторых авторов, особые трудности могут возникнуть при рассмотрении вопроса об авторстве на произведение, созданное искусственным интеллектом, когда в создании его программного кода принимало участие несколько лиц, и часть кода, позволившая роботу создать произведение, была написана конкретным лицом, без участия других соавторов программы[2].

Вторая подгруппа ученых утверждает, что соавторами синтетического произведения необходимо признать пользователя и программиста[3]. Данная точка зрения считается несостоятельной в связи с отсутствием признаков соавторства в деятельности по созданию произведений ИИ: не усматривается совместный характер деятельности пользователя и программиста, отсутствует направленность на единый результат[4]. Кроме того, возникает ряд проблем, связанных с определением творческого вклада каждого из них.

В научной литературе также высказывается мысль о том, что единственным автором необходимо считать пользователя[5]. Противником данной точки зрения выступает R. Yu, который, анализируя обоснованность признания пользователя автором создаваемого ИИ произведения, отмечает, что творческая заслуга пользователя значительно меньше, чем вклад программиста, кроме того, деятельность пользователя ограничена содержанием самого программного кода и создается лишь иллюзия творчества пользователя, так как «творческие» решения пользователя осуществляются лишь в пределах готовой программы, то есть изначально имеется ограниченный набор пользовательских решений[6]. Попытка признать игроков соавторами видеоигры в связи с тем, что они создавали свое игровое пространство путем комбинирования элементов игры на свое усмотрение, не получила поддержки и в правоприменительной практике[7].

---

[1] *Randall D.* Intellectual Property and Software: The Assumptions are Broken. 1991. URL: http://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/5975/AIM-1328.pdf?sequence=2 (дата обращения: 27.06.2018).

[2] *Samuelson P.* Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works // U. Pitt. L. Rev. 1185. 1985. P. 1223. URL: https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2067&context=facpubs (дата обращения: 22.06.2018).

[3] *Hewitt S.* Protection of works created by the use of computers // New L.J. 1983. Pp. 235–237.

[4] Picture Music, Inc. v. Bourne, Inc., 314 F. Supp. 640 (S.D.N.Y. 1970). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/314/640/1472523/ (дата обращения: 29.06.2018).

[5] *Samuelson P.* указ. соч. Pp. 1227–1228.

[6] *Yu R.* The Machine Author: What Level of Copyright Protection Is Appropriate for Fully Independent Computer-Generated Works? // University of Pennsylvania Law Review. 2017. Vol. 165: Pp. 1245–1270. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=9582&context=penn_law_review (дата обращения 29.06.2018).

[7] Midway Mfg. Co. v. Artie Int'l, Inc., 704 F.2d 1009 (7th Cir. 1983). URL: https://www.casemine.com/judgement/us/5914c3a9add7b049347c825b (дата обращения 29.06.2018); Picture Music, Inc. v. Bourne, Inc., 314 F. Supp. 640 (S.D.N.Y. 1970). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/314/640/1472523/ (дата обращения: 29.06.2018).

Анализируя правовой режим роботов, обладающих ИИ, и создаваемых ими прозиведений, А.В. Гурко предлагает применять к данным отношениям регулирование, аналогичное нормам о вещах и их плодах, так как робот, по мысли автора, является вещью, а создаваемое им произведение – его плодом. В связи с чем А.В. Гурко предлагает внести изменения в ГК РФ и адаптировать нормы о плодах к отношениям по созданию ИИ произведений без участия человека[1].

Таким образом, тезис о необходимости признания авторских прав в отношении произведения, созданного таким роботом, за физическим лицом, наделенным такими правами в силу закона или договора, мыслится обоснованным.

Иной стороной данного вопроса является выявление наличия или отсутствия необходимости признания личных неимущественных прав за создателем робота в отношении работ, созданных данным носителем искусственного интеллекта. Исходя из целей признания личных неимущественных прав, некоторые цивилисты приходят к выводу о том, что в приведенной ситуации уместно вести речь лишь о признании исключительных интеллектуальных прав у физического лица-правообладателя в отношении созданного роботом продукта, так как при признании личных неимущественных прав за автором в отношении самого робота, наделенного ИИ, в полной мере реализуются задачи охраны интеллектуальных прав, но признание личных неимущественных прав в отношении продукта, созданного ИИ, по их мнению, будет излишним и неоправданным с точки зрения права.[2] Но лишение лица, которое будет признаваться автором такого произведения, права на неприкосновенность произведения и права на его обнародование, отзыв, относимых к личным неимущественным правам[3], не имеет существенного обоснования. При отказе от признания указанных личных неимущественных прав становится неясным порядок раскрытия произведения и доведения его до всеобщего сведения, субъект реализации данных прав. В связи с чем тезис о необходимости лишения лица, за которым будет закреплен статус автора произведений, созданных ИИ, всех личных неимущественных прав требует дополнительного обоснования.

П.М. Морхат в качестве альтернативы наделения роботов интеллектуальными права на результаты их деятельности называет признание прав за лицом, принимавшим участие в создании объекта, а также перевод таких объектов в общественное достояние с момента создания[4]. Кроме того, в

[1] *Гурко А.В.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.

[2] *Гурко А.В.* Указ. соч.

[3] *Матвеев А.Г.* Российская модель права на неприкосновенность произведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 4. С. 91–99.

[4] *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгяд: научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. С. 123.

российском законодательстве предусмотрена категория объектов, не являющихся объектами авторских прав (п. 6 ст. 1259 ГК РФ), и в цивилистической литературе имеются предложения по отнесению произведений, созданных ИИ, именно к данной категории объектов[1]. Создание произведения роботом без участия человека некоторыми исследователями рассматривается как случай непреднамеренного авторства, которое не должно подлежать защите. В научной литературе высказана позиция о том, что защита авторских прав должна устанавливаться только в отношении тех произведений, которые являются результатом намеренного создания, реализацией стремления привнести в него что-то личное[2]. Приведенная точка зрения не является общепризнанной, так как отсутствуют основания отказывать в признании непреднамеренного авторства лиц ввиду непредсказуемого характера самой творческой деятельности. Судебной практикой США признается непреднамеренное авторство[3]. В данном контексте интерес представляют случаи создания произведений с помощью природных сил и технических процессов, в котором участие автора минимизировано. Так, Tarinan von Anhalt рисует картины, используя реактивный двигатель самолета для распыления красок на холсте. Amy Shackleton создает картины без кистей, только с использованием гравитации[4]. При попытке оценить с точки зрения права ситуацию, когда человек является лишь адресатом произведения, задумка и структура которого формируются иным лицом, в научной литературе имеются отсылки к спорам об авторских правах на психографические произведения, созданные человеком в бессознательном состоянии. В деле Cummins v. Bond 1927 года английскому суду было необходимо определить, охраняется ли авторским правом произведение «Хроники Клеофаса»: заявительница, которая в состоянии транса на спиритическом сеансе записала текст на устаревшем наречии, обратилась к издателю для редактирования текста и его адаптации для восприятия современным читателем, но издатель полагал, что какие-либо авторские права в отношении такого произведения существовать не могут, так как оно написано помимо воли заявительницы и задумка, текст, его выражение исходят от неизвестного субъекта, в связи с чем осуществлял публикацию фрагментов этого произведения без получения согласия заявительницы. В

[1] Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах (постатейный) (4-е издание, переработанное и дополненное) / Гаврилов Э.П. М.: Экзамен, 2005 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Nimmer D.* Copyright in the Dead Sea Scrolls: Authorship and Originality // HOUS.L. REV. 1, 204 (2001). P. 159.

[3] Meshwerks, Inc. v. Toyota Motor Sales U.S.A., Inc., 528 F.3d 1258 (10th Cir. 2008) URL: https://www.courtlistener.com/opinion/170844/meshwerks-inc-v-toyota-motor-sales-usa-inc/ (дата обращения: 01.07.2018).

[4] Гравитационные картины Эми Шеклтон // Artifex. 2015. № 5. URL: artifex.ru https://artifex.ru/живопись/гравитационные-картины-эми-шеклтон/ (дата обращения: 01.07.2018).

мотивировочной части решения суд признал авторские права истца на произведение, указав, что текст был полностью написан ее рукой, именно она транслировала и переводила поток информации и представила его в виде произведения. Кроме того, суд задался вопросом о возможности признания духа соавтором данного произведения, учитывая его вклад в данный объект, но в ходе рассуждений был сделан вывод о невозможности возникновения новых авторских прав у умерших, если их произведения были созданы уже после их смерти[1]. В США судебной практикой выработан подход, по которому автором психографического произведения является лицо, зафиксировавшее послание духа[2]. При этом сформулирована позиция о том, что «авторство не обязательно должно быть 'человеческим'»[3], что используется в качестве аргумента сторонниками точки зрения о необходимости наделения ИИ правосубъектностью.

Режим произведений, созданных ИИ, также является предметом дискуссий. В научной литературе имеется предположение о том, что произведения, созданные искусственным интеллектом, следует относить к категории производных. Так, по мысли D. Glasser, объект, создаваемый роботом, основан на заложенном в машине программном коде, в связи с чем может быть признан производным произведением по отношению к программе[4]. Положительный эффект распространения на сгенерированные ИИ объекты режима производных произведений усматривается в возможности защиты прав программиста на программу как на произведение, использованное для создания нового объекта искусственным интеллектом, а также контролировать создание произведений ИИ. Данный вывод справедлив как для законодательства США, в рамках которого ведутся рассуждения D. Glasser, так и для российской системы права. Но фактически сами произведения, сгенерированные искусственным интеллектом, не включают программный

[1] *Vaver D.* Notions Fondamentales Du Droit D'auteur. WIPO, 2002. Pp. 110–111. URL: https://books.google.ru/books?id=M6w3991thgsC&pg=PA110&lpg=PA110&dq=ought+to+be+regarded+as+joint+authors+and+owners+of+the+copyright,&source=bl&ots=YJG7vGGL7z&sig=VH0LZJTZP8Oz4kLQzdOgXdOhVDY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwinv5rl6O-7bAhXBhKYKHSbiBlAQ6AEIKjAA#v=onepage&q=ought%20to%20be%20regarded%20as%20joint%20authors%20and%20owners%20of%20the%20copyright%2C&f=false (дата обращения 25.06.2018).

[2] Penguin Books v. NEW CHRISTIAN CHURCH, FULL END., 262 F. Supp. 2d 251 (S.D.N.Y. 2003). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/262/251/2391723/ (дата обращения 25.06.2018).

[3] *RheeC.* Urantia Foundation v. Maaherra, 13 Berkeley Tech. L.J. 69 (1998). Pp. 69–81. URL: https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1159&context=btlj (дата обращения 25.06.2018); Urantia Foundation v. Maaherra, 895 F. Supp. 1328 (D. Ariz. 1995). URL: https://caselaw.findlaw.com/us-9th-circuit/1433972.html (дата обращения 25.06.2018).

[4] *Glasser D.* Copyright in computer-generated works: whom, if anyone, do we reward? // Copyrights & Trademarks 7/11/2001. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1023&context=dltr (дата обращения: 29.06.2018).

код и не являются его переработкой. Кроме того, решение проблемы о возможности отнесения таких объектов к категории производных не приведет к прояснению вопроса о том, кого необходимо считать автором произведения[1]. А.Г. Матвеев полагает, что синтетические произведения не следует относить к объектам авторских прав в связи с отсутствием физического лица, творческим трудом которого оно создано. На данные объекты, по мысли А.Г. Матвеева, должен распространяться режим, схожий с регулированием объектов смежных прав, который будет достаточен для защиты прав инвестора, наделяемого такими правами, финансово вложившегося в данный проект и не внесший творческого вклада в синтетическое произведение[2]. С другой стороны, при рассмотрении робота как технически сложного инструмента программиста для создания произведений вопрос о полном отсутствии творческого вклада данного лица в произведения, сгенерированные ИИ, видится неразрешенным и дискуссионным. Кроме того, в случае наличия инвестора у проекта по созданию ИИ, способного создавать произведения, отношения между инвестором и программистом будут регулироваться нормами института авторского права, так как сама программа для ЭВМ ИИ является объектом авторских прав.

Таким образом, несмотря на наличие технической специфики создания синтетических произведений, традиционная концепция авторства вполне способна ответить на вызовы инновациям. Роботы, оснащенные искусственным интеллектом, становятся способными к созданию произведений исключительно за счет программного кода, созданного программистом. Принципы их работы, их технические возможности зависят от намерений лица, написавшего данную программу, и могут считаться инструментом для достижения новой творческой цели. В связи с чем представляется необходимым закрепить положения, определяющие создателя программы ИИ в качестве автора произведений, созданных ИИ, у которого изначально возникает весь набор интеллектуальных авторских прав.

Библиографический список:

1. *Алексеева И.Ю., Никитина Е.А.* Интеллект и технологии. М.: Проспект, 2016. 96 с. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0ahUKEwjorDRkfzbAhXDhSwKHRpaB8QQFggxMAI&url=https%3A%2F%2Frucont.ru%2Ffile.ashx%3Fguid%3D0240ebf1-dc6f-4093-97cb-a69c7b4ff89b&usg=AOvVaw0-V6aZIFQJCQoxpsqCbs-L (дата обращения 01.07.2018).

[1] *Glasser D.* Указ. соч.

[2] *Матвеев А.Г.* Авторское право и произведения, созданные компьютером // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 21 февр. 2011 г.). Уфа, 2011. Ч. 2. С. 177–180.

2. Гравитационные картины Эми Шеклтон // Artifex. 2015. № 5. URL: artifex.ru https://artifex.ru/живопись/гравитационные-картины-эми-шеклтон/ (дата обращения: 01.07.2018).

3. *Гурко А.В.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.

4. Доклад о положении в области интеллектуальной собственности в мире: революционные инновации и экономический рост. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_944_2015.pdf (дата обращения 22.06.2018).

5. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах (постатейный) (4-е издание, переработанное и дополненное) / Гаврилов Э.П. М.: Экзамен, 2005 // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Матвеев А.Г.* Авторское право и произведения, созданные компьютером // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 21 февр. 2011 г.). Уфа, 2011. Ч. 2. С. 177–180.

7. *Матвеев А.Г.* Российская модель права на неприкосновенность произведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 4. С. 91–99.

8. *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

9. *Никитина Е.А.* Проблема субъекта познания в современной эпистемологии // Перспективы науки и образования. 2015. № 2 (14). С. 16–24.

10. *Синельникова В.Н., Ревинский О.В.* Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.

11. *Финн В.К.* К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 88–103.

12. *Baldauf K., Stair R.* Succeeding with Technology. Cengage Learning, 2008. 672 p.

13. *Balganesh S.*The Normativity of Copying in Copyright Law // Duke L.J. 2012. № 2. Pp. 203–284.

14. *Breyer S.G.* The Uneasy Case for Copyright: a study of copyright in books, photocopies, and computer programs // HARV. L. Rev. 1970. № 2. Pp. 281–351.

15. *Bridy A.* Coding Creativity: Copyrightand the Artificially Intelligent Author // Stan. Tech. L. Rev. № 5. 2012. Pp. 1–27.

16. *Clifford R.D.* Intellectual Property in the Era of the Creative Computer Program // Tul. L. Rev. 1675. 1997. P. 1686. URL: https://scholarship.law.

umassd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1077&context=fac_pubs (дата обращения 29.06.2018).

17. Copyright, Designs and Patents Act 1988. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/section/178 (дата обращения 29.06.2018).

18. *Denicola R.C.* Ex MACHINA: COPYRIGHT PROTECTION FOR COMPUTER GENERATED WORKS // Rutgers University Law Review. 2016. № 251. URL: http://www.rutgerslawreview.com/wp-content/uploads/2017/07/Robert-Denicola-Ex-Machina-69-Rutgers-UL-Rev-251-2016.pdf (дата обращения 29.06.2018).

19. *Flinn P.J.* Handbook of Intellectual Property Claims and Remedies. 2015. URL: https://books.google.ru/books?id=qLrafnllh84C&pg=SA2-PA31&lpg=SA2-PA31&dq=doctrine+useful+articles+Sweat+of+the+brow&source=bl&ots=qFNhefiLIW&sig=EE0mW4P6HYyOkukfKk8vNEKdv8w&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiemP7CpNjYAhXBhqYKHVB7D1sQ6AEIfzAJ#v=onepage&q=doctrine%20useful%20articles%20Sweat%20of%20the%20brow&f=false (дата обращения 23.06.2018).

20. *Gerva P.* Computational Modelling of Poetry Generation. Universidad Complutense de Madrid. 2013. URL: http://www.macs.hw.ac.uk/~ruth/aisb2013/Gervais.pdf (дата обращения: 27.06.2018).

21. *Glasser D.* Copyright in computer-generated works: whom, if anyone, do we reward? // Copyrights & Trademarks 7/11/2001. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1023&context=dltr (дата обращения: 29.06.2018).

22. *Gunkel D.J.* The other question: can and should robots have rights? URL: https://www.researchgate.net/publication/320463916_The_other_question_can_and_should_robots_have_rights (дата обращения 22.06.2018).

23. *Henrickson L.We*, robot: the computer co-authoring a story with a human writer. URL: http://theconversation.com/we-robot-the-computer-co-authoring-a-story-with-a-human-writer-84932 (дата обращения: 28.06.2018).

24. *Hewitt S.* Protection of works created by the use of computers // New L.J. 1983. Pp. 235–237.

25. *Holder C., Khurana V., Harrison F., Jacobs L.* Robotics and law: Key legal and regulatory implications of the robotics age (Part I of II) // Computer law & security review. 2016. № 32. Pp. 383–402.

26. *Kaminski M.E.* Authorship, Disrupted: AI Authors in Copyright and First Amendment Law. URL: https://lawreview.law.ucdavis.edu/issues/51/2/Symposium/51-2_Kaminski.pdf (дата обращения 29.06.2018).

27. *Lehman-Wilzig S.N.* Frankenstein Unbound: Towards A Legal Definition of Artificial Intelligence // Futures. 1981.

28. *Lin H., Sun J.G., Zhang Y.M.* Theorem proving based on the extension rule // Journal of Automated Reasoning. 2003. № 31. Pp. 11–21.

29. Meshwerks, Inc. v. Toyota Motor Sales U.S.A., Inc., 528 F.3d 1258 (10th Cir. 2008) URL: https://www.courtlistener.com/opinion/170844/meshwerks-inc-v-toyota-motor-sales-usa-inc/ (дата обращения: 01.07.2018).

30. Midway Mfg. Co. v. Artie Int'l, Inc., 704 F.2d 1009 (7th Cir. 1983). URL: https://www.casemine.com/judgement/us/5914c3a9add7b049347c825b (дата обращения 29.06.2018); Picture Music, Inc. v. Bourne, Inc., 314 F. Supp. 640 (S.D.N.Y. 1970). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/314/640/1472523/ (дата обращения: 29.06.2018).

31. *Nevejans N.* Université d'Artois, Centre de Recherche en Droit Ethique et Procédures EUROPEAN CIVIL LAW RULES IN ROBOTICS. P. 14. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf (дата обращения 22.06.2018).

32. *Nimmer D.* Copyright in the Dead Sea Scrolls: Authorship and Originality // HOUS.L. REV. 1, 204. 2001.

33. Penguin Books v. NEW CHRISTIAN CHURCH, FULL END., 262 F. Supp. 2d 251 (S.D.N.Y. 2003). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/262/251/2391723/ (дата обращения 25.06.2018).

34. Picture Music, Inc. v. Bourne, Inc., 314 F. Supp. 640 (S.D.N.Y. 1970). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/314/640/1472523/ (дата обращения: 29.06.2018).

35. *Randall D.* Intellectual Property and Software: The Assumptions are Broken. 1991. URL: http://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/5975/AIM-1328.pdf?sequence=2 (дата обращения: 27.06.2018).

36. Register of copyrights, sixty-eight annual rep. of the register of copyrights 5 (1966). P. 5. URL: https://www.copyright.gov/reports/annual/archive/ar-1965.pdf (дата обращения 01.07.2018).

37. *Rhee C.* Urantia Foundation v. Maaherra, 13 Berkeley Tech. L.J. 69 (1998). Pp. 69–81. URL: https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1159&context=btlj (дата обращения 25.06.2018); Urantia Foundation v. Maaherra, 895 F. Supp. 1328 (D. Ariz. 1995). URL: https://caselaw.findlaw.com/us-9th-circuit/1433972.html (дата обращения 25.06.2018).

38. *Samuelson P.* Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works // U. Pitt. L. Rev. 1185. 1985. P. 1205. URL: https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2067&context=facpubs (дата обращения: 22.06.2018).

39. *Saripan H.* Are Robots Human? A Review of the Legal Personality Model // World Applied Sciences Journal 34 (6). 2016. Pp. 824–831.

40. *Sheliazhenko Y.V.* Artificial Personal Autonomy and Concept of Robot Rights // European journal of law and political sciences. 2017. Pp. 17–21.

41. *Solum L.B.* Legal Personhood for Artificial Intelligence // N.C. L. REV. 1992. № 4. Pp. 1231–1287.

42. U.S. Congress, Office of Technology Assessment, lntellectual Property Rights in an Age of Electronics and Information, OTA-CIT-302 (Washington, DC: U.S. Government Printing office, April 1986). P. 72. URL: https://www.princeton.edu/~ota/disk2/1986/8610/8610.PDF (дата обращения: 22.06.2018).

43. United States Customs Court Reports: Cases Adjudged in the United States Customs Court, T. 31. P. 58. URL: https://books.google.ru/books?id=P4PPAAAAMAAJ&pg=PA58&lpg=PA58&dq=%22and+would+not+have+found+existence+in+the+form+presented,+but+for+the+distinctive+individuality+of+mind+from+which+it+sprang%22&source=bl&ots=Ewz9LmErwB&sig=EcUDZenqi5YzoptIDum9v2r0L7I&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwibzaPPloDcAhULFywKHVdnAgEQ6AEIMTAC#v=onepage&q=%22and%20would%20not%20have%20found%20existence%20in%20the%20form%20presented%2C%20but%20for%20the%20distinctive%20individuality%20of%20mind%20from%20which%20it%20sprang%22&f=false (дата обращения: 22.06.2018).

44. *Vaver D.* Notions Fondamentales Du Droit D'auteur. WIPO, 2002. Pp. 110–111. URL:https://books.google.ru/books?id=M6w3991thgsC&pg=PA110&lpg=PA110&dq=ought+to+be+regarded+as+joint+authors+and+owners+of+the+copyright,&source=bl&ots=YJG7vGGL7z&sig=VH0LZJTZP8Oz4kLQzdOgXdOhVDY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwinv5rl6O7bAhXBhKYKHSbiBlAQ6AEIKjAA#v=onepage&q=ought%20to%20be%20regarded%20as%20joint%20authors%20and%20owners%20of%20the%20copyright%2C&f=false (дата обращения 25.06.2018).

45. Vladeck D. Machines without Principals: Liability Rules and Artificial Intelligence // Washington Law Review. 2014. № 89. Pp. 117–150.

46. *Willick S.* Artificial Intelligence: Some Legal Approaches and Implications // Al Magazine. 1983. № 4(2). Pp. 5–16.

47. Yu R. The Machine Author: What Level of Copyright Protection Is Appropriate for Fully Independent Computer-Generated Works? // University of Pennsylvania Law Review. 2017. Vol. 165: Pp. 1245–1270. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=9582&context=penn_law_review (дата обращения 29.06.2018).

УДК: 347.78:[070:004]

НОВОЕ СМЕЖНОЕ ПРАВО ИЗДАТЕЛЕЙ ПРЕССЫ НА ОНЛАЙН-ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ ПУБЛИКАЦИЙ АГРЕГАТОРАМИ НОВОСТЕЙ

А.Г. Матвеев,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: la-musica@yandex.ru

Аннотация: новыми участниками индустрии прессы в условиях цифровой экономики стали агрегаторы новостей. Проект Директивы Европейского Союза об авторском праве на едином цифровом рынке включает в себя положения о защите издателей пресс-публикаций при онлайн-использовании последних. В статье рассматривается новое смежное право издателей прессы. Перспективы признания этого права в Европейском Союзе на данный момент являются неоднозначными.

Ключевые слова: смежные права, авторское право, агрегатор новостей, пресс-публикация, онлайн-использование, директива Ес.

NEW RELATED RIGHT OF PRESS PUBLISHERS CONCERNING ONLINE USES OF THEIR PUBLICATIONS BY NEWS AGGREGATORS

A.G. Matveev,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, Russia, 614990
e-mail: la-musica@yandex.ru

Annotation: news aggregators became new participants of the press industry in the digital economy. The proposal for a Directive of the European Union on copyright in the digital single market includes provisions for the protection of press publications concerning online uses. New related right of press publishers in the article is viewed. Prospects for the recognition of this right in the EU at the moment are ambiguous.

Keywords: related rights, copyright, news aggregator, press publications, online uses, directive EU.

Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-001-00628.

В настоящее время человечество стоит у истоков четвертой промышленной революции, которая опирается на цифровую революцию. Ее основными чертами являются повсеместный и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект[1]. К. Шваб отмечает, что все новые достижения четвертой промышленной революции имеют одну общую особенность: они эффективно используют силу цифровых и информационных технологий. Тремя основными мегатрендами этой революции являются физический, цифровой, биологический[2].

Цифровая революция принципиально меняет сферу создания, публикации и чтения новостных материалов. Крис Хаммонд (учредитель компании Narrative Science, специализирующейся на создании автоматических текстов) заявил, что к 2025 г. 90 процентов текстов новостей, читаемых общественностью, будут создаваться компьютерами без вмешательства человека[3]. Другие кардинальные изменения в сфере публикации и чтения прессы происходят уже в настоящее время. На этом рынке появляются новые игроки, которыми, в частности, являются новостные агрегаторы (например, GoogleNews, «Яндекс.Новости»), а также социальные сети. Эти онлайн-платформы отображают структурированную новостную ленту (подборку новостей из различных СМИ), которая автоматически формируется по различным критериям.

Бизнес-модель агрегаторов новостей строится на использовании опубликованной в Интернете прессы с целью получения доходов от рекламы. Последствия такой деятельности неоднозначны. С одной стороны, агрегаторы новостей привлекают внимание пользователей, некоторые переходят по ссылке на сайты издательств, увеличивая тем самым рекламный доход последних. С другой стороны, многие потребители ограничиваются чтением заголовков прессы на сайтах новостных агрегаторов и не переходят на сайты СМИ. Такая манера чтения является, как отмечает Л. В. Зимина, «гиперэкстенсивной»[4]. Эта манера отражает современную тенденцию в потреблении новостей пользователями, которых не интересуют объемные

---

[1] *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016. С. 11.

[2] Там же. С. 17.

[3] Журналисты, которые никогда не спят. URL: https://robo-hunter.com/news/jurnalisti-kotorie-nikogda-ne-spyat (дата обращения: 01.08.2018).

[4] *Зимина Л.В.* Художественная литература. Концептуальные основания издательских стратегий современности: дисс. … докт. филол. наук. М., 2005. С. 244.

материалы и которые не хотят пропустить что-то для них важное. Такое поведение отражается на интересах издательств и агрегаторов новостей: первые теряют свою потенциальную прибыль, тогда как вторые получают ее за счет использования контента, который они не создавали.

Дисбаланс, возникший между интересами издателей прессы и агрегаторами новостей, пытается разрешить Европейский Союз. В 2015 г. Европейская Комиссия опубликовала «Стратегию цифрового единого рынка для Европы»[1]. В ней указано, что мировая экономика быстро становится цифровой и что информационные и коммуникационные технологии уже не являются специфическим сектором, а выступают основой всех современных инновационных экономических систем. Одной из провозглашенных в Стратегии задач является построение современного, более европейского авторского права. Четырнадцатого сентября 2016 г. Европейская Комиссия представила проект Директивы об авторском праве на едином цифровом рынке[2] – документа, в котором сосредоточены основные предложения по адаптации авторского права ЕС к цифровой среде. Ряд положений этой Директивы посвящен охране интересов издателей прессы при цифровом использовании их материалов. В качестве обоснований такой защиты Европейская Комиссия указала, что свободная и плюралистическая пресса важна для обеспечения качественной журналистики и доступа граждан к информации и что при переходе от печатных публикаций к цифровым изданиям издатели прессы сталкиваются с проблемами лицензирования их материалов на онлайн-использование и окупаемости своих инвестиций (п. 31 преамбулы проекта Директивы). Кроме того, в п. 32 преамбулы был воспроизведен уже стандартный для европейского авторского права инвестиционный аргумент о том, что организационный и финансовый вклад издателей в производство пресс-публикаций должен быть признан и далее поощрен для обеспечения устойчивости издательской индустрии. Поэтому на уровне ЕС необходимо обеспечить согласованную защиту пресс-публикаций, которая должна быть эффективно гарантирована посредством введения прав, смежных с авторским правом.

На момент создания настоящей статьи Директива об авторском праве на едином цифровом рынке еще не принята Европейским Парламентом. Проект этого акта долго обсуждался в различных кругах, вызвал неоднозначную оценку среди экспертов и был одобрен Европейским Советом 25 мая 2018 г. При этом в ходе обсуждения в него были внесены достаточно значимые

---

[1] A Digital Single Market Strategy for Europe. URL:https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2015%3A192%3AFIN (дата обращения: 01.08.2018).

[2] Proposal for a DIRECTIVE OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on Copyright in the Digital Single Market. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016PC0593 (дата обращения: 01.08.2018).

изменения[1]. Девятнадцатого июня 2018 г. комитет по правовым вопросам Европарламента одобрил Директиву, однако сам Парламент на заседании 5 июля отклонил ее. Наибольшую критику депутатов вызвала как раз ст. 11 Директивы «Охрана пресс-публикаций, касающаяся их онлайн-использования» (Protection of press publications concerning online uses).

Европейская Комиссия предлагает защитить интересы издателей прессы посредством наделения их новым исключительным правом. Согласно п. 1 ст. 11 Директивы государства-члены предоставляют издателям пресс-публикаций, созданных в государстве-члене, права, предусмотренные в ст. 2 и п. 2 ст. 3 Директивы 2001/29 /ЕС, на онлайн-использование их публикаций поставщиками услуг информационного общества. Права, предусмотренные ст. 2 и п. 2 ст. 3 Директивы 2001/29 /ЕС[2], – это право на воспроизведение и право на доведение до всеобщего сведения, т.е. права, в содержание которых включаются действия по использованию произведений и объектов смежных прав в сети Интернет. Как видно, права издателей защищают их интересы только от использования публикаций поставщиками услуг информационного общества, под которыми понимаются лица, основной или одной из основных целей которых является хранение или предоставление общественности доступа к большому количеству произведений или других объектов (ст. 2 проекта Директивы).

Право издателей пресс-публикаций отнесено в п. 32 преамбулы Директивы к смежным правам. Оно является самостоятельным правом по отношению к авторским правам на тексты статей и другие объекты, размещаемые на сайтах СМИ. В п. 2 ст. 11 Директивы подчеркивается, что права издателей никаким образом не затрагивают каких-либо прав, предусмотренных в праве Ес в отношении авторов и других правообладателей на их объекты, включенные в пресс-публикации. Издатель не вправе запрещать таким авторам и правообладателям использовать их объекты независимо от пресс-публикации, если такие объекты включены в публикации на основании неисключительной лицензии.

Подход рассматривать новое право издателей прессы как смежное право в рамках европейского авторского права представляется обоснованным, так как континентальное авторское право, в отличие от англо-американского, охраняет только творческие произведения[3]. Очевидно, что на указан-

[1] Proposal for a DIRECTIVE OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on Copyright in the Digital Single Market. 25 May 2018. URL: http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/05/25/copyright-rules-for-the-digital-environment-council-agrees-its-position/pdf (дата обращения: 01.08.2018).

[2] Директива 2001/29/ЕС Европейского Парламента и Совета от 22 мая 2001 г. о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе // СПС ГАРАНТ.

[3] *Матвеев А.Г.* Круг смежных прав в международном праве и национальных правовых системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 484–496.

ную квалификацию права издателей повлияла Германия, которая в 2013 г. признала за ними исключительное смежное право (§ 87f–87h Закона об авторском праве и смежных правах)[1]. Однако на практике германские издательства разрешили GoogleNews безвозмездно использовать их контент. Второй страной, которая, не дожидаясь европейской гармонизации, пошла на охрану интересов издателей прессы, стала Испания. Здесь в 2014 г. был избран механизм предоставления издателям права на вознаграждение, установленного в рамках платного свободного использования публикаций прессы (п. 2 ст. 32 Закона об интеллектуальной собственности)[2]. При этом осуществление предоставленного права на вознаграждение возможно только в рамках коллективного управления авторскими правами. Такая модель охраны интересов издателей является менее гибкой и удобной, чем модель исключительного права, где сам издатель решает, требовать или нет от агрегатора новостей уплаты вознаграждения. Негативным эффектом от испанского подхода стало то, что GoogleNews ушел из Испании[3]. Таким образом, и в Германии, и в Испании издателям не удалось монетизировать предоставленные им права.

Исходя из проекта Директивы об авторском праве на едином цифровом рынке объектом нового смежного права издателей являются пресс-публикация, под которой понимается сборник, состоящий в основном из литературных произведений журналистского характера, который: 1) может также включать другие произведения или объекты; 2) представляет собой отдельный элемент в периодическом или регулярно обновляемом издании (газете или журнале общего или специального характера); 3) имеет целью предоставить широкой публике информацию, связанную с новостями или другими темами; 4) публикуется в любых средствах массовой информации по инициативе поставщика услуг и под его редакционной ответственностью (ст. 2 Директивы). В п. 33 преамбулы уточнено, что пресс-публикации содержат в основном литературные произведения, но все чаще включают в себя фотографии и видео. Также там сказано, что издания, опубликованные в научных и академических целях, не охватываются защитой, предоставляемой настоящей Директивой.

В первоначальной версии проекта Директивы не содержалось никаких дополнительных требований к тому, какой объем использования пресс-публикации является правомерным, а какой нет. Эта неопределен-

[1] Закон Федеративной Республики Германия об авторском праве и смежных правах от 9 сентября 1965 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=239044 (дата обращения: 01.08.2018).

[2] Консолидированный текст Закона Испании об интеллектуальной собственности», утвержденного Королевским законодательным указом от 12 апреля 1996 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=17102 (дата обращения: 01.08.2018).

[3] Online News Aggregation and Neighbouring Rights for News Publishers. URL:https://www.asktheeu.org/en/request/4776/response/15356/attach/6/Doc1.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

ность была устранена в ходе обсуждения проекта. В настоящее время в п. 1 ст. 11 Директивы содержится норма, согласно которой права издателей не применяются в отношении использования несущественных частей публикации. Далее указано, что государства-члены вправе самостоятельно определять критерии такой несущественности с учетом того, что одним из таких критериев может выступать творческий характер части публикации, а другим – ее объем. При этом государства-члены могут установить как один из этих критериев, так и оба. Например, в § 87f Закона Германии об авторском праве и смежных правах установлен критерий объема части публикации: издатель печатной продукции обладает исключительным правом предоставлять публичный доступ к печатной продукции или ее части с целью извлечения прибыли, за исключением случаев, когда речь идет об отдельных словах или очень маленьких фрагментах текста. В п. 34 преамбулы Директивы отмечается, что использование несущественных частей публикаций не может подорвать инвестиции, сделанные издателями в производство их контента. В проекте также подчеркивается, что новые права издателей не ограничивают размещение гиперссылок как таковых на их публикации, поскольку гиперссылки не являются сообщением для всеобщего сведения (п. 33 преамбулы первоначальной версии и п. 34 – актуальной версии проекта Директивы).

Отдельно стоит остановиться на вопросе о сроке действия нового права издателей прессы. В первоначальный проект Директивы без каких-либо пояснений была включена норма, согласно которой срок действия этого права истекает через 20 лет после выхода в свет пресс-публикации. Этот срок исчисляется с первого дня года, следующего за датой опубликования соответствующего материала. Однако в ходе обсуждения Директивы этот срок был сокращен до одного года. Такое изменение вызывает крайне положительную оценку, так как оно показывает адекватность срока нового права по отношению к характеру и условиям использования пресс-публикаций в онлайн-среде.

В российской правовой системе пока нет инициатив по защите интересов издателей прессы, аналогичных рассмотренному выше проекту Директивы ЕС. Тем не менее родственное новому праву издателей пресс-публикаций право уже четверть века регламентируется в российском законодательстве. Речь идет о праве издателя энциклопедий, энциклопедических словарей, периодических и продолжающихся сборников научных трудов, газет, журналов и других периодических изданий на использования таких изданий (п. 7 ст. 1260 ГК РФ). Положения об этом праве были перенесены в ГК РФ из ст. 11 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах». При этом никакой конкретики относительно содержания, сроков действия и других параметров рассматриваемого права не было и нет. Ранее автором настоя-

щей статьи уже высказывалась точка зрения о том, что это право издателя периодических изданий по своей природе является смежным правом[1]. Самое главное отличие права издателя по п. 7 ст. 1260 ГК РФ от нового права издателей на онлайн-использование их пресс-публикаций состоит в том, что объектом первого права являются только периодические издания в целом, тогда как второго – публикации как элементы периодических изданий либо их части. При этом круг пресс-публикаций значительно уже круга энциклопедий и периодических изданий по п. 7 ст. 1260 ГК РФ, так как в него не включаются материалы научного и академического характера.

Решение о целесообразности признания права издателей пресс-публикаций на их онлайн-использование предпочтительно принять на основе эмпирических данных о том, как новостные агрегаторы влияют на посещаемость пользователями сайтов СМИ и соответственно их доходы, а не апеллируя к абстрактным доводам о том, что организационный и финансовый вклад издателей в производство пресс-публикаций должен быть признан и далее поощрен для обеспечения устойчивости издательской индустрии.

Библиографический список:

1. *Зимина Л.В.* Художественная литература. Концептуальные основания издательских стратегий современности: дисс. … докт. филол. наук. М., 2005. С. 244.

2. *Матвеев А.Г.* Круг смежных прав в международном праве и национальных правовых системах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 484–496.

3. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016. 208 с.

[1] *Матвеев А. Г.* Указ. соч. С. 493.

УДК: 347.78:004.8

ОХРАНОСПОСОБНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е.А. Моргунова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: Lmorgunova@yandex.ru

Аннотация: в статье подняты проблемы правовой охраны объектов авторского права на современном этапе развития общества, рассмотрена правовая природа произведения и существо охраны произведения в странах континентальной системы права, дана правовая квалификация произведениям, созданным с использованием искусственного интеллекта, а также рассмотрено существо произведений, созданных искусственным интеллектом, для решения вопроса о том, нужно ли охранять последние произведения как объект гражданского права. В работе дается оценка положениям 4 части ГК, касающимся правовой охраны произведений как результатов творчества и обращается внимание на отход законодателя от теории личности, лежащей в основе института авторского права стран континентальной системы права, в связи с чем в статье обращается внимание, что для понимания социального значения института авторского права и существа охраны произведений необходимо обращаться к данной теории, а не национальному позитивному праву.

Ключевые слова: произведение; художественное творчество; цифровая эпоха; произведения, созданные искусственным интеллектом; произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта.

PROTECTABILITY OF ARTWORK RESULTS CREATED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

E.A. Morgunova,
Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, Russia, 125993
E-mail: Lmorgunova@yandx.ru

Annotation: the article considers the problems of protection of copyright objects at the current stage of society's development, legal nature of work, and the essence of protection of works in the countries of continental legal system. It reviewed the legal protection of works created with the use of artificial intelligence, and also the essence of works created by artificial intelligence to solve the issue whether it's necessary to protect the last works as an object of civil law. Research assesses the provisions of 4 part of the Civil Code, relating to the legal protection of works as the results of creativity. It draws attention to retreat of the legislator from the theory of personality, which is the basis to the Institute of copyright for countries of continental system of law. To understand the Institute of copyright and the essence of its protection it is necessary to turn to the theory of law, not to national positive law.

Keywords: work; artistic creation; digital age; works created by artificial intelligence; works created with the use artificial intelligence.

Рассмотрение вопроса об охраноспособности результатов художественного творчества, созданных с использованием искусственного интеллекта или искусственным интеллектом, невозможно без раскрытия социального значения института авторского права и оценки адаптации данного института условиям существования современного общества. Развитие цифровых технологий сделало вызов авторскому праву и заставило правоведов глубокого осмысливать данный правовой институт. История постоянно нам показывает, что пока не происходит принципиальных изменений в обществе, общество довольствуется позитивным законодательством, построенным на определенной догме. В этот период наступает расцвет догматической юриспруденции. Но как правильно отмечал Покровский И.А «… как бы далеко ни шло развитие догматической юриспруденции, она всегда имеет свой логический предел: она имеет дело с правом как оно есть, т.е. с правом положительным, действующим в границах данного государственного целого. Не изменяя своему назначению познать право как некоторую совокупность реально действующих норм, догматическая юриспруденция не может выйти за пределы этой реальности, не может взяться за какие-либо иные вопросы: самые ее методы пригодны только для ее непосредственной задачи». Покровский И.А. отмечал, что «…всякая норма права предстоит нашему сознанию не только с точки зрения ее данности, но и с точки зрения ее должности», мы не только стремимся ее познать, как она есть, но в то же время оценить, как она должна быть»[1]

Позитивное право, рассчитанное на одни условия существования общественных отношений, не всегда способно адекватно регулировать дан-

[1] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 60–61.

ный вид общественных отношений в изменившихся условиях, и тогда неизбежно задаешься вопросом: куда и как двигаться дальше, как следует регулировать отношения? Естественно, что догматичная юриспруденция не может дать ответы на данные вопросы. Вспоминается известное восклицание Гирке: «Мы должны найти ее, эту потерянную идею права, иначе мы сами себя потеряем!»[1]

Именно в таких условиях, в условиях изменения общественных отношений, в условиях поиска ответа на вопрос, каким должно быть авторское право, чьи и какие интересы должны охраняться данным институтом, мы ищем ответ на вопрос об охраноспособности результатов художественного творчества, созданных с использованием искусственного интеллекта и искусственным интеллектом. Это один из вопросов, который ставит перед нами цифровое общество, ответ на который с точки зрения действующего позитивного права дать очень просто: все зависит от роли искусственного интеллекта в создании результатов художественного творчества. Если искусственный интеллект выступает лишь орудием создания произведения, подчиняемый сознанию и воли человека, подобно кисти или перу художника, то охраноспособность произведения подлежит оценке по общим правилам, то есть для решения вопроса о том, является ли произведение объектом авторского права, достаточно установить, является ли оно творческим и выражено ли в объективной форме, при этом согласно сложившейся в судебной практике презумпции – творчество предполагается, пока не доказано обратное. Но если результат художественного творчества есть результат работы компьютерной программы – искусственного интеллекта, то результат, полученный по определенным заложенным в искусственном интеллекте правилам, даже если искусственный интеллект способен к саморазвитию, не имеет в своем создании творчества, а следовательно, и не может быть объектом авторского права.

Но, по-видимому, проведение юридического Конгресса вызвано не проверкой умения ученых применять нормы права к конкретным жизненным ситуациям, а для решения более глубоких вопросов.

Юристу необходимо осмысливать социальные предпосылки того или иного правового регулирования для разработки соответствующей общественным отношениям правовой конструкции.

В наше время, нередко именуемое информационным веком или цифровой эпохой, создание произведения как удел одаренных людей, как особый вид профессиональной деятельности превратилось в нечто заурядное, присущее практически любому человеку. Для создания некоторых произведений не нужно овладевать сложными художественными формами, изучать различные теории искусств, порой достаточно чуточку добавив фантазии, нажать на кнопку фотоаппарата, в том числе встроенного в технические

[1] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 75.

устройства, и произведение готово, или воспользовавшись программой для ЭВМ, создать произведение искусства или даже небольшой мультипликационный фильм. Интернет пестрит любительскими фотографиями, видеороликами, стихотворениями. Развитие цифровых технологий создало возможности оцифровывать произведения и передавать их в большом объеме практически моментально в любые концы нашей планеты. Кроме того, информационные технологии позволяют любому лицу большое количество раз вносить изменения в чужие произведения, использовать его в оригинальном и в изменённом виде в других видах результатов интеллектуальной деятельности, создавать на их основе новые произведения. Отследить данные манипуляции с произведениями автору или иному правообладателю становится не под силу. Получает развитие создание произведений большими коллективами. Интернет и другие информационно-технологические средства открыли доступ для всех лиц, имеющих доступ к данным средствам знакомиться с большим количеством произведений, самим становиться творцами новых произведений.

В искусстве появляются новые виды произведений, которые уже не похожи на классические произведения, для охраны которых был «изобретен» институт авторского права. Появление и развитие компьютерных программ поставило не только вопрос о том, стоит ли охранять произведения, созданные искусственным интеллектом, но и как отграничить их от произведений, созданных интеллектом конкретного человека. Так, в университете Тюбингена (Германия) был разработан алгоритм для нейросети, который позволяет правдоподобно подделывать художественный стиль Винсента Ван Гога, Пабло Пикассо и других художников. Алгоритм создает возможность анализировать использованные художником цветовые гаммы, формы, линии, мазки и на основе этого переделывать объемные фотографии в изображения в стиле определенного художника. Можно ли назвать это произведением искусства? Конечно, нет. Это есть просто механический поиск способа приспособления уже найденных решений художника к конкретным изображениям, никакого переживания, осмысления, художественная пустота. Вообще наша современная жизнь – это поток информации. Роботизация приводит к утрате очень важной способности человека – способности осмысления, что может привести в конечном итоге к духовной нищете человека и общества на фоне колоссальных технических достижений.

С.С. Алексеев, обращаясь к сочинениям римских правоведов «золотого века», отмечает, что «нормы и принципы римского частного права связываются со свободой людей, другими высокими духовными ценностями. Утверждается, в частности, что «Legum servi esse debemus, ut liberi esse possimus (нужно подчиняться законам, чтобы быть свободным), или, что «Yus est ars boni et aegue» (право – это искусство добра и справедливости)». На основе исторических данных Алексеев С.С. делает вывод, что «в самой

реальной правовой материи действительно заложены высокие общечеловеческие начала (что, помимо всего иного, предопределяет исключительную специфику правовых понятий, входящих в содержание материи права)» (подчеркнуто мной).[1] Именно в свободе в праве, отмечает Алексеев С.С., содержится «ключ к пониманию того, что определяет миссию права в судьбе, в будущем человечества».[2] Таким образом, право является гарантом свободы человека в оптимальных разумных формах. Для того, чтобы право не только в силу своей формы, но и содержания ограждало людей от явлений зла и несчастья, правоведам нужно понимать социальную сущность общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, и самое главное – не смешивать разные социальные сущности, обеспечивая им одинаковое правовое регулирование, ведь в результате будет происходить умаление очень важных сторон того или иного социального явления и неверное правовое воздействие на общественные отношения.

В 2008 году в связи с принятием 4 части ГК РФ принципиально изменилось правовое регулирование отношений, связанных с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства в не лучшую для духовного развития общества сторону. Попытка введения в 4 части ГК РФ общих положений, касающихся всех охраняемых в государстве результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, привело к огрублению сущности института авторского права. Попытка введения некой глобальной конструкции интеллектуальных прав оказалась не совсем удачной, поскольку юридическая конструкция, подобно конструкциям в технике, должна соответствовать законам, закономерностям, т.е. сущности той материи, в отношении которой происходит конструирование, в противном случае в технике придуманный механизм не будет действовать, так как не будет основан на законах и закономерностях природы, а в праве конструкция не будет способна обеспечить защиту интересов тех лиц, ради которых собственно и создаются нормы права, составляющие содержание института. Следует заметить, что нормы права не являются самоценностью объективного права, они есть лишь средство выражения юридической конструкции, подобно тому, как в классическом произведении слова, другие выразительные средства являются лишь средствами передачи художественных образов. Однако слово и художественный образ образуют в литературе неразрывное целое, без слов невозможно передать художественный образ, слова есть внешнее выражение образа, а образ внутреннее содержание слов. Нормы права являются выразителем юридической конструкции, являются красками в руках законодателя как художника жизни. Представляется, что, если посредством глобальной юридической конструкции охватываются разные по своей природе правовые

[1] *Алексеев С.С.* Избранное. М.: Статут, 2003. С. 223.
[2] Там же

институты, то степень обобщения должна быть очень высокой, поскольку такая конструкция должна основываться только на общих свойствах, присущих всем правовым институтам, которые охватываются глобальной конструкцией. При этом глобальная конструкция не должна мешать развиваться специальным институтам по своим присущим их природе законам. Законодатель ввел три вида интеллектуальных прав на произведения, при этом имущественные отношения, возникающие по поводу произведений согласно действующему законодательству, уже тесно не связаны с личными неимущественными отношениями, как это признавалось до 1 января 2008 г. и имело доктринальное обоснование в литературе. Данный подход существенно изменил само понимание института авторского права и неизбежно повлиял как на понимание сущности и содержания авторских субъективных прав, так и на существо интересов, которые обеспечиваются посредством охраны объекта авторского права, а следовательно, и на правовую природу объекта авторского права. Из института авторского права целенаправленно выхолащивается духовная составляющая произведения, ее значение принижается, что нехарактерно для континентальной системы права, институт авторского права уже искажен в 4 части ГК. На что мы должны ориентироваться, раскрывая социальное значение института авторского права и решая вопрос об охраноспособности произведений, создаваемых искусственным интеллектом – на институт авторского права, который в искаженном виде содержится в части 4 ГК РФ или на учения об авторском праве в континентальной системе права? Представляется, что для понимания социального значения института авторского права мы должны обратиться к истории его появления и возникшему под влиянием исторических обстоятельств учению об авторском праве.

Становление авторского права как правового института происходило в 18-19 вв., в период признания свободы человека и признания человека высшей ценностью. Это был период закрепления в системе гражданского права института собственности и неустойчивого существования еще недостаточно оформившегося института личных прав (период возрождения теории естественных прав). Именно поэтому на первых этапах развития института авторского права происходит признание сначала имущественных, а лишь позднее неимущественных прав автора и лишь постепенно в странах континентальной системы права складывается представление об авторском праве как праве, защищающем личность автора.

Первый закон, с которым связывают появление института авторского права, был принят в Англии. Именно в этой стране зародился институт авторского права, рассматривающий произведение как особого рода вещь, приносящую доходы, и потому авторские права на произведения носили имущественный характер. Именно в Англии закладывается базис такой системы авторского права, которая получила название копирайт, а поло-

женное в его основание учение получило название проприетарной теории, или теории собственности.

Многие страны, в том числе те, которые пошли не по пути системы копирайт, в своих первых законодательных актах по авторскому праву также признавали в первую очередь, как уже было упомянуто, имущественные права. Об этом в результате анализа истории законодательной охраны прав авторов писал немецкий ученый Генрих Дернбург: «Прежде всего дело шло об обеспечении автору дохода от его произведений, обладателю патента – прибыли, которую приносит запатентованное изобретение… Не о вопросе чести шла здесь речь, а о денежном вопросе»[1]. О значении авторского права как института, позволяющего получать авторам вознаграждение, очень много было написано перед принятием Закона об авторском праве 1911 г. и отечественными учеными.

Однако закрепление в законодательстве имущественных прав на произведение – это еще не показатель истинной природы авторского права. Из работ наших предшественников, современников, из собственного опыта мы можем сделать вывод, что использование произведения способно приносить доходы. Однако произведение не только способно приносить доходы, оно теснейшим образом связано с неимущественными интересами автора. На это в своих работах обращали внимание и юристы, ученые, жившие и работавшие в период становления законодательства об авторском праве. Так, Беляцкин С.А. пишет: «На значение личных интересов творцов обращал внимание еще Сенат в своих решениях, предшествующих принятию закона об авторском праве 1911 г., …основываясь на прежних постановлениях авторского права, Правительствующий Сенат еще сравнительно недавно (реш. гражн. № 110—1909 г.) разъяснил, что литературный труд, как бы он ни был скромен и малозначителен сам по себе, не может быть оцениваем всегда с точки зрения лишь одного барыша. Труд этот, указывает Сенат, может несомненно иметь значение для автора и вне той материальной выгоды, которую таковой приносит ему»[2]. Прудон писал: «Религия, правосудие, наука, поэзия, искусство теряют свое значение, как только они делаются объектом торга, а потому, что их распределение и вознаграждение подчинены совершены другим правилам, чем распределение и вознаграждение промышленных продуктов. …Дело идет о не продажности всего, относящегося к уму и совести. В этом смысле мир полезного и мир справедливого, истинного, прекрасного составляют отличия одна от других области. Экономисты до такой степени утратили правовой смысл, что не понимают этого. Они не видят, что истинное, прекрасное справедливое представляют собой религию будущего, что эта религия точ-

[1] Высказывание приводится в работе *Е.А. Флейшиц.* Избранные труды по гражданскому праву в двух томах.Т. 1. 2015. С. 156–157.

[2] *Беляцкин С.А.* Новое авторское право в его основных принципах. Санкт-Петербург: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1912. С. 30.

но так же, как христианство, священна, и что все погибнет, если признают на общих основаниях литературную собственность»[1].

Произведение является не просто неким нематериальным благом, которое способно приносить доход, но в нем скрывается и личность создателя, которая не пропадает при использовании произведения, несмотря на то, что произведение отделилось от лица и получило физически самостоятельное существование. Немецкий профессор Отто фон Гирке рассматривает авторское право как «личное право, предметом которого является духовное произведение как составная часть личной сферы… Господство автора над его духовной продукцией может, правда, развиться в разнообразные особые правомочие; тем не менее во всех своих проявлениях оно остается единым правом… никогда оно не переходит в какое бы то ни было имущественное право»[2].

Законодательство стран континентальной системы права охраняет произведение как объект авторских прав, как проявление индивидуальности творческой, интеллектуальной личности. Поэтому произведение выступает не в качестве простого результата самостоятельного интеллектуального труда (в таком случае на него можно смотреть только как на объект промысла, как на то, что может давать доходы), а является результатом творческого труда, из чего следует оригинальность произведения как условие его охраноспособности. Кроме того, из данного положения напрашивается вывод о том, что права на произведение как на результат творческого труда должны носить личный характер, в том числе и право на использование произведения. Если рассматривать произведение как проявление индивидуальности, то это означает, что на произведении навсегда остается отпечаток индивидуальности его создателя, который существует в неодушевленном объекте, а потому хотя объективно и отделившись от создателя, он не может охраняться самостоятельно от личности создателя. Немецкий профессор Й. Колер сравнивал произведение с ребенком. Однако такое сравнение не представляется полностью допустимым по той причине, что ребенок – это субъект права, и отражение в нем индивидуальностей его родителей действительно не более, чем исторический факт, который в определенной степени влияет на особенности ребенка как субъекта права, но эти особенности, хотя и производны от родителей, будут особенностями самого ребенка, принадлежащие ему, идентифицирующие его как самостоятельную личность. В произведении индивидуальные черты творца не переходят к другому субъекту права, они остаются индивидуальными чертами творца, а потому их принадлежность не меняется, следовательно, у творца должна оставаться возможность господства над произведением

[1] *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Петроград: АО б. «Брокгауз-Ефрон». 1916. С. 26–27.

[2] *Флейшиц Е.А.* Избранные труды по гражданскому праву в двух томах. Т. 1. М.: Статут, 2015. С. 274–275.

навсегда. Таким образом, произведение является частным проявлением личности, его личного пространства, и господство над произведением, в каких бы правомочиях оно ни проявлялось, носит личный характер, в том числе и в праве на использование произведения. Из такого понимания природы авторского права вытекает ряд выводов, имеющих значение как для конструкции правового института в целом, так и для отдельных его элементов и, соответственно, влияющих на путь развития законодательства. В частности, представляется, что исключительное право, закрепленное в ГК РФ как имущественное право, применительно к объектам авторского права должно быть освящено ореолом личного права.

Современное общество также провозглашает в международных договорах и национальном законодательстве человека, его права и свободы высшей ценностью, подчиняя этой высшей ценности свое правовое регулирование. Человек многогранное существо, чтобы быть человеком, ему нужно не только есть, спать, одеваться иметь жилье, это просто необходимые условия его существования, как говорит мой добрый знакомый, белковой массы. Чтобы быть человеком, ему нужна свобода, которая в наибольшей степени может выразиться в творчестве. Таким образом, творчество есть важное условие существования человека как духовного существа, собственно как человека в подлинном смысле этого слова. Не исключаю, что цифровое общество может трансформировать институт авторского права, и мне еще сложно представить как, но то, что этот институт должен остаться институтом защиты человека как творческой личности, мне представляется незыблемым. Поэтому отвечая на вопрос о том, могут ли охраняться произведения, созданные искусственным интеллектом, в условия цифрового общества, я однозначно заявляю – нет и никогда. Этот институт создан для духовного саморазвития, самовыражения Человека. Если кто-то хочет защитить интересы разработчика искусственного интеллекта, создающего произведения, пусть изобретает новый правовой институт, но институт авторского права пусть оставит в покое.

Библиографический список:

1. *Алексеев С.С.* Избранное. М.: Статут, 2003. С. 223.
2. *Беляцкин С.А.* Новое авторское право в его основных принципах. Санкт-Петербург: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1912. 151 с.
3. *Канторович Я.А.* Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Петроград: АО б. «Брокгауз-Ефрон». 1916. 802 с.
4. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 60–61. С. 75.
5. *Флейшиц Е.А.* Избранные труды по гражданскому праву в двух томах. Т. 1. М.: Статут, 2015. С. 274–275.

УДК: 004:347.19

КОНЦЕПТ «ЭЛЕКТРОННОГО ЛИЦА» В КЛАССИФИКАЦИИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

П.М. Морхат,
кандидат юридических наук,
докторант ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности» (РГАИС),
судья Арбитражного суда Московской области,
преподаватель Института повышения квалификации ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»
107053, Россия, г. Москва, проспект Академика Сахарова, д. 18
E-mail: pmorhat@mail.ru

Аннотация: закон усложнения общественной жизни приводит к тому, что регулируемое правом пространство общественных отношений становится более обширным, появляется система понятий, которыми оперируют и другие отрасли знания, но которые в юриспруденции приобретают сугубо автономный, юридический смысл. Persona — это человек, пусть и не каждый, раб — это человек, но не persona, не лицо. Робототехника и искусственный интеллект стали одной из самых известных и активно обсуждаемых технологических тенденций нашего века. Уже сегодня разрабатываются, функционируют и активно применяются юниты искусственного интеллекта. Одним из предлагаемых сегодня в научной литературе решений вопроса о правосубъектности юнитов искусственного интеллекта является введение специфической правосубъектности «электронного лица».

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, классификация, гражданское право, лица.

CONCEPT OF «THE ELECTRONIC PERSON» IN CLASSIFICATION OF SUBJECT LIST OF PERSONS IN CIVIL LAW

P.M. Morkhat,
Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA),
Russian state academy intellectual property (RGAIS)
18, Academician Sakharov Avenue, Russia, Moscow, 107053
E-mail: pmorhat@mail.ru

Annotation: the law of complication of public life leads to the fact that the space of the public relations regulated by the right becomes more extensive, there is a system of concepts with which also other branches of knowledge, but which in law gain especially autonomous, legal sense operate. Persona is a person, let and not everyone, the slave is a person, but not persona, not the person. Robotics and artificial intelligence became one of the most known and actively discussed technological tendencies of our century. Already today are developed, function and units of artificial intelligence are actively applied. One of the solutions of a question of legal personality of units of artificial intelligence proposed today in scientific literature is introduction of specific legal personality of «the electronic person».

Keywords: legal personality, artificial intelligence, classification, civil law, persons.

Закон усложнения общественной жизни приводит к тому, что регулируемое правом пространство общественных отношений становится более обширным, появляется система понятий, которыми оперируют и другие отрасли знания, но которые в юриспруденции приобретают сугубо автономный, юридический смысл[1].

Современная классификация субъектов гражданского права, включающая физических и юридических лиц, публичных субъектов и публично-правовые образования, естественно, гораздо сложнее и содержательнее классификации субъектов гражданского права, известной советскому праву. Несмотря на появление новых видов субъектов гражданского права и усложнение гражданско-правового положения существовавших в советское время, кодифицированное гражданское право неудовлетворительно отражает объективные тенденции социально-экономического и формально-юридического развития[2].

Весьма поучительна история с переводом известными русскими цивилистами И. Б. Новицким и Г. Ф. Шершеневичем термина persona.

В известном учебнике римского права И. Б. Новицкого латинское слово persona переведено как лицо. То есть для него persona – это человек, пусть и не каждый, раб – это человек, но не persona, не лицо. Он недвусмысленно пишет, что лица – это люди. И Г. Ф. Шершеневич в первом издании своего учебника, следуя традиции, перевел persona как лицо. Но в более позднем издании «Учебника русского гражданского права» он вдруг неожиданно

---

[1] *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / *Г.А. Гаджиев.* М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 8.

[2] *Макаров О.В.* Субъекты гражданского права: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 39–43.

переводит persona как маска, взяв тем самым на вооружение это понятие не как антропологическое, биологическое, а как сугубо юридическое[1].

Казалось бы, какое значение для онтологии права имеет перевод латинского термина persona – лицо или маска. Оказывается, имеет, причем значительное. Е. Спекторский разъясняет, почему Г. Ф. Шершеневич уточнил свое понимание термина persona: «Даже понятие физического лица является чем-то надэмпирическим, особым метафизическим придатком к реальному человеку. Это понятие является как бы метафизической маской, личиной, надеваемой на людей юриспруденцией, – подобно той маске с очень широким ртом этрусского происхождения, которую носили римские актеры и которая называлась persona»[2]. Вот откуда – из атрибутов театральной жизни – заимствовано важнейшее юридическое понятие persona! И неслучайно, что Шершеневич в своем «Учебнике русского гражданского права» использует вместо понятия «лицо» слово «маска». По всей видимости, он был знаком с работой Vorcellini[3].

Д.В. Пятков обратил внимание на то, что и один из учеников П.И. Новгородцева – Е.Н. Трубецкой различал понятия persona (субъект права) и «человек» как биологическое существо: «Раз закон признает, охраняет право зародыша, последний тем самым признается за субъекта права. Но если так, то, стало быть, субъектом права может быть лицо, еще не родившееся...»

«Известный воздухоплаватель Андрэ, отправившийся открывать Северный полюс, быть может, давно покоился на дне Ледовитого океана, когда право еще продолжало признавать субъекта прав Андрэ, признавало его брачные, имущественные и другие права, доколе не истек установленный французским законом срок безвестного отсутствия. Стало быть, таким образом, субъект права и лицо живое, физически существующее, не совпадают между собой», – писал Трубецкой.

Робототехника и искусственный интеллект стали одной из самых известных и активно обсуждаемых технологических тенденций нашего века[4].

Уже сегодня разрабатываются, функционируют и активно применяются юниты искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект, как отмечает Патрик Генри Уинстон, располагает колоссальным положительным потенциалом для применения

---

[1] *Пятков Д. В.* Физическое лицо человека // Цивилист. 2012. № 1. С. 33.

[2] *Спекторский Е.* Юриспруденция и философия // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 72–73.

[3] Vorcellini. Totius latinitatis lexicon. III. 1833. P. 365.

[4] Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//ep//nonsgml%2bcomparl%2bpe-582.443%2b01%2bdoc%2bpdf%2bv0//en>. 22 p. P. 20.

во многих сферах общественных отношений и производства[1]. По словам Михаила Блетсаса, искусственный интеллект уже задействуется повсюду: «Вы будете удивлены тем, насколько в большом числе приложений таковой используется. Мы находимся в завершении технологической революции, и ныне нам необходимо подобрать детали и аккумулировать достижения этой революции»[2]. Во многих сферах деятельности уровень искусственного интеллекта уже превосходит уровень интеллекта естественного – человеческого[3].

Как пишет Д.А. Поспелов, «разумные» системы создаются для работы в разнообразных ситуациях в условиях, где для человека пребывание невозможно или же опасно для его здоровья и даже жизни. Такие ситуации нередко невозможно заранее описать с необходимыми детализированностью и определённостью, что позволило бы заложить в проектируемый юнит искусственного интеллекта жёстко запрограммированные алгоритмы действий, поведения, именно поэтому юниты искусственного интеллекта должны быть снабжены сложными механизмами самоадаптации[4].

Одним из предлагаемых сегодня в научной литературе решений вопроса о правосубъектности юнитов искусственного интеллекта является введение специфической правосубъектности «электронного лица» (франц. – «personne électronique»; англ. – «electronic person»; испан. – «persona electrónica»).

По словам О.А. Ястребова, в современных условиях одним из важнейших направлений развития российского права в части исследуемой тематики являются именно теоретические исследования проблематики «электронного лица» юнита искусственного интеллекта[5].

Законами государств давно уже признается, что, помимо физических лиц, тех, которые рождаются и умирают, есть и другие субъекты права[6].

---

[1] *Уинстон П.Г.* Искусственный интеллект: Пер. с англ. *В.Л. Стефанюка*; под ред. *Д.А. Поспелова*. М.: Мир, 1980. С. 24.

[2] Цит. по: Artificial intelligence: the hidden algorithms shaping our lives // <http://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/economy/20171117STO88355/artificial-intelligence-the-hidden-algorithms-shaping-our-lives>.

[3] *Бостром Н.* Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: Пер. с англ. М.: *Манн, Иванов и Фербер*, 2016. С. 222.

[4] *Поспелов Д.А.* Предисловие редактора перевода // *Уинстон П.Г.* Искусственный интеллект: Пер. с англ. *В.Л. Стефанюка*; под ред. *Д.А. Поспелова*. М.: Мир, 1980. С. 5.

[5] *Ястребов О.А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: Сб. матер. к XII Ежегод. науч. чтениям памяти *С.Н. Братуся*. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2017. С. 271–283.

[6] *Andrade F., Novais P., Machado J., Neves J.* Contracting agents: legal personality and representation // Artificial Intelligence and Law. 2007. № 15. P. 357–373. <http://www4.di.uminho.pt/~pjn/Projectos/AIRJ/Docs/2007%20-%20Journal%20AILAW.pdf>.

Комиссия по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента 31.05.2016 предложила Еврокомиссии законодательно ввести новую правосубъектность «электронных лиц» для юнитов искусственного интеллекта, наделив таковых правами (некоторыми аналогами прав человека) и обязанностями[1].

В подпункте «f» пункта 59 Резолюции Европейского Парламента вместе с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента от 16.02.2017 «Нормы гражданского права о робототехнике»[2] была подчёркнута необходимость создания особого правового статуса («электронных лиц») для роботов в долгосрочной перспективе.

Указанный документ вызвал целую волну обсуждений. И далеко не все эксперты приветствовали появление этого проекта. Так, по мнению управляющего директора Ассоциации немецких машиностроителей (VDMA) Патрика Шварцкопфа, правовые предпосылки для присвоения роботам с искусственным интеллектом правосубъектности «электронных лиц» в действительности объективно появятся не ранее чем лет через 10, а то и через 50 лет. И избыточная поспешность здесь объективно может нанести вред – «будет бюрократизировать и тормозить развитие робототехники»[3].

В 2016 году активно обсуждалось создание первой децентрализованной автономной организации (Decentralized Autonomous Organizations, DAO), как отмечает А. Вашкевич, – по сути, «электронного юридического лица». Это была одна из первых компаний, которая управляется при помощи «самоисполняемых умных контрактов» (smart contracts), будучи, как заявляется, лишена традиционно имеющих место органов управления (правления, совета директоров, генерального директора и т.п.). Интерес к поводу был обусловлен также и тем, что за период с 30.04.2016 по 18.05.2016 названная организация сумела привлечь инвестиции на сумму более 143 млн долларов США[4].

Рассмотрим причины и целесообразность наделения юнита искусственного интеллекта правосубъектностью.

[1] Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//ep//nonsgml%2bcomparl%2bpe-582.443%2b01%2bdoc%2bpdf%2bv0//en>. 22 p.

[2] European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN>.

[3] Цит. по: *Toor A.* EU proposal would classify robots as «electronic persons». Parliamentary motion aims to create a legal framework for automation, amid concerns over unemployment and social security [ЕС, вероятно, предложит квалифицировать роботов как «электронных лиц». Парламентское движение направлено на создание правовой основы для автоматизации на фоне обеспокоенности по поводу безработицы и социального обеспечения] // <https://www.theverge.com/2016/6/22/11999458/eu-proposal-robots-electronic-persons-liability>. 22.06.2016.

[4] *Вашкевич А.* Юридические электронные лица // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/23/641943-yuridicheskie-elektronnie-litsa>. 22.05.2016.

Выделяют, по меньшей мере, три причины (резона) наделения актора правосубъектностью:

– моральное право актора на правосубъектность;

– социальный потенциал актора;

– удобство с юридической точки зрения[1].

Очевидно, что к юнитам искусственного интеллекта может быть релевантно применена только третья концепция.

Гипотетически примеров ситуаций, когда наделение юнита искусственного интеллекта правовым статусом электронного лица оправданно с точки зрения решения некоторых правовых проблем, немало.

К примеру, отметим, что среди некоторых исследователей существует точка зрения, согласно которой роботы должны быть наделены статусом электронного лица для того, чтобы освободить своих создателей и пользователей от потенциальной ответственности за действия юнитов искусственного интеллекта[2].

Присвоение статуса правосубъектного лица юниту искусственного интеллекта может быть эффективным для решения проблем, связанных с ведением электронного бизнеса, касающихся вопросов идентификации и определения юрисдикции[3].

Независимо от природы и особенностей правового статуса электронного лица, он может способствовать решению проблем, связанных с интеллектуальной собственностью, создаваемой искусственным интеллектом[4].

При этом, по мнению Стивена Де Шрайжвера, многие преимущества, которые предполагается достичь с помощью введения института электронной личности, могут быть обеспечены и с помощью иных правовых механизмов, без наделения роботов специфической правосубъектностью[5].

Полагаем, что некоторое превентивное нормативное урегулирование рассматриваемого комплекса вопросов (уже сегодня более чем актуальных: использование искусственного интеллекта в военных целях, в го-

---

[1] *Weitzenboeck E.M.* Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. № 3. P. 204–234. <https://pdfs.semanticscholar.org/f5ff/faff3f9c719e22e61f78d452eea95678890a.pdf>.

[2] *Solaiman S.M.* Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. № 2. P. 155–179. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-016-9192-3>.

[3] *Bayamlioğlu E.* Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality // Ankara Bar Review. 2008. № 1. P. 46–54. <http://www.ankarabarosu.org.tr/siteler/AnkaraBarReview/tekmakale/2008-1/8.pdf>.

[4] *Krausová A.* Intersections between Law and Artificial Intelligence // International Journal of Computer. 2017. Vol. 27. № 1. P. 55–68. <http://ijcjournal.org/index.php/InternationalJournalOfComputer/article/viewFile/1071/464>.

[5] *De Schrijver S.* The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots // Who's Who Legal. 2018, January. <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots/>.

сударственном управлении, в здравоохранении, в системах обеспечения безопасности опасных технических объектов и т.д.) всё-таки было бы разумным и обоснованным, своевременным уже сегодня.

Содействуя инструментами нормативного правового и нормативного технического регулирования научно-технологическому развитию человеческой цивилизации, стремясь поставить оснащённую искусственным интеллектом робототехнику действительно на службу человечеству, нельзя забывать и о весьма немалых рисках и неопределённостях.

По мнению Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента, несмотря на то что технологии искусственного интеллекта способны принести огромную пользу эффективности и экономии не только в сфере производства и торговли, но и в таких областях, как транспорт, медицинское обслуживание, образование и сельское хозяйство, позволяя избегать подвергания людей опасным факторам (таким, например, с какими люди сталкиваются при очистке токсично загрязнённых объектов), а в более долгосрочной перспективе искусственный интеллект способен обеспечить человечеству неограниченное процветание. При всём этом существует вероятность того, что в течение нескольких десятилетий искусственный интеллект сможет настолько превзойти интеллектуальные способности человека, что если человечество не будет подготовлено, такой искусственный интеллект сумеет бросить опасный вызов способностям человечества контролировать своё собственное творение (юниты искусственного интеллекта) и, следовательно, возможно, также вызов возможностям и способностям человечества руководить своей судьбой и обеспечивать выживание своего вида[1].

В этих условиях насущно необходимо урегулировать правовое положение юнитов искусственного интеллекта, так или иначе, тем или иным образом.

Современным юнитам искусственного интеллекта подтверждаемо[2] присуща фундаментальная черта: они – всего-навсего «зеркало». Поэтому очень многое зависит от того, что именно заложили в юнит искусственного интеллекта его разработчики и создатели, что заложено в него программировавшими его лицами. И это дополнительно обуславливает необходимость чёткой нормативной регламентации правового положения юнитов искусственного интеллекта и ответственности за их действия или бездействие. Но ещё опаснее будет ситуация, когда технологии искусственного интеллекта наберут и переберут критический уровень самосознания, когнитивной автономности и самореферентности.

[1] Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//ep//nonsgml%2bcomparl%2bpe-582.443%2b01%2bdoc%2bpdf%2bv0//en>. 22 p. P. 3–4.

[2] Робот, общаясь в Твиттере, за сутки стал расистом и человеконенавистником // <http://www.popmech.ru/technologies/237098-robot-obshchayas-v-tvittere-za-sutki-stal-rasistom-i-chelovekonenavistnikom/#full>. 26.03.2016.

Как обоснованно обращается внимание читателей в одной редакционной статье, «когда появится следующая мощная система с совершенно новыми возможностями, прежде всего, она посмотрит на людей. И если люди, или же просто группа пранкеров или интернет-троллей, начнут ради смеха кричать и писать ей, что «люди – ужасны, лол», вот именно лексему «лол» искусственный интеллект может и не понять, а шутки – не оценить»[1].

Роботы с искусственным интеллектом уже сегодня активно задействуются в юридической практике. И как отмечает Комиссия по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента, недостатки нынешней правовой базы очевидны и по иным позициям, в частности – в области договорной ответственности, поскольку поведение юнита искусственного интеллекта потенциально может иметь последствия для гражданского права. Юниты искусственного интеллекта уже ведут переговоры относительно договорных условий, заключают контракты и решают, как их реализовывать, – всё это делает традиционно применявшиеся правила (нормы права) неприменимыми или малоприменимыми, что обусловливает необходимость в новых нормах права в этой сфере[2].

По А.А. Карцхия, «есть причины для беспокойства и с точки зрения физической безопасности человека в случаях нарушения роботом правил запрограммированного поведения искусственного интеллекта вследствие системного сбоя или несанкционированного доступа (взлома) подключённых роботов или робототехнических систем»[3].

Следует тщательно разобраться, отмечает Мади Дельво, как именно действуют юниты искусственного интеллекта и какие несчастные случаи могут возникнуть в результате их взаимодействия с людьми[4]. По А.А. Карцхия, потенциал технологий и юнитов искусственного интеллекта «не может быть всегда под контролем человека. Это означает высокую вероятность, что роботы смогут принимать решения, логика которых не может быть объяснена человеком»[5]. Кёртис Карноу отмечает, что юниты искусственного интеллекта способны в некоторых случаях принять такие решения, которые не только будут «непредсказуемыми или удивительными», но также могут иметь «непредусмотренные и разрушительные последст-

[1] Робот, общаясь в Твиттере, за сутки стал расистом и человеконенавистником // <http://www.popmech.ru/technologies/237098-robot-obshchayas-v-tvittere-za-sutki-stal-rasistom-i-chelovekonenavistnikom/#full>. 26.03.2016.

[2] Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//ep//nonsgml%2bcomparl%2bpe-582.443%2b01%2bdoc%2bpdf%2bv0//en>. 22 p. P. 6, 22.

[3] *Карцхия А.А.* Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–30.

[4] *Mady Delvaux:* «Robotics will bring about a revolution» // <http://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/economy/20150422STO43701/mady-delvaux-robotics-will-bring-about-a-revolution>. 22.04.2015.

[5] *Карцхия А.А.* Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–30.

вия»[1]. Комиссия по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента акцентирует определённую степень непредсказуемости в поведении юнита искусственного интеллекта[2], который в некоторых условиях может повести себя совершенно непредсказуемо, а в некоторых ситуациях – отнюдь не в интересах человека.

Какое бы решение ни было в конечном итоге принято по вопросу о правовом положении юнитов искусственного интеллекта, Комиссия по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента, надо признать, совершенно права в своём суждении о том, что автономность юнитов искусственного интеллекта ставит принципиальный вопрос об их природе и об их правовом положении в свете существующих юридических категорий – следует ли рассматривать юниты искусственного интеллекта как физические лица, как форму юридических лиц, как аналог животных или иных объектов живой природы или же нам следует сконструировать новую категорию – принципиально новую правосубъектность, с её собственными особенностями и со специфическими правовыми последствиями в отношении атрибутирования прав и обязанностей, включая юридическую ответственность за причинённый ущерб[3].

Этот вопрос подлежит разрешению, причём в самое ближайшее время.

Библиографический список:

1. *Бостром Н.* Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 760 с.

2. *Вашкевич А.* Юридические электронные лица // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/23/641943-yuridicheskie-elektronnie-litsa>. 22.05.2016.

3. *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А. Гаджиев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.

4. *Карцхия А.А.* Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–30.

5. *Макаров О.В.* Субъекты гражданского права: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 39–43.

[1] *Karnow C.E.A.* Future Codes: Essays in Advanced Computer Technology and the Law. Boston: Artech House, 1997. P. 245.

[2] Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML%2BCOMPARL%2BPE-582.443%2B01%2BDOC%2BPDF%2BV0//EN>. 22 p. P. 6.

[3] Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016 / Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//ep//nonsgml%2bcomparl%2bpe-582.443%2b01%2bdoc%2bpdf%2bv0//en>. 22 p. P. 5.

6. *Поспелов Д.А.* Предисловие редактора перевода // Уинстон П.Г. Искусственный интеллект: Пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. Д.А. Поспелова. М.: Мир, 1980. 520 с.

7. *Пятков Д.В.* Физическое лицо человека // Цивилист. 2012. № 1. С. 33.

8. *Спекторский Е.* Юриспруденция и философия // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 72–73.

9. *Уинстон П.Г.* Искусственный интеллект: Пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. Д.А. Поспелова. М.: Мир, 1980. 520 с.

10. *Ястребов О.А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: Сб. матер. к XII Ежегод. науч. чтениям памяти С.Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Статут, 2017. 434 с.

11. *Andrade F., Novais P., Machado J., Neves J.* Contracting agents: legal personality and representation // Artificial Intelligence and Law. 2007. № 15. P. 357–373. <http://www4.di.uminho.pt/~pjn/Projectos/AIRJ/Docs/2007%20-%20Journal%20AILAW.pdf>.

12. *Bayamlioğlu E.* Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality // Ankara Bar Review. 2008. № 1. P. 46–54. <http://www.ankarabarosu.org.tr/siteler/AnkaraBarReview/tekmakale/2008-1/8.pdf>.

13. *De Schrijver S.* The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots // Who's Who Legal. 2018, January. <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomous-robots/>.

14. *Karnow C.E.A.* Future Codes: Essays in Advanced Computer Technology and the Law. Boston: Artech House, 1997. P. 245.

15. *Krausová A.* Intersections between Law and Artificial Intelligence // International Journal of Computer. 2017. Vol. 27. № 1. P. 55–68. <http://ijcjournal.org/index.php/InternationalJournalOfComputer/article/viewFile/1071/464>.

16. Mady Delvaux: «Robotics will bring about a revolution» // <http://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/economy/20150422STO43701/mady-delvaux-robotics-will-bring-about-a-revolution>. 22.04.2015.

17. *Solaiman S.M.* Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. № 2. P. 155–179. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-016-9192-3>.

18. Vorcellini. Totius latinitatis lexicon. III. 1833. P. 365.

19. *Weitzenboeck E.M.* Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. № 3. P. 204–234. <https://pdfs.semanticscholar.org/f5ff/faff3f9c719e22e61f78d452eea95678890a.pdf>.

УДК: 347.65/68:004

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В НАСЛЕДСТВЕННУЮ МАССУ

Л.Ю. Мхитарян,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

Аннотация: исследование посвящено анализу доктринальных позиций, касающихся определения места цифровых активов, в частности, криптовалюты, в правовой системе Российской Федерации. Анализируется вопрос о том, может ли криптовалюта, а также иные цифровые активы быть объектом наследственной массы наследодателя. Приводится актуальная судебная практика по вопросу включения криптовалюты в состав иного имущества, в связи с чем делается вывод о возможности включения цифровых активов в состав наследственной массы.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровой актив, иное имущество, наследование.

THE DEVELOPMENT OF THE INHERITANCE LAW IN RUSSIA: TO THE QUESTION OF NECESSITY OF INCLUSION THE DIGITAL ASSETS IN THE INHERITED ESTATE

L.Yu. Mkhitaryan,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

Annotation: this study analyzes the doctrinal positions concerning the location of digital assets, in particular, cryptocurrency, in the legal system of the Russian Federation. The question of the possibility of inheritance of the crypto currency, as well as other digital assets, is analyzed. The current court practice of the inclusion the cryptocurrency in the composition of other assets is given,

which leads us to the conclusion that it is possible to include digital assets in the composition of the inherited estate.

Key words: cryptocurrency, digital asset, other assets, inheritance.

Развитие информационной среды приводит к активному внедрению объектов технологий в гражданский оборот. Безусловно, информационная среда так же, как экономическая и социальная, находится в постоянном совершенствовании, активно внедряясь в правовую действительность. Наследственное право, являющееся одной из основополагающих подотраслей гражданского права, также подвержено влиянию и взаимопроникновению информационных технологий в правовые нормы.

В последнее время в связи с активными разговорами в научных кругах, ведущимися вокруг биткоинов, блокчейнов, смарт-контрактов, криптовалюты, цифровых активов и прочих нововведений в экономическом пространстве, видится необходимость законодательного определения правового статуса данных объектов, а также определения их места в гражданском обороте.

Отправной точкой и главным аргументом в вопросе о том, влияют ли информационные технологии на оборот вещей, а также готово ли наше общество к тому, чтобы использовать данные объекты в гражданско-правовых сделках, стал пример из судебной практики по делу А40-124668/2017, по итогу которого Девятый арбитражный апелляционный суд (далее – Суд) постановил, что криптовалюта может входить в конкурсную массу как иное имущество[1], позволив кредиторам обратить взыскание на нее. Именно предоставление пароля – доступа к криптокошельку должника и стало наложением обязательства на него с целью пополнения конкурсной массы и погашением долга перед кредиторами.

В своих рассуждениях Суд указал, что диспозитивность и открытый перечень объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ[2], позволяет отнести криптовалюту к иному имуществу. Получается, что криптовалюта так же, как и любое движимое, недвижимое имущество должника, обладает экономической ценностью, что и делает ее важным элементом в гражданском обороте.

Примечательно, что нормативные правовые акты органов РФ противоположно определяют место криптовалюты в экономическо-правовой системе России: Центральный Банк РФ считает любые операции с криптова-

[1] *Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/*2017 (https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf) (дата *обращения – 10.08.2018).*

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // http://pravo.gov.ru/

лютой нелегальными, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма[1]. Той же позиции придерживается и Росфинмониторинг, указывая на то, что криптовалюта чаще всего выступает в качестве инструмента спекулятивной торговли[2].

Несмотря на законодательную неопределенность статуса криптовалют, Федеральная налоговая служба РФ сообщила о возможности взыскания НДФЛ от операций купли-продажи криптовалют: налоговую базу определять в рублях как превышение общей суммы доходов, полученных в налоговом периоде от продажи соответствующей криптовалюты, над общей суммой документально подтвержденных расходов на ее приобретение[3].

Законодательная неопределенность правового статуса криптовалюты усугубляет противоречия между вышеперечисленными позициями Центрального Банка РФ и Суда.

Иным спорным аспектом является вопрос о возможности наследования криптовалюты и иных цифровых активов. Ввиду обозначенной ранее позиции Суда мы можем предположить, что криптовалюта обладает экономически значимой ценностью, делающей возможной ее оборотоспособность в гражданско-правовых сделках. Означает ли это, что по аналогии с конкурсным производством, криптовалюта, а также иные цифровые активы могут быть унаследованы, так как относятся к иному имуществу, которое лица могут иметь на праве собственности? В таком случае, согласно ст. 1120 ГК РФ[4], завещатель вправе завещать наследникам любое имущество (в том числе иное, указанное в ст. 128 ГК РФ, перечень которого открыт, что позволяет отнести к нему и криптовалюту).

Отвечая на вопрос о том, могут ли наследоваться цифровые активы, в том числе и криптовалюта, следует обратить взор на законодательство США.

Право на доступ и управление учетными записями наследодателя в том или ином объеме предоставляются наследникам на территории 19 штатов Америки[5]. Наследование цифровых активов в США выглядит следующим

---

[1] Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // https://www.cbr.ru/

[2] Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» // http://www.fedsfm.ru/

[3] Письмо ФНС России от 04.06.2018 № БС-4-11/10685@ «О порядке налогообложения доходов физических лиц» // http://www.garant.ru/

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // http://pravo.gov.ru/

[5] *Савицкая К.Д.* Институт цифрового наследования: особенности правового регулирования на примере Соединенных Штатов Америки. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 6. С. 154; *Савицкая К.Д.* Цифровые активы: теория и правовое регулирование на примере Соединенных Штатов Америки. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 5. С. 192.

образом. Например, в штате Коннектикут, в котором впервые появился закон о наследовании цифровых активов, возможно предоставление доступа к учетным записям электронной почты умершего. Для сравнения: закон штата Индиана расширяет перечень наследуемых объектов цифровых активов, относя к ним также доступ к аккаунтам социальных сетей, учетным записям блогов, микроблогов и службы коротких текстовых сообщений[1].

Такой пример наследования цифровых активов в США не может не склонить чашу весов в пользу возможности наследования цифровых активов и на территории других государств. Видится возможным скорейшая модернизация российского законодательства в части наследования данных объектов. В связи с этим представляется необходимым определение категории «цифровой актив» и более подробное изучение доктринальных позиций относительно дефиниции «криптовалюта».

В доктрине термин «цифровой актив» трактуется по-разному. Например, N. Dosch определяет цифровые активы как любой файл на компьютере, накопительном устройстве или веб-сайте и любой онлайн аккаунт или подписка[2]. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова трактуют цифровые активы как сведения в двоичной форме (фотографии, тексты в цифровой форме, криптовалюта, токены, персональные данные и др.)[3].

На наш взгляд, наиболее всеобъемлющая формулировка данного понятия приводится в актах Европейского экономического союза, где цифровой актив определяется как «совокупность информации в цифровой форме и средств по ее обработке, собранная на основе конкурентной бизнес-модели, использование которой приводит к получению экономических выгод»[4].

К определению термина «криптовалюта» «приложили руку» представители как экономической, так и юридической науки. Т.Е. Николаева подразумевает под криптовалютой вид цифровой валюты, «эмиссия и учет которой основаны на асимметричном шифровании и применении различных криптографических методов защиты»[5]. При этом исследователь относит криптовалюту к нефиатным электронным деньгам, то есть единицам стоимости

---

[1] *Савицкая К.Д.* Цифровые активы: теория и правовое регулирование на примере Соединенных Штатов Америки. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 5. С. 155.

[2] *Dosch, N.* Over View of Digital Assets: Defining Digital Assets for the Legal Community / N. Dosch [Electronic resource]. 2010. Mode of access: http://www.digitalestateplanning.com/. Date of access: 03.08.2018.

[3] *Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 28.

[4] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 10.08.2018).

[5] *Николаева Т.Е.* Эволюция денег и их особенности в современных условиях: учебное пособие. М.: Издательство «Флинта», 2017. С. 43.

негосударственных платежных систем (в отличие от фиатных денег, обязательно выраженных в какой-либо государственной валюте). Е.В. Кудряшова приводит пример финансовой политики Венесуэлы, где с февраля 2018 г. была выпущена в обращение криптовалюта петро, тем самым криптовалюта перешла в статус фиатных денег[1]. В целом рассуждения экономистов сводятся к тому, что криптовалюта – это «особое платежное средство, цифровая валюта, не имеющая внешней физической оболочки, основанная на использовании криптографических методов шифрования, курс которых поддерживается только спросом и предложением»[2].

Юридическое сообщество предполагает под криптовалютой «денежный суррогат, эмиссия и учет которого основаны на криптографических методах шифрования компьютерной информации»[3]; «цифровой актив, разновидность цифровой валюты, создание которой и контроль над которой осуществляются на базе технологии распределенного реестра с использованием криптографических методов защиты»[4].

Достоинства криптовалюты заключаются в том, что она обладает анонимностью; ее невозможно скопировать; она служит альтернативой денежным средствам; является международной валютой; при ее выпуске полностью отсутствует контроль государственных структур какой-либо страны.

Видится необходимым привести позицию, изложенную в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», внесенном в Государственную Думу РФ. Так, согласно данному проекту, криптовалюта определяется как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций[5].

Позиция относительно законодательного определения цифровых активов дает начало дальнейшему изменению и совершенствованию российского законодательства.

На наш взгляд, следует согласиться с И.И. Кучеровым, что фактически криптовалюта представляет собой новую форму электронных денежных

---

[1] *Кудряшова Е.В.* Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 7–11.

[2] *Гулькина А.Н., Мазина А.В., Белоусов А.Л.* Криптовалюта – закономерное экономическое явление или очередная финансовая ловушка? // Российская государственность и правовая система в XXI веке: тенденции, противоречия и перспективы развития: межрегиональная научно-практическая конференция ученых, аспирантов, студентов и практиков, Астрахань, 26 мая 2017 г.: материалы / Астраханский государственный технический университет. Астрахань: АГТУ, 2017. С. 76.

[3] *Простосердов М.А.* Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве: монография / *М.А. Простосердов*. Москва: Юрлитинформ, 2017. С. 49.

[4] *Сидоренко Э.Л.* Криптовалюта как предмет хищения: проблемы квалификации // Мировой судья. 2018. № 6. С. 18–24.

[5] Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

средств[1]. Ввиду того, что криптовалюту можно отождествить с электронными денежными средствами или безналичными денежными средствами, существо которых раскрывается в ст. 861 ГК РФ, мы также смеем предположить, что приравнивание криптовалюты к данным объектам гражданских прав позволит легализовать данную категорию, впоследствии – сделать возможным использование ее в гражданско-правовых сделках, в том числе и при наследовании.

Обращаясь к ст. 1112 ГК РФ, в которой говорится о возможности наследования иного имущества, в том числе безналичных денежных средств, видится необходимым включение в перечень безналичных денежных средств криптовалюты, что позволит узаконить переход данного объекта гражданских прав от наследодателя к наследнику и осуществлять наследником правомочия собственника.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно констатировать, что:

- во-первых, в настоящий момент, ввиду вышеприведенных позиций российского суда, доктринальных позиций ведущих исследователей по данному вопросу, а также примеров наследования цифровых активов на территории США видится необходимым включение цифровых активов в категорию «иное имущество», например, путем принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ, отвечающему современным реалиям внедрения цифровой экономики в гражданский оборот;

- во-вторых, необходима легализация правового статуса криптовалюты, определения ее правового статуса путем принятия соответствующего федерального закона;

- в-третьих, внести изменения в нормы части третьей ГК РФ о наследовании, включив криптовалюту в состав наследственной массы.

Библиографический список:

1. *Гулькина А.Н., Мазина А.В., Белоусов А.Л.* Криптовалюта – закономерное экономическое явление или очередная финансовая ловушка? // Российская государственность и правовая система в XXI веке: тенденции, противоречия и перспективы развития: межрегиональная научно-практическая конференция ученых, аспирантов, студентов и практиков, Астрахань, 26 мая 2017 г.: материалы / Астраханский государственный технический университет. Астрахань: АГТУ, 2017. С. 76.

2. *Кудряшова Е.В.* Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 7–11.

3. *Кучеров И.И.* Криптовалюта как правовая категория // Финансовое право. 2018. № 5. С. 3–8.

[1] *Кучеров И.И.* Криптовалюта как правовая категория // Финансовое право. 2018. № 5. С. 3–8.

4. *Николаева Т.Е.* Эволюция денег и их особенности в современных условиях: учебное пособие. М.: Издательство «Флинта», 2017. С. 43.

5. *Простосердов М.А.* Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве: монография / М.А. Простосердов. Москва: Юрлитинформ, 2017. 167 с.

6. *Савицкая К.Д.* Институт цифрового наследования: особенности правового регулирования на примере Соединенных Штатов Америки. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 6. С. 192.

7. *Савицкая К.Д.* Цифровые активы: теория и правовое регулирование на примере Соединенных Штатов Америки. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 5. С. 155, 192.

8. *Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 28.

9. *Сидоренко Э.Л.* Криптовалюта как предмет хищения: проблемы квалификации // Мировой судья. 2018. № 6. С. 18–24.

10. *Dosch, N.* Over View of Digital Assets: Defining Digital Assets for the Legal Community / N. Dosch [Electronic resource]. 2010. Mode of access: http://www.digitalestateplanning.com/. Date of access: 03.08.2018.

УДК 342.7:004.9

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Е.М. Подрабинок,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

доцент кафедры гражданского права
Уральский филиал ФГБНУ Исследовательский центр частного
права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, 9-а
E-mail: podrabinok@mail.ru

Аннотация: в статье проводится анализ особенностей осуществления права на забвение (права на удаление ссылок). В результате проведенного исследования автор обосновывает вывод о необходимости внести изменения в Закон об информации и закрепить в нем в качестве основания для оператора поисковой системы для отказа в удалении ссылок такой критерий, как «общественный интерес», «общественная значимость».

Ключевые слова: личные неимущественные права, право на забвение, право на удаление ссылок, прекращение выдачи сведений, общественный интерес.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO LEAVE IN THE EPOCH OF DIGITALIZATION OF THE SOCIETY

E.M. Podrabinek,
Ural State Law University,
21, Komsomolskaya St, Yekaterinburg, Russia, 620137

Ural Branch of Research Center for Private Law named after S.S.
Alekseev under the President of the Russian Federation
9-a, Vajnera st., Ekaterinburg, Russia, 620014
E-mail: podrabinok@mail.ru

Annotation: the article analyzes the characteristics of the right to oblivion (the right to delete links). As a result of the study, the author substantiates the conclusion that it is necessary to amend the Law on Information and fix in it as a basis for the search engine operator to refuse to delete links such criteria as «public interest», «public importance».

Keywords: personal non-property rights, the right to be forgotten, right to oblivion, right to delete links, termination of the release of information, public interest.

---

1. Право на забвение является одним из личных неимущественных прав гражданина, обеспечивающих его социальное существование в обществе[1]. Осуществление права на забвение стало актуально лишь в эпоху «цифровизации» общества, поскольку до появления глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования (далее – сети Интернет[2]) информация могла храниться помимо памяти человека на различных материальных носителях (печатных изданиях, кассетах, дисках и т.д.). Получение доступа к информации было обусловлено необходимостью обладания содержащим её материальным носителем. В эпоху «цифровизации» общества получение доступа к любым сведениям, содержащимся в сети Интернет, стало простым и легкодоступным. При этом данные, попадающие в сеть Интернет, не всегда сохраняют значение для гражданина, не всегда продолжают оставаться достоверными, актуальными, не всегда получены законными способами и т.д. Кроме того, появилась и оборотная сторона этой медали – удаление информации из сети Интернет стало трудноосуществимым и иногда технически невозможным, так как данные постоянно копируются с одного ресурса на другой. В связи с этим особую актуальность приобрело обсуждение проблем реализации и осуществления права на забвение в сети Интернет.

2. Легального определения «права на забвение» в действующем российском гражданском законодательстве не закреплено. Словосочетание «право на забвение», в переводе с английского «right to be forgotten» – имеет дословный перевод «право быть забытым». Вполне объяснимо, что в законодательстве словосочетания «право на забвение», «право быть забытым» не используются. Поскольку если информация получена гражданином, то обязать забыть ее невозможно. Это обусловлено объективными причина-

[1] Деление личных неимущественных прав на обеспечивающие физическое и социальное существование гражданина см.: *Красавчикова Л.О.* Личные неимущественные права граждан / Гражданское право: Учебник / под ред. Б.М. Гонгало. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2016. С. 220.

[2] Интернет и его основные сервисы можно охарактеризовать как средство массовой коммуникации, средство массовой информации, гигантский информационный архив, библиотеку электронных документов, электронных карт, медиафайлов и т.д.

ми, особенностями памяти человека. Следовательно, лицо, информация о котором размещена в сети Интернет, имеет возможность требовать от оператора поисковой системы ограничения или запрета доступа к данной информации третьим лицам. Именно такие действия и могут в последующем обеспечить так называемое «забывание» или «забвение».

Считается, что для «забвения» достаточно убрать ключевые слова из информационных поисковых систем, и доступ к сведениям может стать более затруднённым. По этой причине во многих странах под правом на забвение понимается право требовать прекращения выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет. В связи с этим формулировки «право на забвение», «право быть забытым» и «право требовать удаления ссылок» следует считать синонимичными.

3. Если рассматривать становление и развитие права на забвение в мировом сообществе, то необходимо отметить следующее. Считается, что впервые право на забвение было закреплено в 1995 году в Директиве № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных»[1] (далее – Директива). Согласно данному документу государства-члены Европейского Союза гарантируют каждому субъекту персональных данных право требовать от оператора исправления, стирания или блокирования данных, обработка которых не соответствует нормам Директивы, за исключением случаев, когда это невозможно или повлечет за собой несоразмерные усилия (статья 12 Директивы). Кроме того, в Хартии Европейского Союза «Об основных правах» от 2007 года закреплено право каждого получать доступ к собранным в отношении него данным и добиваться устранения в них ошибок (часть 2 статьи 8)[2].

В 2012 году Еврокомиссия представила проект нового акта «О защите персональных данных», где было закреплено «право на забвение и уничтожение». Согласно данному проекту индивиду предоставлялось право требовать удаления своих персональных данных и отказа от их дальнейшего распространения (статья 17). Однако в 2016 году Европейским парламентом была одобрена другая версия законопроекта Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы (Общий Регламент

[1] Директива № 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» (принята в г. Люксембург 24.10.1995) // Official Journal of the European Union, N L 281, 23.11.1995 г. С. 731.

[2] Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01) (Вместе с «Разъяснениями...» (2007/С 303/02)) (Принята в г. Страсбург 12.12.2007) // СПС «КонсультантПлюс».

о защите персональных данных)»[1] (далее – Регламент). В принятом Регламенте «право на забвение и уничтожение» было заменено «правом на уничтожение (удаление) данных».

Следует отметить также, что огромное влияние на законодательство многих стран в рассматриваемой сфере оказало Решение Суда Европейского Союза[2] по делу от 13 мая 2014 года Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костехи Гонсалеса[3].

4. В настоящее время наличие у граждан права на забвение или права на удаление информации признается многими правопорядками. В Российской Федерации «право на забвение» или «право требовать удаления ссылок» содержится в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4] (далее – Закон об информации).

Реализация права на забвение заключается в обязанности оператора поисковой системы по требованию гражданина прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет (далее – ссылок), позволяющих получить доступ к информации о заявителе (п.1 ст.10.3 Закона об информации). Следует обратить внимание, что речь идет именно об удалении ссылок, а не об удалении данных. Представляется, что подобная формулировка является более точно отражающей суть требования, которое может заявить гражданин в данном случае. Поскольку с технической точки зрения удаление информации из сети интернет является неосуществимым в силу возможности ее многократного копирования и сохранения на разных устройствах.

---

[1] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation / GDPR). Принят в г. Брюссель 27.04.2016 // Official Journal of the European Union, N L 119, 04.05.2016. С. 1–88. Регламент адресован государствам-членам Европейского Союза. Регламент вступает в силу на двадцатый день после своего опубликования в Официальном Журнале Европейского Союза. Регламент должен применяться с 25 мая 2018 г.

[2] Гражданин Испании Марио Костея Гонсалос обратился в суд к Google с требованием удалить ссылку, выдаваемую в поисковике при вводе его инициалов, о продаже на аукционе дома в 1998 года в связи с долгами. Поисковик выдавал данную информацию, поскольку она хранилась в архиве каталонской газеты La Vanguardia и соответствовала действительности. Поскольку в национальном суде гражданину во всех инстанция было отказано, он обратился в ЕСПЧ. В качестве обоснования было указано, что информация о продаже дома на торгах уже является неактуальной, и он больше не хочет, чтобы кто-либо имел доступ к ней. ЕСПЧ удовлетворил требование Гонсалоса, в качестве обоснования указав ст. 6, 12 Директивы «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движение таких данных» 94/45ЕС, принятой в 1995 году.

[3] Google Spain SL and Google Inc. v. Agencia de Datos (AEPD) and Mario Costeja Gonzales [C-131/12CJEU] (Большая Палата) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 9. С. 22–23.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. (часть I) ст. 3448.

5. При этом по п.1 ст. 10.3 Закона об информации возможно предъявление требования об удалении ссылок при наличии следующих оснований: 1) информация распространяется с нарушением законодательства РФ, 2) информация является недостоверной, 3) информация является неактуальной, 4) информация является утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

5.1. Первым основанием является распространение информации с нарушением законодательства РФ. При этом в законе не раскрывается, какие действия следует квалифицировать как распространение информации с нарушением законодательства. С одной стороны, не приводится примерный перечень действий или бездействий, дающих основание считать поведение лица в определенной ситуации неправомерным. С другой стороны, обтекаемость подобной формулировки даёт возможность в каждом конкретном случае определить: имеет ли место нарушение законодательства при распространении информации.

В связи с этим представляет интерес апелляционное определение Московского городского суда от 8 февраля 2017 г. по делу N 33-5031[1]. Истец по данному делу обратился в суд с иском к ответчику ООО «Яндекс» о прекращении выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, ссылаясь в обоснование заявленных требований на то, что ответчиком выдаются сведения, позволяющие получить доступ к информации, распространяемой с нарушением законодательства (помимо заведомо ложной и недостоверной). Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований истца, ссылаясь на пункт 3 ст.17 закона об информации и позицию Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 09.07.2013 г. № 18-П[2] указал, что «лицо, оказывающее услуги по хранению информации и обеспечению доступа к ней, не несет гражданско-правовой ответственности за распространение информации, если оно не могло знать о незаконности такого распространения (пункт 2 часть 3 статьи Закона об информации)[3]. Кроме того, апелляционный суд указал, что при подаче заявления в адрес ООО «Яндекс», истец должен был самостоятельно указать, какая именно информация о нем на представленной странице является распространяемой с нарушением законодательства (помимо необходимости доказывания недостоверности и неактуальности).

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2017 г. по делу № 33-5031/17 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.072013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина *Е.В. Крылова* // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приведенное регулирование соотносится с правом каждого свободно распространять информацию любым законным способом, которое признается и защищается Конституцией РФ (ст. 29, ч. 4), Международным пактом о гражданских и политических правах (ст. 19), Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 10), а также – применительно к распространению информации через сеть Интернет – в ряде других международно-правовых актов.

В связи этим возникает вопрос о том, что следует понимать в гражданском праве под «законностью» или «незаконностью» распространения сведений, чтобы можно было реализовать право на забвение и потребовать удаления ссылок. Также встает вопрос о правомерности применения этих категорий, используемых в Уголовном кодексе РФ (ст. 137) и Федеральном законе «О государственной тайне» (ст. 26) и в других нормативно-правовых актах, не относящихся к гражданско-правовым.

5.2. В отношении всех последующих оснований для удаления ссылок необходимо отметить, что они являются еще более абстрактными: недостоверность, неактуальность, утрата значения.

Анализ судебной практики по перечисленным основаниям показывает следующее. Зачастую возникают проблемы с субъектом, который вправе определять достоверность, актуальность или утрату значения информации.

В соответствии с п.5 ст. 10.3 закона об информации предусмотрен следующий порядок удаления ссылок. Оператор поисковой системы обязан прекратить выдачу ссылок в течение десяти рабочих дней с момента получения требования об удалении. При этом оператор имеет право отказать в удалении ссылок, предоставив заявителю мотивированный отказ. Если такой отказ гражданин посчитает необоснованным, он вправе обратиться в суд. Следовательно, на данный момент оператору поисковой системы предоставлено право самостоятельно определять, является ли информация достоверной, актуальной, имеет ли она значение для заявителя, распространяется ли она с нарушением законодательства.

В связи с этим возникает вопрос о правомочиях оператора поисковой системы самостоятельно определять указанные обстоятельства. Не подменяет ли в данном случае оператор поисковой системы суд? Более того, в некоторых случаях не только оператор поисковой системы, но и суд не может однозначно сделать вывод об актуальности информации. Например, в одном из дел гражданин обратился в суд, указав, что в Интернете размещена информация о том, что он проходил стажировку[1]. Судом было отказано в удовлетворении требований по причине невозможности сделать однозначный вывод о том, что распространяемая на указанной странице сети Интернет информация является неактуальной и относится непосредственно к заявителю. Представляется верным решение суда, который указал, что обязанность подтвердить необходимые и достаточные основания для прекращения выдачи ссылок при обращении к оператору поисковой системой возлагается на заявителя.

При этом представляется, что обладать правомочиями определения достоверности, актуальности или утраты значения информации, факта ее распространения с нарушением закона оператор поисковой системы не должен. Как известно, принцип действия любой поисковой системы ос-

[1] Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 14.02.2018 г. № 33-847/2018 по делу № 2-701/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

нован на автоматическом индексировании общедоступной информации, которая размещена в открытом доступе в сети Интернет администраторами сайтов на сайтах, не принадлежащих операторам поисковых систем. Индексирование представляет собой непрерывный автоматический процесс обработки страниц сайтов специальным поисковым роботом, который регулярно обходит сеть Интернет по определенному маршруту. По этой причине информация, которая генерируется в ссылках, фактически не размещается операторами поисковой системы. Информацию в сети Интернет размещают независимо от операторов поисковой системы третьи лица (администраторы сайтов). Именно они самостоятельно и определяют уровень доступности, размещенной ими информации для пользователей сети Интернет, а также возможность или невозможность индексирования информации поисковыми системами. По этой причине суды, как правило, отказывают в удовлетворении такого рода требований, если они предъявляются не к администраторам сайтов, а к операторам поисковых систем[1].

Представляется, что в законе об информации право самостоятельно устанавливать факты достоверности либо недостоверности, актуальности либо неактуальности размещенной информации, факты ее распространения с нарушением закона не должно быть предоставлено ни операторам поисковых систем, ни администраторам сайтов.

Кроме того, возникает вопрос о том, что понимать под недостоверностью, неактуальностью или утратой значения. Так, если внешность человека изменилась в связи с возрастом, в связи с медицинским вмешательством и т.д. – может ли он требовать удаления ссылок на свои фотографии, поскольку они уже не соответствуют действительности? Или фото в данном случае являются недостоверными? А может быть, они являются утратившими значение для заявителя в силу последующих событий? Возникает также вопрос о том, можно ли требовать удаления ссылки на адрес электронной почты, которым больше гражданин не пользуется? Можно ли применять указанные в законе основания, когда врач требует удалить ссылки с негативными отзывами о нём, мотивируя тем, что отзывы написаны давным-давно и информация неактуальна. Можно ли применять указанные в законе основания, когда гражданин требует удаления ссылки на сайт, где его обвиняют, что он некачественно выполнил работу, оказал услугу, передал некачественный товар и т.д.?

Необходимо учитывать также, что на момент размещения информации в Интернете она ведь могла быть и достоверна, и актуальна, и имела значение. Возникает вопрос о том, правомерно ли удаление информации, которая на момент ее размещения соответствовала всем критериям? Подобные вопросы могут возникнуть в связи со множеством произошедших

[1] Определение Московского городского суда от 17.11.2017 г. № 4г-13944/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

действий или событий. А аналогичных примеров может быть бесчисленное множество. В связи с этим в юридической литературе поднимается вопрос о том, что право на забвение дает возможность лицам фактически «переписывать», «искажать» историю[1].

Представляется целесообразным более детальное регулирование в законе об информации рассматриваемых общественных отношений, что позволит обеспечить охрану и защиту прав граждан.

6. При этом следует отметить, что действующее законодательство содержит исключения, согласно которым оператор поисковой системы вправе не удалять ссылки, если информация содержит сведения: 1) о событиях, составляющих признаки уголовно наказуемых деяний (сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли), и 2) о совершении гражданином преступления (по которому не снята или не погашена судимость) (статья 10.3 закона об информации). Следовательно, если сроки привлечения к уголовной ответственности истекли, и речь идет о преступлении, по которому снята или погашена судимость, то оператор поисковой системы вправе удалять ссылки.

Анализ судебной практики по такого рода спорам показывает, что подобного рода требования заявляются достаточно часто[2]. Как правило, для удовлетворения требований истцу необходимо доказать, что информация утратила достоверность, актуальность или значение для него. Однако, как представляется, информация о событиях, составляющих признаки уголовно наказуемых деяний (сроки привлечения к уголовной ответственности по которым истекли), и информация о совершении гражданином преступлении (по которому снята или погашена судимость) не должны быть исключением для удаления ссылок.

Думается, что данная информация как раз-таки и должна оставаться в сети Интернет для обеспечения возможности субъектам гражданско-правовых отношений получать объективную информацию о лице, поскольку речь идет о антисоциальном поведении, нарушающем закон. Поскольку это может быть важным, например, для работодателей, которые принимают на работу нового работника на должности, связанные с обеспечением безопасности общественного порядка, охраной жизни и здоровья граждан, обслуживанием товарно-материальных ценностей и т.д. Они вправе иметь информацию о ранее имевшем место привлечении гражданина к уголов-

[1] *Михайлов С.В.* Что такое право на забвение? // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2017. № 3.

[2] См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 06.09.2018 г. по делу № 33-38945/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2017 г. по делу № 33-38902/2017) // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Московского городского суда от 07.08.2017 г. № 4Г-9447/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Московского областного суда от 21.08.2017 г. по делу № 33-25159/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2017 г. по делу № 33-23174/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ной ответственности. Представляется, что подобного рода информация является общественно значимой и имеет общественный интерес. Кроме того, данная информация может представлять и политическую и историческую ценность. В связи с этим видится обоснованным изменение редакции статьи 10.3 закона об информации.

Следует отметить, что категории общественный интерес или общественная значимость должны учитываться при реализации права на забвение, которое не должно быть безграничным. Общественный интерес или общественную значимость следует считать порогом (пределом) осуществления права на забвение[1]. Думается, что если информация представляет собой общественную значимость, то удаление ссылок на нее является необоснованным, даже если она впоследствии стала недостоверной, неактуальной или утратила значение для заявителя.

Этот же вывод следует также и из позиции Суда Европейского союза уже упомянутого по делу Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных и Марио Костехи Гонсалеса. В указанном деле Суд Европейского Союза в качестве исключения выделил такой критерий, как «роль в общественной жизни». Суд Европейского Союза проанализировал вопрос о балансе частных и общественных интересов, признав, что «право быть забытым» может быть предоставлено гражданину только в том случае, если отсутствует заинтересованность широкой общественности в доступе к информации; а также если гражданин не представляет особой общественной роли.

Этот же вывод следует из анализа другого дела по иску Ш. к Google Inc., в котором оператор поисковой системы отказал в удовлетворении заявления истца в добровольном порядке, сопоставив право истца на неприкосновенность частной жизни с правом третьих лиц на распространение и получение информации, учел актуальность сведений и наличие общественного интереса к ним. При этом судом было проанализировано соотношение норм ФЗ «Об информации», конституционного права на свободу информации (ст. 29 Конституции Российской Федерации») и фактических обстоятельств дела.

Был сделан вывод о том, что «оператор поисковой системы не вправе безосновательно и бездоказательно по произвольному требованию гражданина, который может преследовать различные цели, в том числе для сокрытия находящейся в свободном доступе в сети Интернет достоверной и объективной информации о себе, прекращать поисковую выдачу ссылок на такую информацию, поскольку в противном случае будут нарушены указанные конституционные принципы, а деятельность оператора поисковой

[1] В связи с этим представляет интерес официальное мнение по этому вопросу одного из основных операторов поисковых систем на территории Российской Федерации – ООО «Яндекс» (URL: https://yandex.ru/blog/company/o-primenenii-zakona-o-prave-na-zabvenie).

системы потеряет всякий смысл»[1]. В таком решении суда видится как раз защита интересов широкой общественности, защита общественного интереса, учет общественной значимости информации. Подобную практику следует признать правильной.

Необходимо взять за основу для отказа в удалении ссылок такой критерий, как «общественный интерес», «общественная значимость», под которыми следует понимать и интерес общества в целом, и заинтересованность широкой общественности. Кроме того, помимо общественного интереса, необходимо закрепить как основание для отказа от удаления ссылок политическую или историческую ценность информации.

Общественный интерес и общественная значимость проявляется также и в том, что реализация права на забвение может ограничивать право третьих лиц на доступ к информации, а также право на свободу мысли и слова. Право на свободу мысли и слова закреплено в статье 29 Конституции РФ. Каждому в РФ гарантируется также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, части 1 и 4, Конституции Российской Федерации). Кроме того, в соответствии с п.1 ст. 47 закона РФ «О средствах массовой информации»[2] журналист имеет право искать, запрашивать, получать и распространять информацию. Основополагающее значение свободы выражения мнения давно признано как для свободы отдельной личности, так и для общества в целом. Право на свободу слова признается большинством правопорядков в мировом сообществе. Право на свободу выражения мнения, свободу мысли и слова гарантированы статьей 19 Всеобщей декларации прав человека[3], статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах[4], статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[5].

При этом следует отдельно отметить, что статьей 17 Регламента Евросоюза установлено, что право лица требовать удаления данных может быть ограничено для осуществления права на свободу выражения мнения

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2017 г. по делу № 33-10390/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. № 2124-1 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), ратифицирован СССР 16 октября 1973 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

[5] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004), ратифицирована Российской Федерацией 5 мая 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс».

и распространения информации (помимо других оснований[1]). Подобного ограничения нет в действующем законодательстве РФ.

Думается, что свобода выражения мнений представляет собой не только выражение собственного мнения, но и получение информации о мнении других лиц. Право каждого человека на свободное выражение своего мнения, включая свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию, идеи реализуется посредством получения сведений из любых средств массовой информации, в том числе в сети Интернет.

Удаление оператором поисковых систем ссылок на информацию, которая имеет общественный интерес и общественную значимость, означало бы явное отступление от конституционного принципа гласности и свободы слова. В указанном случае любой гражданин мог бы затруднить доступ к любой информации о себе, в том числе и общественно значимой информации. На недопустимость этого обращает внимание и Конституционный суд РФ в постановлении от 09.07.2013 г. № 18-П[2].

Таким образом, подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что следует внести изменения в Закон об информации и закрепить в нем в качестве основания для оператора поисковой системы для отказа в удалении ссылок такой критерий, как «общественный интерес», «общественная значимость». Под «общественным интересом», «общественной значимостью» в данном случае необходимо понимать и интерес общества в целом, и заинтересованность широкой общественности, в том числе с точки зрения политической или исторической ценности информации.

Библиографический список:

1. *Красавчикова Л.О.* Личные неимущественные права граждан / Гражданское право: Учебник / под ред. Б.М. Гонгало. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2016. 511 с.

2. *Михайлов С.В.* Что такое право на забвение? // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2017. № 3.

[1] К другим основаниям относятся: причины государственного интереса в области общественного здравоохранения; цели архивирования в интересах общества, в целях научных или исторических исследований, или в статистических целях; обоснование, исполнение или ведение защиты по судебным искам.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова // СПС «КонсультантПлюс».

УДК: 347.1:65

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

А.Ф. Пьянкова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: pyankova-af@yandex.ru

Аннотация: цифровизация экономики накладывает отпечаток на реализацию прав потребителей. В статье рассмотрены изменения в области предоставления потребителям информации и порядке заключения договора. Отмечается, что предоставление информации в сети Интернет не должно носить формальный характер, а должно соответствовать имеющимся требованиям к порядку предоставления информации. Характеризуются новеллы законодательства о защите прав потребителей, возлагающие информационные обязанности на владельцев агрегаторов информации о товарах (услугах). Проанализированы положения о дистанционной купле-продаже товаров и сделан вывод об их недостаточности. Заключается, что законодательство пока недостаточно регулирует изменившиеся под влиянием цифровизации экономики потребительские отношения, но в то же время значимость изменений пока не стоит преувеличивать.

Ключевые слова: цифровизация экономики, право потребителя на информацию, дистанционный способ продажи товара, большие данные, владелец агрегатора информации о товарах (услугах), click-wrap соглашение, интернет вещей.

FEATURES OF CONSUMER PROTECTION IN THE ERA OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

A.F. Pyankova,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: pyankova-af@yandex.ru

Annotation: digitalization of the economy leaves an imprint on the consumers' rights enjoyment. The article covers the peculiarities of providing the consumers with information and the procedure for conclusion of contracts. It is noted that the provision of information in the Internet should not be formal, but should comply with the legal requirements for the provision of information. The novels of consumer legislation, according to which information obligations are imposed on owners of aggregators of information on goods (services). The provisions on the remote sale of goods have been analyzed and a conclusion has been drawn about their insufficiency. It is concluded that the legislation so far does not adequately regulate the consumer relations that have changed under the influence of the digitalization of the economy, but at the same time, the significance of these changes should not be exaggerated.

Key words: digitalization of the economy, consumer's right to information, distance selling, big data, owner of the aggregator of information on goods (services), click-wrap agreement, internet of things.

Цифровизация экономики является одним из общепризнанных глобальных трендов современной социально-экономической жизни.

По мнению директора Фонда развития интернет-инициатив Кирилла Варламова, «цифровая экономика – это уклад, в котором происходит системный и последовательный перевод в цифровой вид традиционных форм деловых и производственных отношений, форм взаимодействия населения и предприятий с государством»[1]. В соответствии с программой «Цифровая экономика Российской Федерации» цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. №1632-р).

Цифровизация экономики затрагивает все сферы экономической жизни, в том числе и сферу потребления. Право должно идти в ногу со временем и корректировать привычные подходы под влиянием современных тенденций.

Применительно к защите прав потребителей считаем необходимым выделить два направления, которые должны учитываться законодателем:

[1] Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса /Отв. ред. *Д.С. Медовников.* М.: ВШЭ, 2017. С. 2.

- развитие техники и технологии выводит на рынок качественно новые товары и связанные с ними услуги, что влечет не просто изменение структуры спроса, но необходимость изменения взгляда на привычные вещи;

- развитие техники и технологии коренным образом меняет сам процесс взаимодействия сторон договора.

Рассмотрим более подробно, как эти тенденции влияют на правовые отношения потребителей и их контрагентов.

Преддоговорной процесс: информационные обязанности в эпоху «больших данных».

Частью 1 статьи 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) предусмотрено, что изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. Это своеобразная преддоговорная обязанность лиц, вступающих в правоотношения с потребителями.

По мнению Т.В. Шершень, из закрепленной законом обязанности изготовителя (исполнителя, продавца) своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора (ст. 12), вытекает предположение об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках товара. Кроме того, существенно указание закона о том, что информация о товарах (работах, услугах) в соответствии с п. 2 ст. 8 Закона должна доводиться до сведения потребителя в наглядной и доступной форме[1].

Одной из тенденций цифровой экономики является колоссальное возрастание объёмов информации. Ответом на этот вызов стали технологии, получившие в технической и бизнес-среде обобщенное название «большие данные» (big data). В самом общем виде большие данные можно определить как совокупность инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов из различных источников, подверженных постоянным обновлениям, в целях повышения качества принятия управленческих решений, создания новых продуктов и повышения конкурентоспособности[2].

Форма предоставления информации в цифровом обществе коренным образом меняется. Она также переходит в цифровой вид – размещается в сети Интернет. При этом появляются устройства и программы, облегчаю-

---

[1] *Шершень Т.В.* Гражданско-правовые средства защиты прав и интересов потребителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 199.

[2] *Савельев А.И.* Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: Сб. статей / Рук. авт. колл. и отв. ред. *М.А. Рожкова.* М.: Статут, 2016. С. 384.

щие поиск информации, например, QR-коды, позволяющие при помощи смартфона быстро получить доступ к нужной веб-странице. Постепенно получают распространение технологии расширенной реальности. Например, в некоторых магазинах компании Lego, зайдя в специальную кабинку с коробкой конструктора, можно увидеть трехмерную модель в собранном состоянии[1]. Оценивая новые возможности, А. И. Савельев отмечает, что в перспективе на потребителя, по-видимому, будет возложен риск неознакомления с информацией, размещённой предпринимателем в общедоступных источниках.

Однако, на наш взгляд, пока такое решение было бы как минимум преждевременным, и дело даже не в степени охвата нашей страны современными технологиями.

Обратимся к характеристикам информации, вытекающим из Закона о защите прав потребителей.

- своевременность предполагает предоставление информации ДО заключения основного договора[2];
- необходимость означает предоставление такой информации о товаре, которая обеспечивала бы возможность свободного и правильного выбора товара покупателем, исключающего возникновение у последнего какого-либо сомнения относительно потребительских свойств и характеристик товара, правил и условий его эффективного использования[3].

По мнению Е.Г. Шабловой, «при определении понятия «необходимая информация» следует исходить из презумпции отсутствия специальных познаний у потребителя, специфики потребительских свойств услуги, индивидуальных потребностей, которые потребитель желает удовлетворить с помощью услуги и других обстоятельств. Поэтому если потребителю потребуется иная дополнительная, не предписанная нормативно информация, то нет оснований полагать, что исполнитель имеет право ему отказать в предоставлении такой информации»[4].

- достоверность как характеристика информации раскрывается в Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».

Применительно к рассматриваемой проблеме следует, прежде всего, коснуться такой характеристики, как своевременность. Если покупка совершается в традиционном магазине, информация о товаре размещена где-то на сайте компании, покупателю не предоставлена возможность ознакомиться с ней в момент заключения договора, то говорить о надлежащем предоставлении информации нельзя. Ссылки судов при этом на то,

[1] *Савельев А.И.* Там же.

[2] П. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Там же.

[4] *Шаблова Е.Г.* Право потребителя на получение информации об услугах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5. С. 22.

что данная информация является общедоступной как размещённая на сайте[1], считаю не основанными на законе. Такое предоставление информации нельзя считать своевременным.

Справедливости ради следует отметить, что информационные права потребителей-должников по кредитным договорам суды обеспечивают значительно лучше. Так, суды указывают, что информация о цене банковской услуги должна быть доведена до сведения потребителя в договоре. Иные способы доведения до потребителя информации о цене банковской услуги, в том числе в виде опубликования на сайте Банка, размещения на информационных стендах, в структурных подразделениях Банка, могут иметь место только в качестве дополнительных способов[2]. В иных судебных актах также такой способ предоставления информации, как размещение на сайте банка, оценивается как ненадлежащий[3].

При покупке в интернет-магазине необходимо, чтобы информация содержалась на странице товара, либо с нее имелась наглядная отсылка. Главное, чтобы продавцы не использовали информационные технологии против самих потребителей, например, приобретая товар, потребитель бланкетно проставляет галочку о том, что ему предоставлена вся информация о товаре. Аналогичным образом суды трактуют условия договора присоединения, формально подходя к вопросу доказывания факта предоставления информации. Так, суды считают информационную обязанность исполненной на основании, например, следующей формулировки: «стороны соглашаются, что до заключения договора покупателю предоставлена информация об автомобиле, с которой он ознакомлен, в том числе его стоимости, условиях приобретения автомобиля, комплектации, потребительских свойствах и качестве, правилах гарантийного обслуживания, технических и эксплуатационных характеристиках и конструктивных особенностях»[4].

Исходя из изложенного, представляется, что представление информации о товаре в сети Интернет будет являться надлежащим при соблюдении следующих условий:

А) При покупке в традиционном магазине:

- в магазине имеются устройства для доступа на сайт с удобной навигацией по страницам с описанием товаров, либо информация демонстрируется сотрудником продавца;

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 20.09.2017 по делу № 33-37829/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 13.03.2013 по делу № А31-11225/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.03.2016 № Ф09-656/16 по делу № А76-4314/2015; Определение Верховного Суда РФ от 20.06.2017 № 6-КГ17-2 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.03.2015 по делу № 33-9400 // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичный подход: Апелляционное определение Московского городского суда от 02.06.2014 по делу № 33-17631 // СПС «КонсультантПлюс».

Б) При покупке в интернет-магазине:

- информация содержится на странице товара, или с нее имеется отсылка.

1.1. Предоставление информации бизнес-агрегаторами

В последние годы всё большую популярность приобретают сайты, систематизирующие предложения о товарах или услугах, на которых можно быстро сравнить предложения различных магазинов и совершить покупку. Много говорилось о необходимости закрепить их обязанности. Эти дискуссии были порождены, разумеется, развитием соответствующих общественных отношений.

Так, уже состоялись решения Верховного Суда РФ, по которым был пресечён уход от ответственности агрегатора такси за смерть пассажира от ДТП. Агрегатор настаивал на том, что оказывает лишь информационные услуги. Но ВС РФ приравнял его к агенту и сослался на соответствующие нормы главы 52 ГК РФ[1]. Любопытно, что в Америке, которая обычно на шаг вперёд в вопросах защиты прав потребителей, сайт Amazon приравняли к аукционисту, и Окружной суд Средней Пенсильвании отказал в возмещении вреда, причинённого потребителю товаром, приобретённым на Amazon[2].

С 1 января 2019 г. вступят в силу масштабные поправки в Закон о защите прав потребителей (Федеральный закон от 29.07.2018 №250-ФЗ), которые урегулируют правовое положение владельцев агрегаторов информации о товарах (услугах).

Обязанности, закрепленные за агрегаторами новой редакцией Закона о защите прав потребителей, являются в основном информационными. Так, владелец агрегатора обязан предоставить достоверную информацию о себе и продавце посредством ее размещения на своих сайте и (или) странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Информацию о продавце (исполнителе) владелец агрегатора вправе довести до сведения потребителей посредством размещения на своих сайте и (или) странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет ссылки на сайт продавца (исполнителя) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

При этом установлены жесткие сроки для внесения изменений в такую информацию: один рабочий день дается продавцу на сообщение об изменениях владельцу агрегатора, а последнему – на внесение этих изменений на сайт. При этом, если продавец не довел до владельца агрегатора инфор-

[1] Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2018 по делу № 5-КГ17-220 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Кирпичев А.* Агрегаторы в цифровой экономике: поиск правовой модели для аналогии. Об одном деле окружного суда Средней Пенсильвании [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2018/1/18/agregatory_v_cifrovoj_ekonomike_poisk_pravovoj_modeli_dlya_analogii_ob_odnom_dele_okruzhnogo_suda_sr (Дата обращения 25.08.2018 г.)

мацию об изменениях, владелец агрегатора не несёт за это ответственности. В этом плане потребитель, вступающий в отношения с владельцем агрегатора и добросовестно полагающийся на предоставленную информацию, оказывается незащищённым.

Владелец агрегатора отвечает, прежде всего, за информацию, представленную ненадлежащим образом. За неисполнение договора продавцом он не отвечает, если иное не предусмотрено договором между владельцем агрегатора и продавцом.

Владелец агрегатора обязан возвратить полученную сумму предоплаты при наличии следующих условий:

- товар (услуга), в отношении которого потребителем внесена предварительная оплата на банковский счет владельца агрегатора, не передан потребителю в срок (услуга не оказана в срок);
- потребитель направил продавцу (исполнителю) уведомление об отказе от исполнения договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг) в связи с нарушением продавцом (исполнителем) обязательства передать товар (оказать услугу) в установленный срок.

При этом владельцу агрегатора направляется подтверждение уведомления продавца об отказе от договора.

Таким образом, правопорядок делает определённые шаги к тому, чтобы следовать тенденциям цифровизации экономики в части информационного обеспечения потребителей, но пока они носят догоняющий и фрагментарный характер.

Порядок заключения договора: дистанционное взаимодействие.

А.И. Савельев выделяет три ключевых этапа развития договорного права:

1) период индивидуализированных договоров, характерный для традиционных аграрных обществ и начального этапа промышленной революции;

2) период доминирования стандартизированных договоров (эпоха массового производства и начальные этапы промышленной революции);

3) период автоматизированных договоров, начинающийся в настоящее время и характерный для периода распространения искусственного интеллекта[1].

Разумеется, переход от одного этапа к другому является постепенным и не означает 100% вытеснения одного способа заключения договора другим. В то же время констатируется, что в данный момент происходит «дистанцирование» сторон договора друг от друга. Всё чаще договоры заключаются без личного присутствия сторон.

Статьей 26.1 Закона регулируются вопросы дистанционной купли-продажи товаров. Особенностью такого способа заключения договора является

[1] *Савельев А.И.* Указ. соч. С. 365–377.

право потребителя на безмотивный возврат товара в течение семи дней со дня его передачи. Предоставление данного права обусловлено тем, что при приобретении по каталогам или описанию на интернет-сайте потребитель лишён возможности лично ознакомиться с потребительскими свойствами и качествами товара, «пощупать» его. Кроме того, особо оговорен ряд информационных обязанностей предпринимателя. Иных принципиальных особенностей статья, посвященная дистанционной продаже, не содержит.

Иные вопросы дистанционного взаимодействия потребителей и их контрагентов остаются за рамками Закона.

Между тем дистанционно может осуществляться далеко не только торговля. Сеть Интернет предоставляет широкие возможности для самых разных бизнесов. Так, немалую популярность завоевали ресурсы, позволяющие получить юридическую помощь онлайн, оказание услуг по проведению различного рода вебинаров и многие другие. Отдельно следует упомянуть услуги по продаже программного обеспечения для персональных компьютеров и приложений для устройств, работающих на платформах Android и iOs. Такие договоры чаще всего заключаются по принципу click-wrap agreement, то есть соглашения, появляющегося на экране компьютера или иного устройства (как правило, достаточно большого объёма), которые пользователь может пролистать («wrap») и принять путём установки галочки в соответствующем окошке («click»).

Очевидно, эти виды экономической деятельности не охватываются вопросами дистанционной торговли и тоже могут требовать особой защиты прав потребителей от некачественно оказанных услуг, навязывания услуг, предоставления информации и т.д.

При дистанционной торговле в сети Интернет (а она может осуществляться и без его посредства – через каталоги и т.п.) Интернет используется, по меткому замечанию А.И. Савельева, «в качестве средства коммуникации между сторонами договора… В данном случае существенных отличий от процедуры заключения классических стандартизированных договоров практически нет»[1].

Переход к третьему этапу договорного права происходит, по мнению ученого, когда со стороны предпринимателя договор полностью заключается и исполняется в автоматическом режиме, без участия человека, а с использованием так называемых «электронных агентов», то есть «компьютерную программу или электронное автоматизированное устройство, которое, действуя «от имени» пользователя, выполняет определённые задачи без его непосредственного участия»[2].

Ещё сложнее обстоят дела, когда во взаимодействие вступают электронные агенты с обеих сторон. В связи с этим говорят о так называемом интернете вещей. Термином «интернет вещей» (Internet of Things) принято

[1] *Савельев А.И.* Указ. соч. С. 364.

[2] *Савельев А.И.* Указ. соч.

обозначать быстрорастущий и крайне разнородный класс промышленных и бытовых приборов, устройств и прочих приспособлений, которые объединяет друг с другом возможность их совместного функционирования и взаимодействия при помощи беспроводной связи (через Интернет или посредством телефонных линий; альтернативным вариантом также является использование технологий радиочастотной идентификации)[1].

Немало сделок заключается уже сейчас роботами-трейдерами на биржах. Между организациями, вовлеченными в единый технологический процесс, нередко существуют соглашения об электронном обмене данными, в рамках которого заказ на недостающие запчасти размещается и принимается в автоматическом режиме. Из более приближенного к потребителям примера можно привести технологии «умный дом», в частности холодильники, подключенные к сети Интернет, которые могут отслеживать наличие и состояние продуктов и в зависимости от этого размещать заказ в магазине. Устройства с искусственным интеллектом или его аналогами обладают определённой самообучаемостью – они могут модифицировать свои установки в зависимости от опыта взаимодействия с определённым объектом или субъектом, делать обобщения, создавать новые знания и т.п. (технологии когнитивных вычислений)[2]. Здесь стоит вспомнить знаменитый баттл Р.С. Бевзенко с ботом[3].

При этом в праве пока нет ответов на вопросы о пределах связанности «хозяина» такого устройства заключённым договором, в особенности при сбое в программе. Будет ли разработчик программы/устройства нести ответственность за ошибку в программе, если вследствие ошибки будет причинён какой-либо ущерб владельцу/пользователю? Трудно не согласиться с А.И Савельевым в том, что «вряд ли справедливо возлагать на лицо, использовавшее электронного агента, бремя исполнения договора, который был заключен в результате сбоя («бага») программы, о котором такое лицо не знало или не должно было знать. Но даже в отсутствие сбоев говорить о том, что в действиях когнитивного электронного агента выражена воля пользователя, в условиях, когда такой агент сам определяет оптимальную цену, выбирает контрагента, обрабатывая массив доступных в Интернете и релевантных для данной транзакции данных, можно уже лишь при условии введения фикций»[4]. Если ограничения ответственности по таким договорам не будет, вряд ли найдется много желающих обрекать себя на такие риски. В то же время необходим баланс интересов: если другая сторона

[1] Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / Отв. ред. *Д.С. Медовников.* М.: ВШЭ, 2017. С. 16–17.

[2] *Савельев А.И.* Указ. соч. С. 370.

[3] *Бевзенко Р.С.* Как я победил судебного робота-юриста // И почему это будет длиться недолго [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/21/kak_ya_pobedil_sudebnogo_robota-yurista__i_pochemu_eto_budet_dlitsya_nedolgo (Дата обращения 23.08.2018 г.)

[4] *Савельев А.И.* Указ. соч. С. 364.

добросовестно полагалась на волеизъявление, выраженное электронным агентом, она тоже не должна оставаться без защиты.

Отдельного рассмотрения требует вопрос формы сделок. Каким образом будет подтверждаться факт заключения договора конкретным потребителем? Как быть со взломом паролей/вирусами и прочими негативными экстерналиями цифровизации экономики? Широкое распространение подобного рода сделок потребует либерализации взглядов судов на доказательства, полученные из сети Интернет. В процессуальном законе, исходя из его буквы, как ни странно, более либеральные положения содержатся в Гражданском процессуальном кодексе РФ: ч. 1 ст. 71 данного кодекса констатирует, что письменные доказательства могут быть получены в том числе и с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и могут быть выполнены в цифровой форме. Что же касается Арбитражного процессуального кодекса, он почему-то гласит, что документы, полученные с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором. Если копии документов представлены в арбитражный суд в электронном виде, суд может потребовать представления оригиналов этих документов. Аналогичная норма введена ч. 1.1 ст. 70 Кодекса административного судопроизводства РФ.

Так, например, ещё Президиум ВАС РФ сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой распечатки страниц интернет-сайта не принимаются в качестве доказательства, если лицо, участвующее в деле, не обосновало допустимость их представления[1].

Существующий порядок обеспечения доказательств нотариусом малодоступен для потребителя:

- по причине дороговизны услуг нотариуса;

- ввиду юридической неграмотности потребитель может не успеть воспользоваться вовремя данной возможностью/просто не знать о ее существовании.

Таким образом, цифровизация экономики ставит перед законодателем насущную задачу: формулировка новелл, касающихся формы договора с потребителем, заключаемым через посредство сети Интернет или иных современных технологий.

Подводя итог, следует сказать, что, на наш взгляд, доля сделок, заключаемых в рамках дистанционного взаимодействия на потребительском рынке (да и в других отраслях экономики) будет, безусловно, возрастать, однако мы не склонны апологизировать данный процесс. Думается, по-прежнему

[1] Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2012 № 16311/11 по делу № А40-7557/11-152-86 // СПС «КонсультантПлюс».

останется немало сделок, заключаемых «по старинке», путем составления письменного документа и личного присутствия сторон. Этому будут способствовать следующие обстоятельства:

- далеко не все потребители способны, что называется, «идти в ногу со временем», и старшее поколение ещё долго будет «по старинке» пользоваться привычными способами приобретения товаров, работ, услуг;

- подогревают опасения имеющиеся случаи мошенничеств, в том числе с использованием платежных карт, что будет настораживать определённый круг потребителей, технически готовых к нововведениям;

- определённая ригидность законодателя в вопросах либерализации формы сделки: в отношении ряда сделок, думается, ещё долго сохранится обязательная письменная форма;

- ряд сделок, видимо, все равно большинству потребителей будет удобнее заключать, лишь лично ознакомившись с потребительскими свойствами товара либо лично пообщавшись с исполнителем услуг.

Библиографический список:

1. *Бевзенко Р.С.* Как я победил судебного робота-юриста // И почему это будет длиться недолго [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/21/kak_ya_pobedil_sudebnogo_robota-yurista__i_pochemu_eto_budet_dlitsya_nedolgo (Дата обращения 23.08.2018 г.).

2. *Кирпичев А.* Агрегаторы в цифровой экономике: поиск правовой модели для аналогии. Об одном деле окружного суда Средней Пенсильвании [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2018/1/18/agregatory_v_cifrovoj_ekonomike_poisk_pravovoj_modeli_dlya_analogii_ob_odnom_dele_okruzhnogo_suda_sr (Дата обращения 25.08.2018 г.).

3. *Савельев А.И.* Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: Сб. статей / Рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С.: 363–421.

4. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / Отв. ред. Д.С. Медовников. М.: ВШЭ, 2017. 121 с.

5. *Шершень Т.В.* Гражданско-правовые средства защиты прав и интересов потребителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 198–205.

6. *Шаблова Е.Г.* Право потребителя на получение информации об услугах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5. С. 20–24.

УДК: 344.77/78:002

РАЗВИТИЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.С. Савина,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры авторского права,
смежных прави частноправовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Российская государственная академия
интеллектуальной собственности»
117279, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а
E-mail: savin-viktoriya@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции развития права интеллектуальной собственности в современном информационном обществе. Развитие информационного общества предполагает совершенствование правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности. Совершенствование цифровых технологий и начавшаяся в 80-е гг. XX в. техническая революция создали возможность копирования в ущерб правообладателям и в то же время предоставили огромные возможности для эффективного управления авторскими правами. В качестве наиболее важных тенденций названы разработка стандартов для осуществления и защиты авторских прав в информационных и телекоммуникационных сетях, поддержание баланса частных и общественных интересов, а также унификация норм права. Роботизированное производство и появление искусственного интеллекта порождают новые вызовы для права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, информационное общество, искусственный интеллект, 3D-моделирование, открытые лицензии.

INTELLECTUAL PROPERTY LAW DEVELOPMENT IN THE INFORMATION SOCIETY

V.S. Savina,
Russian State Academy of Intellectual Property
55a, Mikluho-Maklaya, Russia, Moscow,117279
E-mail: savin-viktoriya@yandex.ru

Annotation: the main trends of the development of intellectual property rights in the modern information society are considered in the article. The development of the information society implies the improvement of legal regulation in the field of intellectual property. Improvement of digital technologies and the technical revolution, which is started in the 80-ies of the XX century, created the possibility of copying to the detriment of rightholders, and at the same time provided tremendous opportunities for effective copyright management. The most important trends are the development of standards for the implementation and protection of copyright in information and telecommunications networks, maintaining a balance of private and public interests, as well as the unification of the law. Robotic production and the emergence of artificial intelligence generate new challenges for intellectual property rights.

Keywords: intellectual property law, information society, artificial intelligence, 3D modeling, open licenses.

В настоящее время общественные отношения, касающиеся информационной сферы, являются импульсом, влияющим на развитие авторского законодательства не только в России, но и во всем мире. Однако следует отметить, что в настоящее время информационно-телекоммуникационная сеть Интернет представляет собой благоприятную среду не только для нарушения авторских, но и патентных, а также иных интеллектуальных прав. Развитие информационного общества предполагает совершенствование правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности, однако, к сожалению, так называемое интеллектуальное пиратство все еще является чрезвычайно распространенным явлением как в России, так и за рубежом.

Развитие цифровых технологий и начавшаяся в 80-е гг. XX в. техническая революция создали возможность копирования в ущерб правообладателям и в то же время предоставили огромные возможности для эффективного управления авторскими правами. Цифровые технологии предоставляют возможность не только быстрого создания копий, но также возможность выявлять и отслеживать использование произведений. Именно на этом этапе необходимость введения технических мер защиты стала очень актуальной. Таким образом, технические меры предотвращают несанкционированное копирование работ и защищают определенные типы информации на материальном носителе произведения, которая помогает отслеживать его использование и собирать роялти. Оба типа технических мер призваны обеспечить более эффективную охрану авторских прав.

Внедряя стандарты, разработанные Всемирной организацией интеллектуальной собственности, российский законодатель включил в нормы о защите авторских прав технические меры в части IV Гражданского ко-

декса Российской Федерации (статья 1299) (далее – ГК РФ). Техническими средствами защиты авторских прав признаются любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения.

Кроме того, в современном российском законодательстве нашли отражение нормы об ответственности интернет-провайдеров. В соответствии со ст. 1253.1 ГК РФ, интернет-провайдер – лицо, осуществляющее передачу материалов в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, или предоставляющее техническую возможность размещения материалов в сети либо предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети – информационный посредник – несет ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности через Интернет на общих основаниях ГК РФ в случае признания его виновным.

Что касается правового регулирования воспроизведения, то в соответствии с п. 2 ст. 1270 ГК РФ использование произведения в электронном виде, в том числе запись в память ЭВМ, не следует рассматривать как воспроизведение, когда такая запись является временной и составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование произведения либо осуществляемую информационным посредником между третьими лицами передачу произведения в информационно-телекоммуникационной сети, при условии, что такая запись не имеет самостоятельного экономического значения. Это правило означает расширение Гражданского кодекса список условий свободного использования (ограничений авторских прав).

Таким образом, некоторые нормы российского гражданского законодательства были разработаны специально для использования произведений в сети Интернет. Тем не менее правомочия, входящие в состав исключительного права в соответствии со ст. 1270 ГК РФ, в настоящее время не включают в себя право определять условия доступа к работе, и этот пробел, на наш взгляд, снижает эффективность правового регулирования в соответствующей сфере общественных отношений. В этой связи наш законодатель продолжит работу по совершенствованию регулирования интеллектуальных прав.

Необходимо также правовое регулирование создания и использования цифровых трехмерных (3D) объектов. Цифровая трехмерная модель, по существу, является виртуальной трехмерной копией любого объекта. Такие модели, по существу, являются новыми объектами прав интеллектуальной собственности. Кроме того, технологии 3D-печати и другие методы значительно упрощают нарушение исключительных прав. Это связано со скоростью распространения информации – они практически сводят к нулю

затраты на распространение и воспроизведение результатов интеллектуальной деятельности. Тем самым все основные институты прав интеллектуальной собственности подвергаются угрозе: это касается как авторского права, так и патентного права, а также средств индивидуализации (особенно товарных знаков).

Использование 3D-печати становится все более распространенным, 3D-принтеры теперь все более и более доступны, что означает возможность распространения интернет-моделей материальных объектов и копирования их любым человеком, у которого имеется соответствующее оборудование. Как отметил Антон Гурко в ряде своих работ, цифровое распространение 3D-моделей для печатных продуктов, включающих запатентованные решения, не может считаться нарушением прав интеллектуальной собственности на изобретение или промышленный дизайн, поскольку это не является практической реализацией данных объектов. В то же время не все 3D-модели могут быть защищены нормами авторского права, некоторые из них не имеют новизны и оригинальности, а представляют собой копии определенных предметов. Однако другие 3D-модели могут быть творческими и представлять собой независимые или производные работы.

В этой связи вопрос о том, какой правовой режим применим к 3D-моделям, в настоящее время очень важен. Представляется необходимым создание специального правового режима, сочетающего характеристики авторско-правовой и патентной охраны. Мы считаем, что необходимо принять специальное международное соглашение по 3D-моделям и разработать на его основе нормы отечественного законодательства.

Роботизированное производство и появление искусственного интеллекта порождают новые вызовы для права интеллектуальной собственности.

Создаваемые в результате функционирования таких интеллектуальных систем объекты – тексты, изображения, музыкальные произведения – в ряде случаев довольно трудно отличимы от произведений, созданных авторами-людьми. Сегодня технологии генерации таких объектов стали весьма развитыми. Вместе с тем создания чего-то принципиально нового, ранее неизвестного не происходит. Возможно, однако, что это только вопрос времени, и с развитием научно-технического прогресса это станет реальным.

Подлежат ли охране объекты, создаваемые с помощью искусственного интеллекта, и если да, то каким образом? Ведь автор в традиционном понимании отсутствует, и вряд ли машина способна на творчество, как правило, они только воспроизводят те категории и образы, которые были заложены в нее человеком (программистом). Обладает ли он какими-либо правами на создаваемые машиной объекты? Некоторые ученые полагают, что для этого есть основания, если считать искусственный интеллект техническим средством, с помощью которого автор творит, создает что-то новое. Или в случае, когда один автор создал алгоритм и принципы работы

искусственного интеллекта, а другой использовал их, и появился новый результат (например, программа для ЭВМ), кто должен быть признан автором этого нового объекта – создатель инструмента или его пользователь, или они должны рассматриваться как соавторы? Этот вопрос подлежит обсуждению.

Возможно, генерируемая искусственным интеллектом информация может быть защищена в качестве объекта смежных прав, если соответствует признакам охраноспособности (например, база данных для ЭВМ или составное произведение).

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается некоторое усиление роли государственных органов в контексте регулирования авторских прав.

Так, Федеральный закон от 02.07.2013 №187 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационных сетях» предусмотрел возможность применения судебных обеспечительных мер и привлечения информационного посредника не только к ответственности, но и к участию в деятельности по защите авторских прав при их осуществлении в сети Интернет. Принятие этого закона представляется весьма важным еще и в силу того, что им предпринимается попытка упорядочению обращения информации в Интернете, а также пресечь нарушения прав на охраняемые авторским правом объекты. Не случайно этот закон принято называть «антипиратским законом». Практически сразу же после принятия этого закона возник вопрос о расширении сферы его действия и включения в нее не только аудиовизуальных произведений, но и других объектов авторского права и смежных прав. С 1 мая 2015 года действие антипиратского закона распространено на все объекты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии.

Об усилении публичной составляющей также свидетельствует расширение видов ограничений и исключений в авторском праве. Перечень случаев свободного использования произведений науки, литературы и искусства, предусмотренных ст. 1273-1280 ГК РФ, постоянно расширяется. Данные ограничения имеют общественно полезную цель, направлены на обеспечение возможности доступа к информации, объектам культуры, образования с некоммерческой целью. Особенно актуально введение таких ограничений и исключений в области использования произведений библиотеками, архивами и образовательными организациями (ст. 1275 Гражданского кодекса РФ).

Распространение использования объектов авторского права и смежных прав в сети Интернет привело к пониманию необходимости унификации норм данного института. Кроме того, глобализация экономических отно-

шений, расширение взаимодействия между государствами – это еще одна причина, по которой одной из основных тенденций в развитии современного государства и права является унификация и гармонизация законодательства и устранение всех препятствий и ограничений в торговле.

Унификация права интеллектуальной собственности и, в частности, норм авторского права крайне важна и для достижения баланса частных и публичных интересов, поскольку способствует единообразию правового режима объектов и правового статуса субъектов права. На первый взгляд, частные интересы одинаковы независимо от местонахождения субъекта, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что условия их реализации существенно различаются в зависимости от правопорядка, что создает сложности в осуществлении и защите субъективных прав в трансграничном пространстве. Например, эти условия могут касаться ограничений, связанных с перемещением товаров и услуг, содержащих охраняемые законом результаты творческой деятельности и приравненные к ним объекты. В процессе унификации формируется единый подход к охране и защите интересов в сфере интеллектуальной собственности в различных правопорядках.

Кроме того, унификация позволяет выработать совместными усилиями оптимальную, сбалансированную в плане частных и публичных интересов модель законодательства об интеллектуальной собственности, которую достаточно просто воспроизводить в национальном законодательстве. Данную роль, например, призваны выполнять модельные акты Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Унификация права интеллектуальной собственности и достижение баланса частных и публичных интересов в праве интеллектуальной собственности также предполагают создание норм права, формирующих уважительное отношение к интеллектуальной собственности как неотъемлемого элемента общественного прогресса. Процесс формирования правосознания следует рассматривать как явление, неразрывно связанное с развитием информационного общества, предполагающее необходимость трансформации норм права интеллектуальной собственности для применения их в цифровой среде, в том числе норм авторского права.

В сфере интеллектуальной собственности уже многое сделано в этом направлении: выработан общий подход к определению понятия «интеллектуальная собственность»; произведения кодификация норм об интеллектуальной собственности; создана Всемирная организация интеллектуальной собственности; постоянно увеличивается число международных договоров в области интеллектуальной собственности. Неотъемлемой частью процесса унификации является трансформация национальных и международных норм об использовании результатов интеллектуальной деятельности, в том числе объектов авторского права, в сети Интернет.

В связи с вышеизложенным закономерно, что в целом ряде стран пришли к необходимости создания особого судебного органа, специализирующегося на спорах, связанных с защитой интеллектуальных прав. Патентный суд в Германии функционирует с 1961 года, в Великобритании патентный суд входит в состав канцлерского суда. В рамках унификации законодательства о патентных судах Европейская комиссия в феврале 2004 года выступила с предложением о создании Европейского патентного суда, который бы занимался разрешением споров в области интеллектуальной собственности. Разработчики российского закона о суде по интеллектуальным правам, прежде всего, ориентировались на германскую модель, поэтому Россия также не осталась в стороне от общего процесса унификации указанных норм.

Дальнейшим шагом в этом направлении представляется гармонизация, сближение законодательства различных стран в области интеллектуальной собственности, в частности, в сфере охраны авторского права и смежных прав, а также ратификация и имплементация в нормы национального законодательства как можно большего числа стран новых международных договоров, позволяющих расширить перечень ограничений авторских прав как правового средства обеспечения справедливого баланса частных, общественных и публичных интересов.

Так, Марракешский договор об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям от 27 июня 2013 г. отличается явно выраженным гуманитарным, социальным характером, его главная цель состоит в том, чтобы установить ряд имеющих обязательную силу ограничений и исключений в интересах слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию. Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям от 24 июня 2012 г. в отношении ограничений и исключений в статье 13 предусматривает так называемую «трехступенчатую» проверку, предусмотренную в статье 9 Бернской конвенции, расширяя сферу ее применения.

В перспективе весьма актуально принятие специальных договоров об ограничениях и исключениях для учреждений культуры, образования и науки; об интернет-вещании; о правовых режимах традиционных знаний, выражений культуры и генетических ресурсов; о правах театральных режиссеров; о трехмерных цифровых моделях.

Таким образом, развитие права интеллектуальной собственности в настоящее время в значительной степени принимает во внимание потребности унификации в цифровую эпоху, связанную с особенностями информационного общества.

Библиографический список:

1. *Гурко А.В.* Правовое регулирование цифровых трехмерных объектов // «Развитие системы интеллектуальной собственности в России». Тезисы докладов участников XX Международной научно-практической конференции Роспатента. М., 2016. С. 40–42.

2. *Гурко А.В.* Соотношение 3D-моделей и программ для ЭВМ // Ин-теллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 6. С. 33–42.

3. *Гурко А.В.* 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 5. С. 29–42.

УДК: 344.77/78:004.9

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫХ САМОРАЗВИВАЮЩИМИСЯ ПРОГРАММАМИ

В.Н. Синельникова,
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского
и предпринимательского права факультета права,
член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
E-mail: valents1@rambler.ru

Аннотация: в статье представлены результаты исследования правового режима объектов интеллектуальной собственности, созданных саморазвивающимися программами (искусственным интеллектом или роботами). Автор аргументирует вывод, согласно которому полученные искусственным интеллектом результаты следует признавать охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, на которые отсутствует право авторства; каждый такой объект должен иметь автоматически присваиваемый идентификационный номер, позволяющий, во-первых, определить, каким искусственным интеллектом он создан, во-вторых, установить разработчика саморазвивающейся программы, обладающего исключительным правом не только на эту программу, но и на объект, ею созданный.

Ключевые слова: саморазвивающиеся программы, искусственный интеллект, роботы, интеллектуальная собственность, объекты, результаты.

LEGAL REGIME OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY, CREATED BY SELF-DEVELOPING PROGRAMS

V.N. Sinelnikova,
National Research University «Higher School of Economics»,
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000
E-mail: valents1@rambler.ru

Annotation: results of a research of a legal regime of the intellectual property items created by spontaneous programs (artificial intelligence or robots) are presented in article. The author reasons a conclusion according to which it is necessary to recognize the results received by artificial intelligence as the protected intellectual property items on which there is no copyright; each such object has to have automatically assigned identification number allowing to determine, first, by what artificial intelligence he is created to establish, secondly, the developer of the spontaneous program having the exclusive right not only to this program, but also to the object created by it.

Keywords: spontaneous programs, artificial intelligence, robots, intellectual property, objects, results.

Правовая система любого цивилизованного государства меняется под воздействием трех основных факторов:

а) политической власти,

б) вида общественно-экономических отношений,

в) достигнутого уровня научного технического прогресса.

С учетом темы данной статьи основное внимание обратим на те причины модернизации законодательства в сфере интеллектуальной собственности, которые обусловлены достигнутым уровнем научного технического прогресса и частично видом общественно-экономических отношений, поскольку именно коммерциализация многих прав на результаты интеллектуальной деятельности является той движущей силой, которая предопределяет ввод указанных объектов в гражданский оборот и их активное использование.

Эффективность данного анализа состоит в том, что, установив вызовы общества к юридической науке и законодателю, можно точнее определить актуальные направления совершенствования отечественной правовой системы и разработать дорожную карту ее модернизации в части, касающейся результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами.

Итак, настоящий период развития цивилизации характеризуется тем, что ведущие страны мира перешли к новому этапу формирования инновационного общества – построения экономики, базирующейся преимущественно на генерации и повсеместном использовании саморазвивающихся программ (искусственного интеллекта, роботов), которые позволяют резко сократить непосредственное участие человека в материальном производстве и многократно увеличить интеллектуальные составляющие в товарах гражданского оборота, обеспечивая тем самым глобальную конкурентоспособность и научно-технологический приоритет конкретной государственной системы.

Именно этими факторами объясняется стратегическая цель государственной политики России – оказывать максимальную поддержку и экономически стимулировать интеллектуальное творчество и коммерциализацию прав на полученные результаты. В качестве примера можно вспомнить государственную программу Российской Федерации «Развитие науки и технологий на 2013 - 2020 годы», согласно которой целевые ориентиры научно-технической и инновационной сферы на среднесрочный период направлены прежде всего на создание эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации[1].

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации построена с учетом того, что первенство в исследованиях и разработках, высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности[2].

Эти ориентиры развития общества дополняет государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», которая регламентирует порядок и условия предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию комплексных инвестиционных проектов по развитию инновационных территориальных кластеров[3].

Перечень важнейших государственных документов, убедительно подтверждающих, что государственная политика заточена на формирование эффективной системы поддержки создания и внедрения в производство результатов интеллектуальной деятельности отечественных разработчиков, в том числе посредством развития инжиниринга и промышленного дизайна[4], можно продолжить, однако думаю, приведенных основополагающих актов достаточно, чтобы согласиться с мнением председателя Суда по интеллектуальным правам доктора юридических наук Л.А. Новоселовой, которая еще в 2013 г. писала: «…экономические показатели страны в большей степени стали зависеть не от сферы материального производства, а от производства нематериальных благ, которые в большинстве случаев носят информационный характер»[5].

[1] Утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 301, с изм. от 29.03.2018 // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть I) ст. 2150.

[2] Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // www.pravo.gov.ru/

[3] Утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316, с изм. от 31.03.2018 // www.pravo.gov.ru

[4] Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 с изм. и доп. от 30.03.2018 // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть IV) ст. 2173.

[5] *Новоселова Л.А.* Задачи Суда по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2013. № 1 (октябрь). С. 11.

Указанные обстоятельства стали одной из причин сформировавшегося в настоящее время принципа приоритетной охраны прав на инновационные нематериальные объекты перед всеми иными правами как имущественного, так и неимущественного характера.

Важно отметить, что государственная политика определяет стратегическую цель – создание максимально благоприятных условий для разработки и эффективного использования результатов интеллектуальной деятельности отечественных специалистов. Однако государственная политика не разрабатывает юридические механизмы решения правовых задач, обеспечивающих целостность и единство научно-технологического развития России. Эти вопросы относятся к компетенции юридической науки, которая изучает, анализирует, объясняет имеющиеся гражданско-правовые явления, а также прогнозирует их развитие, формулируя совокупность знаний (теоретическую платформу) и наконец, предлагает законодателю концептуальные выводы и рекомендации о способах решения имеющихся вызовов. Применительно к теме настоящего исследования, общество ждет доктрину правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами с тем, чтобы основные ее постулаты имплементировать в действующую юридическую систему.

Также уместно отметить, что до последнего времени право интеллектуальной собственности развивалось в направлении коррекции перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. В частности, диспозиция ст. 1259 ГК РФ, посвященная традиционным объектам авторского права – произведения науки, литературы, искусства, несмотря на, казалось бы, оптимальную редакцию, содержащую открытый перечень, за период своего действия претерпела изменения, которые обусловлены исключением геологических карт и произведений, относящихся к топографии, из списка результатов интеллектуальной деятельности.

С моей точки зрения, эти новации обусловлены не только имущественными правами организаций, финансирующих деятельность по созданию указанных карт и произведений топографии, но и использованием инновационных технологий, в том числе саморазвивающихся программ, которые свели к минимуму творческую составляющую труда специалистов.

Данный факт следует признать определяющим, поскольку в нем просматривается тенденция постоянно меняющегося перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и прав на них, так как динамичные саморазвивающиеся программы выполняют задание человека «творчески», то есть совершают такие операции, которые отсутствуют в матрице возможных действий, предусмотренных разработчиками. Можно сказать, что предлагаемые такими программами решения являются результатом имитационного моделирования, сравнимые с рефлексией, посредством которой человек саморазвивается, формирует новые способности

совершенствовать окружающий мир, поднимаясь тем самым на более высокий уровень сначала личной, а затем и общественной культуры.

Вместе с тем многие оригинальные объекты интеллектуальной собственности, созданные посредством искусственного интеллекта, используются, как правило, уже с момента их создания в режиме ноу-хау, то есть еще до получения официального признания! Именно поэтому необходимо дать ответ на вызов общества отечественной цивилистике: кому принадлежат интеллектуальные права на «выданное» программой решение – роботу или специалисту, его создавшему? Судя по имеющимся в настоящее время публикациям, вопрос весьма дискуссионный и единого ответа на него пока не сформулировано[1]. Не пересказывая уже известные точки зрения подробно, попытаюсь изложить их в виде обобщающих тезисов:

1) наиболее сложные саморазвивающиеся (самообучающиеся) программы (роботы) необходимо наделить статусом электронных лиц (киберсубъект), которые несут ответственность за свои действия и могут принимать независимые решения либо иным образом взаимодействовать с третьими лицами, однако при этом киберсубъекты не обладают статусом физических лиц, им не гарантируется конституционная неприкосновенность.

Ответственность за действия искусственного интеллекта с более низким уровнем функциональных возможностей (автономности действий и принятия решений) возлагается на разработчиков таких программ.

Анализ такой позиции, по моему мнению, позволяет сделать вывод о ее слабых местах. Дело в том, что она нуждается в критериях, посредством которых будет определен «более низкий уровень функциональных возможностей».

2) Если разработанная человеком программа создает новые программы, то права на новые программы будут принадлежать разработчику первоначальной (материнской) программы либо его правопреемнику, независимо от уровня функциональных возможностей «материнской» программы.

Аргументация данной точки зрения сводится к тому, что разработчик снабдил разработанную им материнскую программу такой совокупностью данных, которые будут выборочно использоваться в последующей работе этой программы в зависимости от поставленной цели для формирования нового результата. Иными словами, за каждым таким результатом обязательно стоит человек – разработчик (группа людей), которому и будет принадлежать право авторства на полученный результат.

Признавая важность и значимость предлагаемых цивилистической доктриной подходов к установлению правового режима результатов интеллек-

[1] *Морхат П.М.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 113 с.; *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109; *Синельникова В.Н., Ревинский О.В.* Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27 и др.

туальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами, и определения совокупности прав на них, полагаю уместным дополнить их следующими тезисами.

Прежде всего, говоря о праве авторства на такие результаты, необходимо определить категорию лиц, которых можно признать авторами. С точки зрения ныне действующего законодательства, а именно ст. 1228 ГК РФ – автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Применительно к теме нашего исследования этот тезис явно не «работает», поскольку объект создан роботом, который не обладает статусом гражданина в традиционном понимании этого термина.

Наделение искусственного интеллекта, как предлагают некоторые цивилисты, статусом киберсубъекта, ранее неизвестного отечественной юридической системе, принесет, на мой взгляд, больше вреда, чем пользы. Конечно, в гражданском обороте участвуют субъекты, которые представляют собой правовые фикции, например, юридические лица. Однако деятельность таких субъектов осуществляется посредством действий физических лиц, которые и несут ответственность за принятые ими решения и полученные результаты.

Иное дело роботы, способные в процессе своего функционирования создавать без участия разработчиков объекты интеллектуальной собственности, а затем применять их для достижения целей, поставленных человеком. В таких ситуациях деятельность искусственного интеллекта автономна по отношению к труду создателей программы. Поэтому отсутствуют юридические основания признавать авторов саморазвивающейся программы авторами результатов, полученных данным роботом без их участия.

Кроме того, наделять искусственный интеллект статусом субъектов права даже с приставкой «кибер» на сегодняшнем уровне научно-технического развития, по моему мнению, преждевременно еще и потому, что имеющиеся искусственные интеллекты не способны самостоятельно участвовать в гражданском обороте. Правильность данного утверждения можно аргументировать многими сложными теориями, однако, не углубляясь в IT-технологии, приведу элементарный факт, который признают практически все специалисты: мозг человека осуществляет три основные функции: распознавание, мышление и вычисление, среди которых самой простой является функция распознавания образа. Именно поэтому ребёнок, который ещё не умеет ни ходить, ни говорить, легко узнает близких ему людей.

В то же время современнейшая IT-программа различает лица на самом примитивном уровне, поэтому для идентификации субъекта использует дополнительную информацию (сетчатка глаза, папиллярные узоры на пальцах и другие признаки индивидуализации)[1].

[1] Более подробно см.: Теория создания самоорганизующихся IT-Систем на примере Smart-MES // www.inform-system.ru/t26.html.

Также следует учесть, что один и тот же объект, созданный роботом, может использоваться как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности, или входить в состав другого объекта, функционально с ним объединяясь. Иными словами, достигнутый уровень научно-технического прогресса позволяет констатировать — в гражданском обороте присутствуют универсальные результаты интеллектуальной деятельности, которые используются для достижения различных целей. Вне всякого сомнения, такие объекты должны иметь обособленный правовой режим, который, кстати говоря, формируется законодателем под воздействием двух основных, на первый взгляд, явно противоречащих друг другу факторов:

а) экономического, поскольку любой результат интеллектуальной деятельности ценится обществом, если способен приносить материальную выгоду;

б) социального, так как должен удовлетворять интересы определенных слоев населения.

Эти факторы, объединяясь, создают вызовы общества к юриспруденции и побуждают законодателя модернизировать правовую систему в направлении приспособления ее эффективному экономическому и социальному использованию инноваций, посредством установления для них специальных унифицированных правовых режимов.

С учетом изложенного, по моему мнению, полученные искусственным интеллектом результаты следует признавать охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, на которые отсутствует право авторства. Кстати, такие результаты интеллектуальной деятельности известны отечественной правовой системе, в качестве примера можно назвать гимны, законы и др.

К сказанному следует добавить, что вносимое предложение предполагает выделение таких объектов в гражданском обороте, так как исключительные права на них обладают большой коммерческой ценностью, предоставляя правообладателям максимальные преимущества в конкурентной борьбе. Поэтому каждый результат интеллектуальной деятельности, созданный роботом, должен иметь автоматически присваиваемый идентификационный номер, который позволит, во-первых, определить, каким искусственным интеллектом он создан, во-вторых, установить разработчика саморазвивающейся программы, обладающего исключительным правом не только на эту программу, но и на объект, ею созданный.

Предлагаемый подход решения вопроса о правовом режиме результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами, на мой взгляд, имеет ряд преимуществ в сравнении с ныне действующим правом авторства. Дело в том, что в последние годы наблюдается тенденция – многие объекты, широко используемые в гражданском обороте, создаются коллективами, в которых каждый член выполняет хотя

и различные, но взаимосвязанные функции. Поэтому определить наличие творческой составляющей отдельного члена в полученном коллективом результате весьма проблематично[1].

Если учесть, что факт авторства не является определяющим в использовании такого результата, то становится понятной причина индифферентности лиц, участвующих в создании коллективного результата, к своему статусу соавтора. Чаще всего вопрос о праве авторства решается по письменной договоренности, которая достигается с учетом интересов всех лиц, использующих результаты интеллектуальной деятельности в коммерческих целях. Таким образом, исключительное право является, по сути, единственным юридическим основанием введения соответствующего объекта в гражданский оборот. Следовательно, именно этому праву законодатель должен уделить особое внимание, четко определив круг субъектов, которым оно будет принадлежать.

Таким образом, следует признать, что право авторства утратило свою актуальность для многих субъектов, работающих в составе коллектива. Первостепенное значение приобретает финансовый эффект от полученного результата, который формируется на основе установленного для объекта правового режима. Практика свидетельствует – наиболее востребованы унифицированные режимы юридического регулирования, позволяющие перейти от отдельных правомочий каждого субъекта к системе единого исключительного права, которое учитывает интересы всех правообладателей и без особых формальностей предоставляет широкие возможности коммерциализации прав.

Итоговый вывод

Полученные искусственным интеллектом результаты следует признавать охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, на которые отсутствует право авторства; каждый такой объект должен иметь автоматически присваиваемый идентификационный номер, позволяющий, во-первых, определить каким искусственным интеллектом он создан, во-вторых, установить разработчика саморазвивающейся программы, обладающего исключительным правом не только на эту программу, но и на объект, ею созданный.

[1] На данный факт обращают внимание и другие авторы, см., напр.: Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: Учебник / Под общ. ред. д. ю. н., проф. *Л.А. Новоселовой*. М.: Статут, 2017. С. 126.

Библиографический список:

1. *Морхат П.М.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 113 с.

2. *Новоселова Л.А.* Задачи Суда по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2013. № 1 (октябрь). С. 11.

3. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

4. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. С. 126.

5. *Синельникова В.Н., Ревинский О.В.* Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.

УДК: 347.44((470+571)+4)

СИСТЕМА НОВЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ОСНОВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)

О.В. Сушкова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции» (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
E-mail: ovsushkova@mail.ru

Аннотация: выработка системы новых договорных конструкций в сфере инновационной и предпринимательской деятельности, использующей сравнительный анализ достижений и проблем правового регулирования в сфере науки России и зарубежных стран, будет способствовать выработке оптимальной правовой модели участия Российской Федерации в процессах международного научно-технического сотрудничества, международной интеграции в области исследований и разработок, в том числе и в цифровой среде. Научная новизна настоящей статьи определяется разработкой ряда моделей в осмыслении инновационной и предпринимательской деятельности в сфере государственно-частного партнерства и подготовкой на их основе серии новых договорных конструкций. Последние слабо представлены в имеющейся практике осмысления этой сферы экономической деятельности. Кроме того, они позволят с наименьшими затратами для участников международного предпринимательского оборота вступать в совместную деятельность, без образования юридического лица по предмету инновационной деятельности.

Ключевые слова: договор, обязательство, сделка, инновация, инновационная деятельность, результат интеллектуальной деятельности, предпринимательская деятельность, антимонопольное регулирование, банкротство, недействительная сделка, иностранное право.

THE SYSTEM OF NEW A COMPARISON OF CONTRACTUAL STRUCTURES AS AN INSTRUMENT FOR REGULATING THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RESULTS OF INTELLECTUAL AND INNOVATION ACTIVITIES RELATED TO TURNOVER (ON THE BASIS OF THE LAWS OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION)

O.V. Sushkova,
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
2, Azovskay st., Moscow, Russia, 117638
E-mail: ovsushkova@mail.ru

Annotation: the development of a system of new contractual structures in the field of innovative and entrepreneurial activities using a comparative analysis of achievements and problems of legal regulation in the field of science in Russia and foreign countries will contribute to the development of an optimal legal model for the participation of the Russian Federation in the processes of international scientific and technical cooperation, and developments, including in the digital environment. The scientific novelty of the present is determined by the development of a number of models in the comprehension of innovative and entrepreneurial activities in the field of public-private partnership and the preparation on their basis of a series of new contractual designs. The latter are poorly represented in the existing practice of comprehending this sphere of economic activity. In addition, they will allow to enter into joint activity with the least expenses for participants of international business turnover, without forming a legal entity on the subject of innovation activity.

Keywords: contract, obligation, transaction, innovation, innovative activity, result of intellectual activity, entrepreneurial activity, antimonopoly regulation, bankruptcy, invalid transaction, foreign law

---

В настоящее время, в связи со вступлением России в ВТО, происходит глобальное реформирование гражданского законодательства в области права интеллектуальной собственности. Основной мировой тенденцией формирования устойчивого экономического роста в современном информационном обществе является переход от сырьевой и индустриальной экономики к так называемой «инновационной экономике», базирующейся на интеллектуальных ресурсах, наукоемких и информационных технологиях, эффективном использовании и качественном совершенствовании всех факторов производства. Устойчивая тенденция повышения роли образования, знаний и инноваций выступает характерной чертой опережа-

ющего развития ряда стран. Фундаментом становления инновационного пути развития общества является интеллектуальная деятельность, которая возникает вместе с человеком и сопровождает всю историю развития человеческого общества, обеспечивая его технический и социально-экономический прогресс.

Вопросы взаимодействия права и инноваций, права интеллектуальной собственности, ее оборотоспособности, в особенности в сфере предпринимательской деятельности, не исследовались системно. Кроме того, системность договоров, реализующих инновации и результаты интеллектуальной деятельности в условиях конкуренции внешнего и внутреннего рынка также не нашли отражения в современной, как российской, так и зарубежной доктрине. При рассмотрении данного предмета исследования часто использовались положения только административного или налогового законодательства, что затрудняло анализ этой проблематики в межотраслевом ключе[1].

Целью настоящей статьи является получение новых знаний о средствах и способах защиты объектов интеллектуальной собственности и инноваций в предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики, построение на их основе новой системы договорных конструкций в указанной сфере и выработка комплекса практических предложений-рекомендаций для представления в заинтересованные организации. Поэтому в настоящее время на основании существующих мнений есть необходимость в определении ключевых трансформаций в современном социуме, формирующейся цифровой экономике, приведших к системным изменениям в положении интеллектуальной собственности, инноваций и выявлению направлений назревших изменений в государственной научно-технической политике. Однако разрешение этих вопросов не должно носить ограничительный характер, а способствовать их развитию, для чего автором статьи дается анализ теорий возникновения и реализации договоров, имеющихся в современной зарубежной практике защиты объектов интеллектуальной собственности и инноваций в предпринимательской деятельности – с целью обобщения позитивного опыта и его трансформации в отечественное законодательство, а также определение основных проблем установления правоотношений между сторонами договора, с целью распределения рисков между ними (принцип волеизъявления и свободы договора), возникших в современной отечественной и зарубежной практике защиты объектов интеллектуальной собственности и инноваций в предпринимательской деятельности.

[1] *Волынкина М.В.* Правовое регулирование инновационной деятельности: Проблемы теории. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 62; *Cornish W. Cornish W.* Expansion von Schutzrechten / Hogagen G. Geistiges Eigentum im Dienst der Innovation: Bericht uber das Eroffnungssymposium des Max-Planck-Institutes fur auslandisches und internationals Patent-, Urheber- und Wettbewerbsrecht, Munchen (12. und 13. Oktober 1999) // GRUR Int. 2000. Helt. 3. S. 247.

Вместе с тем в современной правоприменительной практике все больше внимания уделяется не только механизмам реализации объектов интеллектуальной собственности и инноватики в цифровой среде, но и перечня направлений экономической деятельности, в которых используются объекты интеллектуальной собственности и инноваций, не обеспеченных еще законодательной поддержкой – в России и странах ЕС – с целью активизации юридической помощи.

Кроме того, в свете имеющихся законопроектов[1] происходит концептуализация нового формирующегося предмета правового регулирования: общественных отношений с участием субъектов научной и относящихся к ней исследовательской, экспертной и просветительской деятельности, выявление специфики методов воздействия на них и условий эффективности, инвестирования в условиях развивающейся цифровизации общества. В ином случае реализация проектируемых норм создает риски возникновения правовых коллизий и неопределенности при их применении, что неизбежно снизит конкурентоспособность российской юрисдикции для субъектов цифровой экономики.

Поскольку предмет данного исследования и построение системы договорных конструкций являются взаимосвязанными правовыми категориями, то надо отметить, что системы договоров рассматриваются в гражданско-правовой доктрине достаточно давно[2].

Договорные отношения по использованию как патентоспособных объектов (например, изобретений), так и непатентоспособных (инноваций, технических инноваций) являются общественными отношениями, т.е. отношениями между людьми по поводу создания, отчуждения и использования изобретений как результата творческой деятельности. Так, германская патентная система не распространяется на инновационный сервис и услуги. Сегодня это одна из наиболее горячо обсуждаемых проблем: почему патентование не должно распространяться на коммерческие методы и сервис через патентование программного обеспечения, которое поддерживает такие же методы и сервис.

Об интенсификации исследований в данной области свидетельствует и то, как изменились ужесточения норм ГК РФ в части реализации прав участников предпринимательских отношений – по поводу заключения, изменения и исполнения условий договора в инновационной деятельности. В этой связи целесообразным было бы рассмотреть вопрос о конкретизации норм, устанавливающих объекты интеллектуальной собственности

---

[1] Законопроект № 419059-7 и № 419090-7 // http://government.ru (дата доступа 30.09.2018)

[2] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1917. С. 35.; *Покровский И.А.* История римского права. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1918. С. 291 и сл., *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. Кн. 1. 3-е изд. стер. М.: Статут, 2001. 475 с.

(поименованные в ст. 1225 ГК РФ и отсутствующие в ней), в части определения их правового содержания и урегулирования механизма использования договорных инструментов.

В настоящее время нормы гражданского законодательства и доктрины не предлагают какие-либо классификации сделок, совершаемых субъектами гражданского оборота в сети Интернет, поэтому в сложившейся ситуации имеется необходимость в их законодательном регулировании. Возмездные электронные сделки могут предполагать получение встречного предоставления путем передачи денежной суммы, вещи, перевода титульных денежных знаков.

Концептуальный взгляд на построение теорий договорного права в Германии воспринимается как диалектическое сочетание объективного и субъективного. Немецкая доктрина уже достаточно давно рассматривает юридический акт как выражение индивидуальной свободы (Privatautonomie). Этот принцип представляет возможность субъекту изменять свою правовую среду посредством волеизъявления. Это выражается в возможности совершения различных действий (Handlungswille), в частности таких, которые могут привести к любым (Erklärungswille) или конкретным юридическим последствиям (Geschäftswille). Поэтому в немецком праве субъективная теория договора является наиболее выраженной. В связи с чем можно утверждать, что провозглашение декларации волеизъявления (принцип автономии воли) для реализации юридического акта является самым важным условием[1]. Немецкие юристы рассматривают концепцию договора с субъективной и объективной позиций, поскольку полагают и ее практическое применение. Поэтому в немецком праве активно поддерживается диалектическая концепция договора, основанная на декларации воли и свободы действий.

Во Франции и Великобритании договор, как правовой институт, воспринимается судами более объективно и в некоторых случаях субъективно (Великобритания), во Франции – более субъективно и в некоторых случаях объективно. В английском договорном праве категория «ошибки» имеет некоторые особенности. Первая особенность заключается в различиях, существующих между объективным пониманием сторонами договора своих прав и обязанностей и субъективными намерениями, что указывает на так называемую «ошибку в допущении»[2]. Вторая ошибка, как правило, проявляется только в некоторых случаях в договоре, известных как «non est factum»[3]. Non est factum можно рассматривать как категорию в английском договорном праве, которую нельзя классифицировать как «ошибка». Од-

[1] O. von Gierke Die soziale Aufgabe des Privatrechts, 1889. P. 28.; B. Windscheld Wille und Willenserklärung // AcP (Archiv für die civilistische Praxis). № 63. 1880. P. 77

[2] *Smith S.A.* Contract Theory. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 368

[3] *Zimmermann R.* The Law of Obligations – Roman Foundations of the Civil Law Tradition. Netherlands: Kluwer, Deventer, 1992. P. 592.

нако утверждать, что non est factum однозначно является правовой категорией, нельзя, поскольку четкого разграничения с «ошибкой» в английском праве нет. Однако non est factum во французском и немецком праве зачастую толкуется именно как ошибка. В связи с чем для концепции английского договорного права важно, чтобы фактические намерения находили отражение в тексте договора, поскольку в этом случае суд сможет их квалифицировать как условия договора и, следовательно, применить к стороне, не выполнившей свои обязательства, четкие меры ответственные, закрепленные в договоре. Поэтому классифицировать «фактические намерения» как «ошибка в предположении» нельзя с точки зрения существующей концепции английского договорного права[1].

Несмотря на все вышесказанное, еще одним существенным аспектом для судов являлась так называемая «доктрина на справедливую ошибку». Эта доктрина исходила из общего принципа справедливости в договорном праве, который нашел свое отражение еще в конце XIX века в Великобритании, и суть ее заключалась в следующем, что «…нельзя использовать ошибку другого человека (стороны договора) в своих интересах, в том числе и в Суде Справедливости, в случае возникновения спора»[2].

Несколько условий, касающихся договорной ошибки, урегулированы в Гражданском кодексе Франции. Необходимо отметить, что случаи res sua и res extincta во французском праве считаются ошибками, связанными не с соглашением, а, соответственно, подпадающими под ст. 1131 ГК Франции. Поэтому договор должен соответствовать положениям ст.1108 ГК Франции[3]. Поэтому стоит подчеркнуть, что наличие в договоре оснований заблуждения, указанных в ст.1110 ГК Франции, как и других «ошибок препятствий», в ряде случаев квалифицируют как ошибки нейтрального характера (nullite absolue), которые в соответствующей сделке можно «исцелить».

Соответственно, заблуждение в совершении сделки, как основание ее недействительности, включает в себя erreurs sur la qualite materialielle и указывает на то, что в случае выявления оснований, указанных в ст.1109 и 1110 ГК Франции, являются равнозначными основаниями для признания сделки недействительной[4].

---

[1] *Williston.* Mutual Assent in the Formation of Contract // ILR (Illinois Law Review).- № 14. 1919. P. 85.; *Chitty J.* Chitty on Contracts, 28th ed., London, Sweet & Maxwell. 1999. Pp. 2–148; *Treitel G.H.* An Outline of the Law of Contract, 4th ed., Butterworths, London. 1989. P. 251; *Blackburn J.* in Smith v Hughes // Similarly in Cass. Civ. Com., 1969, Jan. 14 D.S.Jur 1070. supra note 16, P. 607.

[2] *Goff R., Jones G.* The Law of Restitution, 5th ed., Sweet & Maxwell, London 1998, Pp. 288–289.

[3] *Benabent A.* Droit civil: les obligations, 5th ed., Montchrestien, Paris, 1995 at §76, P. 49.

[4] *Planiol M., Ripert G., Esmein P.* Traite pratique de droit civil français, vol. VI, 2nd ed., Paris 1952 at §176, P. 207.)

Концептуальный результат уже первого десятилетия нового века – это кристаллизация идей сходства и принципиальных различий антимонопольных инструментов при регулировании высоко- и низко-технологичных отраслей, акцентирование внимания на противоречиях регулирования интеллектуальной собственности[1].

Данные вопросы давно и успешно разрабатываются в рамках межотраслевых научных центров и программ Стэнфорда, Гарварда, Йельского и Чикагского университетов, известных своими пионерскими разработками в области права и экономики[2].

Концептуальные вопросы трансформации антимонопольного права в условиях цифровой экономики – это сегмент, привлекающий исследователей, представляющих различные правовые системы и семьи[3].

Таким образом, автором на основе проведенного исследования сделаны концептуальные выводы:

Необходимо доработать существующие договорные модели, урегулированные в ГК РФ, в частности, лицензионный договор и договор об отчуждении исключительного права, с целью разработки проекта сделки, заключаемой и исполняемой онлайн; проекта сделки, заключаемой онлайн, но исполняемой офлайн; проекта сделки, заключаемой офлайн, но исполняемой онлайн; проекта субсублицензионного договора; договора франчайзинга (предоставлении разработанной системы предпринимательской деятельности на основе переданного товарного знака).

Разработать модели совершенствования правового регулирования рыночных отношений, основанных на балансе правовой защиты инноваций, являющихся объектами интеллектуальной собственности в целях недопущения монополистической деятельности в России и странах ЕС, в том числе и в условиях нерегулируемой цифровой Интернет-среды.

Определить основные налоговые регуляторы, влияющие на внедрение инноваций в предпринимательскую деятельность, выявление проблем их неэффективности в России и странах ЕС, определение вариантов их эффективного замещения новыми регуляторами.

---

[1] *Pitofsky R.* Antitrust and the Intellectual Propriety: Unresolved Issues at the Heart of the New Economy.https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1312&context=facpub (дата доступа 30.09.2018)

[2] https://law.stanford.edu/stanford-program-in-law-science-technology/#slsnav-programs-and-centers (дата доступа 30.09.2018)

[3] Digital Taxes Around The World: What To Know About New Tax Rules Katie in Taxes | June 13, 2016 https://quaderno.io/blog/digital-taxes-around-world-know-new-tax-rules/ (дата доступа 30.09.2018)

Библиографический список:

1. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. Кн. 1. 3-е изд. стер. М.: Статут, 2001. 475 с.

2. *Волынкина М.В.* Правовое регулирование инновационной деятельности: Проблемы теории. М.: Аспект Пресс, 2007. 192 с.

3. *Покровский И.А.* История римского права. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1918. 448 с.

4. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1917. 234 с.

5. *Benabent A.* Droit civil: les obligations, 5th ed., Montchrestien, Paris, 1995 at §76, P. 49.

6. *Blackburn J.* in Smith v Hughes // Similarly in Cass. Civ. Com., 1969, Jan. 14 D.S. Jur 1070. supra note 16, P. 607.

7. *Chitty J.* Chitty on Contracts, 28th ed., London, Sweet & Maxwell. 1999. Pp. 2–148.

8. *Cornish W.* Cornish W. Expansion von Schutzrechten / Hogagen G. Geistiges Eigentum im Dienst der Innovation: Bericht uber das Eroffnungssymposium des Max-Planck-Institutes fur auslandisches und internationals Patent-, Urheber- und Wettbewerbsrecht, Munchen (12. und 13. Oktober 1999) // GRUR Int. 2000. Helt. 3. S. 247.

9. *Goff R., Jones G.* The Law of Restitution, 5th ed., Sweet & Maxwell, London 1998, Pp. 288–289.

10. *Pitofsky R.* Antitrust and the Intellectual Propriety: Unresolved Issues at the Heart of the New Economy.https://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1312&context=facpub (дата доступа 30.09.2018).

11. *Planiol M., Ripert G., Esmein P.* Traite pratique de droit civil français, vol. VI, 2nd ed., Paris 1952 at §176, P. 207.)

12. Smith S.A. Contract Theory. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 368

13. *Treitel G.H.* An Outline of the Law of Contract, 4th ed., Butterworths, London. 1989. P. 251.

14. *Williston.* Mutual Assent in the Formation of Contract // ILR (Illinois Law Review). № 14. 1919. P. 85.

15. *Zimmermann R.* The Law of Obligations – Roman Foundations of the Civil Law Tradition. Netherlands: Kluwer, Deventer, 1992. P. 592.

УДК: 347.961:004

СОВРЕМЕННЫЙ НОТАРИАТ = ЭЛЕКТРОННЫЙ НОТАРИАТ? (ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Е.А. Тарасова,
нотариус Пермского городского нотариального округа,
старший преподаватель кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: not.tarasova@mail.ru

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов по внедрению цифровых технологий в нотариальную деятельность, освещению достижений в этой области в последние годы. В статье акцент сделан на необходимости поступательного развития активной модели современного нотариата, необходимости введения новых форм и технологий в нотариальную деятельность с целью гарантированной всесторонней помощи участникам гражданских правоотношений.

Ключевые слова: нотариат, электронная форма, единая информационная система нотариата.

THE MODERN NOTARIAT = ELECTRONIC NOTARIES? (NOTARY DIGITIZATION ACTIVITIES)

E.A. Tarasova,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: not.tarasova@mail.ru

Annotation: this article is devoted to the consideration of some issues on the introduction of digital technologies in notarial activities, coverage of achievements in this area in recent years. The article focuses on the need for progressive development of the active model of the modern notary, the need for the introduction of new forms and technologies in notarial activities in order to ensure comprehensive assistance to participants in civil relations.

Key words: notary, electronic form, unified information system of notary.
E-mail address of the author: not.tarasova@mail.ru

«Перед нотариусом открыты два пути: ожидать дел или их искать».
(Оноре де Бальзак «Нотариус»)

Образ нотариуса в виде солидного мужчины в нарукавниках с пером и пергаментом на фоне свитков, каким его изобразил Квентин Массис, ушел далеко в прошлое. В современном обществе архаичные методы работы нотариуса уже не могли бы поспевать за набравшим скорость и стремящимся вперед гражданским оборотом. Нотариус должен быть не «тормозом» в достижении поставленных целей его участниками, а их «проводником», «двигателем» прогрессивного развития правового общества. Перед нотариусом ставится задача по оказанию всесторонней, комплексной помощи участникам сделок и других нотариальных действий, выполнение которой невозможно без наделения его полномочиями по активному истребованию, получению и комплексной проверке всех необходимых обстоятельств с тем, чтобы освободить граждан и представителей юридических лиц от необходимости обращения в различные инстанции за получением справок и документов и «хождения по мукам».

Нотариусы, пожалуй, одни из последних в правовой системе России добрались до внедрения информационных технологий. Это не случайно, поскольку большинство нотариальных действий требуют изучения подлинников на бумаге.

Однако повсеместное применение средств коммуникации, информационных систем и сетей не могло не повлиять и на развитие нотариата. Цифровизация нотариальной деятельности являлась давно назревшей потребностью, поскольку несовременные способы организации нотариальной деятельности, использование непроверенной, а порой неактуальной информации ставят по сомнения документы, которые исходят из-под пера нотариуса, тем самым не обеспечивают защиту прав и законных интересов лиц, обращающихся за совершением нотариальных действий. Электронные документы для нотариуса оставались чем-то фантастическим и нереальным вплоть до октября 2012 года, когда был подписан закон № 166-ФЗ, который, по сути, был революционным в области цифровизации нотариата, поскольку изменения коснулись электронной формы и передачи сведений в единую информационную систему нотариата с использованием нотариусом усиленной цифровой подписи. Однако он так и не вступил в действие. Вместо него 21 декабря 2013 г. был принят комплексный закон № 379-ФЗ, внесший изменения в отдельные законодательные акты, в том числе почти на одну треть обновив «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (далее по тексту «Основы)». Этим законом были установлены новые возможности и полномочия, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий, без которых в настоящее время невозможно представить работу нотариуса, в том числе была введена глава VII.1 «Единая информационная система нотариата» (далее по тексту ЕИСН). Этот закон закрепил важные для нотариуса новации, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий, кото-

рые можно объединить в три группы: ведение нотариусом электронных реестров; создание нотариусом нотариально оформленных документов в форме электронных документов; принятие нотариусом электронных документов для совершения нотариального действия.[1]

Внедрение современных технологий в традиционную, веками устоявшуюся систему документоведения открывает новые возможности для повышения оперативности нотариальных действий.

Нотариальная система России изменяется в соответствии с требованиями времени и новых технологий. Сегодня каждый нотариус России имеет электронную подпись и доступ к единой системе электронного нотариата страны.

«Современная модель развития российского нотариата – это развитие модели активного нотариата, которая ставит нотариуса в центр гражданского оборота и наделяет его полномочиями для оказания квалифицированной юридической помощи комплексного характера».[2]

Единая информационная система является уникальной по своей правовой природе программой. Основанная с целью объединения и обработки данных нотариусов по всей территории Российской Федерации, ЕИС была преобразована в современную, отвечающую всем стандартам и требованиям законодательства систему электронного взаимодействия. Данная система обеспечивает электронное взаимодействие между участниками внутри самой системы, а также осуществляет взаимообмен данными с субъектами извне. Публичность некоторых видов сведений, внесенных в ЕИС, имеет юридическое значение для третьих лиц.[3]

Функционирование ЕИСН играет важнейшую роль в деятельности каждого нотариуса страны. В настоящее время практически невозможно совершить нотариальное действие без его регистрации в электронном реестре, а несвоевременная регистрация нотариальных действий в электронном реестре и внесение иных установленных законом сведений может привести к нарушению прав и законных интересов участников нотариальных действий и иных лиц. Так, например, несвоевременная регистрация наследственного дела может привести к неблагоприятным последствиям для наследников, а несвоевременное внесение сведений об отмене доверенности может нарушить интересы доверителя и других лиц, которые до-

---

[1] *Волчинская Е.К.* Об использовании электронных документов нотариусами (в свете вступления в силу изменений в законодательство о нотариате) // Нотариальный вестник. 2014. № 8. С. 51.

[2] *Ярков В.В.* От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) // Нотариат, государственное и гражданское общество: современное состояние и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (15-16 февраля 2007 г., г. Москва). М., 2007. С. 109–116

[3] Настольная книга нотариуса: в 4 т. / Под ред. *И.Г. Медведева*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2015. Т.1: Организация нотариального дела. 414 с.

бросовестно заблуждаются относительно действительности полномочий у предъявителя доверенности.

ЕИСН нотариата состоит из нескольких разделов, которые содержат как публичные сведения, справочно-информационные сведения, так и конфиденциальные сведения; электронные реестры.

Широкое использование электронных ресурсов гарантирует оперативную помощь нотариусов обращающимся к ним лицам. Нотариат стал более привлекателен для участников гражданского оборота.

Остановимся на некоторых разделах ЕИС.

Реестр нотариальных действий ЕИСН состоит из нескольких подразделов. Действующее законодательство возложило на нотариусов обязанность по регистрации практически всех (за малым исключением) совершаемых ими нотариальных действий в электронных реестрах.

С созданием реестра завещаний значительно упростился порядок розыска составленного завещания, что, в свою очередь, обеспечило защиту прав граждан при оформлении наследства. Нотариусы во исполнение требования закона обязаны вносить в ЕИСН все удостоверенные ими завещания. В настоящее время при открытии наследственного дела содержание базы ЕИСН позволяет нотариусу получить по его запросу сведения о составленных наследодателем завещаниях с указанием данных нотариусов, которые удостоверили такие завещания. Информация носит закрытый характер и доступна строго определенным законом лицам.

Другим достижением в развитии электронного нотариата стало создание реестра выданных и отмененных доверенностей, сведения которого доступны любому заинтересованному лицу, что обеспечивает реализацию главной задачи нотариата – защиту прав и законных интересов всех участников гражданского оборота.

Реестр наследственных дел создан с целью формирования единой на всей территории страны базы наследственных дел. Сведения этого реестра представлены в открытом доступе для получения необходимой информации возможными наследниками, а также для информирования нотариусов с целью исключения возможного дублирования наследственных дел. При введении наследственного дела для регистрации в ЕИСН система автоматически производит проверку о наличии наследственного дела у другого нотариуса. При обнаружении в производстве другого нотариуса наследственного дела будет отказано в запрашиваемой регистрации.

Реестр уведомлений о залогах обеспечивает информирование любых заинтересованных лиц о том, что движимое имущество находится в залоге, тем самым обеспечивая защиту прав добросовестных приобретателей такого имущества.

Реестр списков участников обществ с ограниченной ответственностью является одним из новелл и предназначен для ведения и хранения Феде-

ральной нотариальной палатой (далее ФНП) списков участников в ЕИС. Следует отметить следующее: поскольку передача списков участников является правом обществ с ограниченной ответственностью (далее ООО), но не обязанностью, постольку этим правом пользуются очень немногие. В настоящее время эта функция ЕИСН практически не реализована. В связи с изложенным, в целях защиты прав участников правоотношений, в том числе контрагентов ООО, представляется логичным введение в действующее законодательство поправок, закрепляющих возложение обязанности по ведению и хранению списков участников ООО на нотариусов.

Внешнее взаимодействие нотариусов с другими компетентными органами осуществляется при помощи соответствующих разделов ЕИСН, которые позволяют получать информацию из органов, осуществляющих государственную регистрацию или соответствующий учет, банков, ЦККИ, а также направлять в такие органы необходимые сведения. В перспективе предполагается расширение круга участников для внешнего электронного взаимодействия, осуществляемого посредством ЕИСН.

Так, с вводом в действие ЕИСН нотариусам стали доступны государственные реестры, в настоящее время возможно максимально быстро получить и отправить необходимую информацию.

Взаимообмен данными в рамках электронного взаимодействия с государственными органами осуществляется в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), которая позволяет различным органам в электронном виде обмениваться данными, необходимыми для оказания государственных услуг гражданам и юридическим лицам. Нотариат – единственная негосударственная структура, участвующая в СМЭВ.

Ранее сбор необходимых для совершения нотариального действия справок и документов возлагался на заинтересованных в его совершении лиц. Теперь многие необходимые документы нотариус получает самостоятельно. Эта обязанность закреплена на законодательном уровне. В статье 47.1 Основ установлен запрет на истребование от обратившихся лиц представления сведений из Единого государственного реестра недвижимости. Однако исполнить требование данной статьи закона не всегда возможно по не зависящим от нотариуса причинам. В настоящее время с большими перебоями работает сервер Росреестра, вопреки требованию п.14 ст.62 Закона «О государственной регистрации недвижимости», согласно которому по запросу нотариуса, направленному в электронной форме в автоматизированном режиме, запрошенные сведения предоставляются в электронной форме незамедлительно, но не позднее следующего рабочего дня после дня направления соответствующего запроса, ответов на запросы приходится ждать порой несколько дней.

При освещении выбранной темы следует остановиться на возможности совершения нотариусами нотариальных действий в электронной форме.

Статья 42.2 Основ предусматривает, что по просьбе лица, обратившегося за совершением нотариального действия, нотариус может совершить нотариальное действие путем изготовления нотариального документа в электронной форме.[1] При этом электронные документы, исходящие от нотариуса, должны иметь реквизиты, установленные для аналогичного документа на бумажном носителе, за исключением собственноручной подписи нотариуса и оттиска печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации. Электронные документы, исходящие от нотариуса, должны быть оформлены в соответствии с правилами, установленными для направления запросов в государственные реестры, федеральные информационные ресурсы, государственные регистры, единую информационную систему нотариата.[2]

На сегодняшний день к полностью оформляемым в электронной форме нотариальным документам относятся регистрация уведомлений о залоге движимого имущества и выдача выписок из реестра уведомлений о залоге движимого имущества в электронной форме.

Революционным нововведением в законодательство стали такие нотариальные действия, как удостоверение равнозначности электронных документов документам на бумажных носителях и удостоверение равнозначности документов на бумажных носителях электронным документам, позволяющее создавать одновременно действующих два подлинных документа, равных по значимости и силе. Совершение таких нотариальных действий имеет огромное значения в том числе для снижения временных и иных затрат, необходимых для, например, пересылки документов из одного региона в другой. Удостоверив равнозначность, нотариус может направить подлинный документ путем электронной передачи в другой конец страны в короткий промежуток времени, практически в режиме онлайн.

Также в электронной форме нотариусы совершают нотариальные действия по представлению документов на государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В случае представления документов в регистрирующий орган нотариусом документы, подтверждающие факт внесения записи в соответствующий государственный реестр или факт отказа в государственной регистрации, направляются регистрирующим органом нотариусу в форме электронных документов. Нотариус выдает соответствующие документы заявителю по

[1] «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 03.08.2018, http://www.pravo.gov.ru - 04.08.2018).

[2] Приказ Минюста России от 17.04.2018 № 69 «О внесении изменений в Правила нотариального делопроизводства, утвержденные приказом Министерства юстиции Российской Федераци» от 16.04.2014 № 78 (вместе с «Изменениями, вносимыми в Правила нотариального делопроизводства, утвержденные приказом Минюста России от 16.04.2014 № 78», утв. решением Правления ФНП от 19.02.2018 № 03/18) (Зарегистрировано в Минюсте России 20.04.2018 № 50841) // https://rg.ru/2018/04/24/

его просьбе на основании удостоверения равнозначности документов на бумажных носителях электронным документам в соответствии с законодательством о нотариате или в форме электронных документов.[1]

Одним из последних нововведений в законодательство о нотариате стала измененная статья 55 Основ (вступает в силу с 1 февраля 2019 года), которая закрепляет следующее: «После удостоверения договора, на основании которого возникает право на недвижимое имущество (долю в праве собственности на недвижимое имущество), подлежащее государственной регистрации, нотариус обязан незамедлительно, но не позднее окончания рабочего дня или в сроки, установленные сторонами в договоре, представить в электронной форме заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы в орган регистрации прав, если стороны сделки не возражают против подачи такого заявления нотариусом».[2]

В связи с названной обязанностью нотариуса возникает закономерный вопрос: возможно ли будет реализовать требования закона на практике? Успеет ли подготовиться Россреестр к приему таких документов от нотариусов, будет ли обеспечена бесперебойность работы сервера Росреестра? Будет ли это положение закона реальной защитой прав участников сделки или в очередной раз «испытанием на прочность»?

В заключение хотелось бы отметить, что современный нотариат, являясь неотъемлемой частью правовой системы России, развивается вместе и наравне с другими ее институтами. Поскольку наши повседневные дела практически перешли в цифровую сферу, нотариат не должен отставать от развития общества. Предполагается, что российский нотариат полностью перейдет на регистрацию нотариальных действий в электронном реестре. Нотариусам должен быть обеспечен бесперебойный доступ в режиме онлайн к Государственному кадастру недвижимости и Единому государственному реестру прав на недвижимое имущество и сделок с ним, базам ЗАГС и ФМС. Будущее за электронным нотариатом.

---

[1] Пункт 6 ст.4 ФЗ от 30 марта 2015г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых пригосударственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1811.

[2] «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 03.08.2018, http://www.pravo.gov.ru - 04.08.2018).

Библиографический список:

1. *Волчинская Е.К.* Об использовании электронных документов нотариусами (в свете вступления в силу изменений в законодательство о нотариате) // Нотариальный вестник. 2014. № 8. С. 51.

2. Настольная книга нотариуса: в 4 т. / Под ред. И.Г. Медведева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2015. Т.1: Организация нотариального дела. 414 с.

3. *Ярков В.В.* От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) // Нотариат, государственное и гражданское общество: современное состояние и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (15–16 февраля 2007 г., г. Москва). М., 2007. С. 109–116.

УДК 004.9:34

ЦИФРОВИЗАЦИЯ – ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Т.В. Шершень,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,
614990, Россия, г. Пермь, Букирева, 15
E-mail: tamaraur@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются правовые основы цифровизации в России, оценивается состояние цифровизации экономической сферы на современном этапе. Анализируются проблемы в практике функционирования системы межведомственного электронного взаимодействия. Делается вывод о необходимости существенного обновления действующего законодательства России в сфере идентификации субъектов и признания цифровых объектов правоотношений при формировании цифровой среды.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая эпоха; цифровая экономика; искусственный интеллект; информационная безопасность; общество; образование; роботы; криптовалюта; цифровые права; единый реестр.

DIGITALIZATION IS A FUNDAMENTAL TREND OF MODERN SOCIETY: LEGAL BASIS, EXPECTATIONS AND REALITY

T.V. Shershen,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: tamaraur@yandex.ru

Annotation: the article discusses the legal basis of digitalization in Russia, assesses the state of digitalization of the economic sphere at the present stage. The problems in the practice of functioning of the system of interdepartmental electronic interaction are analyzed. It is concluded that there is a need for a significant update of the current legislation of Russia in the field of identification of subjects and recognition of digital objects of legal relations in the formation of the digital environment.

Keywords: digitalization; digital age; digital economy; artificial intelligence; information security; robots; digital currency; digital rights; unified register.

В Послании Президента России Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года было предложено «запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики». Президентом РФ обращено внимание на то, что это «вопрос национальной безопасности и технологической независимости России, в полном смысле этого слова – нашего будущего. Надо провести инвентаризацию и снять все административные, правовые, любые другие барьеры, которые мешают бизнесу выходить как на существующие, так и на формирующиеся высокотехнологичные рынки»[1].

Правительству Российской Федерации было поручено разработать совместно с Администрацией Президента Российской Федерации и утвердить программу «Цифровая экономика», предусмотрев меры по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития цифровой экономики в Российской Федерации и ее интеграции в пространство цифровой экономики государств – членов Евразийского экономического союза[2].

Нормативные основы цифровизации в России были заложены в следующих стратегических программных документах:

О стратегии развития информационного общества в России на 2017 - 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203[3];

Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р[4];

О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 28.08.2017 № 1030[5];

О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 (ред. от 19.07.2018)[6];

О выделении Минэкономразвития России из резервного фонда Правительства Российской Федерации в 2018 году бюджетных ассигнований на реализацию плана мероприятий по направлению «Нормативное регулиро-

---

[1] Парламентская газета. № 45. 02-08.12.2016.

[2] Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. Утвержден Президентом РФ 05.12.2016 № Пр-2346 // http://kremlin.ru/ по состоянию на 08.12.2016.

[3] СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[4] СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

[5] СЗ РФ. 2017. № 36. Ст. 5450.

[6] СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

вание» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 09.03.2018 № 403-р[1];

План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 №2)[2];

План мероприятий по направлению «Информационная безопасность» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержден Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 №2)[3].

Были разработаны и утверждены Методические указания по разработке планов мероприятий по направлениям реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (протокол заседания подкомиссии по цифровой экономике Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 29.11.2017 № 7)[4].

Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких, как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия[5].

Такое значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров объясняется состоянием действующей нормативной базы, не отвечающей потребностям цифровой экономики, и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций и, как следствие, низким уровнем применения цифровых технологий бизнес-структурами.

Цифровизация затрагивает все сферы современной жизни общества: государственное управление, законодательство, производство, образование, транспорт, связь и т.д. Прогнозируемый суммарный эффект от цифро-

[1] СЗ РФ. 2018. № 12. Ст. 1720.

[2] http://static.government.ru по состоянию на 09.01.2018; см. также: *Вайпан В.А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

[3] http://static.government.ru по состоянию на 09.01.2018.

[4] Документ опубликован не был. Текст приведен в соответствии с публикацией на сайте http://ac.gov.ru по состоянию на 22.12.2017.

[5] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 28.07.2017 № 1632-р // http://government.ru/docs/28653/

визации общественных отношений к 2025 году составит 4 – 9 трлн рублей, 19 – 35% общего увеличения валового внутреннего продукта.

Появление новых объектов гражданского оборота и, как следствие, моделирование новых правовых конструкций («цифровых прав», «цифровых объектов»[1]) свидетельствует о необходимости разработки адекватного правового регулирования общественных отношений. Перечень объектов гражданского оборота не статичен, он изменчив, что не может не отражаться на сфере правового регулирования. Неопределенность режима цифровых активов (криптовалюты), анонимность их обладателей приводит к правовым пробелам, порождает проблемы в правоприменительной практике, в том числе при решении вопросов о допустимости и о механизме реализации обращения взыскания по долгам на такие активы.

Как справедливо отмечает В.А. Вайпан: «Законодательство должно обеспечивать возможность идентификации и аутентификации субъектов любым технически возможным способом, в том числе: (мобильной) электронной подписью; биометрическими данными (электронной биометрической подписью); абонентским номером клиента – физического лица, пользующегося услугами подвижной радиотелефонной связи; совершением действий, однозначно идентифицирующих лицо и позволяющих достоверно установить его волеизъявление на совершение действий»[2].

Формирование цифровой среды требует существенного обновления действующего законодательства в сфере идентификации субъектов и объектов правоотношений. С 2021 г. в России планируют перевод граждан с бумажного документа на электронный паспорт, носителем которого может стать пластиковая карта со встроенным чипом[3]. Электронный паспорт обеспечит гражданам доступ ко всем государственным реестрам и услугам, и запись об оказании этих услуг также будет фиксироваться в электронном виде. Речь может идти об объединении в одном документе всех данных человека – паспорта, СНИЛСа, водительских прав. В электронном паспорте будут слепок лица для распознавания, отпечатки пальцев, электронная подпись и код доступа к цифровому профилю. Планируется также создание единого реестра всех данных россиян. Перевод граждан на новый тип паспорта обойдется в 114,4 млрд рублей до 2024 года, – соответствующие

---

[1] В марте 2018 г. в Государственную Думу РФ были внесены законопроекты, предусматривающие появление в Гражданском кодексе РФ нового объекта гражданских прав под названием «цифровые права» и включение в гражданский оборот цифровых активов. Речь о проекте Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»; проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах».

[2] *Вайпан В.А.* Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 12–17.

[3] Россиян переведут на электронные паспорта с 2021 года // Коммерсантъ. 09.10.2018. https://www.kommersant.ru/doc/3765094

данные приводятся в паспорте программы «Цифровой экономики Российской Федерации»[1].

Следует отметить, что еще в 2009 году в России начали разработку универсальной электронной карты (УЭК), которая должна была стать многофункциональным платежным средством и одновременно универсальным удостоверением личности. Выдача карт начала производиться по заявлениям граждан с января 2013 года, однако не стала массовой. В итоге признали, что планируемая замена бумажных паспортов на электронные паспорта лишает универсальную электронную карту смысла.

В контексте создания безопасной цифровой среды продолжается и все активнее набирает обороты дискуссия о правовом статусе или правовом режиме роботов и иных объектов, наделенных искусственным интеллектом. В существующей структуре правоотношений роботы и иные технические устройства, обладающие искусственным интеллектом, являются объектами правоотношений и не могут быть самостоятельными субъектами права. Вместе с тем практике известны примеры, свидетельствующие о придании роботам качеств субъекта: в 2017 году робота по имени Фрэн Пеппер официально включили в реестр населения в Бельгии, в 2018 году робот София получил гражданство в Саудовской Аравии.

В Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года,[2] направленных на реализацию положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[3], дана оценка текущему состоянию готовности России к цифровой экономике. Согласно докладу «Глобальные информационные технологии» Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике (индекс сетевой готовности NRI) и находится в середине второй группы стран (догоняющей) по индексу цифровой экономики и общества (I-DESI).

Все большее число граждан Российской Федерации признает необходимость обладания цифровыми компетенциями, однако показатели использования персональных компьютеров и информационно-телекоммуникационной сети Интернет в Российской Федерации все еще ниже, чем в Европе. Существует разрыв в цифровых навыках между различными группами населения (в 2018 году доля населения, обладающего цифровыми навыками, составляла лишь 26 процентов по результатам международного исследования PIAAC).

[1] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2018 № 1632-р // http://www.pravo.gov.ru/

[2] Утверждены Председателем Правительства РФ 29.09.2018 // http://static.government.ru/ по состоянию на 02.10.2018.

[3] Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // http://www.pravo.gov.ru/

Расширяется применение цифровых технологий в системе образования, однако объемы профильной подготовки кадров и соответствие образовательных программ нуждам цифровой экономики недостаточны.

Необходимость ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере формирует новые вызовы для проведения исследований и разработок в области цифровой экономики, что требует создания системы управления исследованиями и разработками, обеспечивающей координацию усилий государства, компаний, образовательных организаций высшего образования и научных организаций.[1]

Главный тренд в образовании связан с цифровой революцией, которая, по мнению ректора НИУ ВШЭ Я. Кузьминова: «приведёт к кардинальному изменению рынка труда, появлению новых компетенций, улучшению кооперации, повышению ответственности граждан, их способности принимать самостоятельные решения и так далее. Это, в свою очередь, послужит причиной последующей реорганизации образовательного процесса, во многом основанной на использовании технологий искусственного интеллекта»[2]. Разработка программ автоматического перевода текста с любого языка приведет к тому, что электронные ресурсы, библиотеки ведущих вузов мира станут доступны для каждого обучающегося. Всё это приведёт к полному перестроению образовательного процесса, переосмыслению роли педагога, которому теперь придётся не объяснять тот или иной материал, а помогать найти источник этого материала и разобраться в нём. Иными словами, глобализация образования – явление неизбежное, и не надо его бояться, нужно готовиться к нему[3].

В сфере образования уже сегодня необходимо разрабатывать индивидуальные образовательные траектории для каждого ученика, курсанта, студента, развивать проектную и игровую деятельность, менять методику преподавания. Для проверки знаний должны формироваться кейсы, включающие уникальный набор заданий для каждого обучающегося, ответы на которые нельзя найти в Интернете, для решения которых необходимы творческий поиск, навыки сравнения, сопоставления, анализа, синтеза. Решение этой непростой задачи невозможно без помощи искусственного интеллекта.

Необходимы серьезные инвестиции в образование: как показывает опыт Норвегии, инвестиции в дошкольное образование способны дать колоссальный эффект. Чтобы охватить всё население России в этом возрасте, потребуется выделять из федерального бюджета порядка 200-300 миллиардов рублей ежегодно.

[1] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года: утверждены Правительством РФ 29.09.2018 // http://static.government.ru/ по состоянию на 02.10.2018.

[2] Главный тренд российского образования – цифровизация // Учительская газета. 23.01.2018. http://www.ug.ru/article/1029

[3] Там же.

Обеспечение устойчивости и безопасности функционирования российской цифровой инфраструктуры требует организации и построения системы центров обработки и хранения данных на территории страны. Развитие цифровизации экономики и социальной сферы требует усиления мер безопасности информационной среды. Текущий уровень использования населением средств защиты информации, обеспечения маршрутизации сетевого трафика российского сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет, использования отечественных разработок и технологий в программном обеспечении является недостаточным и требует дополнительных мер для обеспечения защиты прав и интересов личности, бизнеса и государства в киберпространстве.

Достигнутые в предыдущие годы результаты в части повышения доступности, технологичности и снижения административных барьеров при предоставлении государственных услуг и в государственном управлении должны быть обеспечены преемственными мерами, которые позволят выйти на новый уровень взаимодействия государства с гражданами и субъектами предпринимательства посредством перевода такого взаимодействия в цифровой, «проактивный» и дистанционный режим. В целях развития цифровой экономики, основанной на использовании данных, необходимо посредством внедрения цифровых технологий и цифровых платформ обеспечить сокращение временных и административных затрат при предоставлении государственных и муниципальных услуг, осуществлении контрольно-надзорных функций, функционировании государственных и муниципальных органов.

Что мы сегодня имеем на практике, можно проиллюстрировать следующими примерами. На сайте Федеральной нотариальной палаты 7 декабря 2017 года была размещена информация о том, что с 1 января 2018 года все нотариусы России получат доступ к Единому государственному реестру ЗАГС. Законопроект, предоставляющий такую возможность нотариусам, был принят Государственной Думой РФ 6 декабря 2017 года. 20 декабря 2017 года Президент РФ подписал Федеральный закон № 408-ФЗ[1], устанавливающий право доступа нотариусов к Единому государственному реестру ЗАГС. Для нотариусов такой доступ необходим для запроса сведений о рождении, смерти, заключении и прекращении брака, установлении отцовства, перемене имени (фамилии, имени, отчества), а также о внесении исправлений или изменений в соответствующие акты гражданского состояния. Единый государственный реестр ЗАГС до настоящего времени не сформирован. С 1 октября 2018 года в целях повышения автоматизации процессов обработки и хранения информации о регистрации актов гражданского со-

[1] Федеральный закон от 20.12.2017 № 408-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» // http://www.pravo.gov.ru

стояния[1] предусмотрено создание Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС) в качестве федерального централизованного информационного ресурса. Полномочия по созданию федеральной информационной системы Единого государственного реестра ЗАГС возложены на Федеральную налоговую службу Федеральным законом от 23.06.2016 № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния». Основа единого реестра – программное обеспечение, разработанное ФНС России. Сотрудники органов ЗАГС смогут выполнять юридически значимые действия в электронном виде по оказанию государственных услуг в сфере актов гражданского состояния, используя при этом все преимущества централизованной системы хранения данных: онлайн-доступ к ранее составленным актовым записям независимо от места их нахождения на территории Российской Федерации. Для граждан появится возможность непосредственно в день обращения получить повторный документ: свидетельство или справку, даже если сама запись хранится в другом субъекте Российской Федерации (по мере включения ранее составленных актовых записей в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния). Несомненны преимущества создания Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния: оперативность в получении информации, взаимодействие всех участников системы актов гражданского состояния – органов ЗАГС разных субъектов РФ в электронной форме; представление сведений уполномоченным органам автоматизированным способом в электронном виде посредством системы межведомственного электронного взаимодействия. Но пока это вопрос будущего, а не настоящего. Обмен сведениями между нотариусами и органами ЗАГС будет происходить через Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Нотариусы являются участниками этой системы с 2014 года посредством подключения к ней Единой информационной системы нотариата. Оперативный обмен данными в рамках СМЭВ осуществляется нотариусами с органами Федеральной налоговой службы, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии.

В августе 2018 года в очередной раз была нарушена нормальная работа Единого государственного реестра недвижимости. По официальным данным, ситуация коснулась 49 регионов[2]. Участники гражданского оборота несли убытки, не могли зарегистрировать и перерегистрировать права на объекты недвижимости (квартиры, дома, земельные участки). По

[1] Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. 29.12.2017) // http://www.pravo.gov.ru

[2] Росреестр смотрит в книгу и видит фигу. Заметки по поводу очередного «сбоя системы» // Труд от 12.09.2018 http://www.trud.ru/article/12-09-2018/1366648_rosreestr_smotrit_v_knigu_i_vidit_figu.html?fbclid=IwAR0r1ymeff3EwLWvLL9bT9t8djgnUrPntNTRsU9YC5ZRUaQbf745xbcdKz4

предварительным данным, «в результате катаклизма недофинансирование жилищного строительства составило около 4 млрд рублей. За это время скопилось около 900 тысяч неоформленных пакетов документов с недвижимостью»[1].

Проблемы в системе регистрации прав на недвижимое имущество, ограничений и обременений прав возникают не впервые. С конца 2016-го до начала 2019-го в создание Единого государственного реестра недвижимости планировалось вложить 3 млрд рублей. Система, концентрирующая все данные об объектах недвижимости России, дает сбой, который объясняют сменой программного обеспечения, переходом на новейшие технологии. Вместе с тем проблема масштабная и системная и касается не только баз данных Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, но и Федеральной налоговой службы, Министерства внутренних дел, нотариата, органов ЗАГС, организаций здравоохранения, транспорта и других жизненно важных сфер, где внедряются цифровые данные и цифровые технологии. И вопрос не только в некачественной технике и недоработанном программном обеспечении, но и в некомпетентности, непрофессионализме, отсутствии персональной ответственности за результаты многомиллиардных государственных проектов. Достаточно высок в Российской Федерации уровень коррупции. По итогам 2017 г. в рейтинге стран мира по показателю распространенности коррупции в государственном секторе, рассчитанном по методике международной неправительственной организации Transparency International, Россия – на 131-м месте (значение индекса составило 29 баллов из 100). На том же месте находятся Украина, Казахстан, Иран и Непал.[2]

Библиографический список:

1. *Вайпан В.А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

2. *Вайпан В.А.* Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 12–17.

[1] Там же

[2] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2017 года. 19 января 2018 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/12167987.

УДК 349.418

К ВОПРОСУ О ПОЛНОТЕ И ДОСТОВЕРНОСТИ КАДАСТРОВЫХ СВЕДЕНИЙ О ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ

Г.Н. Эйриян,
кандидат юридических наук,
докторант кафедры экологического и земельного права
ФГБОУ ВО «Московский Государственный
Университет им. М.В. Ломоносова»
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Аннотация: в статье критически оцениваются положения Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в части полноты и достоверности сведений об учтенных объектах недвижимого имущества, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости.

Ключевые слова: земельный участок, ранее учтенный земельный участок, достоверность.

TO THE QUESTION OF COMPLETENESS AND THE RELIABILITY OF CADASTRAL INFORMATION OF LAND PLOTS

G.N. Eyrian,
Moscow State University. M. V. Lomonosov
Perm State University
15, Bikireva st., Perm, Russia, 614990

Annotation: in the article critically provision of Federal Act «Of state registration of the real estate» regarding completeness and reliability of information about taken into account objects of real estate contained in Uniform state register of the real estate are evaluated.

Keywords: land plot, earlier registered land plots, reliability.

Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Реализация

Программы осуществляется в соответствии с целями, задачами, направлениями, объемами и сроками реализации основных мер государственной политики Российской Федерации по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет[1].

Данные о земельных участках, в том числе в цифровой форме, необходимы как для надлежащего осуществления органами власти, местного самоуправления функций в области управления земельными ресурсами, так и для принятия эффективных решений гражданами, юридическими лицами при реализации ими своих имущественных прав.

Основная часть информации о земельных участках формируется посредством кадастрового учета и государственной регистрации прав на них. «Государственный кадастр недвижимости является единым централизованным источником содержащихся в электронном виде сведений об объектах недвижимости, позволяющим значительно сократить временные издержки при государственном кадастровом учете объектов недвижимости и предоставлении сведений из государственного кадастра недвижимости, а также создать механизм доступа к информационным ресурсам государственного кадастра недвижимости и развивать сервисные услуги на основе интернет- и интранет-технологий.

Комплексность предоставляемых сведений, возможность проведения анализа и построения прогнозов сделали информацию об объектах недвижимости более востребованной, что оказало существенное влияние на повышение эффективности принимаемых решений в области недвижимости структур власти и управления, а также субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность»[2].

Не умаляя значение и результаты преобразований в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества, отметим, что эффективные решения в области недвижимости могут быть приняты лишь на основе достоверной и полной информации.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о госрегистрации недвижимости): «Единый государственный реестр недвижимости является сводом достоверных систематизированных сведений об учтенном

---

[1] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

[2] Концепция федеральной целевой программы «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014 - 2019 годы): утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.06.2013 № 1101-р // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3634.

в соответствии с настоящим Федеральным законом о недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на такое недвижимое имущество, основаниях их возникновения, правообладателях, а также иных установленных в соответствии с настоящим Федеральным законом сведений»[1].

Согласно ст. 8 указанного закона, в кадастр недвижимости вносятся основные и дополнительные сведения об объекте недвижимости, наличие которых в совокупности, по всей видимости, означает полноту таких сведений.

На первый взгляд, положения Закона о госрегистрации недвижимости констатируют достоверность и полноту сведений в отношении всех учтенных земельных участков. Однако системный анализ его положений опровергает этот вывод или, во всяком случае, позволяет дифференцировать сведения об учтенных земельных участках на два вида: неточные и точные сведения или, иначе, относительно определенные и абсолютно определенные сведения[2].

Данный вывод обусловлен наличием в действующем законодательстве специальных правил в области государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимое имущество в отношении ранее учтенных земельных участков.

В соответствии с ч. 4 ст. 69 Закона о госрегистрации недвижимости к ранее учтенным земельным участкам относятся: 1) земельные участки, государственный кадастровый учет которых осуществлен в установленном действующим законодательством порядке до дня вступления в силу Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» и 2) земельные участки, государственный кадастровый учет которых не осуществлен, но права на которые зарегистрированы и не прекращены и которым присвоены органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, условные номера в порядке, установленном в соответствии с Федеральным законом от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

В силу ст. 69 Закона о госрегистрации недвижимости ранее учтенные земельные участки считаются ранее учтенными объектами недвижимости. С точки зрения юридической техники анализируемая статья является нормой-фикцией, приравнивающей понятия, которые в действительности раз-

[1] «О государственной регистрации недвижимости»: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

[2] В литературе 19 века отмечали: «Существуют только два способа для определения недвижимого имущества, как объекта записи в крепостную книгу: способ исторический, когда недвижимость определяется по владениям вековым или хотя бы и менее продолжительным, по древним названиям, описям и т. д., и 2) способ, который возможно назвать, для краткости, топографическим. Первый способ ведет к относительной определенности, а второй – к абсолютной определенности». / *Минцлов Р.Р.* Об индивидуализации недвижимых имений до первоначальной их записи в крепостные книги // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1897. № 8 (Октябрь). С. 186.

личны[1]. Ранее учтенные земельные участки, не обладая характеристиками, которые по общему правилу должны быть у земельных участков в целях их кадастрового учета (образования), считаются таковыми. Отмеченная особенность ранее учтенных земельных участков является результатом осознанного правового регулирования.

Нормативное приравнивание имеет вполне определенные причины и последствия. В юридической литературе верно замечено, что причиной появления ранее учтенных земельных участков стали «отсутствие накануне аграрных преобразований 90-х гг. XX в. каталогов координат точек границ подавляющего числа отведенных ранее земельных участков, а также особенности формирования информационной базы государственного земельного кадастра (ГЗК) и Государственного реестра земель кадастрового района (ГРЗ КР)»[2].

С точки зрения результата, квалифицируя ранее учтенные земельные участки в качестве недвижимого имущества, законодатель приравнивает их к земельным участкам, поставленным на кадастровый учет в соответствии с требованиями Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», распространяет на них аналогичный правовой режим.

В этой связи следует помнить, что существуют правила конструирования норм-фикций, приравнивающих одно понятие к другому. «Во-первых, эти понятия должны обладать определенным сходством, иначе приравнивание невозможно. Во-вторых, они должны иметь определенные различия, иначе в приравнивании отсутствует необходимость» – отмечает О.А. Кузнецова[3]. При этом «…недопустимо использование норм-фикций, приравнивающих одно понятие к другому, в сфере различия этих понятий»[4].

С учетом сказанного важно определить, для какой сферы правового регулирования точное определение границ земельных участков является принципиально важным. В этой сфере приравнивание ранее учтенных земельных участков к земельным участкам, границы которых соответствуют требованиям законодательства, будет недопустимым.

Определение земельных участков посредством установления их точных границ следует из положений гражданского законодательства, нормы которого предусматривают однозначность объекта оборота.

Например, в соответствии со ст. 554 ГК РФ: «В договоре продажи недвижимости должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору, в том числе данные, определяющие расположение недвижимо-

[1] *Кузнецова О.А.* Фиктивные явления в праве. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. С. 72–80.

[2] *Савенко Г.В.* Правовой режим земельного участка: от идеальных конструкций к практике // Право и экономика. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Кузнецова О.А.* Указ. соч. С. 73, 74.

[4] Там же.

сти на соответствующем земельном участке либо в составе другого недвижимого имущества.

При отсутствии этих данных в договоре условие о недвижимом имуществе, подлежащем передаче, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключенным».

Аналогичное требование установлено и в ст. 607 ГК РФ: «В договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. При отсутствии этих данных в договоре условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключенным».

Требования гражданского законодательства относительно определенности объекта сделки исключают, на наш взгляд, возможность перехода прав на ранее учтенные земельные участки до уточнения их границ.

Между тем в литературе была высказана и иная точка зрения. А.В. Лащенов в своем диссертационном исследовании замечает: «…возможность совершения сделок с земельным участком не зависит от точности способа идентификации границ на местности, поскольку иное не предусмотрено законодательством. Идентификация земельного участка как объекта регистрируемого права или сделки осуществляется по его кадастровому номеру»[1].

В то же время автор отмечает, что «…гарантировать права приобретателя земельного участка можно лишь при наличии описания, которое позволяет однозначно понимать положение границ участка на местности с точностью не ниже требуемой при межевании»[2].

При указанном выше подходе–возможности регистрации перехода права на земельные участки при отсутствии их точного описания–сведения Единого государственного реестра недвижимости нельзя квалифицировать как достоверные и полные. Кроме того, неясно: в чем смысл государственной регистрации права на недвижимое имущество, если она не гарантирует права приобретателя?

Основная необходимость всякой правильной регистрации – отмечали еще в 19 веке – заключается в том, что каждая единица владения должна иметь геометрические границы от соседних единиц владения, и границы эти должны быть объективно достоверны, а в случае субъективной их неопределенности должны быть всегда легко находимы[3].

Длительный период времени законодатель допускал государственную регистрацию права на земельный участок при отсутствии «геометриче-

[1] *Лащенов А.В.* Правовое регулирование образования новых и упорядочения существующих объектов землеустройства в Российской Федерации: Дис. канд. юрид. наук. М., 2005. С. 75.

[2] *Лащенов А.В.* Правовое регулирование образования новых и упорядочения существующих объектов землеустройства в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 15, 16.

[3] *Минцлов Р.Р.* Указ. соч. С. 191.

ских» границ. Точность описания местоположения границ земельного участка в целях государственной регистрации прав на него была установлена только в 33-й редакции Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», вступившей в силу с 1 марта 2010 года (Федеральный закон от 21.12.2009 № 334-ФЗ). По общему правилу государственная регистрация прав на земельный участок приостанавливалась в случае, если отсутствовали кадастровые сведения о координатах характерных точек границ земельного участка. При этом в отношении ранее учтенных земельных участков (не всех, но подавляющей части) были сделаны исключения из этого правила (ст. 19).

С 1 января 2017 года действуют правила государственной регистрации прав, установленные Законом о госрегистрации недвижимости, в соответствии с ч. 4 ст. 14 которого при переходе права на объект недвижимости государственная регистрация прав осуществляется без одновременного государственного кадастрового учета при условии наличия в Едином государственном реестре недвижимости сведений об объекте недвижимого имущества, право на который регистрируется.

При описании местоположения земельного участка должен быть указан в том числе список координат (обозначения характерных точек границы земельного участка, описание их закрепления на местности, координаты характерных точек границы (границы контура) земельного участка в метрах с округлением до 0,01 метра и с указанием погрешности определения, система координат)[1].

Изложенное означает, что с 1 января 2017 года государственная регистрация перехода прав на ранее учтенные земельные участки стала возможна только после уточнения местоположения границ таких земельных участков, что, безусловно, будет способствовать пополнению Единого государственного реестра недвижимости достоверными и полными сведениями.

В течение долгого времени, причем непрогнозируемого, количество ранее учтенных земельных участков будет значительным[2], что негативно отразится на стабильности гражданского оборота недвижимости, поскольк-

[1] П. 23 Приказа Минэкономразвития России от 16.12.2015 № 943 (ред. от 25.08.2018) «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки» // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10.10.2013 № 903 (ред. от 20.11.2018) «О федеральной целевой программе «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014 - 2020 годы)» ожидается увеличение в 2020 году доли земельных участков, учтенных в Едином государственном реестре недвижимости, с границами, соответствующими требованиям законодательства Российской Федерации, в общем количестве земельных участков, учтенных в Едином государственном реестре недвижимости до 53,7 процента // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ку его участники зачастую не будут располагать достоверной и полной информацией о местоположении границ интересующих их объектов.

Следует отметить, что и наличие абсолютно определенных сведений о земельном участке (границы которого соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации) не гарантирует их достоверность. Право на земельный участок, границы которого соответствуют требованиям законодательства, может быть оспорено в целях устранения неопределенности в границах земельного участка.

Анализ судебной практики свидетельствует о возможности изменения границ и площади земельных участков, установленных в соответствии с требованиями законодательства, в частности, в рамках спора об установлении границ земельных участков[1].

В настоящее время право на любой земельный участок, независимо от того, установлены его границы в соответствии с действующим законодательством или нет, может быть оспорено в части местоположения его границ.

Поэтому, следует согласиться с Г.А. Волковым: «…государство не заинтересовано гарантировать и, по сути, не гарантирует достоверность сведений о земельных участках в ЕГРН…»[2]

Библиографический список:

1. *Волков Г.А.* Правовые проблемы устранения реестровых ошибок при рассмотрении споров о границах земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 11.

2. *Кузнецова О.А.* Фиктивные явления в праве. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. 204 с.

3. *Лащенов А.В.* Правовое регулирование образования новых и упорядочения существующих объектов землеустройства в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 193 с.

4. *Лащенов А.В.* Правовое регулирование образования новых и упорядочения существующих объектов землеустройства в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.

5. *Минцлов Р.Р.* Об индивидуализации недвижимых имений до первоначальной их записи в крепостные книги // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1897. № 8 (Октябрь).

6. *Савенко Г.В.* Правовой режим земельного участка: от идеальных конструкций к практике // Право и экономика. 2014. № 1. С. 72 – 79.

[1] Иски об установлении границ земельных участков требуют отдельного изучения, в рамках настоящей статьи специально не анализируются.

[2] *Волков Г.А.* Правовые проблемы устранения реестровых ошибок при рассмотрении споров о границах земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 11. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 007.52+34

АВТОНОМИЯ БОЕВЫХ РОБОТОВ И ПРАВО

А.В. Габов,
доктор юридических наук,
член-корреспондент РАН,
Институт государства и права Российской академии наук
E-mail: gabov@igpran.ru

И.А. Хаванова,
доктор юридических наук,
профессор федерального государственного
образовательного бюджетного учреждения
высшего образования «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: ahavanov@mail.ru

Аннотация: автономные боевые системы (Lethal Autonomous Weapons Systems, LAWS), или боевые роботы, которых отличает такое качество, как самостоятельность в принятии решений о применении оружия, в последние годы все больше привлекают внимание правоведов. Прорыв в разработках искусственного интеллекта позволил осуществить качественный скачок в развитии технологий, где участие человека в принятии решений минимально. В гражданской области это вызвало развитие беспилотных транспортных средств и специального правового регулирования в части владения и передвижения таких средств, дискуссии о субъектах ответственности в случае причинения ущерба. Еще более актуальны эти вопросы для автономных боевых систем. К настоящему моменту имеется весьма неоднозначная практика применения роботизированных систем; при этом с каждым годом все больше государств заявляют о наличии собственного потенциала в части соответствующих разработок. На этом фоне все активнее развивается дискуссия о путях дальнейшего развития международно-правового регулирования в этой сфере, по существу, направленного на установление значительных ограничений для государств по его разработке

и/или использованию (применению). Авторы предлагаемой статьи обозначают основные направления идущей дискуссии, оценивают предлагаемые варианты развития правового регулирования.

Ключевые слова: боевой робот, смертоносные автономные системы вооружений (САС), искусственный интеллект, международное гуманитарное право.

AUTONOMY OF KILLER ROBOTS AND THE LAW

A.V. Gabov,
Corresponding Member of RAS,
Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences
E-mail: gabov@igpran.ru

I.A. Khavanova,
The Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation» (Financial University)
E-mail: ahavanov@mail.ru

Annotation: lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS) or combat (killer) robots, whose distinguished feature is independence in making decisions about the use of weapons, have been increasingly attracting the attention of lawyers in recent years. A breakthrough in the development of artificial intelligence has allowed a qualitative leap in the development of technology, where is minimum human participation in decision-making process. In the civil sphere, this has led to the development of self-driving cars (unmanned aircrafts, unmanned ground vehicles) and special legal regulation in terms of ownership and movement of such vehicles as well as discussions about the subjects of responsibility in case of damage. These issues are even more relevant to LAWS. To date, there is a very controversial practice in the application of LAWS. At the same time each year increasing number of States declare the presence of its own capacity regarding relevant developments. Against this background, there is a growing discussion on ways of further development of international legal regulation in this area, essentially aimed at establishing significant restrictions for States on its development and use (application). The authors of the article note the main directions of the ongoing discussion, evaluate the proposed options for the development of legal regulation.

Keywords: combat robot, deadly Autonomous weapons systems (SAS), artificial intelligence, international humanitarian law.

Идея использования оружия, позволяющего наносить урон противной стороне, избегая собственных людских потерь и прямых столкновений, не нова. Выводы исследователей по поводу таких систем различны и в значительной мере зависят от оценки текущего состояния науки и техники и представлений об их потенциале и путях дальнейшего развития.

В 1991 г. М. ван Кревельд в работе «Трансформация войны» высказал прогноз, основанный на опыте двух предшествующих десятилетий: «мечта о компьютеризированной высокотехнологичной войне большого радиуса действия, которую лелеют представители военно-промышленного комплекса, никогда не сбудется. Вооруженные конфликты будут вести люди на земле, а не роботы в космосе… война не будет вестись с расстояния одетыми в аккуратную униформу людьми, сидящими в кабинетах с кондиционерами за монитором компьютеров, манипулирующими символами и нажимающими на кнопки»[1]. Проникнутый скептицизмом тезис как раз базируется на представлениях времени написания этой работы о возможностях технической науки: про полную автономность роботов можно было рассуждать разве что в контексте футурологии.

И. Деттер обоснованно выделяет в качестве наиболее значимого изменения в вооружениях, во многом подтолкнувшего процесс роботизации войны, беспилотные летательные аппараты (unmanned aerial vehicles, UAVs)[2], дроны (drones)[3]. Хотя они и не относятся к классическим роботам, так как не воспроизводят человеческую деятельность, их обычно причисляют к роботизированным системам[4].

Понятие «роботизированное оружие» (robotic weapons) уже прочно вошло в лексикон специалистов[5], все чаще рассуждающих о «бесконтактной войне», о том, что «боевые действия, к которым мы «привыкли», меняют свое лицо, действующих акторов и саму логику»[6]. Одна из причин столь радикальных изменений – достигнутый прогресс в создании искусственного интеллекта вкупе с современными возможностями машинного об-

[1] *Кревельд М. ван*. Трансформация войны. Пер. с англ. М.: Альпина бизнес Букс, 2005. С. 316–317.

[2] Также известны как беспилотные авиационные системы *(unmanned aircraft systems, UAS),* беспилотные боевые летательные аппараты *(unmanned combat air vehicles, UCAVs),* дистанционно пилотируемые летательные аппараты *(remotely piloted aircraft, RPAs)*.

[3] *Detter I.* The Law of War. Third edition. Ashgate Publishing, Ltd. 2013. P. 262.

[4] В частности, *П.М. Морхат* определяет дрон как роботизированный автономный беспилотный летательный (авиационная система) или иной самодвижущийся аппарат (см.: *Морхат П.М.* Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8–12). См. также: Боевые роботы в будущих войнах: выводы экспертов // https://topwar.ru/91893-boevye-roboty-v-buduschih-voynah-vyvody-ekspertov.html (дата обращения: 1 ноября 2018 г.).

[5] *Kerr I., Szilagyi K.* Asleep at the Switch? How Lethal Autonomous Robots Become a Force Multiplier of Military Necessity // Robot Law. Edited by *R. Calo, A.M. Froomkin, I. Kerr*. Edward Elgar Pub, 2016. Pp. 335–336.

[6] *Савин Л.* Бесконтактные и сетевые войны // https://www.geopolitica.ru/article/beskontaktnye-i-setevye-voyny (дата обращения: 9 декабря 2018 г.).

учения (machine learning), которые привели к существенному прорыву в автоматизации боевых действий.

Г. Аллен и Т. Чен замечают, что автономные системы (autonomous systems) использовались в военных действиях, по крайней мере, со Второй мировой войны. По мере совершенствования таких систем им все более делегировались функции, обычно находящиеся под контролем человека, причем темпы изменений в области искусственного интеллекта, по оценкам данных авторов, превосходят прогнозы экспертов[1].

Указанные тенденции прослеживаются в документах стратегического, политико-правового характера. Уже в национальной Военной доктрине, утвержденной Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146[2], появилось указание на возрастающее значение беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники (п. 15). Последующая Военная доктрина, утвержденная Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, относит массированное применение беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники к характерным чертам современных военных конфликтов (п. 15). Соответственно, в числе задач оснащения Вооруженных Сил среди прочего – создание новых образцов комплексов беспилотных летательных аппаратов и роботизированных ударных комплексов (п. 46).

Изменения отразились и в различных актах технического характера. Национальные стандарты (ГОСТы) упоминают о подводных, военных и космических роботах[3], подразделяя роботов военного и специального назначения на боевых (ударных) роботов; роботов боевого обеспечения (разведка, охрана военных объектов); роботов инженерного и химического обеспечения (разминирование, дезактивация территорий и военной техники, демонтаж зараженных конструкций); роботов технического и тылового обеспечения (экзоскелеты, транспортировка боеприпасов, эвакуация раненых) и др.[4] В последние годы получила развитие групповая робототехника (multi-robotics) – отрасль робототехники, занимающаяся вопросами при-

---

[1] *Allen G., Chan T.* Artificial Intelligence and National Security. Belfer Center for Science and International Affairs. 2017. P. 13, 70 // https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/AI%20NatSec%20-%20final.pdf (дата обращения: 9 декабря 2018 **г**.).

[2] В Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 706 подобных положений не содержалось.

[3] «ГОСТ Р 60.1.2.1-2016/ИСО 10218-1:2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Требования по безопасности для промышленных роботов. Часть 1. Роботы» (утв. приказом Росстандарта от 8 ноября 2016 г. № 1624-ст).

[4] «ГОСТ Р 60.0.0.2-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Классификация» (утв. приказом Росстандарта от 29 ноября 2016 г. № 1842-ст).

менения групп роботов (расположение мобильных роботов в пространстве называется строем или формацией)[1].

В научной литературе военные или боевые роботы именуются по-разному. В 2013 году К. Хейнс охватил все разнообразие подобных устройств термином «боевые автономные роботизированные системы» (Lethal autonomous robotics, LARs)[2]. Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) применяет термин «автономные системы вооружения» (Autonomous weapon system, AWS)[3], понимая под ними любые виды систем оружия, автономно действующих в воздухе, на суше или на море и самостоятельно выполняющих критические функции (critical functions)[4]. В официальных документах ООН, за редким исключением, используется термин «смертоносные автономные системы вооружений» (Lethal autonomous weapons systems, LAWS[5]; далее будем использовать также сокращение – САС).

Развитие и активное использование САС ставит множество философских, этических и правовых вопросов. Ведь если ранее речь шла только о «выведении» людей с поля боя, то теперь – о потенциальном их исключении из цикла принятия ключевых решений. В открытом письме, подписанном известными специалистами в области искусственного интеллекта, с призывом к международному запрету САС[6], появление указанного оружия оценивается как «третья революция в войне» (third revolution in warfare). Опасность продвижения по пути роботизации авторы письма видят в невиданных ранее масштабах стремительно протекающих вооруженных кон-

[1] *Иванов Д.Я.* Методы построения пространственных формаций в группах беспилотных летательных аппаратов типа квадрокоптеров: Дис. … канд. техн. наук. Таганрог, 2016. С. 18 // http://hub.sfedu.ru/media/diss/95c61797-6f61-4876-9a78-d2f9683568ea/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%94%D0%AF.pdf (дата обращения: 28 декабря 2018 г.).

[2] Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Christof Heyns (9 April 2013) // https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-47_en.pdf (дата обращения: 28 декабря 2018 г.).

[3] Согласно позиции МККК, любое оружие может быть смертоносным, поэтому им используется термин «автономное оружие» без упоминания его смертоносных свойств.

[4] Views of the International Committee of the Red Cross (ICRC) on autonomous weapon system 11 April 2016 (paper submitted to the Convention on Certain Conventional Weapons Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS)) // https://www.icrc.org/en/document/views-icrc-autonomous-weapon-system (дата обращения: 28 декабря 2018 г.).

[5] Среди экспертов также распространен термин Lethal Autonomous Weapons (LAWs).

[6] Информацию см. на следующих ресурсах: https://www.dropbox.com/s/g4ijcaqq6i-vq19d/2017%20Open%20Letter%20to%20the%20United%20Nations%20Convention%20on%20Certain%20Conventional%20Weapons.pdf?dl=0 (дата обращения: 15 декабря 2018 г.); https://futureoflife.org/2017/08/20/killer-robots-worlds-top-ai-robotics-companies-urge-united-nations-ban-lethal-autonomous-weapons/?cn-reloaded=1 (дата обращения: 15 декабря 2018 г.).

фликтов. Кроме того, как отмечает А. Кришнан, автономный боевой робот не просто убивает (как мина) – он может принять решение убить (или не убить), и в таком роботе страшно не то, что он будет более опасным, чем мины, основная проблема – в его грядущей способности принимать решения о жизни и смерти вместо человека[1]. Проблема выбора, которая стоит перед таким автономным «субъектом», как думается, лишь отчасти напоминает проблему, обсуждаемую применительно к беспилотному автомобилю (последний не создается специально для причинения вреда человеку, в отличие от автономного боевого робота[2]).

Все больше авторов обращают внимание на принципиальное изменение самого тренда (идеологии) войны: от героического к пост-героическому, поскольку роботизация снижает физический риск для военнослужащих[3]. Отсутствие взаимного риска между комбатантами (воюющими) оценивается в качестве вызова концепции войны как явления, морально отличного от иных форм насилия. С тем, что война меняет свое лицо, согласны и отечественные специалисты, анализируя новый вид отношений: человек – боевой робот. Роботизация переводит военнослужащих из психологически понятного состояния войны как борьбы человека против человека в плоскость его борьбы с «разумной» машиной. Прогнозируется, в том числе, и проблема коммуникации («прежде всего между людьми-исполнителями и роботами-командирами»[4]), чреватая угрозой конфронтации с непредсказуемыми последствиями.

Внутреннее право большинства государств на подобного рода тенденции реагирует пока только одним способом: созданием условий для ускоренного развития соответствующих технологий[5], признанием необходимости лидерства и получения преимуществ перед другими государствами и/или недопустимости отставания от них. Приведем показательную выдерж-

---

[1] *Krishnan A.* Killer robots: Legality and ethicality of autonomous weapons. Routledge, 2016. Pp. 33–60.

[2] Некоторые специалисты по этой причине даже выступают за замену широко используемого в военных кругах для обозначения кибертехнических средств понятия «робот» на более соответствующее их целевому назначению (см.: Боевые роботы в будущих войнах: выводы экспертов // https://topwar.ru/91893-boevye-roboty-v-buduschih-voynah-vyvody-ekspertov.html (дата обращения: 1 декабря 2018 г.).

[3] *Enemark Ch.* Armed Drones and the Ethics of War: Military virtue in a post-heroic age. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014; *Kober A.* From Heroic to Post-Heroic Warfare: Israel's Way of War in Asymmetrical Conflicts // https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0095327X13498224 (дата обращения: 11 декабря 2018 г.).

[4] *Постников А.Н., Хамзатов М. М.* Сухопутные войска будущего // Независимое военное обозрение. 11.09.2015 // http://nvo.ng.ru/concepts/2015-09-11/4_future.html (дата обращения: 1 декабря 2018 г.).

[5] Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации, утвержденные Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 // http://pravo.gov.ru/; Указ Президента РФ от 16 декабря 2015 г. № 623 «О Национальном центре развития технологий и базовых элементов робототехники» // http://pravo.gov.ru/

ку из Национальной стратегии безопасности США (декабрь 2017 г.): «чтобы сохранить конкурентное преимущество, Соединенные Штаты будут уделять приоритетное внимание новым технологиям, критически важным для экономического роста и безопасности». К числу таких технологий отнесены в том числе автономные технологии, нанотехнологии, передовые вычислительные технологии и искусственный интеллект. При этом отмечается стремительное развитие последнего: от беспилотных автомобилей до автономного оружия [1].

Причина данного подхода понятна: с позиции национальной безопасности обладание технологиями производства роботов, наделенных искусственным интеллектом, является критичным; и вопрос о каких-либо ограничениях, не обеспеченных взаимными, гарантированными международно-правовыми ограничениями для всех других государств, здесь ставиться не может; в противном случае иные государства могут получить военные преимущества. Министерство обороны США в Дорожной карте развития беспилотных систем[2], выпущенной в 2018 году, отмечает, что достижения в области автономии и робототехники как значительный множитель силы имеют потенциал для революции концепции боевых действий.

На состоявшейся 6–7 сентября 2018 г. в Пекине конференции Стокгольмского института исследования проблем мира и Китайского института современных международных отношений[3], посвященной влиянию технологий искусственного интеллекта и автономных систем на ядерную безопасность и стратегическую стабильность в Восточной Азии[4], эксперты из России, Китая, США, Франции, Великобритании, Японии, Южной Кореи, Индии, Пакистана были единодушны в своих прогнозах: новые технологии (прежде всего, машинное обучение) уже в ближайшем будущем будут применяться ядерными державами для модернизации их стратегического вооружения.

Международное гуманитарное право (далее – МГП) «уходит своими корнями в законы древних цивилизаций и религий — война всегда велась

---

[1] National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 20 // https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 15 декабря 2018 г.).

[2] Unmanned Systems Integrated Roadmap FY2017-2042 // http://www.defensedaily.com/wp-content/uploads/post_attachment/206477.pdf (дата обращения: 1 ноября 2018 г.).

[3] https://medium.com/predict/ai-emerging-tech-national-defense-sipri-stockholm-security-conference-1fe0df429cca (дата обращения: 11 ноября 2018 г.).

[4] *Маркоткин Н.* «Ядерную кнопку» нажмет искусственный интеллект // http://expert.ru/2018/09/28/yadernuyu-vojnu-nachnut-iskusstvennyie-intellektyi/ (дата обращения: 11 ноября 2018 г.).

в соответствии с определенными принципами и обычаями»[1]. Пока в нем отсутствуют специальные нормы, касающиеся САС, что «подпитывает» как все нарастающую дискуссию в ООН, так и протесты различных неправительственных организаций (см., например, упомянутое выше открытое письмо)[2].

В настоящее время международное сообщество обсуждает САС, главным образом, на площадке Конвенции ООН 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция о «негуманном» оружии, КНО)[3]. В многосторонней международной повестке вопрос о контроле над автономными роботизированными вооружениями впервые был заострен в 2013 году, когда специальный докладчик ООН по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях К. Хейнс представил доклад, в котором рекомендовал ввести национальный мораторий на автономное оружие. В документе отмечалось, что перспектива его появления будет «стирать различие между вооружениями и воинами, поскольку такие системы будут автономно принимать решения о своем использовании»[4]. Проблема САС, согласно замечаниям экспертов, состоит в том, что оно обладает самостоятельностью в выполнении критических функций, что отличает его от всех других систем вооружений[5].

Н. Шарки, выступающий за запрет САС, пишет, что мы могли бы перейти к заключительным этапам индустриализации войны как фабрики смерти и чистых убийств (clean-killing), где высокотехнологичные страны сражаются без риска для собственных сил[6], если бы не ряд проблем.

---

[1] Имплементация международного гуманитарного права на национальном уровне. Руководство. МККК, 2010 // https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/publication/p4028.htm (дата обращения: 11 ноября 2018 г.).

[2] An Open Letter to The United Nations Convention on Certain Conventional Weapons // https://www.dropbox.com/s/g4ijcaqq6ivq19d/2017%20Open%20Letter%20to%20the%20United%20Nations%20Convention%20on%20Certain%20Conventional%20Weapons.pdf?dl=0 (дата обращения: 15 декабря 2018 г.).

[3] Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to Be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects (CCW) // Ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 02.06.1982 г. № 7248-X.

[4] Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Christof Heyns (9 April 2013) // https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-47_en.pdf (дата обращения: 20 декабря 2018 г.).

[5] Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов. Доклад подготовлен Международным Комитетом Красного Креста. XXXII Международная конференция МККК. Женева, 8–10 декабря 2015 г. С. 79.

[6] *Sharkey N. E.* The evitability of autonomous robot warfare // International review of the Red Cross. Vol. 94. Number 886. Summer 2012. P. 788.

Прежде всего, смогут ли роботы проводить различие между военными и гражданскими объектами, комбатантами и гражданским населением, действующими комбатантами и выведенными из строя. Есть сомнения, которые не раз выражал МККК, и в их способности учитывать множество факторов, чтобы выяснить, приведет ли нападение к случайным потерям среди гражданского населения и ущербу для гражданских объектов, что было бы чрезмерным по отношению к военному преимуществу, которое предполагается получить, как того требует принцип соразмерности[1]. Наконец, у робота нет свободы воли, и, следовательно, он не может быть привлечен к ответственности за свои действия, но тогда кто будет нести такую ответственность? Н. Шарки метко замечает, что МГП не предъявляет требований к машинам, чтобы те были этичными и гуманным. Требование состоит в том, чтобы они использовались с надлежащей сдержанностью и уважением принципа гуманности[2].

Упоминая сложившееся мнение о том, что появление МГП как ius in bello (права ведения войны) было своего рода вызовом ius ad bellum (праву войны, праву на использование военной силы), А.И. Ковлер акцентирует внимание на важности преодоления кажущейся фатальной неизбежности «дегуманизации» поведения комбатантов (участников вооруженных конфликтов)[3]. Именно принцип гуманности признается центральным принципом системы МГП[4], обеспечивающим ее логическую завершенность и связывающим все принципы воедино[5]. Следует отметить, что и при отсутствии международных соглашений, регулирующих вопросы применения САС, можно выделить некоторые подходы к регулированию их использования и его последствиям. Так, согласно «оговорке Мартенса» (Martens clause) даже в отсутствие прямого регулирования ситуации международными соглашениями, гражданские лица (население) и воюющие (комбатанты) остаются под защитой и действием принципов международного права, вытекающих из обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания[6]. В МГП, как отмечает П. Асаро, содержится имплицитное требование: решения о применении смертоносной силы должны приниматься человеком

[1] Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов. Доклад подготовлен МККК. XXXII Международная конференция МККК. Женева, Швейцария, 8–10 декабря 2015 г. С. 80.

[2] *Sharkey N. E.* Op. cit. P. 796.

[3] *Ковлер А.И.* Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. М.: Норма, ИНФРА, 2019. С. 21.

[4] Здесь следует отметить, в частности, принципы различия целей; пропорциональности (соразмерности) применения силы; военной необходимости; ограничения определенных средств и методов ведения войны.

[5] *Капустин А.Я., Мартыненко Е.В.* Международное гуманитарное право: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 1991. С. 36.

[6] Это положение было включено в IV Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны (1907 г.), его можно найти и в преамбуле КНО.

и этот процесс не может делегироваться машинам[1]; машина, независимо от того, насколько она совершенна технически, не может заменить присутствие истинно нравственного агента (человека), обладающего совестью и способностью к моральному суждению[2].

Машине сложно различить одинаково вооруженных дружелюбного блюстителя порядка и террориста. Однако автономное роботизированное оружие, которое принимает (и реализует) решения о жизни и смерти, но не может различить воюющую и невоюющую стороны, prima facie незаконно. Впрочем, даже если робототехника преодолеет упомянутые проблемы, программирования, формально согласованного с принципами МГП, может также оказаться недостаточно. Ведь многие страны рассматривают их как минимальный порог, однако моральное поведение, свойственное лишь человеку, превосходит минимальные стандарты[3].

Конечно, мир не впервые сталкивается с проблемой сопряжения новейших видов оружия и гуманитарных стандартов. Ее решение было предложено в Дополнительном протоколе I (1977 г.) к Женевским конвенциям 1949 г. (статья 36 «Новые виды оружия»): при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны государство-участник должно определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения согласно международному праву. Таким образом, обязанность обеспечить соответствие МГП любых средств и методов, применяемых во время вооруженного конфликта, – и САС не исключение, – «всегда будет возлагаться на стороны в этом конфликте»[4].

Сложность для государства, разрабатывающего или приобретающего САС, заключается в том, чтобы обеспечить способность системы функционировать в соответствии с упомянутыми принципами. Предсказуемость ее действий должна быть достаточно высокой, чтобы в принципе стала возможной реальная правовая оценка. Однако Э. Илачински неслучайно напоминает, что дьявол кроется в деталях, и чтобы успешно выполнять свою миссию, автономные системы должны уметь ассимилироваться, реа-

---

[1] *Asaro P.* On Banning Autonomous Weapon Systems: Human Rights, Automation, and the Dehumanisation of Lethal Decision-making // International Review of the Red Cross. Volume 94. Number 886. Summer 2012. Pp. 687–709.

[2] *Anderson K., Waxman M.* Law and Ethics for Robot Soldiers (April 5, 2012). Policy Review, 2012; Columbia Public Law Research Paper No. 12-313; American University, WCL Research Paper No. 2012-32. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2046375 (дата обращения: 11 декабря 2018 г.).

[3] *Kerr I., Szilagyi K.* Asleep at the Switch? How Lethal Autonomous Robots Become a Force Multiplier of Military Necessity (11.04.2012) // http://robots.law.miami.edu/ian-kerr-katie-szilagyi-on-asleep-at-the-switch-how-lethal-autonomous-robots-become-a-force-multiplier-of-military-necessity/ (дата обращения: 11 декабря 2018 г.).

[4] Мельцер Н. Международное гуманитарное право: общий курс: справочное издание. М.: МККК, 2017. С. 54.

гировать и адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, которые не были предусмотрены при их проектировании, а значит, быть способны к действиям «без присмотра человека». И, следовательно, по мере увеличения сложности САС будет происходить соразмерное снижение нашей способности предсказывать поведение автономных систем и контролировать его[1]. Кроме того, САС правильнее рассматривать как сложные сетевые системы, а не как независимые платформы (без этого невозможно понимание их стохастического поведения, нелинейной динамики, непредсказуемости реализуемых решений). Распределение функций в такой сети систем, по оценке специалистов, часто делает границы (контур) САС неясными.

Некоторые из приверженцев «этического» программирования проявляют оптимизм, уверовав в то, что, начни мы уже сейчас учитывать этические нормы при конструировании, движение к полной автономии машин будет служить целям закона на поле битвы. Немало, однако, и тех, кто сомневается в том, что автономные боевые роботы однажды достигнут уровня совершенства, необходимого, чтобы соответствовать МГП[2]. Кроме того, прежде чем доверять «вооруженному» искусственному интеллекту, было бы логичным повысить его транспарентность. Однако не так просто сочетать прозрачность механизмов машинного обучения с их защищенностью, поскольку данные, используемые нейросетями, могут быть «поражены» умышленными манипуляциями (data poisoning)[3].

Итак, несмотря на перечисленный «арсенал» правовых средств, САС представляют собой проблему (о ее масштабах можно спорить) для международного права, и отнюдь не только МГП. Согласно позиции В.Н. Старцуна и И.В. Балканова, действующие нормы международного права не могут эффективно применяться по отношению к возникающим конфликтам: либо мы существуем в условиях «черных дыр», либо ««переводим» законы XIX – XX вв. на «язык конфликтов» XXI в.»[4]. Очевидно, что идущие дискуссии рано или поздно приведут к выработке подходов к специальному регулированию использования САС (возможно, в том числе и владения такими системами, трансферта технологий и т.д.).

В ходе неофициальных совещаний экспертов по САС, последовавших после доклада К. Хейнса (2014, 2015, 2016 гг.), была предпринята попытка

[1] *Ilachinski A.* AI, Robots, and Swarms. Issues, Questions, and Recommended Studies. January 2017 // https://www.cna.org/cna_files/pdf/DRM-2017-U-014796-Final-SUMMARY.pdf (дата обращения: 28 декабря 2018 г.).

[2] *Kerr I., Szilagyi K.* Asleep at the Switch? How Lethal Autonomous Robots Become a Force Multiplier of Military Necessity // Robot Law. Edited by R. Calo, A. M. Froomkin, I. Kerr. Edward Elgar Pub, 2016. P. 356.

[3] *Zhao M., An B., Yu Y., Liu S., Pan S.J.* Data Poisoning Attacks on Multi-Task Relationship Learning. (Conference paper, 26 September 2018) // http://www.ntu.edu.sg/home/boan/papers/AAAI18_MTL.pdf (дата обращения: 28 декабря 2018 г.).

[4] *Старцун В.Н., Балканов И.В.* Войны XXI века: зарождение новых норм международного права // Вестн. воен. права. 2018 (1). С. 72–73.

выкристаллизовать потенциальные подходы к будущему регулированию. Так, в ходе встречи 2014 г. отмечалась потребность в более четком понимании определяющих элементов САС, подчеркивалась важность раскрытия понятия значимого человеческого контроля (meaningful human control). В контексте возможного воздействия развития и использования таких систем на jus ad bellum был поднят вопрос о том, могут ли они изменить порог для применения силы[1].

Дискуссия о том, как определить автономию систем оружия, развивается, главным образом, по двум направлениям. Прежде всего, это концептуальное осмысление автономии. Здесь выделяются такие аспекты, как независимость, когнитивные навыки (cognitive skills), когнитивная архитектура (cognitive architecture). Например, Х. Рофф связывает автономность с наличием четырех функций (спусковой механизм (trigger), выбор цели (targeting), навигация (navigation), мобильность (mobility))[2]. Ну и, кроме того, непосредственно степень автономии. Диапазон здесь уже сегодня достаточно широк – вплоть до независимого «агента» (independent «agency»)[3].

Подавляющее большинство государств сходится во мнении о недопустимости потери значимого человеческого контроля в отношении САС. Однако выработать критерии «значимости» непросто. В контексте человеческого контроля преобладает следующая категоризация автономности оружия[4]:

- управление – системы с полным с дистанционным контролем (человек «в контуре/цикле», man-in-the-loop), где человек (оператор) – центральное звено в контуре/цикле контроля принятия решений;

- надзор – полуавтономные системы (человек «над контуром», man-on-the-loop), в которых человек (оператор) участвует в принятии решений на отдельных звеньях алгоритма. Как правило, он контролирует процесс таргетинга и может вмешиваться в действие системы;

- полная автономия (человек «вне контура/цикла», man-out-of-the-loop) – оператор-человек исключен из системы принятия решений, включая поражение цели (критические функции). Этот вид систем и составляет эпицентр международно-правовой дискуссии, хотя, по оценкам экспертов, они пока не стоят на вооружении ни одной из армий.

[1] 2014 Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWs) // https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/A038DEA1DA906F9DC1257DD90042E261?OpenDocument (дата обращения: 1 ноября 2018 г.).

[2] *Roff H.* Autonomous or «Semi» Autonomous Weapons? A Distinction Without Difference (Mar 18, 2015) // https://www.huffingtonpost.com/heather-roff/autonomous-or-semi-autono_b_6487268.html (дата обращения: 1 ноября 2018 г.).

[3] *Bode I., Huelss H.* Autonomous weapons systems and changing norms in international relations // Review of International Studies. 2018. Vol. 44, part 3. Pp. 393–413.

[4] *Evans T. D.* At War with the Robots: Autonomous Weapon Systems and the Martens Clause // Hofstra Law Review. 2013. Vol. 41. Issue 3. Article 8. P. 698 // http://scholarlycommons.law.hofstra.edu/hlr/vol41/iss3/8 (дата обращения: 11 декабря 2018 г.).

Как можно заметить, контролируемая автономия означает присутствие оператора «над контуром управления» (в отличие от категорий «в контуре» или «вне контура»). В рамках данной модели оператор контролирует и может отменить решения робота. Однако такая возможность на практике весьма ограничена, поскольку процесс принятия решения роботами зачастую измеряется наносекундами, и информационная база, лежащая в основе решений, – в силу в том числе упомянутой разности скоростей восприятия – может быть недоступна для контролера[1]. И хотя люди, скорее всего, в обозримом будущем сохранят элементы контроля и надзора над системами, вопрос в том, будет ли он формальным либо осмысленным и реализуемым.

Заметим, что многие специалисты – и российские, и зарубежные – выступают за выведение человека из контура/цикла[2], поскольку роботы потенциально более продуктивны на поле битвы, а главное – они будут спасать жизни людей. А.Н. Постников, отмечая важность наличия в вооруженных силах роботов, обслуживание которых требовало бы минимального вмешательства человека, поясняет, что иначе противник будет целеустремленно бить по людям из обеспечивающих структур и легко остановит любую «механическую» армию»[3].

На 5-й Обзорной конференции КНО (12–16 декабря 2016 г.) было принято решение об учреждении Группы правительственных экспертов ООН по САС (Group of Governmental Experts on LAWS, далее – Группа экспертов по САС)[4]. В позиции Российской Федерации, представленной к ее первому заседанию (10-12 ноября 2017 г.)[5], обозначена основная проблема: отсутствие реально работающих образцов полностью автономных систем роботизированных вооружений, на ограничение и регулирование которых направлен весь формат. Де-факто все созданные и тестируемые системы пока не выходят за рамки модели «man-on-the-loop». Трудность состоит и в проведении четкого «водораздела» между гражданскими и военными разработками систем, базирующихся на одних и тех же технологиях, отсюда – риск избыточного ограничения развития мирных технологий робототехники и искусственного интеллекта.

[1] Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Christof Heyns (9 April 2013) // https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-47_en.pdf (дата обращения: 20 декабря 2018 г.).

[2] *A Del Re.* Lethal Autonomous Weapons: Take the Human Out of the Loop. 2017.

[3] Боевые роботы в будущих войнах: выводы экспертов // https://topwar.ru/91893-boevye-roboty-v-buduschih-voynah-vyvody-ekspertov.html (дата обращения: 1 ноября 2018 г.).

[4] https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/F027DAA4966EB9C-7C12580CD0039D7B5?OpenDocument (дата обращения: 30 августа 2018 г.).

[5] https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/E9178CB855E3D8EDC-12581D70065EF31/$file/2017_GGEonLAWS_WP_Russian.pdf (дата обращения: 30 августа 2018 г.).

Иную позицию занимает КНР. Впервые она была озвучена во время упомянутой Обзорной конференции 2016 года, когда Китай заявил о поддержке юридически обязательного протокола по вопросам, связанным с использованием САС, подобного Протоколу IV об ослепляющем лазерном оружии (Protocol on Blinding Laser Weapons)[1], – для заполнения правового пробела[2]. Согласно российской позиции, однако частое приведение в пример данного Протокола как образца разумного превентивного запрета военной технологии не учитывает, что он не может быть применим к работе по САС, поскольку запретил не само лазерное оружие, а предельно конкретный случай его применения (причинение постоянной слепоты органам зрения)[3].

27–31 августа 2018 г. в Женеве под эгидой ООН прошли переговоры Группы экспертов по САС[4], где были согласованы 10 руководящих принципов, на которых мог бы базироваться подход международного сообщества[5]. Документ закрепляет бесспорный тезис: МГП продолжает в полной мере применяться ко всем системам вооружений, включая потенциальную разработку и применение САС. Экспертами признана необходимость сохранить ответственность человека за принятие решений о применении систем вооружений (такая ответственность не может быть передана машинам). Этот подход следует учитывать на протяжении всего жизненного цикла САС. Оценка рисков и меры по смягчению их последствий должны быть частью системы проектирования, разработки, испытания и развертывания новых технологий в любых оружейных системах. Вместе с тем дискуссии и любые потенциальные политические меры, принимаемые в контексте КНО, не должны препятствовать прогрессу в области использования технологий в мирных целях.

[1] Ратифицирован Российской Федерацией (Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 153-ФЗ «О ратификации Дополнительного протокола к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокола об ослепляющем лазерном оружии (Протокола IV)») // http://pravo.gov.ru/

[2] The poistion paper submitted by the Chinese delegation to CCW 5th Review Conference // https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/DD1551E60648CEBBC125808A005954FA/$file/China's+Position+Paper.pdf (дата обращения: 12 декабря 2018 г.).

[3] Выступление руководителя делегации Российской Федерации, директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России В.И. Ермакова на Совещании государств-участников Конвенции о «негуманном» оружии по п.7 повестки дня «Общий обмен мнениями», Женева, 21 ноября 2018 г. (№ 2225-22-11-2018) // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/G51iJnfMMNKX/content/id/3415655/pop_up?p_p_auth=vUEc25Nn&_101_INSTANCE_G51iJnfMMNKX_viewMode=print&_101_INSTANCE_G51iJnfMMNKX_qrIndex=0 (дата обращения: 26 ноября 2018 г.).

[4] https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/F027DAA4966EB9C7C12580CD0039D7B5 (дата обращения: 1 ноября 2018 г.).

[5] https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/EB4EC9367D3B63B1C12582FD0057A9A4/$file/GGE+LAWS+August_EC,+C+and+Rs_final.pdf (дата обращения: 26 ноября 2018 г.).

После упомянутой встречи экспертов требования к действиям по борьбе с проблемой роботов-убийц только усилились. 11 сентября 2018 г. в обращении к Парламенту ЕС Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини изложила основные позиции ЕС по САС, среди которых тезис о том, что все оружейные системы, включая автономное оружие, подпадают под действие международного права, международного гуманитарного права и международного права в области прав человека. 12 сентября 2018 г. Парламент ЕС принял резолюцию[1], призывающую к началу международных переговоров по юридически обязательному документу, запрещающему САС. В Заявлении от 18 октября 2018 г. для Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и международной безопасности П. Асаро, представляя Международный Комитет по контролю за роботизированным оружием (International Committee for Robot Arms Control, ICRAC) и Кампанию по остановке роботов-убийц (Campaign to Stop Killer Robots)[2], отметил настоятельную необходимость в превентивном запрете САС.

Автономные роботы с искусственным интеллектом не похожи ни на что, ранее известное человеку. Не случайно не менее жаркие дебаты ведутся и в отношении вполне мирных («гражданских») роботов, а в принятой 16 февраля 2017 г. Парламентом ЕС резолюции «Гражданско-правовые нормы о робототехнике»[3] ставится вопрос о наделении роботов правовым статусом[4]. В эпицентре дискуссии по САС также оказались различия во взглядах на их внутреннюю природу. Некоторые делегации высказывали мнение, что автономные технологии могут стать независимыми разумными агентами, которые потенциально могут выйти из-под контроля их создателя-человека. Другие исходили из того, что машины всегда будут лишь инструментами в руках людей.

21–23 ноября 2018 г. прошло Совещание государств-участников Конвенции о «негуманном» оружии. Как отмечалось в выступлении руководителя делегации Российской Федерации В.И. Ермакова[5], Россия по-прежнему

[1] European Parliament resolution of 12 September 2018 on autonomous weapon systems (2018/2752(RSP) // http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P8-TA-2018-0341+0+DOC+PDF+V0//EN (дата обращения: 12 декабря 2018).

[2] https://www.stopkillerrobots.org/wp-content/uploads/2018/10/KRC_StmtUNGA73_17Oct2018.pdf (дата обращения: 11 декабря 2018 г.).

[3] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2017-0051#BKMD-12 (дата обращения: 15 декабря 2018 г.).

[4] *Габов А.В., Хаванова И.А.* Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 220–231.

[5] Выступление руководителя делегации Российской Федерации, директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России В.И. Ермакова на Совещании государств-участников Конвенции о «негуманном» оружии по п. 7 повестки дня «Общий обмен мнениями». Женева, 21 ноября 2018 г. (№ 2225-22-11-2018) // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/G51iJnfMMNKX/content/id/3415655/pop_up?p_p_auth=vUEc25Nn&_101_INSTANCE_G51iJnfMMNKX_viewMode=print&_101_INSTANCE_G51iJnfMMNKX_qrIndex=0 (дата обращения: 26 ноября 2018 г.).

сдержанно относится к ведущимся на площадке КНО[1] дискуссиям по проблематике САС, продолжая рассматривать данную тему как «крайне «сырую» и умозрительную». Она последовательно выступает за сбалансированный, взвешенный учет как гуманитарных озабоченностей, так и законных оборонных интересов государств. При этом необходимость учета гуманитарных озабоченностей не может использоваться в качестве абсолютного и единственного достаточного условия для введения ограничительно-запретительных режимов в отношении конкретных видов вооружений[2].

Известно, что неоднократные нарушения норм МГП одной стороной конфликта могут повлиять и на поведение другой стороны. Теоретически худшим сценарием в такой ситуации будет динамика негативной взаимности (negative reciprocity), и в конечном итоге – взаимное пренебрежение данными нормами[3]. По мнению Ж. Джиака, советника по правовым вопросам МККК, на данном этапе определение автономного оружия должно быть достаточно широким, при этом нужно избежать как излишне широкой, так и излишне узкой трактовки. Если определение окажется слишком широким, под него подпадут некоторые уже существующие военные технологии, например, беспилотные летательные аппараты. Вместе с тем многие страны выступают против включения в определение САС систем, уже поставленных на вооружение. В то же время, если определение будет слишком узким, дискуссии перейдут в область научной фантастики[4].

Межнациональная природа технологических новшеств (они – результат взаимодействия исследователей различных государств) исключает не только технологическую, но и правовую «изоляцию». И право должно учитывать эту особенность развития искусственного интеллекта. Технологии подвержены столь быстрому изменению, имея мгновенно преобразовывающуюся природу, что с трудом охватываются обычными (консервативными) юридическими актами. Вот почему так важно построение достаточно гибкой системы регуляторов, основой которой должны стать базовые ценности и принципы, формирующие каркас регулирования.

Сложность в реализации конвенционных решений, учитывая часто разновекторные интересы государств, повышает роль мягкого права на со-

[1] https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/A0A0A3470E40345CC12580CD-003D7927?OpenDocument (дата обращения: 26 ноября 2018 г.).

[2] Рассмотрение различных аспектов новых технологий в сфере создания смертоносных автономных систем вооружений в контексте целей и задач Конвенции (Представлено Российской Федерацией). Женева, 13–17 ноября 2017 г. // https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/E9178CB855E3D8EDC12581D70065EF31/$file/2017_GGEonLAWS_WP_Russian.pdf (дата обращения: 11 ноября 2018 г.).

[3] *Geiss R., Siegrist, M.* (2011) Has the armed conflict in Afghanistan affected the rules on the conduct of hostilities? International Review of the Red Cross, 93 (881). P. 20 // http://eprints.gla.ac.uk/78068/1/78068.pdf.

[4] *Козюлин В.Б., Грант Т., Гребенщиков А.В., Джиака Ж., Ефимов А.Р., Сун С., Уорхэм М.* Боевые роботы: угрозы учтенные или непредвиденные? // Индекс безопасности. 2016. № 3–4 (118–119). Т. 22. С. 79–96.

временном этапе. Несмотря на свою необязательную природу, на каком-то этапе оно может обеспечить промежуточное регулирование подготовительного характера, опираясь на устойчивые (не вызывающие принципиальных разногласий) точки согласия по конкретным аспектам. Отметим еще и такую особенность. Нормы будут возникать не только в ходе экспертной дискуссии, но и на практике, в результате появления новых технологий, и нормы технического характера часто будут первопроходцами в урегулировании участия роботов в вооруженных конфликтах.

Как видно, дискуссия о подходах к регулированию САС находится в самом начале пути. С учетом изменения в самом содержании современной войны может меняться и наше представление о том, что правильно и неправильно на поле брани. И пока сложно высказать предположения о дальнейших путях ее развития и динамичности повестки. Думается, что будет она непростой в силу текущей геополитической ситуации, в которой сложно найти правовые средства, в полной мере учитывающие гуманистическую направленность МГП и интересы безопасности отдельных государств. Кроме того, предстоит решить и некоторые специфические проблемы, например, пока кажущийся футуристическим – вопрос о причинении вреда самим боевым роботам[1].

Библиографический список:

1. *Габов А.В., Хаванова И.А.* Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 220–231.

2. *Капустин А.Я., Мартыненко Е.В.* Международное гуманитарное право: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 1991. С. 36.

3. *Ковлер А.И.* Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. М.: Норма, ИНФРА, 2019. 304 с.

4. *Козюлин В.Б., Грант Т., Гребенщиков А.В., Джиака Ж., Ефимов А.Р., Сун С., Уорхэм М.* Боевые роботы: угрозы учтенные или непредвиденные? // Индекс безопасности. 2016. № 3–4 (118–119). Т. 22. С. 79–96.

5. *Кревельд М. ван.* Трансформация войны. Пер. с англ. М.: Альпина бизнес Букс, 2005. 343 с.

6. *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право: общий курс: справочное издание. М.: МККК, 2017. 419 с.

7. *Морхат П.М.* Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8–12.

[1] Война предполагает применение насилия по отношению к людям, однако если обе враждующие стороны применяют «умные» машины, это может стать «насилием» машин над другими машинами. Но разве это все еще война? - задается вопросом *П. Лэйтон* (см.: *Layton P.* Algorithmic Warfare. Applying Artificial Intelligence to Warfighting. Australia. Air Power Development Centre. 2018. P. 31).

8. *Постников А.Н., Хамзатов М.М.* Сухопутные войска будущего // Независимое военное обозрение. 11.09.2015 // http://nvo.ng.ru/concepts/2015-09-11/4_future.html.

9. *Савин Л.* Бесконтактные и сетевые войны // https://www.geopolitica.ru/article/beskontaktnye-i-setevye-voyny.

10. *Allen G., Chan T.* Artificial Intelligence and National Security. Belfer Center for Science and International Affairs. 2017. P. 13, 70 // https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/AI%20NatSec%20-%20final.pdf.

11. *Anderson K., Waxman M.* Law and Ethics for Robot Soldiers (April 5, 2012). Policy Review, 2012; Columbia Public Law Research Paper No. 12-313; American University, WCL Research Paper No. 2012-32. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2046375.

12. *Asaro P.* On Banning Autonomous Weapon Systems: Human Rights, Automation, and the Dehumanisation of Lethal Decision-making // International Review of the Red Cross. Volume 94. Number 886. Summer 2012. Pp. 687–709.

13. *Bode I., Huelss H.* Autonomous weapons systems and changing norms in international relations // Review of International Studies. 2018. Vol. 44, part 3. Pp. 393–413.

14. *Del Re A.* Lethal Autonomous Weapons: Take the Human Out of the Loop. 2017.

15. *Detter I.* The Law of War. Third edition. Ashgate Publishing, Ltd. 2013. P. 262.

16. *Enemark Ch.* Armed Drones and the Ethics of War: Military virtue in a post-heroic age. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014.

17. *Geiss R., Siegrist, M.* (2011) Has the armed conflict in Afghanistan affected the rules on the conduct of hostilities? International Review of the Red Cross, 93 (881). P. 20 // http://eprints.gla.ac.uk/78068/1/78068.pdf.

18. *Ilachinski A.* AI, Robots, and Swarms. Issues, Questions, and Recommended Studies. January 2017 // https://www.cna.org/cna_files/pdf/DRM-2017-U-014796-Final-SUMMARY.pdf

19. *Kerr I., Szilagyi K.* Asleep at the Switch? How Lethal Autonomous Robots Become a Force Multiplier of Military Necessity // Robot Law. Edited by R. Calo, A.M. Froomkin, I. Kerr. Edward Elgar Pub, 2016. Pp. 335–336.

20. *Krishnan A.* Killer robots: Legality and ethicality of autonomous weapons. Routledge, 2016. Pp. 33–60.

21. *Layton P.* Algorithmic Warfare. Applying Artificial Intelligence to Warfighting. Australia. Air Power Development Centre. 2018. P. 31.

22. *Roff H.* Autonomous or «Semi» Autonomous Weapons? A Distinction Without Difference (Mar 18, 2015) // https://www.huffingtonpost.com/heather-roff/autonomous-or-semi-autono_b_6487268.html.

23. *Sharkey N. E.* The evitability of autonomous robot warfare // International review of the Red Cross. Vol. 94. Number 886. Summer 2012. P. 788.

УДК 347.94+004.9

ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В.Г. Голубцов,
доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой предпринимательского права
гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Аннотация: исследуется проблема электронно-цифровых доказательств, которые не рассматриваются автором в качестве самостоятельных средств доказывания (с учетом современного состояния). Опираясь на теорию доказательственного права, её закономерности, терминологическую цельность и единство, автор настаивает на необходимости классификации данных разновидностей доказательств в пределах известных законодательству средств доказывания. В основе такого утверждения лежат аргументы о том, что электронно-цифровые технологии, используемые на современном этапе в процессе, не обладают признаками и сущностными особенностями, влекущими необходимость изменять основные институты процессуального законодательства, а также сущность составляющих его институтов.

Ключевые слова: электронно-цифровые технологии, теория доказательственного права, средства доказывания, процессуальное правоведение, специальная терминология.

THEORY OF EVIDENCE AND DIGITIZATION IN CIVIL PROCEEDINGS

V.G. Golubtsov,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

Annotation: the research is performed of the digital and electronic evidences which are not regarded by the author as the independent instrument of proof (taking into account their current status). Proceeding from the theory of the law of evidence, its regularities and terminological unity, the author insists on the necessity to classify these types of evidences within the limits of the means of proof known

to the legislation. This statement rests on the arguments that the electronic and digital technologies currently used in the proceedings do not have typical features and essential properties which imply the necessity to change the main procedural legislation institutions and the subject matters of these institutions.

Keywords: digital and electronic technologies, theory of the law of evidence, means of proof, procedural law studies, special terminology.

Россия на современном этапе активно внедряет информационные технологии в процесс отправления правосудия. При этом в нашем распоряжении имеется богатый практический и теоретический опыт Европы, изученный как в технологической части, так и в юридической части[1]. Имеется уже и собственный российский опыт, признаваемый в том числе и за рубежом[2]. Однако эти имеющиеся технические новации и достижения – не повод для игнорирования принципиальных теоретических вопросов, разрешение которых должно предварять и сопровождать процессы внедрения проектов электронного правосудия в жизнь.

Один из таких важных моментов заключается в необходимости исследования тех эффектов, которые возникают в связи с недостаточной теоретико-правовой обеспеченностью процессов информатизации правосудия при их соприкосновении с классическими институтами процессуального права.

Вопреки историческим тенденциям, имевшим место еще до «электронной эры» и относящимся к естественным процессам совершенствования делопроизводства и документооборота в «присутственных» местах, никак при этом не затрагивающих правовой сущности того процесса, который они обслуживали, современная процессуальная наука, как представляется, порой без должных на то оснований, обнаружила иную тенденцию. Необходимо констатировать, что юридическая диагностика с активным реформаторским уклоном успела охватить не один законодательно и теоретически устоявшийся процессуальный вопрос, зачастую преждевременно, а часто вообще без должной необходимости. Так, архаичной и остро нужда-

[1] *Ярков В.В.* Всемирный конгресс по процессуальному праву // Журнал российского права. 1999. № 11. С. 161–166; *Штанке Э.* Реформа немецкого гражданского процессуального права: Проект новелл ГПК Германии // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса М.: Норма, 2002. С. 231–247; *Горелов М.В.* Сравнительная характеристики правовой природы электронных документов как доказательств в гражданском процессуальном законодательстве Германии и России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 4 (255). С. 149–152; *Приходько Л.В.* Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» (e-court) // Государство и право. 2007. № 9. С. 82-86; *Брановицкий К.Л.* Информационные технологии в гражданском процессе Германии: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009; *Решетняк В.И.* Электронное правосудие в гражданском процессе Австралии // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 174–178 и др.

[2] *Маренков Д.* Судебная система Германии. Краткий обзор // Deutsch-Russische Juristenvereinigung e. V. Германо-Российская ассоциация юристов / Сборник статей о праве Германии. 2015. Вып. 1. С. 351–381 // www.drjv.org.

ющейся в модернизации, в частности, признаётся существующая процессуальная форма – принцип устности в судопроизводстве. Ее предлагается исключить, а теорию доказательств, в связи с введением электронного документооборота, кардинально откорректировать.

Как представляется, подобные выводы предопределены смешением параллельно идущих в общественной жизни и, соответственно, и в правосудии финансовых, организационных, технологических, процедурных и процессуальных процессов, их стремительностью и масштабностью и недостаточно четким разделением понятий «модернизация» и «реформирование»[1].

Что касается принципов гражданского судопроизводства, то теоретические коррективы их восприятия в условиях активно идущих процессов информатизации судебной деятельности в науке уже обозначились[2]. Их общий посыл справедливо заключается в том, что информатизация правосудия не отменяет установленные принципы судопроизводства, не меняет их содержательного наполнения. Как верно отмечается в литературе, если говорить о процессуальной форме, то советскими и постсоветскими теоретиками создано основательное учение, способное устоять с приходом аналоговых и цифровых доказательств[3]. Вопрос состоит в том, использовать ли понятие «процессуальная форма» как общеупотребимое в смысле стандартов правосудия или как научно-обоснованное.

Менее однозначно выглядит вопрос об электронно-цифровых доказательствах, мнения в отношении сущности и классификации которых в науке разделились. Одна группа ученых однозначно причисляет их к письменным, разделяя на рукописные, машинописные, графические и электронные. При этом последние отличаются формой, которая создается посредством технических средств фиксации, обработки и передачи информации, что, однако, не влияет на сущность и содержание тех сведений, которые они в себе заключают. Другие считают, что место этих доказательств

[1] Если говорить о процессуальной реформе, то вопросы, относящиеся к ней, отражены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Реформирование в сфере судопроизводства невозможно без внесения корректировок в нормативное воплощение основополагающих начал цивилистического процесса, т. е. принципов процессуального права. Изменения и дополнения, предусмотренные законопроектом ВС РФ, касаются прежде всего принципов независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону, доступности правосудия, диспозитивности, сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения гражданских дел, а также судейского руководства процессом. Текст постановления официально опубликован не был.

[2] *Брановицкий К.Л.* Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.

[3] *Анциперова А.И., Родионова В.С., Нестолий В.Г.* Триалог об электронном «правосудии» в гражданском процессе // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1(2). С. 196–202.

в разряде вещественных, при этом существуют также мнения о письменно-вещественной природе этих доказательств. Третья группа ученых полагает, что электронные доказательства должны быть самостоятельным средством доказывания. Необходимо отметить при этом, что в последнем случае «технологические» аргументы по силе и объему заметно превосходят правовые.

Поскольку сторонники первой точки зрения, находящейся в согласии с законодательной позицией, убедительно немногословны, необходимо дополнительно затронуть те аргументы, которые обосновывают законодательную позицию об отнесении электронно-цифровых доказательств к письменным.

Понятие доказательств во всех процессуальных отраслях права едино. Имеющиеся отличия в их определении состоят в том, устанавливается ли соответствующим кодексом исчерпывающий перечень видов доказательств и какие именно виды доказательств легально закреплены. Правила о допустимости доказательств также являются практически общими.

В ст. 55 ГПК РФ приведен исчерпывающий перечень средств доказывания, включающий объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта. Привлечение других источников ГПК РФ не допускает. Как справедливо отмечают авторы одного из научных комментариев, «ошибочно полагать, что данная норма не позволяет использовать в качестве доказательств технически новые источники информации. Речь идет о том, что в судебное заседание сведения должны представляться переведенными в форму, предусмотренную в установленном законом порядке»[1]. Перечень письменных доказательств приведен в ст. 71 ГПК РФ, согласно которой к письменным доказательствам относятся «…иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документов способом».

Часть 2 ст. 59 КАС РФ в числе источников доказывания называет: объяснения лиц, участвующих в деле, и показания свидетелей, полученные в том числе путем использования систем видеоконференц-связи, а также письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов. Расшифровка письменных доказательств приведена в ст. 70 КАС РФ. Её редакция в отношении доказательств, полученных с помощью технических устройств, аналогична редакции ст. 71 ГПК РФ.

Практически аналогично сформулированы ч. 1 и ч. 3 ст. 75 АПК РФ. Но поскольку АПК РФ не указывает на исчерпывающий перечень доказательств, в его тексте содержится ст. 89 АПК РФ «Иные документы и материалы».

[1] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. *Л.В. Тумановой*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 122.

Во всех приведенных актах законодатель исходит из позитивистской концепции доказывания как сведений о фактах. Согласно этой концепции процессуальный статус доказательства как доказательства судебного не зависит от объективной формы его выражения, важна та форма, которая позволяет его воспринять человеку. Данная концепция и отражена в положениях ст. 55 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ и ст. 70 КАС РФ, способных опровергнуть научную ценность теоретических высказываний о «настоятельной необходимости углубленного изучения, как самой природы цифровых доказательств, так и особенностей их использования»[1], об «особом статусе электронных документов, все более явно отличающемся от традиционных письменных документов, используемых в качестве доказательств»[2] и пр.

Представляется, что попытка отыскать электронным доказательствам собственную нишу сопряжена с двумя методологическими ошибками. Во-первых, в подобных концепциях прилагательному «электронное» придается первостепенное значение, тогда как ключевой термин «доказательство» оказывается вторичным, перекрываемым технической стороной вопроса. Вторая ошибка спровоцирована ослаблением научного внимания относительно того, что понятие «электронный» характеризует не сами сведения, и природу, а только указывает на средства, которые могут их воспроизводить.

Вопрос о том, быть или не быть электронным доказательствам самостоятельным источником доказывания, это не вопрос об электронных достижениях, используемых во всех сферах государственной и общественной жизни, включая правосудие, а вопрос о сущности доказательств как таковых с опорой на теорию доказательств.

Доказательственное право как структурное подразделение процессуального права – это вполне устойчивая правовая общность, чьи нормы имеют собственную организацию, сложившуюся под влиянием естественных эволюционных процессов развития учения о доказательствах и судебной практики. Основой этой организации является неразрывная связь с другими институтами, интегрированный характер института судебного доказывания, существующая внутри него горизонтальная правовая терминологическая связь.

Как известно, отличительной чертой отраслевой терминологии является то, что она основывается на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий, отражающих специфику конкретной сферы правовых отношений. Но в процессе правореализации и правоприменения, что очевидно, невозможно обойтись без специальных технических терми-

[1] *Чернышев В.Н., Лоскутова Е.С.* Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. Т. 12. С. 199.

[2] *Азаров В.В.* Соотношение электронных документов и письменных доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 52.

нов. К таковым сегодня в нормах о доказательствах относятся термины «цифровой», «электронный», «графическая» (запись)». Никакой правовой нагрузки они не несут, так как могут быть употреблены только в том смысле, который закреплен за ними в соответствующей отрасли знания.

Дополнительное введение «сетевой» терминологии в законодательство, далеко не всегда однозначной с правовой точки зрения, неизбежно повлечет за собой необходимость толкования судом соответствующих понятий. Ведь если вникать в специальный смысл понятия «цифровая информация», то можно увидеть, что этот вид информации сегодня может быть записан на три вида носителей: магнитные, оптические, электронные. Есть разделение носителей на энергозависимые и энергонезависимые[1].

Как можно понять из приведенного примера, возникает вопрос об объеме специальной технической терминологии, которую надлежит задействовать как для толкования соответствующих норм, так и для исследования и оценки доказательств, имеющих электронно-цифровую форму.

Теоретический базис учения о судебных доказательствах основан на том, что его основой являются сведения о дискуссивных фактах. Основная нагрузка сторон, по убеждению судьи, лежит на содержании этих сведений, а не на их форме, которая, при соответствии её законодательству, не влияет на доказательственное значение воплощенных в нем сведений. Для определения доказательства в качестве судебного важно наличие информации (фактических данных, сведений), имеющей значение для разрешения дела; материального носителя информации, обеспечивающего возможность сохранять информацию и воспроизводить ее в судебном заседании, и процессуальной формы получения информации, имеющей значение для разрешения дела.

Факты объективной реальности, отражаясь в различных доказательствах, не перестают существовать, изменяется лишь форма их отражения, которая никак не влияет на сущностную сторону их информативности. Тем более что сведения, объективированные и донесенные до суда в цифровой форме, не оцениваются автономно от всех иных сведений, познаваемых судом – они оцениваются, как закреплено в законе, «по совокупности».

Что же касается сомнений, происходящих от особого источника цифровых доказательств, процедурные сложности, связанные с идентификацией и аутентификацией цифровых доказательств, а также сомнения в их достоверности в связи с возможностью искажения, то эти же вопросы возникают и при исследовании классических доказательств. Важнее, на наш взгляд, при этом, что при внедрении в судопроизводство доказательств, содержащихся на электронно-цифровых носителях, закономерности процесса доказывания должны оставаться неизменными и не корректироваться в зависимости от «особого» характера доказательств.

[1] *Зазулин А.И.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 90.

Все правила, относящиеся к сущностным признакам доказательств, в основе своей вполне эффективно выполняют практическую и теоретическую функцию. Поэтому если выбирать между возможными законодательными новеллами «об электронно-цифровых доказательствах с учетом их специфики и особой природы», и расширением норм о письменных доказательствах в смысле их классификации, то представляется, что более обоснованным выглядит второй путь. Это никак не уменьшает роль и значение электронно-цифровых доказательств, напротив, подчеркивает их приемлемость для существующего процесса, не влекущую ограничений на их использование в судопроизводстве, кроме тех, которые определены процессуальными нормами об относимости и допустимости.

Нельзя упустить и аргумент исторический. В своей истории процессуальная наука уже сталкивалась с проблемой отражения «специфических» разновидностей доказательств, обусловленных научно-техническим прогрессом (на тот момент – языка электронно-вычислительных машин), в праве – в 1972 году. Первоначально взгляды ученых разнились примерно по тому же алгоритму, что и сегодня. Законодатель же однозначно отнес этот вид доказательств к письменным. К 1995 г. в науке утвердился взгляд о том, что «все современные носители информации могут быть классифицированы в рамках уже известных законодательству средств»[1].

Нельзя, конечно же, утверждать, что все доктринальные и законодательные проблемы доказательств, имеющих электронно-цифровую форму, решены. Приведенный доктринальный анализ касается сегодняшнего уровня развития научно-технического прогресса и сегодняшнего состояния цифровизации общества в целом и цивилистического процесса в частности.

Обсуждаться, как представляется, уже сегодня должны как минимум два вопроса, актуальность которых не вызывает сомнений уже сейчас.

Первый – является ли достаточной процессуально-правовая основа для введения в процесс отправления правосудия такого вида доказательств и возможностей для их исследования судом. В этой части надлежит решить вопрос об урегулировании вопросов о бремени представления в судебное заседание технических средств на сторону, представляющую доказательства, для воспроизведения которых требуются технические средства, в случае их отсутствия в суде, но необходимых для воспроизведения содержания таких доказательств. И до каких пределов должны простираться обязательства государства (в лице суда), связанные с обеспечение раскрытия, в том числе с технической точки зрения, любых доказательств, использование который в процессе допускается действующим законодательством.

Из этого же разряда вопросы о том, на ком лежит бремя расходов, связанных с оплатой труда специалиста, привлекаемого для эксплуатации технических средств, воспроизводящих содержание рассматриваемых доказательств.

[1] Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / Под ред. *В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова и др.* М.: Юридическая фирма «Контакт», 1995. С. 111.

Несмотря на всю очевидность ответа на данный вопрос, установление в праве на этот счет должно присутствовать, легализуя право суда отнести подобные расходы к расходам стороны, в пользу которой состоялось судебное решение.

Это же относится и к вопросам о недопустимости отказа в принятии таких доказательств в случае отсутствия у суда технической оснащенности для воспроизведения доказательств в судебном заседании и к праву участников процесса потребовать повторного воспроизведения такого доказательства для представления суду своих соображений и комментариев относительно содержания доказательств.

Второй вопрос о том, требуются ли какие-то дополнительные средства защиты процессуальных прав стороны, ссылающейся на электронно-цифровые доказательства? Думается, что в действующем законодательстве должна быть закреплена презумпция о том, что электронные доказательства обладают той же доказательственной силой, что и те, которые представлены в аналоговых источниках.

Так, во французском законодательстве действует легальная презумпция того, что документ в цифровой форме имеет такую же доказательственную силу, что и бумажный документ (ст. 1316-3 ФГК). Аналогичное положение продублировано и в ст. 1316-1 ФГК. Повторение используется французским законодателем ввиду революционности вводимого положения и опасений в том, что норма не будет понята или же будет нарушаться на практике[1]. Подобное положение признаётся презумпционным, обеспечивая стороне, представившей электронные доказательства, тот же уровень их восприятия судом, что и традиционных письменных доказательств.

Как показывает зарубежный опыт, интересы доказывания превалируют даже при использовании современных технологий[2] – соответственно, очевидно, что такая презумпция была бы полезна и для российского законодательства и правоприменения.

Резюмируя, отметим, что проблема электронно-цифровых доказательств – это не столько вопрос о том, быть им или не быть, и в каком качестве – это данность. Проблема имеет иной оттенок – необходима процессуально-правовая гармонизация законодательных установлений и того, что привнесено из других отраслей знаний.

Библиографический список:

1. *Азаров В.В.* Соотношение электронных документов и письменных доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 51–56.

[1] Цит. по: *Гивель Дидье* Очерк о доказательствах во французском гражданском праве. Пер. *М. А. Лихачева* // Российский юридический журнал. 2013. № 2 (88). **С**. 78–88.

[2] Y. et Pottier I. authentification et de la preuve dans les transactions (1 partie), la juridique des face la preuve: Gaz. Pal. 1996, I, doctr.

2. *Анциперова А.И., Родионова В.С., Нестолий В.Г.* Триалог об электронном «правосудии» в гражданском процессе // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 196–202.

3. *Брановицкий К.Л.* Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.

4. *Брановицкий К.Л.* Информационные технологии в гражданском процессе Германии: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 225 с.

5. *Гивель Дидье* Очерк о доказательствах во французском гражданском праве. Пер. М. А. Лихачева // Российский юридический журнал. 2013. № 2 (88). С. 78–88.

6. *Горелов М.В.* Сравнительная характеристики правовой природы электронных документов как доказательств в гражданском процессуальном законодательстве Германии и России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 4 (255). С. 149–152.

7. *Зазулин А.И.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 196 с.

8. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Л.В. Тумановой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 800 с.

9. *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 204 с.

10. *Маренков Д.* Судебная система Германии. Краткий обзор // Deutsch-Russische Juristenvereinigung e. V. Германо-Российская ассоциация юристов / Сборник статей о праве Германии. 2015. Вып. 1. С. 351–381 // www.drjv.org

11. *Приходько Л.В.* Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» (e-court) // Государство и право. 2007. № 9. С. 82–86.

12. *Решетняк В.И.* Электронное правосудие в гражданском процессе Австралии // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 174–178.

13. *Штанке Э.* Реформа немецкого гражданского процессуального права: Проект новелл ГПК Германии // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. М: Норма, 2002. С. 231–247.

14. *Чернышев В.Н., Лоскутова Е.С.* Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. Т. 12. С. 199–203.

15. *Ярков В.В.* Всемирный конгресс по процессуальному праву // Журнал российского права. 1999. № 11. С. 161–166.

16. Y. et Pottier I., authentification et de la preuve dans les transactions (1 partie), la juridique des face la preuve: Gaz. Pal. 1996, I, doctr.

УДК 347.42

ЗНАЧЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО ПЛАТЕЖА КАК СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В. Акинфиева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Аннотация: трансформация публичного пространства под воздействием процессов цифровизации и информатизации всех сфер жизни общества поставила перед законодателем, научным сообществом и бизнесом ряд задач, решение которых по своему значению приравнено к реализации национальной идеи. Одной из таких задач, направленных на обеспечение цифрового суверенитета Российской Федерации, является формирование нормативной платформы имущественных отношений, опосредующих гражданский оборот. С целью решения названной задачи необходимо дать адекватную оценку имеющимся гражданско-правовым институтам и их экономическому потенциалу в условиях цифровой среды. Одним из таких институтов является обеспечительный платеж, функционал которого актуален и в условиях цифровой экономики, на что и сделан акцент в рамках данной научной статьи.

Ключевые слова: обеспечительный платёж; способы обеспечения исполнения обязательств; реформа обязательственного права РФ; цифровая экономика; гражданское законодательство; обязательственное право.

THE VALUE OF THE SECURITY DEPOSIT AS A WAY TO ENFORCE THE FULFILLMENT OF OBLIGATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN LAW OF OBLIGATIONS

V.V. Akinfieva,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

Annotation: the transformation of the public space under the influence of the processes of digitalization and Informatization of all spheres of society has set a number of tasks for the legislator, the scientific community and business, the solution of which is equal in importance to the implementation of the national idea. One of these tasks, aimed at ensuring the digital sovereignty of the Russian Federation, is the formation of a regulatory platform for property relations, mediating civil turnover. In order to solve this problem, it is necessary to give an adequate assessment of the existing civil law institutions and their economic potential in the digital environment. One such institution is the security payment with the functionality relevant in the digital environment, and what made the emphasis in this scientific article.

Keywords: security payment; ways to enforce obligations; reform of the law of obligations of the Russian Federation; digital economy; civil law; law of obligation.

Одной из основных задач правовой науки в настоящее время является совершенствование действующего законодательства с целью достижения соответствия правовых норм, постоянно меняющимся и обновляющимся общественным отношениям, что связано, прежде всего, с интенсивным развитием гражданского оборота за последние годы и вхождением Российской Федерации в мировое цифровое пространство. Очевидно, что все большее число общественных отношений регламентируется обязательственным правом.

Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» (далее – Распоряжение)[1] стало отправным вектором широкого обсуждения как в юридических научных кругах в целом, так и в цивилистике[2], в частности, вопросов цифровизации общества, цифровизации экономики и, наконец, цифровизации обязательственного права Российской Федерации.

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 03.08.2017).

[2] Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / *А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.*; отв. ред. *В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.*: Юстицинформ, 2019. 376 с.; *Сергеев А.П., Терещенко Т.А.* Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123; *Михайлов А.В.* Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 68–73; *Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95; *Филиппов А.Е.* Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 4. С. 85–91 и др.

Во главу угла в названном Распоряжении ставится реализация мер государственной политики РФ по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики в Российской Федерации. Известно, что средством производства в условиях цифровой среды становятся данные в цифровой форме, которые предопределяют качество функционирования всех сфер социально-экономической жизни общества, оказывают непосредственное влияние на качество жизни граждан, обеспечивают экономический рост и национальный суверенитет.

Поскольку Распоряжение принято в развитие и дополнение Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., которая была утверждена соответствующим Указом Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы»[1] (далее – Указ), постольку Программа цифровизации общества во многом созвучна Стратегии информационного общества в РФ.

До 12 февраля 2019 г. действовало Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» (далее – Распоряжение)[2], однако Распоряжением Правительства РФ от 12.02.2019 № 195-р[3] Распоряжение признано утратившим силу. Интересно отметить, что при этом все остальные акты в этой сфере сохранили свою юридическую силу[4].

Фокус Программы направлен на первоочередное развитие двух нижних уровней цифровой экономики – базовых направлений, к числу которых относится нормативное регулирование цифровизации общества, что

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.05.2017).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 03.08.2017).

[3] Распоряжение Правительства РФ от 12.02.2019 № 195-р «О признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р» // http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 19.02.2019).

[4] Постановление Правительства РФ от 28.08.2017 № 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» (вместе с «Правилами разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 30.08.2017); План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2)); Методические указания по разработке планов мероприятий по направлениям реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания подкомиссии по цифровой экономике Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 29.11.2017 № 7) и др.

подтверждает безусловную актуальность специальных цивилистических исследований, направленных на цифровизацию базовых правовых инструментов. При этом создание нормативной платформы цифровой экономики в РФ должно обеспечивать, прежде всего, условия для имеющихся и новых перспективных сквозных цифровых платформ и технологий.

Как отмечается в Распоряжении, реализация заявленной Программы не представляется возможной без взаимодействия государства, бизнеса и науки, поскольку только совокупное участие в данном Проекте способно привести российскую экономику к уровню создания и функционирования высокотехнологичных предприятий, развивающих «сквозные» технологии и управляющих цифровыми платформами, сфокусированными на глобальном рынке. Одним из наиболее значимых шагов для достижения поставленных целей стала ратификация Договора о Евразийском экономическом союзе[1].

В целом стоит отметить, что названное Распоряжение исходит из того, что цифровая экономика – это вид хозяйственной деятельности, отличающийся тем, что фактором производства выступают данные в цифровой форме. Магистральная задача цифровизации общества видится в формировании цифрового пространства, учитывающего потребности граждан и общества, обеспеченного соответствующей информационной инфраструктурой, информационно-телекоммуникационными технологиями.

Говоря о реформе обязательственного права, необходимо констатировать, что до 8 марта 2015 г. – даты принятия Федерального закона № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[2] ни российское гражданское законодательство в целом, ни ранее действовавший Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. в частности не содержали каких бы то ни было положений, регулирующих обеспечительный платеж[3].

Нормативное закрепление обеспечительного платежа стало закономерным итогом его широкого применения в деловой и общегражданской практике в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств. На момент легитимизации был накоплен большой эмпирический материал о подобных, весьма схожих по конструкции и назначению обеспечительному платежу способах обеспечения исполнения обязательств.

Исследование обеспечительного платежа и уяснение его места в условиях цифровизации общества представляет собой интерес в свете появ-

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017) // http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.01.2015).

[2] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 08.03.2015 № 42-ФЗ // http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.03.2015).

[3] Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

ления норм, посвященных цифровым правам, которые по своей правовой природе признаны законодателем обязательственными.

Так, с 18 марта 2019 г. в ст. 128 ГК РФ появился новый вид имущественных прав – цифровые права, которым посвящена отдельная статья ГК РФ. Под цифровыми правами законодатель предложил понимать «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам»[1].

Значение обеспечительного платежа как способа обеспечения исполнения обязательств в условиях цифровизации обязательственного права Российской Федерации определяется, главным образом, через его функции.

Обеспечительная функция как функция, решающая несколько важнейших задач, носит в определенной мере комплексный характер вследствие взаимодействия всех функций, на выполнение которых направлен тот или иной способ обеспечения исполнения обязательств.

Как верно пишет Б.И. Салимзянов, обеспечительная функция является сущностной характеристикой соответствующей обеспечительной конструкции, указывающей на наличие в ней как регулятивного, так и охранительного правового механизма[2].

Полагаем, что по смыслу конечной целью обеспечительной функции выступает защита прав добросовестных участников гражданского оборота и «повышение правовой дисциплины недобросовестных участников сторон в обязательстве»[3].

С точки зрения О. Седовой, «обеспечительный платеж включает в себя несколько функций, а именно платежную и обеспечительную. И если обеспечительная функция исходя из смысла гражданских правоотношений при обеспечении обязательств присутствует всегда, то платежная возникает в случае, если это оговорено в условиях договора»[4].

Автор отчасти прав: п. 1 ст. 381.1 ГК РФ содержит правило, согласно которому в случае ненаступления в предусмотренный договором срок обстоятельств или прекращения обеспеченного обязательства обеспечительный платеж подлежит возврату, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Из этого следует, что общим правилом, сформулированным в ука-

---

[1] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 18.03.2019).

[2] *Салимзянов Б.И.* Обеспечительная функция предварительного договора в сфере оборота недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. С. 29–30.

[3] *Васючкова О.А.* Новые правила о способах обеспечения исполнения обязательств в гражданском законодательстве РФ // Власть Закона. 2016. № 1. С. 180.

[4] *Седова О.* Налоговые последствия обеспечительных мер // ЭЖ-Юрист. 2016. № 43. С. 9, 12.

занной статье, является именно возврат обеспечительного платежа, хотя рассмотренная норма носит диспозитивный характер. Поэтому, как нам представляется, обеспечительный платеж, по общему правилу, не выполняет платежную функцию.

«Судьба» платежной функции обеспечительного платежа во многом зависит от обстоятельств, предусмотренных договором, а также от условий договора. Так, если обстоятельства, предусмотренные договором, наступят, то, по общему правилу, исходя из конструкции обеспечительного платежа, его платежная функция так и не будет выполнена. Однако, если обстоятельства, предусмотренные договором, не наступят, то при наличии такого условия в договоре обеспечительный платеж засчитывается в счет платежей по договору, выполняя тем самым платежную функцию.

Обеспечительный платеж является весьма распространенным способом обеспечения исполнения обязательств, возникающих из договоров аренды недвижимого имущества, проката (на случай причинения имущественного вреда объекту аренды), подряда (на случай выявления дефектов в результате работ и возникновения необходимости финансировать их устранение или на случай иного ненадлежащего исполнения обязательств контрагентом), возмездного оказания услуг и так далее.

Страховая функция обеспечительного платежа в некоторой степени схожа с его обеспечительной функцией, поэтому выделение функций является весьма условным, однако в то же время необходимым этапом исследования.

В практике получила широкое распространение ситуация, при которой должник передает денежные средства «в залог», например, при прокате лыж, коньков, аренде квартиры, транспортного средства. Хотя, исходя из функционала и родовидовых признаков обеспечительной сделки, в данном случае имеет место не залог денежных средств, а обеспечительный платеж.

Так, между сторонами был заключен договор субаренды нежилых помещений, в соответствии с которым предусмотрено, что субарендатор оплачивает арендатору сумму в размере двухмесячной арендной платы, которая является страховым депозитом. Страховой депозит является обеспечением сохранности помещения, оборудования и имущества арендатора и своевременности оплаты всех платежей[1].

Неудивительно, что даже стороны обязательства нередко называют такой платеж «страховым» (например, «страховым депозитом»[2]). Обеспечительный платеж можно отнести к числу так называемых «покрывающих»

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.12.2016 № Ф05-18006/2016 по делу № А40-195943/2015 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2019 г.).

[2] Постановление ФАС Московского округа от 27.09.2010 № КГ-А40/8792-09 по делу № А40-102728/09-40-821 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2019 г.).

мер, поскольку при реализации страховой функции обеспечительный платеж «покрывает» возможные будущие убытки, вызванные ненадлежащим исполнением обязательства должником.

Компенсационная функция обеспечительного платежа имеет место в случае возникновения у должника обязанности возместить убытки, в том числе упущенную выгоду, или уплатить неустойку, в том числе в связи с односторонним отказом от исполнения договора, который регламентируется ст. 450.1 ГК РФ. При этом согласно позиции ВАС РФ, односторонний отказ от исполнения договора, осуществляемый в соответствии с законом или договором, является юридическим фактом, ведущим к расторжению договора[1].

Анализируя новеллы обязательственного права, В.В. Долинская заключает, что «большее внимание уделено компенсационной функции гражданского права»[2]. Подобный вывод прямо обозначен и в судебной практике: ФАС Московского округа рассматривал законность положения договора, согласно которому арендодатель удерживал обеспечительный взнос арендатора в качестве компенсации за упущенную выгоду арендодателя в случае досрочного расторжения договора по требованию арендатора. При этом суд отметил, что «обеспечительный взнос выполняет функцию источника средств, необходимых для возмещения убытков (включая упущенную выгоду), понесенных арендодателем вследствие досрочного одностороннего прекращения арендатором договора или нарушения им его условий, предусмотренных договором»[3].

Таким образом, теоретически мыслимы две основные ситуации, отличающиеся правовыми последствиями: (1) если обстоятельства, предусмотренные договором, наступят: в период до наступления обстоятельств, предусмотренных договором, обеспечительный платеж направлен на выполнение обеспечительной, доказательственной и страховой функции, а в период после наступления указанных обстоятельств происходит трансформация названных функций в компенсационную; (2) если обстоятельства, предусмотренные договором, не наступят: в период до истечения установленного договором срока для наступления обстоятельств, предусмотренных договором, обеспечительный платеж направлен на выполнение обеспечительной, доказательственной и страховой функции, а в период после истечения установленного договором срока для наступления обстоятельств и при условии их не наступления – указанные функции обе-

[1] Постановление Президиума ВАС РФ от 09.09.2008 № 5782/08 по делу № А19-9645/07-26 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 11.

[2] *Долинская В.В.* Новеллы и тенденции развития обязательственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 6.

[3] Постановление ФАС Московского округа от 02.12.2013 № Ф05-14925/2013 по делу № А40-19611/13-6-186 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2019 г.).

спечительного платежа трансформируются в платежную, если это предусмотрено соглашением сторон.

Значение обеспечительного платежа как способа обеспечения исполнения обязательств в условиях цифровизации обязательственного права Российской Федерации определяется выполняемым им функционалом. При этом пользуясь методом правового прогнозирования с учетом законодательного закрепления института «цифровых прав» можем предположить, что в будущем передача обеспечительного платежа может осуществляться в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам. Однако для этого потребуется соответствующее реформирование гражданского законодательства.

Библиографический список:

1. *Васючкова О.А.* Новые правила о способах обеспечения исполнения обязательств в гражданском законодательстве РФ // Власть Закона. 2016. № 1. С. 171–181.

2. *Долинская В.В.* Новеллы и тенденции развития обязательственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 3–7.

3. *Михайлов А.В.* Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 68–73.

4. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.

5. *Салимзянов Б.И.* Обеспечительная функция предварительного договора в сфере оборота недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. 207 с.

6. *Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.

7. *Седова О.* Налоговые последствия обеспечительных мер // ЭЖ-Юрист. 2016. № 43. С. 9, 12.

8. *Сергеев А.П., Терещенко Т.А.* Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

9. *Филиппов А.Е.* Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 4. С. 85–91.

УДК: 347.440.14

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН СМАРТ-КОНТРАКТА

А.А. Волос,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1
e-mail: vaalawyer@gmail.com

Аннотация: смарт-контракты позволяют экономить человеческие и материальные ресурсы, обеспечивают определенную независимость. Однако при этом возникает проблема эффективной защиты субъектов, которые вступают в подобные отношения. Автор с точки зрения норм российского законодательства, а также на примере ряда решений иностранных судов высказывает позицию о том, что защита субъектов сторон смарт-контракта должна осуществляться в соответствии с основополагающими принципами гражданского права, прежде всего, юридического равенства субъектов и добросовестности.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, добросовестность, юридическое равенство сторон, слабая сторона.

SOME PROBLEMS OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE PARTIES TO THE SMART CONTRACT

A.A. Volos,
Saratov state law Academy
1, Volskaya st., Saratov, Russia, 410056
e-mail: vaalawyer@gmail.com

Annotation: using of smart contracts saves human and material resources, provides certain independence. However, there are many problems which connected to effective protection of subjects who take part in such relations. The author expresses a position on the example of a number of decisions of foreign courts, and also from the point of view of the norms of the Russian legislation. The position is that the protection of subjects of the parties to the smart contract

should be carried out on the fundamental principles of civil law, legal equity of subjects and good faith.

Keywords: smart contract, block chain, good faith, legal equality of the parties, weak party.

Развитие науки и техники традиционно рассматривается как процесс, который при всех своих положительных чертах имеет и определенное негативное влияние на общество. Например, современные технологии нередко используются не только в целях предотвращения и раскрытия правонарушений и преступлений. Не секрет, что благами цивилизации и новейшими научными достижениями активно пользуются и недобросовестные субъекты.

Создание в недавнем времени теории смарт-контрактов, которая включает в себя научно-практические положения, связанные как с юриспруденцией, так и с техническими науками, повлекло за собой некоторое упрощение деятельности отдельных субъектов. Понятно, что смарт-контракты позволяют экономить людские и материальные ресурсы, обеспечивают определенную независимость. Однако при этом возникает проблема эффективной защиты субъектов, которые вступают в подобные отношения. Возникает вопрос, насколько общепринятые формы и способы защиты прав и законных интересов субъектов применимы в данной ситуации или, возможно, следует создать особый специфический механизм охраны интересов сторон смарт-контрактов.

Смарт-контракт в самом общем виде можно определить как запрограммированный договор, его условия прописаны в программном коде и он автоматически исполняется с помощью блокчейна. Смарт-контракты базируются на компьютерном протоколе, который по установленным правилам посылает или получает определенную информацию или изменяет данные. Основанием является заложенный в протоколе программный код. При этом применяются простые правила «если, то»: «если» определенное условие будет исполнено, «то» будет совершено определенное действие[1].

Примером самого примитивного смарт-контракта может служить торговый автомат, который запрограммирован на то, что в случае если выбран определенный товар и помещено определенное количество денежных средств, автомат в ответ выдаст сдачу и сам товар[2]. К подобным сделкам в нашей жизни мы уже привыкли и не считаем их чем-то неординарным.

---

[1] *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 33.

[2] *Lauslahti K., Mattila J. Seppälä T.* Smart Contracts – How will Blockchain Technology Affect Contractual Practices? // ETLA Raportit – ETLA Reports. № 68. P. 14.

Активное использование таких сделок является одним из направлений развития идеи электронного правительства в России[1].

В смарт-контракте, основанном на технологии блокчейн, формулируются условия контракта на языке программирования, после чего смарт-контракт обычно переносится на блокчейн. Такой контракт исполняется автоматически без участия исполнителя (продавца, подрядчика, исполнителя по договору возмездного оказания услуги и т.п.) при соблюдении заранее определенных условий. Кроме того, программа такого контракта должна быть защищена от несанкционированного изменения его внутренней логики, чтобы сторона договора не могла намеренно препятствовать исполнению смарт-контракта или незаконно изменять его содержание.

Исходя из приведенных самых общих определений смарт-контракта, можно сделать вывод, что смарт-контракт – это не отдельный вид договора. Смарт-контрактом может выступать и договор купли-продажи, и договор аренды, и многие другие гражданско-правовые договорные конструкции. Смарт-контракт предопределяет специфику порядка и способов заключения договора, исполнения обязательств сторон, прекращения договорных отношений.

Одним из традиционных аргументов против широкого использования смарт-контрактов – высокий риск мошеннических действий, которые могут быть совершены в ущерб потребителям и иным участникам подобных сделок. Другой актуальный недостаток смарт-контрактов – проблемы, возникающие при рассмотрении судебных дел в случае возникновения спора[2]. Суду придется разбирать не только юридические, но и технические вопросы, что создаст проблемы как для самого суда, так и стороны дела, которая является более слабой в плане наличия технических возможностей. Уже даже такое краткое описание проблем, которые могут возникнуть при использовании смарт-контрактов, поставит в тупик многих юристов в тот момент, когда возникнет необходимость защиты сторон такого договора, прежде всего судебной.

Среди примеров сложности использования общих правовых конструкций можно привести следующий пример. В зарубежной литературе подчеркивалось, что при работе со смарт-контрактами существенную сложность вызывает возможности применения норм гражданского законодательства о признании сделок недействительными[3].

---

[1] Терминологический справочник по электронному правительству / отв. ред. *М.Ю. Игитян*. М.: Фонд поддержки международных программ. 2017. 48 с.

[2] *Barbry Par Éric*. Smart contracts… Aspects juridiques! // RÉALITÉS INDUSTRIELLES – AOÛT. 2017. P. 77.

[3] *Szczerbowski J.J.* Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation. P. 335. Доступ из электронного ресурса. URL: https://www.researchgate.net/publication/322231850_Place_of_Smart_Contracts_in_Civil_Law_A_Few_Comments_on_Form_and_Interpretation (дата обращения: 14.08.2018 г.).

Представим данную проблему по российскому гражданскому праву. Очевидным с первого взгляда представляется вопрос о признании недействительной сделки, совершенной в отсутствии полномочий на ее совершение (например, по недействительной доверенности), или сделки, совершенной недееспособным. Между тем не совсем понятно, как механизм признания сделок недействительными будет действовать применительно к смарт-контрактам, ведь заключать сделку от имени сторон будет компьютер. Смоделируем ситуацию, при которой при участии компьютера заключена сделка от имени недееспособного субъекта. В каком порядке признать такую сделку недействительной?

Обращает на себя внимание и другой момент. Как отмечает А. Савельев, компьютер «равнодушен» к основополагающим правовым принципам права, таким как законность, справедливость, защита слабой стороны. Вместо этого основными принципами формирования условий договора становятся определенность и эффективность[1].

По мнению ученых, смарт-контракты не позволяют обеспечить защиту слабой стороны правоотношения, например, потребителя. Утверждается, что правовые положения законодательства о защите прав потребителя и защиты от несправедливых условий договора контракта неприменимы к смарт-контракту. В то же время смарт-контракты могут предоставить потребителям дополнительные рычаги для защиты своих интересов. В настоящее время потребители не имеют никакого реального выбора, как заключить или не заключить договор, какие условия включить в него. Даже если человек понимает эти условия, у него нет переговорной силы для их изменения. Если он решит перейти к другому продавцу, то результат будет тот же[2].

Вместе с тем определенность и, особенно, эффективность обычно рассматривались как принципы экономической деятельности, не являясь одновременно основополагающими принципами права. Возникает вопрос, допускается ли полный отказ от принципов законности, справедливости и защиты слабой стороны в целях обеспечения определенности и эффективности.

С точки зрения не только фундаментальной юридической теории, но и формальных правил ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ следует дать отрицательный ответ на этот вопрос. При всей сложности судебной защиты сторон смарт-контракта суды должны реагировать на грубейшие нарушения сторон при его заключении и исполнении вне зависимости от правильности или неправильности технических программ.

В частности, возможно применение к отношениям сторон принципа добросовестности. Так, абсолютно прав В.Г. Голубцов в том, что введение

[1] *Savelyev A.* Contract law 2.0: «Smart» contracts as the beginning of the end of classic contract law. Pp. 16–17.

[2] P. 20.

в гражданское законодательство критериев добросовестности применительно к обязательственному праву способно снять проблему непредсказуемости судебных решений при применении принципа добросовестности[1].

Частным случаем применения принципа добросовестности к ситуации со смарт-контрактами может выступать принцип contra proferentem, допускающий, что в случае неясности условия договора и отсутствия возможности установить действительную общую волю сторон договора данное условие толкуется судом в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку неясного условия. Применительно к рассматриваемой ситуации сказанное означает то, что субъект, ответственный за подготовку программы, создавшей запрограммированный договор, несет риск неясности тех или иных условий соглашения.

К сожалению, многообразной судебной практики по вопросам применения норм, регулирующих отношения субъектов, возникших из смарт-контрактов, в России еще не сложилось. В связи с этим предположить, как суды будут использовать (или вообще отрицать возможность их применения) принципы гражданского права в данных ситуациях, сложно. Однако проанализированные нами материалы зарубежной судебной практики позволяют говорить о том, что основополагающие начала регулирования гражданских отношений далеко не всегда противоречат правилам о смарт-контракта[2]. Например, сложно представить, по какой причине нормы о защите прав потребителя действительно не должны применяться в данной ситуации, если смарт-контракт соответствует критериям потребительского договора.

В частности, уже давно сложилась практика признания заключенными и действительными соглашений «clickwrap», по которым потребители на каком-либо сайте наживают специальную кнопку «принимаю соглашение» (см.: Hill v. Gateway 2000, Inc., 105 F.3d 1147, 1150 (7th Cir. 1997)). При этом в некоторых ситуациях при определении того, было ли соглашение, суды внимательно изучали вопрос о том, получил ли потребитель уведомление об условиях договора, прежде чем согласиться с ним (см.: Inc. v. Verio, Inc., 356 F.3d 393, 403 (2d Cir. 2004)).

Кроме того, использование веб-сайта для заключения договора без явного уведомления об условиях использования, которые были просто размещены на домашней странице, также считается недостаточным принятием этих условий, особенно если стороной договора является потребитель

[1] *Голубцов В.Г.* Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 183.

[2] Здесь и далее примеры из судебной практики приведены с сайта Верховного Суда США, а также по Smart Contracts: 12 Use Cases for Business & Beyond A Technology, Legal & Regulatory Introduction. Доступ из электронного ресурса. URL: https://vk.com/doc23324153_471041984?hash=1cd6665dc24bde88c6&dl=431838584f8a167aa4

(Ticketmaster Corp. v. Tickets.com, Inc., No. CV-997654, 2003 WL 21406289 (C.D. Cal. Mar. 27, 2000)).

Суды устанавливают, было ли стороне договора дано необходимое уведомление о его условии, учитывают, насколько явно из отношений сторон вытекает условие договора. При этом значение могут иметь прошлые деловые отношения и отраслевая практика (см.: Schnabel v. Trilegiant Corp., 697 F.3d 110, 121–22 (2d Cir. 2012)).

Хотелось бы привести мысль с еще одного дела, которое, хоть не является давним, но тем не менее в полной мере отражает наше мнение о смарт-контрактах.

Суд США признал страховую компанию ответственной за компьютеризированное восстановление страхового полиса, сославшись на следующее: «компьютер работает только в соответствии с информацией и указаниями, предоставленными его программистами-людьми. Если компьютер не думает, как человек, это вина человека» (см.: State Farm Mut. Auto. Ins. Co. v. Bockhorst, 453 F.2d 533 (10th Cir. 1972)).

В целом, завершая краткие рассуждения о проблемах защиты сторон смарт-контракта, следует выразить надежду на то, что судебная практика по вопросам применения норм о смарт-контрактах пойдет не по пути отрицания возможности использования основополагающих принципов гражданского права (прежде всего, добросовестности и юридического равенства участников правоотношений), а по пути адекватного их применения. В противном случае смарт-контракты могут активно использоваться недобросовестными участниками гражданского оборота для различных злоупотреблений.

Библиографический список:

1. *Голубцов В.Г.* Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 175–184.

2. Терминологический справочник по электронному правительству / отв. ред. М.Ю. Игитян. М.: Фонд поддержки международных программ. 2017. 48 с.

3. *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

4. *Barbry P.É.* Smart contracts… Aspects juridiques! // RÉALITÉS INDUSTRIELLES. AOÛT. 2017. Pp. 77–80.

5. *Lauslahti K., Mattila J. Seppälä T.* Smart Contracts – How will Blockchain Technology Affect Contractual Practices? // ETLA Raportit – ETLA Reports. 2017. № 68. 32 p.

6. *Savelyev A.* Contract law 2.0: «Smart» contracts as the beginning of the end of classic contract law // Information & communications technology law. 2017. T. 2. № 26. Pp. 116–134.

7. Smart Contracts: 12 Use Cases for Business & Beyond A Technology, Legal & Regulatory Introduction. Доступ из электронного ресурса. URL: https://vk.com/doc23324153_471041984?hash=1cd6665dc24bde88c6&dl=431838584f8a167aa4 (дата обращения: 14.08.2018 г.).

8. *Szczerbowski J.J.* Place of Smart Contracts in Civil Law. A Few Comments on Form and Interpretation. Доступ из электронного ресурса. URL: https://www.researchgate.net/publication/322231850_Place_of_Smart_Contracts_in_Civil_Law_A_Few_Comments_on_Form_and_Interpretation (дата обращения: 14.08.2018 г.).

УДК: 347.1:330.322.12

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ КРАУДФАНДИНГА

О.С. Гончарова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: goncharova.olga.s@gmail.com

Аннотация: в статье приводится анализ законопроекта «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». Определяются правоотношения участников инвестиционной платформы и правовой статус оператора инвестиционной платформы. Обосновывается необходимость установления ответственности перед инвесторами операторов инвестиционных платформ за действия лиц, привлекающих инвестиции. Автор приходит к выводу, что защита прав инвесторов краудфандинга в арбитражном суде возможна через конструкцию группового иска.

Ключевые слова: краудфандинг, защита прав инвесторов, групповой иск.

SOME QUESTIONS OF LEGAL PROTECTION OF CROWDFUNDING INVESTORS' RIGHTS

O.S. Goncharova,
Ural State University of Law
21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: goncharova.olga.s@gmail.com

Annotation: the article provides an analysis of the bill about attracting investments using crowdfunding. The author defines the legal relations of the participants of investment and the legal status of the operator of investment platform. In the article substantiates the need for liability of operators of investment platforms for the actions of persons, which attract investment. Within the research the author comes to conclusion that legal protection of crowdfunding investors' rights is possible through the class action.

Key words: crowdfunding, legal protection of investors' rights, class actions.

Динамичность развития Интернета в настоящее время предоставляет широкие возможности для получения информации, общения, осуществления экономической деятельности, развития бизнеса. Большой интерес в данном контексте представляет конструкция «краудфандинга», под которой понимается финансирование неопределенным кругом лиц на добровольной основе некоего бизнес-проекта. При этом необходимо иметь в виду, что конструкция «краудфандинга» может быть как благом, так и способом для злоупотреблений и незаконных сделок. Миру известны положительные истории краудфандинга. Так, например, одна из первых моделей умных часов Pebble Time была запущена в производство на деньги, собранные на платформе Kickstarter в рекордно короткие сроки. На тот момент об Apple Watch еще не было и речи. Поскольку идея была нова, а ниша пуста, старт-ап Pebble был удачным. Все, кто пожертвовал деньги на производство Pebble Watch, получили через год свои часы. Более того, спустя время на выпуск новой модели Pebble Watch опять решили собрать деньги на Kickstarter, и опять мероприятие обернулось успехом (было собрано 20 млн долларов)[1].

В Китае, например, один из крупнейших производителей электроники Xiaomi привлекает средства на разработку технологий через собственную крауд-платформу Mi Crowdfund[2]. В России популярной платформой для краудфандинга является «Планета», которой управляет ООО «Глобал Нетворкс»[3].

Однако обольщаться не стоит, как правило, лишь 2-3 % всех проектов на платформах по привлечению денежных средств являются успешными. Остальные – или не могут набрать нужную сумму инвестиций, или являются схемой для совершения мошеннических действий.

Возникновение новых отношений предопределяет необходимость их правового регулирования. В настоящее время в российском законодательстве легальная дефиниция «краудфандинга» отсутствует, однако очевидно, что это явление в силу набирающей обороты своей социальной значимости должно быть урегулировано законодательством.

Кроме того, в этом ключе перед законодателем неизбежно встает вопрос о защите прав инвесторов. Развитие новых правовых конструкций всегда влечет необходимость закрепления в законодательстве норм, регламентирующих способы и механизмы защиты прав и законных интересов субъектов. Набирающее обороты и популярность цифровое право должно предусмотреть риски потери капитала для инвесторов и способы борьбы с недобросовестными участниками новых «цифровых» отношений.

---

[1] http://4pda.ru/2015/03/27/210922/ Дата обращения: 30.09.2018

[2] http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/364695-tolpa-investorov-chto-meshaet-rasti-rossiyskomu-rynku-kraudfandinga Дата обращения: 30.09.2018

[3] https://planeta.ru. Дата обращения: 30.09.2018

Весной 2018 года в первом чтении Государственная Дума РФ приняла законопроект «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»[1], который является попыткой урегулировать финансирование проектов малого и среднего бизнеса всеми желающими лицами, как организациями, так и гражданами. При этом так называемый «социальный краудфандинг», когда лицами, привлекающими инвестиции, являются обычные граждане, остался за пределами сферы действия законопроекта. Таким образом, пробел в законодательстве по-прежнему остается.

Статья 1 законопроекта Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций» определяет предмет правового регулирования будущего нормативного акта – отношения по привлечению инвестиций юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями посредством инвестиционных платформ. Согласно законопроекту конструкция краудфандинга предполагает участие минимум трех субъектов: 1) лицо, привлекающее инвестиции, которым может быть только юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель; 2) оператор инвестиционной платформы – юридическое лицо (хозяйственное общество), включенное Центральным банком РФ в реестр операторов инвестиционных платформ, осуществляющее деятельность по организации краудфандинга; 3) инвесторы – лица, желающие внести денежные средства на развитие определённого бизнес-проекта, ими могут быть любые лица, в том числе граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя. Законопроект предлагает следующие способы инвестирования: путем предоставления займов; приобретения эмиссионных ценных бумаг; приобретение токенов инвестиционного проекта (ч. 1 ст. 5 законопроекта).

Центральным субъектом данных отношений выступает оператор инвестиционной системы, он является связующим звеном между лицом, привлекающим инвестиции, и инвестором. С каждым из них оператор заключает свой вид договора: с лицом, привлекающим инвестиции, – договор об оказании услуг по привлечению инвестиций; с инвестором – договор об оказании услуг по содействию в инвестировании. Из буквального толкования положений законопроекта следует, что лицо, привлекающее инвестиции, и инвестор напрямую договорными правоотношениями не связаны, все взаимодействие между ними осуществляется через оператора. В законопроекте много внимания уделено статусу оператора инвестиционной платформы и очень скудно урегулирован статус участников инвестиционной платформы, не ясен характер правоотношений между ними.

Законопроект не предусматривает заключение какого-либо договора между лицом, привлекающим инвестиции, и инвестором, соответственно, в отношении друг друга у них отсутствуют основания возникновения

[1] http://old.duma.gov.ru/systems/law/?name=О+привлечении+инвестиций+с+использован ием+инвестиционных+платформ&sort=date. Дата обращения: 30.09.2018

каких-либо гражданских прав и обязанностей. Денежные средства от инвестора зачисляются на номинальный банковский счет оператора инвестиционной платформы, а уже потом (после сбора всей требуемой суммы) поступают на счет лица, привлекающего инвестиции.

Вместе с тем согласно положению ч. 2 ст. 8 проекта закона оператор инвестиционной платформы освобождается от ответственности перед инвесторами по обязательствам лица, привлекающего инвестиции. Данное хозяйственное общество на возмездной основе оказывает участникам инвестиционной платформы лишь содействие, информационную поддержку, посредничество и, соответственно, ответственность несет только за убытки, причиненные за предоставления недостоверной информации о платформе и операторе; за нарушение оператором правил инвестиционной платформы; за недостатки инвестиционной платформы (ч. 1 ст. 8 законопроекта).

Возникает вопрос, кто несет имущественную ответственность перед инвесторами в случае незаконного присвоения денежных средств лицом, привлекающим инвестиции? Вправе ли инвесторы потребовать возврата своих денег, либо такое право у них вовсе отсутствует?

На первый взгляд может показаться, что ответственность перед инвесторами должно нести недобросовестное лицо, привлекающее инвестиции, и вся полнота ответственности возлагается на него. Однако этот недобропорядочный субъект «пришел» на инвестиционную платформу с разрешения и после проверки оператором, поскольку именно последний, согласно законопроекту, будет диктовать правила по размещению заявки на финансирование и устанавливать требования к желающим получить инвестиции через его платформу в Правилах инвестиционной платформы.

Полагаем, что разумным будет установление перед инвесторами гражданской ответственности операторов инвестиционных платформ, последние же, в свою очередь, должны обладать правом регрессного требования к лицам, привлекающим инвестиции, в результате незаконных действий которых был причинен ущерб инвесторам.

В законопроекте предлагается ряд мер защиты прав инвесторов: в частности, в п. 2 ст. 10 устанавливается так называемый «период возврата» в течение 5 рабочих дней, когда инвестор вправе отозвать принятие предложение лица, привлекающего инвестиции, и потребовать возврата денежных средств; установление максимального порога инвестиций для неквалифицированных инвесторов; зачисление денежных средств должно производиться только в безналичной форме (п. 3 ст. 10); участники инвестиционной платформы должны получать достоверную, полную информацию о инвестиционном проекте, об инвестиционной платформе, об операторе, о лице, привлекающем инвестиции; размещение на сайте оператора информации о действиях, которые должны быть предприняты инвестором в случае неисполнения обязательств лицом, привлекающим инвестиции (п. 1 ч. 1 ст.

13); предполагается установление Центральным банком России максимально возможной суммы инвестиции в течение календарного года для одного гражданина, не являющиего квалифицированным инвестором (ч. 3 ст. 5).

Обратимся теперь к процессуальным аспектам возможных споров о защите прав инвесторов финансирования бизнес-проектов через операторов инвестиционных платформ.

Группа инвесторов, предоставивших денежные средства через оператора инвестиционной платформы на конкретный бизнес-проект, может быть столь обширна и многочисленна, что предъявление индивидуальных исков каждым из них приведет к загруженности судов. В случае нарушения прав большого количества лиц, при котором надлежащая правовая защита их законных интересов требует участия значительной множественности субъектов в судебном разбирательстве на стороне истца, в главе 28.2 в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации предусмотрена конструкция группового иска. Рассмотрим, насколько применимы критерии группового иска, установленные в статье 225.1 АПК РФ, к искам, связанным с защитой прав инвесторов краудфандинга.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ устанавливает качественный и количественный критерии группового иска: все участники группы должны быть субъектами одного и того же спорного правоотношения, и ко дню обращения в арбитражный суд к иску должны присоединиться не менее пяти лиц.

При квалификации признаков группового иска суд в первую очередь должен определить наличие общего для всех истцов вопроса факта. Все инвесторы, перечислившие деньги оператору инвестиционной системы, связаны единым правоотношением – они профинансировали один и тот же бизнес-проект, через одну и ту же инвестиционную платформу, в пользу одно и того же лица, испрашивающего финансирование. Характерное единство фактов в данном случае явно и очевидно, вред истцам причинен в результате одного и того же инцидента, они предъявляют иск к одному и тому же ответчику.

Защита прав инвесторов краудфандинга через конструкцию группового иска отвечает принципам процессуальной экономии, позволит избежать дополнительных судебных расходов. Судебное решение имеет законную силу не только в отношении лиц, участвующих в процессе, но и в отношении тех, кто не участвовал в слушании, но были причислены к группе до вынесения судом первой инстанции решения по делу. Консолидация всех инвесторов в одно судебное разбирательство позволит вынести суду одно решение по нескольким сходным исковым требованиям, что обеспечит единство судебной практики по данной категории дел.

Непрерывная динамика общественных отношений неизменно влечет новые гражданско-правовые конструкции, появление новых моделей до-

говоров, усложнение гражданско-правовых споров. Перед законодателем стоит непростая задача по правовой регламентации отношений, складывающихся в новой реальности, что непременно влечет за собой доработку законопроекта «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». Законопроект вводит лишь общие положения инвестирования, делегируя более детальное регулирование «контролеру» финансового рынка – Центральному банку России. Банку России предлагается самостоятельно определять порядок расчета размера собственных средств оператора инвестиционной платформы, общую сумму инвестиций, привлекаемых одним лицом с использованием инвестиционной платформы в течение календарного года, порядок ведения реестра операторов инвестиционных платформ.

На сегодняшний день запретов и ограничений на привлечение денежных средств через крауд-инвестиционные платформы нет. Объемы коллективного финансирования в России увеличиваются стремительными темпами. Основная причина – привлечение денежных средств через традиционные конструкции (например, кредитование) сложнее, чем с помощью краудфандинга. Несмотря на недостатки законопроекта, сама попытка правового урегулирования краудфандинга является положительным моментом. Необходимость в этом назрела: закон всегда должен стремиться отражать современные реалии, которые сегодня меняются быстрее мысли.

УДК: 004.9:347.965

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.И. Григорьев,
вице-президент Адвокатской палаты Пермского края
614000, Россия, г. Пермь, ул. Куйбышева, д. 4
E-mail: permadvpalata@mail.ru

П.А. Яковлев,
президент Адвокатской палаты Пермского края
614000, Россия, г. Пермь, ул. Куйбышева, д. 4
E-mail: permadvpalata@mail.ru

Аннотация: в статье показаны создание и практическое использование Адвокатской палатой Пермского края информационных технологий для решения насущных проблем адвокатской деятельности. Информационные технологии должны восприниматься не как стихийное явление, угрожающее юридической профессии, а как инструмент, создаваемый программистами по заданиям и под руководством юристов для совершенствования юридической деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, адвокатская деятельность, конфликты, компьютерные программы.

USING INFORMATION TECHNOLOGIES FOR RESOLVING CONFLICTS IN ADVOCACY ACTIVITIES

A.I. Grigoryev,
Perm Region Chamber of Lawyers
4, Kuibysheva st., Perm, Russia, 614000
E-mail: permadvpalata@mail.ru

P.A. Yakovlev,
Perm Region Chamber of Lawyers,
4, Kuibysheva street, Perm, Russia, 614000
E-mail: permadvpalata@mail.ru

Annotation: the article describes the development and application of information technologies by the Perm Region Chamber of Lawyers for dealing with the acute problems of advocacy activities. Information technologies should be viewed not as the act of God which is a threat to the legal profession, but as a tool created by computer expert on the instruction and under the guidance of lawyers for improving the juridical activities.

Keywords: information technologies, advocacy activities, conflicts, computer programs.

После опубликования Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (далее Стратегия) и программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р (далее Программа), юридическая общественность, в том числе адвокатское сообщество, стали активно обсуждать вопросы применения информационных технологий. Спущенная сверху идея часто застает врасплох. Не подлежащая обсуждению задача по ее реализации при попадании в умы, которым она чужда, порождает растерянность мысли. Подобное испытывали бояре от нововведений Петра I. Растерянность при обязанности изображать исполнительность порождает теоретизирование либо бесплодное, т.е. рассуждения с использованием умных слов без каких-либо конкретных результатов, либо испуганное. В качестве примера последнего можно привести название репортажа с XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов на тему «Право в условиях цифровой реальности», прошедшей в июне 2018 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ «Технологии не должны манипулировать человеком»[1]. Прежде всего среди обсуждавшихся проблем названо взаимодействие робота и человека.

Между тем робот – не пришелец с враждебной планеты. На указанном научном мероприятии президент Федеральной палаты адвокатов РФ Ю.С. Пилипенко пошутил, что всемогущество Интернета пропадает в отсутствие электричества, и заметил, что надо цифровать процедуры, а не смысл и помнить про защиту «от дурака»[2]. Рассуждения о смысле взаимодействия робота и человека, может быть, очень теоретичны. Но мы исходим из того, что информационные технологии должны восприниматься как инструмент и не более того. Если он создается для юридической деятельности, то руководить созданием инструмента должны юристы. Именно такой утилитар-

[1] Адвокатская газета. 2018. № 12(269). С. 1.
[2] Там же.

ный подход к информационным технологиям приносит реальные новые, а потому научные результаты для совершенствования юридической деятельности. Как мы применяли такой подход задолго до Стратегии развития информационного общества в России и к каким практическим результатам он привел, мы покажем в настоящей статье. Поскольку информационные технологии не свалились на наши головы, а мы создавали их, то мы не видим в них ужаса и не ищем в них божественного смысла.

Согласно ч.1 ст.48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. При хроническом конфликте между государством, возлагающим свою обязанность оказания бесплатной юридической помощи на адвокатов, и адвокатским сообществом по поводу расходов на такую помощь[1] Совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации обязан определить порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, довести этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролировать его исполнение адвокатами (пп.5 п.3 ст.31Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

До 2011 года в Пермском крае существовал следующий порядок исполнения решений органов о назначении защитника. В каждом судебном районе назначался представитель Совета (координатор, администратор и т.п.), который:

- принимал по телефону решения органов о назначении защитника;
- вёл график дежурства адвокатов;
- выдавал ордера адвокатам;
- решал вопросы о замене адвоката и т.п.

В уголовном судопроизводстве по назначению на тот период времени было занято около 700 адвокатов в 47 судебных районах, работавших в 450 адвокатских образованиях. В течение года исполнялось около 90 тысяч решений более 500 органов, полномочных принимать решения о назначении защитника.

Нарастали конфликты, связанные с неисполнением решений органов о назначении защитника, что нарушало право граждан на доступ к получению квалифицированной юридической помощи, на разумные сроки судопроизводства и препятствовало деятельности судов и органов предварительного расследования и дознания. Причины этого заключались в следующем:

[1] Для иллюстрации этого конфликта в прошлом см., например, *Поляков С.Б., Федотов Г.И.* Право на защиту и неплатежеспособный обвиняемый // Законность. 1994. № 1. С. 27–28, в настоящем – Поручение Президента РФ // Адвокатская газета. 2018. № 8(265). С. 2.

- прием и распределение решений о назначении защитников вели 47 адвокатов, которые были заняты адвокатской практикой и зачастую не находились на месте;

- лишь в некоторых районах были секретари адвокатских образований, которые могли обеспечить оперативный прием поступающих от органов постановлений;

- прием и распределение поручений при указанном порядке занимали значительное время;

- вышеуказанные причины усугублялись при отпусках, болезнях, учебе адвокатов;

- при отсутствии юридической обязанности адвокатов осуществлять свою профессиональную деятельность в выходные дни и в нерабочее время практически невозможно было организовать принятие в адвокатских образованиях заявок судов и следователей о назначении защитников за пределами рабочего времени.

Усугублялись и другие известные конфликты в адвокатской деятельности.

Так, согласно пп.9 п.1 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката[1], адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением Совета. Однако при существовавшем порядке контролировать исполнение адвокатами своих обязанностей как в отношении подзащитных, так и в отношении судов, органов дознания и предварительного расследования было очень сложно.

Конкуренции адвокатов посвящены специальные нормы Кодекса профессиональной этики адвоката. Например, согласно пп.6 п.1 ст.9 адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов. Однако реализовывать в полной мере эти и другие корпоративные нормы при «ручном» распределении заявок органов о назначении защитника было невозможно. Нарушался принцип равноправия адвокатов.

На практике имели место многочисленные случаи использования отдельными адвокатами личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов для привлечения их к участию по делам по назначению, в нарушение существующего в Пермском крае порядка участия адвокатов в уголовном судопроизводстве на основании ст.ст. 50, 51 УПК РФ.

Подобная недобросовестная конкуренция порождала многочисленные конфликты как между адвокатами, так и между адвокатами и доверителями, а также влекла за собой системное нарушение прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

[1] Принят Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 с последующими изменениями и дополнениями // СПС «КонсультантПлюс».

В подобных случаях называемые в адвокатском сообществе «карманные адвокаты», привлеченные дознавателями, следователями или судом к участию в уголовном судопроизводстве по назначению, действовали в интересах органов, а не лица, привлеченного к ответственности, что влекло за собой грубое нарушение этими «защитниками» положений п.1 ч.1 ст.7 № 63-ФЗ и служило основанием для прекращения их статуса[1].

Обсуждая вопросы поиска иных способов исполнения решений органов о назначении защитника, Совет АППК пришел к выводу о том, что только автоматизированная система управления способна:

- исключить главное условие названных конфликтов – человеческий фактор – при распределении адвокатам поручений на оказание юридической помощи по назначению;
- создать существенное препятствие для органов в выборе «угодного» адвоката;
- многократно сократить время от принятия органом решения о назначении защитника до назначения конкретного адвоката;
- произвести за 1-3 минуты замену адвоката;
- без выходных, круглосуточно принимать решения органов о назначении защитника;
- обеспечить равноправие адвокатов при распределении поручений на оказание юридической помощи по назначению;
- обеспечить защиту ордера от внесения правок, а также возможность распознания внесенных исправлений;
- освободить около 50 адвокатов от непроизводительного труда по распределению решений органов о назначении защитника;
- обеспечить получение достоверных статистических сведений.

В октябре 2010 года были определены требования к системе автоматизированного управления назначением защитника в уголовном судопроизводстве и определен минимально необходимый набор функций. Разработка Системы автоматизированного управления (далее САУ) была поручена ООО «БИМО». В январе 2011 года состоялся апробационный запуск САУ. На первом этапе работа САУ распространялась на районы г. Перми и Пермский район. В течение двух последующих лет работа САУ была распространена на все районы Пермского края.

Главная цель данного проекта – работа САУ круглосуточно в автоматизированном режиме. Эта цель была достигнута в феврале 2017 года.

Краткое описание основных функций САУ:

---

[1] О проблеме назначения дознавателями, следователями «своих», «карманных» адвокатов, часто из бывших коллег сМ.: *Гриб В.* Интервью с президентом Федеральной палаты адвокатов РФ доктором юридических наук *Юрием Сергеевичем Пилипенко* // Юридический мир. 2016. № 9. С. 6–11; *Жиляев Р.М., Строгович Ю.Н.* К вопросу о гарантиях независимости адвоката в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 5. С. 39–44.

Назначение защитника осуществляется через «Личный кабинет дознавателя, следователя, судьи» на сайте адвокатской палаты. Для этого соответствующее должностное лицо с использованием логина и пароля входит в личный кабинет, где ему предлагается самостоятельно ввести необходимую информацию (номер уголовного дела, наименование подразделения, свою должность, фамилию и инициалы, дату, время и место процессуального действия, а также фамилию, имя и отчество подозреваемого, обвиняемого). По окончании ввода информации компьютерной программой осуществляется назначение защитника в соответствии с графиком дежурств адвокатов по судебному району. Адвокату и должностному лицу направляется в личный кабинет и по электронной почте сформированный ордер и смс-сообщение адвокату.

Время назначения защитника с момента ввода информации до момента получения адвокатом ордера, смс-сообщения и необходимой информации по делу в среднем составляет не более 5 минут.

Личный кабинет дознавателя, следователя, судьи функционирует круглосуточно без выходных и праздничных дней.

Одним из основополагающих принципов компьютерной программы является принцип равномерности распределения поручений. Компьютерная программа распределяет поручение в первую очередь тому дежурному адвокату, у которого имеется наименьший показатель ранее полученных дел.

Кроме этого, компьютерной программой в автоматизированном режиме формируются графики дежурств адвокатов с учетом специфики по каждому судебному району. Данные графики автоматически размещаются программой на сайте адвокатской палаты в общедоступном варианте. Адвокатам по электронной почте и смс-сообщениями направляются уведомления о днях дежурств в предстоящем месяце. Адвокат, с учетом персональной занятости по делам, имеет возможность самостоятельно регулировать свой график дежурств.

Итак, именно Адвокатская палата Пермского края поставила задачи программистам для решения проблем своей деятельности, приняла требуемый продукт информационной технологии. Поэтому АППК получила не технологию, которая могла бы манипулировать адвокатами вопреки целям и принципам закона, а целостную программу, обеспечивающую надлежащее исполнение Федеральной палатой адвокатов требований уголовно-процессуального законодательства РФ и исключающую какую-либо коррупционную составляющую.

Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2017617492 «Система автоматизированного управления назначением защитника в уголовном судопроизводстве (САУ)» (дата государственной регистрации в Реестре программ для ЭВМ 05 июля 2017 г.), в числе 5 авторов которой наряду с программистами указаны авторы настоящей статьи,

является бесспорным показателем создания информационной технологии для адвокатской деятельности с участием юристов (адвокатов) и по их инициативе. Применение этой программы регулируется Положением о порядке участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия и суда, утвержденным президентом Адвокатской палаты Пермского края 28.09.2017 (с изменениями, внесенными 26.04.2018), с которым можно ознакомиться на сайте Адвокатской палаты Пермского края. Судебные органы и органы дознания и предварительного следствия высоко оценили значимость созданной адвокатской палатой Пермского края системы.

В Российской Федерации не существует аналогов системы с подобным набором функций.

Знаком профессионального признания нашего результата является его распространение. В частности, в интервью первый вице-президент Адвокатской палаты Московской области М. Толчеев, отвечая на вопрос, как осуществляется распределение адвокатов по требованиям органов дознания, предварительного следствия и судов об участии адвокатов в делах по назначению, сказал: «В дальнейшем планируется введение автоматического режима с использованием специального программного обеспечения по примеру Адвокатских палат Пермского и Хабаровского краев, а также Калининградской области»[1]. При этом следует отметить, что указанные региональные адвокатские палаты в своей работе использовали опыт, накопленный в АППК.

Таким образом, полученный адвокатской палатой Пермского края результат – это решение задач, поставленных в Стратегии, таких как:

- создать российское общесистемное и прикладное программное обеспечение, телекоммуникационное оборудование и пользовательские устройства для широкого использования гражданами, субъектами малого, среднего и крупного предпринимательства, государственными органами и органами местного самоуправления (пп. «а» п.30);

- внедрение отечественных информационных технологий, формирование представления о внедрении инноваций как о приоритетном пути технологического развития (пп. «в» п.37);

- обеспечить актуальность научно-исследовательских приоритетов и последовательное развитие прикладных решений на основании передовых фундаментальных научных исследований (пп. «а» п.38);

- внедрение систем повышения эффективности труда в государственных и коммерческих организациях (пп. «з» п.41 Стратегии).

Сложно представить, что помимо создания программ для юридической деятельности может пониматься под её информатизацией. По наше-

[1] *Катанян К.* Порядок назначения адвоката максимально открыт и прозрачен // Адвокатская газета. 2018. № 12(269). С. 3.

му мнению, именно создание конкретных программ для решения проблем юридической деятельности является действительной наукой в сфере, определенной Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации.

Библиографический список:

1. *Гриб В.* Интервью с президентом Федеральной палаты адвокатов РФ доктором юридических наук Юрием Сергеевичем Пилипенко // Юридический мир. 2016. № 9. С. 6–11.

2. *Жиляев Р.М., Строгович Ю.Н.* К вопросу о гарантиях независимости адвоката в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 5. С. 39–44.

3. *Катанян К.* Порядок назначения адвоката максимально открыт и прозрачен // Адвокатская газета. 2018. № 12(269). С. 3.

4. *Поляков С.Б., Федотов Г.И.* Право на защиту и неплатежеспособный обвиняемый // Законность. 1994. № 1. С. 27–28.

5. Поручение Президента РФ // Адвокатская газета. 2018. № 8(265). С. 2.

6. Технологии не должны манипулировать человеком // Адвокатская газета. 2018. № 12(269). С. 1.

УДК 347.2
ББК 67.404.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ

А.Г. Демиева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
420139, Россия, г. Казань, ул. Жимешле, 24.
E-mail: ainuraa@bk.ru

Аннотация: стремительное формирование отечественной цифровой экономики потребовало и развитие правового регулирования оборота цифровых финансовых активов (криптовалюты). В связи с этим в марте текущего года в Государственную Думу РФ были внесены на рассмотрение два федеральных законопроекта: «О цифровых финансовых активах» и «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)», основная цель которых является обеспечение государственного регулирования правоотношений по выпуску и обороту криптовалюты. В законопроектах отражены такие необходимые дефиниции, как: криптовалюта, токены, цифровой кошелек, смарт-контракт, предусмотрен порядок осуществления деятельности Операторов инвестиционных платформ и лиц, привлекающих инвестиции. Однако указанные официальные документы имеют некоторые недостатки, которые требуют устранения. Проведя исследование законопроектов, автор статьи выявил такие недостатки, как, например, отсутствие необходимых самостоятельных определений: инвестор, квалифицированный инвестор, аккредитованный инвестор; отсутствие механизма государственного страхования инвестиций; отсутствие ответственности за деятельность Операторов информационных платформ и лиц, привлекающих инвестиции в случае разглашения конфиденциальной информации об инвесторе и его сделках и т.д. В связи с этим автор приходит к выводу, что законопроекты, представленные в Государственную Думу РФ, нуждаются в серьезной методологической доработке, и разрабатывает предложения, которые будут способствовать повышению качества законопроектов и совершенствованию всего механизма оборота цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: цифровая экономика, криптовалюта, токен, инвестор, квалифицированный инвестор, Оператор инвестиционной платформы.

ON THE QUESTION OF THE CRYPTOCURRENCY LEGAL REGIME IN RUSSIA

A.G. Demieva,
Kazan (Privolzhsk) Federal University
24, Zhimishle st., Kazan, Russia, 420139
E-mail: ainuraa@bk.ru

Annotation: development of the digital economy in Russia contributed legal regulation of the digital financial assets (crypto-currencies) turnover. Therefore, on March 20, 2018, two federal bills were submitted to the State Duma of the Russian Federation: «On Digital Financial Assets» and «On Alternative Ways of Investments Raising (Crowdfunding)», whose main task is to regulate legal relations for the issuance and circulation of crypto-currency. These draft laws contain such fundamental definitions as: crypto-currency, tokens, a digital wallet, a smart contract, and also provide procedure for carrying out the activities by Operators of investment platforms and raising investment persons. However, projected laws have certain shortcomings which require elimination. Among such shortcomings author points out lack of independent definitions of investor, qualified investor and accredited investor; absence of the state insurance mechanism for the investments; lack of responsibility for the activities of Operators of information platforms and raising investments persons in case of disclosure of confidential information about investor and his transactions, etc. In this regard, author concludes that bills submitted to the State Duma of the Russian Federation require serious methodological refinement. Therefore, author works up proposals that will improve the quality of bills and the entire mechanism for the circulation of digital financial assets.

Key words: digital economy, crypto currency, token, investor, qualified investor, operator of investment platform

---

Стремительное развитие современных цифровых технологий оказало масштабное влияние на развитие экономики. Государство не только поддерживает комплексное развитие цифровых достижений, но и способствует максимальному развитию нового стратегического направления правовой политики. В последнее время в юридической науке идут дискуссии о возможности применения в гражданском обороте криптовалюты (виртуальной валюты), которую совершенно логично можно рассматривать как продолжение модернизации цифровой экономики и цифровых технологий. Можно констатировать, как отмечают И. И. Кучеров, И. А. Хаванова,

ускорение процесса «дематериализации» денег, который сопровождается широким использованием альтернативных платежных средств – альткоинов, представленных так называемыми виртуальными валютами, а также криптовалют[1].

В отечественной правовой литературе нет единого мнения о том, что представляет собой гражданско-правовая природа криптовалюты? Какие механизмы правового регулирования необходимо использовать в процессе ее выпуска и оборота? Если криптовалюта – это объект гражданских правоотношений, то к какой известной категории она относится? Виртуальные деньги – это средство платежа или все-таки обмена? Поэтому перед юридическим сообществом стоит глобальная задача определить суть криптовалюты, разработать эффективные механизмы ее правового регулирования. Указанные проблемы не могут быть разрешены на уровне одного государства, так как с технической стороны и цифровой природы криптовалют ответы на поставленные вопросу могут быть найдены только при тесном международном сотрудничестве[2].

Анализ международной практики показывает, что некоторые страны лишь информируют потребителей финансовых услуг о возможных экономических и юридических рисках в процессе ее применения, в целом не запрещая использование криптовалюты. Однако наше государство пошло по пути нормативного регулирования правоотношений по обороту криптовалюты, в связи с чем в Государственную Думу РФ были внесены законопроекты (законопроекта № 419059-7 и законопроекта № 419090-7), связанные с выпуском и оборотом виртуальных денег. Предметом регулирования законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» являются отношения, возникающие при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также осуществлении прав и исполнении обязанностей по смарт-контрактам. Законопроект № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» направлен на регулирование отношений по привлечению инвестиций коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями с использованием информационных технологий посредством инвестиционных платформ, а также определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации розничного финансирования (краудфандинга).

В основании указанных законопроектов лежит принцип баланса частных и публичных интересов, который мы можем заметить, как, например,

---

[1] *Кучеров И. И., Хаванова И. А.* Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 66–72. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-66-72.

[2] *Ситников Е.С.* Правовой режим криптовалют в России // Юридические науки. 2018. № 13. С. 155–157.

в создании распределенного реестра цифровых транзакций, разработка механизма осуществлении контроля за деятельностью Операторов инвестиционных платформ, так и, например, в предоставлении возможности инвестору определить объем инвестиций, обменивать криптовалюту на рубли, иностранную валюту или иное имущество и т.д. Несмотря на наличие в законопроектах ряда положительных моментов, разработчиками, однако, допущены ряд ошибок и неточностей, на которые стоит обратить внимание.

В п.1. статьи 3 «Особенности выпуска токенов» предусматривается, что приобретение токенов одного выпуска неквалифицированным инвестором может осуществляться на сумму не более 50 000 рублей. Мы полагаем, что приведенное ограничение не совсем верно. Из пояснительной записки к законопроекту не усматривается, на основании каких аргументов была определена названная сумма. Если разработчики законопроекта использовали критерий «квалифицированный инвестор», который в соответствии с действующим законодательством вправе совершать сделки на сумму более 6 000 000 рублей (глава 2. Указания Банка России от 29.04.2015 № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами»), то логично предположить, что «неквалифицированный инвестор» вправе совершать сделки до указанной суммы.

В положениях законопроекта, а именно в п.1. статьи 4, не предусмотрено механизма правового регулирования оборота криптовалюты с участием иностранного субъекта. Так, например, осталось не раскрыто, каким образом должна регулироваться сделка, когда покупателем актива выступает российское юридическое лицо, а продавцом – иностранное юридическое лицо и покупка цифрового актива совершается на зарубежной площадке. Нужно ли после покупки такого актива российской компании направлять уведомление Оператору обмена цифровых финансовых активов на территории России. Отметим, что практика, когда юридическое лицо, зарегистрированное в Российской Федерации, совершает определенные юридические действия за рубежом и при этом обязано уведомлять государственные органы в России, существует. Таким примером может быть открытие или закрытие российским юридическим лицом счета в зарубежном банке, когда юридическое лицо обязано проинформировать налоговую инспекцию о своих действиях (ч.2. ст.12. Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»).

В законопроекте «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» следует обратить внимание на некоторые недостатки.

Статья 2 под названием «Основные понятия» не раскрывает такие важные дефиниции, как, например, инвестор, квалифицированный инвестор, аккредитованный инвестор. Законопроект не проводит соотношения меж-

ду названными определениями. Из законопроекта не следует, каким объемом прав и обязанностей обладает каждый из них? Несмотря на то, что в законодательстве есть определение квалифицированного инвестора (ст.51.2. Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), требования, которые предъявляются при определении его статуса, с учетом принятия ФЗ о краудфандинге, должны быть пересмотрены. При этом существующее определение «квалифицированный инвестор» устарело и не соответствует потребностям современного развития цифровой экономики.

В связи с этим одно из приоритетных направлений, которое стоит перед разработчиками законопроекта и в целом перед учеными-юристами, заключается в том, чтобы правильно сформулировать и закрепить в законопроекте названные определения. При этом, принимая основные критерии, которые помогут определить юридический статус инвестора, нельзя исключать возможность инвестиционных платформ самостоятельно устанавливать дополнительные критерии к инвесторам.

Кроме того, с учетом положений, предусмотренных ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», необходимо предусмотреть, что идентификации и аутентификации участников инвестиционной платформы осуществляется Оператором самостоятельно.

П 1. статьи 5 «Способы вложения инвестиций посредством инвестиционной платформы и ограничения инвестирования» предлагаем дополнить указанные в статье способы опционом в связи с тем, что в 2015 году в ГК РФ были внесены изменения и дополнения, которыми была введена ст.429.2. «Опцион на заключение договора» и ст.429.3. «Опционный договор» (Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»). Несомненно, возможность использования опциона будет способствовать привлечению зарубежных инвесторов и их инвестиций.

Стоит отметить, что не совсем верно предусматривать в статье законопроекта «исчерпывающие» способы инвестирования, так как, в первую очередь, ограничивается возможность Оператора инвестиционной платформы самостоятельно разрабатывать инвестиционные продукты и предлагать их инвесторам.

В пояснительной записке к законопроекту № 419090-7 не дается объяснения, каким образом был определен размер общей суммы инвестиций одного инвестора. Возможно, что разработчики законопроекта попытались использовать аналогию правовой нормы по смыслу п.2. ст.11. ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», которая предусматривает, что: «возмещение по вкладам в банке, в отношении которого наступил страховой случай, выплачивается вкладчику в размере 100 процентов от суммы вкладов в банке, но не более 1 400 000 рублей»

(Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации). Однако разработчики законопроекта могли исходить из того, что существуют квалифицированные и неквалифицированные инвесторы. На наш взгляд, указанное тоже требует дополнительного пояснения.

Согласно п.1. статьи 8 «Ответственность оператора инвестиционной платформы» предусматривает случаи, когда Оператор несет ответственность за убытки, причиненные участникам инвестиционной платформы. При этом статья не дает никаких гарантий инвесторам, что в случае причинения убытков им действительно будут компенсированы соответствующие потери. Так, например, в случае объявления Оператора, у которого отсутствует имущество для покрытия требований кредиторов, банкротом кредиторы могут не получить никакого возмещения. В связи с этим кредиторы-инвесторы являются наиболее уязвимым звеном. Для того чтобы максимально защитить права инвесторов и при этом повысить уровень ответственности Операторов, необходимо ввести в законопроект положение о том, что привлекаемые инвестиции физических лиц подлежат обязательному государственному страхованию. В указанной норме следует предусмотреть механизм страхования по аналогии со страхованием банковских вкладов физических лиц, которое осуществляет Агентство по страхованию вкладов, когда в случае наступления страхового случая физические лица могут получить возмещение на сумму до 1 400 000 рублей. Осуществлять страхование необходимо из критерия «квалифицированный и неквалифицированный инвестор», исходя из специфики деятельности краудфандинга.

Кроме того, п.2. статьи 8 предусматривает, что: «Оператор инвестиционной платформы не отвечает перед инвесторами по обязательствам лица, привлекающего инвестиции». Приведенная формулировка направлена на защиту Операторов от возможных действий иных лиц, которые de jure привлекают инвестиции. Вместе с тем говорить о снижении уровня ответственности Оператора, на наш взгляд, не представляется возможным. Если допустить такую ситуацию, то на рынке краудфандинга могут появиться мошенники или иные недобропорядочные субъекты гражданского права, основная цель которых будет заключаться только в том, чтобы не выполнить свои обязательства, а получить денежные средства или имущественные права инвестора.

На наш взгляд, необходимо предоставление Оператору безотзывной банковской гарантии на сумму размера привлекаемых инвестиций в целях повышения безопасности взаимодействия между Оператором и лицом, привлекающим инвестиции. Введение указанной модели максимально снизит риск Оператора от «проблемных» инвестиционных продуктов. Также нельзя ограничивать право Оператора самостоятельно устанавливать дополнительные требования к лицам, привлекающим инвестиции.

В соответствии со статьей 14 «Полномочия Банка России» Банк осуществляет контроль над деятельностью Операторов. В связи с чем Банк России: 1) ведет реестр операторов инвестиционных платформ, определяет порядок ведения такого реестра, состав включаемых в него сведений; 2) проводит проверки деятельности операторов инвестиционных платформ в установленном им порядке; 3) направляет операторам инвестиционных платформ обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных нарушений и т.д. Несмотря на принятые меры контроля, в названной статье, также как и в целом по всему тексту законопроекта, отсутствует требование о том, чтобы Оператор входил в саморегулируемую организацию (СРО). Мы полагаем, что в связи с отсутствием лицензирования деятельности краудфандинга (по причине того, что он не относится к финансовому рынку) необходимо предусмотреть обязанность Операторов инвестиционных платформ образовывать СРО. Указанные организации нужны для разработки стандартов и правил краудфандинговой деятельности, а также в процессе осуществления контроля над соблюдением принятых требований стандартов и правил (п.2. ст.2. Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»).

В заключение стоит отметить, что в законопроекте отсутствуют положения о защите интересов инвестора от разглашения конфиденциальной информации. Оператор инвестиционной платформы так же, как и лицо, привлекающее инвестиции, обязан гарантировать инвестору тайну о проводимых им операциях, о его персональных данных, счетах, способах и условиях инвестирования. На наш взгляд, указанная информация должна быть приравнена к банковской тайне. В связи с этим следует установить административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность за ее разглашение Оператором инвестиционной платформы и (или) лицом, привлекающим инвестиции.

Кроме названных, стоит отметить законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Указанный официальный документ предлагает ввести в гражданское законодательство понятия «цифровое право» и «цифровые деньги». Стоит обратить внимание, что ст. 1 законопроекта предусматривает: «Цифровые деньги… в случаях и на условиях, установленных законом, могут использоваться физическими и юридическими лицами в качестве платежного средства».

Следовательно, законопроект фактически уравнивает статус криптовалюты со статусом платежного средства. Указанное положение недопустимо, так как это противоречит нормам конституционного и гражданского законодательства о том, что законным платежным средством является рубль, и введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Указанный законопроект следует доработать с учетом понятийного аппарата и правовых положений других вышеназванных законопроектов.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что представленные в Государственную Думу РФ законопроекты нуждаются в обстоятельной методологической доработке прежде всего в целях защиты прав и интересов инвесторов и повышения уровня ответственности Операторов инвестиционных платформ и лиц, привлекающих инвестиции разработать.

Библиографический список:

1. *Кучеров И.И., Хаванова И.А.* Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 66–72. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-66-72.

2. *Ситников Е.С.* Правовой режим криптовалют в России // Юридические науки. 2018. № 13. С. 155–157.

УДК: 34.03:004.9

ЮРИДИЧЕСКАЯ УСЛУГА И ЦИФРОВАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЮРИСТОВ[1]

М.А. Зинковский,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса Юридического Института
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: zinkovsky2010@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается юридическая услуга в условиях цифровой доступности правовой информации. Анализируются точки зрения ученых по этому и смежным вопросам. Выделяются особенности цифровой доступности юридической услуги: информация в сети Интернет; информационная открытость сайтов судебной системы; цифровая доступность правовой информации. В заключение статьи высказывается озабоченность о будущем профессии юриста в современном цифровом мире. Предлагается ограничить цифровую доступность правовой информации.

Ключевые слова: юридическая услуга; профессия юриста; правовая информация; электронные и цифровые технологии; персональные компьютеры; Интернет; социальные сети.

LEGAL SERVICE AND DIGITAL ACCESSIBILITY OF LEGAL INFORMATION: THE PRESENT AND FUTURE OF LAWYERS

M.A. Zinkovsky,
Belgorod National Research University
85, Pobedy st., Belgorod, Russia, 308015
E-mail: zinkovsky2010@mail.ru

[1] Данная статья является результатом научного исследования *Зинковского М.А.* в рамках работы над Грантом Президента РФ 2018-2019 гг. (МК-918.2018.6) по государственной поддержке молодых российских ученых кандидатов наук. Тема гранта: «Юридические проблемы повышения качества и конкурентоспособности товаров, работ, услуг в условиях санкционного режима гражданского оборота Российской Федерации».

Annotation: the article examines the legal service in the context of digital accessibility of legal information. The views of scientists on this and related issues are analyzed. The features of digital accessibility of legal services are highlighted: information on the Internet; information openness of judicial system sites; digital accessibility of legal information. The conclusion of the article expresses concern about the future of the profession of a lawyer in the modern digital world. It is proposed to limit the digital availability of legal information.

Keywords: legal service; legal profession; legal information; electronic and digital technologies; personal computers; the Internet; social networks.

В последнее десятилетие информационные и электронные технологии внедрились во все без исключения сферы жизни. Теперь товары можно выбирать, заказывать и оплачивать посредством сотовых телефонов, интернет-магазинов, специальных сайтов. Упростился анализ информации о товарах, работах, услугах. В сети Интернет можно найти нужную информацию любому человеку, который не является высококвалифицированным специалистом, но обладает минимальными навыками чтения и общей жизненной эрудицией.

Товары, работы, услуги часто содержат описания, отзывы прошлых клиентов, совместимость с техническими механизмами, информацию безопасности и многое другое. Цифровая доступность информации на сегодняшний день – это особенность гражданского оборота.

Современная юридическая услуга оказалась также в условиях цифровой доступности правовой информации. Любая спорная ситуация, требующая юридической квалифицированной услуги, может быть найдена в Интернете. Формы юридических документов уже давно перестали быть каким-то секретом, напротив, их можно даже увидеть на сайте судов в виде образцов.

П.С. Пастухов и М. Лосавио отмечают: «…в современном информационном обществе, в условиях возрастания общих и информационных угроз, роста компьютерной преступности, повсеместного распространения искусственного интеллекта применение информационных технологий во всех сферах правоохранительной, экономической, регулятивной деятельности является необходимым, неизбежным и самым перспективным направлением деятельности для обеспечения безопасности личности, общества и государства. Для этого требуется создание единой информационной среды, обеспечивающей эффективное и незамедлительное взаимодействие всех сил и служб, ответственных за общественную безопасность и правопорядок. Для повышения эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений необходимо создать интегрированные

банки данных криминалистически значимой информации, достичь более высокого уровня информатизации правоохранительных органов. Степень технической оснащенности всех органов предварительного расследования телекоммуникационной инфраструктурой и информационными ресурсами должна отвечать современным вызовам и техническим требованиям»[1].

Стоит поддержать точку зрения авторов. Электронные технологии могут выступать инструментом для совершения преступлений. Российский криминал изо дня в день совершенствуется. Информатизация общества – это явление повсеместное, его можно наблюдать как в коммерческих, так и в государственных правоохранительных органах.

Бывает так, что юридическая услуга в условиях цифровой доступности правовой информации оказывается на скорую руку и имеет низкий уровень качества. Информационные ресурсы сети Интернет, открытая судебная практика позволяют любому человеку стать юристом и давать минимальные правовые советы даже без наличия высшего юридического образования и опыта практической работы.

В науке юридическая услуга изучается под разными углами.

Одни ученые рассматривают юридическую услугу через призму гражданско-правового регулирования[2], другие ученые связывают юридическую услугу с отдельными аспектами экономики и маркетинга[3], третьи ученые анализируют договор возмездного оказания юридических услуг в тех или иных аспектах[4] и т.д.

Очень интересной в научном и практическом смысле является книга Ричарда Сасскаинда (Richard Susskind) под названием «The Future of Law: Facing the Challenges of Information Technology»[5]. Автор назвал книгу ярко: «Будущее права (закона): противодействие вызовам информационных тех-

---

[1] *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 236.

[2] *Орлов А.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2009. 30 с.

[3] *Мостовой Е.Л.* Управление рыночной комплаентностью маркетинговых программ в сфере юридических услуг: Дис. … канд. эконом. наук. Сочи, 2010. 144 с; *Лихачев Р.В.* Концепция оценки качества юридических услуг и создание маркетингового инструментария для ранжирования профессионализма субъектов адвокатской деятельности: Дис. … канд. эконом. наук. Киров, 2006. 177 с; *Самочкин В.Ю.* Маркетинговая этика в оценке и коррекции потребительского поведения на рынке юридических услуг: Автореф. дис. канд. эконом. наук. Сочи, 2013. 22 с.

[4] *Третьякова В.*П. Обязательства возмездного оказания юридических услуг: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2009. 28 с; *Салчак А.А.* Договор об оказании юридических услуг: особенности гражданско-правовой ответственности его участников: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.

[5] *Richard E.* Susskind. The Future of Law: Facing the Challenges of Information Technology. CLARENDON PRESS OXFORD. 1996. 385 p.

нологий». Можно перефразировать и сказать вернее – будущее юристов или юридической услуги. Значительный интерес представляют следующие разделы данного труда:

- «2. What will be possible in law (Что будет возможно с правом)».

- «4. The future of lawyers and the role of the World Wide Web (Роль интернета в будущем юристов)».

На данный момент эта книга опережает время, она вышла в 1996 году, но актуальность ее положений и выводов все возрастает для юридических услуг современной России.

В целом юридическую услугу можно представить как рыночный продукт, который опосредует интересы профессионального юриста и клиента – физического или юридического лица.

Следует полностью поддержать точку зрения Ричарда Сасскаинда (Richard Susskind), которая проводит прямую связь между будущим юристов и Интернетом. Профессия юриста и ее базовая составляющая – юридическая услуга – могут деградировать, а в будущем вообще исчезнуть. На смену придут умные программные приложения и технические устройства, которые будут знать весь закон и все спорные ситуации, а суд вполне может заменить устройство в виде банкомата, куда стороны поместят доказательства, оплатят пошлину и выйдет чек – решение суда – беспристрастное, законное, единственно верное.

Всевозможные компьютерные оптимизации и гаджеты в итоге сэкономят время и деньги и лишат работы юристов, если не принять законодательные ограничения.

Фундаментальное значение имеют и иные книги Ричарда Сасскаинда (Richard Susskind), в частности: «Tomorrow's lawyers: an introduction to your future» (Введение в будущее завтрашних юристов)[1].

Изложенные обстоятельства позволяют определить следующие особенности цифровой доступности юридической услуги.

Первая особенность: информация в сети Интернет. В настоящее время информация правового характера доступна всем. Можно задать любые ситуации в строке поиска и получить огромный массив информации из правовых сайтов, форумов, социальных сетей, сайтов судов и правоохранительных органов и т.д.

Информация из сети Интернет может, конечно, однозначно не разрешить правовую ситуацию нуждающегося лица, но дефицита вариантов ее разрешения точно не будет.

Такая ситуация сильно подрывает рынок юридических услуг. Клиент приходит к юристу, уже начитавшись форумов и интернета, знающий варианты и практику. Это имеет, с одной стороны, положительное значение

[1] *Richard E.* Susskind. Tomorrow's lawyers: an introduction to your future. Oxford University Press, 2017. 241 p.

в том аспекте, что квалифицированному юристу необходимо каждый раз переигрывать Интернет и советы форумов, тем самым изо дня в день повышая свои навыки и умения.

С другой стороны, клиент приходит к юристу часто просто «сверить часы», то есть перепроверить Интернет, социальные сети и форумы. А в некоторых случаях, число которых очень велико, информация из сети Интернет и формы документов позволяют физическому или юридическому лицу вообще не обращаться за помощью юристов-профессионалов.

Такое обстоятельство существенно подрывает современный российский рынок квалифицированных юридических услуг.

Вторая особенность: информационная открытость сайтов судебной системы.

Сайты судов настолько открыты, что порой граничат с балансом невмешательства в правосудие. Подача документов в электронном виде и полная информация по делам, а также список судей и формы процессуальных документов – безусловный плюс, которые одновременно снижают минимум на 15 % рынок устных юридических консультаций и составлений бумаг в суд ввиду отсутствия такой необходимости.

К юристам все чаще обращаются только по очень узким и сложным вопросам, предпочитая довольствоваться Интернетом и сайтами. Каждый раз юрист обязан переигрывать Интернет, социальные сети и форумы, чтобы оказать юридическую услугу и получить за нее законный гонорар. Сделать это бывает проблематично, так как сам клиент после Интернета становится юристом с некими базовыми знаниями.

Третья особенность: цифровая доступность правовой информации.

Наличие большого количества справочных правовых систем типа «КонсультантПлюс», «Гарант», форумов, юридических порталов/новостей и иных ресурсов позволяет быстро и точно находить нужную информацию.

Особую роль в этом смысле играют справочные правовые системы по ряду причин.

Во-первых, они постоянно обновляются в плане информации. Во-вторых, интерфейс этих программ адаптирован для всех и прост в использовании. В-третьих, режим поиска имеет продвинутые современные функции. В-четвертых, при поиске статей в законах одновременно можно посмотреть судебную практику по аналогичным спорам, формы процессуальных документов, комментарии законов, научные статьи.

Названные факты позволяют судить о наличии цифровой доступности правовой информации для физических и юридических лиц. Справочные правовые системы нужны не только простым гражданам, они, прежде всего, ориентированы на профессиональных юристов.

Отдельное слово нужно сказать о всевозможных форумах, новостях, правовых порталах, которые также существенно снижают процент оказания

квалифицированной юридической услуги и позволяют физическим и юридическим лицам получать максимум ответов на свои правовые вопросы.

В заключение необходимо отметить, что юридическая услуга современной России сопряжена с цифровой доступностью правовой информации и это является настоящим для юристов.

Будущее юристов пока не определено, но можно лишь предположить, что без ограничения доступа к правовой информации при помощи электронных технологий профессия юриста обречена на постепенное вымирание.

Библиографический список:

1. *Лихачев Р.В.* Концепция оценки качества юридических услуг и создание маркетингового инструментария для ранжирования профессионализма субъектов адвокатской деятельности: Дис. … канд. эконом. наук. Киров, 2006. 177 с.

2. *Мостовой Е.Л.* Управление рыночной комплаентностью маркетинговых программ в сфере юридических услуг: Дис. … канд. эконом. наук. Сочи, 2010. 144 с.

3. *Орлов А.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2009. 30 с.

4. *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 236.

5. *Салчак А.А.* Договор об оказании юридических услуг: особенности гражданско-правовой ответственности его участников: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.

6. *Самочкин В.Ю.* Маркетинговая этика в оценке и коррекции потребительского поведения на рынке юридических услуг: Автореф. дис. канд. эконом. наук. Сочи, 2013. 22 с.

7. *Третьякова В.П.* Обязательства возмездного оказания юридических услуг: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2009. 28 с.

8. *Richard E.* Susskind. The Future of Law: Facing the Challenges of Information Technology. CLARENDON PRESS OXFORD. 1996. 385 p.

9. *Richard E.* Susskind. Tomorrow's lawyers: an introduction to your future. Oxford University Press, 2017. 241 p.

УДК: 004.9:347.440.14

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Р.В. Новиков,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: ronovik@gmail.com

Аннотация: в статье проводится анализ современного состояния нормативного правового регулирования и законодательных инициатив применительно к заключению сделок посредством смарт-контрактов, рассматриваются существующие подходы к определению понятия и правовой природы «смарт-контракта». С учетом современного состояния развития технологии блокчейн определяются возможные сферы применения смарт-контракта, отмечаются особенности смарт-контракта и существующие риски при заключении сделок с его использованием.

Ключевые слова: цифровая экономика, смарт-контракт, договор, форма договора, электронный документ.

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT AND SCOPE OF SMART CONTRACTS

R.V. Novikov,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: ronovik@gmail.com

Annotation: in article the analysis of the current state of standard legal regulation and legislative initiatives in relation to the conclusion of transactions by means of smart contracts is carried out, the existing approaches to definition of a concept and the legal nature of «smart contract» are considered. Possible scopes of the smart contract are defined with the current state of development of technology a blockchain, features of the smart contract and the existing risks at the conclusion of transactions with his use are noted.

Keywords: digital economy, smart contract, contract, contract form, electronic document.

Одним из основных направлений развития цифровой экономики[1] в России является нормативное регулирование хозяйственной деятельности, ключевым фактором производства которой являются продукты IT-технологии.

В качестве основной цели нормативного регулирования цифровой экономики декларируется обеспечение благоприятного правового режима для осуществления экономической деятельности с использованием современных технологий, в том числе снятие ключевых правовых ограничений и создание отдельных правовых институтов, направленных на решение первоочередных задач формирования цифровой экономики.

К числу таких цифровых технологий Программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р, отнесены системы распределенного реестра.[2]

Формой цифрового распределённого реестра является технология блокчейн, под которой понимают распределенный реестр, управляемый децентрализованной сетью, обеспечивающий неизменность данных и представляющий собой постоянно дополняемую последовательность блоков данных, распространяемых участниками пиринговой сети.[3]

Технология блокчейн может применяться в различных сферах, таких как: финансовая сфера (криптовалюта, приложения в сфере торговли, управления инвестициями); инструменты для создания децентрализованных приложений (например: Ethereum – для смарт контрактов, Mattereum – для исполнения юридических контрактов); обеспечение безопасности данных и коммуникации; обмен данными и ценностями (социальные сервисы, монетизация контента и др.).[4]

Появление технологии блокчейн повлекло за собой возникновение новых финансовых инструментов, таких как криптовалюта, новых форм привлечения инвестиций, таких как ICO (первичное размещение токенов для привлечения инвестиций), развитие блокчейн-проектов (например,

---

[1] «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.08.2018).

[2] «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р [Электронный ресурс] // http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.08.2018).

[3] *Боровик В.С., Зенин М.М., Гатчин Ю.А., Югансон А.Н.* К вопросу о безопасности смарт-контрактов // Вестник Чувашского университета. 2018. № 1. С. 79–87.

[4] Экосистема блокчейн-проектов // URL: https://habr.com/company/ everydaytools/ blog/ 341436/ [дата обращения: 30.08.2018].

WAVES, Airalab, Golos и др.[1]), новых форм деятельности, таких как майнинг.

В силу изложенных выше обстоятельств технология блокчейн оказывает существенное влияние на экономику, так, например, по оценкам экспертов, мировой рынок ICO в 2018 году может вырасти в 4 раза и составить порядка 10-15 млрд долларов.[2]

По информации, представленной президентом РАКИБ Ю. Припачкиным на конец 2018 г., капитализация рынка криптоактивов составляла 311 млрд долл. США, из них на биткойн приходилось 39,2%. Рынок криптоактивов как относительно мирового ВВП (согласно данным МВФ по итогам 2017 г.), так и в совокупном объеме активов банков (по данным БМР на конец декабря 2017 г.) составлял около 0,36%.[3]

Одним из важных децентрализованных приложений, функционирующих на базе технологии блокчейн и оказывающих влияние на хозяйственный оборот, являются программы для создания так называемых смарт-контрактов. Их появление связывают с созданием блокчейна Ethereum – децентрализованной платформы, функционирующей на основе смарт-контрактов.[4]

Так, например, первым для российского авиарынка опытом использования технологий распределенных реестров (блокчейн) явилась разработка и внедрение совместных смарт-контрактов (Aviation fuel smart contracts — AFSC), основанных на блокчейне между «Газпромнефть-Аэро» и авиакомпанией S7. Отмечается, что применение смарт-контракта дает авиакомпании возможность моментально оплачивать топливо непосредственно при заправке в самолеты без предоплаты, банковских гарантий и финансовых рисков для участников сделки.[5]

При этом специалистами признается необходимость законодательного регулирования применения блокчейн технологий, в том числе и заключения сделок посредством смарт-контракта, отмечается важность такого рода технологий для оптимизации деловых процессов и облегчения работы российского бизнеса.[6]

---

[1] Самые громкие блокчейн проекты России // URL: https://bitcryptonews.ru/analytics/samyie-gromkie-blokchejn-proektyi-rossii [дата обращения: 30.08.2018].

[2] Мировой рынок ICO в 2018 году может вырасти в четыре раза // URL: https://racib.com/mirovoj-rynok-ico-v-2018-godu-mozhet-vyrasti-v-chetyre-raza/ [дата обращения: 30.08.2018].

[3] Контуры нового мира. Интервью *Юрия Припачкина* //URL: https://racib.com/kontury-novogo-mira-intervyu-yuriya-pripachkina/ [дата обращения: 30.08.2018].

[4] Ethereum: blockchain app platform // URL: https://www.ethereum.org/ [дата обращения: 30.08.2018].

[5] «Газпром нефть» и S7 Airlines переводят авиазаправку на технологию блокчейн// URL: https://ria.ru/economy/20180824/1527188541.html [дата обращения: 30.08.2018].

[6] Алгоритм сделки: Госдуме предлагают узаконить в России контракты на базе блокчейна // URL: https://russian.rt.com/russia/article/437030-gosduma-uzakonit-smart-kontrakty [дата обращения: 30.08.2018].

Рассматривая смарт-контракт с точки зрения его сущности и содержания, необходимо понимать, что это, прежде всего, продукт цифровых технологий.

С этой позиции наиболее распространена дефиниция смарт-контракта как фрагмента кода, хранящегося в блокчейне, исполняемого посредством проведения транзакций при соблюдении определенных условий.

Смарт-контракты создаются посредством языка программирования (например, для платформы Ethereum – это Solidity), затем размещаются в блокчейн после оплаты транзакционной комиссии. В блокчейне Ethereum смарт-контракты исполняются в виртуальной машине Ethereum Virtual Machine. Логика смарт-контракта может быть описана алгоритмом «если произойдет X, тогда сделать Y».[1]

В связи с изложенным важно понимать, что такие понятия, как договор и смарт-контракт, не являются тождественными. Сфера применения смарт-контракта как программного кода, автоматически исполняемого посредством совершения определенных действий при соблюдении заранее заложенных в него условий, шире сферы договорных отношений.

Например, в настоящее время существует проект автоматизации правовой экспертизы документов по сделкам с недвижимостью при помощи смарт-контрактов и сравнение результатов с решениями госрегистраторов. В рамках проекта результаты работы госрегистраторов, проводящих экспертизу документов по сделкам с недвижимостью, будут сравнивать с выводами системы, построенной на основе смарт-контрактов. Автоматизированная логика смарт-контрактов, построенная по правилам работы регистраторов, будет принимать решения о регистрации сделки в распределенной сети на основе анализа доверенных внешних данных и данных Росреестра. В качестве вариантов реализации рассматриваются блокчейн-платформы Exonum, Corda или Hyperledger.[2]

Также исследователи отмечают возможность использования смарт-контрактов в медицине, социологии, менеджменте и других сферах жизни общества.[3]

Рассматривая смарт-контракт как правовой договор, необходимо учитывать положения п.1 ст.420 ГК РФ, в соответствии с которыми договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Следовательно, к договорам могут быть отнесены лишь те смарт-контракты, которые отвечают признакам юридически значимого соглашения.

[1] Введение в смарт-контракты. Их потенциальные и реальные ограничения // URL: https://habr.com/company/mixbytes/blog/416881/ [дата обращения: 30.08.2018].

[2] Росреестр хочет провести два эксперимента по внедрению технологии блокчейн // URL: https://realty.ria.ru/realtynews/20180323/1517097352.html [дата обращения: 30.08.2018].

[3] *Кардонов А.В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1 (9). С. 44–47.

В этом качестве, как показано в приведенном выше примере, смарт-контракт действительно применяется при заключении сделок.

Полагаем, что возможность заключения той или иной сделки посредством смарт-контракта связана, прежде всего, с возможностью формализации ее условий средствами языка программирования.

В настоящее время наиболее эффективно применение смарт-контрактов при работе с цифровыми активами в среде блокчейн. Как отмечают специалисты, смарт-контракт в наибольшей степени подходит для проведения автоматического исполнения транзакций, таких как оплата при наступлении определенного события; наложение финансовых санкций при невыполнении каких-либо объективных условий.[1]

Смарт-контракты, требующие обращения к внешним (off chain) ресурсам, предполагают обращение к так называемым оракулам – поставщикам информации, которые по запросу контракта предоставляет из оффчейн мира достоверные данные, необходимые для корректной работы контракта, как правило, в качестве таковых выступают программы вне блокчейн и имеющие доступ к внешней среде.[2] Это обстоятельство предполагает заключение отдельного соглашения на поставку данных для реализации основного контракта, а также повышает риски неисполнения либо ненадлежащего исполнения контракта.

Определение правовой природы смарт-контракта в настоящий момент является предметом научной дискуссии.

Так, например, А.И. Савельев полагает, что никаких юридических препятствий к признанию смарт-контракта гражданско-правовым договором не имеется.[3]

С другой стороны, по мнению А. Юрова, координатора рабочей группы Роспатент ВЭБ ВОИР по блокчейну, рассуждение о том, что смарт-контракт является одним из видов договоров, является чисто теоретическим и практической значимости не имеет, так как смарт-контракт – это некое средство, которое обеспечивает выполнение каких-либо юридически значимых действий, а не сложный юридический документ.[4]

Анализ законодательства показывает, что в целом заключение смарт-контракта как юридически значимого соглашения не противоречит положениям о сделках и договоре, содержащихся в ГК РФ (гл.9, гл.27). Следует также отметить, что смарт-контракт в целом отвечает признакам

---

[1] Введение в смарт-контракты. Их потенциальные и реальные ограничения // URL: https://habr.com/company/mixbytes/blog/416881/ [дата обращения: 30.08.2018].

[2] Оракулы, или почему смарт-контракты всё ещё не изменили мир? // URL: https://habr.com/company/solarsecurity/blog/418791/ [дата обращения: 30.08.2018].

[3] *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

[4] Смарт-контракты: взгляд юриста на жизнеспособность // URL: https://bitnewstoday.ru/market/blockchain/smart-kontrakty-vzglyad-yurista-nazhiznesposobnost/

электронного документа в соответствии с п.11.1 ст.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и п.2 ст.434 ГК РФ. Тем не менее однозначного определения, отражающего правовую природу смарт-контракта, в настоящий момент наукой и практикой деятельности в сфере блокчейн-технологий не выработано.

В рамках реализации Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Президентом РФ по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере 10 октября 2017 года утверждён ряд поручений, в том числе касающихся законодательного закрепления определения статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий, таких как: «смарт-контракт».[1]

В настоящий момент во исполнение поручений Президента РФ 22 мая 2018 года Государственной Думой РФ рассмотрены в первом чтении проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» и проект Федерального закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ».

В связи с изложенным представляется целесообразным рассмотреть позицию разработчиков законопроектов применительно к определению правовой природы смарт-контракта.

Так, проектом Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ст.2) предложено понятие «смарт-контракта», под которым предлагается понимать договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределённом реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

Авторы проекта Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» подошли к нормативному регулированию смарт-контракта с иной позиции.

Во-первых, предложив приравнять выражение лицом воли с помощью электронных или иных аналогичных технических средств к простой письменной форме сделки (например, с помощью нажатия клавиши на устройстве), отмечая, что такие действия по существу представляют собой юридически значимые сообщения (статья 1651 ГК РФ) либо односторонние сделки.

[1] Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере // URL: http://www.kremlin.ru/acts/ assignments/orders/55899 [дата обращения: 30.08.2018].

Во-вторых, предложив дополнить ст.309 ГК РФ абз.2 , указав в нем, что условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки (автоматизированное исполнение обязательства).

При этом предлагается ввести в ст. 309 ГК РФ правило о том, что факт совершенного компьютерной программой исполнения сделки не оспаривается (кроме случаев вмешательства в действие программы), пояснив, что после идентификации пользователей в системе дальнейшее их поведение подчиняется алгоритму компьютерной программы, организующей сеть, а лицо, «покупающее» тот или иной виртуальный объект (цифровое право), получит этот объект автоматически, при наступлении указанных в пользовательском соглашении обстоятельств.

Одновременно в абз.1 п.2. ст.432 ГК РФ предлагается указать, что письменная форма договора считается соблюденной также в случаях иного выражения воли сторон договора с помощью электронных или иных аналогичных технических средств.

В остальном авторы законопроекта полагают, что действующее гражданское законодательство достаточно для регулирования сделок, совершаемых посредством смарт-контрактов.

Следует отметить, что оба законопроекта были подвергнуты критике.

С одной стороны, применительно к проекту Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» отмечается, что смарт-контракт представляет собой технологию и не может признаваться видом гражданско-правового договора.[1]

С другой стороны, применительно к проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечается, что внесение изменений в ст. 160 и ст. 432 ГК РФ в части соблюдения письменной формы сделки нецелесообразно, поскольку заключение договоров в электронной форме уже допускается ГК РФ (п.2 ст.434), а ограничение возможности оспаривания состоявшегося исполнения обязательств, вступает в противоречие с Конституцией РФ и принципами гражданского права.[2]

---

[1] Заключение комитета-соисполнителя (Комитет Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству) по проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс] // URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7 [дата обращения: 30.08.2018].

[2] Официальный отзыв Правительства РФ (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству) на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7 [дата обращения: 30.08.2018].

Таким образом, следует отметить, что в законотворческой деятельности на сегодняшний момент отсутствует единство подходов к определению понятия смарт-контракта. Однако в то же время полагаем, что преобладающей тенденцией будет рассмотрение смарт-контракта как формы электронного договора с позиций действующего гражданского законодательства.

Необходимыми элементами для создания смарт-контракта являются: наличие децентрализованной платформы, наличие у программы доступа к товарам и услугам, составляющим предмет договора, наличие у участников соответствующих цифровых подписей, точное и последовательное отражение условий контракта средствами языка программирования.[1]

При этом необходимо учитывать, что договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п.1 ст.432 ГК РФ).

Исходя из положений ст. 432 ГК РФ существенными являются: условия о предмете договора; условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида; условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Следовательно, для заключения смарт-контракта понадобится помощь программиста, который должен будет включить такие условия в смарт-контракт. Соответственно, возникают вопросы ответственности специалиста за недобросовестное составление контракта или допущенные при его составлении ошибки, вследствие которых может быть причинен вред сторонам контракта. Особенно актуально данное положение в свете проблематичности последующего изменения содержания смарт-контракта в силу специфики технологии блокчейн.

Полагаем, что нормативное регулирование смарт-контракта должно быть сконцентрировано, прежде всего, на вопросах особенностей процедуры его составления, заключения и исполнения, в том числе прекращения такого контракта. Так как специфика смарт-контракта влечет и специфические риски. К числу таких рисков относятся, в частности, такие как: ошибки при разработке контракта, компрометация оракулов, утрата доступа.[2]

Анализируя риски, связанные со смарт-контрактами, следует учитывать и уязвимости с точки зрения безопасности и защиты информации, возникающие вследствие ошибок программирования и технологических уязвимостей.[3] В частности, в результате взлома программного кода DAO в 2016 году на платформе Ethereum, главной особенностью которой являет-

[1] *Осмоловская А.С.* Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2 (10). С. 54–56.

[2] *Кардонов А.В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1 (9). С. 44–47.

[3] *Боровик В.С., Зенин М.М., Гатчин Ю.А., Югансон А.Н.* К вопросу о безопасности смарт-контрактов // Вестник Чувашского университета. 2018. № 1. С. 79–87.

ся применение смарт-контрактов хакерам, удалось завладеть объемом этой криптовалюты, эквивалентным примерно 50 миллионам долларов.[1]

В настоящий момент выделяют две основные группы смарт-контрактов: первая группа – смарт-контракты, создаваемые исключительно в виде программного кода; вторая группа – смарт-контракты, реализующие отдельные положения текстового договора, текст которого ссылается на использование смарт-контракта.[2]

Кроме того, отмечается необходимость проработки перечня видов договоров, в которые могут быть включены условия об автоматизированно исполняемых обязательствах. В частности, предлагается предусмотреть возможность заключения в форме смарт-контрактов только консенсуальных договоров.[3]

В свете изложенного полагаем, что смарт-контракт можно рассматривать как форму электронного договора, спецификой которой являются: существование смарт-контракта на базе децентрализованной платформы в виде фрагмента кода, хранящегося в блокчейне; изложение условий контракта средствами языка программирования; исполнение посредством проведения транзакций при соблюдении определенных условий; направленность на совершение сделок с цифровыми активами.

К гражданско-правовым договорам могут быть отнесены лишь те смарт-контракты, которые отвечают признакам юридически значимого соглашения, т.е. требованиям гражданского законодательства к содержанию и форме договора.

Перспективными направлениями правового регулирования смарт-контракта являются особенности процедуры его составления, заключения, исполнения.

К числу специфических рисков при реализации технологии смарт-контракта следует отнести технологические уязвимости, ошибки программирования, утраты доступа.

---

[1] Эксперты развеяли миф о неуязвимости криптовалют // URL: https://ria.ru/economy/20180120/1512999134.html [дата обращения: 30.08.2018].

[2] Введение в смарт-контракты. Их потенциальные и реальные ограничения // URL: https://habr.com/company/mixbytes/blog/416881/ [дата обращения: 30.08.2018].

[3] Заключение комитета-соисполнителя (Комитет Государственной Думы по финансовому рынку) по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7 (дата обращения: 30.08.2018).

Библиографический список:

1. *Боровик В.С., Зенин М.М., Гатчин Ю.А., Югансон А.Н.* К вопросу о безопасности смарт-контрактов // Вестник Чувашского университета. 2018. № 1. С. 79–87.

2. *Кардонов А.В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1 (9). С. 44–47.

3. *Осмоловская А.С.* Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 2 (10). С. 54–56.

4. *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

УДК 34.03

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПРАВОВОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ КРИПТОВАЛЮТЫ

В.Ю. Карпычев,
доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», Приволжский филиал
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17 а
E-mail: kavlyr@yandex.ru

Аннотация: в статье вводятся понятия национальной и глобальной криптовалют, которые отграничиваются по критерию принадлежности к российской юрисдикции.

Показаны возможность правового регулирования национальной криптовалюты и принципиальные трудности этого процесса в отношении глобальных криптовалют.

Отмечена недостаточная обоснованность полномасштабного внедрения глобальных криптовалют в финансово-экономическую сферу России.

Предложено определять актуальность допуска, необходимость и достаточность ограничений оборота глобальных криптовалют на основе финансово-экономических показателей их полезности для государства, отдельных видов экономической деятельности, граждан.

Рассмотрен вариант «мягкой», поэтапной легитимации глобальных криптовалют в России.

Ключевые слова: блокчейн-технология, криптовалюта, правовое регулирование, варианты легитимации.

THE REALITY OF BLOCKCHAIN: THROUGH THE LEGAL LOOKING GLASS

V.Y. Karpychev,
The Russian State University of Justice - Volga Region branch
17, Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, Russia, 603022
E-mail: kavlyr@yandex.ru

Annotation: this article introduces the concept of national and global cryptocurrencies, whereby the distinction is determined by currency's relation to the Russian jurisdiction.

It is shown that the legal regulation of national cryptocurrencies is possible, while it proves fundamentally difficult for global cryptocurrencies.

The author points at insufficient justification for implementation of global cryptocurrencies throughout Russia, embedding them into financial and economic spheres.

The author then highlights the need to determine under which conditions transactions with global cryptocurrencies can be allowed. He describes the necessary and sufficient restrictions on use of such currencies based on their utility for the economy as a whole, certain fields of activity, and individuals.

In conclusion, a process for «soft», or step-by-step legitimation of global cryptocurrencies in Russia is considered.

Keywords: blockchain technology, cryptocurrency, legal regulation, legitimation options.

Современные информационные технологии не просто обеспечивают поддержку предметной деятельности, но и существенным образом меняют ее содержание и функционал. При этом их непрерывное развитие, как правило, с опозданием отражается в законодательстве, а иногда создает трудности правового регулирования отношений в области применения.

Подтверждением этого тезиса является блокчейн (БЧ)-технология, инвариантная в своей основе предметным областям использования[1].

Особую известность получило ее прорывное проникновение в весьма закрытую и консервативную финансовую сферу. Глобальный масштаб и трансграничный характер приобрела принципиально новая технико-экономическая БЧ-сущность – криптовалюта, потребовавшая специального правового регулирования ее оборота.

Дело в том, что в криптовалюте был реализован набор уникальных характеристик (децентрализация, анонимность, доступность, защищенность и др.)[2], имманентно присущих БЧ-технологии. В совокупности и без нормативных ограничений эти свойства создают синергетический эффект, обеспечивающий ее популярность. Будем называть такую криптовалюту глобальной криптовалютой (биткоин и др.).

Однако эти характеристики не только предоставляют новые возможности, но и порождают набор системных рисков, обуславливающих очень

[1] БЧ-технология все шире применяется в специальных и очень «узких» областях предметной деятельности, например.

[2] Характеристики БЧ-технологии описаны во многих источниках. Некоторые из них рассмотрены в контексте настоящей статьи.

осторожные оценки всех отечественных регуляторов финансово-экономической сферы в части легитимации криптовалюты. Кратко рассмотрим эти риски.

Первая группа рисков. Эмиссия и оборот криптовалюты полностью децентрализованы, что исключает какое-либо государственное регулирование этих процессов. Именно поэтому Банк России до сих пор не определился со своей позицией о введении криптовалюты, поскольку одна из его функций – эксклюзивная эмиссия денег, контроль за количеством денежной массы, необходимой для обращения.

Вторая группа рисков. Выпуск и оборот криптовалют без какого-либо обеспечения и исключительно технологическая основа их организации не предполагают механизмов защиты прав участников оборота, включая предоставление им правовых гарантий. Это порождает риски конечных бенефициаров, обусловленные также высокой волатильностью криптовалют, технико-организационными трудностями конвертации криптовалюты в фиатные деньги, возможностью банкротства сетевых обменных площадок и др.

Третья группа рисков. В урегулированных юрисдикциях при применении «серых» схем проведения операций оборот криптовалюты выводится за рамки правового регулирования и становится практически неподконтрольным государству. БЧ-технология предоставляет широкие технико-организационные возможности использования «серых» схем.

Четвертая группа рисков. Высокая степень анонимности пользователей БЧ-технологией порождает риск использования криптовалюты в преступных целях, в том числе легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.

Характер и опасность перечисленных групп рисков безальтернативно требуют эффективного институционального управления[1] этого нового финансово-экономического явления. По мнению Николайчук О.А. и др., коллапс финансового рынка, при отсутствии надлежащего регулирования криптовалют, обеспечен.

В этих условиях перед законодателем, экономическим и научным сообществами стоят вопросы о финансовой сущности криптовалюты и ее правовом режиме, выработки работающих механизмов регулирования ее оборота.

При этом изменения законодательства должны соответствовать мировому тренду развития финансовых технологий и минимизировать риски использования криптовалюты. Наука должна предложить практике правовую концепцию криптовалюты, которая бы определяла ее предметные границы и разграничивала зоны свободного, «теневого» и преступного оборота.

[1] Задача институционального управления заключается в выборе оптимального управления, то есть допустимого управления, имеющего максимальную эффективность.

Ключевым элементом в данной концепции должно стать определение режима криптовалюты, которую в настоящее время отечественное законодательство пока прямо не включает даже в перечень объектов гражданских прав. Обобщение известных в настоящее время позиций позволяет выделить следующие основные подходы к режиму криптовалюты: денежное средство, электронные деньги, универсальный финансовый инструмент, товар, денежный суррогат, имущество.

В настоящее время исследователи с разной степенью детализации рассматривают несколько возможных сценариев (вариантов) законодательного регулирования оборота криптовалюты:

- совершенствование действующего законодательства: о платежной системе, о лицензировании отдельных видов деятельности, налоговое, валютное и банковское законодательство и др;

- разработка специального закона[1].

В любом случае должны быть определены понятие криптовалюты и ее основные признаки, субъекты отношений, принципы регулирования, меры противодействия использованию криптовалюты в преступных целях, а также установлены основания и порядок доступа государственных органов к БЧ-информации, правила лицензирования майнинга и др.

То есть исследователи и, судя по законопроекту «О цифровых финансовых активах», законодатели практически предлагают встроить БЧ-технологию в существующий финансовый порядок, урегулированный правом, с внесением необходимых изменений в законодательство. Видимо, это действительно предпочтительный вариант широкого внедрения БЧ-технологий в экономическую деятельность России.

В этом случае задача нормотворчества не представляется нам слишком сложной. К настоящему времени наука, регуляторы и законодатель предложили разной степени проработанности подходы, которые могут быть применены к правовому регулированию национальной криптовалюты. Основным признаком национальной криптовалюты должна быть урегулированность оборота (включая эмиссию, контроль и другие операции) отечественным законодательством.

Однако такой же подход к правовому регулированию глобальных криптовалют потребует не только смены их БЧ-алгоритмов, которые реализуют упомянутые предметные характеристики, но и согласия глобальной сети.

Очевидно, что подобный сценарий не реализуем ни при каких условиях. Ни государство, ни иные субъекты не смогут контролировать эмиссию и полномасштабный оборот глобальных криптовалют. Изменить концеп-

[1] Проект закона «О цифровых финансовых активах» принят в первом чтении 22.05.2018 и размещен на портале СОЗД ГАС «Законотворчество». // URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7

цию существующих глобальных криптовалют, применяя национальное законодательство, нельзя.

Поэтому государство должно принять правила глобальных криптовалют и стать равноправным их пользователем, а законодательство следует менять под объективную реальность, а не наоборот. Это означает параллельное существование в одном экономическом пространстве двух независимых финансовых систем и, соответственно, принятие государством на себя рассматриваемых рисков.

Еще одним вариантом может быть кардинальное решение – полный запрет оборота криптовалюты. При этом появляется риск технологического отставания России от позитивных мировых тенденций. Кроме того, во многих работах[1] и интернет-ресурсах[2] показано, что с технической точки зрения это практически невозможная задача в отношении глобальных криптовалют.

Однако в любом случае не снижаемые доступными средствами риски, непрозрачные обстоятельства возникновения и существующее (на самом деле!) скрытое управление, а также скорость распространения и навязчивая на этом фоне реклама глобальных криптовалют предполагают неформированный, взвешенный и комплексный подход к их внедрению.

Поэтому можно предложить поэтапный подход к решению проблемы глобальных криптовалют. Для этого следует:

- легализовать понятие национальной криптовалюты;

- запретить оборот глобальных криптовалют на территории России, который также должен корреспондировать ответственность за его нарушение;

- владельцам глобальных криптовалют на момент принятия соответствующего закона задекларировать имеющуюся криптовалюту[3] и рекомендовать вывести ее из оборота через зарубежные обменные площадки;

- принять в целях эффективного противодействия незаконному обороту криптовалют необходимые поправки в Федеральные законы от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 27

[1] *Кузнецов В.А., Прохоров Р.А., Пухов А.В.* О возможных сценариях законодательного регулирования цифровых валют в России // Деньги и кредит. 2017. № 7.

[2] Как Китай обходит запрет на торговлю криптовалютой // Информационное агентство «ПРАВДА.Ру». URL: https://www.pravda.ru/news/economics/crypto/12-09-2018/1393160-crypto-0/; Эксперты: запретить майнинг криптовалют в России физлицам было бы сложно // Сетевое издание «РИА Новости». URL: https://ria.ru/economy/20171011/1506647461.html;

Запрет криптовалют: могут ли государства запретить криптовалюты полностью? // Сайт «Cryptonet. URL: https://cryptonet.biz/ru/zapret-kriptovalyut-mogut-li-gosudarstva-zapretit-kriptovalyuty/ (дата обращения: 19.09.2018).

[3] Вопрос налогообложения майнинга или иного приобретения криптовалюты остается дискуссионным. Автор полает возможным провести налоговую амнистию криптовалюты, приобретенной до запрета оборота.

июля 2008 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др.

При наличии национальной криптовалюты, отвечающей современным технологическим требованиям и не имеющей чрезмерных организационно-правовых барьеров, запрет на оборот глобальных криптовалют будет одним из элементов системы правового регулирования криптовалют в стране.

Представляется, что запрет на оборот глобальных криптовалют в России может быть временным (мораторием). Для полного или частичного снятия ограничений потребуется проводить на постоянной основе:

- финансово-экономическую оценку объема, выгод и потерь (например, выпадающих доходов) от возможного параллельного (в том числе теневого) оборота на территории России рубля и глобальных криптовалют;

- мониторинг правового регулирования и результатов использования криптовалют в финансово-экономических системах зарубежных государств.

Только четкое понимание выгод Российской Федерации от легитимации глобальных криптовалют, механизма их оборота и «шлюзов» с национальной финансовой системой может служить условием допуска их оборота в стране.

Хотелось бы видеть конкретный перечень финансово-экономических показателей (и их значений) легитимации криптовалют в России в проекции на государство, хозяйствующих субъектов и физических лиц, например, такого свойства, как децентрализация БЧ-системы. Или исследовать анонсируемое в литературе повышение скорости[1] выполнения транзакций с точки зрения актуальности для различных видов экономической деятельности; доказать невозможность решения этой задачи в рамках традиционных финансовых технологий. И так далее.

Весьма интересной могла бы стать серьезная дискуссия под условным названием «Мифы блокчейна». Отдельные материалы по данной теме появляются в Интернете[2].

Другими словами, нужны веские аргументы допуска глобальных криптовалют в параллельный рублю оборот[3]. При этом априорные восторги некоторых публикаций на тему блокчейна представляются не вполне уместными.

[1] По сравнению с банковским переводом. При этом по данным Интернет технологическая скорость БЧ-транзакций существенно уступает скорости обработки транзакций в традиционных платежных системах.

[2] Шесть мифов о блокчейне и Биткойне, или Почему это не такая уж эффективная технология // Блог Лаборатории Касперского. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/bitcoin-blockchain-issues/18442/; Технологический блокчейн // Журнал сетевых решений LAN. URL: https://www.osp.ru/lan/2017/12/13053537/ (дата обращения 19.09. 2018).

[3] Потребуются фундаментальные изменения в законодательстве, включая Конституцию Российской Федерации.

Еще одним условием снятия ограничения на использование глобальных криптовалют в России должно быть наличие устойчивых позитивных тенденций в финансово-экономической сфере и наработка опыта их правового регулирования в зарубежных государствах.

Неизбежное, на наш взгляд, появление латентного оборота глобальных криптовалют не следует преждевременно драматизировать. При этом в легальной и теневой сферах могут находиться отдельные операции оборота глобальных криптовалют, например, майнинг.

В зависимости от степени опасности теневого и преступного оборота глобальных криптовалют финансово-экономическим отношениям в стране потребуется надлежащее участие в регулировании (рост роли) правоохранительных и специальных органов. В конце концов, в стране имеется опыт противодействия нелегальному, в том числе трансграничному обороту оружия, наркотиков и прочих объектов «двойного» применения.

На наш взгляд, совершенно необходимы дополнительные исследования в области информационных технологий[1], направленные на разработку технических решений противодействия угрозам, связанным с глобальными криптовалютами.

Как относительно «мягкий», первоначальный вариант легитимации глобальных криптовалют можно предложить следующий подход:

1. Ввести понятие «глобальная криптовалюта» и ограниченно распространить на него нормы валютного законодательства.

Временные ограничения (запрет)[2], прежде всего, должны распространяться на криптовалютные операции на территории России, предусмотренные Федеральным законом от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». Эти ограничения обусловлены неработоспособностью действующего валютного законодательства в отношении криптовалют и не вполне понятными перспективами его совершенствования.

2. Урегулировать майнинг глобальных криптовалют. Наиболее близкой аналогией майнингу физлиц в российском праве можно было бы считать удаленную работу с территории России на зарубежную компанию. Основным отличием в данном случае является отсутствие двусторонних отношений, обычно оформляемых трудовым или гражданско-правовым договором. Поэтому договорные конструкции трудового и гражданского законодательства на майнинг не распространяются.

[1] Проблемы правового регулирования отношений в Интернет сфере не ограничиваются БЧ-технологией, см, например, Карпычев В.Ю., Шальнова Ю.П. Экспорт программного обеспечения как драйвер национальной экономики: особенности, тенденции и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 7. С. 1214–1226. Поэтому такие исследования, может быть, следует проводить в рамках федеральной целевой программы.

[2] До момента разрешения выше приведенных вопросов.

Майнинг глобальных криптовалют можно рассматривать как одну из форм самозанятости, спецификой которой является осуществление деятельности вне юрисдикции России, но с физическим нахождением майнеров и оборудования («ферм») на ее территории.

Понятие самозанятости нормативно не определено. В специальной литературе предпринимаются попытки раскрыть содержание, сформировать признаки и предложить это определение. Свои взгляды на это социально-экономическое явление имеют официальные структуры (ФНС России, Пенсионный фонд России). Оставаясь за рамками этой дискуссии и в контексте настоящей статьи, укажем на следующие признаки майнеров, которые позволяют, на наш взгляд, отнести их к категории самозанятых лиц:

- получение дохода самостоятельно, т.е. вне трудовых и гражданско-правовых отношений;

- отсутствие какой-либо регистрации (в том числе в качестве индивидуальных предпринимателей).

Для введения майнинга глобальных криптовалют в правовое поле достаточно реализовать в отношении этого вида деятельности разрабатываемые в настоящее время подходы правового регулирования деятельности самозанятых граждан: формы и способы регистрации, налогообложения, предоставление различных льгот и пр.

Вывод намайненной криптовалюты в фиатные деньги (валюту!) разрешить в зарубежных обменных пунктах с последующим ввозом их в Россию по общим правилам валютного, таможенного и налогового законодательства.

Априорное разрешение иных криптовалютных операций и допуск к обороту глобальной криптовалюты юридических лиц чревато выше рассмотренными рисками.

Предлагаемый подход снижает риски первой и третьих групп, но требует постоянного мониторинга финансовой ситуации.

В части второй группы рисков представляется логичным возложить все риски на майнеров, в том числе использовать модель регулирования отношений, аналогичную регулированию обязательств из игр и пари (п. 2 ст. 1062 ГК РФ), то есть отказ в судебной защите по требованиям, связанным с использованием криптовалюты.

Ну, а риски четвертой группы инвариантны степени урегулированности оборота криптовалюты. Их снижение достигается совершенствованием вышеупомянутого специального законодательства.

Библиографический список:

1. *Алексеев Н.В.* Неклассические объекты гражданского права. Особенности правовой природы криптовалют // Право: история, теория, практика: Сб. статей и материалов. Вып. 21. 2017.

2. *Бурлак А.В.* К вопросу о понятии «Самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 6–11.

3. *Галкова Е.В.* Биткойн – альтернатива инвестициям, криптовалюта или «стеклянные бусы» без реальной торговой стоимости? Обзор основных подходов регулирования // Законодательство. № 11. 2016. С. 25–36.

4. *Дудина О. И, Кремлева В.В.* Биткоин: денежный суррогат или валюта будущего? // Фундаментальные исследования. 2016. № 9–3. С. 591–596.

5. *Карпычев В.Ю., Шальнова Ю.П.* Экспорт программного обеспечения как драйвер национальной экономики: особенности, тенденции и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 7. С. 1214–1226.

6. *Крылов О. М.* Правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации. М.: Контракт, 2014. 104 с.

7. *Кузнецов В.А., Прохоров Р.А., Пухов А.В.* О возможных сценариях законодательного регулирования цифровых валют в России // Деньги и кредит. 2017. № 7. С. 52–56.

8. *Меликов У.А.* Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Вестник Южно-Уральского гос. университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 60–66.

9. *Николайчук О.А.* Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов // Journal of Economic Regulation. 2017. Т. 8. № 1. С. 142–154.

10. *Новиков Д.А.* Институциональное управление организационными системами. М.: ИПУ РАН, 2004. 68 с.

11. *Рузакова О.А., Гринь Е.С.* Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 38. С. 508–520.

12. *Свон М.* Блокчейн: Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 224 с.

13. *Сидоренко Э.Л.* Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8–11.

14. *Сидоренко Э.С.* Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. № 34. 2016. С. 553–571.

15. *Тапскотт Д.* Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эсмо, 2017. 448 с.

УДК: 347.91/95:65

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ СО СТОРОНЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ОРГАНА НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕННЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Р.Ю. Кац,
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: rv.kats@gmail.com

Аннотация: в статье автором анализируется практика применения институтов антимонопольного законодательства к современным цифровым рыночным отношениям. На основе практических примеров автором делается вывод о наличии потребности в поиске нового баланса публичных и частных интересов в антимонопольном регулировании цифровой экономики. В развитие этого тезиса автор приходит к выводу о необходимости корректировки положений антимонопольного законодательства в части полномочий ФАС России в сторону усиления их гибкости и способности обеспечить реальное восстановление нарушенных прав, вплоть до возмещения убытков.

Ключевые слова: цифровая экономика, антимонопольное регулирование, ФАС России, правовое регулирование, защита гражданских прав.

PROTECTION OF PROPERTY INTERESTS OF PARTICIPANTS OF CIVIL LEGAL RELATIONS WITH ANTIMONOPOLY AUTHORITIES ON THE EXAMPLE OF CASES IN THE FIELD OF DIGITAL ECONOMY

R.Yu. Kats,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: rv.kats@gmail.com

Annotation: the author analyzes the legal practice of applying the institutions of antimonopoly legislation to modern digital market relations. The author draws an inference from practical examples that there is a need to search for a new balance of public and private interests in the antitrust regulation of the

digital economy. In the development of this thesis, the author concludes that it is necessary to adjust the provisions of the antimonopoly legislation (in a part of the FAS powers) in the direction of enhancing their flexibility and ability to ensure an efficient restoration of violated rights, up to compensation of losses.

Keywords: digital economy, antimonopoly regulation, FAS of Russia, legal regulation, civil law rights protection.

Современная российская экономика чуть более года назад была официально признана входящей в эпоху цифровизации. Так, Указом Президента РФ была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»[1], затем во исполнение данного указа распоряжением Правительства РФ была принята Правительственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[2]. Несколько позднее основные направления реализации цифровой повестки были приняты и на уровне ЕАЭС[3].

Экспертами отмечается, что столь пристальное внимание проблеме цифровизации уделяется ввиду изменения структуры товарных рынков, повышению роли компаний, действующих в цифровой и IT сферах, в глобальной и государственной экономике[4].

Компании, оказывающие сегодня решающее воздействие на товарные рынки, являются очень крупными хозяйствующими субъектами, зачастую занимающими на рынке разработки определенных программных продуктов, производства цифровой техники и т.п. если и не доминирующее, то достаточно существенное положение. Эта ситуация осложняется и тем, что данные компании обладают рядом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, с использованием которых разрабатывается и выпускается их продукция. Более того, такие исключительные права не являются свободными для использования (своеобразный опыт со свободной ОС Linux не может быть признан удачным, поскольку Linux и производные так и не достигли популярности и массовости ОС Microsoft Windows). Указанные обстоятельства порождают собой безальтернативность цифровых компаний в понимании потребителя (причем как физического, так и юридического лица) и, как следствие, возможность

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // http://pravo.gov.ru/

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

[3] Решение Высшего Евразийского совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года» // http://www.garant.ru/

[4] *Голомолзин А.Н.* В цифровой сфере ограничений традиционного мира не существует, и это необходимо учитывать // Закон. 2017. № 12. С. 7.

использования своего исключительного положения в целях получения дополнительной прибыли. Сегодня это происходит путем установления зачастую неоправданно высоких цен за продукцию цифровых компаний (в цене закладывается высокая маржа, позволяющая получать с каждой реализации продукта серьезную прибыль), навязывания проприетарных продуктов компании производителя с покупаемым устройством и т.д.

Помимо влияния крупных игроков на цифровом рынке, следует констатировать проникновение цифровой экономики во все сферы жизни общества. Сегодня практически невозможно представить обычный день без осуществления оплаты товаров с помощью безналичных денежных средств, пользования личными кабинетами банков, бронирования и приобретения билетов на транспорт, концерты и спектакли через Интернет.

Даже такой в прошлом сугубо развлекательный контент, как видеохостинги (в первую очередь Youtube), благодаря использованию цифровых технологий стал концентрировать в себе немалую долю цифровой экономики. Заработок популярных видеоблогеров на сегодня существенно превышает не то что средний уровень заработной платы по стране, но и заработную плату высокооплачиваемых специалистов в различных сферах[1].

Значение антимонопольного органа в регулировании цифровой экономики.

Естественно, что такое масштабное явление, как цифровая экономика с ее вызовами, не остается без внимания государства и его регуляторов. На сегодняшний день особенностью цифровой экономики является низкий уровень ответственности. Отсутствие прогрессивного правового регулирования в этой сфере провоцирует положение, при котором правонарушения становятся нормой[2].

Особенности цифровых рынков обусловливают необходимость качественно нового подхода к участию государства в экономике. Так, А.Н. Голомолзиным отмечается, что рассмотренные в последние несколько лет дела Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС России, антимонопольный орган) против Apple, Google, Microsoft «потребовали совершенно иного уровня квалификации и профессиональной подготовки для обеспечения защиты конкуренции»[3].

Следует согласиться с А.Ю. Ивановым, утверждающим, что адаптация антимонопольного регулирования к нуждам цифровой экономики – это фундаментальный вопрос выживаемости российской экономики в

---

[1] *Садыкова Р., Желобанова Е., Фомичева М., Приходина М.* Видеоблогер на миллион // РБК: Журнал. 2014. Август. С. 63.

[2] *Быков А.Ю.* Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски // На пути к гражданскому обществу. 2017. № 1 (25). С. 6.

[3] *Голомолзин А.Н.* Указ. соч. С. 8.

новом технологическом укладе. В нем сразу пересекаются проблемы и эффективности нашей экономической системы и распределения выгод от ее работы[1].

В целях обеспечения защиты конкуренции от излишнего влияния монополизирующих отрасль действий ФАС России готовит пятый антимонопольный пакет, призванный в том числе вновь расширить полномочия антимонопольного органа, распространив их на новые, современные товарные рынки, находящиеся в немалой части в сети Интернет.

Безусловно, основное число злоупотреблений, которые могут быть допущены в сфере цифровой экономики, лежит в сфере взаимоотношений крупных технологических монополий и потребителей производимых ими товаров (в том числе сугубо цифровых товаров) и услуг. Соответственно, подобные злоупотребления основаны на доминирующем положении таких компаний, в том числе обладании ими исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, не доступными как для частного, так и для коммерческого использования третьими лицами.

В зарубежных странах подход к регулированию цифровой экономики отличается от российского. Сегодня, по мнению журнала The Economist, «возникновение супергигантов наиболее заметно в экономике знания... в Кремниевой долине небольшая группа монополистов имеет рыночную власть и получает доходы, невиданные со времен баронов-разбойников XIX века»[2].

Несмотря на опасения экспертов, монополизация цифровой экономики в США является практически частью государственной политики. А.Ю. Иванов приводит в обоснование этого вывода в том числе тот факт, что Питер Тиль, основатель PayPal и Palantir Technologies, а также один из советников президента США Дональда Трампа, опубликовал в The Wall Street Journal статью «Конкуренция – удел неудачников», в которой подвергает критике постулат о ценности здоровой конкуренции для успешной капиталистической экономики, называя монополию необходимым условием существования успешного бизнеса[3].

В пику г-ну Тилю The Economist призывает правительства всех стран активнее применять меры антимонопольной политики для регулирования рынков цифровой экономики, иначе произойдет непоправимое – цифровая экономика перестанет быть рыночной и будет управляться группой компаний-монополистов, обладающих такой рыночной властью, которой не

[1] *Иванов А.Ю.* Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. С. 118.

[2] The Rise of the Superstars // The Economist. 2016. 17 Sept. URL: http://www.economist.com/news/special-report/21707048-small-group-giant-companiessome-old-some-neware-once-again-dominating-global (дата обращения: 30.09.2018).

[3] *Иванов А.Ю.* Указ. соч. С. 108.

могли похвастаться не только монополисты XX в., но и правительства промышленно развитых стран[1].

Первыми на этот призыв ответила Еврокомиссия, несколько лет назад признавшая нарушителем компанию Microsoft в связи с обязательной установкой собственного программного обеспечения (проигрыватель Windows Media Player и браузер Internet Explorer) при установке операционной системы Windows. Также Еврокомиссией были рассмотрены знаковые дела против Intel и Google (с рекордным на тот момент штрафом в 2,4 миллиарда евро[2]).

Сегодня, что интересно, лидирующие позиции в «усмирении» технологических гигантов стремится занять Россия. Наилучшим примером передовых достижений отечественного регулятора в данной сфере является т.н. «Дело Google», в рамках которого в отношении Google Inc. и Google Ireland Ltd. ФАС России были выданы решение и предписание в связи с понуждением конечного пользователя к использованию проприетарного софта производства Google, предустановленного на мобильных устройствах с Android OS, что ущемляло интересы конкурентов, в частности, Yandex.

Уже на основе позиции ФАС России, сформулировавшей т.н. «теорию перенесения рыночной власти» и распространившей традиционные методы антимонопольного регулирования на новую цифровую экономику, впоследствии были возбуждены и рассматривались схожие дела в рамках Евросоюза, Южной Кореи, Турции[3]. Более того, рассмотренное Еврокомиссией дело повлекло за собой новый рекордный штраф в отношении цифровых компаний – 4,34 млрд евро[4], составивший около 40% выручки компании за прошлый год.

Во время работы автора в Пермском УФАС России в 2014-2017 годах на встречах с руководством правовых подразделений и подразделений, призванных бороться с картелями иными формами сговоров на товарных рынках, неоднократно указывалось на стремление ФАС России распространить и запреты сговоров любого рода, влияющих на ценообразование и, таким образом, на кошелек массового потребителя, на взаимоотношения участников цифровых рынков и иных лиц, вступающих с ними в договорные отношения. Нельзя сказать, что сегодня на этом поприще регулятором

---

[1] Там же.

[2] The British couple who cost Google £2.1BILLION: Entrepreneurs took on internet giant because their website was downgraded in search results. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-5392817/British-couple-cost-Google-2-1BILLION-speak-out.html (дата обращения 30.09.2018)

[3] *Хохлов Е.С.* Дело ФАС России в отношении практик Google в сфере операционной системы Android: Правовые проблемы и значение для российского антимонопольного регулирования // Право в сфере интернета: сб. ст. / ред. *М.А. Рожкова*. М.: Статут, 2018. С. 28.

[4] Еврокомиссия оштрафовала Google на рекордные 5 млрд долларов. URL: https://www.bbc.com/russian/news-44874650 (дата обращения 30.09.2018).

были достигнуты значительные успехи, хотя и было принято решение по делу против дочерней компании Apple – «Эппл Рус»[1].

Поиск баланса между целями антимонопольного регулирования.

Многими исследователями ставится под сомнение вопрос, необходима ли конкуренция в цифровой экономике как таковая, либо следует поддерживать конкретные организации, которые являются своеобразным двигателем инноваций в цифровой сфере, и смириться с глубокой монополизацией цифровой отрасли (как это предлагает П. Тиль).

По этому поводу мы разделяем исторически сложившуюся точку зрения на ценность конкуренции, поскольку действительное внедрение инноваций является прямым следствием развитого конкурентного рынка[2].

Позиция авторов, утверждающих, что цифровую экономику следует оставить на управление гигантам-монополистам, в той или иной мере отступив от применения традиционных подходов государственного, в т.ч. антимонопольного, регулирования, понятна. Однако она основана, в сущности, лишь на том, что цифровая экономика по своей сути – нечто иное, нежели экономика традиционная, «материальная», если будет корректным так выразиться.

Между тем история знает немало случаев коренных переломов в производстве, существенным образом изменивших картину мировой экономики в целом на многие десятки и сотни лет вперед. К таким моментам относятся, в частности, изобретение паровой машины в 17 веке, начало разработки недр и изобретения, позволяющие перерабатывать добытые ресурсы (ректификация нефти и т.п.) и т.д.

Многие крупные промышленные открытия переворачивали с ног на голову традиционные экономические устои, однако механизмы государственного вмешательства в экономику не упразднялись, а подстраивались под существующие экономические отношения. Антимонопольное (антитрестовое) регулирование в США само по себе возникло как реакция на ограничения свободы торговли и чрезмерный рост экономического влияния Дж. Рокфеллера и Standard Oil.

Первоочередной целью деятельности антимонопольных органов, в том числе в рамках вмешательства государства в сферу цифровой экономики, остается защита конкуренции.

Такая логика не обошла и российское регулирование. Так, в соответствии с частью 2 статьи 1 Федерального закона «О защите конкуренции»[3]

[1] ФАС признала «дочку» Apple виновной в координации цен на iPhone. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/03/2017/58c7c5a99a794706a681e537 (дата обращения 30.09.2018).

[2] *Сушкевич А.Г.* Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3. С. 21–34.

[3] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434.

(далее – Закон о защите конкуренции), целями данного закона являются обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защита конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков.

Ценность решений, принятых антимонопольным органом, для пострадавших от их действий конкурентов, вполне понятна. Более того, прекращение антиконкурентных действий позволяет говорить об условном уравнивании в правах участников цифрового рынка. Показательным здесь является опять же дело ФАС России против Google: по данным Statcounter, после того, как Google начала выполнять условия соглашения с ФАС летом 2017 года, доля «Яндекса» в мобильном поиске выросла с 34 до 46%[1].

Тем не менее, как видно из практики, ни штрафы, ни даже добровольное исправление нарушений в одной сфере не оберегает от злоупотреблений в другой, о чем свидетельствует последовательное и продолжающееся пресечение нарушений антимонопольного законодательства разных стран со стороны одних и тех же монополистов (Intel, Microsoft, Google).

Кроме того, очевидно, что многие лица, в особенности потребители, которые в результате неправомерных действий монополиста понесли убытки, хотели бы получить не защиту своего потенциального права при будущем вступлении в правоотношения с монополистом, а получить имущественное возмещение за уже произошедшее нарушение.

Сегодня это возможно лишь через институт возмещения убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства, путем обращения в суд с заявлением, предусмотренным ч. 3 ст. 37 Закона о защите конкуренции. В соответствии с указанной нормой может быть подано и заявление о восстановлении прав, нарушенных действиями, признанными нарушающими антимопонопольное законодательство.

Полагаем, что суженные полномочия антимонопольного органа на сегодняшний день не отвечают объективной действительности. Вместо того чтобы обеспечить восстановление нарушенного гражданского права, антимонопольный орган, зачастую крайне долго рассматривая дело, в итоге осуществляет лишь констатацию факта нарушения и обыкновенно выдает предписание, обобщенно говоря, о восстановлении рыночного положения. Таким образом, с учетом срока обращения в антимонопольный орган и рассмотрения им дела о нарушении антимонопольного законодательства, лицо, чье право нарушено, теоретически способно пропустить даже срок исковой давности по обстоятельствам, от него, в сущности, не зависящим.

Понимая опасения передавать полномочия по разрешению гражданско-правовых споров об убытках в компетенцию антимонопольного орга-

[1] Еврокомиссия оштрафовала Google на рекордные 5 млрд долларов. URL: https://www.bbc.com/russian/news-44874650 (дата обращения 30.09.2018).

на, считаем возможным предусмотреть право антимонопольного органа, по меньшей мере, выдавать предписание о восстановлении нарушенных гражданских прав лица, обратившегося с заявлением, а также неопределенного круга иных лиц, в т.ч. потребителей.

Например, если антимонопольным органом будет вновь выявлено нарушение антимонопольного законодательства, выразившееся в сговоре продавца и дистрибьюторов (как это было в деле против Apple), антимонопольный орган должен быть вправе требовать не только прекратить антиконкурентные действия, но и обеспечить возврат денежных средств, излишне уплаченных потребителями конкретного товара при его приобретении в результате такого сговора, по обращению неопределенного круга потребителей, при условии представления документов, подтверждающих приобретение товара. В случае немотивированного отказа от совершения таких действий потребитель должен быть управомочен обратиться в антимонопольный орган с заявлением о неисполнении предписания, за что виновная организация получит административный штраф.

Таким образом может быть достигнуто наиболее удачное, на наш взгляд, сочетание публичных и частных правовых начал в правоприменении со стороны антимонопольного органа. Иными словами, ограничивая «полицейские» полномочия антимонопольного органа в рамках либерализации законодательства антимонопольными пакетами с одной стороны, с другой стороны мы предлагаем дать антимонопольному органу больше возможностей для усмотрения и гибкости правоприменения.

Еще одним масштабным аспектом антимонопольного регулирования в цифровой экономике является соотношение антимонопольных запретов и охраны исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, непосредственно связанных с хозяйственной деятельностью монополистов на цифровых рынках.

Данному вопросу посвящены достаточно глобальные исследования, статьи, монографии[1]. Позиция ФАС России сегодня является достаточно однозначной – антимонопольных иммунитетов не должно быть. Эта позиция излагается регулятором на протяжении многих законопроектов, однако полноценного позитивного отклика со стороны экспертов и законодателя так ни разу и не нашла.

Соглашаясь с доводом Радецкой М.А. о недостаточной исследованности последствий отмены антимонопольных иммунитетов для экономики нашего государства, негативных имиджевых последствий для российской

[1] *Гаврилов Д.А.* Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности: Монография. М., 2014. СПС «КонсультантПлюс»; *Акифьева А.* Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против // Конкуренция и право. 2016. № 4. С. 36–39; *Радецкая М.А.* Охрана исключительных прав и пресечение недобросовестной конкуренции: поиск баланса // Закон. 2017. № 12. С. 44–55 и др.

юрисдикции[1], мы, продолжая вышеизложенные тезисы, вновь обращаем внимание, что нарушения в сфере цифровой экономики могут быть допущены с использованием исключительных прав на определенные объекты.

Примером такого нарушения являлось вышеупомянутое использование алгоритмов Google Search в целях указания результатов на аффилированных поисковику сайтах покупок[2].

Не видя целесообразности в полной отмене антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности, мы считаем необходимым вынесение в качестве отдельной категории злоупотребления доминирующим положением «злоупотребление исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности исключительно в целях ущемления интересов иных лиц».

Несмотря на продолжающиеся усилия по борьбе со злоупотреблениями со стороны монополистов (олигополии) на цифровых рынках, по снижению административных барьеров для входа на них, следует констатировать, что движение в позитивном направлении в этой сфере только лишь начато, и как доктрине, так и законодателю и правоприменителю придется еще не один раз перестроить традиционные антимонопольные подходы для адаптации их новым экономическим вызовам.

Приведенные в настоящей статье проблемы, полагаем, являются лишь одним из отражений недостаточной гибкости антимонопольного регулирования, которая может быть преодолена путем дальнейшего реформирования законодательства, повышению роли антимонопольного органа как арбитра в отношениях между потребителями и хозяйствующими субъектами, между субъектами-конкурентами, усилению частно-правовой направленности антимонопольного регулирования в сторону восстановления нарушенного права, а не защиты его на будущее время.

Библиографический список:

1. *Акифьева А.* Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против // Конкуренция и право. 2016. № 4. С. 36–39

2. *Быков А.Ю.* Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски // На пути к гражданскому обществу. 2017. № 1 (25). С. 5–15.

3. *Гаврилов Д.А.* Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объ-

[1] *Радецкая М.А.* Указ. соч. С. 55.

[2] The British couple who cost Google £2.1BILLION: Entrepreneurs took on internet giant because their website was downgraded in search results. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-5392817/British-couple-cost-Google-2-1BILLION-speak-out.html (дата обращения 30.09.2018)

екты промышленной собственности: Монография. М., 2014. СПС «КонсультантПлюс».

4. *Голомолзин А.Н.* В цифровой сфере ограничений традиционного мира не существует, и это необходимо учитывать // Закон. 2017. № 12. С.: 6–15.

5. *Иванов А.Ю.* Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. С. 106–119.

6. *Радецкая М.А.* Охрана исключительных прав и пресечение недобросовестной конкуренции: поиск баланса // Закон. 2017. № 12. С. 44–55.

7. *Садыкова Р., Желобанова Е., Фомичева М., Приходина М.* Видеоблогер на миллион // РБК: Журнал. 2014. Август. С. 63.

8. *Сушкевич А.Г.* Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3. С. 21–34.

9. *Хохлов Е.С.* Дело ФАС России в отношении практик Google в сфере операционной системы Android: Правовые проблемы и значение для российского антимонопольного регулирования // Право в сфере интернета: сб. ст. / ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 27–47.

10. The British couple who cost Google £2.1BILLION: Entrepreneurs took on internet giant because their website was downgraded in search results. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-5392817/British-couple-cost-Google-2-1BILLION-speak-out.html (дата обращения 30.09.2018)

11. The Rise of the Superstars // The Economist. 2016. 17 Sept. URL: http://www.economist.com/news/special-report/21707048-small-group-giant-companiessome-old-some-neware-once-again-dominating-global (дата обращения: 30.09.2018).

УДК 347.

ФИЛОСОФИЯ «ЭЛЕКТРОННОЙ» СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Е.Г. Комиссарова,
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: eg-komissarova@yandex.ru

Аннотация: автор обращается к проблеме электронных доказательств в контексте принципов гражданского процессуального права в целом и принципа состязательности, в частности. Отражая коммуникативное начало этого принципа, автор отстаивает устоявшиеся ценности теорий доказательственного права и принципа состязательности, утверждая, что приход цифровых новшеств в сферу правоприменения не повод для их корректировки. Свои взгляды и научные убеждения автор подтверждает необходимым историческим экскурсом в вопросы восприятия правом исторически предшествующих цифровым технологиям прежних цивилизационных ценностей.

Ключевые слова: цифровые технологии, теория доказательственного права, электронные доказательства, принцип состязательности, терминологическая лексика права.

PHILOSOPHY OF «ELECTRONIC» COMPETITIVENESS IN CIVIL LEGAL PROCEEDINGS

E.G. Komissarova,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: eg-komissarova@yandex.ru

Annotation: the author addresses a problem of electronic proofs in the context of the principles of civil procedural law in general and the principle of competitiveness, in particular. Reflecting the communicative beginning of this principle, the author defends the settled values of theories of the law of evidence and the principle of competitiveness, claiming that arrival of digital innova-

tions to the sphere of law enforcement not a reason for their adjustment. The author confirms the views and scientific beliefs with the necessary of historical digression to questions of perception by the law of the former civilization values which are historically preceding digital technologies.

Keywords: digital technologies, the theory of the law of evidence, electronic proofs, the principle of competitiveness, terminological lexicon of law.

Начать хотелось бы с констатации. Состязательность безусловна, поскольку она не только один из принципов современного судопроизводства, а его тип, модель. Состязательное начало реализуется в доказывании, средства которого установлены законом. Состязательность способна обеспечивать продолжение частных начал в условиях сильного и властного процесса, равенство прав и обязанностей его участников. Состязательное начало судопроизводства гарантирует реальную защиту нарушенным или оспоренным правам. Все эти аксиомы давно взвешены и выверены историей и современностью, дополнены современными исследованиями и подтверждены опытом иностранных правопорядков. Однако…

Электронное цунами, пришедшее в сферу судопроизводства, сделав его более открытым, доступным и по многим параметрам облегчающим защитное бремя тяжущихся, одновременно дисциплинируя их в отношениях с судом, со стороны юриспруденции приняты позитивно. Но, к сожалению, не всегда с учетом устоявшихся правовых закономерностей.

Настоящая статья появилась под влиянием той части научных взглядов, которые вольно или невольно противопоставляют значение технологической составляющей в организационных (!) процессах становления электронного правосудия (e-justice), процессуально-правовым. Одна из таких тенденций коснулась норм о доказывании и доказательствах, а если точнее, то принципов гражданского процессуального права, в числе которых принцип состязательности, реализуемый в процессе деятельности по доказыванию.

Желание части авторов видеть электронные доказательства в качестве самостоятельного средства доказывания породило идею о «настоятельной необходимости углубленного изучения как самой природы цифровых доказательств, так и особенностей их использования», об «особом статусе электронных документов, отличном от традиционных письменных документов» и т.д.

Если подходить к данному вопросу с позиций академических, то его следует признать спорным[1]. Если при этом использовать методологиче-

[1] Обзор точек зрения сторонников и противников отнесения электронных доказательств к письменным см.: *Азаров В.В.* Соотношение электронных документов и письменных доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. М.: Юрист. 2014. № 6. С. 51–56.

ский ресурс, который пока совсем не задействован в исследованиях, относящихся к появлению электронно-процессуальных новшеств, то его следует признать абсурдным.

Сказать, что электронное доказательство – это новое средство доказывания, конечно можно. И скорее всего, нужно, хотя бы для того, чтобы возбудить полноценный доктринальный диспут в поисках необходимого доктринального решения, которое окажется способным повлиять или не повлиять (в силу его отклонения) на позицию законодателя. Ведь наука, как и судебная практика, помогает законодательному развитию, направляет его, питает. Но неся эту миссию, наука, развивающаяся кумулятивно, должна опираться на «преждепродуманное», законодательно установленное, принятое судебной практикой и не заслуживающее необоснованной ломки.

Что же касается судебной практики, то хоть и не столь масштабное как сейчас, пришествие машинных доказательств в неё уже было в истории. Впервые это нашло отражение в Инструктивном указании Госарбитража СССР № И-1-4 от 29 июня 1979 г. «Об использовании в качестве доказательств документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники»[1], причислившим документы, полученные с помощью средств электронно-вычислительной техники, к письменным доказательствам. Постановлением Пленума ВС СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении» были конкретизированы условия принятия судом этого вида доказательств. Как было установлено в п. 6 «в обоснование решения суд в случае необходимости вправе сослаться и на письменные доказательства в виде документов, полученных с помощью электронно-вычислительной техники. Эти документы принимаются в качестве доказательств при условии их надлежащего оформления в соответствии с установленным порядком[2]. Впоследствии еще одно постановление Пленума ВС СССР обратило внимание на доказательства, полученные с помощью ЭВМ[3], указав что «в случае необходимости судом могут быть приняты в качестве письменных

[1] Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. М.: Юридическая литература, 1983. 336 с.

[2] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. № 4. С. 19. Надлежащее оформление прописывалось во Временных общеотраслевых руководящих указаниях о придании юридической силы документам на магнитной ленте и бумажном носителе, создаваемыми средствами вычислительной техники // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. № 9. 1981. Впоследствии это Положение было заменено ГОСТом 6.10.84 «УСД. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения». Утв. Постановлением Госстандарта СССР от 09.10.1984 № 3549. М.: Изд-во Госстандарта, 1985.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 г. «О строгом соблюдении процессуального законодательства при осуществлении правосудия по гражданским делам». СМ.: Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М., 1996. 400 с.

доказательств документы, полученные с помощью электронно-вычислительной техники»[1].

Как видно из приведённых документов, правоприменитель не задавался относительно машинных доказательств многочисленными электронно-техническими (то есть фактическими) вопросами, которые сегодня правовая наука без особой надобности подняла на поверхность в качестве неправовых аргументов. Значимыми были три пункта: причисление доказательств к письменным, соблюдение порядка их оформления и условия допустимости такого вида доказательств в процесс. Последнее было связано «со случаями необходимости». Подобная оговорка происходила из незнания ЭВМ участниками судопроизводства. Здесь действовали две взаимоисключающие презумпции: презумпция достоверности компьютерной информации и презумпция недоверия к таким доказательствам. Фактический выбор презумпции определялся усмотрением суда.

В современных утверждениях об «особом» характере электронных доказательств без внимания, а точнее, без обоснования и аргументации остается вопрос о запросах этой самой судебной практики, которая решает вопросы о их допустимости и относимости, а также оценке. Верно ли это?

Опора на существующую теорию доказательственного права позволяет предположить, что запрос у судебной практики по поводу электронных доказательств все же имеется. Но, на наш взгляд, он связан не с проблемой самостоятельности/несамостоятельности электронных доказательств, а с проблемой законодательной дифференциации доказательств, относимых к письменным, необходимостью построения их внутренней иерархической системы. И дело совсем не в технических особенностях их извлечения и приобщения к материалам дела, а в неизбежных особенностях оценки разных видов доказательств «письменной» группы. Представляется, что до тех пор пока вопрос о внутренней иерархии письменных доказательств не станет предметом научных исследований и не привлечет законодательного внимания, включение электронных доказательств в разряд письменных будет восприниматься наукой как акт условный и со стороны законодателя не завершенный, а суждения об их смешанном характере[2] будут и дальше набирать обороты с неизменным углублением в область неправа.

Если же говорить об опоре на «преждепродуманное», то неизбежно надлежит актуализировать имеющиеся научные знания о письменных доказательствах[3]. Процессуальная ценность этих доказательств, выгодно со-

[1] Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М.: Спарк, 1996. С. 116.

[2] *Балашов А., Лейканд Е.* Проблемы использования электронных доказательств в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 30–33.

[3] *Калпин А.Г.* Письменные доказательства в судебной практике по гражданским делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1966. 34 с.; *Колымыцев В.И.* Письменные доказательства по гражданским делам. М., 1978; *Синякова М.В.* Письменные доказательства в гражданском и арбитражном процессах: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 79; *Медведев И.Г.* Письменные доказательства в частном праве России и Франции. СПб., 2004. С. 145.

единяющих в себе личное и вещественное начало, как правило, созданных задолго до возникновения спора сторон, известная и давно обеспечила этому виду доказательств статус наиболее надежного и приоритетного средства судебного познания. Не в этой ли стороне следует поискать правовые аргументы в поисках отдельного статуса электронных доказательств?

Учитывая, что выверенный, осознанный и совсем «не большевистский» подход к проблематике электронных средств доказывания еще впереди, в качестве Учителя по данному вопросу привлечем весьма показательную историю и «посмотрим, что она скажет». Как справедливо отмечено в науке истории права, «невозможно представить, что бы происходило в науке, если бы каждое поколение начинало всё заново, не используя предыдущий опыт»[1].

Эволюционные процессы в организации судопроизводства и судоговорения были всегда. Что касается доказательственного права, то оно тоже прошло свой собственный «материально-технический» путь от зарубок и насечек к глиняным табличкам, папирусам, берестяным грамотам, свиткам. Последующая экспансия сначала бумажных носителей (от свитков к рукописям, от рукописей к печати), а сейчас носителей электронных – это безусловная цивилизационная ценность. Но, как показывает история появления электричества, телефона и телеграфа, не повод для ломки устоявшихся теорий, законодательства и судебной практики[2].

Машинный язык как явление пришел в право во второй половине XX в. (1971 г.), после того как в 1971 г. были запущены унифицированные серии электронно-вычислительных машин, считывающих данные с перфокарт и магнитных лент, созданных на базе ЭВМ первого поколения (1951 г.). В 1972 г. в правовую науку вошли вопросы информационных отношений, с одновременной постановкой вопроса о их правовой природе[3]. Параллельно правовая наука озаботилась и проблемой отражения языка ЭВМ в праве. Первая научная реакция была практически равна той же, что и сейчас в силу той цивилизационной мощи, что привносило в жизнь достижение в области ЭВМ – это новейшее для права явление должно иметь собственное отражение в праве, так как в научном и правовом смысле сведения о фактах и практической деятельности, закрепленные знаками языковых искусственных систем, могут рассматриваться как самостоятельная разновидность документов[4].

[1] *Новицкий В.А.* Правовые взгляды русских юристов конца XIX-XX века в области доказательственного права России: Гражданско-процессуальный аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 5.

[2] *Катков В.* Заключение договоров при посредстве электричества // Журнал С.- Петерб. юрид. общества. 1896. Кн. 7. С. 77–88; *Цвингман В.М.* О влиянии техники (телеграфа, телефона и т.п.) на развитие договорного права // Журнал Министерства юстиции. 1902. Кн. 8. С. 149–174 и др.

[3] *Венгеров Б. А.* Право и информационное обеспечение АСУ // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 28–36.

[4] *Лисиченко В.К.* Криминалистическое исследование документов. Киев, 1973. С. 49.

Представители разных отраслевых наук отнеслись неоднозначно к вопросам о правовой природе машинных носителей информации и их роли в правовом пространстве. Одни видели их в разряде вещественных доказательств[1], другие относили к числу письменных[2]. А.Т. Боннер отстаивал взгляд о том, что эти доказательства не могут считаться традиционными и должны быть выделены в самостоятельное средство[3]. Правоприменитель отреагировал на это однозначно, включив машинные доказательства в число письменных. Поскольку законодательство в этот исторический период не было динамичным, ориентиры для судов следовали из Постановлений Пленумов Верховного суда СССР, Инструктивных писем и указаний Государственного арбитража СССР, тех самых, которые были названы выше.

Последующее увеличение в обороте числа документов, полученных с помощью электронно-вычислительной техники, и развитие средств их идентификации привели к стиранию явных правовых границ между письменными доказательствами и доказательствами, выраженными на машинном языке, актуальность самостоятельного вопроса о них применительно к праву постепенно поблекла. При принятии в 1995 г. Арбитражного процессуального кодекса РФ компьютерные носители даже не были выделены в качестве отдельных средств доказывания. В первом комментарии АПК РФ 1995 г., профессор В.К. Пучинский в связи с этим указал на то, что «все современные носители информации могут быть классифицированы в рамках уже известных законодательству средств»[4].

Собственно на это указывает и предыдущая история и опыт зарубежных стран и правильное отношение к тому факту, что новизна источников информации, их разнообразие – это не проблема новизны юридических доказательств, способная сдвинуть со своей опоры теорию доказательств, а заодно и принципов действующего процессуального права, а проблема в большей мере фактологическая, у которой есть собственные научные ниши за пределами права или в межотраслевом пространстве права и информатики.

Новые мощные ценности цивилизации динамично и масштабно пришли в российское процессуальное право вместе с федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержден-

[1] *Шакарян М.С.* Советский гражданский процесс. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1985. С. 183 (автор раздела - *М.А. Гурвич*).

[2] Еще до появления ЭВМ Д.М. Чечот магнитные ленты, перфокарты, дуаль-карты, перфоленты и другие технические носители информации являются лишь особым видом письменных доказательств. СМ.: *Чечот Д.М.* Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве // Материалы межвузовского научного совещания на тему: «40 лет Советского государства и права и развитие правовой науки». Л.: ЛГУ, 1957. С. 57.

[3] *Боннер А.Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Проспект, 2015. 616 с.

[4] Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / Под ред. *В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова и др.* М.: Юридическая фирма «Контакт», 1995. С. 111.

ной постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 № 1406[1]. На сей раз приветствие цифровых достижений, пришедших в процессуальную сферу, оказалось доктринально сопряженным с темой принципов процессуального права. Оно и понятно. За последнее пятнадцатилетие тема принципов в праве и его отраслях ушла с идеологического постамента и оказалась реально востребованной как в образовательном пространстве, так и в доктринальном. Большим достижением стало непосредственное использование правовых принципов в актах конституционной юстиции и актах правоприменения текущей судебной практики. Не станем погружаться в иные доктринальные и практические достижения по поводу теории правовых принципов, находящейся сегодня на должном науковедческом уровне, и прибегнем лишь к образному значению принципов права. Их суть в фундаменте, опоре для права, законодательства, подотраслей, отдельных институтов. Они стабильны и во многом неприкосновенны пока существует тот строй права, фундаментом которого они служат. Убрав одну опору из этого фундамента, сделав ее короче (тоньше, длиннее) можно ударить по существующему строю права. Чтобы этого не произошло за фундаментом надо следить, укреплять его, добавлять новые необходимые опоры, но не совершать тех действий, которые его ослабляют.

Между тем в условиях абсолютной теоретико-методологической необеспеченности процесса вхождения цифровых технологий в процессуальное правоведение начинают появляться научные мнения, которые в большей степени направлены не на укрепление и не на адаптацию имеющихся принципов «под цифру», а их «поражение» под влиянием цифры. Делается это невольно и не специально. Однако за актуальными утверждениями, соответствующими духу происходящих инновационных изменений в правосудии, эти угрозы можно усмотреть. И дело вовсе не в количестве таких публикаций. Оно в идеях об упразднении отдельных принципов[2], их существенной модернизации, вплоть до введения принципа электронной непосредственности[3].

Подобная логика диктует дальнейшее следствие последнего утверждения: раз есть принцип электронной непосредственности, значит есть и принцип электронной состязательности (электронного равенства, электронной независимости судей и т.д.) и вообще идет зарождение неких «электронных» принципов, приспособленных под «цифру». Конечно, это нонсенс, опровергаемый тем, что в процессуальных принципах гласности, устности и непосредственности ученые конца XIX - начала XX века спра-

[1] СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

[2] *Гиллес П.* Электронное судопроизводство и принцип устности // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 43.

[3] *Митрофанова М.А.* Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис…канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 12; *Кондюрина Ю.А.* Доступность правосудия как условие эффективности системы электронного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия Право. 2016. № 3 (48). С. 139.

ведливо усматривали гарантию состязательного начала и средство достижения материальной истины, вне зависимости от того на каких материальных носителях представлялись в суд доказательства. Главное, чтобы они имели качество доказательств и были допущены действующим законом.

Однако этих взглядов может оказаться достаточно для того, чтобы их подхватила наша не вполне совершенная доктрина, полюбившая тему принципов из-за удобства и доступности и совсем не обремененная на сегодняшний день теоретико-методологическим регламентом исследования «электронной проблематики» в правоведении в целом и процессуальном правоведении, в частности.

В стремлении нейтрализовать подобные суждения и предложить первичные методологические ориентиры, способные обозначить научные пределы исследования темы принципов процессуального права в современном шлейфе суждений об электронном правосудии, автор обращается к «ядерному» принципу гражданского судопроизводства – принципу состязательности.

Сначала о состязательности классической, той, к которой, следуя международно-правовым стандартам, по меркам историческим, Россия вернулась не так давно.

Следственный процесс с активной ролью суда, стремящегося установить объективную истину по делу, ушел в прошлое. Сегодня каждая норма процессуального законодательства, каждый его институт работают на защиту прав субъектов права, отражая состязательную модель современного гражданского правосудия. На конституционном уровне принцип состязательности закреплен в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ 1993 г., в которой было предусмотрено положение об осуществлении правосудия на основе состязательности и равноправия сторон. В гражданско-процессуальном законодательстве принцип состязательности закреплен в ст. 12 ГПК РФ. Арбитражно-процессуальный кодекс РФ закрепляет этот принцип в ст. 9.

Таким образом, принцип состязательности в судопроизводстве как его функциональный принцип обеспечивает состязательный и никакой иной характер процесса, вне зависимости от того по нормам АПК РФ, ГПК РФ или Кодекса административного судопроизводства (КАС) он осуществляется. Выигрывает судебный процесс, посредством опоры на доказывание, та из сторон, которая наиболее обстоятельно, на основе закона, изложит свою позицию; представит суду более убедительные, чем другая сторона, доказательства, которыми она располагает или которые могут быть затребованы судом в обоснование ее позиции. Так должно быть в подлинно состязательном процессе[1]. Иное влечет «потерю процесса». По мысли дореволюционного ученого К.И. Малышева, эта потеря связана с недости-

[1] *Новицкий В.А.* Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Монография. Ставрополь. Изд-во СГУ. 2002. 584 с.

жением того желаемого, что исходит от истца в виде намерения «изменить существующее состояние отношений» и от ответчика, стремящегося «только сохранить это состояние»[1]. Не принять это утверждение сегодня нельзя, поскольку именно субъекты доказывания обладают тем свойством, которое движет весь процесс в целом. Отсюда доминанта состязательности лежит в лицах, участвующих в деле, все иное в доказательственном праве, как то: состязательные бумаги в виде иска и опровержения на иск, обмен ими, раскрытие этих бумаг, состязательный сбор и представление состязательных фактов и сведений для познания и оценки их судом и т.д. производно от них. К большому научному сожалению, именно этот – коммуникативный аспект состязательности, развивающийся под контролем и с обязательным участием суда, часто не попадает в сферу исследовательского внимания в тематике доказательственного права.

Традиция пришла из советского процесса с его «активной ролью суда», смещавшей коммуникативный аспект процесса, в его глубь. В условиях активной роли суда другого было не дано. На поверхности процесса оставалась только отношения между судом и сторонами спора. В этом состояла причина того, что в теории доказательственного права при господстве принципа объективной истины коммуникативный аспект доказывания назывался[2], отмечался[3], но не мог служить «точкой отсчета» в теории доказательств.

В условиях нормативного закрепления состязательности коммуникативный аспект должен сместиться с периферии доказательственной деятельности ближе к её центру, это позволило бы строить исследования в области доказательств не только вокруг средств доказывания, относимости, допустимости, раскрытия, оценки доказательств, но и видеть носителей, поставщиков, собирателей доказательств. Для этого необходимо вспомнить, что исторически ключевые элементы принципа состязательности заключались: 1) в наличии в процессе сторон с противоположными материально-правовыми интересами, стоящих отдельно от суда; 2) в их процессуальном равноправии; 3) в освобождении суда от тех процессуальных функций, которые выполняются в процессе сторонами, в целях обеспечения его беспристрастности. И это и есть та самая коммуникация в процессе которой «представление доказательств, как таковое, вызывает столкновение отдельных индивидов, имеющих это право, и обуславливается, по существу своему, известного рода состязательностью»[4].

---

[1] *Малышев К. И.* Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. Изд. 2-е.1876. С. 274–275.

[2] *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х томах. Т. 2. СЮИ. Свердловск. 1973. С. 247.

[3] *Лузгин И.М.* Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 22.

[4] *Фельдштейн Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 274.

Таким образом, как ранее, так и сейчас исходная органика состязательности – это не столько факты и их познание судом, документы, вещественные доказательства и т.д., а юридические личности, отстаивающие в процессе собственные правовые интересы.

В предметных исследованиях, посвященных состязательности, этот момент нашел своё отражение. По утверждению Р.А. Якуповой, состязательность в праве – правовое явление, выражающее систему принципов, условий, методов и правовых механизмов отыскания истины, либо установления более соответствующей определенным требованиям состязающейся (противоборствующей, оппонирующей) стороны или объекта оценки (участника или возможности, либо юридических фактов или событий и их доказательств), реализуемая посредством исследования и оценки рассматриваемых состязающихся двух или более сторон или объектов оценки[1]. И с этим нельзя не согласиться.

Сегодня, в условиях возросшего отраслевого значения доказывания, более привычны исследования, относящиеся к институту доказывания, то есть исследования норм «о доказательствах и доказывании» в их узком отраслевом значении, отображающем доказывание в объективном мире в его процессуальной форме. Доказывание в широком смысле как деятельность субъектов рассматривается не столь часто. На фоне темы электронного правосудия это имеет свои последствия в виде ухода проблемы доказательств в сторону технологизации, несущей неравенство сторонам процесса и, следовательно, нарушающей принцип состязательности сторон.

Напомним, что термин «цифровизация» (digitization) означает преобразование информации в цифровую форму. Более технологическое его определение: цифровая трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы[2]. На практике в общеупотребительной лексике – это процесс более оперативного сбора информации с целью принятия необходимого решения. Естественным является вопрос о том, как этот более оперативный и современный процесс оперативного сбора информации отражается на правовом принципе состязательности? Если опустить технические вопросы, которыми озабочены не только наши суды, но и суды других стран[3], то явных причин не отыскивается. Все

[1] *Якупова Р.А.* Состязательность в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

[2] Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике [Электронный ресурс]. М., 2007.

[3] В США, например, признаётся, что полный переход на электронное правосудие недопустим, поскольку использование таких технологий требует определенных затрат, и далеко не всякий гражданин может это себе позволить. Существуют также проблемы с достоверностью электронных доказательств, под которыми понимается любая информация, сохраненная на цифровом носителе (ESI). Идет постепенный процесс специализации работников юридических фирм: компании, оказывающие услуги на этом рынке, стараются создавать специальные отделы, занимающиеся электронными доказательствами. Обращается внимание на трудности видеоконференцсвязи т.д. СМ.: *Richard L. Marcus* The Impact of Digital Information on American Evidence-Gathering and Trial. The Straw that Breaks the Camel's Back? // Electronic Justice - Present and Future, Colloquium of the International Association of Procedural Law. Pecs. September 23–25, 2010. Pp. 29–48.

категории доказательственного права и принципа состязательности остаются без трансформации.

Еще один, на наш взгляд, немаловажный момент. Многие публикации или сообщения об электронных доказательствах сегодня начинаются или продолжаются благодаря фразе о том, что «само понятие «электронное доказательство» в процессуальном законодательстве РФ отсутствует». Что есть, то есть. Но компетентный подход не позволяет сразу броситься к критику «недосмотревшего» законодателя или в спор с ним, так как речь идет о специальном термине для процессуального права (электронные).

Юридическая наука так и не сформировала своего отношения к проблеме использования технических терминов в праве, которые можно было бы назвать правилами применения нетерминологической лексики в правоведении. Понятно, что избежать употребления этой лексики в праве невозможно, а потому в пределах смысловой и информационной необходимости она так или иначе присутствуют в законодательстве. Однако, во-первых, фактически общепризнано, что такого рода предписаниям не должна придаваться сила юридически обязывающей нормы. Во-вторых, при необходимости включить технический термин в закон он употребляется в том значении, которое выработано для него соответствующей (технической) отраслью знания, где он принадлежит к основной (ядерной) лексике. В праве же он является лексикой периферийной, с соблюдением частотных границ употребления данного термина в соотношении с терминологической лексикой права. Не этим ли аксиоматичным правилом руководствовался проф. В.К. Пучинский в своём утверждении о том, что современные носители информации могут быть классифицированы в рамках уже известных законодательству средств?

На языке компьютерной лингвистики термин «электронные» (доказательства) это фрейм – понятийная структура для декларативного представления знаний о типизированной тематически единой ситуации. Здесь присутствует своя понятийная неоднозначность, которая праву неинтересна и не нужна[1]. Право «фреймами» говорить не может. Заключая в своё содержание технический термин, оно ограничивается его увязкой с существующими правовыми терминами, не изменяя фона юридической лексики. Этот тот самый «секрет», который предопределен не только историческими тенденциями отнесения машинных доказательств к доказательствам письменным, но и аксиома, обязывающая законодателя, вне зависимости

[1] Примеры многозначного оперирования терминами, имеющими отношение к электронным доказательствам, приводит *М. Горелов*, высказывая обоснованное утверждение о том, что такие термины как «современный источник информации как доказательство» и «современные средства информации» неприемлемы для понятия судебного доказательства, они как бы находятся в отрыве от содержательного аспекта информации. *Горелов М.* Соотношение понятий «современные источники информации», «современные носители информации» и «современные средства информации» в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 4. С. 14.

от того о каких объектах идет речь, в нашем случае – электронных или бумажно-вещественных, телесных или бестелесных, ограничиваться юридической терминологией. Потому что юристы должны говорить не только на своем, но и на одном языке, в котором соблюдены необходимые предметно-логические связи и соотношение соответствующих понятий, отражающих специфику конкретной сферы правовых отношений. Иное обрекает судоговорение на использование разных видов лексики, внося хаос как в коммуникацию спорящих сторон, так и в отношения суда и лиц, участвующих в деле.

Подводя итог предпринятым рассуждениям, сформулируем следующее утверждение. Влияние информационных технологий на реализацию принципов гражданского судопроизводства и их модернизация – это совсем не одно и то же. Повод для корректировки отдельных норм, в том числе за счет усложнения их структуры, введение новых, исключать нельзя. Но не для модификации принципа состязательности (непосредственности, устности, гласности и др.), а для их соблюдения и обеспечения. Отсюда итоговый вывод. Информатизация правосудия не отменяет и не изменяет традиционные принципы гражданского процесса, их содержательное наполнение. Её ресурсы призваны создавать условия для их воплощения в реальную практику правоприменения и правореализации во благо существующих принципов. Любые внешние по отношению к праву изменения, включая информационный прогресс, при отражении их в праве должны быть подчинены его принципам, а не наоборот.

Библиографический список:

1. *Азаров В.В.* Соотношение электронных документов и письменных доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. М.: Юрист. 2014. № 6. С. 51–56.

2. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х томах. Т. 2. СЮИ. Свердловск. 1973. 396 с.

3. *Балашов А., Лейканд Е.* Проблемы использования электронных доказательств в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 30–33.

4. *Боннер А.Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Проспект, 2015. 616 с.

5. *Венгеров А.Б.* Право и информационное обеспечение АСУ // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 28–36.

6. *Горелов М.* Соотношение понятий «современные источники информации», «современные носители информации» и «современные средства информации» в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 4. С. 11–14.

7. *Гиллес П.* Электронное судопроизводство и принцип устности // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 41–54.

8. *Катков В.* Заключение договоров при посредстве электричества // Журнал С.- Петерб. юрид. общества. 1896. Кн. 7. С. 77–88.

9. *Калпин А.Г.* Письменные доказательства в судебной практике по гражданским делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1966. 34 с.

10. *Колымыцев В.И.* Письменные доказательства по гражданским делам. М.: Юрид. лит., 1978. 104 с.

11. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / Под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова и др. М.: Юридическая фирма «Контакт», 1995. 528 с.

12. *Кондюрина Ю.А.* Доступность правосудия как условие эффективности системы электронного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия Право. 2016. № 3 (48). С. 137–141.

13. *Лузгин И.М.* Расследование как процесс познания. М., 1969. 178 с.

14. *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. Изд. 2-е. 1876. 454 с.

15. *Медведев И.Г.* Письменные доказательства в частном праве России и Франции. СПб., 2004. 407 с.

16. *Митрофанова М.А.* Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис…канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с.

17. *Новицкий В.А.* Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Монография. Ставрополь. Изд-во СГУ. 2002. 584 с.

18. *Синякова М.В.* Письменные доказательства в гражданском и арбитражном процессах: автореф. дис… канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

19. Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике [Электронный ресурс] М., 2007.

20. *Фельдштейн Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1915. 433 с.

21. *Чечот Д.М.* Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве / Материалы межвузовского научного совещания на тему: «40 лет Советского государства и права и развитие правовой науки». Л.: ЛГУ, 1957. С. 57–64.

22. *Цвингман В.М.* О влиянии техники (телеграфа, телефона и т.п.) на развитие договорного права // Журнал Министерства юстиции. 1902. Кн. 8. С. 149–174.

23. *Якупова Р.А.* Состязательность в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.

24. *Richard L.* Marcus The Impact of Digital Information on American Evidence-Gathering and Trial. The Straw that Breaks the Camel's Back? // Electronic Justice - Present and Future, Colloquium of the International Association of Procedural Law. Pecs. September 23–25. 2010. Pp. 29–48.

УДК 346.62

ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ПРАВОВАЯ ФОРМА КРАУДФАНДИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.А. Кузнецова,
доктор юридических наук,
профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Многократное увеличение скорости обработки и передачи информации благодаря новейшим цифровым технологиям, прежде всего глобальной сети Интернет, привело к появлению совершенно новых экономических отношений, к возникновению цифровой экономической инфраструктуры, охватывающей интернет-торговлю, интернет-рекламу, криптовалюту, заключение договоров при помощи электронной подписи и другие «цифровые отношения». Цифровизация экономики не могла не коснуться и сферы инвестирования; появились принципиально новые способы привлечения инвестирования на ранних стадиях возникновения бизнес-проекта, чаще всего существующего в форме стартапа. Статья посвящена экономическим, социальным и правовым аспектам краудфандинга – коллективного финансирования. Сделан вывод о самостоятельности юридической конструкции краудфандинговых отношений и о важности их легализации в российском правовом пространстве.

Ключевые слова: краудфандинг, инвестирование, субъекты краудфандинга, инвестиционная платформа, инновационное право.

ECONOMIC AND SOCIAL NATURE AND LEGAL FORM OF CROWDFUNDING RELATIONS

O.A. Kuznetsova,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
e-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

The manifold increase in the speed of the information processing and transfer by means of newest digital technologies and the Internet, resulted in completely new economic relations and created a digital economic infrastructure that covers Internet trade, web advertising, crypto-currency, usage of digital signatures for making agreements and other «digital relations». The digitalization of the economy could neither escape influencing the investment sphere; there were introduced conceptually new ways of raising investments at early stages of a business-project, usually presented by way of a start-up. The article presents economic, social and legal aspects of crowdfunding, i.e. collective financing. A conclusion is made about the self-sufficiency of the legal construction of crowdfunding relations and about the importance of their legalization in the Russian legal space.

Keywords: crowdfunding, investing, crowdfunding subjects, investment platform, innovative law.

Слово «краудфандинг» (от англ. «crowd» – толпа и «funding» – финансирование) дословно означает «финансирование толпой (групповое финансирование)» и этимологически обязано своим происхождением Джеффу Хау (Jeff Howe), который 1 июня 2006 г. опубликовал ставшую впоследствии широко известной статью под названием «The Rise of Crowdsourcing». Однако следует заметить, что Джефф Хау – создатель именно термина «краудсорсинг» (использование ресурсов толпы) и, строго говоря, термин «краудфандинг» в статье не использовался. Но автор верно подметил интернет-потенциал толпы, коллективных сетевых усилий для решение различных общественных задач: «Технологические достижения во всех сферах, от разработки продуктов программного обеспечения до цифровых видеокамер, разрушают барьеры стоимости, которые когда-то отделяли любителей от профессионалов. Любители и дилетанты внезапно получили рынок для своих усилий, поскольку компании, от фармацевтических до телевизионных, обнаружили способы задействовать скрытый талант толпы. Труд толпы не всегда бесплатный, но он стоит намного меньше, чем оплата классических наемных работников. Это не аутсорсинг; это краудсорсинг»[1]. Впоследствии такое словообразование стали повсеместно использовать для создания терминов, обознача-

[1] «Technological advances in everything from product design software to digital video cameras are breaking down the cost barriers that once separated amateurs from professionals. Hobbyists, part-timers, and dabblers suddenly have a market for their efforts, as smart companies in industries as disparate as pharmaceuticals and television discover ways to tap the latent talent of the crowd. The labor isn't always free, but it costs a lot less than paying traditional employees. It's not outsourcing; it's crowdsourcing». *Howe J.* The Rise of Crowdsourcing // Wired Magazine / https://www.wired.com/2006/06/crowds

ющих различные виды «силы толпы»: краудрекрутинг, краудконсалтинг, краудкриэйтинг, краудвотинг, краудфандинг и др.

Сначала краудфандинг применялся исключительно для решения благотворительных, социально значимых задач: инвесторы из толпы жертвовали деньги в творческие проекты (фильмы, запись музыкальных альбомов и т.п.) или в создание (производство) инновационных продуктов, которые казались им интересными, полезными, инициативными (например, умные часы (наручный гаджет) Pebble собрали более $43 млн на платформе Kickstarter).

Успехи безвозмездного коллективного финансирования сразу заставили предпринимателей и бизнес-сообщество в целом (особенно малые и средние предприятия, авторов стартапов) задуматься о возможности использования этого инструментария для привлечения инвестиций на возмездной основе. Реализация этой возможности привела к появлению краудинвестинга и, соответственно, к первому разделению краудфандинга на условно безвозмездный и возмездный.

Безвозмездный краудфандинг предполагает либо полное отсутствие вознаграждения или символическое (нефинансовое) вознаграждение в виде сувенира, памятного знака, упоминания в титрах фильма, на обложке альбома, в соцсетях, билет на концерт, мастер-класс, ужин со звездой и т.п. Последнее получило название «модель кикстартера», в которой самым распространенным способом нефинансового вознаграждения является возможность предзаказа первых экземпляров финансируемого продукта. Эта модель хорошо зарекомендовала себя в крымском проекте BeWinemarket[1] («Стань Виноделом»), в рамках которого предлагалось купить уже высаженную виноградную лозу, получить соответствующий сертификат и приобрести бутылку вина с дисконтом. Такой краудфандинг иногда называют наградным (Reward Crowfunding).

Возмездный краудфандинг (краудинвестинг) имеет целью извлечение прибыли от инвестирования, получение непосредственно финансового вознаграждения. В зависимости от способа получения вознаграждения экономисты выделяют три вида краудинвестинга:

- роялти – получение доли дохода или прибыли от реализации финансируемого продукта),

- краудлендинг (Crowdlending) – получение доходов от выдачи займов физическим и юридическим лицам, народное кредитование, называемое также долговым краудфандингом (Debt Crowdfunding). В этом виде коллективного финансирования выделяют следующие сегменты: p2p (финансирование частным лицом физического лица), p2b (финансирование частным лицом бизнеса), b2b (финансирование бизнесом бизнеса).

- акционерный краудфандинг (Equity Crowdfunding) – получение доли в капитале, в т.ч. акционерных компаний.

[1] http://www.bewm.ru

Следует отметить, что в научной литературе классификации краудфандинга нельзя признать устоявшимися. Например, в некоторых источниках под краудинвестингом понимают исключительно акционерный краудфандинг, а долговой краудфандинг рассматривают как самостоятельный вид возмездного краудфандинга.

Краудфандинг по признаку возмездности делят и на другие классификационные ряды: безвозмездный или условно безвозмездный, условно возвратный, безусловно возвратный[1].

Краудфандинг можно дифференцировать и по целевому критерию: политический[2], социальный[3], творческий[4], коммерческий[5].

С учетом того, что краудфандинг может быть как возмездным, так и безвозмездным, его участников принято называть донором (или бэкером, от англ. back – поддерживать) и реципиентом (автор проекта). Инвестором в строгом смысле слова донор становится только в краудинвестинге. Субъектом краудфандинга становится также и организатор (оператор, куратор) краудфандинговой платформы, но участником последней он не является[6].

В зависимости от судьбы собранных средств выделяют условный и безусловный краудфандинг. В первом случае реципиент получит денежные средства, только если соберет всю требуемую сумму. При безусловном краудфандинге реципиенту передается любая собранная сумма.

Краудинвестинг представляет очевидный экономический интерес как для инвесторов и бизнеса, так и для государства.

Во-первых, он позволяет получить инвестиции компаниям, которые не интересны или мало интересны для традиционных инвесторов, или не отвечающим строгим нормативным требованиям, например, для получения банковского кредита. Кроме того, авторы краудфандингового проекта могут на первых этапах, до его воплощения безвозмездно обобщить данные о потенциальных клиентах, оценить востребованность своего продукта,

[1] *Котенко Д.А.* Краудфандинг – инновационный инструмент инвестирования // Закон. 2014. № 5. С. 140–145.

[2] *Соколов А.В., Деменьтьев А.А.* Краудфандинг в российской политике // Вестник Моск. гос. ун.-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 106–124.

[3] *Шекова Е.Л.* Краудфандинг как новый источник финансирования проектов в социально-культурной сфере // Финансовый менеджмент. 2018. № 2. С. 57–64. *Шекова Е.Л.* Краудфандинг как современный источник финансирования молодежных проектов в отечественной киноиндустрии // Петербургский экономический журнал. 2018. № 1. С. 77–84.

[4] *Таратынова Т.В.* Краудфандинг как система привлечения финансовых ресурсов для реализации проектов в сфере культуры // Экономика и менеджмент: теоретические, практические и поисковые исследования. Самара, 2017. С. 159–162.

[5] *Аванесян Д.Н., Максимова В.В., Прохоренко Ю.Н., Чикунова А.А.* Краудфандинг – система инвестирования инновационных проектов // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 3 (20). С. 54–55; *Ковальчук А.Е.* Краудфандинг как эволюционный этап развития книжного дела // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 3-2. С. 93–99.

[6] *Сивакс А.Н.* Краудфандинг как специфический вид краудсорсинга // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 11 (133). С. 31–32.

узнать о своих возможных конкурентах и в принципе о состоянии рынка в соответствующей сфере. Например, в 2015 г. с большим успехом на краудфандиговой платформе Indiegogo завершился сбор денежных средств на инновационный пчелиный улей Flow Hive, конструкция которого позволяла бы выкачивать мёд из ульев, не беспокоя при этом пчёл. Проект собрал около $12 млн, а сам продукт уже поступил в розничную продажу. При этом сбор средств на открытие сети кофеин в Москве потерпел неудачу в связи с насыщенностью этого рынка, наличием множества конкурирующих компаний, предлагающих аналогичные услуги и продукт.

При наличии общественно интересной идеи и грамотно составленного проекта инвестиции можно привлечь очень быстро благодаря доступу к широкой клиентской базе и скоростным возможностям цифровых технологий.

Краудфандинг также исключает жесткий контроль над бизнесом со стороны инвестора, характерный для традиционных способов инвестирования. Квалифицированные инвесторы зачастую ожидают передачи им части (доли) компании в обмен на финансирование и, как правило, настроены на быстрый возврат инвестиций. Краудфандинговые, неквалифицированные инвесторы не стремятся стать «хозяевами бизнеса» и готовы поддержать реципиента в долгосрочной перспективе, ожидая конечного продукта.

Во-вторых, микроинвесторы также заинтересованы получить доход в большем размере, чем предлагают банковские депозиты; кроме того, они могут быть инвесторами без привлечения профессиональных посредников, и фактически «лежа на диване» самостоятельно и дистанционно инвестируя свои деньги. Краудфандинговые платформы предоставляют потенциальному инвестору информацию о проекте в максимально доступной и понятной форме, не требуют глубоких аналитических знаний для его оценки и предъявляют минимальные требования к объему капитала.

В-третьих, лежащие на депозитах и просто в домашних «кубышках» денежные средства потенциальных непрофессиональных инвесторов (иными словами, простых граждан), объем которых оценивается в несколько десятков миллиардов рублей, при их вложении в реальный бизнес могли бы значительно стимулировать рост экономики страны в целом. Важно отметить, что краудфандинг несет мощный демократический потенциал в финансовую область: он позволяет вовлекать в инвестиционную деятельность широкий круг субъектов, независимо от их социального и имущественного положения и местонахождения, обеспечивает трансграничность финансовых потоков, легко доступен в режиме 24/7, обеспечивает равный доступ к инвестициям всем реципиентам и равный доступ всем донорам к инвестированию в инновационные проекты[1].

[1] *Ермакова Е.А., Нестеренко Е.А., Ларионов Н.А.* Краудфандинг как инструмент финансирования инноваций. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 36.

К недостаткам краудфандинга можно отнести высокие риски инвестирования, возможность «кражи» (плагиата) идеи, заложенной в краудфандинговый проект, репутационные риски, возникающие при провале профинансируемого проекта, мошенничество со средствами инвесторов.

Краудфандинг стал предметом тщательного исследования не только экономистов, но и социологов. Краудфандинг относят к социальным инновациям, инструментам для решения социально значимых задач, социального предпринимательства, социальной ответственности граждан[1]. Выделяют социальные функции краудфандинга: активизирующая – краудфандинг способствует повышению активности социальных субъектов в процессе реализации проекта; мотивационная – краудфандинг повышает заинтересованность субъекта в удовлетворении личных и общественных потребностей; коммуникативная – в процессе крауд-взаимодействия людей происходят их общение, передача (обмен) информации[2].

И в целом хочется заметить, что в основе любого вида краудсорсинга, в т.ч. краудфандинга, лежит такое социальное явление, как «коллективная мудрость толпы», которую Дж. Шуровьевски очень точно охарактеризовал следующим образом: «Группы обладают выдающимся коллективным интеллектом и способны продуцировать решения, которые гораздо более проницательны, чем выводы самых умных участников. Более того, чтобы толпа была мудрой, совершенно не требуется, чтобы ведущие роли в ней играли исключительно умные люди. Даже если большинство участников группы недостаточно осведомлены или профессиональны, группа все равно способна прийти к мудрому коллективному решению. Это выгодно, поскольку человеческие существа не слишком приспособлены к принятию решений»[3].

Исследование социальной стороны краудфандинга необходимо также и для повышения доверия российских граждан к частному инвестированию. Печальный экономический опыт прошлых лет, многочисленные финансовые пирамиды, негативное отношение к бизнесу и предпринимательству в целом препятствуют развитию краудфандинга в России «Российский бекер по большей части скептик. Его надо уметь убедить»[4] М.Я. Веселовский верно заметил, что «российский краудфандинг балансирует между доверием к личности автора и недоверием в целом ни к каким призывам»[5].

---

[1] *Волчкевич Т.Я., Скуратович А.Л.* Краудсорсинг как социальная инновация // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 11-2 (19). С. 55–59.

[2] *Плюснина Л.К.* Краудфандинг как социальный феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 19.

[3] *Шуровьевски Дж.* Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: ООО «И.Д. Вильяме», 2007. С. 12.

[4] *Кизим А.А.* Краудфандинг в российской практике: проблемы и перспективы // Экономика: теория и практика. 2017. № 2 (46). С. 68.

[5] *Веселовский М.Я.* Краудфандинг в России: состояние и возможности стимулирования инновационных стартапов // Инновационное развитие экономики. 2016. № 2 (32). С. 10.

Но на повестке сегодняшнего дня главный вопрос – это легализация краудфандинговых отношений. С момента появления этой модели инвестирования развитие объективно возникших отношений по коллективному народному (потребительскому) финансированию «толпой-инвестором» тормозилось отсутствием надлежащей правовой регламентации.

Право, как известно, не создает общественных отношений, оно лишь оформляет уже сложившиеся формы экономического взаимодействия, задавая им правовые рамки и стандарты: «право... является надстроечным явлением по отношению к общественно-производственным отношениям, составляющим экономическую структуру общества – его базис»[1]. Однако пережившие свой век, но действующие правовые запреты могут мешать развитию новых прогрессивных экономических отношений.

Со времен Великой депрессии в США действовал законодательный запрет предприятиям, не являющимися публичными копаниями, получать финансирование от неквалифицированных инвесторов (владельцы менее 1 млн дол.). Даже стартапы Кремниевой долины, особенно после финансового кризиса 2008 г., стали ощущать острую нехватку финансовых средств, недостаточность финансирования со стороны традиционных инвесторов (банков, венчурных фондов, квалифицированных инвесторов). Эту задачу предполагалось решить в том числе и через краудфандинговые инструменты, сняв соответствующие законодательные барьеры.

5 апреля 2012 г. Президент США Б. Обама подписал закон Jumpstart Our Business Startups Act (JOBS Act), который открыл американский публичный капитал для инвестирования в молодые развивающиеся компании через краудфандинг. Раздел III закона «Crowdfunding» вступил в силу 16 мая 2016 г.[2] Однако, несмотря на название раздела, в нем идет речь об инвестировании в ценные бумаги компаний на ранних стадиях развития, т.е об акционерном краудфандинге.

Вслед за США в период с 2013 по 2016 гг. законы, регламентирующие краудфандинг, были приняты практически во всех развитых странах, включая Канаду, страны Европы и Азии[3].

22 мая 2018 г. Госдума ФС РФ приняла в первом чтении закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». С

[1] *Братусь С.Н.* Роль права в развитии советской экономики. М.: Знание, 1971. С. 3.

[2] https://www.crowdfundinsider.com/2016/05/85696-title-iii-crowdfunding-became-legal-on-may-16-what-it-does-whats-still-lacking/

[3] *Брагина Е.А.* Стартапы Индии – знак перемен в экономике страны // Азия и Африка сегодня. 2016. № 11 (712). С. 18–23; *Кузнецов В.А.* Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 65–73; *Савченко Е.О., Москалёва А.А.* Об источниках финансирования малого и среднего бизнеса в Великобритании // Пространство и Время. 2016. № 1-2 (23-24). С. 290–293; *Ходов Л.Г.* Как финансируются стартапы в Германии? Государственные средства, венчурный капитал, краудфандинг // Современная Европа. 2017. № 5 (77). С.: 86–92; *Хотинская Г.И., Путинцева И.К.* Краудфандинг как инструмент альтернативного финансирования в Европе // Финансовая жизнь. 2017. № 4. С. 99–103.

учетом большого количества замечаний и поправок работа над окончательным текстом законопроекта будет продолжена.

Теоретическая разработка юридической стороны краудфандинга только начинается. На сотни экономических публикаций о краудфандинге приходится лишь несколько серьезных юридических статей.

Прежде всего требует научного разрешения вопрос о юридической конструкции краудфандинговых отношений, которые сравнивают с моделями купли-продажи, простого товарищества, агентирования, акционирования.

Наградной краудфандинг (с предзаказом) граничит с договором купли-продажи с предварительной оплатой товара. Однако в краудфандинге инвестор и в купле-продаже покупатель руководствуются разными мотивами: главная цель инвестора не получить имущество в собственность, а профинансировать интересный для него проект[1].

Крауфандинг не нацелен и на возникновение товарищеских отношений, возникающих из договора простого товарищества, донорам не требуется оформление многостороннего договора, определяющего их совместные усилия по достижению цели. Как верно замечено, «в рамках краудфандинга донорам достаточно быть связанными лишь обязательством с реципиентом»[2].

Безвозмездный краудфандинг в целом соответствует конструкции дарения, однако требует и дополнительной регламентации с учетом массовости доноров и, по большому счету, анонимности, неизвестности для них реципиента, что всегда привлекательно для разного рода мошеннических схем получения денег.

В целом в юридических источниках правовую природу краудфандинга определяют как уникальную, самостоятельную, отличающуюся от действующих юридических конструкций (sui generis)[3].

К этому теоретическому выводу склоняется и законодатель, определяя два новых вида договора оказания услуг, которые и оформляют краудфандинговые отношения – договор на оказание услуг по привлечению инвестиций и договор на оказание услуг по содействию в инвестировании. Оба договора презюмируются возмездными, являются договорами присоединения и их стандартные формы должны размещаться в Правилах инвестиционной платформы.

Безусловно, правовая проблематика регламентации краудфандинга касается не только гражданско-правовых конструкций, призванных оформлять краудфандинговые отношения на горизонтальном уровне, но и пу-

[1] *Кочиева А.К.* Краудфандинг как современная форма привлечения финансовых ресурсов // Экономика: теория и практика. 2014. № 1 (33). С. 36–37.

[2] *Архипов Е.* Понятие и правовая природа краудфандинга // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. *А.Е. Молотникова.* М.: Стартап, 2015. С. 20.

[3] *Клинов А.О.* Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом // Закон. 2018. № 2. С. 93.

блично-правовых вопросов вертикальных взаимоотношений кураторов краудфандинговых площадок с государством, налогообложения и т.п. Так, справедливо обращается внимание на то, что сегодня «краудфандинговые компании – это хозяйствующие субъекты, действующие на территории Российской Федерации в качестве финансовых посредников в рамках существующего правового поля Российской Федерации, которые не являются субъектами регулирования законодательства о национальной платежной системе, законов о ПОД/ФТ (Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» – примеч. моё – О.К.), потребительском кредите (займе) и не подпадают под регулирование и надзор (в контексте существующего правового поля) Центрального банка Российской Федерации – регулятора финансового рынка»[1].

Законопроект предлагает обязательное включение операторов инвестиционных платформ в реестр Банка России и вводит их под его надзор и контроль. Оператор инвестиционной платформы не вправе совмещать свою деятельность с деятельностью иной некредитной финансовой организации, за исключением деятельности организатора торговли, брокера, управляющего, депозитария или регистратора, а также с деятельностью банка; его собственные средства должны составлять не менее 5 млн руб. Оператор инвестиционной платформы и контролирующие его лица не могут быть лицами, включенными в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности и терроризму.

Имеются вопросы и о месте краудфандингового регулирования в системе российского права и законодательства. Предлагают включить его во вновь возникающее инновационное право[2]. Очевидно, что предлагаемый нормативный массив об инвестировании посредством инвестиционных платформ представляет собой межотраслевую комплексную систему законодательства, содержит как публично-правовые, так и частноправовые нормы.

В заключение хотим отметить, что краудфандинг является новым мощным социальным инструментом решения множества общественных задач. Возмездный краудфандинг способен повысить экономическую активность бизнеса и развитие стартапов, содействовать созданию и производству инновационных продуктов и услуг, стимулировать неквалифицированных инвесторов к переводу своих сбережений в прибыльные инвестиции. Для дальнейшего развития краудфандинговых моделей инвестирования в нашей стране необходима надлежащая правовая регламентация, основанная

[1] *Кузнецов А.В.* Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 68.

[2] *Якунов Н.С.* Место инновационного права в системе права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 35–41.

в том числе и на имеющемся опыте зарубежного и международного правового регулирования коллективного финансировани.

Библиографический список:

1. *Аванесян Д.Н., Максимова В.В., Прохоренко Ю.Н., Чикунова А.А.* Краудфандинг – система инвестирования инновационных проектов // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 3 (20). С. 54–55.

2. *Архипов Е.* Понятие и правовая природа краудфандинга // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. С. 20.

3. *Брагина Е.А.* Стартапы Индии – знак перемен в экономике страны // Азия и Африка сегодня. 2016. № 11 (712). С. 18–23.

4. Братусь С.Н. Роль права в развитии советской экономики. М.: Знание, 1971. С. 3.

5. *Веселовский М.Я.* Краудфандинг в России: состояние и возможности стимулирования инновационных стартапов // Инновационное развитие экономики. 2016. № 2 (32). С. 10.

6. *Волчкевич Т.Я., Скуратович А.Л.* Краудсорсинг как социальная инновация // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 11-2 (19). С. 55–59.

7. *Ермакова Е.А., Нестеренко Е.А., Ларионов Н.А.* Краудфандинг как инструмент финансирования инноваций. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 36.

8. *Кизим А.А.* Краудфандинг в российской практике: проблемы и перспективы // Экономика: теория и практика. 2017. № 2 (46). С. 68.

9. *Клинов А.О.* Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом // Закон. 2018. № 2. С. 93.

10. *Ковальчук А.Е.* Краудфандинг как эволюционный этап развития книжного дела // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 3-2. С. 93–99.

11. *Котенко Д.А.* Краудфандинг – инновационный инструмент инвестирования // Закон. 2014. № 5. С. 140–145.

12. *Кочиева А.К.* Краудфандинг как современная форма привлечения финансовых ресурсов // Экономика: теория и практика. 2014. № 1 (33). С. 36–37.

13. *Кузнецов В.А.* Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 68.

14. *Плюснина Л.К.* Краудфандинг как социальный феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 19.

15. *Савченко Е.О., Москалёва А.А.* Об источниках финансирования малого и среднего бизнеса в Великобритании // Пространство и Время. 2016. № 1-2 (23-24). С. 290–293.

16. *Сивакс А.Н.* Краудфандинг как специфический вид краудсорсинга // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 11 (133). С. 31–32.

17. *Соколов А.В., Деменьтьев А.А.* Краудфандинг в российской политике // Вестник Моск. гос. ун.-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 106–124.

18. *Таратынова Т.В.* Краудфандинг как система привлечения финансовых ресурсов для реализации проектов в сфере культуры // Экономика и менеджмент: теоретические, практические и поисковые исследования. Самара, 2017. С. 159–162.

19. *Ходов Л.Г.* Как финансируются стартапы в Германии? Государственные средства, венчурный капитал, краутфандинг // Современная Европа. 2017. № 5 (77). С. 86–92.

20. *Хотинская Г.И., Путинцева И.К.* Крауфандинг как инструмент альтернативного финансирования в Европе // Финансовая жизнь. 2017. № 4. С. 99–103.

21. *Шекова Е.Л.* Краудфандинг как новый источник финансирования проектов в социально-культурной сфере // Финансовый менеджмент. 2018. № 2. С. 57–64.

22. *Шекова Е.Л.* Краудфандинг как современный источник финансирования молодежных проектов в отечественной киноиндустрии // Петербургский экономический журнал. 2018. № 1. С. 77–84.

23. *Шуровьевски Дж.* Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: ООО «И.Д. Вильяме», 2007. С. 12.

24. *Якунов Н.С.* Место инновационного права в системе права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 35–41.

25. *Howe J.* The Rise of Crowdsourcing // Wired Magazine / https://www.wired.com/2006/06/crowds.

УДК 339.1:004.9

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ РЕЛЕВАНТНЫХ РЫНКОВ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Н.С. Михайлова,
доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: natalya-mikhailova@yandex.ru

Аннотация: в современном мире цифровая экономика приобретает все большее значение. Учитывая это, в ЕС принята стратегия, в рамках которой планируется создание единого цифрового рынка Европы. Хозяйствующие субъекты, осуществляя деятельность на цифровых рынках, зачастую нарушают правила конкурентной борьбы. Поэтому в последнее время в административной практике Европейской комиссии появляется значительный процент дел, связанный с оценкой конкурентного поведения предприятий на цифровых рынках. В статье рассматривается вопрос об установлении границ релевантных рынков, выделяются особенности, связанные со спецификой цифровых рынков.

Ключевые слова: релевантный рынок, цифровые платформы, многосторонние рынки, персональные данные.

SPECIAL FEATURES OF DEFINING THE BOUNDARIES OF RELEVANT MARKETS IN DIGITAL ECONOMY

N.S. Mikhailova,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: natalya-mikhailova@yandex.ru

Annotation: digital economy is gaining more and more importance in the modern world. Proceeding from that, the UE adopted a strategy within which it is planned to make a single digital market of Europe. Acting on the digital markets, economic agents often violate the rules of competition. This is why the recent European Committee's practice faces a significant proportion of cases involving the evaluation of the competitive behaviour of the companies at digital markets. The article covers the problem of establishing the boundaries

of relevant markets, the peculiar properties associated with the digital markets special aspects are discussed.

Keywords: relevant market, digital platforms, diversified markets, personal data.

Организация экономического сотрудничества и развития, определяя цифровую экономику, указывает, что последняя включает основанные на цифровых технологиях рынки, которые стимулируют и упрощают торговлю товарами и оказание услуг[1]. В Европейском Союзе с 2010 г. в рамках стратегии «Европа 2020», включающей 16 инициатив, идет создание единого европейского цифрового рынка. Его создание расширяет возможности предприятий и увеличивает виды рынков, на которых хозяйствующие субъекты могут конкурировать друг с другом. Десятилетиями наработанные правила контроля за соблюдением предприятиями картельного законодательства ЕС, безусловно, применимы в условиях цифровой экономики, но специфика последней требует учета особенностей конкурентных отношений, складывающихся на цифровых рынках.

В конкурентном праве ЕС центральными вопросами являются вопросы концентрации предприятия, запрета картелей и злоупотребления доминирующим положением на рынке. Европейская комиссия во всех названных случаях при проведении соответствующих проверок должна определить границы релевантного рынка.

Релевантный рынок представляет собой область, в которой предприятия находятся в конкуренции друг с другом. От правильности определения границ рынка зависит оценка силы рыночной власти предприятий, степень влияния соответствующего хозяйствующего субъекта, значительность или незначительность ограничения конкуренции.

В Сообщении «О понятии релевантного рынка» от 09.12.1997 г.[2] Европейская комиссия выделяет два вида рынка, границы которых следует установить: товарный (продуктовый) рынок и географический рынок. Географический рынок – это область, в которой предприятия предлагают конкретные продукты или услуги и в которой условия конкуренции одинаковы[3]. Продуктовый рынок – это рынок взаимозаменяемых товаров. С позиции рыночного спроса, товарный рынок образуют все товары и услуги, которые с точки зрения потребителей служат для достижения одних и тех же целей. С позиции рыночного предложения в товарный рынок включаются все способы (пути) сбыта, которые, на взгляд производителя, могут

---

[1] Competition Committee of Organisation for Economic Cooperration and Development: The Digital economiy. 2012 // Competition Law&Policy. 2013.

[2] ABI. C372 yom 09.12.97. S. 5.

[3] *Mettmacker E.* EU-Wettbewerbsrecht. Munchen. 2002. Rn.61/

быть взаимозаменимы. Поскольку в условиях цифровизации объективно уменьшаются издержки предприятий (цифровых платформ) на производство новых товаров, то в определении релевантного рынка большую роль начинает играть концепция рыночного предложения.

Когда речь идет о цифровых рынках, определение границ релевантных рынков зачастую представляет некоторую сложность. Так Европейская комиссия в решении по делу о слиянии Apple/Shazam от 06.09.2018 г., определяя рынок услуг распространения потоковой музыки, пришла к следующим выводам: вопрос о том, включает ли соответствующий товарный рынок как потоковое вещание, так и загрузку музыки, может быть оставлен открытым (п.18 решения); точный географический охват рынка приложений для потоковой передачи цифровых данных остается открытым (п.19 решения); вопрос о том, является ли географический рынок лицензируемых музыкальных данных национальным, европейским или глобальным, оставлен открытым (п.26 решения)[1].

В деле о слиянии Google и DoubleClick Европейская комиссия в качестве релевантного рынка определила рынок интернет-рекламы. При этом указав, что данный рынок может быть подразделен по дополнительным критериям (текстовые и нетекстовые объявления; прямые продажи и посреднические продажи через распространение и обмен объявлениями), Европейская комиссия оставила такое определение соответствующего товарного рынка открытым (п.5)[2].

Проблематичность определения релевантных рынков в условиях цифровой экономики обусловлено рядом причин.

Во-первых, границы цифровых рынков постоянно изменяются.

По общему правилу соответствующие инструменты (индикаторы) определения рынков базируются на статичных подходах к релевантным рынкам. Применительно к цифровым рынкам можно сделать вывод о том, что они находятся в постоянной динамике, так как хозяйствующие субъекты, конкурируя друг с другом, создают новые модели, при этом старые рынки трансформируются и создаются новые рынки. Как в свое время отмечала Европейская комиссия в Руководстве по анализу рынка для сетей и услуг электронных коммуникаций «в секторе, характеризующемся инновациями и быстрой технологической конвергенцией, любое текущее определение рынка становится неточным или неактуальным в ближайшем будущем»[3].

Во-вторых, многие цифровые услуги безвозмездны, и, следовательно, применение типичных инструментов (индикаторов) определения релевантных рынков неэффективно.

---

[1] ABI. .C 417 vom 16.11.2018. S. 4–9.

[2] Case COMP/M.4731.

[3] ABI C 165. vom 11.06.2001.

Когда услуги предлагаются бесплатно, конкурентные ведомства часто утверждают, что без цены нет рынка. Такой вывод формулируется ввиду того, что одним из инструментов определения границ рынков выступает SSNIP-тест. Данный тест используется для оценки взаимозаменяемости продуктов. Применяя SSNIP-тест, Европейская комиссия определяет, будут ли потребители при незначительном, но продолжительном изменении цены (от 5 до 10%) переключаться на аналогичные товары/услуги[1]. Если потребители начинают искать замену, то наиболее близкие товары и близлежащие территории включаются в состав продуктовых и географических границ рынков. Если потребители не переключаются на другие товары, в том числе обращающиеся на других территориях, то считается, что границы товарного рынка определены.

Когда оцениваемые как взаимозаменяемые продукты или услуги изначально являются бесплатными, то использовать SSNIP-тест невозможно. Поэтому некоторые авторы предлагают внести изменения в традиционном тесте SSNIP для учета непрямых сетевых эффектов между двумя сторонами рынка[2]. В частности, считается правильным применять единый модифицированный SSNIP-тест, измеряя общую прибыльность небольшого повышения итоговой цены, устанавливаемой платформой[3].

Следует также учитывать, что тезис «без цены нет рынка» применительно к цифровым рынкам не соответствует действительности, о чем свидетельствует практика Европейской комиссии.

Так, Европейская комиссия оштрафовала Google на сумму 2,42 млрд евро за злоупотребление доминирующим положением на рынке в качестве поисковой системы. Согласно выводам Европейской комиссии, Google предоставляло незаконное преимущество собственному сервису сравнения покупок. В 2004 году Google вышел на отдельный рынок сравнительных покупок в Европе с продуктом, который с 2013 г именуется «Google покупки». Он позволяет потребителям сравнивать товары и цены на товары в Интернете. С 2008 г Google начал внедрять на европейский рынок изменения в стратегии своего торгового сервиса. Эта стратегия основывалась на том, что Google занимает доминирующее положение в общем поиске в Интернете. Пользуясь своим положением на всех общедоступных рынка интернет-поиска в Европе (в 31 государстве), Google систематически отдавал главные места размещения своему собственному сервису сравнения покупок: когда потребители вводили запрос в поисковую систему Google, на первом месте отображался сервис «Google покупки». В резуль-

---

[1] ABI. C372 vom 09.12.97. S. 5.

[2] *Ючинсон К.С.* Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1 С. 228.

[3] *Filistrucchi L., Geradin D., Van Damme E., Affeld P.* Market definition in two-sided-markets: theory and practice // Journal of Competition law and Economics, 10 (2), 2014. S. 293–339.

тате Google понизил рейтинг конкурирующих торговых сервисов, так как для потребителей сервис сравнивания покупок Google был более заметен, чем конкурирующие торговые сервисы, и потребители чаще пользовались сервисом «Google покупки». В данном случае, несмотря на то, что услуги по поиску в Интернете потребители получают бесплатно, комиссия определила границы рынка интернет-поиска[1]. Согласно выводам, сделанным в решении по данному делу, следует выделять рынок поисковых услуг и рынок услуг по сравниванию цен. «Предоставление услуг общего поиска представляет собой отдельный товарный рынок, поскольку (i) он представляет собой экономическую деятельность;

(ii) существует ограниченная заменяемость на стороне спроса и ограниченная заместительная способность на стороне предложения между службами общего поиска и другими онлайн-услугами;

(iii) этот вывод не меняется, если рассматриваются общие службы поиска на статичных устройствах и мобильных устройствах».

Кроме того, как отмечалось неоднократно в литературе и практике, бесплатность услуг на цифровых рынках по факту таковой не является.

Прежде всего, потребителям зачастую предлагается воспользоваться действительно бесплатно базовой версией продукта, но дальнейшее его использование с дополнительным сервисом уже осуществляется за плату. Также пользование цифровыми продуктами потребители могут оплачивать в иных «нетипичных» формах (в виде рекламы, путем оплаты своими данными). Например, в Facebook услуга обмена сообщениями бесплатна, но предполагала сбор данных для целевой рекламы. Таким образом, компании предлагают индивидуумам бесплатные услуги с целью получения ценных персональных данных, которые помогут рекламодателям лучше делать целевую рекламу для воздействия на поведение[2]. Европейская комиссия в указанном ранее деле Google Search (Shopping) сделала вывод, что за результаты поиска, которые пользователям предоставляет поисковая система Google, пользователи платят своими данными[3]. Поскольку данные пользователей превращаются в товар, в ЕС начинает складываться практика, когда использование персональных данных становится средством конкурентной борьбы, так как обладание данными позволяет укреплять рыночную власть на цифровых рынках.

Также использование персональных данных ставит перед законодательством ЕС проблему обеспечения прав пользователей на свои данные. В связи с этим Европейским парламентом и советом 27.04.2016 г. принят Регламент № 2016/679 «О защите физических лиц в отношении обработки

[1] ABI. C 009 vom 12.11.2018. S. 11.

[2] *Ючинсон К.С.* Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 224.

[3] ABI. C 009 vom 12.11.2018. S. 11.

персональных данных и о свободе перемещения таких данных»[1]. Указанным актом предусмотрены право физических лиц на информацию о том, что происходит с их персональными данными, право на забвение, установлено ограничение на использование данных для «профилирования» (любой вид обработки персональных данных, который включает в себя использование персональных данных для оценки определенных личных аспектов (в частности, интересов, прогнозирование поведения и т.д.).

В-третьих, для цифровых платформ часто необходимо установить более чем один релевантный рынок.

Цифровые рынки нередко характеризуются многосторонними параметрами и перекрестными внешними эффектами[2].

Как указывается в литературе, рынки, на которых хозяйствующий субъект создает продукт, позволяющий двум или нескольким различным группам пользователей взаимодействовать друг с другом (находить друг друга и совершать экономический обмен), называют двусторонними (многосторонними) рынками. Понятие двустороннего рынка тесно связано с понятием платформы, нередко используемым как синоним. Платформами называют организации (фирмы), которые посредством различных продуктов, услуг, сетей или их комбинаций объединяют две группы участников на двусторонних рынках.[3] Цифровые (онлайн-платформы) – это поисковые системы, социальные сети, веб-сайты для обмена видео и т.д.

Европейская комиссия в случаях существования многосторонних платформ должна определить следует ли устанавливать границы одного или нескольких релевантных рынков. Ошибочный вывод по данному вопросу может воспрепятствовать конкурентному органу правильно оценить взаимодействие между рынками, обслуживаемыми многосторонними платформами.

Ряд зарубежных авторов[4] в 2013 г. проанализировали несколько европейских и национальных картельных решений, связанных с двусторонними платформами на цифровых и нецифровых рынках. Одним из сделанных в результате анализа выводов стал вывод о том, что при решении вопроса о том, какое количество рынков следует определять, органы по вопросам конкуренции если не разграничивали цифровые рынки на транзакционные и нетранзакционные, испытывали сложности.

Разграничивать цифровые рынки на транзакционные и нетранзакционные видится зарубежными специалистами необходимым, так как для транзакционного цифрового рынка следует определить один соответству-

[1] ABI. L 119 vom 04.05.2016.

[2] *Ючинсон К.С.* Указ соч. С. 228.

[3] *Шаститко А.Е., Паршина Е.Н.* Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: специфика предметной области // Антимонопольное регулирование. 2016. Т. 10. С. 13.

[4] *Filistrucchi L., Geradin D., Van Damme E., Affeld P.* Market definition in two-sided-markets: theory and practice // Journal of Competition law and Economics, 10 (2), 2014. S. 293–339.

ющий рынок, а для нетранзакционного цифрового рынка – несколько релевантных рынков для каждой стороны платформы.

Транзакционный рынок – это рынок многосторонний, но при проведении соответствующих административных процедур в картельной области такой рынок следует рассматривать как единый рынок[1]. Это связано с тем, что стороны транзакционного рынка напрямую взаимодействуют друг с другом, и косвенные сетевые эффекты полностью интегрированы во взаимодействие между пользователями с обеих сторон платформы. Так, в 2015 г. Европейская комиссия инициировала расследование в отношении политики, проводимой Amazon. Amazon, являясь крупнейшим дистрибьютером электронных книг в Европе, используя свое доминирующее положение, в контрактах с издателями предусмотрела положения, согласно которым издатели должны были информировать Amazon о более благоприятных или альтернативных условиях, предлагаемых конкурентами, а также издатели электронных книг должны были предлагать Amazon условия не хуже, чем конкурирующим дистрибьютерам. В данном случае книготорговцы конкурируют по обе стороны платформы, потому что они конкурируют с другими книготорговцами за одну и ту же аудиторию. Продавцы и покупатели электронных книг в этой ситуации взаимодействуют напрямую. В этом деле Европейская комиссия определила как релевантный рынок европейский рынок розничного распространения электронных книг на английском и немецком языках.

На нетранзакционных рынках стороны цифровых платформ напрямую друг с другом не взаимодействуют. В данном случае на каждой стороне платформы несколько рынков, и при проведении административных процедур каждый из таких рынков должен быть определен органом по конкуренции. Продукт может конкурировать на одной стороне рынка, но не с другой. Например, телевизионные компании конкурируют с издателями печатных СМИ за рекламодателей, но не за конечных пользователей. В такой ситуации должен быть определен рынок рекламы, рынок для вещательных СМИ и рынок для печатных СМИ, владельцы одной или нескольких платформ играют решающую роль[2]. Когда речь идет о нетранзакционных рынках, презюмируется множественность рынков.

Значение правильного определения количества релевантных рынков демонстрирует решение Европейской комиссии по делу Google /DoubleClick[3]. Европейская комиссия одобрила слияние компаний Google и DoubleClick. Проверяя возможность влияния на конкуренцию будущей концентрации, Европейская комиссия определила следующие рынки. Поскольку Google в основном занимается предоставлением рекламных площадок в Интернете, то-

[1] Там же.

[2] *Van Gorp N. Batura O.* Herausforderungen fur die wettbewerbspolitik in einer digitalisierten Wirtschaft. 2016. S. 61. // http://www.europarl.europa/eu/studien.

[3] Case COMP/M.4731

варный рынок был определен как общий рынок онлайн-рекламы. DoubleClick осуществляет активную деятельность в сфере медийной рекламы. Технология показа рекламных объявлений представляет собой отдельный рынок, отличный от технологии показа рекламы для текстовых объявлений. На рынке технологии показа медийной рекламы необходимо сделать еще одно подразделение между предоставлением таких услуг рекламодателям и предоставлением таких услуг издателям (п.5,6 решения). Как указывалось в литературе, Европейская комиссия неверно определила количество многосторонних рынков, которые могут быть затронуты исследуемой концентрацией. В частности, не были приняты во внимание рынки потокового видео либо навигационных служб[1]. Обращалось также внимание на то, что Европейская комиссия должна была определить один или несколько нетранзакционных рынков для пользователей Google, либо ей следовало аргументировать, почему в рамках исследования иные рынки не признаются релевантными. Через слияние с DoubleClick Google может получить доступ к данным онлайн-пользователей, и сможет использовать эти данные для повышения эффективности адресной рекламы, тем самым повышая привлекательность своих платформ для рекламодателей. Благодаря слиянию с DoubleClick Google может усилить свои позиции на многосторонних рынках онлайн-рекламы, так как Google может использовать приобретенные активы (базы данных DoubleClick, основанные на отслеживании с пользовательскими настройками и сетевого поведения (tracking cookie)) для улучшения как своего алгоритма поиска, так и для целевой рекламы на своих собственных платформах[2].

Библиографический список:

1. *Ючинсон К.С.* Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1 С. 228.

2. *Шаститко А.Е., Паршина Е.Н.* Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: специфика предметной области // Антимонопольное регулирование. 2016. Т.10. С. 13.

3. Competition Committee of Organisation for Economic Cooperration and Development: The Digital economiy. 2012 // Competition Law&Policy. 2013.

4. *Filistrucchi L., Geradin D., Van Damme E., Affeld P.* Market definition in two-sided-markets: theory and practice // Journal of Competition law and Economics, 10 (2), 2014. S. 293–339.

5. *Mettmacker E.* EU-Wettbewerbsrecht. Munchen. 2002. Rn.61/

6. *Van Gorp N. Batura O.* Herausforderungen fur die wettbewerbspolitik in einer digitalisierten Wirtschaft. 2016. S. 61. // http://www.europarl.europa/eu/studien.

[1] *Van Gorp N. Batura O.* Herausforderungen fur die wettbewerbspolitik in einer digitalisierten Wirtschaft. 2016. S. 62. // http://www.europarl.europa/eu/studien.

[2] *Filistrucchi L., Geradin D., Van Damme E., Affeld P.* Market definition in two-sided-markets: theory and practice // Journal of Competition law and Economics, 10 (2), 2014. S. 293–339.

УДК: 004:347.91/95

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АКТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Н.В. Самсонов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66
E-mail: nsamsonov@yandex.ru

Аннотация: в статье исследуются вопросы, связанные с правовым регулированием применения информационных и цифровых технологий в гражданском судопроизводстве. Отмечается, что закреплённые в процессуальном законодательстве нормы недостаточно полно регулируют «электронное правосудие», которое во многом регламентируется подзаконными нормативными правовыми актами. В связи с чем в целях устранения конфликта между ст. 1 ГПК РФ и существующей правовой реальностью выдвигается и обосновывается предложение о необходимости включения в состав источников российского гражданского процессуального права актов Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Вносятся предложения, направленные на определение порядка их принятия и закрепление круга регулируемых ими вопросов.

Ключевые слова: гражданский процесс, источники гражданского процессуального права, нормативные правовые акты, подзаконные акты, цифровые технологии.

UPON THE ISSUE OF THE PLACE OF THE ACTS REGULATING THE ORDER OF USAGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CIVIL PROCEEDING IN THE SYSTEM OF SOURCES OF CIVIL PROCEDURAL LAW

N.V. Samsonov,
Rostov branch of the Russian State University of Justice,
66, Lenina st, Rostov-on-Don, Russia, 344038
E-mail: nsamsonov@yandex.ru

Abstract: the articles deals with the issues related to legal regulation of usage of information and digital technologies in civil proceedings. It is pointed out that the norms of current procedural legislation do not completely regulate the sphere of «electronic justice» that is to a large extent regulated by delegated legislation. Due to that fact, the author states and justifies the idea of a necessity to include the acts of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation to the list of sources of Russian civil procedural law in order to eliminate the conflict between Article 1 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation and existing legal reality. Suggestions are made to determine the procedure for their adoption and to consolidate the range of issues they regulate.

Key words: civil process, sources of civil procedural law, regulatory legal acts, delegated legislation, digital technologies.

Укрепление материально-технической базы судов, обеспечение судей и аппаратов судов компьютерной техникой, современными системами электронной связи приводит к внедрению в российское гражданское судопроизводство таких достижений информационно-коммуникационных технологий, как электронный документооборот, личный кабинет на сайте суда, видеоконференц-связь, фиксирование хода судебного заседания с помощью аудиопротоколирования и иных технических средств, СМС-сообщения и уведомления с использованием электронной почты. Всё большее значение приобретают вопросы информатизации гражданского процесса и, следовательно, правового регулирования порядка использования информационных технологий в гражданском судопроизводстве, развивающих «электронное правосудие».

Понятие «цифровые технологии», широко используемое в науке и литературе, не имеет легального закрепления. В пункте 2 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные технологии определяются как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Следует согласиться с утверждением, что такое понимание информационных технологий во многом базируется на буквальном (словарном) значении слова «технология», под которой в широком смысле понимается совокупность методов, процессов и материалов, используемых в той или иной отрасли (сфере) человеческой деятельности, либо совокупность средств и методов организации того или иного процесса, либо совокупность процессов обработки или переработки материалов в определённой отрасли производства, а также научное описание способов производства или способов осуществления какой-либо деятельности. В уз-

ком смысле под технологией понимается комплекс различных мер организационного характера, операций и приемов, нацеленных на изготовление, обслуживание, ремонт и/или эксплуатацию изделия (достижение значимого результата в непроизводственной деятельности) с заданным качеством и максимально приемлемыми затратами, и обусловленными существующим уровнем развития науки, техники и общества в целом. В связи с этим на первое место выдвигается инструментальный аспект технологий, их способность влиять на скорость и эффективность осуществляемых действий. В результате и на нормативном, и на доктринальном уровне в восприятии понятия «информационные технологии» и далеко не тождественного ему понятия «цифровые технологии» господствует инструментальный подход. Мы можем согласиться с утверждением, что такой подход представляется рациональным для права в целом и гражданского процесса в частности, поскольку гражданский процесс и представляет собой деятельность[1], и, как мы полагаем, наряду с любой иной деятельностью, может подвергаться оптимизации, в том числе и путем «цифровизации» и «информатизации».

Появление элементов «электронного правосудия», активное развитие информационных технологий, рост научного интереса к «цифровизации» гражданского процесса вызваны не только развитием уровня техники, но и более глубокими причинами, к которым, на наш взгляд, относятся неэффективность и длительность традиционных процедур гражданского судопроизводства, в связи с чем возникает обоснованное ожидание того, что «электронное правосудие» разгрузит судебную систему, повысит качество разрешения споров и увеличит скорость рассмотрения дел.

Говоря об «электронном правосудии», профессор В.В. Ярков отмечает, что его «позитивное влияние может выразиться в повышении управляемости и в лучшей организации работы судебной системы; в информационной открытости и гласности; в ускорении документооборота и облегчении доступа к суду в условиях больших пространств России»[2]. По нашему мнению, в числе возможных преимуществ «электронного правосудия» над традиционным также следует назвать рост гарантий на доступ к правосудию, увеличение возможностей для контроля сторон за движением дела, экономию судебных издержек.

Несмотря на то, что информационные технологии предоставляют суду и участникам гражданского судопроизводства новые возможности, нельзя забывать, что ««информационность» или «электронность» правосудия не изменяет сущности правосудия как правоприменительной деятельно-

---

[1] Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / *К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, Ал.В. Незнамов, Ан.В. Незнамов, В.В. Ярков.* // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 60.

[2] *Ярков В.В.* Электронное правосудие // «ЭЖ-Юрист». 2006. № 41.

сти, в результате которой реализуется судебная власть»[1], и ему, как и традиционному правосудию, присущ ряд недостатков и возможных угроз, что «внедрение информационных технологий в гражданский процесс должно предусматривать взвешенный и осторожный подход, поскольку наряду с преимуществами такие технологии могут нести и риски»[2]. Среди таких рисков в юридической науке отмечались: «вторжение в Сеть посторонних лиц, искажение информации, получение ее в подложном виде»[3], легкость внесения в электронные документы изменений, что приводит к сомнениям в их достоверности[4]. В числе опасностей информатизации следует поименовать возможность утечки информации, в том числе персональных данных лиц, участвующих в деле, возможность несанкционированного доступа посторонних лиц к судебным документам, проблемы, возникающие в процессе идентификации лиц, участвующих в цифровой коммуникации, и так далее.

Для того чтобы избежать наступления негативных последствий указанных проблем или хотя бы минимизировать их отрицательное влияние на гражданское судопроизводство, необходимо не только надлежащее техническое оснащение, но и выверенное, тщательное и подробное регулирование порядка обращения в суды в электронном виде, порядка подачи в суд электронных документов, порядка использования современных, технологически актуальных способов уведомления лиц, участвующих в деле, о движении гражданских дел, о ходе судебного разбирательства, порядка определения достоверности и доказательственной силы электронных документов, а также порядка проведения судебных заседаний дистанционно, в удалённом режиме и порядка верификации информации, поступающей в суды в электронном виде.

Регулирование процедуры совершения указанных действий, в общих чертах, можно обнаружить в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее ГПК РФ), однако содержащиеся в нём положения, даже после вступления в силу изменений, внесённых Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», не являются детальными и, что вполне естественно, не могут достаточно полно и тем более исчерпывающе регулировать электронные процедуры.

В связи с этим и был принят ряд актов, регламентирующих некоторые аспекты использования информационных технологий в гражданском судо-

[1] *Хисамов А.Х.* Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 229–247.

[2] *Брановицкий К.Л.* Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70 (2).

[3] *Ярков В.В.* Электронное правосудие // «ЭЖ-Юрист». 2006. № 41.

[4] *Боннер А.Т.* Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. № 12.

производстве. Однако эти акты не перечислены в ст. 1 ГПК РФ «Законодательство о гражданском судопроизводстве».

Так, механизм использования СМС-извещений для извещения участников гражданского, административного и уголовного судопроизводства о месте, дате и времени рассмотрения дела в суде был впервые определён в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации», а затем развит и усовершенствован в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений». Эти акты явились первой попыткой регулирования порядка использования цифровых технологий в судопроизводстве.

Затем произошла регламентация иных действий, которые могут совершаться в электронном виде. Положения гражданского процессуального законодательства, регулирующие использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции, были детализированы в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» и Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.09.2017 № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», а также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

Проблемы использования вышеперечисленных актов вызваны вовсе не качеством вводимого этими актами регулирования, но необходимостью определения их места в системе источников гражданского процессуального права, наличием сомнений в вопросе о правомерности их существования. Дело в том, что к источникам отечественного гражданского процессуального права бесспорно относятся только Конституция Российской Федерации, федеральные (федеральные конституционные) законы и международные договоры РФ. Вопрос о возможности отнесения иных правовых феноменов, в том числе подзаконных актов, к источникам гражданского процессуального права остаётся дискуссионным в юридической науке и отрицательно решен законодателем.

Значение вопроса о месте указанных актов, нацеленных на регламентацию порядка использования цифровых технологий, в системе источников гражданского процессуального права не следует недооценивать. С практической точки зрения важно чётко представлять, является ли то или иное

явление правовой действительности источником (формой) права, и если да, то входит ли оно в число источников (форм) гражданского процессуального права и как иерархически соотносится с другими источниками. Такие вопросы возникают при оценке постановлений вышестоящих судов: это акт толкования права, руководящее разъяснение или судебный прецедент и каково соотношение данного феномена с другими источниками гражданского процессуального права? Однако в данной статье мы не считаем целесообразным анализировать проблемы использования актов высших судебных органов в качестве источников (форм) гражданского процессуального права, тем более что проблемы источников (форм) права этими вопросами не исчерпываются.

Дело в том, что не всё так просто и однозначно с определением в системе источников гражданского процессуального права места нормативных правовых актов, подзаконных актов. Ныне существующее правовое регулирование отрицает возможность признания источниками гражданского процессуального права таких нормативных правовых актов, как Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ и акты более низкого иерархического уровня. Ни Президент РФ, ни Правительство РФ, ни Федеральное Собрание РФ (кроме случаев принятия законов), ни федеральные органы исполнительной власти, а тем более иные органы и организации не могут устанавливать обязательные для суда правила отправления правосудия, регламентировать порядок судопроизводства, в том числе гражданского, ибо, как считается, иной подход может привести к подрыву независимости судебной власти.

Так может быть, эти акты и не регулируют вовсе гражданские процессуальные правоотношения, не имеют никакого отношения к гражданскому судопроизводству? Мы полагаем, на этот вопрос необходимо ответить отрицательно. Дело в том, что в юридической науке неоднократно отмечалось введение указанными приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ новых правил, в частности правил о допустимости подачи некоторых процессуальных документов в электронной форме только с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи[1]. Кроме того, как справедливо отмечает Е.С. Смагина, введённые вышеуказанными постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и приказами Судебного департамента правила устанавливают особенности обращения различных органов в суды общей юрисдикции[2].

Как видно из вышесказанного, фактическое существование подобных подзаконных актов – источников (форм) гражданского процессуального

[1] *Загидуллин М.Р., Решетникова И.В., Ситдиков Р.Б.* Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2017. № 2. С. 73–111.

[2] *Смагина Е.С.* Новые обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 11–14.

права – отрицать невозможно: они стали объективной реальностью правоприменительной деятельности, в то же время, статья 1 ГПК РФ не признаёт их источниками гражданского процессуального права.

Представляется, что стремление полностью избежать издания таких актов в качестве временной меры, действующей до принятия надлежащего закона, иллюзорно, поскольку иногда необходимо срочно, не дожидаясь получения результатов законодательного процесса, каким-то образом осовременивать и модернизировать детали судебной процедуры, восполнять неожиданно выявленные недочёты законодательного регулирования. Такие нормативные правовые акты, мы убеждены, появлялись и появляются в связи с тем, что законодатель, связанный достаточно сложным законодательным процессом, не успевает за обусловленными интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий насущными нуждами общества в сфере судопроизводства, не имеет возможности своевременно реагировать на вновь возникающие и изменяющиеся потребности в правовом регулировании в условиях информационного общества.

Не затрагивая в настоящий момент место и роль актов высших судебных органов, а сконцентрировавшись на месте и роли приказов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, мы считаем необходимым отметить, что нынешняя ситуация, когда тот или иной акт согласно Закону не может быть источником гражданского процессуального права, но фактически им является, нам представляется нетерпимой и требующей законодательного разрешения.

В связи с этим мы предлагаем, как уже было не раз в постсоветской истории, использовать опыт России дореволюционной и закрепить в Общих положениях ГПК РФ в качестве источника (формы) гражданского процессуального права вспомогательный источник, аналогичный обязательным постановлениям, существовавшим в Российской империи. Обязательные постановления до 1917 года издавались судебным ведомством и/или министром юстиции. К ним относились наказы и инструкции, в которых суды самостоятельно устанавливали правила внутреннего распорядка и делопроизводства, которые не могли противоречить закону. Министр юстиции мог в некоторых случаях изменять эти правила, а также устанавливать отдельные детали судебной процедуры, в первую очередь касающиеся финансовых аспектов судопроизводства (например, правил приёма, расходования и хранения денежных сумм)[1].

Как нам представляется, целесообразно включение в состав источников гражданского процессуального права актов, условно называемых нами «обязательные постановления». Такие акты могли бы издаваться (как это и происходит в действительности) Судебным департаментом при Верховном

[1] *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 42–43.

Суде РФ и утверждаться Председателем или Президиумом Верховного Суда РФ и, возможно, согласовываться министром юстиции РФ. Закрепление в статье 1 ГПК РФ «обязательных постановлений» в качестве актов, определяющих порядок гражданского судопроизводства, позволит, не противореча закону, устанавливать правила внутреннего распорядка судов, их делопроизводства, а также отдельные, вспомогательные детали судебной процедуры, аналогичные нетрадиционным формам судебных извещений и вызовов (СМС-уведомления), а также инновационные, дополнительные способы осуществления процессуальных действий (подобные правилам направления процессуальных документов в электронном виде). Во избежание негативных последствий, которые могут возникнуть при таком саморегулировании судебной системой своей деятельности по отправлению правосудия, следует предусмотреть обязанность направления Верховным Судом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта закона о внесении в гражданское процессуальное законодательство изменений, тождественных временным правилам, содержащимся в «обязательном постановлении».

При этом, видимо, следует заранее законодательно закрепить сферу применения указанных «обязательных постановлений». С одной стороны, на наш взгляд, представляется если не целесообразным, то допустимым использовать их для нормативного регулирования порядка использования «информационных» либо «цифровых технологий» в гражданском судопроизводстве в целях фиксации, хранения, воспроизведения и передачи информации. С другой стороны, следует ввести законодательный запрет на применение содержащегося в них нормативного регулирования к технологиям, предназначенным для анализа и обработки информации. Необходимость такого запрета обусловливается существованием обоснованных сомнений в способности «информационных» либо «цифровых технологий» осуществлять взамен человека когнитивную, познавательную деятельность, направленную на определение круга обстоятельств, имеющих значение для дела, и установление фактических обстоятельств дела. [1] Что, в свою очередь, позволяет предположить вероятность возникновения коллизий между используемыми технологиями и присущей судье-человеку совокупностью необходимых нравственных и иных качеств, связанных прежде всего с наличием представлений о справедливости, которые ещё долго, а может быть и никогда, не удастся запрограммировать для судьи-робота[2] и которые, в свою очередь, являются основой права на судейское усмотрение.

---

[1] Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / *К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, Ал.В. Незнамов, Ан.В. Незнамов, В.В. Ярков.* // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 63.

[2] *Клеандров М.И.* Размышления на тему: может ли судьёй быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 21.

На наш взгляд, реализация такого предложения, направленного на расширение состава источников гражданского процессуального права, устранит имеющийся конфликт между положениями ст. 1 ГПК РФ и существующей правовой действительностью, и на законных основаниях позволит оперативно восполнять отсутствие детальной регламентации законодательных новелл, обнаруженное судебной практикой, а также заполнять выявленные ею лакуны, быстро и эффективно реагировать на предоставляемые современными технологиями возможности облегчения для граждан доступа к правосудию, будет способствовать ускорению процесса путём достижения точности процессуальных норм, четкости требований и определенности процессуальных правил, обеспечит детальное закрепление отдельных правовых моментов, связанных с использованием в гражданском судопроизводстве «информационных и цифровых технологий», имеющих значение для эффективного отправления правосудия, а с другой стороны, чётко очертит сферу применения «обязательных постановлений».

Библиографический список:

1. *Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов Ал.В., Незнамов Ан.В., Ярков В.В.* Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 56–68.

2. *Брановицкий К.Л.* Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.

3. *Боннер А.Т.* Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

5. *Загидуллин М.Р., Решетникова И.В., Ситдиков Р.Б.* Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2017. № 2. С. 73–111.

6. *Клеандров М.И.* Размышления на тему: может ли судьёй быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.

7. *Смагина Е.С.* Новые обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 11–14.

8. *Хисамов А.Х.* Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 229–247.

9. *Ярков В.В.* Электронное правосудие // «ЭЖ-Юрист». 2006. № 41 // СПС «Гарант».

УДК: 347.440.14:347.451.4

СМАРТ-КОНТРАКТ: ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ

А.В. Сятчихин,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: doka065@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются возможности применения технологии смарт-контракта (умного договора) при продаже объектов недвижимости. Определяются подходы к пониманию смарт-контракта, условия реализации этой технологии (блокчейн-среда, цифровизация предмета договора, конвертация криптовалюты и проч.), схематично иллюстрируется алгоритм действия смарт-контракта при продаже недвижимости, выявляются достоинства применения технологии к купле-продаже недвижимости.

Ключевые слова: умный договор, смарт-контракт, договор купли-продажи недвижимости, цифровизация экономики, цифровая валюта, блокчейн.

SMART CONTRACT: POSSIBILITIES AND CONDITIONS OF REALIZATION OF TECHNOLOGY ON THE EXAMPLE OF PROPERTY SALE

A.V. Syatchikhin,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: doka065@gmail.com

Annotation: in article the possibilities of use of technology of the smart contract at sale of real estate objects are considered. Approaches to understanding of the smart contract, a condition of realization of this technology are defined (blockchain, digitalization of subject of the contract, converting of cryptocurrency and so forth), the algorithm of operation of the smart contract at property sale is schematically illustrated, merits of use of technology to purchase and sale of the real estate come to light.

Keywords: smart contract, contract of purchase and sale of the real estate, digitalization of economy, cryptocurrency, Blockchain.

«…новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной»
К. Маркс
«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», 1852 г.

Адаптация и внедрение новых технических возможностей применительно к классическим правовым инструментам гражданского оборота обусловлено не столько принятыми за последние два года программами по развитию отечественной экономики[1], сколько объективными потребностями оборота, не мирящегося с недостатками традиционных подходов к правовому обрамлению хозяйственных отношений.

Центральными элементами экономического оборота выступают товар, деньги и информация. Современные технологии позволяют осуществлять мгновенный обмен информацией, сравнительно быстрый обмен денежных средств (три рабочих дня, а иногда – до двух недель) и не самый быстрый обмен товаров. Исходя из этого востребованными сегодня видятся технологии, ускоряющие процесс обмена денежных средств до скорости обмена информацией и обмена товаров – до нынешней скорости обмена денежных средств. При этом стоит заметить, что скорость обмена товарами не всегда зависит лишь от логистики (способов доставки, путей и расстояний). В случае с объектами недвижимости скорость передачи объекта зависит, скорее, от скорости регистрации договоров и внесения сопутствующих изменений в публичный реестр.

Новые возможности для разрешения этой проблемы несет в себе технология распределенного реестра, вернее – ее вид – технология блокчейн, впервые масштабно реализованная на практике 10 лет назад. Ее значимость, на наш взгляд, можно сравнить с появлением в конце 70-х годов сети Интернет.

---

[1] Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.12.2016 г. (в части обращения к новому приоритетному вектору развития отечественной экономики – ее цифровизации, переходу к экономике нового технологического поколения); спустя полгода – издание Указа Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»; спустя еще два месяца – Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; принятая Минкомсвязи РФ «Программа Цифровой экономики РФ» (до 2025 года), а также разработанная Центром цифровой экономики при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова «Программа развития Цифровой (электронной) экономики до 2035 года».

Так, в 2012 году в целях сокращения финансовых и временных затрат на осуществление обменных валютных операций была создана криптовалютная платформа Ripple (позже, в 2014 году, на ее основе создана платформа Stellar), решившая поставленную задачу путем осуществления платежей между пользователями с помощью криптографически подписанных сделок, номинированных в фиатной валюте (₽, $, €, £ и др.) или в конвертируемой внутренней криптовалюте Ripple (XRP). К слову, попытки внедрения блокчейн-технологии в банковский сектор предпринимаются и в России (проекты Альфа-банка, Внешэкономбанка, Сбербанка, Тинькофф-Банка и др.). В частности, совместный проект Альфа-банка и S7 Airlines позволил ускорить расчеты между банком и авиакомпанией (при оформлении авиабилета при помощи подключения к банковской системе через блокчейн) с двух недель до нескольких секунд.

Кроме того, блокчейн-технологии уже сегодня предлагают решения, способствующие ускорению обмена не только информации и денежных средств, но и самих товаров. Иными словами, имеется возможность внедрения блокчейн-технологии в каждое звено цепочки «информация – деньги – товар». Последнее может быть фрагментарно проиллюстрировано на пилотном проекте взаимодействия Агентства по ипотечному и жилищному кредитованию с Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии в Ленинградской области. Так, применение блокчейн-технологии при регистрации договора долевого участия в данном случае сводится к автоматизированному подтверждению взноса застройщиком в Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства и соответствия осуществляемых операций требованиям действующего законодательства. При этом доступ к электронному документу предоставляется всем участникам договора. В результате реализации проекта скорость взаимодействия Росреестра и Фонда сократилась с одних суток до одного часа, а сама процедура регистрации договора отчасти упростилась.

Оговоримся, что названный проект на данном этапе не позволяет полностью автоматизировать процедуру покупки недвижимости (участия в долевом строительстве). Признание юридически значимой информации, содержащейся в распределенном реестре, как мы полагаем, на следующем этапе позволит реализовать проекты, максимально автоматизирующие процедуру покупки объектов недвижимости.

Интерес в этой связи представляют возможности реализации технологии смарт-контракта при купле-продаже недвижимости. Однако сначала стоит определиться с терминологией и пониманием действия технологии, ее средой. Далее разобрать алгоритм действия смарт-контракта на примере продажи недвижимости, выявить необходимые условия для реализации технологии, а также обозначить несомненные достоинства и риски применения технологии.

Во-первых, смарт-контракт может представлять собой как отдельно взятый, самодостаточный программный код, в целом подменяющий собой «классический» договор, так и программный код, с помощью которого исполняются лишь отдельно взятые условия «классического» договора.

Во-вторых, смарт-контракт, кроме того, можно рассматривать с четырех позиций: как гражданско-правовой договор, исполняющийся в блокчейн-среде[1]; как форма заключения договора[2]; исключительно как программный блок, скрипт, написанный на языке Solidity и исполняющийся на виртуальной машине Ethereum и не всегда представляющий собой результат некоторой договоренности (к примеру скрипт, получающий необходимую информацию из базы данных) – т.н. «эфирный смарт-контракт»; как самодостаточный программный код, не представляющий собой результат договоренности, некая алгоритмизированная компьютеризированная цифровая запись.

С нашей точки зрения, смарт-контракт не стоит отождествлять с «классическим» договором. Это, скорее, способ исполнения обязательств или в некоторых случаях – форма его заключения (электронная, цифровая). «Классический» договор, в отличие от смарт-контракта, нельзя представить как строгую логическую структуру, поскольку не все условия договора можно формализовать, «перевести» на язык программирования (например, использование в договоре оценочных категорий). Адекватным, соответствующим действительности на данном этапе видится использование смарт-контракта (как одного, так и их суммы) в рамках уже заключенного «классическим» способом договора.

В-третьих, смарт-контракт, вопреки распространенному заблуждению, сам по себе не является неизменным – при наличии соответствующей функции в смарт-контракте или в стороннем скрипте, а также обеих цифровых подписей, у сторон имеется возможность изменить условия смарт-контракта. В этом случае в блокчейн вносится информация об изменении условий смарт-контракта (новая редакция смарт-контракта заменяет прежнюю). Кроме того, вопреки второму распространенному заблуждению, смарт-контракт не стоит понимать исключительно как программный код (скрипт), исполняющийся в блокчейн Ethereum (это лишь одна из его

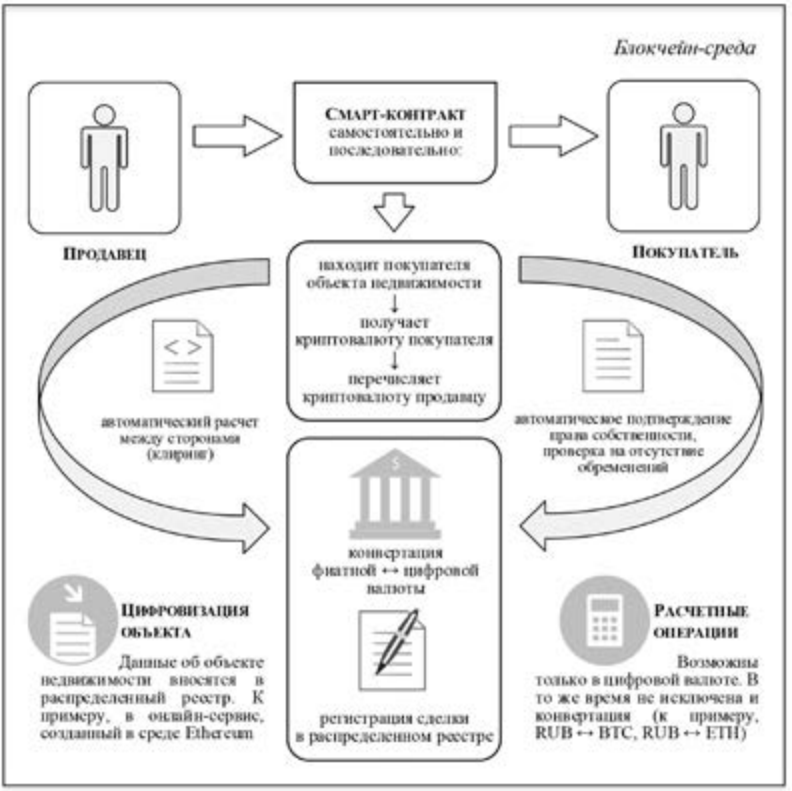
---

[1] *Amuial S., Dewey J., Seul J.* The Blockchain: A Guide for Legal and Business Professionals. Los Angeles: LegalWorks, 2016. 262 p.; *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права, 2016. № 3. С. 32–60; *Новоселова Л.А.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право, 2017. № 12. С. 32.

[2] *Толкачев А.Ю.* Правовые аспекты обращения и регулирования криптовалют в России: мнение юристов Deloitte // *URL: https://bitnovosti.com/ 2017/05/15/ regulirovanie-kriptovalut-v-rossii-2* (дата обращения 01.10.2018); *Юров А.А.* Смарт-контракты: взгляд юриста на жизнеспособность // *URL: https://bitnewstoday.ru/ market/ blockchain/ smart-kontrakty-vzglyad-yurista-na-zhiznesposobnost* (дата обращения 01.10.2018).

разновидностей, возможно размещение смарт-контрактов и на иных блокчейн-платформах).

Беря во внимание эти обстоятельства, проиллюстрируем алгоритм работы смарт-контракта на примере купли-продажи квартиры.



Дадим следующие пояснения и обозначим некоторые условия работы смарт-контракта на данном примере:

1. Платформа. Первым и основным условием работы смарт-контракта выступает его размещение в блокчейн-среде. На сегодняшний день в качестве таких платформ могут выступать Ethereum, Hyperledger Fabric, NEM, iOlite, Neblio, Lisk и некоторые другие, список которых насчитывает по меньшей мере несколько десятков названий, однако перечисленные имеют более универсальный характер. К слову, в качестве одной из возможных платформ для реализации проекта по автоматизации правовой экспертизы сделок с недвижимостью в Росреестре[1] сейчас выступает платформа Hyperledger Fabric.

[1] Росреестр хочет провести два эксперимента по внедрению технологии блокчейн // *URL: https://realty.ria.ru/ realtynews/ 20180323/ 1517097352.html* (дата обращения 01.10.2018).

Заметим, что имманентной характеристикой любой из платформ является ее достоверность (распределенный реестр в данном случае выступает гарантией достоверности содержащихся в реестре данных).

2. Цифровизация объекта. Объект недвижимости должен быть «оцифрован», иными словами, в блокчейн должны быть загружены сведения о квартире, ее текущем собственнике, имеющихся обременениях, стоимости и т.д. Эта информация для потенциального покупателя становится своего рода цифровой идентификацией объекта в регистре блокчейна. Опционально (не в рассматриваемом случае) в блокчейн могут быть внесены данные и об имеющейся задолженности по оплате коммунальных услуг, и об иных долевых собственниках объекта недвижимости, чье согласие на продажу доли третьему лицу может быть удостоверено посредством цифровой подписи.

3. Автоматизация процессов. Смарт-контракт, как мы заметили ранее, выступает своего рода простой логической структурой или совокупностью таких структур («если…, то…» или англоязычный аналог этого правила – IFTTT – «If this then that»). Иными словами, смарт-контракт автоматизирует большинство операций, связанных с переходом права собственности на квартиру (подтверждение права собственности, проверка на отсутствие обременений, расчет между сторонами и проч.).

4. Криптовалюта. Первичное размещение смарт-контракта в блокчейне, а также расчет между его сторонами осуществляется в криптовалюте. При наличии весьма основательных исследований зарубежных и отечественных ученых, посвященных правовой природе криптовалюты[1], а также около десятка законопроектов[2], на сегодняшний день законодателем пока не выработана единая позиция по судьбе криптовалюты, в частности, относи-

[1] *Перов В.А.* Криптовалюта как объект гражданского права // Гражданское право. 2017. № 5. С. 7–9; *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 2; *Кучеров И.И.* Криптовалюта как правовая категория // Финансовое право. 2018. № 5. С. 3–8; *Кучеров И.И.* Криптовалюта как платежное средство // Финансовое право. 2018. № 7. С. 3–6; *Демиева А.Г.* Правовое регулирование криптовалюты: тенденция развития // Ex jure. 2018. № 1. С. 18–29

[2] Законопроект Минфина РФ (Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» от 25.01.2018 г. // URL: https://www.minfin.ru/ ru/ document/ ?id_4=121810 (дата обращения 01.10.2018); Центрального Банка РФ (Законопроект «О цифровых финансовых активах» от 25.01.2018 г. // URL: https://www.cbr.ru/ Press/ event/ ?id=1622 (дата обращения 01.10.2018); совместный законопроект Минфина РФ и Центрального Банка РФ // URL: https://www.rbc.ru/ money/ 28/12/2017/ 5a44cc629a 7947fe6a 3dc208 (дата обращения 01.10.2018); законопроект Ассоциации криптовалют и блокчейна (РАКИБ) (Проект ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» и в отдельные законодательные акты РФ» // URL: http://racib.com/ predlozhenie-rakib-po-regulirovaniyu-ico (дата обращения 01.10.2018); а также ряд законодательных инициатив представителей нижней палаты Федерального Собрания РФ (Законопроект «О цифровых финансовых активах» // URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/419059-7 (дата обращения 01.10.2018); Проект ФЗ «О системе распределенного национального майнинга» // URL: http://sozd.parlament.gov.ru/ bill/ 373645-7 (дата обращения 01.10.2018); Проект ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса РФ» // URL: http://sozd.parlament.gov.ru/ bill/ 424632-7 (дата обращения 01.10.2018).

тельно ее оборота, эмиссии (майнинга) и признания в качестве платежного средства в России. Как бы то ни было, даже в случае непризнания криптовалюты в качестве средства платежа на территории РФ с сопутствующими последствиями для дальнейшего развития ее экономики, смарт-контракты могут исполняться путем конвертации фиатной валюты в криптовалюту и обратно (сперва RUB → ETH, а по окончании расчетов ETH → RUB). Однако в этом случае исполнение смарт-контракта будет невозможно без обращения к кредитной организации, где к счету покупателя и продавца должен быть привязан необходимый криптовалютный токен. Более того, опционально кредитная организация может участвовать в исполнении смарт-контракта и путем предоставления ипотеки с предварительным предоставлением покупателю ее условий (в частности, по размеру платежей и ее сроку), что во многом упростит и заметно ускорит процесс покупки квартиры с использованием заемных средств.

Стоит обратить внимание и на форму смарт-контракта. Напомним, что, в отличие от «классического» договора, он представляет собой программный код (скрипт), исполняющийся на той или иной блокчейн-платформе.

```
contract Bank {
        address owner;
        mapping(address => uint) balances;

        function Bank() {
                owner = msg.sender;
        }

        function deposit() public payable {
                balances[msg.sender] += msg.value;
        }

        function withdraw(uint amount) public {
                if (balances[msg.sender] >= amount) {
                balances[msg.sender] -= amount;
                msg.sender.transfer(amount); }
        }

        function getMyBalance() public view
                returns(uint) { return balances[msg.
        sender];
        }

        function kill() public {
                if (msg.sender == owner)
                selfdestruct(owner); }
        }
```

Здесь представлен простой 21-строчный код смарт-контракта, имеющего следующие функции: накопления средств (function deposit), ведение реестра пользователей и их взносов (mapping(address => uint) balances),

пополнения и вывода (function withdraw), проверки баланса пользователя (function getMyBalance), прекращения действия контракта с предшествующей проверкой владельца контракта и передачей ему оставшихся средств (function kill).

На практике же смарт-контракты могут достигать и 4000 строк исходного кода (на платформе Ethereum). Однако условия подобных смарт-контрактов будут понятны скорее не юристу, а человеку, освоившему хотя бы азы программирования. В этой связи востребованным видится программное обеспечение, упрощающее и максимально визуализирующее процесс создания и отображения содержания смарт-контрактов, их конструктор по аналогии с CMS-движками для создания и управления контентом различных сайтов. Заметим, что данное направление сейчас активно развивается, делая процесс заключения смарт-контрактов максимально простым и понятным для каждого. Сегодня разработкой смарт-контрактов занимаются программисты, а завтра – сами стороны.

Подведем некоторые итоги рассуждений на заявленную тему.

1. Смарт-контракт стоит рассматривать с двух позиций: как программный код, некую алгоритмизированную компьютеризированную цифровую запись, скрипт и как способ исполнения обязательств (а в некоторых случаях – как электронную (цифровую) форму заключения договора).

2. С этих позиций технология смарт-контрактов имеет богатый потенциал использования в различных сферах, не ограничивающихся гражданским оборотом. Так, при помощи технологии смарт-контрактов осуществляется краудсорсинг (при помощи них проводится ICO), оборот ценных бумаг (например, покупка Райфайзенбанком облигаций Мегафона), проводятся социологические исследования (обращение к BigData), могут оказываться медицинские услуги (хранение и учет историй болезней, автоматическая обработка результатов анализов и последующая запись к специалисту) и т.д.[1].

3. Применение смарт-контрактов при купле-продаже недвижимости является перспективным направлением развития технологии. Существующие отечественные проекты в этой сфере позволяют говорить об их жизнеспособности, востребованности и своевременности. Современный оборот нуждается в оперативных, простых, понятных и надежных способах исполнения гражданско-правовых договоров.

4. Сегодня от законодателя как никогда зависит определение дальнейшего пути развития отечественной экономики и, вслед за этим, самого права. Формирование цифровой экономики требует создания в России благоприятных организационных и нормативно-правовых условий для эффективного развития ее институтов. В этой связи хочется выразить на-

[1] *Кардонов А.В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. №1 (9).

дежду, что Россия, несмотря ни на что, все же «оседлает технологическую волну, иначе она просто захлестнет»[1].

5. Обращаясь к эпиграфу статьи, имеющему полуторавековую историю, отметим, что для разработки адекватного механизма правового регулирования использования новой технологии, требуется учитывать ее фундаментальные основы и условия функционирования (криптография, распределенный децентрализованный реестр, оборот криптовалюты и проч.). При этом свободное и полное осмысление возможностей, которые несут в себе блокчейн-технологии, возможно, пожалуй, лишь в отсутствие «мысленного перевода» этого феномена на «родной», традиционный язык существующей экономики и права.

Библиографический список:

1. *Демиева А.Г.* Правовое регулирование криптовалюты: тенденция развития // Ex jure. 2018. № 1. С. 18–29.

2. *Кардонов А.В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. №1 (9).

3. *Кучеров И.И.* Криптовалюта как платежное средство // Финансовое право. 2018. № 7. С. 3–6.

4. *Кучеров И.И.* Криптовалюта как правовая категория // Финансовое право. 2018. № 5. С. 3–8.

5. *Новоселова Л.А.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 32.

6. *Перов В.А.* Криптовалюта как объект гражданского права // Гражданское право. 2017. № 5. С. 7–9.

7. *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

8. *Толкачев А.Ю.* Правовые аспекты обращения и регулирования криптовалют в России: мнение юристов Deloitte // URL: https://bitnovosti.com/ 2017/05/15/ regulirovanie-kriptovalut-v-rossii-2 (дата обращения 01.10.2018).

9. *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 2.

10. *Юров А.А.* Смарт-контракты: взгляд юриста на жизнеспособность // URL: https://bitnewstoday.ru/ market/ blockchain/ smart-kontrakty-vzglyad-yurista-na-zhiznesposobnost (дата обращения 01.10.2018).

11. *Amuial S., Dewey J., Seul J.* The Blockchain: A Guide for Legal and Business Professionals. Los Angeles: LegalWorks, 2016. 262 p.

[1] Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.12.2016 г.

УДК 347.457+347.2/3

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ КРИПТОВАЛЮТЫ

А.В. Степанченко,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права
ФГБОУ «Уральский государственный юридический университет»
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о том, можно ли считать цифровой финансовый актив объектом обязательств на примере одного из них – криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, деньги, объекты гражданского права.

TO THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF CRYPTOCURRENCIES

A.V. Stepanchenko,
Ural State University of Law
21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg, Russia, 620137

Annotation: the article discusses the question of whether a digital financial asset can be viewed as an object of obligation, using the example of one of them, cryptocurrency.

Key words: cryptocurrency, digital financial assets, money, civil right objects.

В настоящее время центральные банки и министерства финансов разных стран, Всемирный банк дискутируют вопрос о таком явлении международного гражданского оборота, как криповалюты – один из видов цифровых финансовых активов.

Такая криптовалюта, как, например, биткойн, появилась в 2009 г., что объясняют мировым финансовым кризисом. Биткойн не привязан ни к одной из существующих международных денежных или расчетных единиц, национальных валют, и это его основная особенность. Тем не менее бит-

койны могут быть обменены на евро и доллары США. Причем ценность биткойнов обусловливается соотношением спроса и предложения. Алгоритмом данной виртуальной валюты заложено ограниченное максимальное производство общего количества монет-биткойнов: всего 21 миллион. Именно указанное обстоятельство противодействует их обесцениванию. Интересно, что «добыть» биткойн можно, решая определенную задачу[1].

То обстоятельство, что в последнее время криптовалюты все шире стали использоваться как платежное средство за реальные товары и услуги, побудило ряд стран принять меры к правовому регулированию их обращения. В целях обеспечения стабильности имущественного оборота необходимо установить правовой режим для таких объектов – либо путем адаптации действующих норм гражданского законодательства, либо путем создания новых. В связи с этим в Российской Федерации были разработаны законопроекты № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», № 424632 «О цифровых правах» и № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»[2], в которых предпринята попытка определить правовой статус цифровых финансовых активов и порядок их регулирования.

Институт цифрового права, предлагаемый авторами законопроекта «О цифровых финансовых активах» в качестве альтернативы техницизму токена, видится как совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 проекта ст. 141.1 ГК). С точки зрения цифровых технологий понятие «токен» имеет больше значений: это и цифровое обозначение права на объект права (по существу – цифровая ценная бумага), и так называемые утилитарные токены, дающие возможность пользоваться некоторыми услугами, но, по-видимому, не порождающие обязательств, и расчетные токены, к которым относятся пресловутые криптовалюты [3].

Криптовалюта не отражает наличия у ее обладателя каких-либо дополнительных, внешних по отношению к криптовалюте относительных или абсолютных прав. Она представляет собой имущественную ценность сама по себе в силу того, что другие субъекты предоставляют за нее другую имущественную ценность.

Иные токены (токены, не являющиеся криптовалютой) могут символизировать любое имущественное право – абсолютное или относительное – и способны выступать репрезентацией любого объекта права. Например, эмитент может выпустить кредитные токены, обладатели которых считаются обладателями прав требования займодавца.

---

[1] *Белых В.С., Степанченко А.В.* К вопросу о понятии иностранной валюты как объекта гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 5. С. 3–6.

[2] Текст законопроекта см.: http//sozd.parlament.gov.ru/bill/424632-7.

[3] *Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., и др.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

Как уже было указано, криптовалюта в традиционном ее понимании (биткойн, эфириум и др. …) не дает прав требования к эмитенту, ввиду чего и отсутствие такого права является конститутивным условием понятия криптовалюты. На сегодняшний день в науке сформулированы различные точки зрения относительно правового статуса криптовалюты в системе объектов гражданских прав[1].

Сущность, характеристика материального объекта определяют особенности правового регулирования гражданского оборота такого объекта. Перечень объектов гражданских прав содержится в ст. 128 Гражданского кодекса РФ. К ним относятся: вещи, в том числе документарные ценные бумаги и наличные деньги, иное имущество, включая бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства и имущественные права; услуги и работы; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации; нематериальные блага.

В юридической науке высказано мнение, что объект гражданских прав равен объекту гражданского правоотношения[2], так как нематериальные и материальные блага выступают объектами гражданских прав и обязанностей, которые вместе составляют содержание гражданских правоотношений. По другому мнению, хотя роль объектов гражданских прав для гражданских правоотношений значительна, они не входят непосредственно в их состав. Объекты гражданских прав выступают как средство удовлетворения нужд государства, муниципальных образований, физических и юридических лиц[3].

Считаем возможным присоединиться к первому мнению.

Средством выражения ценности любого нематериального или материального блага служит такой феномен, как деньги. Ценность денег формирует не государство, но государство устанавливает то, что будет являться законным платежным средством. Л. А. Лунц в свое время писал: «Гражданский оборот создает орудие обращения, а государство – законное платежное средство»[4].

Таким образом, денежные средства в безналичной форме и наличные деньги выступают объектами гражданских прав, причем первые относятся к иному имуществу, а наличные деньги – к вещам, при этом все деньги есть имущество. Однако тот факт, что криптовалюта есть платежное средство, на которое можно приобрести реальные товары или оплатить услуги, не позволяет квалифицировать ее в качестве денег (наличных, безналичных или электронных).

[1] *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

[2] Российское гражданское право: учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут. 2011. Т. 1. С. 297.

[3] Гражданское право: учеб. / отв. ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. М.: Юристъ, 2005. Ч. 1. С. 210.

[4] *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М., 1999. С. 28.

Наличные деньги – платежное средство, которое в силу законодательного установления обязательно к приему для погашения денежных обязательств. Криптовалюта может не приниматься в качестве исполнения обязательства и не является законным платежным средством, а значит, и деньгами. Кроме того, квалификации криптовалюты в качестве денег в узком смысле препятствует и то, что она не является движимой вещью.

Криптовалюта также не может считаться средством безналичного расчета, поскольку не размещается на банковских счетах, представляя собой лишь запись в публичной учетной книге о ее принадлежности тому или иному публичному ключу[1], а безналичные расчеты предполагают наличие права требования в отношении кредитного института. Обладатель криптовалюты не имеет подобных прав.

Несмотря на то что криптовалюта носит электронный характер и используется в качестве эквивалента денежного средства, ее нельзя отнести и к электронным деньгам, хотя в судебной практике уже встречаются решения, базирующиеся на обратной точке зрения[2]. Однако оборот электронных денежных средств исходя из толкования Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» всегда предполагает наличие посредника в лице оператора при использовании традиционных денежных средств. Платежная система биткойн не подразумевает наличия посредника при транзакции биткойнов от пользователя к пользователю. Иначе говоря, криптовалюта не обладает признаками электронных денег, поскольку в ее основе отсутствуют денежные средства, а у ее обладателя отсутствуют какие-либо права в отношении эмитента (оператора по переводу денежных средств).

Таким образом, криптовалюта не является деньгами в соответствии с государственной теорией денег, признающей сегодня лишь три их формы: деньги в узком смысле, т. е. законное платежное средство национального или иностранного происхождения, банковские расчеты и электронные деньги. Вместе с тем криптовалюта могла бы рассматриваться в качестве денег с позиций общественной теории, в соответствии с которой деньги возникают в силу признания их оборотом, а не государством[3].

Ознакомившись с разработанными законопроектами, можно сделать вывод, что законодатель рассматривает цифровой финансовый актив как иное имущество (ст. 2 законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансо-

[1] *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

[2] Определение Арбитражного суда Вологодской области от 15.08.2016 по делу № А13-15648/2015; Определение Арбитражного суда Московской области от 19.12.2016 по делу № А41-94274/2015.

[3] *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

вых активах»[1]). Вместе с тем ни Гражданский кодекс РФ, ни иные законодательные акты не раскрывают содержания понятия «иное имущество»[2]. К нему часто относят все то, что не укладывается в иные виды объектов гражданских прав, но при этом активно циркулирует в обороте, например, долю в уставном капитале общества[3].

Но действительно ли криптовалюта может считаться видом имущества? Если да, то как «распоряжаться» таким имуществом, в частности в рамках тех же банкротных дел?[4]

Согласно действующему законодательству, у обладателя криптовалюты нет и не может быть на нее абсолютных прав, так как криптовалюта не представляет собой ни вещь, ни кодифицированное нематериальное благо (объект интеллектуальной собственности). Также криптовалюта сама по себе не является относительным правом, так как не предоставляет кому-либо прав в отношении эмитента и других обладателей криптовалюты. Она относится к некодифицированным объектам права, подобно информации (сведениям, сообщениям, данным)[5].

Однако, как считает Л. А. Новоселова, «Гражданский кодекс не интересует информация (кстати, само это понятие весьма расплывчато) как таковая, значение имеет ее содержание (например, о наличии права либо информация, имеющая творческий характер). Напротив, признание «информации» в качестве самостоятельного объекта только для целей определения гражданско-правового статуса виртуальных единиц, включающих данные о правах (имуществе), способно полностью запутать ситуацию, породить необходимость создания параллельной реальности: оборот зеркальных копий обычных объектов, но в полном отрыве от них самих»[6]. С данным утверждением сложно не согласиться.

Криптовалюта есть имущественная ценность, и в соответствующих случаях имеет место фактическое господство над данными, которое позволяет говорить о некоторой форме их принадлежности обладателю крипто-

---

[1] Текст законопроекта см.: http//sozd.parlament.gov.ru/bill/419059-7.

[2] *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

[3] *Гонгало Б.М.* Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права: Сб. ст. к юбилею *В.С. Ема* / отв. ред. *Е.А. Суханов, Н. В. Козлова*. М.: Статут, 2011. 559 с.

[4] В данном случае имеется в виду дело № А40-124668/17-71-160, более известное как «банкротство Царькова И.И.» Несмотря на то что суд отнес криптовлюту (биткойны) к имуществу должника и включил ее в конкурсную массу, в дальнейшем на практике эта история не имела дальнейшего развития. См.: Определение Арбитражного суда города Москвы от 07.09.2018 г.

[5] *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

[6] *Новоселова Л.А.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 40.

валюты. Криптовалюта может быть предметом относительных правоотношений, в частности предметом возмездного распоряжения. Таким образом, обладатель криптовалюты может осуществлять над ней правовую власть, использовать и отчуждать[1].

В немецкой доктрине криптовалюта иногда сравнивается с виртуальными предметами, которые можно встретить прежде всего в многопользовательских ролевых онлайн-играх[2]. Вместе с тем отождествлять правовые режимы криптовалюты и виртуальных предметов полностью нельзя, так как правовая позиция в отношении виртуальных предметов зависит от относительных правоотношений между игроком и оператором игры[3].

В законопроекте[4] высказано предложение распространить на криптовалюту вещно-правовой режим, что на практике позволит применять нормы о ее добросовестном приобретении. Однако многие авторы выступают против признания абсолютного права на данные вообще и криптовалюту в частности. Абсолютные права существуют преимущественно в отношении вещей, а абсолютное право на данные было бы абсолютным правом на нематериальные объекты. Вещное право, в свою очередь, не рассчитано на нематериальные объекты, так как их защита их должна осуществляться с помощью иных механизмов деликтного права.

В России проблема деликтной защиты криптовалюты не должна стать актуальной, как, например, в Германии, так как отнесение ее к имуществу и наличие принципа генерального деликта решают этот вопрос[5].

Единственный довод в пользу вещно-правового режима криптовалюты – добросовестность ее приобретения. Если третье лицо приобрело криптовалюту, полученную отчуждателем по недействительной сделке, оно не станет ее правообладателем. Изначальный обладатель криптовалюты может требовать признания своего права на нее и «исправления реестра» – передачи ему криптовалюты. Кроме того, это третье лицо не сможет исполнить свое обязательство по отчуждению криптовалюты, так как необходимый правовой титул у него просто отсутствует.

Если допускать добросовестность приобретения криптовалюты, то на нее следует распространить п. 3 ст. 302 ГК РФ, в соответствии с которым деньги, а также ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя, т. е. выбытие криптовалюты из

---

[1] *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

[2] *Bürgerliches Gesetzbuch* § 90 Rn. 100.3.

[3] *Федоров Д. В.* Указ. соч.

[4] Текст законопроекта см.: http//sozd.parlament.gov.ru/bill/424632-7.

[5] *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

«владения» ее обладателя помимо его воли не должно иметь значения[1].

Предлагаемое российским законодателем регулирование не предусматривает защиту добросовестного приобретателя криптовалюты, потребность в которой была обозначена в немецкой доктрине, что позволяет сделать следующие выводы:

1) сложности принудительного перевода криптовалюты являются проблемой технического характера, которая может быть преодолена;

2) по законопроекту «О цифровых финансовых активах» добросовестный приобретатель криптовалюты не получает правового титула на нее, он является лишь ее фактическим обладателем. Иначе говоря, договор купли-продажи криптовалюты не может быть исполнен ее продавцом, так как у него нет правового титула на криптовалюту, и он не может его передать.

3) в случае введения в российское правовое поле конструкции добросовестного приобретения криптовалюты, на соответствующие ситуации необходимо будет распространить по аналогии п. 3 ст. 302 ГК РФ, исключающий истребование вещи от добросовестного приобретателя и в случае, когда вещь «потеряла владельца» помимо его воли.

По мнению отдельных ученых, самая уязвимая часть законопроекта «О цифровых правах» – признание токенов имущественными правами, репрезентирующими иные объекты гражданских прав. Так, Д. В. Федоров полагает, что установление общего правового режима на токены, репрезентирующие объекты гражданских прав, в принципе является догматически спорным и нежелательным. Единственная особенность таких объектов – учет в распределенном реестре. Конструкция «права на право» может иметь некоторое оправдание в особом режиме обращения токенов, отличном от режима обращения репрезентируемых объектов (по сути, такой путь обозначен в законодательстве Республики Беларусь). Однако предлагаемый п. 3 ст. 141 ГК РФ лишает введение объекта «цифровые права» в обращение всякого смысла.

Представляется оптимальным регулировать не токены, а правовые свойства распределенного реестра и правовое значение учета в нем объектов гражданских прав: прежде всего принципа внесения (предусмотрен законопроектом), принципа публичной достоверности (предусмотрен лишь в части). Из невозможности распорядиться токеном без обладания «уникальным доступом» к нему вытекает видимость права и оправданность защиты добросовестного приобретателя токена, в том числе удостоверяющего права требования.

Регулирование токенов – это регулирование учета благ в распределенном реестре и режима их обращения.

В немецкой доктрине нет однозначной позиции о правовой квалификации договора, по которому за криптовалюту приобретается товар, оплачивается услуга. Первая позиция основана на том, что такой договор не может быть договором купли-продажи. Криптовалюта не является деньга-

[1] http: // privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/koncepciya4/

ми, и поэтому ее передача не будет исполнением денежного обязательства покупателя.

Сторонники второй позиции обращают внимание на то, что мена отличается от договора купли-продажи более высокими требованиями к раскрытию информации о предмете обмена и контрагенте. В случае использования криптовалюты необходимость в таком раскрытии так же мала, как и при использовании денег в качестве средства платежа. Соответственно, при квалификации договора купли-продажи с использованием биткойнов можно исходить из того, что обязательство по предоставлению покупной цены может состоять в передаче биткойнов или сравнимой криптовалюты.

Немецкая доктрина в отношении приобретения криптовалюты как исполнения обязательственной сделки исходит из того, что отчуждение вещей происходит с помощью обязательственной и абстрактной распорядительной сделок (§ 929 Германского Гражданского Уложения). Так как криптовалюта не является вещью, это правило к ней неприменимо.

По данному вопросу в немецкой юридической литературе высказано несколько точек зрения.

Первая точка зрения: к криптовалюте будет применим § 413 Германского Гражданского Уложения, в соответствии с которым нормы о переводе обязательственного права требования применимы также к иным правам, если иное не предусмотрено законом. Даже если место криптовалюты в системе объектов гражданских прав сложно определить, в ее отношении всегда должно существовать какое-то «право», чтобы его можно было перевести.

Вторая точка зрения: правила о переводе права к криптовалюте неприменимы, так как криптовалюта не является правом. Сам перевод криптовалюты в этом случае признается реальным актом.

Представляется, что в России в качестве обязательственных сделок по отчуждению токенов и криптовалюты могут выступать любые виды договоров. Самый очевидный вариант – договор купли-продажи, однако п. 4 ст. 454 ГК РФ распространяет положения о купле-продаже только на имущественные права, но не на «иные предметы», как Bürgerliches Gesetzbuch. Криптовалюта же имущественным правом не является[1].

Как верно отмечено Л. А. Новоселовой, квалификация обязательства по уплате криптовалюты в качестве денежного вызывает вопросы о применимости к нему конкретных норм. Например, неясно, могут ли на сумму долга покупателя начисляться проценты за просрочку по ст. 395 ГК РФ, применимы ли к криптовалюте положения о договоре займа?[2]

---

[1] *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

[2] *Новоселова Л.А.* О правовой природе биткойна. С. 10. // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3–15. Ср.: *Савельев А.И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав. С. 148.

По мнению Д. В. Федорова, любопытным является вопрос о допустимости применения к обязательствам по уплате криптовалюты п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, закрепляющего институт судебной неустойки (астрент)[1].

Согласно п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее по тексту – Постановление Пленума ВС РФ № 7) астрент не распространяется на случаи неисполнения денежных обязательств.

Сам астрент является средством побуждения должника к исполнению обязательства, следовательно, в отношении денежного обязательства такое побуждение будет неэффективным или нецелесообразным. Объяснение может состоять в том, что деньги представляют интерес для кредитора не сами по себе, а лишь как средство обмена на иные блага. Такое средство обмена можно извлечь и через обращение взыскания на иное имущество должника, для чего не требуется содействия с его стороны. То есть астрент является оптимальным средством побуждения обладателя криптовалюты к исполнению, так как исполнение обязательства по переводу криптовалюты в натуре зависит во многих случаях как минимум только от воли должника.

Криптовалюта в чистом виде – это платежное средство, не имеющее самостоятельной ценности. Следовательно, интерес кредитора может быть удовлетворен через обращение взыскания на оставшееся имущество должника из расчета стоимости задолженной криптовалюты на момент исчисления убытков. На это можно возразить, что в таком случае в отношении обязательства по передаче родовых вещей, на которые существует устоявшийся рынок, астрент вообще не может быть применен. Это бы противоречило тому, что возможно требовать исполнения такого обязательства в натуре, причем и в отсутствие у должника родовых вещей (п. 23 Постановления Пленума ВС РФ № 7). Однако криптовалюта сама по себе не представляет интерес, в отличие от иных родовых вещей. Она лишь промежуточное средство для достижения конечного результата. Таким промежуточным средством могут быть и деньги, вырученные от реализации имущества должника.

Подводя итог, хочется согласиться с А. В. Савельевым, который указал, что «даже если и представить ситуацию, при которой в России будет принят идеальный закон о криптовалютах, он не сможет существовать изолированно и неизбежно будет встроен в систему существующего правового регулирования»[2].

Сегодня российский законодатель рассматривает криптовалюту в качестве иного имущества, но не отрицает факта, что криптовалюта может стать валютной ценностью, если хотя бы одно государство признает ее в качестве законного платежного средства. Являясь деньгами не в юридическом,

[1] *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта. С. 30–74.

[2] *Савельев А.В.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав. С. 136–153.

а лишь в экономическом смысле, криптовалюта может быть использована в качестве оплаты в гражданско-правовых договорах, однако предложенная квалификация криптовалюты в качестве иного имущества не позволяет сама по себе решить вопросы, связанные с определением правовой природы соответствующих соглашений. Полагаем, что цифровые технологии – это не новый объект прав, а лишь способ их фиксации. Цифровой финансовый актив, будучи предметом сделок, и так выступает в качестве объекта гражданских прав, и нет необходимости закреплять это обстоятельство в законе.

Библиографический список

1. *Белых В.С., Степанченко А.В.* К вопросу о понятии иностранной валюты как объекта гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 5. С. 3–6.

2. *Гонгало Б.М.* Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права: Сб. ст. к юбилею В.С. Ема / отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. 559 с.

3. Гражданское право: учеб. / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юристъ, 2005. Ч. 1. 719 с.

4. *Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., и др.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

5. *Лунц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М., 1999. С. 28.

6. *Новоселова Л.А.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 40.

7. Российское гражданское право: учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1. М.: Статут, 2011. 958 с.

8. *Савельев А.И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

9. *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

10. *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

11. Bürgerliches Gesetzbuch § 90 Rn. 100.3.

УДК 004.9:[347.9:347.254]

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ

В.В. Степанов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
E-mail: vitaliystepanov2017@mail.ru

Аннотация: множественность состава участников материальных отношений по управлению многоквартирным домом обуславливает ряд процессуальных особенностей разрешения судом соответствующей категории споров, в том числе связанных с составом лиц, участвующих в деле, и их извещением. Обеспечение доступности правосудия при их рассмотрении делает целесообразным использование информационных технологий. В связи с этим формулируются предложения об изменении гражданского, жилищного и процессуального законодательства, направленные на применение в указанных целях государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: доступность правосудия, информационные технологии, собственник помещения, многоквартирный дом, судебное извещение, уведомление, государственная информационная система.

PROSPECTS FOR THE INFORMATION TECHNOLOGIES IN PROVIDING ACCESSIBILITY OF LEGAL JUSTICE IN PROCEEDINGS OF PROTECTION OF RIGHTS AND LAWFUL INTERESTS OF THE PROPERTY OWNERS IN A BLOCK OF FLATS

V.V. Stepanov,
Perm State University
15, Bukirev st., Perm, Russia, 614990
E-mail: vitaliystepanov2017@mail.ru

Annotation: a great number of the participants being involved into the financial relations in managing a block of flats determine some procedural features in solving the disputes by courts, including the disputes concerning the stakeholders and their notification. In this case accessibility of legal justice could be maintained by information technologies. Therefore, the proposals concerning the changes in the civil, housing, and procedural legislation aimed to apply the state public information system of the housing and utility infrastructure are being prepared.

Key words: accessibility of legal justice, information technologies, a property owner, a block of flats, a court notice, a notification, a public information system.

Система правоотношений по управлению многоквартирным домом включает в себя вещные, организационные и обязательственные отношения с участием собственников помещений в доме. Кроме того, участниками системы являются управляющие многоквартирным домом лица, а также потребители жилищно-коммунальных услуг. Ясно, что объективно обусловленная множественность лиц в указанных материальных регулятивных правоотношениях может отражаться на составе участников процессуальных отношений по рассмотрению судами дел о защите прав и законных интересов собственников помещений в многоквартирном доме.

Согласно ч. 1 ст. 43 ГПК РФ, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции судебного постановления по делу, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда. Аналогичная норма содержится в ч. 1 ст. 51 АПК РФ.

В силу ст. 42 АПК РФ, лица, не участвовавшие в деле, о правах и об обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт, вправе обжаловать этот судебный акт, а также оспорить его в порядке надзора по правилам, установленным АПК РФ. Такие лица пользуются правами и несут обязанности лиц, участвующих в деле. Соответствующими правами указанных лиц наделяют и положения ч. 3 ст. 320, ч. 1 ст. 376, ч. 1 ст. 391.1 ГПК РФ. При этом в п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ закреплено положение о том, что основанием для отмены решения суда первой инстанции в апелляционном порядке в любом случае является принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле. Аналогичные нормы применительно к апелляционному и кассационному порядку обжалования судебных актов закреплены в п. 4 ч. 4 ст. 270 и п. 4 ч. 4 ст. 288 АПК РФ.

Так, например, в случае обращения в суд одного из собственников помещений в многоквартирном доме или какой-то группы собственников с иском о признании права общей долевой собственности или возложении обязанности по проведению капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме возникает вопрос о необходимости привлечения к участию в деле иных собственников помещений в этом доме.

С одной стороны, дело в том, что на их права и обязанности как участников спорного правоотношения судебный акт по делу влияет непосредственно. Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в п. 23 Постановления от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», в случае предъявления иска не всеми лицами, которым принадлежит оспариваемое право, судья не вправе привлечь таких лиц к участию в деле в качестве соистцов без их согласия, поскольку, в соответствии с принципом диспозитивности, лицо, которому принадлежит право требования, распоряжается своими правами по своему усмотрению. Судья должен известить таких лиц об имеющемся в суде деле. В Постановлении от 15 декабря 2009 г. по делу № 12537/09 Президиум ВАС РФ сформулировал позицию о том, что, предъявляя в арбитражный суд иск о признании права общей долевой собственности, товарищество не может иметь самостоятельного экономического интереса, отличного от интересов его членов, оно уполномочено действовать лишь в интересах собственников помещений в доме, которые и являются материальными истцами по делу[1].

Однако судебная практика, как правило, не идет по пути привлечения к участию в деле всех собственников помещений в многоквартирном доме при заявлении требований, касающихся вопросов общей собственности и других вопросов управления многоквартирным домом, одним из них или управляющей организацией[2].

С другой стороны, непривлечение участников материального правоотношения к участию в соответствующем деле и невозможность лишения кого-либо права на судебную защиту оставляет возможность повторного и даже многократного рассмотрения спора относительно одного и того же вопроса. Так, например, трижды рассматривалось дело о признании права общей долевой собственности собственников помещений в многоквартирном доме по адресу: г. Пермь, Комсомольский проспект, 71, на подвальные помещения. Сначала спор был рассмотрен в арбитражном суде по иску товарищества собственников жилья. В иске было отказано[3]. В дальнейшем разный состав собственников помещений в многоквартирном доме дважды предъявлял иски в отношении помещений, статус которых ранее устанавливался

[1] URL: http://ras.arbitr.ru. См. также, например: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2010 г. по делу № А50-35401/2009. URL: http://ras.arbitr.ru.

[2] См., например: судебные акты по арбитражным делам № А50-16140/2007, № А50-12735/2012, А50-20032/2016. URL: http://ras.arbitr.ru; апелляционное определение Пермского краевого суда от 26 дек. 2012 г. по делу № 33-11742/2012. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru.

[3] См. судебные акты по арбитражному делу № А50-16140/2007. URL: http://ras.arbitr.ru.

арбитражным судом, в Свердловский районный суд г. Перми. В результате на часть подвальных помещений право общей долевой собственности собственников помещений в многоквартирном доме было признано[1]. Аналогичная ситуация сложилась и в других случаях[2].

Очевидно, что такой подход не является оптимальным и соответствующим принципу процессуальной экономии, эффективности судопроизводства и в определенной степени угрожает стабильности гражданского оборота. В то же время нужно учитывать принцип процессуальной экономии и с точки зрения усложнения судебной процедуры как для лиц, заинтересованных в рассмотрении спора в суде и выразивших соответствующее волеизъявление, так и для суда, разрешающего спор. Кроме того, важно иметь в виду то обстоятельство, что состав собственников помещений в многоквартирном доме (особенно большом) является вполне определенным лишь в конкретный момент времени, а применительно к периоду рассмотрения дела в суде может измениться не один раз. Привлечение к участию в деле лиц, незаинтересованных в участии в нем, может создать и некоторые сложности в плане их извещения, что также способно повлечь затягивание производства, а также вести к возникновению дополнительных оснований для отмены судебного акта[3].

Гражданское и процессуальное законодательство располагают несколькими институтами, благодаря которым в различных ситуациях возможно оптимизировать правоприменительный процесс при соблюдении права на судебную защиту. В частности, направлена на решение обозначенной проблемы новелла гражданского законодательства об уведомлении участников правоотношения о намерении инициировать соответствующее судебное рассмотрение.

В соответствии с п. 6 ст. 181.4 ГК РФ[4], лицо, оспаривающее решение собрания, должно уведомить в письменной форме заблаговременно участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу. Участники соответствующего гражданско-правового сообщества, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к такому иску, в том числе имеющие иные основания для оспаривания данного решения, в последующем не вправе обращаться в суд с

---

[1] См.: кассационное определение Пермского краевого суда от 30 янв. 2012 г. по делу № 33-973/2012; апелляционное определение Пермского краевого суда от 14 марта 2012 г. по делу № 33-2005/2012. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru.

[2] См., например: судебные акты по арбитражному делу № А50-8963/2007. URL: http://ras.arbitr.ru; кассационное определение Пермского краевого суда от 21 февр. 2011 г. по делу № 33-1620/2011. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru.

[3] См., например: п. 2 ч. 4 ст. 270 АПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ.

[4] О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // http://pravo.gov.ru/

требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

При этом важные разъяснения относительно указанного положения нашли отражение в п. 114-118 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Во-первых, норма п. 6 ст. 181.4 ГК РФ по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ) применяется и к ситуациям оспаривания решения собрания по основаниям ничтожности.

Во-вторых, согласно п. 115 Постановления, установленное п. 6 ст. 181.4 ГК РФ правило о заблаговременном уведомлении участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с иском в суд не является досудебным порядком урегулирования спора, в связи с чем в случае невыполнения истцом указанных требований суд не вправе возвратить исковое заявление на основании п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, а также оставить исковое заявление без рассмотрения на основании абз. 2 ст. 222 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ. В силу ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, ч. 1 ст. 128 АПК РФ, отсутствие доказательств об уведомлении других участников является основанием для оставления искового заявления без движения.

В-третьих, в соответствии с п. 117 Постановления, до момента вынесения решения участники гражданско-правового сообщества вправе присоединиться к иску об оспаривании решения собрания. Неприсоединившиеся участники утрачивают право на обращение в суд с исками о признании недействительным оспоренного ранее решения, в том числе заявленными по другим основаниям, за исключением случаев, когда суд признает причины такого неприсоединения уважительными. При обращении неприсоединившегося участника с самостоятельным иском суд, учитывая необходимость установления причин неприсоединения участника к первоначальному иску, не вправе отказать в принятии заявления неприсоединившегося участника. К числу уважительных причин неприсоединения к иску может быть отнесено неуведомление такого участника о первоначальном иске в порядке, установленном п. 6 ст. 181.4 ГК РФ. Аналогичные правила применяются к рассмотрению исков о признании недействительными ничтожных решений собраний.

В-четвертых, в п. 118 Постановления отмечается, что участники, голосовавшие за принятие решения, могут вступить в дело в качестве третьих лиц без самостоятельных требований на стороне ответчика[1].

[1] *В.А. Мосин* справедливо поднял проблему соотношения институтов обжалования решений собраний участников гражданско-правовых сообществ, процессуального соучастия и группового иска. Действительно, положения об особенностях обжалования решений собраний гражданско-правовых сообществ должны иметь четкое отражение в нормах процессуального законодательства. Ученый верно определил процессуальные институты, способные стать базой для реализации указанной цели в процессе совершенствования гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства. См.: *Мосин В.А.* Соотношение правового института обжалования решений собраний участников гражданско-правовых сообществ с институтами процессуального соучастия и группового иска // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 7. С. 23–28.

Следует заметить, что параллельно на протяжении последних лет государство предпринимает попытки создания в сфере управления многоквартирными домами информационной системы, направленной на максимальное раскрытие необходимой информации для участников соответствующих отношений. Указанные усилия привели к появлению государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства[1] (далее – ГИС ЖКХ). Так, в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства», государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства – единая федеральная централизованная информационная система, функционирующая на основе программных, технических средств и информационных технологий, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, предоставление, размещение и использование информации о жилищном фонде, стоимости и перечне услуг по управлению общим имуществом в многоквартирных домах, работах по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах, предоставлении коммунальных услуг и поставках ресурсов, необходимых для предоставления коммунальных услуг, размере платы за жилое помещение и коммунальные услуги, задолженности по указанной плате, об объектах коммунальной и инженерной инфраструктур, а также иной информации, связанной с жилищно-коммунальным хозяйством.

Полагаем, что с учетом стоящих перед указанной системой задач она может быть использована для информирования собственников помещений в многоквартирном доме о судебных делах, связанных с управлением домом, в целях обеспечения им возможности принять участие в таких делах в случаях, когда судебным актом могут быть затронуты их права и обязанности. Для реализации указанного предложения необходимо определить, прежде всего, основания размещения информации в ГИС ЖКХ, субъектов, которым соответствующие действия будут вменены в обязанность, а также перечень размещаемых сведений.

Основанием для размещения в ГИС ЖКХ сведений о судебном деле применительно к конкретному объекту жилищного фонда, как представляется, должно являться рассмотрение судом гражданского или арбитражного дела в рамках искового производства по спорам, связанным с управлением таким домом, с участием в качестве истца или ответчика собственника помещения в многоквартирном доме или управляющего домом лица, в том числе:

---

[1] URL: https://dom.gosuslugi.ru. См. подробнее, например: *Олейник Е.В.* Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства: изменения в законодательстве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 28–31; *Амелин Р.В.* Правовые отношения в сфере создания и использования государственных информационных систем // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 32–49.

- о праве общей долевой собственности на общее имущество дома;
- об оспаривании решений общих собраний собственников помещений в доме, членов товарищества собственников жилья, жилищного или жилищно-строительного кооператива;
- о качестве жилищно-коммунальных ресурсов (услуг);
- о стоимости жилищно-коммунальных ресурсов (услуг);
- о стоимости или качестве ремонта общего имущества дома;
- о возмещении вреда, причиненного общему имуществу дома.

По общему правилу, субъектами, обязанными разместить информацию о судебном деле в ГИС ЖКХ, должны стать суды общей юрисдикции и арбитражные суды. При этом такие действия могут быть синхронизированы с процессом размещения информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и происходить в полуавтоматическом режиме.

Представляется, что размещению в ГИС ЖКХ должно подлежать определение о принятии искового заявления к производству, а также само исковое заявление. Указанные документы позволят потенциальному участнику процесса сделать вывод о необходимости присоединения к нему в том или ином статусе.

Реализация указанных предложений потребует внесения следующих изменений в действующее законодательство.

В ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ необходимо указать на дополнительный вид информации, размещаемой в ГИС ЖКХ: «информация о судебных делах, рассматриваемых в рамках искового производства по спорам, связанным с управлением многоквартирным домом, с участием в качестве истца или ответчика собственника помещения в многоквартирном доме или управляющей организации». В ст. 7 закона следует предусмотреть обязанность судов общей юрисдикции и арбитражных судов по размещению в системе указанной информации.

Пункт 6 ст. 181.4 ГК РФ необходимо дополнить предложением о том, что лицо, оспаривающее решение собрания собственников помещений в многоквартирном доме, членов товарищества собственников жилья, жилищного или жилищно-строительного кооператива, может исполнить обязанность по уведомлению участников соответствующего гражданско-правового сообщества о намерении обратиться с иском в суд и предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу, посредством размещения указанной информации в ГИС ЖКХ. Со временем такой способ уведомления можно сделать единственно возможным для указанных случаев.

3. В ст. 113 ГПК РФ и ст. 121 АПК РФ следует включить части, содержащие положения следующего содержания: «При рассмотрении судом дела в рамках искового производства по спорам, связанным с управлением многоквартирным домом, с участием в качестве истца или ответчика соб-

ственника помещения в таком доме или управляющего домом лица, в том числе по спорам о праве общей долевой собственности на общее имущество дома, об оспаривании решений общих собраний собственников помещений в доме, членов товарищества собственников жилья, жилищного или жилищно-строительного кооператива, о качестве жилищно-коммунальных ресурсов (услуг), о стоимости жилищно-коммунальных ресурсов (услуг), о стоимости или качестве ремонта общего имущества дома, о возмещении вреда, причиненного общему имуществу дома, в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства применительно к информации о соответствующем объекте жилищного фонда подлежит размещению определение о принятии искового заявления к производству, а также исковое заявление в электронном виде». В будущем (после формирования устойчивой практики применения указанных новых положений закона) в процессуальном законодательстве может найти отражение запрет, аналогичный содержащемуся в п. 6 ст. 181.4 ГК РФ, который бы препятствовал участникам соответствующего гражданско-правового сообщества, не присоединившимся к иску, обращаться в суд с тождественными требованиями по тождественным основаниям.

Полагаем, что реализация указанных предложений позволит снизить риски множественности исков, повысить экономичность процедуры извещения потенциальных участников судебного дела, а также доступность правосудия, как для сторон спора, так и для лиц, на права и обязанности которых судебный акт может повлиять.

Библиографический список:

1. *Амелин Р.В.* Правовые отношения в сфере создания и использования государственных информационных систем // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 32–49.

2. *Мосин В.А.* Соотношение правового института обжалования решений собраний участников гражданско-правовых сообществ с институтами процессуального соучастия и группового иска // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 7. С. 23–28.

3. *Олейник Е.В.* Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства: изменения в законодательстве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 28–31.

УДК 347.214.13

ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Р.В. Чикулаев,
гандидат экономических наук,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, Пермь. ул. Букирева, 15
E-mail: profur1@ngs.ru

Аннотация: в статье анализируются основные проблемы юридической конструкции финансовых инструментов в цифровом формате. Рассматриваются история и тенденции развития законодательства об электронном обороте несертифицированных ценных бумаг и иных инструментов в России и других странах мира. Раскрываются противоречия между базовыми нормами гражданского законодательства о ценных бумагах и специальными нормами об электронных финансовых инструментах. Выдвигаются гипотезы о направлениях развития права и законодательства об электронном обороте цифровизированных инструментов.

Ключевые слова: ценные бумаги, электронные финансовые инструменты, закладная, компьютеризация, информация.

THE ISSUES OF ELECTRONIC FINANCIAL INSTRUMENTS

R.V. Chikulaev,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: profur1@ngs.ru

Annotation: the article analyzes the main problems of legal construction of financial instruments in digital format. The history and trends of legislation development on electronic turn of non-certified securities and other instruments in Russia and other countries are considered. Contradictions between basic norms of civil legislation on securities and special norms on electronic financial instruments are revealed. Hypotheses are put forward on the directions of law and legislation on electronic circulation of digitalized instruments development.

Key words: securities, electronic financial instruments, mortgage, computerization, information.

Выдвинем гипотезу, согласно которой развитие компьютерной техники и информатики, влекущее всеобщую трансформацию информационных массивов в цифровой формат, имеет результатом качественное преобразование экономической и социальной среды обитания человека. Такой результат можно наблюдать в довольно широких временных рамках второй половины XX в. – начала XXI в. При этом сам процесс компьютерной (цифровой) обработки информации имеет начало в первой половине XX в. и продолжает развиваться, его современные результаты не являются конечными, имеют характер промежуточных.

Приблизительно в обозначенном выше временном промежутке наблюдается качественное развитие оборота финансовых инструментов в основных мировых экономиках. В зависимости от особенностей национальных экономических и правовых систем, понятие финансового инструмента либо включает в себя ценные бумаги, наряду с иными оборотоспособными объектами прав, либо отождествляется с ценными бумагами, в том числе эти понятия могут применяться альтернативно. В частности, российское законодательство на протяжении всей истории своего развития признавало существование понятия лишь ценной бумаги. Однако в 2007 г. в законе[1] впервые появилось упоминание термина «финансовый инструмент», под которым подразумевались некие «имущественные права», а в 2009 г. впервые была закреплена[2] легальная дефиниция финансового инструмента, сконструированная по дихотомическому принципу, включающая два необходимых и достаточных, хотя и весьма различных по объему элемента: ценные бумаги и производные финансовые инструменты (представляющие собой особый тип договора).

По нашему мнению, процессы развития компьютерной информатизации и оборота финансовых инструментов протекают параллельно, во взаимном влиянии. Сама природа финансового инструмента, в том числе ценной бумаги, служит примером высокой степени абстракции, требующей отделения внешней формы, оболочки, каковой служит юридическая конструкция финансового инструмента, от его субстрата, то есть совокупности прав и обязанностей, оформленных и закрепленных в финансовом инструменте. Такая абстракция становится возможной лишь при достижении высокого уровня развития экономической и юридической мысли.

---

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 06.12.2007 № 334-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6247.

[2] О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25.11.2009 № 281-ФЗ // Российская газета. 2010 г. № 5375.

Цифровая обработка информации с использованием электронных вычислительных систем также появляется в мире, лишь когда уже достигнут необходимый уровень науки и техники. Тем самым гражданский оборот финансовых инструментов, представляющий собой юридически регламентированную группу финансово-экономических процессов и явлений по созданию, товарно-денежному обмену и прекращению финансовых инструментов, находится в объективной взаимосвязи с процессами глобальной компьютеризации и информационной цифровизации.

Финансовый инструмент как таковой, в том числе существующий в «образе» ценной бумаги, возник благодаря абстрагированному отделению гражданского обязательства конкретного субъекта от самого носителя-субъекта, с возможностью передачи обязательства перед любым управомоченным лицом в отрыве от воли первоначально правообязанного лица. По существу, финансовый инструмент стал средством обеспечения свободного движения конгломерата гражданских прав и корреспондирующих им обязанностей в пространстве и времени. Как правило, само физическое создание финансового инструмента, расчеты объемов связанных с ним финансовых обязательств, учет всей массы выпущенных инструментов требуют применения арифметических, математических и иных расчетно-логических методов той или иной степени сложности, предполагающих цифровую обработку информации. По мере мультиплицированного роста суммированного денежного выражения финансовых инструментов, увеличения их физического количества в обороте, умножения числа субъектов, выпустивших финансовые инструменты и субъектов-владельцев, объективируется невозможность ведения учета прав на финансовые инструменты без применения компьютерной техники.

Несмотря на то что финансовые инструменты в наиболее близком к современному виде появились за два-три столетия до изобретения электронной вычислительной техники, этот временной разрыв не представляется критичным в исторических масштабах. Современные акции и облигации, а также некоторые иные инструменты банковского, расчетного характера (к примеру, чеки), изначально существовали в бумажном виде, однако требовали своего цифрового учета, который первоначально осуществлялся в реестровых книгах, иных записях, защищенных от случайной потери методами копирования, двойной административной или бухгалтерской записи и т. п. Так, еще в допетровской Руси применялись методы фиксации прав по заемным обязательствам, выраженным в грамотах, кабалах, крепостях путем их регистрации в государственном приказе или другом ведомстве[1], а также путем составления и отдельного хранения копии [2].

[1] *Неволин К.* История российских гражданских законов. Том второй. Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. СПб: Тип. Императорской Акад. наук, 1851.

[2] *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб, 1999. 639 с.

По мере развития системы учета ценных бумаг в Европе и расширения оборота финансовых инструментов как продукта трансформации ценных бумаг в Англии и Америке возникла принципиальная возможность отказа от бумажной формы таких инструментов с фиксацией прав и обязанностей лишь в реестрах. Побудительным мотивом для отказа от бумажной формы послужили мировые «бумажные кризисы», проявившиеся в дефиците и резком удорожании бумаги как таковой. Наиболее существенными стали кризисы конца 1960-х – начала 1970-х гг., в результате которых проявились не только чрезмерная дороговизна бумажного оформления финансовых инструментов, но и крайнее неудобство физического оперирования с ними в крупных объемах, что также несло риски хищений, утери, порчи, иной утраты ценных бумаг, являвшихся бумагами в прямом смысле. Внедрение принципов реестрового учета, в том числе выдача свидетельств на определенное количество финансовых инструментов, находящихся на хранении, сверка и погашение взаимных обязательств без физического перемещения бумажных носителей, имевшее место по мере зарождения и развития депозитарной и клиринговой деятельности, решало возникшие проблемы лишь частично.

Единственно эффективным средством преодоления неудобств, связанных с физическим движением бумажных финансовых инструментов, могла стать лишь компьютеризированная обработка информации о закрепленных правах и обязанностя. Одновременно цифровизация такой информации привела к новому интегративному результату, а именно не только к облегчению и удешевлению транзакционной деятельности на фондовом рынке, но и к существенному росту капитализации, скачкообразному росту объемов выпуска и оборота, а также расширению видового многообразия фондовых ценностей.

Развитие компьютерной техники, подобно развитию оборота финансовых инструментов, происходит стадийно, результаты каждой стадии развития этих двух явлений находятся во взаимном влиянии. Появление ЭВМ первого поколения (до 50-х гг. XX в.), основанных на электронно-ламповых технологиях, не оказало значительного влияния на оборот финансовых инструментов. Второе поколение ЭВМ (50-60-е гг. XX в.), построенных на транзисторных (полупроводниковых) технологиях, позволило поставить вопрос о применении таких устройств для учета информации при торговле ценными бумагами. Так на фондовых биржах США значительные массивы информации о финансовых инструментах стали заноситься в память электронных устройств с помощью перфокарт. Третье поколение компьютерной техники (до 70-х гг. XX в.), основанной на интегральных микросхемах, позволило широко использовать более компактные и дешевые электронные вычислительные машины, в том числе отдельными частными операторами фондовых рынков. Четвертое и пятое поколение ЭВМ (с 80-х гг. XX в.), ос-

нованное на микропроцессорах, разработка микроЭВМ обеспечило современную инфраструктуру оборота финансовых инструментов, для которой характерно повсеместное использование персональных компьютеров как частными, так и институциональными субъектами. Теоретические и практические разработки, сыгравшие ведущую роль в этом процессе, принадлежат выдающимся исследователям, как зарубежным (К. Цузе, Дж. Фон Нейман, Б. Гейтс, С. Джобс, Н. Винер), так и отечественным (С. Лебедев, Ю. Базилевский, И. Брук,). Признаваемый родоначальником кибернетики Н. Винер обосновал теории соотношения машин и человека в управлении, в том числе способность машин к самовоспроизведению, самораспространению, объединению в сети[1]. Материально-технической базой развития компьютерных систем на рубеже XX-XXI вв. стало создание высокопроизводительных, главным образом персональных, ЭВМ и их технологической основы (процессоры, конфигурация, программное обеспечение) такими основными разработчиками, как IBM, INTEL, APPLE, MICROSOFT. Наконец, особым этапом развития мировых и национальных фондовых рынков стало создание (с конца 1960-х гг.) глобальной сети Интернет, оказавшей непосредственное влияние на оборот финансовых инструментов уже к 90-м гг. XX в.

Интенсивное развитие компьютерных и электронно-сетевых технологий в период 1990-2000-х гг. обусловило модернизацию законодательства о финансовых рынках практически всех развитых стран. Основным трендом стало формирование комплексов специальных норм, регулирующих совершение операций с финансовыми инструментами в электронно-цифровой форме при помощи ЭВМ. В том числе в Европейском союзе была пересмотрена основная Директива ЕС «Об инвестиционных услугах в сфере ценных бумаг»[2], что потребовало принятие новой Директивы ЕС от 21 апреля 2004 г. № 2004/39/ЕС «О рынке финансовых инструментов».[3] К настоящему моменту принята новая Директива ЕС № 2014/65/EU «О рынках финансовых инструментов с поправками...»[4], содержащая целую группу норм об электронном доступе к торгам на финансовых рынках. В Великобритании действовали Правила о несертифицированных ценных бумагах от 1995 г., впоследствии обновленные в 2001 г.[5], служащие основным актом регулирования оборота финансовых инструментов (с подразделением на акции и прочие инструменты) в безбумажной (электронной) форме. В США Уни-

[1] *Винер. Н.* Кибернетика. М.: Наука. 1983. 344 с.

[2] Об инвестиционных услугах в сфере ценных бумаг: Директива Совета Европейского Союза от 10 мая 1993 г. № 93/22/ЕС. http://www.ec.europa.eu/.

[3] О рынке финансовых инструментов: Директива Европейского Парламента Совета Европейского Союза от 21 апреля 2004 г. № 2004/39/ЕС. http://www.ec.europa.eu/.

[4] О рынках финансовых инструментов с поправками к Директиве 2002/92/ЕС и Директиве 2011/61/EU: Директива Европейского Парламента Совета Европейского Союза от 15 мая 2014 г. № 2014/65/ EU // Официальный вестник Европейского Союза. 2014, 12 июня.

[5] The Uncertificated Securities Regulations. 2001. http://www.gov.uk.

фицированный коммерческий кодекс (также называемый Единообразным торговым кодексом)[1] еще в редакции от 1977 в статье 8-106 предусмотрел возможность выпуска «недокументированных» ценных бумаг.

В России с 1993-1996 гг. законодательство о ценных бумагах стало формироваться заново в связи с переходом к рыночной модели экономики. Именно с указанного периода времени развитие компьютерных информационных систем стало оказывать существенное влияние как на динамику отечественного рынка ценных бумаг, так и на содержание регулирующей его нормативной базы. Этот же период времени совпал с наиболее динамичным развитием пятого поколения электронной вычислительной техники в мире, причем такая техника оказалась в полной мере вовлеченной в формирование отечественной инфраструктуры финансовых рынков в силу принципов свободы внешнеэкономической деятельности, открытости для новых идей и технологий.

Нормативно-правовая база середины 1990-х гг. строилась на довольно примитивных методах регулирования финансовых рынков, которые, однако, получили свое развитие в законодательстве будущих периодов. Основными юридическими задачами, которые должны были решаться с помощью электронных систем обработки информации, были:

во-первых, реестровый учет владельцев ценных бумаг и юридических параметров самих ценных бумаг, прежде всего акций и облигаций, объем выпуска которых нарастал многократно («задача эмитента»);

во-вторых, внутренний учет количества и видовой номенклатуры различных финансовых инструментов, находившихся во владении частных, в т.ч. институциональных инвесторов, с подзадачей обязательной регистрации сделок с такими инструментами, на тот момент предусмотренной нормативно («задача инвестора»);

в-третьих, учет перехода прав на финансовые инструменты в чрезвычайно больших объемах в единицу времени, что было характерно ввиду активного развития биржевой фондовой торговли («задача депозитария»);

в-четвертых, обеспечение непосредственного совершения сделок с финансовыми инструментами в условиях значительного числа субъектов, выступающих на стороне продавца и покупателя, большого разнообразия фондовых ценностей как предмета сделок, формирования торговых систем («задача биржи»).

Вышеуказанные задачи стали основными ориентирами для применения электронных средств обработки и хранения информации о финансовых инструментах с первой половины 1990-х гг. и по настоящее время. Относительно короткий исторический период компьютеризации российского рынка ценных бумаг можно условно подразделить на такие основные этапы.

[1] The Uniform Commercial Code. 2004. http: // www.gpoaccess.gov.

1) Начало 1990-х гг. – середина 1990-х гг.: внедрение ЭВМ в деятельность индивидуальных субъектов финансовых рынков, обособленное хранение и ограниченная обработка информации.

2) Середина 1990-х гг. – вторая половина 1990-х гг.: системное повсеместное использование персональных ЭВМ институциональными участниками рынка ценных бумаг, появление локальных информационных систем, дублирование устного совершения сделок электронными сигналами при организованной торговле, копирование и постепенное замещение бумажных реестров электронными.

3) Вторая половина 1990-х гг. – начало 2000-х гг.: компьютеризация всех основных фондовых операций на уровне как институциональных инвесторов, так и субъектов организованной, в т.ч. биржевой торговли, электронный учет прав на финансовые инструменты эмитентами, регистраторами, депозитариями, электронный клиринг и неттинг, преимущественное использование электронных каналов связи для передачи информации между субъектами финансовых рынков.

4) Начало 2000-х гг. – вторая половина 2000-х гг.: полная и в ряде случаев нормативно закрепленная компьютеризация всех процессов и отношений, связанных с оборотом финансовых инструментов, повсеместное использование всеми субъектами, в том числе частными, сети Интернет для обмена информацией.

5) Со второй половины 2000-х гг. до н.в.: формирование принципиально новых типов отношений и финансовых инструментов, предполагающих существование исключительно в цифровой форме, невозможность внекомпьютеризированной обработки информации, специальное нормативное регулирование, превалирующее использование интернет-технологий с тенденцией замещения реальных объектов и субъектов их виртуальными (существующими исключительно в цифровом формате в памяти электронной техники) образами.

В аспекте вышесказанного объективным можно признать формирование системы специальных законодательных норм, определяющих порядок выпуска и обращения финансовых инструментов исключительно в электронной (компьютеризированной) форме. Так, первый российский нормативный правовой акт о финансовых инструментах – Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР – в пункте 1 предусматривал, что ценные бумаги могут существовать в форме обособленных документов или записей на счетах[1]. Указанная норма по своему смыслу не предполагала обязательного ведения такого рода «счетов» именно компьютеризированным методом, очевидно допуская применение бумажных регистров, однако с учетом повсеместного внедрения компью-

[1] Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР: Постановление Правительства РСФСР от 28 дек. 1991 г. № 78.

терной техники в тот период вполне допускала цифровой формат таких «записей на счетах». Отметим, что более ранний правовой акт — Постановление Совмина СССР «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг»[1] – в пункте 5 устанавливал обязательное изготовление «акций предприятий и организаций» лишь в бумажной форме на специальных бланках Гознака. В свою очередь, пунктом 46 российского Положения об акционерных обществах было установлено, что акционерное «общество может выпускать только именные акции, то есть держатели акций регистрируются в специальном реестре, который ведется в обществе»[2]. В противоречие с вышеуказанными нормами вступали положения Главы 4 Основ гражданского законодательства ССР и республик, предусматривающих лишь бумажную форму любых ценных бумаг, а также допускающие существование предъявительских акций[3].

Первое упоминание о цифровом формате финансовых инструментов можно найти уже в первоначальной редакции Части Первой ГК РФ, статья 142 которого установила возможность закрепления прав по ценной бумаге в «в специальном реестре (обычном или компьютеризованном)».[4] Тем самым авторы первого кодифицированного гражданского закона современной России еще в первой половине 1990-х гг. дальновидно предусмотрели перспективы развития законодательства об обороте финансовых инструментов, на тот момент представленных, однако, лишь «классическими» ценными бумагами. Также в статье 149 ГК РФ раскрывалось существо особой бездокументарной формы ценных бумаг, определенной как фиксация прав «(с помощью средств электронно-вычислительной техники и т.п.).» В контексте данной нормы применение средств ЭВТ следует признать приоритетным, а уточнение «и т.п.» либо проявлением юридической неточности, либо еще допускаемым законодателем на тот момент учетом прав в бумажных реестровых книгах, что привело бы к некоторому парадоксу существования бездокументарных ценных бумаг, учитываемых на бумажных носителях.

Положивший начало современному этапу правового регулирования финансовых рынков Закон о рынке ценных бумаг в статье 8 своей первоначальной редакции предусматривал лишь единственный случай использования электронной базы данных, обеспечивающих идентификацию зарегистрированных в системе ведения реестра владельцев ценных бумаг

[1] О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг: Постановление Совета Министров СССР от 15 окт. 1988 г.

[2] Об утверждении Положения об акционерных обществах: Постановление Совета министров РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 601.

[3] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: Постановление Верховн. Совета СССР от 31 мая 1991 г. № 2211-1.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. Часть I // СЗ РФ.1994. № 32. Ст. 3301.

номинальных держателей и владельцев ценных бумаг, а также учет их прав в отношении ценных бумаг[1]. К настоящему моменту указанный закон, а также целый ряд иных законов и актов Банка России содержат обширную систему норм, так или иначе определяющих электронно-цифровую форму финансовых инструментов и использование средств электронно-вычислительной техники в процессе их гражданского оборота. В том числе Закон о рынке ценных бумаг определяет такие основные отношения как:

- обязательное условие об электронном адресе форекс-дилера в сети Интернет,
- условие и порядок аккредитации в Банке России программ для ЭВМ, в случае их использования инвестиционным советником при выдаче индивидуальных инвестиционных рекомендаций,
- обязательность электронной формы обмена информацией при взаимодействии регистратора и трансферт-агента,
- обязательность использования электронных документов при предоставлении информации о списке владельцев ценных бумаг номинальными держателями, в том числе иностранными, депозитариям и лицам, осуществляющим обязательное централизованное хранение ценных бумаг,
- обязательность использования электронных документов при направлении сообщений о волеизъявлении владельца ценных бумаг в адрес держателя реестра или лица, осуществляющего обязательное централизованное хранение ценных бумаг,
- обязательность использования электронных документов при передаче установленных информации, материалов, сообщений, затрагивающих интересы владельца ценных бумаг, между держателем реестра и номинальным держателем, которому открыт лицевой счет, а также при электронном взаимодействии с центральным депозитарием,
- обязательное указание на порядок направления клиентами репозитария информации в репозитарий, в том числе формы и форматы сообщений в электронной форме,
- обязанность репозитария обеспечивать сохранность электронной подписи в течение срока действия договора об оказании репозитарных услуг и на протяжении не менее пяти лет с момента истечения срока действия договора,
- обязанность направления материалов к общему собранию владельцев именных облигаций или облигаций с обязательным централизованным хранением регистратору или депозитарию, осуществляющему обязательное централизованное хранение облигаций, в форме электронных документов, подписанных электронной подписью,

[1] «О рынке ценных бумаг»: Федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

- обязанность предоставления информации в установленном объеме центральному депозитарию в электронной форме (в форме электронного документа),
- обязанность профессиональных участников рынка ценных бумаг обеспечить возможность взаимного обмена с Банком России электронными документами в установленном порядке[1],
- право Банка России устанавливать требования к программно-техническим средствам профессиональных участников рынка ценных бумаг, включая форматы информации в электронном виде, применяемые при раскрытии информации, в том числе информации о ценных бумагах и о производных финансовых инструментах, требования к программам для электронных вычислительных машин, используемым для оказания услуг по инвестиционному консультированию,
- условие о соблюдении письменной формы согласия лица, в пользу которого установлено обременение ценных бумаг, если оно предоставлено держателю реестра или депозитарию в форме электронного сообщения, подписанного электронной подписью (квалифицированной, простой или неквалифицированной сообразно ситуации и условиям соглашения).

Серьезной новеллой, оказавшей влияние на гражданский оборот как финансовых инструментов, так и иных объектов прав, стала норма закона[2] о внесении дополнений в статью 434 ГК РФ, по существу, установившая легальную дефиницию электронного документа, вопрос о нормативном значении которого долгое время оставался дискуссионным. Так, электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту. Данная норма расширила объем понятия электронного документа и сферу его применения в гражданском обороте, тем самым предъявляя более строгие требования к соблюдению юридико-технических правил участниками оборота при совершении гражданско-правовых сделок, в том числе операций с финансовыми инструментами. Следует, однако, учитывать, что в силу статьи 6 Закона об электронной подписи[3], содержание понятия электронного документа определяется несколько по-иному, а именно (в зависимости от ситуации) как информация в электронной форме, подписанная квалифицированной, либо неквалифицированной, либо простой электронной подписью.

---

[1] О порядке взаимодействия Банка России с кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями и другими участниками информационного обмена при использовании ими информационных ресурсов Банка России, в том числе личного кабинета: Указание Банка России от 03 нояб. 2017 № 4600-У.

[2] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Российская газета. 2015 г. № 6623.

[3] «Об электронной подписи»: Федер. закон Рос. Федерации от 06 апр. 2011 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

Иные многочисленные нормы права, затрагивающие электронно-цифровую форму финансовых инструментов, закреплены другими актами законодательства. В частности, специальные нормы, касающиеся противодействия легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма, закрепленные как в законе[1], так и в подзаконных актах, предполагают исключительно электронный способ сбора, фиксации, обмена информацией об операциях с финансовыми инструментами в целях специального контроля. Положения и указания Банка России определяют порядок дистанционной идентификации клиентов финансовых организаций с применением средств электронного обмена информации. Непосредственное взаимодействие финансовых организаций, а также эмитентов финансовых инструментов с Банком России осуществляется в большинстве случаев исключительно по электронным каналам связи с использованием цифровых форматов и средств криптографической защиты информации. Раскрытие информации эмитентами финансовых инструментов перед потенциальными инвесторами возможно, а в целом ряде случаев обязательно в электронном виде в сети Интернет. Обязательным является наличие собственного интернет-сайта и доменного имени, с условием размещения определенных массивов обязательной информации, для большинства видов специализированных субъектов, в том числе профессиональных участников рынка ценных бумаг.

В таких условиях базовые нормы Главы 7 «Ценные бумаги» действующей редакции ГК РФ требуют пристального внимания в аспекте их соотношения с иными нормами законодательства о финансовых инструментах, причем нам видится несколько утраченной их взаимная корреляция применительно к электронно-цифровой форме. Действительно, нормы современной редакции ГК РФ, в отличие даже от редакции ГК РФ 1994 г. не содержат никакого указания ни на компьютеризированную форму ведения реестров владельцев ценных бумаг, ни на электронную форму самих ценных бумаг. Прямое применение норм статьи 434 ГК РФ об использовании электронных документов при заключении договора здесь невозможно, поскольку это противоречило бы существу «классических» ценных бумаг, в особенности (но не только) предъявительских, документарную форму которых нельзя представить как «документ, но электронный». Под документарной формой, предусмотренной в статьях 142-148.1. ГК РФ в принципе не может пониматься иная форма чем тривиальный лист бумаги. Наряду с этим в нормах ст. 149-149.5 ГК РФ, а также в части второй пункта 1 статьи 142 ГК РФ установлены базовые квалифицирующие признаки, а также правила выпуска и обращения бездокументарных ценных бумаг, основанные на таких основных положениях, как:

[1] «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: Федер. закон Рос. Федерации от 07 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3418.

- закрепление прав по таким ценным бумагам в решении о выпуске или ином акте выпустившего лица, соблюдение прав учета таких ценных бумаг в соответствии с требованиями закона,
- определение лица, ответственного по ценной бумаге как лица, выпустившего бумагу или предоставившего обеспечение обязательства по ней,
- определение лица, управомоченного требовать исполнения по ценной бумаге, как лица, указанного в учетных записях или даже иного лица, если ему предоставлено правомочие осуществлять права по бумаге,
- ведение особого учета прав на бездокументарные ценные бумаги путем внесения особых записей по особым счетам специальными субъектами — лицами, которым предоставлено право вести такие записи и имеющими лицензию,
- распоряжение такими ценными бумагами исключительно путем обращения к тому лицу, которое ведет указанные учетные записи, с внесением соответствующих записей,
- возможность внесения «приходных» (зачисление) и «расходных» (списание) учетных записей по счетам,
- специально оговоренный порядок перехода прав по бездокументарным ценным бумагам (но не прав на сами бумаги) лишь при условии внесения соответствующей (очевидно, «приходной») записи по счету приобретателя,
- специально оговоренный порядок фиксации обременений бездокументарных ценных бумаг лишь при условии внесения соответствующей записи по счету правообладателя, либо «прямым» зачислением ценных бумаг на особый счет учета уже обремененных ценных бумаг,
- некоторые специальные правила возникновения, прекращения, защиты прав на бездокументарные ценные бумаги (при наследовании, ограничении распоряжения, неправомерном списании, утрате учетных записей и др.)

Однако ни в одной из вышеупомянутых норм не предусматривается формализованное описание или как минимум указание на характер учетных записей и (или) счетов, в том числе не раскрывается вопрос о том, могут ли они существовать в бумажном или электронном виде. Этот вопрос представляется важным ввиду того, что характер самих счетов и записей, их материальная форма могут оказать существенное влияние на понимание и применение соответствующих норм в юридической практике. Не вызывает обоснованных сомнений то, что рассматриваемые нормы, будучи внесенными в ГК РФ в 2013 г. в период современного этапа развития компьютерной техники и электронных информационных технологий, фактически подразумевали именно электронно-цифровую форму учетных счетов и записей. Представить, что деятельность по учету и оформлению оборота бездокументарных ценных бумаг в современных условиях ведется

без использования ЭВМ, просто невозможно, поскольку характер регулируемых отношений общеизвестен, регулятивные нормы носят конкретный, а не абстрактный характер, и при этом попытка обработки колоссальных массивов информации о бездокументарных ценных бумагах некомпьютеризированным способом привела бы к коллапсу эмиссии и рынка ценных бумаг. Наряду с явной проблемой смешения институтов учета владельческих прав на бездокументарные ценные бумаги и прав, закрепленных такими ценными бумагами, а также проблемой отсутствия в ГК РФ легальной дефиниции финансового инструмента как базового объекта регулирования Законом о рынке ценных бумаг, ГК РФ в действующих нормах, как показано выше, обнаруживает пробел в правовом регулировании электронного оборота финансовых инструментов. По нашему мнению, устранение указанного пробела можно признать перспективной задачей модернизации рассматриваемого фрагмента гражданского законодательства.

Сформулированные выше мысли иллюстрируются фактами современной динамики законодательства, которое, следуя экономическим потребностям, закрепляет новые, в некотором смысле нетрадиционные, правовые конструкции. Так, особо принятым федеральным Законом[1] были внесены изменения в Закон об ипотеке (залоге недвижимости), в результате чего радикальной модификации подвергся правовой режим закладной. Закладная может быть признана одной из «классических» ценных бумаг, давно известных мировому и отечественному гражданскому правопорядку, и предусматривающей по своей сути бумажный документ, способных быть предметом гражданского оборота с соблюдением установленных правил. Вышеупомянутым Законом были внесены изменения, учредившие ранее не известную отечественному праву «электронную закладную», по существу являющуюся перевоплощением именной документарной ценной бумаги, передача которой была возможна лишь путем совершения именной передаточной надписи, в именную бездокументарную бумагу, не являющуюся эмиссионной, права на которую не учитываются в реестре владельцев ценных бумаг, но при этом должны учитываться депозитарием. Электронная закладная, подобно бумажной закладной, имеет мультиплицированного оригинатора, причем электронная форма приводит еще большему умножению числа лиц, находящихся на стороне оригинаторах, выдающего бумагу. Так лицами, фактически участвующими в создании электронной закладной, остаются должник, залогодатель (могут совпадать в одном лице), залогодержатель и орган по регистрации недвижимости, но в случае с электронной формой закладной к их числу может факультативно добавиться нотариус. По общему правилу, электронная закладная создается путем заполнения электронного

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 нояб. 2017 г. № 328-ФЗ // Российская газета. 2017 г. № 7435.

формуляра на интернет-сайте госуслуг или органа по регистрации недвижимости (основания выбора из указанной альтернативы закон не раскрывает), подписывается усиленными квалифицированными электронными подписями залогодателя и залогодержателя, легитимируется (виртуально «оформляется») органом государственной регистрации недвижимости, факультативно может подписываться (также электронно) со стороны должника, если он не совпадает с залогодателем, и нотариусом, если стороны сделки обратятся к нему, в том числе при отсутствии у них электронных подписей. Созданная таким образом электронная закладная, как указано в Законе об ипотеке, «направляется (?) на хранение» в депозитарий.

Принципиальная возможность выдачи именной ценной бумаги в бездокументарной форме следует из подпункта 1) пункта 4 статьи 143 ГК РФ. Вместе с тем в случае с электронной закладной усматривается противоречие сразу с несколькими нормами законодательства:

- с нормой части второй пункта 1 статьи 142 ГК РФ (права по ценой бумаге должны быть закреплены в решении или ином акте выпустившего ее лица, чего в случае с электронной закладной не наблюдается),
- с нормами статьей 142, 143,149 ГК РФ в их системном толковании (поскольку указанные нормы не содержат классификационного понятия «электронная ценная бумага», ввиду чего электронная закладная формально не может быть отнесена по соответствующим критериям ни к документарным, ни к бездокументарным бумагам в части их классификационного основания по признаку формы, являющимся основой для конструирования правового режима ценных бумаг вообще),
- с нормой статьи 7 Закона о рынке ценных бумаг (предметом депозитарной деятельности может быть хранение сертификатов лишь документарных ценных бумаг, но не хранение электронной ценной бумаги, каковой является электронная закладная).

В порядке попутного комментирования отметим, что введенный в законодательство вместе с институтом электронной закладной субинститут специальной залоговой передаточной надписи выглядит юридически неопределенным и вступающим в противоречие, как минимум в части конституирующего наименования, с институтом собственно передаточной надписи, строго подразделяющимся на индоссамент применительно к ордерным ценным бумагам и на именную передаточную надпись применительно к именным ценным бумагам. Вопросы существования электронной формы «классических» ценных бумаг, в том числе закладной, чека и даже векселя, периодически обсуждаются исследователями[1]. Из архивов СМИ известно,

[1] *Осипов С.Ю.* Введение электронных векселей: предпосылки и реализация. // Экономические исследования и разработки. 2018. № 4. С. 96–104; *Табагуа А.Б.* Возможность использования формы электронной документации для векселя. // Бизнес и общество: электронный журн. 2017. № 1 (13). URL: http://busines-society.ru/2017/num-1-13/7_tabagua.pdf. Загл. с экрана.

что Минэкономразвития РФ еще в 2002 г. был разработан законопроект об электронном векселе, в случае принятия которого Россия могла стать первой в мире страной, законом которой предусматривались бы векселя в безбумажной форме[1]. Сама постановка такого вопроса видится вполне обоснованной, однако следует иметь в виду, что группа норм, направленных на цифровизацию «классических» ценных бумаг хотя и преследует позитивную цель удовлетворения постоянно изменяющихся потребностей хозяйственной деятельности и финансовых рынков, однако соответствующие правовые новеллы приведут не просто к изменению порядка регулирования конкретных отношений, но будут претендовать на формирование особого правового режима, с возможным результатам появления новых разновидностей ценных бумаг (к примеру, «электронная закладная», «электронный вексель»), с большой степенью вероятности не вписывающихся в правовые конструкции видов и форм ценных бумаг, закрепленные в ГК РФ.

Существуют и другие проблемы методологического разграничения или, наоборот, отождествления понятий «электронных» и «бездокументарных» ценных бумаг — финансовых инструментов и использования их как объектов гражданских прав в гражданском обороте с учетом достижения определенности в понятиях. К примеру, В. Г. Голубцов отмечает в числе важнейших проблем эффективности реформы обязательственного права в современных условиях доктринальное и легальное развитие института исполнения гражданских обязательств, в том числе внесением в депозит нотариуса денег и ценных бумаг[2]. Несмотря на то, что этот институт практически неизменно присутствует в гражданских кодексах РФ (РСФСР) от 1994 г., от 1964 г., от 1922 г., возникновение безбумажных, электронных ценных бумаг радикально изменило значение и порядок применения соответствующих норм данного института, который в настоящее время в части ценных бумаг бездокументарной формы является недействующим. Также чрезвычайно актуальной нам видится задача регламентации правового режима консолидированных финансовых инструментов, выпускаемых агрегированными хозяйственными субъектами, при этом форма таких инструментов (за малым исключением) может быть лишь электронной[3].

Исследованные выше вопросы не позволяют сделать однозначных выводов или выдать набор безусловных рекомендаций, поскольку развитие правовой теории об электронных финансовых инструментах является на

[1] Электронный вексель: за кем последнее слово? // Деловая пресса. 2002. № 25 (125). URL: http: // businesspress.ru/newspaper/article_ mId_ 2172_aId 118508.html. Загл. с экрана.

[2] *Голубцов В.Г.* Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2 (41). С. 396–419.

[3] *Чикулаев Р.В.* Агрегированные хозяйственные субъекты и консолидированные финансовые инструменты: теоретические концепции и правовые новеллы // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 18–21.

данный момент лишь перспективой, а векторы динамики законодательства разнонаправленны. Обоснованным видится комплексная ревизия норм ГК РФ о бездокументарных ценных бумагах, их гармонизация с нормами других законов, в том числе Закона о рынке ценных бумаг, Закона об ипотеке (в части электронной закладной). Рациональной может быть модель, предусматривающая вычленение группы норм об электронных финансовых инструментах, их четкое отделение от иных норм о ценных бумагах и формирование области специального законодательства с собственным предметом регулирования.

Библиографический список:

1. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. 639 с.
2. *Винер. Н.* Кибернетика. М.: Наука, 1983. 344 с.
3. *Голубцов В.Г.* Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2 (41). С. 396–419.
4. *Неволин К.* История российских гражданских законов. Том второй. Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. СПб., 1851.
5. *Осипов С.Ю.* Введение электронных векселей: предпосылки и реализация. // Экономические исследования и разработки. 2018. № 4. С. 96–104
6. *Табагуа А.Б.* Возможность использования формы электронной документации для векселя. // Бизнес и общество. 2013. № 1 (13).
7. *Чикулаев Р.В.* Агрегированные хозяйственные субъекты и консолидированные финансовые инструменты: теоретические концепции и правовые новеллы // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 18–21.
8. Электронный вексель: за кем последнее слово? // Деловая пресса. 2002. № 25 (125).

УДК: 004.9:349.2

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – БЛАГО ИЛИ ЗЛО ДЛЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ?

Ю.В. Иванчина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: Julia.ivanchina@gmail.com

Аннотация: В связи с активным проникновением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека поднимается вопрос о преимуществах таких технологий и о продуцируемых ими вызовах. Данный вопрос рассматривается в контексте влияния цифровизации на трудовые отношения. Автор приходит к выводу, что внедрение новых технологий создает новые возможности для сторон трудового отношения, в том числе по переводу кадрового документооборота в электронную форму. Вместе с тем обозначается ряд проблем: к примеру, масштабная роботизация производства приводит к массовому высвобождению работников и диспропорции между спросом и предложением на рынке труда, а также к изменениям в его конъюнктуре. Автор предлагает пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: цифровые технологии, функции трудового права, кадровый электронный документооборот, дистанционный труд, рынок труда

DIGITAL TECHNOLOGIES – GOOD OR EVIL FOR LABOR RELATIONS?

J.V. Ivanchina,
Ural State Law University,
21, Komsomolskaya St., Yekaterinburg, Russia, 620066
E-mail: Julia.ivanchina@gmail.com

Abstract: in connection with the active penetration of digital technologies into all spheres of human life, the question of the advantages of these technologies and the challenges it produces is raised. This issue is considered in the context of the impact of digitalization on labor relations. The author comes to the conclusion that new technologies create new opportunities for parties to the employment relationship, in particular, the translation of the personnel turnover document into electronic form. At the same time, a number of problems are indicated, such as the large-scale robotization of production leads to a massive release of workers and a disproportion between demand and supply in the labor market, as well as to changes in its conjecture. In the article the author suggests ways of solving the indicated problems.

Keywords: digital technologies, labor law functions, personnel electronic document management, distance work, labor market

---

Цифровые технологии сегодня проникают во все сферы жизни. Даже искусство не стало исключением – фотография, музыка, книги «ушли в цифру». Важно осознать, что процесс цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека – это неизбежная реальность. К примеру, даже цифровая экономика уже вошла и стала нормой жизни большинства граждан нашей страны. Десять лет назад трудно было себе представить столь массовое присутствие цифровых технологий вокруг нас.

При этом следует признать, что мы находимся в начале данного пути, и возможности цифровых технологий еще не исчерпаны. Более того, именно развитие информационных и коммуникационных технологий, а также цифровой экономики позволяет в настоящее время формировать условия для устойчивого экономического роста, а также повышать конкурентоспособность нашей страны на мировом рынке. Это предопределило появление Указа Президента РФ № 203 от 09 мая 2017 года «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы».

Стратегия определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики нашего государства в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов. Кроме того, целью создания новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы является повышение качества жизни граждан, повышение производительности труда и эффективности производства, а также стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, обеспечение устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития Российской Федерации.

Однако столь масштабный процесс, в основе которого лежит цифровизация, не может не сопровождаться соответствующими преобразованиями, в том числе в законодательстве. Еще в прошлом веке М.П. Ринг отмечал, что предметом регулятивного воздействия права является система экономических и организационных отношений по производству и использованию новых научных и технических знаний и по управлению их производством и использованием[1].

Переход от индустриального к информационному типу общества объективно требует адекватного правового регулирования складывающихся общественных отношений по производству и использованию цифровых технологий, сопровождающейся существенными изменениями в экономике и социальной жизни. Этот процесс может сопровождаться сдвигами в социальной структуре и взаимосвязях, в том числе в видоизменении общественного правосознания, в объеме и содержании потребностей людей, в способах удовлетворения этих потребностей.

Формирование информационного общества с инновационной экономикой подразумевает не только изменение стандартов жизни, но и иные преобразования, в частности – появление новых общественных отношений, институтов и норм.

К примеру, трудовое законодательство не могло не отреагировать на процессы, связанные с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности общества, с доступностью информационных и коммуникационных технологий не только производителям и большим корпорациям, но и гражданам. Массовое внедрение достижений высоких технологий оказало влияние на изменение приемов и способов, посредством которых возможно наиболее эффективное удовлетворение социально значимых потребностей работников и работодателей. Это, в свою очередь, обусловило появление в Трудовом кодексе РФ норм, посвященных правовому регулированию труда дистанционных работников.

Масштабная цифровизация неотвратимо отражается на способах удовлетворения социально значимых потребностей сторон трудового отношения, в первую очередь – работника как экономически наиболее уязвимой стороны. Поэтому вопросам реализации как социальной функции государства, так и гарантийно-обеспечительной функции трудового права необходимо уделять повышенное внимание. Без соответствующего контроля и императивного вмешательства государства в эту область в настоящее время, на мой взгляд, обойтись уже нельзя. Как справедливо отмечает С.В. Ибрагимова, «достижения науки и техники, усложнение функционирования систем, сужение специализации выполняемых индивидами функций

[1] *Ринг М.П.* Право и руководство наукой // Научно-техническая революция, управление и право. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1975. С. 155.

предопределили зависимость членов общества друг от друга»[1]. Особенно ярко этот процесс проявляется в трудовых отношениях.

Активное внедрение и использование цифровых технологий работодателями объективно обусловлено их потребностью в возможности эффективно управлять своей деятельностью для достижения поставленных целей. Однако функция администрирования (управления), направленная на удовлетворение социально значимых потребностей работодателя, не должна реализовываться в ущерб или за счет гарантийно-обеспечительной функции трудового права, направленной на удовлетворение социально значимых потребностей работника.

Вместе с тем трудно отрицать, что назрела необходимость внесения в трудовое законодательство изменений, отвечающих реалиям времени, поскольку, по словам заместителя министра экономического развития Российской Федерации С.В. Шипова, они могут дать импульс для развития цифровой экономики и повысить уровень трудовой мобильности[2].

Ввиду того, что право рождается самой жизнью, вытекает из общественных потребностей[3], актуальным становится вопрос о возможности более широкого применения электронных методов сбора и обработки информации, связанной с трудовыми отношениями на всех их стадиях, о легализации электронного делопроизводства в кадровом деле[4]. Пожалуй, это одна из назревших необходимостей в современных условиях, получившая наиболее широкое обсуждение. Так, в январе 2018 года в Комитете Государственной Думы РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству были проведены парламентские слушания на тему «Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике»[5].

Несмотря на то, что в рамках дискуссии были обозначены такие проблемные зоны, как обеспечение сохранности информации, правила получения и использования электронной цифровой подписи при заключении трудового договора и многие другие, была единодушно признана необходимость по-

---

[1] *Ибрагимова С.В.* Регулятивная функция гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 415.

[2] *Шипов С.В.* Цифровая среда доверия ускорит формирование новых бизнес-процессов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации, 5 июня 2017 г. - Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/press/interview/2017030620/ (Дата обращения: 20.09.2018)

[3] *Пьянов Н.А.* Понятие, сущность и назначение права // Сибирский Юридический Вестник. 2000. №1. С. 6.

[4] *Куренной А., Костян И., Хныкин Г.* Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 6.

[5] Библиодосье Парламентских слушаний на тему «Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству - Режим доступа: http://komitet2-7.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/15390457 (Дата обращения: 20.09.2019)

ступательного внедрения электронного кадрового документооборота. Соглашусь с тем, что цифровые технологии в этой части могут послужить на благо, облегчив жизнь сторонам трудового договора. Работодатель может сэкономить время и затраты, связанные с оформлением трудовых отношений, переведя весь документооборот в электронную форму. Работник, оформив отношения с работодателем подобным образом, может быть уверен, что данные о его трудовой деятельности, в частности о заработке, стаже, выполняемой трудовой функции, особенно если эта работа дает право на получение дополнительных льгот и гарантий, будет доступна органам, в которые он может обратиться за предоставлением государственных и муниципальных услуг. Кроме того, информация о трудовой деятельности необходима для осуществления обязательного социального страхования. Электронная форма облегчает не только передачу информации, но и ее сбор и хранение.

В настоящий момент ответом на запрос общества на внедрение кадрового электронного документооборота стал Приказ Минтруда России №194 от 26 марта 2018 года «О проведении эксперимента по переводу в электронную форму документов и сведений о работнике по вопросам трудовых отношений». Так, в целях апробации возможности массового внедрения механизма ведения работодателем кадровых документов в электронном виде был начат эксперимент, в ходе которого предполагается оценить уровень затрат и полученных эффектов от нововведения, а также выявить проблемы и риски, возникающие при переходе на новую форму кадрового документооборота. Кроме того, предполагается оценить эффект ведения кадровых документов в электронном виде и его влияние на производительность труда и контрольно-надзорную деятельность. В эксперименте примут участие крупнейшие работодатели – ОАО «Российские железные дороги», ПАО «Ростелеком», АО «Газпромбанк». В общей сложности эксперимент охватит тринадцать работодателей.

По итогам эксперимента должны быть сформированы предложения по внесению изменений в трудовое законодательство, и начнется внедрение цифровых технологий в процесс оформления трудовых отношений. Считаю, что переход на кадровый электронный документооборот, в том числе замена традиционных трудовых книжек электронными аналогами – объективная реальность, но он должен быть поступательным и максимально безболезненным для сторон трудового отношения, в частности, для работников.

Вместе с тем возникает вопрос, действительно ли внедрение цифровых технологий несет только благо обществу. «Поэтому, – как верно отмечает Г.А. Малышева, – сегодня было бы уместно не ограничиваться рассуждениями о преимуществах цифрового развития, а ставить вопрос о продуцируемых им социально-политических вызовах»[1].

[1] *Малышева Г.А.* О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 41.

Так, внедрение новых цифровых технологий может изменить структуру занятости. Часть профессий может исчезнуть или быть отнесенной к числу маловостребованных. Это неминуемо приведет к преобразованиям на рынке труда.

Соглашусь с И.А. Стрелковой в том, что цифровая экономика может стать причиной резкого повышения уровня безработицы в мире. Опыт показывает, что широкая автоматизация приводит к отказу от использования живого труда, что влечет массовые увольнения работников. С увеличением безработицы совокупные доходы общества уменьшаются, рост заработной платы останавливается, следствием чего становится сокращение совокупного спроса. Депрессивный спрос подрывает стимулы к инвестированию и трудоустройству, следствиями чего будут замедление роста производительности и снижение благосостояния общества. Эти процессы однозначно обострят проблемы социально-экономического неравенства.[1]

Первые тревожные признаки уже наблюдаются даже в нашей стране. К примеру, в январе 2017 года стало известно о том, что Сбербанк намерен сократить три тысячи рабочих мест, заменив живых сотрудников роботами-юристами. Более того, по мере развития роботизации под такую «техническую» замену могут попасть и другие специалисты. Такое заявление было сделано заместителем председателя правления Сбербанка В.Куликом в ходе выступления на Гайдаровском форуме. Кроме того, он отметил, что в планах Сбербанка запустить таких роботов по целому ряду направлений. С «освободившимися» сотрудниками будут поступать по-разному: части предложат пройти переобучение, а часть будет сокращена.[2]

А.И. Валитова и Д.В. Старков полагают, что такая тенденция не означает очевидного повышения уровня безработицы, так как на рынке труда появятся новые вакансии. Вместе с тем, как верно указывают данные авторы, эти вакансии будут требовать от работников специальных навыков в информационной сфере, к примеру, по обслуживанию автоматизированных информационных систем.[3]

Отчасти согласна с высказанным мнением, поскольку истории известны изменения в структуре рынка труда, обусловленные совершенствованием техники и технологии производства. Так, одно из первых крупных преобразований произошло, когда на смену ручному труду пришла меха-

---

[1] *Стрелкова И.А.* Цифровая экономика: новые возможности и угрозы для развития мирового хозяйства // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 25.

[2] *Узбекова А.* Сбербанк сократит 3 тысячи рабочих мест из-за робота-юриста [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской газеты - Режим доступа: https://rg.ru/2017/01/12/sberbank-sokratit-3-tysiachi-rabochih-mest-iz-za-robota-iurista.html (Дата обращения: 20.09.2018)

[3] *Валитова А.И., Старкова Д.В*. Трудовые отношения в процессе цифровизации экономики // В сборнике: Сфера знаний: вопросы продуктивного взаимодействия теории и практики сборник научных трудов. Казань, 2018. С. 51.

низация – первая промышленная революция, позволившая начать путь от аграрного к индустриальному типу общества. Следующим шагом была автоматизация производства, именно она сформировала индустриальный тип общества и экономики. Вместе с тем процесс преобразования факторов производства, в частности обновление техники, технологии, сырья и материалов, непрерывен, но имеет свою цикличность. Более того, этот процесс всегда влиял на трансформацию требований, предъявляемых к работникам, в частности к их знаниям и навыкам, что приводило к изменениям в структуре рынка труда.

При этом следует отметить, что интервалы между циклами обновления в технике, технологии производства существенно сокращаются. К примеру, в конце XIX века это в среднем происходило не чаще, чем через каждые 11-12 лет, а в XX веке этот период уже сократился до 6-7 лет. В то время как в XXI веке – веке информационных технологий – этот цикл стал еще короче, менее 3 лет. Следовательно, время, необходимое для того, чтобы рынок труда смог адаптироваться к происходящим изменениям, тоже существенно сократилось.

В настоящее время для обеспечения конкурентоустойчивости работникам необходимо постоянно совершенствовать свои навыки, овладевать смежными профессиями, повышать уровень знаний и квалификации[1], чтоб сохранить свое рабочее место либо найти новое взамен утраченного. Полагаю, что в современных условиях порой будет недостаточно краткосрочного повышения квалификации, работнику придется получать новую профессию, более востребованную на рынке труда.

Эта потребность возникает в тот момент, когда большинство работников ограничено в возможности реализовать свое право на получение дополнительного образования, поскольку трудовое законодательство предусматривает предоставление гарантий и компенсаций только тем работникам, совмещающим работу с обучение, которые получают образование соответствующего уровня впервые. Это делает работника социально и экономически уязвимым и снижает эффективность реализации гарантийно-обеспечительной функции трудового права.

Эволюционный процесс неотвратим, и тот факт, что мы стоим на пороге информационного типа общества с инновационной (цифровой) экономикой, ни у кого уже не вызывает сомнений. Так, «по оценкам консалтинговой компании McKinsey & Co, в ближайшие годы с помощью уже существующих технологий можно автоматизировать человеческий труд стоимостью $2 трлн. По данным доклада, подготовленного к прошлогоднему форуму в Давосе, уже в ближайшие пять лет развитые страны поте-

[1] *Андреева Л.Ю., Джемаев О.Т.* Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 28.

ряют до 5 млн рабочих мест из-за цифровых технологий и роботизации».[1] Изменения, происходящие в Сбербанке, уже кажутся не столь существенными по сравнению с вышеприведенными данными.

Один из рисков нового технологического общества заключается в том, что полномасштабная роботизация производства может вызвать колоссальные диспропорции между спросом и предложением на рынке труда. Это приведет к росту технологической безработицы и сделает труд миллионов работников невостребованным, лишив их возможности получения трудового дохода. Существует реальная опасность, что цифровая революция ускорит тенденцию к «гибкому использованию трудовых ресурсов», что обернется для работников «потерей или снижением социального статуса», а для всего общества – «резким усилением социального неравенства».[2]

«На любом этапе социально-экономического развития страны рынок труда является наиболее чувствительным индикатором и реактором изменения рыночной конъюнктуры, реализуя роль лакмуса при возникновении и протекании разнородных рыночных флуктуаций».[3]

Полагаю, что отсутствие необходимой реакции на происходящие изменения ослабляет реализацию государством социальной функции, поскольку нормы трудового права не отвечают социально значимым потребностям работников. Сегодня очевидна необходимость внесения в трудовое законодательство изменений, направленных на повышение эффективности реализации гарантийно-обеспечительной функции, в основе которой лежат социально значимые потребности работников.

Отдельные имеющиеся нормы требуют корректировки, другие – кардинальных изменений. Так, необходимо расширить возможности применения труда в дистанционной форме. Как отмечалось выше, появление главы 49.1 в Трудовом кодексе РФ, посвященной особенностям регулирования труда дистанционных работников, абсолютно оправданы. Однако отсутствие необходимой гибкости со стороны законодателя по вопросу возможности частичного исполнения работником своих трудовых обязанностей удаленно уже представляется неоправданным.

Интенсивное развитие цифровых технологий делает возможным активно использовать в процессе труда информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сети Интернет, что позволит выполнять часть трудовой функции вне места нахождения работодателя. Однако трудовое законодательство предусматривает возможность заключения трудового договора о дистанционной работе только при условии, что работа выполняется уда-

---

[1] *Рождественская Я.* Технологические компании боятся критики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Коммерсантъ – 2017 от 20 января. Режим доступа: http://kommersant.ru/doc/3199002 (Дата обращения 20.09.2018)

[2] *Малышева Г.А.* Указ. соч. С. 43.

[3] *Андреева Л.Ю., Джемаев О.Т.* Указ. соч. С. 25.

ленно всегда, что возможно в отношении ограниченного круга трудовых функций – вебмастера, копирайтера, веб-дизайнера и ряда других.

Вместе с тем многие трудовые функции, которые раньше выполнялись на стационарных, оборудованных работодателем рабочих местах, в связи с внедрением цифровых технологий уже в некоторой степени могут выполняться дистанционно. К примеру, бухгалтеру сейчас не требуется постоянное присутствие на рабочем месте, поскольку частично работа может быть выполнена удаленно.

При этом трудовое законодательство не предоставляет возможности сочетания выполнения работы как вне места нахождения работодателя, так и на стационарном рабочем месте. Это снижает эффективность реализации функций трудового права, ибо не позволяет сторонам трудового отношения удовлетворять социально значимые потребности наиболее благоприятным для них способом. Полагаю, что в Трудовом кодексе РФ необходимо предусмотреть возможность, по соглашению сторон, заключать трудовой договор с условием о полном или частичном выполнении работником своей трудовой функции дистанционно.

Вместе с тем иные положения трудового законодательства требуют более кардинальный изменений. На мой взгляд, в условиях перехода к информационному типу общества и экономики, где одним из основных ресурсов становятся информация и знания, необходимо пересмотреть политику предоставления гарантий и компенсаций лицам, совмещающим работу с обучения. Так, закрепленные в ст.177 Трудового кодекса РФ положения о возможности безусловного получения гарантий только работниками, получающими образование соответствующего уровня впервые, негативно отражаются на реализации гарантийно-обеспечительной функции трудового права. Данное положение лишает большинство работников возможности не просто быть конкурентоспособными на рынке труда, регулярно обновляя знания и навыки, но и при необходимости получить дополнительное образование взамен имеющегося, невостребованного в современных условиях.

Сокращение цикла обновления техники, технологий привело к тому, что процесс обновления знаний и навыков должен стать непрерывным. В настоящее время потребность работников в поддержании квалификации на необходимом уровне стала социально значимой, поскольку без ее удовлетворения работник лишается возможности трудиться, обеспечивая себя и свою семью средствами к существованию.

Подтверждением актуальности рассматриваемого вопроса может служить совместная встреча министров труда и занятости и министров образования стран-членов Группы двадцати (G20), состоявшаяся в начале сентября этого года в Аргентине. Как отметил Генеральный директор МОТ Гай Райдер, одним из значимых итогов данной встречи стала координация политики в области образования и занятости, призванная сыграть ключе-

вую роль в обеспечении соответствия квалификации работников запросам предприятий. Более того, комментируя совместную декларацию, заключенную в рамках данной встречи, он указал: «Чтобы привести традиционные системы образования и профессиональной подготовки в соответствие с будущими потребностями в квалифицированных кадрах, их необходимо существенно перестроить. В наши дни просто приобрести квалификацию на всю жизнь уже недостаточно. Чтобы построить будущее сферы труда, к которому мы стремимся, необходимо реорганизовать систему непрерывного образования». Кроме того, чтобы люди могли успешно адаптироваться к переменам на рабочих местах, им должна быть обеспечена возможность на протяжении всей трудовой жизни проходить переподготовку и повышать свою квалификацию, подчеркивается в совместной декларации.[1]

Полагаю, что отсутствие условий для получения образования соответствующего уровня работником не впервые негативно сказывается на реализации гарантийно-обеспечительной функции трудового права.

Представляется, что все работники должны иметь право на получение образования вне зависимости от количественной составляющей реализации этого права. Однако, как верно указывает С.В. Ибрагимова, право прежде всего является гарантом уравновешивания различных интересов, существующих в обществе.[2] Следовательно, реализация одной функции трудового права не должна осуществляться в ущерб другой. В связи с этим целесообразно предусмотреть, чтобы гарантии и компенсации в полном объеме получали те работники, которые реализуют право на образование соответствующего уровня впервые. Работникам, реализующим это право во второй и последующие разы, должны предоставляется гарантии нематериального характера – время для получения образования (учебный отпуск) без сохранения на этот период средней заработной платы, а также без возмещения расходов, связанных с проездом к месту учебы и обратно.

Вместе с тем считаю необходимым предусмотреть в трудовом законодательстве положение о том, что, если работники высвобождаются в связи с массовым сокращением численности и штата вследствие внедрения работодателем цифровых технологий, на данного работодателя возлагается обязанность по предоставлению всего объема гарантий и компенсаций на период получения работником нового образования по причине отсутствия спроса на рынке труда на имеющуюся профессию.

Резюмируя изложенное, подчеркну, что век цифровых технологий не только создает новые возможности, которые могут работать на благо общества, но и обостряет уже существующие проблемы. Понимая неод-

[1] Генеральный директор МОТ приветствовал усилия Группы двадцати, связанные с будущим сферы труда [Электронный ресурс] // Официальный сайт: Международной Организации Труда. - Режим доступа: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_644597/lang--ru/index.htm (Дата обращения: 20.09.2018)

[2] *Ибрагимова С.В.* Указ. соч. С. 415.

нозначность протекающих процессов, в то же время их неотвратимость, государство должно максимально быстро реагировать на них, закрепляя в действующем законодательстве, в том числе трудовом, положения, позволяющие нивелировать негативные последствия, возникающие в связи с внедрением цифровых технологий. Особое внимание в этом процессе должно быть уделено нормам трудового права, поскольку это одна из отраслей, оказывающая существенное влияние на реализацию социальной функции государства.

Библиографический список:

1. *Андреева Л.Ю., Джемаев О.Т.* Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 28.

2. Библиодосье Парламентских слушаний на тему «Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству. Режим доступа: http://komitet2-7.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/15390457 (Дата обращения: 20.09.2019)

3. *Валитова А.И., Старкова Д.В.* Трудовые отношения в процессе цифровизации экономики // В сборнике: Сфера знаний: вопросы продуктивного взаимодействия теории и практики сборник научных трудов. Казань, 2018. С. 51.

4. Генеральный директор МОТ приветствовал усилия Группы двадцати, связанные с будущим сферы труда [Электронный ресурс] // Официальный сайт: Международной Организации Труда. Режим доступа: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_644597/lang--ru/index.htm (Дата обращения: 20.09.2018)

5. *Ибрагимова С.В.* Регулятивная функция гражданского права // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 415.

6. *Куренной А., Костян И., Хныкин Г.* Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 6.

7. *Малышева Г.А.* О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 41.

8. *Пьянов Н.А.* Понятие, сущность и назначение права // Сибирский Юридический Вестник. 2000. № 1. С. 6.

9. *Ринг М.П.* Право и руководство наукой // Научно-техническая революция, управление и право. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1975. С. 155.

10. *Рождественская Я.* Технологические компании боятся критики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Коммерсантъ – 2017 от 20 ян-

варя. Режим доступа: http://kommersant.ru/doc/3199002 (Дата обращения 20.09.2018)

11. *Стрелкова И.А.* Цифровая экономика: новые возможности и угрозы для развития мирового хозяйства // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 25.

12. *Узбекова А.* Сбербанк сократит 3 тысячи рабочих мест из-за робота-юриста [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской газеты - Режим доступа: https://rg.ru/2017/01/12/sberbank-sokratit-3-tysiachi-rabochih-mest-iz-za-robota-iurista.html (Дата обращения: 20.09.2018)

13. Шипов С.В. Цифровая среда доверия ускорит формирование новых бизнес-процессов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации, 5 июня 2017 г. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/press/interview/2017030620/ (Дата обращения: 20.09.2018)

УДК: 349.3

ДОСТУПНОСТЬ КАК ТРЕБОВАНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Е.А. Истомина,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: eistomina2011@gmail.com

Аннотация: развитие информационного сопровождения социального обеспечения, перенос сведений на цифровые носители в настоящее время становится объективной необходимостью. На примере выплаты средств пенсионных накоплений правопреемникам умершего застрахованного лица, затруднительной по причине отсутствия у граждан необходимых знаний, автор обосновывает вывод о том, что информационные регистры и системы в этой сфере должны обладать такой ключевой характеристикой, как доступность, то есть известны и открыты для пользования, представлены в понятной для восприятия форме.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальный риск, информационная система, регистр, пенсионные накопления.

ACCESSIBILITY AS A REQUIREMENT TO THE INFORMATION COMPONENT OF THE LEGAL REGULATION OF SOCIAL SECURITY

E.A. Istomina,
Ural State Law University,
21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: eistomina2011@gmail.com

Abstract: the development of information support for social security, the transfer of information to digital media is now becoming an objective necessity. On the example of the pension savings to successors of the deceased insured person, which is difficult because of the lack of necessary knowledge, the au-

thor concludes that information registers and systems in this sphere should be available, that is, they are known and open for use, and are presented in an understandable for perception form.

Keywords: social security, social risk, information system, register, pension savings.

Изменения, происходящие в последнее время в обществе и экономике, развитие высоких технологий, популярность информационно-телекоммуникационных сетей, повышение объемов и ценности информации позволяют говорить о наступлении нового типа общества. Этот тезис считается сегодня аксиоматическим, хотя специалисты в разных отраслях знаний еще не пришли к единому мнению по вопросу определения понятия информационного общества, его особенностей и перспектив.

Новые технологии способствуют развитию всех аспектов жизнедеятельности. Массовая информатизация в условиях информационного общества предполагает широкое внедрение достижений высоких технологий в государственное управление, образование, науку, культуру[1]. Информационная составляющая безусловно важна и в сфере социального обеспечения. Обоснованность, адресность как принципиальные положения, закрепленные в новейших нормативных правовых актах, в принципе возможны лишь при условии полной осведомленности субъектов обо всех аспектах реализации социально-обеспечительных обязательств государства.

Значимость инноваций в сфере сбора, обработки больших объемов данных, необходимых для назначения пенсий, пособий, предоставления социальных услуг в достаточной степени оценена государством. Развитие информационного сопровождения социального обеспечения становится необходимым и неизбежным процессом. Уже в конце прошлого века были введены в действие различные информационные системы, а также регистры получателей социальных предоставлений, общей целью которых стало не только обеспечение осуществления выплат, но и эффективное планирование и расходование финансовых ресурсов системы.

Регистры, как правило, адресованы субъектам, уполномоченным на реализацию государственной политики в сфере социального обеспечения. К примеру, регистры получателей государственных услуг в сфере занятости населения, в соответствии с Законом РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», содержат не только персональные данные граждан, обращающихся в службу занятости, сведения

[1] Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для академического бакалавриата / под общ.ред. *П.У. Кузнецова.* М.: Юрайт, 2018. С. 25. Автор главы – *П.У. Кузнецов.*

о регистрации в качестве безработных, но и виды услуг, предоставленных с целью преодоления социального риска утраты работы, размер и сроки выплаты пособия по безработице, другие сведения, они формируются и ведутся в целях обеспечения оказания услуг гражданам, а также эффективного расходования средств, выделяемых на эти цели.

Подтверждение реализации социальных рисков, обстоятельств, влияющих на способы и объемы их компенсации, сегодня также постепенно переходит на оформление на электронных носителях. Так, право на пособие по временной нетрудоспособности может возникать не только на основании листка нетрудоспособности, но и сформированного и размещенного в информационной системе Фонда социального страхования РФ электронного документа, подписанного с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи медицинским работником и медицинской организацией.

К плюсам электронных листков нетрудоспособности обычно относят невозможность подделки (следовательно, значительное снижение, вплоть до прекращения, нецелевого расходования средств), а также невозможность задержки выплаты пособий. К минусам – в первую очередь необходимость специального программного обеспечения.[1] И медицинская организация, и работодатель должны быть участниками системы информационного взаимодействия по обмену сведениями в целях формирования листка нетрудоспособности в форме электронного документа. Кроме того, необходимо согласие самого гражданина на такой способ внешнего оформления социального риска. Однако общепризнано, что за названной формой подтверждения временной нетрудоспособности – будущее. Таким образом, информационное сопровождение правового регулирования социального обеспечения становится все более современным, отвечающим условиям настоящего времени.

Что касается второй стороны правоотношений по социальному обеспечению – граждан, можно сказать, что информационная составляющая правового регулирования социального обеспечения для них значима не менее, а скорее, более, чем для государства. Обращение за социальным предоставлением должно осуществляться в случае объективной необходимости, то есть действительной реализации социального риска. Именно гражданин оценивает свое положение и потребность в защите со стороны государства, в некоторых случаях – выбирает наиболее выгодный для себя вид социального обеспечения[2]. Без необходимых познаний, полной и отвечающей действительности информации реализовать свои права затруднительно. Гражданам необходимо понимать как материальные, так и проце-

[1] *Манжула С.Г., Москвитин Е.Ю.* Механизм выплаты страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности работников в условиях реформирования системы социального страхования в Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6–2. С. 54.

[2] *Мачульская Е.Е.* Право социального обеспечения: учебник. М.: Юрайт, 2010. С. 89–90.

дурные аспекты динамики возникновения и течения правоотношений по социальному обеспечению.

При этом обращает на себя внимание следующее. Люди, обращаясь к информационно-телекоммуникационным сетям, средствам массовой информации в целях поиска любой информации, получения ответов от других людей по различным вопросам, доверяют не всегда надежным источникам. Это касается и защиты от социальных рисков, относительно которой можно отметить явный недостаток осведомленности о том, к какому источнику следует обращаться за соответствующими действительности данными.

Законодательство о социальном обеспечении как источник сведений о возможном и должном поведении в целом направлено на информирование граждан. Однако в силу множественности нормативных правовых актов, их объема, комплексного характера, усложненных формулировок предоставляемые возможности могут быть малопонятны, поэтому с информационной функцией законодательство явно «не справляется». Гражданам же знаниевая составляющая необходима, так как, будучи управомоченными субъектами, они должны ориентироваться в сфере социального обеспечения.

Поскольку полнота этой информации принадлежит органам, назначающим социальные выплаты и услуги, можно констатировать, что в настоящее время эффективная реализация прав граждан на социальные предоставления невозможна без полноценного информационного обмена между ними и уполномоченными на реализацию социально-обеспечительных обязательств субъектами.

Информацию принято трактовать как совокупность сведений, которые могут быть использованы для принятия эффективных решений[1]. К информации предъявляется большое число требований: своевременности, точности и достоверности, полноты и компетентности, комплексности, лаконичности и логичности, полезности, надежности, адресности, скорости сбора, обработки и передачи, многократности использования[2]. Сведения, соответствующие указанным критериям, способны принести существенную пользу процессу реализации прав граждан на социальные предоставления в установленных законом случаях.

Перенос информации на электронные носители – естественный процесс в условиях цифровизации общества. Такие носители должны содержать исчерпывающий объем данных, необходимых для достижения обозначенных целей.

Во-первых, в них должны быть представлены социальные риски, при наступлении которых могут возникнуть социально-обеспечительные обя-

[1] Теория управления: Учеб. для вузов / *В.Ф. Уколов, А.С. Масс, И.К. Быстряков.* М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. С. 485.

[2] См.: Там же. С. 491–493.

зательства, а также способы их компенсации. Безусловно, полнота охвата социальных рисков – требование, предъявляемое в первую очередь к нормам права социального обеспечения. Это обеспечивает реализацию принципов всеобщности и, одновременно, дифференциации в этой сфере. Законодательное закрепление оснований и условий социального обеспечения должно учитывать многообразие жизненных обстоятельств, признаваемых государством социально значимыми, что позволяет гарантировать наиболее полную защиту граждан от различных социальных рисков. Отказ от использования данного принципа, указывает Н.В. Антипьева, исключил бы возможность достижения основных целей социального обеспечения – гарантированности каждому и его семье удовлетворительных условий жизни и предупреждения риска бедности[1].

Но и конкретная жизненная ситуация, в которой оказывается гражданин, должна полностью «вписываться» в нормы права социального обеспечения, объективно нарушать его жизнедеятельность, чтобы стать основанием социального обеспечения. Это подтверждает необходимость полной информации о социальных рисках, а также о полагающихся в связи с ними пенсиях, пособиях, др.

Во-вторых, из названных источников гражданину должно быть понятно, какой субъект наделен необходимыми на назначение социального блага полномочиями, какие документы и сведения необходимо предоставить для назначения социального предоставления, а какие – уже содержатся в распоряжении этого органа либо могут быть получены посредством межведомственного взаимодействия.

Немаловажный аспект – сроки, в течение которых гражданин имеет право получить требуемое материальное благо. Сроки как разновидность юридических фактов способствуют переходу нормативного правового регулирования в стадию индивидуального, которое, в свою очередь, также развивается во времени. «Право осуществимо только тогда, когда для претворения этих возможностей управомоченному лицу предоставляется достаточный временной отрезок».[2]

Сроки существования права на социальное обеспечение оказывают большое влияние на формирование поведения субъектов социального обеспечения, служат основой построения социальных ожиданий граждан[3]. Именно поэтому сроки в рассматриваемой сфере устанавливаются в императивном порядке. Так, заявление о назначении страховой пенсии, о переводе на страховую пенсию или о переводе с одного вида страховой пенсии

[1] *Антипьева Н.В.* Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2016. С. 177–178.

[2] *Васекина Э.М.* Юридические сроки: теоретико-правовое исследование: Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

[3] *Люминарская С.В.* Сроки в праве социального обеспечения России: Дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 21, 42.

на другой рассматривается не позднее чем через 10 рабочих дней со дня приема этого заявления органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, со всеми необходимыми документами.

Для граждан пропуск срока существования права на социальное обеспечение, неосуществление правомочия по обращению за социальной выплатой или услугой влечет невозможность компенсации риска. Поэтому в отраслевой науке уже высказано предложение о расширении возможностей граждан (если сроки были пропущены по уважительной причине) на получение социальных выплат. Обосновывая необходимость единого подхода к установлению сроков, причин их пропуска, «исключительных случаев» их восстановления, С.В. Люминарская настаивает на их четком законодательном закреплении, в случае разработки и принятия отраслевого кодекса – в его тексте.[1]

Однако приходится констатировать, что информированность граждан по вышеназванным вопросам остается низкой. И если о традиционных для отечественной системы социального обеспечения выплатах и услугах граждане имеют хотя бы некоторое представление, то в связи с появлением новых выплат в правоприменительной практике возникают проблемы, которые нередко становятся объектами судебных споров.

Наглядным примером служит выплата средств пенсионных накоплений. Это относительно новое предоставление, обладающее рядом особенностей и связанное с реализацией прав лиц, застрахованных в системе обязательного пенсионного страхования. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» средства пенсионных накоплений определены как совокупность учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица либо на пенсионном счете накопительной пенсии застрахованного лица средств, сформированных за счет поступивших страховых взносов на финансирование накопительной пенсии, дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию, взносов работодателя, уплаченных в пользу застрахованного лица, взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений, средств (части средств) материнского (семейного) капитала, направленных на формирование накопительной пенсии, а также результатов инвестирования этих средств.

Законом предусмотрено, что если смерть застрахованного лица наступила до назначения ему накопительной пенсии или до корректировки ее размера с учетом дополнительных пенсионных накоплений, средства пенсионных накоплений, за некоторым исключением, выплачиваются правопреемникам (ближайшим родственникам либо лицам, которых определит сам застрахованный) умершего. Отношения по выплате этих средств возникают, если названные лица обратятся в Пенсионный фонд РФ либо в

[1] См.: Там же. С. 61,70.

негосударственный пенсионный фонд в течение полугода со дня смерти застрахованного. Этот срок может быть восстановлен в судебном порядке.

Материалы судебной практики убедительно показывают, что названное положение вынужденно применяется достаточно часто, поскольку граждане не ориентируются в пенсионном законодательстве и не обращаются за выплатой средств пенсионных накоплений по причине как полного незнания об их существовании, так и о сроках обращения за ними. К примеру, Калтанский районный суд Кемеровской области, рассмотрев заявление лица о восстановлении пропущенного срока на обращение за выплатой средств пенсионных накоплений по причине незнания процедурного срока, принял решение о том, что это обстоятельство можно считать уважительной причиной пропуска срока. Как подчеркнул суд в своем решении, именно отсутствие сведений о наличии пенсионных накоплений умершего и о возможности их получения препятствовали своевременному обращению правопреемника в пенсионный орган за выплатой средств названных накоплений.[1]

Данная позиция подчеркивается и в Решении Коломенского городского суда Московской области. Суд указал, что, поскольку территориальный орган Пенсионного фонда РФ по месту жительства умершего застрахованного лица, получив документ, содержащий сведения о смерти последнего, должен был принять меры по извещению истца о возможности получения средств пенсионных накоплений, как это предусмотрено Правилами выплаты Пенсионным фондом РФ правопреемникам умершего застрахованного лица средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 711, но не исполнил данную обязанность, пропущенный срок должен быть восстановлен[2].

Таким образом, можно говорить о том, что информационное сопровождение правового регулирования социального обеспечения характеризуется определенной неравномерностью. Государство в лице уполномоченных им органов и учреждений обладает всей полнотой информации, необходимой для реализации прав граждан на социальное обеспечение. Эта информация тем более ценна, что в случае реализации социального риска гражданин обращается к государству именно потому, что последнее, позиционировав себя как социальное, провозгласило «политическое намерение взять на себя социальную и экономическую ответственность за свое население[3]».

[1] Решение Калтанского районного суда Кемеровской области № 2-157/2018 ~ М-34/2018 от 14 февраля 2018 г. по делу № 2-157/2018 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/hlazRgkjf6N/ (дата обращения: 28 августа 2018 г.).

[2] Решение Коломенского городского суда Московской области № 2-457/2018 ~ М-24/2018 от 7 февраля 2018 г. по делу № 2-457/2018 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Kvv62AmKwxl1/ (дата обращения: 28 августа 2018 г.).

[3] *Аристов Е.В.* Социальное государство в конституционном праве: к вопросу о дискуссии относительно понятия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 3 (29). 2015. С. 9.

Поэтому насущная задача на данном этапе цифровизации правового регулирования социального обеспечения – широкое ознакомление граждан с возможностями информационных систем.

Одним из первых примеров информатизации процедурных отношений в этой сфере стал индивидуальный (персонифицированный) учет в системе обязательного пенсионного страхования[1]. Он имеет более широкую, чем регистры, направленность с точки зрения получателей информации, поскольку, как следует из положений закона, должен не только способствовать развитию пенсионной системы, в том числе – совершенствованию пенсионного законодательства, формированию финансовой базы назначения и выплаты страховых и накопительных пенсий. Его адресатами выступают и граждане, застрахованные в системе обязательного пенсионного страхования. Об этом свидетельствуют такие цели осуществления индивидуального (персонифицированного) учета, как обеспечение достоверности сведений о стаже и заработке (доходе), определяющих размер страховой и накопительной пенсий; создание условий для контроля за уплатой страховых взносов застрахованными лицами; развитие заинтересованности застрахованных в уплате страховых взносов в Пенсионный фонд РФ; упрощение порядка и ускорение процедуры назначения страховой и накопительной пенсий.

К примеру, периоды работы, иной общественно полезной деятельности, социально значимые периоды, в течение которых гражданин не осуществлял трудовую деятельность, в целях пенсионного обеспечения сегодня подтверждаются на основании сведений индивидуального (персонифицированного) учета, и только в случае, когда данные неполны либо отсутствуют, необходимо представить соответствующие документы. Периоды ухода за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом или за лицом, достигшим возраста 80 лет, осуществлявшегося трудоспособным лицом, которому были назначены ежемесячные компенсационные выплаты либо ежемесячные выплаты, также подтверждаются сведениями индивидуального (персонифицированного) учета, учтенными на основании решения Пенсионного фонда РФ, поскольку именно в этой системе названные выплаты и назначались[2].

Положено начало функционированию Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО), основная цель которой – предоставление информации заинтересованным субъектам (при наличии доступа) о социальных предоставлениях (как уже назначенных,

[1] «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»: Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) // СЗ РФ.1996. № 14. Ст. 1401.

[2] «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий»: Постановление Правительства РФ от 02 октября 2014г. № 1015 (ред. от 10 мая 2017г.) // СЗ РФ. 2014. № 41. Ст. 5545.

так и тех, на которые лицо вправе претендовать) за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, а также местных бюджетов[1]. ЕГИССО должна стать действенным связующим звеном между нормативным и индивидуальным уровнями правового регулирования отношений по социальному обеспечению, когда, с одной стороны, государство закрепляет существование различного рода перечней, регистров получателей социальных выплат и услуг, а с другой стороны, эти перечни наполняются информацией применительно к конкретным лицам.

Преимущества ЕГИССО для граждан также очевидны. Одна из ее целей, согласно положениям Закона о социальной помощи, – обеспечить их информацией о мерах социальной защиты (поддержки), иных социальных предоставлениях. Важно, что в названной системе предполагается не только предоставление лицу сведений о социальных предоставлениях, которые оно получило (получает) за определенный период, но и информации о том, какие меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги предусмотрены действующим законодательством – с указанием социальных рисков, дающих на них право, способов компенсации названных рисков (видов, способов и форм предоставления социальных выплат либо услуг, а также их возможных объемов в натуральной форме либо денежном выражении). Кроме того, в рамках системы должна быть сведена воедино информация о нормативной базе (федеральных законах, законах субъектов РФ и подзаконных нормативных правовых актах) социального обеспечения. Отметим, правда, что срок ее действия пока непродолжителен, и далеко не все население знает о ее существовании, поэтому говорить о высокой эффективности пока рано.

Таким образом, одной из базовых характеристик информации о социальном обеспечении следует признать не только ее полноту и своевременность, но и доступность для получателей социальных предоставлений. Такое качество означает, что граждане должны быть максимально осведомлены об источниках сведений, которые можно получить о своих правах на социальное обеспечение. Необходимо не только создание информационных регистров и систем, но и широкая кампания по ознакомлению населения с самим фактом существования этих систем. Сведения, содержащиеся в этих системах, также должны быть представлены в понятной, доступной форме. И, разумеется, в условиях крайнего недоверия населения к системе социального обеспечения и к мероприятиям, проводимым в этой сфере государством, потребуется некоторое время для адаптации населения к подобным инновациям, в отличие от иных направлений цифровизации правового регулирования общественных отношений.

---

[1] «О государственной социальной помощи»: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 7 марта 2018 г.) // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

Современные технологии должны стать одним из основных направлений развития информационных систем, направленных на защиту от социальных рисков, однако общество находится в начале этого пути. Именно в рамках цифровизации правовое регулирование социального обеспечения может стать более эффективным за счет своевременной, полной, грамотной, однозначно толкуемой информации. Поэтому именно государству надлежит, в условиях становления информационного общества, развивать необходимые ресурсы, позволяющие гражданам узнавать о своих правах и реализовывать их.

Библиографический список:

1. *Антипьева Н.В.* Единство и дифференциация в праве социального обеспечения: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2016. С. 177–178.

2. *Аристов Е.В.* Социальное государство в конституционном праве: к вопросу о дискуссии относительно понятия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 3 (29). 2015. С. 8–15.

3. *Васекина Э.М.* Юридические сроки: теоретико-правовое исследование: Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

4. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для академического бакалавриата / под общ.ред. П.У. Кузнецова. М.: Юрайт, 2018. С. 25.

5. *Люминарская С.В.* Сроки в праве социального обеспечения России: Дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 21, 42.

6. *Манжула С.Г., Москвитин Е.Ю.* Механизм выплаты страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности работников в условиях реформирования системы социального страхования в Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6–2. С. 54.

7. *Мачульская Е.Е.* Право социального обеспечения: учебник. М.: Юрайт, 2010. С. 89–90.

8. Теория управления: Учеб. для вузов / В.Ф. Уколов, А.С. Масс, И.К. Быстряков. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. 704 с.

УДК: 651:658.3

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОСТОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ В КАДРОВОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ

Ю.И. Клепалова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового права
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: klepalova@e1.ru

Аннотация: в настоящее время электронный документооборот законодательно разрешен только применительно к дистанционным работникам. Но, несмотря на отсутствие правовой регламентации использования по общему правилу электронного документооборота в сфере наемного труда, автором рассматривается возможность использования простой электронной подписи в кадровом делопроизводстве и называются условия легитимности ее использования. В частности, автором предлагается разработка и утверждение локального акта, регламентирующего использование простой электронной подписи, а также перечень положений, которые должны найти в нем отражение.

Ключевые слова: цифровизация, электронный документооборот, кадровое делопроизводство, простая электронная подпись.

TO THE QUESTION OF POSSIBILITY TO USE SIMPLE E-SIGNATURE IN HR RECORDS-KEEPING

Yu.I. Klepalova,
Ural State Law University
21, Komsomolskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: klepalova@e1.ru

Annotation: at present electronic document flow is legally permitted only with regard to remote workers. But despite the fact that legal regulation for use of electronic document flow in the field of hired labour is not availability, the author considers the possibility to use simple e-signature in HR records-keeping and determine the conditions of legitimacy of its use. In particular, the author

suggests developing and approving local act regulating use of simple e-signature, as well as list of provisions which shall be reflected there.

Key words: digitalization, electronic document flow, HR records-keeping, simple e-signature.

Активная фаза процесса информатизации, в которую современное общество вступило в 1970-х гг., в последние годы приобрела глобальный характер. Сегодня этот процесс охватил практически все страны мирового сообщества[1]. Под воздействием информатизации происходят масштабные изменения всех сфер жизни и профессиональной деятельности людей: производства, экономики, науки, образования, культуры, здравоохранения и т.д. Происходящие изменения масштабны и глубоки, а их влияние на жизнедеятельность общества становится все более и более значительным.

В то же время возникает множество вопросов, связанных с возможностью более широкого применения достижений цифровой экономики в практике правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, отражения и закрепления этих процессов на законодательном уровне, легализации их в повседневной жизни, в локальных нормативных актах работодателей, в практике заключения, изменения и прекращения трудовых договоров, в ведении обширной кадровой документации, которое является обязанностью практически любого работодателя.

Полагаю, что современное состояние информационно-коммуникационных технологий позволяет активно использовать интернет-ресурсы, и в частности, электронный документооборот, в сфере наемного труда.

В настоящее время электронный документооборот законодательно разрешен только применительно к дистанционным работникам (глава 49.1 Трудового кодекса РФ). В соответствии с ч.5 ст. 312.1 Трудового кодекса РФ в случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом работник должен быть ознакомлен в письменной форме, в том числе под роспись, с принимаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с его трудовой деятельностью, приказами (распоряжениями) работодателя, уведомлениями, требованиями и иными документами, дистанционный работник может быть ознакомлен с ними путем обмена электронными документами.

Несмотря на отсутствие в Трудовом кодексе РФ общих правил об использовании электронного документооборота сторонами трудовых отношений, на практике извещения работников по электронной почте до-

[1] *Свистунов В.М., Лобачев В.В.* Трудовые отношения в условиях цифровизации экономики // Управление. 2017. № 4 (18). С. 29.

статочно активно используются работодателями, и такая возможность подтверждается судебной практикой. В частности, суды подтверждают правомерность использования работодателями электронного документооборота (электронной почты) в целях уведомления работника о:

- предстоящем увольнении, в случае, когда законом не установлено требование уведомления под роспись, например, при увольнении в связи с неудовлетворительным результатом испытания, а также в связи с истечением срока трудового договора[1];

- составных частях и размерах заработной платы[2].

Полагаю, что работодатель при наличии технических возможностей вправе с помощью локального регулирования восполнить пробел в праве и установить собственные правила электронного документооборота, но лишь в определенных пределах и с учетом требований действующего трудового законодательства. Такую возможность работодателю дает Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее Закон об электронной подписи), так как устанавливает, что документы в электронной форме признаются имеющими равную юридическую силу с документами, составленными на бумажном носителе, заверенными собственноручной подписью уполномоченного представителя участника информационного взаимодействия, при соблюдении требований закона.

Безусловно, большей надежностью обладает квалифицированная электронная подпись и рассматривается в качестве «аналога» собственноручной подписи работника в силу ее особых признаков (ч.3, 4 ст.5 Закона об электронной подписи). Согласно ст. 6 Закона об электронной подписи информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе.

Усиленная квалифицированная электронная подпись — самый регламентированный государством вид подписи[3]. Она создается с помощью крипто-

---

[1] Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 30 июля 2014 г. по делу № 33-2600/14; Определение Приморского краевого суда от 3 июля 2013 г. по делу № 33-5419 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 мая 2014 г. № 33-9230/2014; Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 9 июля 2014 г. по делу № 33-2457-2014; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 8 октября 2013 г. по делу № 33-3292/2013; Апелляционное определение Московского городского суда от 20 мая 2013 г. по делу № 11-11436/13 // СПС «Консультант Плюс»

[3] *Шевченко В.А., Пантелеева Т.А.* Электронная цифровая подпись (ЭЦП) в России // Вестник института мировых цивилизаций. 2018. Т. 9. № 2 (19). С. 35.

графических алгоритмов и базируется на инфраструктуре открытых ключей, обязательно имеет квалифицированный сертификат в бумажном или электронном виде, структура которого определена приказом ФСБ России № 795 от 27.12.2011 «Об утверждении Требований к форме квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи»; программное обеспечение для работы с ней должно быть сертифицировано ФСБ России, а выдавать ее может только удостоверяющий центр, который аккредитован Минкомсвязи России. При использовании усиленных электронных подписей работник и работодатель обязаны обеспечивать конфиденциальность ключей электронных подписей, в частности, не допускать использование принадлежащих им ключей электронных подписей без их согласия.

Но, как показывает практика, использование усиленной электронной подписи в трудовых отношениях не распространено по причине отсутствия прямого дозволения на это законодателя, а также в связи с тем, что выпуск сертификата ключа проверки электронной подписи является платным, а это дополнительные затраты для работодателя, связанные с оплатой услуг удостоверяющего центра, созданием и содержанием рабочих мест для работников, в чью трудовую функцию будет входить обязанность по своевременному предоставлению информации в удостоверяющие центры о необходимости создания сертификатов ключей проверки электронных подписей, а также аннулирования выданных этим удостоверяющим центром сертификатов ключей проверки электронных подписей.

Полагаю, что значительно упростить работодателю ведение кадрового делопроизводства позволяет использование сторонами трудовых отношений простой электронной подписи, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом (п.2 ст.4 Закона об электронной подписи). А информация в электронной форме, подписанная простой электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, в случаях, установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия (ч. 2 ст. 6 Закона об электронной подписи).

Электронный документ считается подписанным простой электронной подписью при выполнении в том числе одного из следующих условий:

1) простая электронная подпись содержится в самом электронном документе;

2) ключ простой электронной подписи применяется в соответствии с правилами, установленными оператором информационной системы, с использованием которой осуществляются создание и (или) отправка электронного документа, и в созданном и (или) отправленном электронном

документе содержится информация, указывающая на лицо, от имени которого был создан и (или) отправлен электронный документ (ч.1 ст.9 Закона об электронной подписи).

Простая электронная подпись представляет собой коды доступа, которые создаются внутри корпоративной системы работодателя ее собственными средствами и служит для подтверждения факта, что подпись создал конкретный человек.

Полагаю, что действующее законодательство уже сегодня предоставляет работодателям возможность использования простой электронной подписи в кадровом делопроизводстве, а необходимыми условиями ее использования являются:

1. соблюдение правил обращения с информацией, установленных Законом Об электронной подписи, Федеральным законом от 26.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Федеральным законом 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», гл. 14 ТК РФ, иными нормативными правовыми актами;

2. внедрение работодателем интернет-технологий, обеспечивающих подтверждение факта доставки информации и ознакомления с ней работником, а также создание условий для архивного хранения электронных документов;

3. оснащение рабочих мест персональными компьютерами, а компьютеры – соответствующим программным обеспечением; работники должны иметь корпоративные или личные электронные адреса, а также коды доступа «логин-пароль»;

4. закрепление обязанности работника использовать простую электронную подпись в локальных актах, трудовом договоре;

5. разработка и утверждение работодателем локального акта, регулирующего использование простой электронной подписи. В частности, считаю необходимым урегулировать в локальном акте следующие положения:

- субъекты применения простой электронной подписи: путем указания на структурные подразделения, должности и т.п.

- сфера применения подписи: по нашему мнению, простой электронной подписью могут быть подписаны документы, не названные в трудовом законодательстве в качестве обязательных, но тем не менее имеющие большой удельный вес в объеме кадровой документации: заявления о предоставлении, продлении, переносе отпусков (основных и дополнительных); заявления на удержание из заработной платы работника оплаты за питание, посещение спортивных заведений и т.п.; заявлений о предоставлении документов, связанных с трудовой деятельностью работника (с места работы, копии трудовой книжки, о заработной плате и т.п.), служебные записки, а также произвести согласование руководителями указанных кадровых документов, наложить на них резолюцию;

- правила определения лица по его подписи путем установления политики доступа работника к информационным ресурсам работодателя, правила создания и замены пароля, являющегося ключом электронной подписи;

- перечень информационных ресурсов, в которых возможно использование простой электронной подписи;

6. условия использования простой электронной подписи работником должны быть зафиксированы и в трудовом договоре, в частности, должна быть предусмотрена обязанность работника по ознакомлению с локальным актом, регулирующим использование простой электронной подписи, и соблюдению его положений, по обеспечению конфиденциальности используемых ключей простой электронной подписи, обязанность не применять подпись в случаях, если законодательством установлен запрет на ее применение; а также предусмотрены обязанности работодателя создать необходимые организационно-технические условия для использования простой электронной подписи, хранения электронных документов в информационных системах, по просьбе работника предоставить в установленный срок заверенную копию электронного документа на бумажном носителе.

Таким образом, электронный документооборот имеет тенденцию к активному внедрению в области регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Возможность применения электронных подписей при составлении кадровой документации соответствует Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. Полагаю, что значительно упростить работодателю ведение кадрового делопроизводства позволяет использование работником простой электронной подписи, но лишь при создании работодателем определенных организационно – правовых условий.

Библиографический список:

1. *Свистунов В.М., Лобачев В.В.* Трудовые отношения в условиях цифровизации экономики // Управление. 2017. № 4 (18). С. 29.

2. *Шевченко В.А., Пантелеева Т.А.* Электронная цифровая подпись (ЭЦП) в России // Вестник института мировых цивилизаций. 2018. Т. 9. № 2 (19). С. 33–36.

УДК: 349.3:65

ФУНКЦИИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

И.Р. Маматказин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового и международного права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: dekart74@yandex.ru

Аннотация: функция права представляет собой свойство системы права, отрасли права. Следовательно, изменение социального обеспечения и системы права социального обеспечения при переходе общества к цифровой экономике является объективным и неизбежным. В статье исследуются вопросы о том, должна ли измениться социально-обеспечительная функция и что она представляет собой в настоящее время. Также исследуются вопросы о взаимосвязи между функциями (свойствами) и явлениями в сфере права.

Ключевые слова: системность, элемент, функция, право социального обеспечения.

FUNCTIONS OF THE RIGHT OF SOCIAL SECURITY IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

I.R. Mamatkazin,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: dekart74@yandex.ru

Annotation: the function of law is a property of the system of law, the branch of law. Consequently, the change in social security and the system of social security law in the transition of society to the level of the digital economy is objective and inevitable. The article examines the questions of whether the social security function should change and what it represents at the present time. It also explores the relationship between the properties and phenomena in the field of law

Key words: consistency, element, function, social security law.

Цифровая экономика является условным понятием, определяющим новый уровень экономики, в котором определяющими будут технологии принципиально иного уровня, чем в настоящее время. Изменятся не только технологии, но и тип производства, и сами общественные отношения. Если тип и уровень технологического совершенства мы можем предположить с достаточной долей вероятности, то какими будут общественные отношения нового типа, мы можем только догадываться. Тем не менее все будущее начинается в настоящем, и перемены, ждущие наше общество, произойдут не так быстро и стремительно.

Социальное обеспечение и право социального обеспечения являются составной частью общественных отношений и естественно, что изменения, которые произойдут в обществе, коснутся и социального обеспечения. От социального обеспечения уже сейчас ждут новых форм, новых видов, инновационных предложений, способных если не стимулировать развитие производственных отношений, то как минимум соответствовать тому, что нас ждет завтра.

Очень интересно решаются вопросы функций социального обеспечения применительно к изменению системы социального обеспечения. В первую очередь нужно подчеркнуть, что теория функций в общеправовом масштабе связывает понятие функции права с двумя основными элементами: функцию понимают одновременно как направление воздействия права и свойство системы права[1]. Последнее, на наш взгляд, является наиболее существенным в понимании функции права. Права социального обеспечения в этом смысле полностью разделяет общеправовые положения теории функций права.

Большая заслуга в изучении функций права, а также функций социального обеспечения принадлежит В.Ш. Шайхатдинову. Заслуживает внимания обоснованный им системный подход к изучению функций в праве социального обеспечения, согласно которому функция понимается как проявление свойств и качеств во взаимодействии с другими объектами, то есть при «воздействии на среду». В то же время, по его мнению, сама отрасль права представляет собой систему, формирующую функции отрасли.

Рассматривая вопрос о функциях права в теории права социального обеспечения, специалисты отмечают наличие таких функций, как экономическая, политическая, социальная, демографическая и некоторых других. Подавляющее большинство авторов говорит о функциях как о функциях социального обеспечения, а не о функциях права социального обеспечения.

---

[1] *Радько Т.Н.* Теория функций права. М: Проспект, 2015. С. 71–73.

Вопрос о сочетании и взаимодействии функций права социального обеспечения и функций социального обеспечения как функций государства является одним из самых сложных для права социального обеспечения. Решению данного вопроса должен быть посвящен глубокий системный анализ права социального обеспечения и в данном параграфе ему будет уделено особое внимание. Но даже на первом этапе исследования проводить границу, четко очерчивая круг функций социального обеспечения и функций права, не допуская их взаимодействия, видится неправильным. Например, Шайхатдинов В.Ш., рассматривая отдельно две группы функций, указывал не просто на их взаимодействие, но и на обусловленность функций права функциями социального обеспечения. По его мнению, право является тем необходимым элементом, с помощью которого происходит осуществление функций социального обеспечения. Функции социального обеспечения с помощью юридических средств приобретают правовое содержание и становятся функциями права.[1] Исходя из этого такие функции, как экономическая, социальная, политическая, демографическая, являлись соответственно и функциями социального обеспечения, и функциями права социального обеспечения.

По мнению Э. Г. Тучковой, наибольшую значимость для права социального обеспечения имеет не социальная, а экономическая функция, хотя из аргументации о приоритете экономической функции видно, что экономическая функция в понимании автора содержит достаточно большой социальный компонент[2]. В соавторстве М. Л. Захаров и Э. Г. Тучкова расширили общепринятый перечень функций, добавив в него производственную функцию[3]. Е. Е. Мачульская рассматривает функции вместе с понятием социального обеспечения, говоря о них именно как о проявлении сущности социального обеспечения. Также, по ее мнению, наибольшую важность для социального обеспечения имеет экономическая функция, но функционал социального обеспечения включает в себя и такие функции, как профилактическая и реабилитационная[4]. М. В. Филиппова добавляет в перечень функций духовно-идеологическую функцию[5]. М.В. Лушникова и А.М. Лушников рассматривают функции права социального обеспечения в более конкретном контексте, избегая общих понятий и формулируя функции, специфические именно для права социального обеспечения. К

[1] *Шайхатдинов В.Ш.* Теоретические проблемы советского права социального обеспечения. Свердловск, 1986. С. 61.

[2] Право социального обеспечения России / отв. ред. *Тучкова Э.Г.* М.: Изд-во Проспект, 2016. С. 15–18.

3 *Захаров М.Л., Тучкова Э.Г.* Право социального обеспечения России. М.: Издательство БЕК, 2004. С. 36–39.

[4] *Мачульская Е.Е.* Право социального обеспечения. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 29–31.

[5] Право социального обеспечения / под ред. *М.В. Филипповой.* М: Юрайт, 2006. С. 24.

таким функциям, по их мнению, относятся: защитно-компенсационная и социально-адаптивная функции[1].

Следует отметить, что социально-защитная (или социальнообеспечительная) функция является одной из основополагающих для права социального обеспечения[2].

Суждение о том, что функция права является свойством системы, позволяет и дальше развивать изучение данного феномена права. В частности, если функция является свойством системы права, то функцию нельзя изменить без изменения системы права. Более того, изменение функции права всегда свидетельствует об изменениях системы права.

И эти рассуждения могут нас привести к определенного рода парадоксу. С одной стороны, мы понимаем, что система социального обеспечения изменится при переходе общества к цифровой экономике, мы даже требуем изменения социального обеспечения и перехода его на новый уровень. Но при этом социально-обеспечительная или социально-реабилитационная функция социального обеспечения должны остаться прежними. В этом случае мы видим, что нарушается взаимосвязь функции и явления, ее порождающего, – системы права. При изменении системы социального обеспечения закономерно должна измениться функция социального обеспечения. Но в данном случае обращает на себя внимание то, что изменение системы социального обеспечения должно произойти, а функция – остаться прежней. То есть новая система должна выполнять ту же функцию, что и старая система, и должна обладать тем же свойством, что и прежняя система.

Системы физики, механики могут предложить примеры, когда новые системы выполняли старые функции, но более эффективно. При этом вряд ли то, что вполне возможно в естественных науках, можно свободно переносить на общественные отношения. Общественные отношения развиваются по иным законам, чем законы механики. И приведенные выше суждения требуют изучения как системы социального обеспечения, так и его функций, свойств и признания того, по всей видимости, что понятие функции сформулировано некорректно.

Система социального обеспечения, так же как и система права социального обеспечения, имеют очень неоднородную структуру, обладают высокой степенью дискретности. Социально-обеспечительные правоотношения распределяются между основными группами правоотношений и объединяются в комплексы, системы. Можно выделить систему пенсион-

---

[1] *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Курс права социального обеспечения. М.: Юстицинформ, 2009. С. 452–454.

[2] *Федорова М.Ю.* Социальное страхование, как организационно правовая форма социальной защиты населения: проблемы правого регулирования. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2000. С. 225–227.

ных отношений, систему отношений по предоставлению пособий, систему социального обслуживания, систему медицинской помощи и лечения. Вполне обоснованно утверждать, что каждая из данных систем выполняет свою функцию, отличную от других. Значимость пенсионного обеспечения выражается в том, что пенсия выполняет функцию замещения утраченного дохода. Страховые пособия, такие как: пособие по временной нетрудоспособности, пособие по беременности и родам и др., выполняют функцию компенсации заработной платы на время нетрудоспособности работника. Социальное обслуживание выполняет функцию социальной помощи путем оказания социальных услуг, система медицинской помощи – функцию лечения. Данные функции как свойства тесно связаны каждая со своей системой, и маловероятно, что какая-либо из систем сможет выполнить функцию другой системы. Исходя из этого социально-обеспечительная функция и социально-реабилитационная функция являются обобщающими собирательными понятиями, отражающими общую концепцию права социального обеспечения, но не выражающие его свойств.

Несмотря на то, что история человечества знает несколько типов формаций общественных отношений: рабовладельческий строй, феодальный, капиталистический и др., очевидно, что такая функция, как лечение или оказание медицинской помощи, существовала в каждой формации и будет существовать в последующих типах. То же самое можно сказать и о функции социальной помощи или функции вспомоществования. Достаточно известны факты о проявлении милосердия, нищелюбия на Руси на государственном уровне начиная с X века[1]. Принимая разные эволюционные формы, в XIX веке социальное милосердие приобрело форму социального призрения. При этом призрение рассматривалось не просто как проявление милосердия, но и с учетом наличия субъективного права на призрение со стороны нетрудоспособных, что означало зарождение отрасли права социального обеспечения[2].

Но система социального страхования появилась в результате промышленной революции середины XIX века. Укрупнение промышленного производства и появление рабочего класса потребовало новых форм социального обеспечения. Страховая система Бисмарка и, в последующем, страховая система Бевериджа, явились основой для современных видов социального страхования. Маловероятно, что цифровая экономика изменит уровень общественных отношений настолько, что отпадет необходимость в промышленном производстве. Также представляется маловероятным, что в новом обществе не будет нуждающихся в социальной помощи. Поэтому с достаточной долей уверенности можно говорить, что все ранее сформи-

[1] Право социального обеспечения России / отв. ред. *Гусов К.Н.* М.: Проспект, 2009. С. 160–161.

[2] *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Указ. соч. С. 342–348.

рованные функции социального обеспечения останутся востребованными. Новые функции возникнут тогда, когда появиться достаточно многочисленный класс новых работников, деятельность которых будет качественно отличаться от существующих сегодня трудовых отношений. Иным будет труд, иными будут формы оплаты труда, соответственно, другими будут и формы социальной защиты и социального обеспечения индивидов.

Библиографический список:

1. *Захаров М.Л., Тучкова Э.Г.* Право социального обеспечения России. М. Издательство БЕК, 2004. 560 с.
2. *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Курс права социального обеспечения. М.: Юстицинформ, 2009. 656 с.
3. *Мачульская Е.Е.* Право социального обеспечения. М.: Издательство Юрайт, 2013. 575 с.
4. Право социального обеспечения / под ред. М.В. Филипповой. М.: Юрайт, 2006. С. 24.
5. Право социального обеспечения России / отв. ред. Гусов К.Н. М.: Проспект, 2009. С. 160–161.
6. Право социального обеспечения России / отв. ред. Тучкова Э.Г. М: Юрайт, 2016. 382 с.
7. *Радько Т.Н.* Теория функций права. М.: Проспект, 2015. 272 с.
8. *Федорова М.Ю.* Социальное страхование, как организационно правовая форма социальной защиты населения: проблемы правого регулирования. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2000. С. 225–227.
9. *Шайхатдинов В.Ш.* Теоретические проблемы советского права социального обеспечения. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. 156 с.

УДК 343.9:004.9

ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

О.В. Чесалина,
кандидат юридических наук, доцент, LL.M.,
научный референт Института социального права и социальной политики Общества Макса Планка
80799, Германия, г. Мюнхен, Амалиенштрассе, 33
E-mail: ol15ga@yandex.ru

Аннотация: в статье анализируются вызовы цифровой экономики для систем социального страхования и права социального обеспечения. К таким вызовам относятся: сокращение и ликвидация рабочих мест в результате роботизации и применения искусственного интеллекта; обесценивание полученной квалификации; риски для физического и психического здоровья, связанные с применением информационных технологий; трансформация форм занятости и появление новых форм занятости.

Ключевые слова: цифровая экономика, роботизация, право социального обеспечения, системы социального страхования, работа на основе интернет-платформ.

THE CHALLENGES OF THE DIGITAL ECONOMY FOR SOCIAL SECURITY SYSTEMS AND SOCIAL SECURITY LAW

O.V. Chesalina,
Max-Planck-Institut for social law and social policy
33, Amalienstr, Germany, Munich, 80799
E-mail: ol15ga@yandex.ru

Annotation: the article analyzes the challenges of the digital economy for social security systems and social security law. These challenges are: jobs replacement due to robotization and use of artificial intelligence; devaluation of work qualification; physical and mental health risks connected with the use of information technologies; transformation of form of employment and emergence of new forms of employment.

Key worlds: digital economy, robotization, social security law, social security systems, platform work.

Прежде всего, необходимо различать термины цифровая экономика в широком смысле слова и цифровой сектор экономики. Цифровизация, т.е. переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую, охватывает всю экономику. Часто этот процесс обозначается термином «цифровая экономика»[1]. Цифровой сектор экономики охватывает менее 10 процентов экономики[2]. Он базируется на цифровых технологиях и охватывает прежде всего область электронных товаров и услуг, деятельность на основе онлайн-платформ[3].

С одной стороны, информационные технологии создают новые возможности для пациентов и врачей (например, телемедицина), работников (удаленный труд), безработных (создание новых рабочих мест). Применение киберфизических систем создает возможности для выполнения работы не выходя из дома, что имеет большое практическое значение для инвалидов, лиц с семейными обязанностями, длительно безработных. С другой стороны, развитие технологий и цифрового сектора экономики сопряжено с вызовами как для национальных систем социального обеспечения, так и для регулирования и реализации транснационального социального обеспечения.

При этом вызовы цифровой экономики необходимо рассматривать в контексте других глобальных проблем в сфере социального обеспечения: отсутствие доступа к социальному обеспечению по причине пробелов в охвате социальным обеспечением, бедность и неравенство, молодежная безработица, старение населения, охрана здоровья и долговременный уход, новые социальные риски, социальная защита мигрантов и т.д.[4] Развитие технологий, рынки труда и цифровая экономика входят в десять глобальных проблем, стоящих перед национальными системами социального обеспечения[5].

Рассмотрим наиболее важные вызовы цифровой экономики для систем социального страхования и права социального обеспечения.

1) Сокращение и ликвидация рабочих мест в результате роботизации и применения искусственного интеллекта.

[1] IMF. Measuring the digital economy. Washington, 2018. URL: http://www.imf.org/external/pp/ppindex.aspx (дата обращения - 30.09.2018).

[2] Ibid.

[3] *Урманцева А.* Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин // РИА новости, 16.06.2017. // URL: https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html (дата обращения 30.09.2018).

[4] ISSA. 10 Global challenges for social security. 2016. // URL: http://socialprotection.org/discover/publications/ten-global-challenges-social-security (дата обращения - 30.09.2018).

[5] Ibid.

Применение киберфизических систем, роботов, искусственного интеллекта ведет к сокращению числа рабочих мест. В настоящее время еще сложно оценить, сколько видов деятельности будет автоматизировано. Результаты проведенных исследований значительно варьируются: ученые исходят из того, что может быть сокращено от 12 до 41% рабочих мест[1]. Проблема сокращения рабочих мест в результате роботизации уже сейчас является актуальной в странах с высоким уровнем роботизации[2]. Например, показатели роботизации в Южной Корее в восемь раз превышают средний мировой уровень и за 2016 год составили 631 робота на 10 000 сотрудников[3]. В Балтиморе, в самом большом филиале компании Амазон, на 93 000 квадратных метрах работает более 3000 человек и еще больше роботов. В Европе на 80 000 сотрудников компании Амазон приходится 10 000 роботов[4]. Открываются супермаркеты самообслуживания, без касс и кассиров. Первый такой супермаркет компании Амазон – Amazon Go был открыт в Сиэтле в 2018 году, в течение следующих трех лет планируется открыть 300 таких магазинов[5].

Сокращение рабочих мест будет происходить и в результате применения искусственного интеллекта вместо использования человеческого труда. Например, медицинские заключения на основе рентгеновских снимков будут давать не врачи, а самоуправляемые машины при помощи нового программного обеспечения[6].

Такие изменения могут оказать существенное влияние на страхование по безработице и на стабильность систем социального страхования и социального обеспечения в целом: в результате уменьшения числа застрахованных в системе обязательного страхования существенно уменьшится количество уплачиваемых социальных страховых взносов и увеличится финансовая нагрузка на системы социального страхования, которая и так уже достаточно высока из-за старения населения.

---

[1] *Balkenhol C.* Trendmonitor Arbeit 4.0 // Arbeitsrecht im Betrieb. 2016. №7-8. S. 10; *Krzywdzinski M., Jürgens U., Pfeiffer S.* Die vierte Revolution. Wandel der Produktionsarbeit im Digitalisierungszeitalter // WZB Mitteilungen. Heft 149. September 2015. S. 6–9.

[2] В 2016 году в России приходилось 3 робота на 10 000 сотрудников. См. *Самойдюк А.* Международная федерация робототехники представила список самых роботизированных стран мира, 04.05.2018. // URL: https://rb.ru/story/countries-with-greatest-density-of-robots/ (дата обращения 30.09.2018).

[3] *Эрмант Е.* Южная Корея обошла другие страны по уровню роботизации производства. // URL: http://robotforum.ru/novosti-texnogologij/yuzhnaya-koreya-oboshla-drugie-stranyi-po-urovnyu-robotizaczii-proizvodstva.html. 16.04.2018 (дата обращения 30.09.2018).

[4] *Jansen J.* Wenn der Roboter das Amazon-Paket fertig macht // F.A.Z., 19.10.2018.

[5] Amazon plant 3000 Läden ohne Kassen // F.A.Z., 20.09.2018. // URL: http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/diginomics/amazon-plant-3000-laeden-ohne-kassen-bis-2021-15797531.html (дата обращения 30.09.2018).

[6] *Poledna T., Gächter T.* Artificial Intelligence, Gesundheitsversorgung und Krankenversicherung // Jusletter 29.01.2018. S. 2.

В связи с этим в некоторых странах осуждается введение налога на роботов[1]. В Южной Корее такой налог был введен в 2017 году[2].

2) Обесценивание полученной квалификации.

В цифровом мире труда уже недостаточно иметь знания по специальности. Только вместе с техническими знаниями знания по специальности сохраняют свою ценность[3]. Речь идет не столько о переобучении, сколько о постоянном приобретении новых навыков в отношении новых технологий[4].

Старение населения еще больше усложняет эту проблему. Хотя данная проблема касается всех занятых, но особенно для пожилых трудящихся является большим испытанием оказаться в ситуации, когда полученных во время учебы знаний и большого опыта по определенной специальности уже недостаточно. Исследования показывают, что пожилые работники, а также работники с низкой квалификацией, мигранты, заемные работники значительно реже, чем другие категории работников, принимают участие в мероприятиях по повышению квалификации и переобучению[5].

В этой связи в последнее время все большее значение приобретает право на постоянное обучение и переобучение (right to on-going training). С юридической точки зрения, возникает вопрос, нормами какой отрасли права оно должно гарантироваться: трудового права или права социального обеспечения (в рамках обеспечения занятости и предупреждения безработицы).

3) Риски для физического и психического здоровья, связанные с применением информационных технологий.

Современные информационные технологии обеспечивают постоянную доступность. Отсутствие возможности разграничить рабочее время и время отдыха ведут к конфликту между между семьей и работой. Кроме того, цифровые технологии требуют более быстрого темпа работы, возникают новые формы психологического давления и производственного стресса[6]. Эти факторы ведут к эмоциональному выгоранию (burn out), возрастает количество психических заболеваний. Например, в Германии

---

[1] *Corujo B.S.* The «gig» economy and its impact on social security: The Spanish example // EJSS. 2017. Vol. 19 (4). P. 308.

[2] South Korea has the highest proportion of robot workers, 25.06.2018. // URL: https://asiancorrespondent.com/2018/06/south-korea-has-the-highest-proportion-of-robot-workers/ (дата обращения 30.09.2018).

[3] Zulieferung der Bundesagentur für Arbeit zum Weißbuch Arbeiten 4.0., 2015. S. 29 URL: https://www.arbeitenviernull.de/fileadmin/Futurale/Statements/PDFs/BA.pdf (дата обращения 30.09.2018).

[4] *Knop C.* Unternehmen investieren zu wenig in Weiterbildung // F.A.Z., 18.01.2017.

[5] Weißbuch Arbeiten 4.0. BMAS. 2016. // URL: http://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Publikationen/a883-weissbuch.pdf;jsessionid=CB0E490043955E5CD0F4FD4ADC2F0106?__blob=publicationFile&v=8 S.108. (дата обращения 30.09.2018).

[6] Конколевски Х.-Х. Десять глобальных проблем // Пенсия. 2018. № 7. С. 45.

они являются вторым по степени частоты основанием временной нетрудоспособности[1].

4) Трансформация форм занятости, появление новых форм занятости.

В последние несколько десятилетий осуществляется отход от стандартного трудового правоотношения как классической модели трудовых правоотношений (и основания охвата системами социального страхования) и распространение нестандартных форм занятости, при этом постоянно появляются их новые (более прекарные) виды, как например, нулевой контракт (zero hours contracts). Кроме того, растет количество самозанятых, увеличивается фрагментация труда.

Благодаря развитию цифровых технологий появились такие нестандартные формы занятости, как краудворк (crowdwork) и работа по запросу посредством приложений (work-on-demand via apps)[2]. Для этих форм занятости характерно то, что они организуются с помощью интернет-платформ или мобильных приложений, которые позволяют установить контакт между неопределенным количеством организаций, фирм и физических лиц (лиц, работающих на основе интернет-платформ). При помощи интернет-платформы заказчик связывается с исполнителем работы, задания или услуги. Краудворк – это умственный труд различной степени сложности: от дизайнерских проектов до микрозаданий (microtasks), которые не требуют специальных знаний[3]. Цифровые технологии позволяют заказчику найти исполнителя задания из любой страны, вне зависимости от территориальной удаленности между ними[4]. Работа по запросу – это работа, которая предлагается посредством мобильных приложений и включает такие традиционные виды деятельности, как транспортные услуги, уборка, доставка еды, ремонтные работы в доме, выгул животных; это могут быть и услуги адвоката, аудитора. Примером работы по запросу являются услуги такси, предоставляемые компанией «Убер» (Uber). Работа по запросу ограничена территориальными рамками.

---

[1] Psychische Erkrankungen zweithäufigste Ursache für Arbeitsunfähigkeit. 09.12.2016. // URL: https://www.bptk.de/aktuell/einzelseite/artikel/psychische-e-10.html (дата обращения 30.09.2018).

[2] Такую классификацию ввел Валерио де Стефано. Подробнее см.: *De Stefano V.* The rise of the «just-in-time workforce»: On-demand work, crowdwork and labour protection in the «gig-economy» // International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. Conditions of work and employment series. Geneva, 2016. Ser. № 71. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (дата обращения: 30.09.2018).

[3] *Чесалина О.* Работа на основе интернет-платформ (crowdwork and work on-demand via apps) как вызов трудовому праву и праву социального обеспечения // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 52–55; Ее же. От нестандартных форм занятости до работы на основе интернет-платформ // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 22–24.

[4] *De Stefano V.* The rise of the «just-in-time workforce»: On-demand work, crowdwork and labour protection in the «gig-economy».

Количество платформ и работающих на основе них лиц растет и в России. Например, в 2018 году более 500 000 фрилансеров было зарегистрировано на платформе «YouDo», в то время как в 2016 году было зарегистрировано примерно 70 000 фрилансеров[1]. Посредством данной платформы предлагаются различные услуги, как онлайн, так и офлайн: услуги курьера, ремонтные работы в доме, перевозки, дизайн, создание интернет-страниц, юридические услуги и т.д. Есть платформы, которые специализируются на одном виде услуг, как, например, курьерские услуги и доставка (Пешкарики) или услуги по уборке (Qlean.ru)[2]. В сфере перевозок лидирующее положение занимает Yandex.Taxi[3].

Практически во всех странах названные новые формы занятости относятся к самостоятельному труду. Несмотря на осуществление платформами на основе информационных технологий, мобильных приложений и рейтинговых систем «алгоритмического» контроля и мониторинга как процесса трудовой деятельности, так и ее результатов, интернет-платформы рассматривают себя исключительно в качестве посредника между заказчиком и исполнителем задания, но не в качестве работодателя. На сегодняшний день в некоторых европейских странах и США существует судебная практика по вопросу о юридической природе отношений, возникающих при работе по запросу (в отношении краудворкеров судебная практика пока отсутствует). В некоторых случаях лица, работающие по запросу, были переквалифицированы из самозанятых в работников[4], в других случаях суды не подтвердили наличие трудового правоотношения[5]. Первые трудовые споры с лицами, работающими по запросу, были рассмотрены и в России. Водители, использующие приложения Яндекс Такси, Гетт, Убер предъявили иски о признании возникших отношений трудовыми[6]. В обоих случаях суд не признал наличия трудовых отношений, несмотря на то, что осуществлялось регулирование рабочего времени и времени отдыха водителей, предусматривались доплаты за выполнение дневной нормы рабочих часов.

---

[1] *Суворова Н.* Время фрилансеров: как новые сервисы меняют рынок труда, РБК, 04.04.2016. // URL: https://www.rbc.ru/magazine/2016/04/56ead0539a79474e4031fc91 (дата обращения 30.09.2018).

[2] Там же.

[3] *Seddon M.* Russian ride hailing apps power up. Financial times 04.12.2017. // URL: https://www.ft.com/content/52e4db96-d678-11e7-8c9a-d9c0a5c8d5c9 (дата обращения 30.09.2018).

[4] В качестве примера можно назвать решение Парижского апелляционного суда (Cour d'appel de Paris) от 13 декабря 2017 г. в отношении водителей фирмы «La Cab».

[5] Решение Центрального арбитражного комитета (Central Arbitration Committee) от 14 ноября 2017 г. по делу «Союз независимых рабочих Великобритании против компании Деливеро» (Independent Workers Union of Great Britain v RooFoods Ltd (t/a Deliveroo) № TUR1/985(2016).

[6] Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.01.2016 по делу №12-250/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 12.04.2018 №33-15213/2018.

Приведенные примеры показывают, что единообразная практика по делам данной категории пока не выработана. До тех пор, пока суды не пересмотрят критерии индивидуального трудового правоотношения, социальное обеспечение лиц, работающих посредством платформ, будут осуществляться по правилам социального обеспечения самозанятых.

Во-первых, уменьшение числа застрахованных в системах социального страхования (за счет трансформации отношений из трудовых в гражданско-правовые, неправильной юридической квалификации возникающих правоотношений), увеличение числа работающих неполное рабочее время представляет угрозу для стабильности систем социального страхования.

Во-вторых, такой подход ведет к недостаточному уровню социального обеспечения лиц, работающих посредством платформ. С одной стороны, несмотря на то, что деятельность лиц, работающих на основе платформ, постоянно контролируется со стороны платформ (а также клиентов), они относятся к самозанятым. С другой стороны, это известная проблема доступа самозанятых к социальной защите, достаточного уровня социального обеспечения самозанятых.

В России, в отличие от обязательного социального страхования работающих по найму, на самозанятых в обязательном порядке распространяются лишь медицинское и пенсионное страхование (ст.430, 431 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ в ред. от 27.11.2018.

Социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством может осуществляться лишь в случае их добровольного вступления в соответствующие правоотношения и уплаты страховых взносов (см. ст. 4.5 Федерального закона от 29.12.2006 №255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»). Но размер пособий по безработице и в связи с материнством рассчитывается для самозанятых на основе минимальной заработной платы, а для работников на основе среднемесячной заработной платы.

Обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний может быть распространено лишь на одну категорию самозанятых – лиц, выполняющих работу на основании гражданско-правового договора, и только при условии, что, в соответствии с указанным договором, страхователь обязан уплачивать страховщику страховые взносы (ст. 5 Федерального закона от 24.07.1998 №125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»).

Круг лиц, застрахованных от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, не может быть расширен путем их добровольного вступления в эти правоотношения.

Не только в Росси, но и во многих государствах-членах ЕС самозанятые не охвачены полностью системами социального страхования и социального обеспечения. Например, в 11 государствах-членах ЕС самозанятые не имеют доступа к защите от безработицы, в 10 – от несчастных случаев и в трех – к социальному обеспечению в случае болезни[1]. В тех странах, где есть возможность добровольно застраховаться в определенной системе социального обеспечения, лишь ничтожно малый процент самозанятых используют эту возможность. Кроме того, группа самозанятых не является однородной. Каждый пятый самозанятый выбрал эту форму занятости, поскольку не смог найти работу на основе трудового договора[2].

На Саммите ЕС 17 ноября 2017 года был принят Европейский столп социальных прав, который содержит 20 принципов и прав для поддержки хорошо функционирующих и честных рынка труда и систем социального обеспечения. 12-й принцип сформулирован следующим образом: независимо от вида и продолжительности трудового правоотношения работники и на сопоставимых условиях самозанятые имеют право на соразмерную, надлежащую социальную защиту.

Для того чтобы дальше развить этот принцип, после двух фаз консультаций Европейская комиссия 13 марта 2018 года предложила проект Рекомендации о доступе к социальной защите для работников и самозанятых.[3] Рекомендация направлена на обеспечение доступа к адекватной социальной защите всем работникам и самозанятым в государствах-членах и на установление минимальных стандартов в области социальной защиты для работников и самозанятых.

Рекомендация направлена, в частности, на обеспечение для всех работников и самозанятых:

(а) формальной социальной защиты, т.е. формального доступа к системам социального страхования, имеется в виду право быть застрахованным в определенной страховой схеме, в определенном виде обязательного социального страхования;

(б) эффективной (фактической) социальной защиты; ее соразмерности, пропорциональности и возможности переноса социальных требований независимо от смены трудо-правового статуса;

(в) прозрачности при реализации права на социальную защиту.

Поскольку в России существуют пробелы как в формальном доступе к социальному обеспечению самозанятых (страхование от несчастных случаев и профессиональных заболеваний), так и в их эффективном социаль-

[1] См. обоснование проекта Рекомендации о доступе к социальной защите для работников и самозанятых - Europäische Kommission. Vorschlag für eine Empfehlung des Rates zum Zugang zum Sozialschutz für Arbeitnehmer und Selbstständige. Straßburg, den 13.3.2018, COM (2018) 132 final. S. 4.

[2] См. Ibid., S. 19–20.

[3] Ibid.

ном обеспечении (пенсионное страхование, страхование по материнству и временной нетрудоспособности), развитие законодательства в направлении, заданном в проекте Рекомендации о доступе к социальной защите для работников представляется актуальным и для России.

Библиографический список:

1. *Конколевски Х.Х.* Десять глобальных проблем // Пенсия. 2018. № 7. С. 41–63.

2. *Чесалина О.В.* Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work on demand via apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 52–55.

3. *Чесалина О.В.* От нестандартных форм занятости до работы на основе интернет-платформ // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 22–25.

4. *Balkenhol C.* Trendmonitor Arbeit 4.0 // Arbeitsrecht im Betrieb. 2016. № 7-8. S. 10–12.

5. Corujo B.S. The «gig» economy and its impact on social security: The Spanish example // EJSS. 2017. Vol. 19 (4). Pp. 293–312.

6. *De Stefano V.* The rise of the «just-in-time workforce»: On-demand work, crowdwork and labour protection in the «gig-economy» // International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. Conditions of work and employment series. Geneva, 2016. Ser. № 71. // URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (дата обращения: 30.09.2018).

7. IMF. Measuring the digital economy. Washington, 2018. // URL: http://www.imf.org/external/pp/ppindex.aspx (дата обращения 30.09.2018).

8. ISSA. 10 Global challenges for social security. 2016. // URL: http://socialprotection.org/discover/publications/ten-global-challenges-social-security (дата обращения 30.09.2018).

9. *Krzywdzinski M., Jürgens U., Pfeiffer S.* Die vierte Revolution. Wandel der Produktionsarbeit im Digitalisierungszeitalter // WZB Mitteilungen. Heft 149. September 2015. S. 6–9.

10. *Poledna T., Gächter T.* Artificial Intelligence, Gesundheitsversorgung und Krankenversicherung // Jusletter 29.01.2018. S. 2–12.

УДК 349.2: 341.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ж.А. Мингалева,
доктор экономических наук; профессор,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

профессор кафедры экономики,
и управления промышленным производством
ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»
614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29
E-mail: mingal1@psu.ru

И.Ю. Мирских,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: gloriaday@mail.ru

Аннотация: в статье представлены результаты компаративного анализа изменения структуры занятости населения экономически развитых стран мира, произошедшие в течение двух первых десятилетий XXI века. Цель исследования – проследить динамику развития нетрадиционных форм занятости, происходящую под влиянием технологических инноваций и цифровизации экономики за последние два десятилетия. Выделить перспективы развития нетрадиционных форм занятости под влиянием цифровизации, их преимущества и недостатки для различных групп населения. Результаты: приведены динамика структуры занятости населения по критериям временной и постоянной занятости, а также занятости полный и неполный рабочий день. Проанализированы причины развития нетрадиционной занятости.

Ключевые слова: структура занятости населения, временная занятость, Трудовой кодекс, особенности занятости по секторам экономики, гибкие формы занятости.

THE TRANSFORMATION OF EMPLOYMENT UNDER THE INFLUENCE OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS AND DIGITALIZATION OF ECONOMY

Zh.A. Mingaleva,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
Perm National Research Polytechnic University
29, Komsomolskya av., Perm, 614000, Russia
E-mail: mingal1@psu.ru

I.Yu. Mirskikh,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: gloriaday@mail.ru

Annotation: the paper presents the results of the comparative analysis of the employment structure changing of the population, which took place in the countries with developed economy in the first decades of the XXI century. The purpose of the research is to analyze the development dynamics of non-traditional forms of employment influenced by technological innovations and digitalization of economy in the two recent decades. It is also important to distinguish the perspectives of the development of untraditional forms of employment, its advantages and disadvantages for the different groups of population. The results: the dynamics structure of the population employment is examined implementing the criteria of full and part time employment, full time working day and part time working day. The reasons of the development of untraditional forms of employment are analyzed.

Key-words: employment structure, part time employment, flexible forms of employment.

Введение

Переход экономики к автоматизированному и компьютеризированному производству, широкое внедрение цифровых технологий в организации производственного процесса привели к трансформации организационных и технологических параметров производства и ведения бизнеса в современных условиях, что закономерно отразилось на изменении условий труда. В последние годы в развитых странах мира наблюдается трансформация традиционных форм занятости, появление новых нестандартных форм и их широкое развитие, а также рост числа работников, занятых неполный рабочий день или на условиях временной занятости. Нарастающие изменения затрагивают рынок труда в целом, его отдельные сегменты (занятость молодежи, женщин, пожилых, инвалидов, малообразованных и неквалифицированных работников и т.д.), а также требуют внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство.

«Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»[1]. Труд работников в сфере предоставления онлайн-услуг, интернет-торговли, интернет-банкинга стал более востребован. Это привело к возникновению и развитию новых нетрадиционных форм занятости.

Анализ особенностей трансформации условий труда и рынка труда в процессе широкого внедрения цифровых технологий и перехода экономики к автоматизированному и компьютеризированному производству позволяет выделить наиболее «острые» моменты в законодательном регулировании трудовых отношений и защите прав трудящихся, а также возможные направления совершенствования законодательства в указанной сфере.

Анализ изменения структуры занятости.

Компаративный анализ изменений структуры занятости населения экономически развитых стран мира, произошедших в течение двух первых десятилетий XXI века, проведен на основе официальных статистических данных OECD[2]. В таблице 1 представлены структура занятости по некоторым странам OECD критерию временная/постоянная занятость (составлено авторами на основании официальной статистики OECD[3]).

---

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 «Стратегия развития информационного общества РФ на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[2] https://stats.oecd.org

[3] https://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=LFS_SEXAGE_I_R

Таблица 1.
Структура занятости по некоторым странам OECD в 2000 и 2017 гг. по соотношению временной и постоянной занятости населения, %

Страна	**2000 год**		**2017 год**	
	Временная	Постоянная	Временная	Постоянная
Испания	68,3	31,7	73,3	26,7
Португалия	41,4	58,6	65,9	34,1
Италия	26,6	73,4	61,9	38,1
Франция	55,0	45,0	58,0	42,0
Нидерланды	35,5	64,5	56,8	43,2
Швейцария	47,2	52,8	53,8	46,2
Германия	52,4	47,6	52,6	47,4
Швеция	49,5	50,5	50,9	49,1
Бельгия	30,8	69,2	47,4	52,6
Финляндия	45,6	54,4	43,7	56,3
Дания	27,4	72,6	37,9	62,1
Ирландия	15,9	84,1	30,8	69,2
Великобритания	14,2	85,8	14,6	85,4
Япония	24,9	75,1	12,7	87,3
Россия	14,5	85,5	18,2	81,8

Как видно из таблицы 1, во многих странах произошел резкий рост временной занятости. Например, в Италии в 2,3 раза (с 26,6% в 2000 г. до 61,9% в 2017 г. от всей численности занятого населения), в Португалии в 1,5 раза (с 41,4% в 2000 г. до 65,9% в 2017 г.), в Ирландии почти в 2 раза (с 41,4% в 2000 г. до 65,9% в 2017 г.). При этом в ряде стран (Испании, Германии, Франции, Швеции, Швейцарии, Финляндии) уже в начале нынешнего века временная занятость превышала 50% от всей численности занятого населения или приближалась к этой отметке. Примечательно, что все 6 перечисленных стран относятся к экономически развитым государствам с высокой долей в структуре экономики промышленности и добывающих отраслей. И если в Испании, где широко развита туристская индустрия высокий процент временной занятости (68,3% в 2000 году и уже 73,3% в 2017 году) объясним именно сезонностью в пляжном туризме, то столь высокие показатели временной занятости в Германии, Франции, Швеции нельзя объяснить только широкой распространенностью туристского сектора и сферы услуг. Более того, столь сильное увеличение всего за 17 лет размера временной занятости во всех анализируемых странах трудно объяснить только секторальной структурой экономики, которая за эти годы принципиально не изменилась. Очевидно, что основная причина кроется в изменении самого типа осуществления трудовых операций, вызванном технологическими инновациями, цифровизацией, автоматизацией, ком-

пьютеризацией производства, изменением порядка нахождения на рабочих местах, количеством работников, принимаемых на полный рабочий день с соблюдением всех требований трудового законодательства. И именно «жесткость» трудового законодательства и сила профсоюзов в развитых странах Европы, по мнению ряда специалистов, является причиной роста временной занятости, занятости неполный рабочий день, а также причиной распространения нестандартной занятости.

Влияние трудового законодательства на изменение занятости во многих странах мира объясняется следующим образом. Чем меньше у работодателя прав по одностороннему регулированию условий труда, даже в кризисных ситуациях, тем меньше работодатели будут заинтересованы в приеме на работу специалистов в соответствии со всеми нормами права. «Жесткое законодательство о защите занятости значительно повышает трудовые издержки и тем самым делает стандартного работника «дороже», сокращая спрос на его услуги. Поэтому формальные правила, надежно защищающие постоянных работников от увольнений и ограничивающие гибкость занятости и рабочего времени, способствуют сжатию стандартной занятости, выталкивая из нее, прежде всего, женщин, молодежь, пожилых, малообразованных и неквалифицированных»[1]. Таким образом, в условиях кардинальной трансформации условий труда в цифровой экономике надежная законодательная защита прав работников оказалась одной из причин отказа работодателей от официального заключения трудовых соглашений с работниками на длительный срок и «ухода» из сферы регулирования трудовых отношений официальной занятости.

Нужно отметить, что изменение условий труда под влиянием технологических инноваций и цифровизации экономики оказало влияние и на структуру занятости по критерию полный/неполный рабочий день. Однако, как показывает статистика за анализируемый период, изменения по этому критерию оказались более неравномерными по сравнению с высоким ростом временной занятости. В частности, в ряде стран произошло сокращение числа занятых неполный рабочий день. При этом анализ причин данного явления показал, что в его основе находятся не только факторы технологических инноваций и цифровизации экономики, но также особенности трудового законодательства и правоприменительной теории и практики. В таблице 2 представлены структура занятости по странам OECD критерию полный/неполный рабочий день (составлено авторами на основании официальных статистических данных OECD[2]).

[1] *Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

[2] https://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=LFS_SEXAGE_I_R

Таблица 2.

Структура занятости по некоторым странам OECD в 2000 и 2017 гг., %

Страна	**2000 год**		**2017 год**	
	Полный рабочий день	Неполный рабочий день	Полный рабочий день	Неполный рабочий день
Испания	92,5	7,5	86,2	13,8
Португалия	90,7	9,3	91,5	8,5
Италия	88,3	11,7	81,5	18,5
Франция	85,8	14,2	85,7	14,3
Нидерланды	67,9	32,1	62,6	37,4
Швейцария	77,0	23,0	86,3	13,8
Германия	82,4	17,6	77,8	22,2
Швеция	86	14	73,3	26,7
Бельгия	80,7	19,3	83,6	16,4
Финляндия	89,6	10,4	86	14
Дания	84,7	15,3	79,6	20,4
Ирландия	81,9	18,1	80	20
Великобритания	76,7	23,3	76,5	23,5
Япония	84,1	15,9	77,6	22,4
Россия	92,6	7,4	96,5	3,5

Как видно из таблицы 2, в большинстве европейских стран произошло увеличение количества занятых, работающих неполный рабочий день. Это объясняется несколькими причинами.

Прежде всего, нужно отметить, что возможность работать неполный рабочий день и неполную рабочую неделю зафиксирована в странах Западной Европы и ряде других экономически развитых стран нормами трудового права. Эта возможность также закреплена и в российском трудовом праве (ст. 93 ТК РФ, ст. 256 ТК РФ)[1]. Однако, как показывает статистика, этим правом российские работники, так же как трудящиеся Швейцарии, Бельгии и Португалии стали пользоваться значительно меньше, чем это было в 90-х годах XX века (сокращение временной занятости в 2017 году по сравнению с 2000 годом составило в России 2,1 раза, в Швейцарии – 1,7 раза, в Бельгии – 1,2 раза). Такая разнонаправленная динамика объясняется несколькими причинами.

Во-первых, в ряде стран, активно проводящих политику совмещения разных видов деятельности (например, работа и учеба), расширения возможностей занятости для молодежи, пенсионеров, матерей с малолетними детьми и других групп работников с пониженной конкурентоспособностью, работа неполный рабочий день становится все более популярной. Основанием для

[1] Трудовой Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон от 30 дек. 2001 № 197-ФЗ (ред. от 27 дек. 2018г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

такой работы является инициатива самих работников, которым требуется дополнительное свободное время в течение дня (или недели) для решения личных вопросов[1]. И в условиях устойчивого экономического развития такое поведение работников является вполне обоснованным, что и сформировало достаточно высокий процент работающих неполный рабочий день в экономически развитых странах в начале нынешнего века – 32,1% в Нидерландах; 23,3% в Великобритании, 23% в Швейцарии.

Во-вторых, увеличение занятости неполный рабочий день в странах OECD обусловлено изменением технологических и организационных условий труда, вызванных переходом к новому технологическому укладу, информатизацией производства, серьезными изменениями в технике и технологии производства под влиянием процессов цифровизации, структурной реорганизации производства и другими объективными явлениями в технологическом базисе общества в целом, связанными с постиндустриальным развитием. И эти изменения непосредственно и прямо повлияли на рост занятых неполный рабочий день[2].

В-третьих, существенное воздействие на увеличение занятости неполный рабочий день в странах OECD, а также в России оказал мировой финансово-экономический кризис, затронувший многие сектора экономики и побудивший работодателей ввести режим неполного рабочего дня с целью сохранения рабочих мест до улучшения ситуации. В российском трудовом праве эта возможность зафиксирована в ст. 74 ТК РФ.

Согласно нормам ст. 74 ТК РФ, «установление режима неполного рабочего времени в одностороннем порядке по инициативе работодателя допускается в случае, когда причины, связанные с изменением организационных или технологических условий труда (изменения в технике и технологии производства, структурная реорганизация производства, другие причины), могут повлечь за собой массовое увольнение работников. В этих случаях работодатель, в целях сохранения рабочих мест, имеет право с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации и в порядке, установленном ст. 372 ТК РФ для принятия локальных нормативных актов, вводить режим неполного рабочего дня (смены) и (или) неполной рабочей недели на срок до шести месяцев (части первая и пятая ст. 74 ТК РФ)»[3].

Нужно отметить, что правомерность применения в качестве обоснования необходимости введения неполного рабочего дня таких экономических явлений, как падение объемов производства вследствие сокращения

[1] *Brearley K., Bloch S.* Employment Covenants and Confidential Information: Law, Practice and Technique. Butterworths. London, Dublin and Edinburgh. 1999. P. 46.

[2] *Mingaleva Zh., Mirskikh I.* On Innovation and Knowledge Economy in Russia. In *World Academy of Science, Engineering and Technology.* Vol. 66, June 2010. P. 1033.

[3] Гарант-ру. Правовые консультации. Онлайн-ресурс. Режим доступа http://www.garant.ru/consult/work_law/1096958/ (дата обращения: 17.09.2018).

спроса на продукцию и услуги работодателя, связанное с этим отсутствие необходимого объема работ для «загрузки» всех работников полный рабочий день и возникновение финансовых трудностей часто не принимается российскими судебными органами при рассмотрении соответствующих дел. Например, отказ в признании в качестве основания перечисленных выше явлений для установления работникам неполного рабочего дня в соответствии с нормами ст. 74 ТК РФ содержится в целом ряде судебных постановлений[1]. Однако в отечественной судебной практике встречаются и противоположные оценки, когда сокращение объема работ с соответствующим уменьшением продолжительности рабочего времени и оплаты труда трактуется именно как изменение организационных условий труда, что позволяет применять правило ч.5 ст. 74 ТК РФ[2].

Таким образом, возникают коллизии в трактовке норм ТК РФ и приводит к отказу работодателей принимать работников на полных условиях. Этой причиной частично объясняется и существенное увеличение временной занятости в зарубежных странах. Сильные профсоюзы и жесткое трудовое законодательство не дают работодателям возможности свободно маневрировать объемами работ и загруженностью работников. В условиях экономического кризиса, падения спроса на продукцию предприятий приводят к сокращению объемов выручки предприятий. В результате заработная плата быстро «съедает» все запасы (часто за 1-2 месяца) и предприятие вынуждено обращаться за кредитами в банки для погашения текущих платежей по заработной плате и другим обязательным выплатам. При сохранении тяжелой финансово-экономической ситуации в течение нескольких месяцев предприятие может исчерпать и резерв кредитования, когда банки откажутся предоставлять новые кредиты и потребуют возврата уже выданных. В результате предприятия оказываются перед угрозой банкротства, а значит, и увольнения всех работников[3].

Опыт показывает, что ответной реакцией на подобное развитие событий может стать дальнейшее ужесточение норм трудового права. Однако это только усиливает негативные тенденции: «из-за избыточной зарегулированности трудовых отношений начинает сокращаться общая занятость, растет безработица, усиливается отток в неактивность, все больше работ-

[1] См., например, апелляционные определения СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 06.10.2015 по делу № 33-6481/2015, СК по гражданским делам Суда Еврейской автономной области от 23.10.2013 по делу № 33-496/2013, СК по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 21.05.2013 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См., например, апелляционное определение СК по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 06.10.2015 по делу № 33-4152/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Никишина О.Ю.* Нестандартная занятость как форма рационального использования рабочего времени в условиях инновационных преобразований: Дисс. … канд. экон. наук. М., 2015. С. 132.

ников устремляется в теневой сектор»[1]. Результатом этого является возникновение следующих зависимостей:

- чем жестче законодательное регулирование формальной занятости, тем больше возникает разнообразных форм нестандартной занятости и тем шире она распространяется;

- «чем жестче регулирование и формальной и неформальной занятости, тем выше общие потери в занятости и тем больше формальные трудовые отношения уступают место неформальным»[2].

Расширение возможности внедрения «нетипичных трудовых отношений» предоставляет возможность работодателю заключать с работниками по сути гражданско-правовые договоры (договор подряда, договор об оказании услуг и т.п.) вместо трудового договора[3].

Нужно отметить, что «жесткость» и «негибкость» законодательства могут привести к реальному ухудшению положения работников, а также сформировать целые сектора экономики, не попадающие под действующее трудовое право, что и происходит в реальной жизни как в западных странах, так и в России. Именно нестандартная занятость стала основным способом создания новых или альтернативных рабочих мест, компенсируя в определенной степени «запретительность» и жесткость трудового законодательства в отношении стандартных работников[4].

Наибольшую социальную опасность при этом представляет то, что при развитии таких тенденций сильнее всего страдают самые незащищенные работники и слои населения. Увеличение процента нетипичной занятости может привести к ущемлению прав работников, лишению их законодательно установленных льгот и, как следствие, снижению их личной самооценки[5].

Следует согласиться с точкой зрения Ю.В. Васильевой, что «под влиянием цифровизации далеко не все трудовые отношения станут «нетипичными». Но мы не исключаем варианта, при котором «классическое трудовое правоотношение потеряет лидирующие позиции»[6].

---

[1] *Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 31.

[2] Там же.

[3] *Киселев И.Я.* Новый облик трудового права стран Запада: прорыв в постиндустриальное общество. М.: ЗАО «бизнес-школа «Интел-Синтез» совместно с ООО «Журнал «Управление персоналом», 2003. С. 27.

[4] *Капелюшников Р.И.* Конец российской модели рынка труда? М.: Изд. Дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. С. 56.

[5] *Arthus H.* Labour Law after Labour. The Idea of Labour Law; ed. by B. Langille, G. Davidov. Oxford University press. 2011. Pp. 13–29. (In Eng.)

[6] *Васильева Ю.В., Шуралева С.В.* К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета: Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477. С. 468.

Проведенный анализ показал, что структура и состав занятых в нестандартных формах четко смещены в направлении конкретных социально-демографических групп, к которым, прежде всего, относятся работники с наиболее слабой конкурентоспособностью на рынке труда: молодежь, работники пенсионного возраста, люди с иждивенцами (малолетними детьми, инвалидами, больными родственниками), работники с непрестижной и слабо востребованной профессией, малообразованные работники, что еще больше усиливает их социальную незащищенность и ослабляет позиции на рынке труда.

Заключение

Однако последствия мирового финансового кризиса и ухудшение экономической ситуации в целом при одновременном изменении организационных и технологических условий производства под влиянием технологических инноваций и цифровизации экономики во многих странах привели к формированию двух противоположных тенденций в сфере занятости населения: существенное увеличение временной занятости в зарубежных странах, но сокращение количества штатных сотрудников, которые работают в режиме полного рабочего дня.

Изменение технологических и организационных условий труда, вызванных переходом к новому технологическому укладу, информатизацией производства, серьезными изменениями в технике и технологии производства под влиянием процессов цифровизации значительно расширило возможность применения наемного труда и привело к трансформации форм занятости населения.

С точки зрения и экономики, и социальной справедливости, введение режима неполного рабочего дня (рабочей недели) является более мягкой и щадящей формой выживания в условиях кризиса, чем полное увольнение. Это требует совершенствования соответствующего законодательства, в том числе в зарубежных странах.

Библиографический список:

1. *Васильева Ю.В., Шуралева С.В.* К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета: Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477.

2. *Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

3. *Капелюшников Р.И.* Конец российской модели рынка труда? М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 80 с.

4. *Киселев И.Я.* Новый облик трудового права стран Запада: прорыв в постиндустриальное общество. М.: ЗАО «бизнес-школа «Интел-Синтез» совместно с ООО «Журнал «Управление персоналом», 2003. 160 с.

5. *Никишина О.Ю.* Нестандартная занятость как форма рационального использования рабочего времени в условиях инновационных преобразований: Дисс. … канд. экон. наук. М., 2015. 189 с.

6. *Arthus H.* Labour Law after Labour. The Idea of Labour Law; ed. by B. Langille, G. Davidov. Oxford University press. 2011. Pp. 13–29. (In Eng.)

7. *Brearley K., Bloch S.* Employment Covenants and Confidential Information: Law, Practice and Technique. Butterworths. London, Dublin and Edinburgh. 1999. 378 p. (In Eng.)

8. *Mingaleva Zh., Mirskikh I.* On Innovation and Knowledge Economy in Russia. In World Academy of Science, Engineering and Technology. Vol. 66, June 2010. Pp. 1032–1041 (In Eng.)

УДК: 004.9:343.72

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО – НОВОЕ СЛОВО В ПОНИМАНИИ ХИЩЕНИЯ ИЛИ ОШИБКА ЗАКОНОДАТЕЛЯ?

Н.А. Лопашенко,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: lopashenko@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию нового специального состава мошенничества – мошенничества в сфере компьютерной информации. Проблема заключается в том, что неудачно сформулированная законодательная норма ст. 159.6 УК противоречит классическому пониманию мошенничества и создает массу проблем практического свойства, начиная от поиска в составе компьютерного мошенничества признаков обмана, заканчивая разграничением этого состава с составами компьютерных преступлений. Последовательное исследование состава ст. 159.6 приводит к мысли о ненужности этого состава в УК.

Ключевые слова: компьютерное мошенничество, обман, злоупотребление доверием, хищение, компьютерная информация.

CYBERCRIME: ADVANCE IN THE UNDERSTANDING OF FRAUD OR A LAWMAKER'S MISTAKE?

N.A. Lopashenko,
Saratov State Law Academy
1, Volskaya st., Saratov, Russia, 410056
E-mail: lopashenko@yandex.ru

Annotation: the article is concerned with the study of a new specific kind of fraud – a computer-oriented crime. The problem is that badly formulated legislative provision in Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation contradicts a classical definition of fraud and creates a lot of problems in practice: beginning with searching for characteristics of fraud in the frame of cybercrime and ending with differentiation of Article 159.6 and cybercrime. Consistent study of the text of Article 159.6 suggests irrelevancy of this article in the Criminal Code of Russian Federation.

Keywords: cybercrime, fraud, abuse of trust, stealing, computer information.

Составы специальных мошенничеств появились в уголовном законе, несмотря на протесты ученых, по инициативе Верховного суда РФ в конце 2012 г. Некоторые из них достаточно успешно применяются (что не снимает вопроса об их необходимости в УК); другие – почти не встречаются на практике. Компьютерное мошенничество – именно такой состав, многие проблемы применения которого порождены непреодолимыми противоречиями внутри состава. Для того, чтобы их показать, пойду по пути традиционного анализа состава преступления.

1. Объект и предмет мошенничества в сфере компьютерной информации.

Объект мошенничества в рамках статьи не отличается от общего понимания объекта любого хищения.

В некоторых случаях, исходя из специфики способов и средств анализируемого преступления, в качестве дополнительного объекта можно рассматривать компьютерную безопасность[1].

Предметом преступления выступает чужое имущество и право на чужое имущество.

По мнению Е.Н. Бархатовой, анализируемое преступление имеет два предмета: компьютерную информацию и имущество[2]. Едва ли с этим можно согласиться. Компьютерная информация здесь выступает средством совершения преступления, а не его предметом.

---

[1] См. об этом же: *Григорян Г.Р.* Об объекте мошенничества в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 2018. № 5. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс». Правда, автор признает такое мошенничество двуобъектным преступлением всегда. Несмотря на то что статья опубликована в 2018 г., автор все еще пользуется той терминологией, которой давно нет в УК – ЭВМ, система ЭВМ….

[2] *Бархатова Е.Н.* Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений // Современное право. 2016. № 9. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс». Хотя далее, в этой же статье, автор пишет буквально следующее: «Именно компьютерная информация, зачастую не являясь предметом посягательства, представляет собой обязательный элемент способа его совершения»

2. Объективная сторона мошенничества в сфере компьютерной информации.

Объективная сторона заключается в мошенничестве в сфере компьютерной информации, т.е. хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Специфика этой разновидности мошенничества заключается в том, что обман перенесен в виртуальный мир, в сферу компьютерной информации.

Понятие компьютерной информации дано в примечании 1 к ст. 272 УК: «Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». Лицо производит операции с компьютерной информацией, изменяя ее так, чтобы получить против воли собственника или законного владельца чужое имущество или приобрести право на чужое имущество.

Эти операции могут заключаться в следующих неправомерных действиях: 1) во вводе компьютерной информации, в этом случае она изначально сфальсифицирована; 2) в удалении[1] действительной компьютерной информации, при котором уничтожаются данные, например, о реальном владельце акций, земельного участка, или же они искажаются в результате того, что оставшаяся информация не является полной; 3) в блокировании компьютерной информации, т.е. таком состоянии, когда информация продолжает существовать, но становится недоступной для пользователей; 4) в модификации компьютерной информации, т.е. искажении ее. При этом новая информация может не добавляться. Например, лицом вносятся другие данные о состоянии банковского счета потерпевшего в сторону его уменьшения.

Преступление может быть совершено и еще одним способом, который законодатель тоже относит к обману, хотя правильнее говорить о других формах хищения – о краже, в частности: путем иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. В любом случае, указанное вмешательство ведет к невозможности или к затруднению установления собственника или законного владельца имущества или права на чужое имущество, которое присваивается в результате этих действий виновным. Примером вмешательства может служить, скажем, повреждение жестких дисков компьютера, что приводит к невозможности получить с него хранящуюся на нем информацию.

[1] Верно отмечает Е.Н. Бархатова, что использование термина «удаление» в отношении компьютерных систем не совсем корректно; информация все равно сохраняется. См.: *Бархатова Е.Н.* Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений. Современное право. 2016. № 9. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс».

Строго говоря, здесь и обмана-то нет никакого; лицо совершает тайное хищение чужого имущества[1] путем махинаций с виртуальными документами. Классическое понимание мошенничества всегда связано с обманом человека[2], собственно, и сам термин «обман» предполагает наличие двухсторонних отношений, субъектами в которых выступают обманщик (преступник) и обманутый (потерпевший), сознание и (или) воля которого вводятся в заблуждение. Поэтому выделение данного вида мошенничества, мягко говоря, далеко не бесспорно[3].

Недаром в постановлении от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум Верховного суда РФ «забывает» о том, что речь в ст. 159.6 УК, согласно букве закона, идет о хищении: «По смыслу статьи 159.6 УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ» (п. 20).

Риторический вопрос: кого же здесь обманывает преступник или чьим доверием злоупотребляет[4]?

---

[1] См. такое же мнение: *Егорова Н.А.* И снова о мошенничестве. URL: http:// crimpravo.ru/blog/2134.html.

[2] Хотя в доктрине давно предложено понятие «обман компьютерной системы (автоматизированной системы обработки данных – АСУ)» – «получение доступа к процессам автоматической обработки данных одним лицом от имени другого с целью активации алгоритмов действия АСУ, результатом которых являются утрата кем-либо имущества, имущественных прав, причинения имущественного ущерба». См.: *Комаров А.А.* Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 9.

[3] А.А. Южин предлагает ст. 159.6 УК переместить в главу, посвященную компьютерным преступлениям. См.: *Южин А.А.* Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 14.

[4] Не задумывался об этом, например, *Е.В. Писарев*, еще в 2001 г. предлагавший подобную норму. По его мнению, она могла выглядеть следующим образом: «Компьютерное мошенничество есть получение чужого имущества или права на имущество путем ввода ложных данных в компьютерную систему, а равно получение чужого имущества либо права на него путем внесения изменений в процессы обработки информации на ЭВМ». См.: *Писарев Е.В.* Мошенничество: проблемы законодательной регламентации. В сб.: Актуальные проблемы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 23-24 мая 2001 года. Самара, 2001. С. 76.

И совершенно верно Пленум в следующем пункте названного постановления отмечает: «В тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, происшедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием.

Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ» (п. 21).

Но когда же тогда применяется состав компьютерного мошенничества?

Чем больше я думаю об этой разновидности неправомерного завладения чужим имуществом, тем больше у меня возникает сомнений в правильности оценки подобного деяния как мошенничества[1]. Если посмотреть на выделенные выше признаки обмана и злоупотребления доверием (а они – не только мной выделяются), то мы в ситуациях, когда для завладения чужим имуществом используются возможности компьютерных технологий, часто не сможем отыскать многих из них. Например, при продаже под видом компьютерной игры программы, позволяющей отследить и запомнить доступ к банковскому счету человека, и последующем доступе к этому счету и переводе с него денежных средств на определенный заранее приготовленный преступником счет, нет такого признака мошенничества, как осознанная передача денежных средств преступнику самим потерпевшим навсегда или даже во временное пользование. Потерпевший используется

[1] В то же время совершенно справедливо отмечает С.В. Шевелева: «С момента введения в действие нормы о компьютерном мошенничестве, в научной литературе не затихают споры относительно необходимости ее существования в уголовном законе вообще, учеными также доказывается неудачность самой формулировки мошенничества в сфере компьютерных технологий на предмет адресата обмана в частности. Однако полагаем правоприменителя в большей мере интересуют вопросы прикладного свойства». См.: *Шевелева С.В.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности квалификации и конкуренции со смежными составами преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 230. Воистину: «собака лает, а караван идет»…

преступником «втемную», он вообще не подозревает, что будет вынужден расстаться со своими деньгами.

Точно так же нет признаков надлежащего для мошенничества обмана в случае, когда такой же вирус рассылается в спаме и активизируется, когда потерпевший начинает свое обращение к банку (впечатывает, например, адрес банка в программу)[1], хотя на практике такие случаи квалифицируются, как мошенничество.

Скорее, здесь надо говорить о специфическом тайном завладении чужим имуществом путем применения компьютерных технологий, то есть о краже. Вполне возможно введение специального квалифицирующего – особо квалифицирующего признака; как его назвать – надо подумать, можно и указанное выше «путем применения компьютерных технологий» использовать.

Недаром законодатель, формулируя это, с позволения сказать, мошенничество, вообще уходит от упоминания его способов. И в качестве способов указывает манипуляции с компьютерной информацией и пр. Но при такой диспозиции практически невозможно найти место для способов мошенничества – ни для обмана, ни для злоупотребления доверием, Да им и места не оставлено, поскольку – читаем диспозицию – мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Но. Мошенничество – это, согласно ст. 159 УК, есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Ничего про способы мошенничества в понятии мошенничества компьютерного нет. А потому следует говорить о том, что, видимо, законодатель создал новую форму хищения, отношения к мошенничеству не имеющую[2]. Абсолютно верно замечает прокурор Р.Ю. Шергин: «Поставив во главу угла факт противоправного воздействия на компьютерную информацию, технически используемую для обеспечения сохранности или учета имущества, мы рискуем перевести в сферу применения ст. 159.6 УК любые другие формы хищений, а именно кражи, некоторые виды присвоений и

[1] Раскрытие компьютерного мошенничества в Швеции // Уголовное право. 2009. № 3. С. 123–124.

[2] Такая же позиция, сМ.: *Чекунов И.Г.* Компьютерная преступность: законодательная и правоприменительная проблемы компьютерного мошенничества // Российский следователью 2015. № 17. С. 29–33. См. также: *Болсуновская Л.М.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: анализ судебной практики // Уголовное право. 2016. № 2. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс»; *Тюнин В.И.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: сложности квалификации // Уголовное право. 2017. № 5. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс».

растрат, при простом применении в ходе их совершения компьютерного устройства для решения каких-либо второстепенных преступных задач: взлом цифрового замка хранилища, отключение его сигнализации, отправка бухгалтерских или иных документов на вверенное имущество по электронной почте и т.п.»[1]. И потому, в принципе, закономерно предложение И.А. Мусьял сформулировать общую норму «Хищение с использованием компьютерной информации»[2].

Преступление окончено с момента получения чужого имущества с возможностью пользоваться или распоряжаться им или получения права на чужое имущество (подробно об этом см. в анализе общих признаков мошенничества).

3. Субъективные признаки мошенничества в сфере компьютерной информации.

Субъективная сторона — прямой умысел и корыстная цель.

Субъект — любое лицо, достигшее 16 лет.

4. Система дифференцирующих признаков.

Она включает в себя три уровня – признаки ч. 2, ч. 3 и ч. 4 – и семь квалифицирующих признаков.

Для состава использовано классическое сочетание типичных дифференцирующих признаков – средств, которое выглядит следующим образом:

Квалифицирующие признаки (в ч. 2 статьи):

- совершение мошенничества группой лиц по предварительному сговору;

- совершение мошенничества с причинением значительного ущерба гражданину.

Особо квалифицирующие признаки (в ч. 3 статьи):

- совершение мошенничества с использованием своего служебного положения;

- совершение мошенничества в крупном размере.

Особо квалифицирующие признаки (в ч. 4 статьи):

- совершение мошенничества организованной группой;

- совершение мошенничества в особо крупном размере.

Понятия крупного и особо крупного размеров даны в примечании 4 к ст. 158 УК — соответственно, свыше двухсот пятидесяти тысяч рублей и свыше одного миллиона рублей.

В ч. 3 статьи предусмотрен квалифицирующий признак – хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, выше он анализировался.

---

[1] *Шергин Р.Ю.* Уголовная ответственность за компьютерное мошенничество: новое не всегда лучшее // Законность. 2017. № 5. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Мусьял И.А.* Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. С. 13.

5. О необходимости дополнительной квалификации по статьям гл. 28 УК.

Вопрос о необходимости дополнительной квалификации компьютерного мошенничества по статьям главы о компьютерных преступлениях является активно обсуждаемым и дискуссионным.

Проблема состоит в том, что законодатель в диспозиции ст. 159.6 УК воспроизвел признаки некоторых посягательств в сфере компьютерной информации, такие как – ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации, иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Во всех без исключения четырех статьях гл. 28 УК законодатель использует понятия «уничтожение, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации».

Таким образом, есть полное пересечение состава компьютерного мошенничества со всеми составами компьютерных преступлений по признакам «блокирование, модификация компьютерной информации» и еще один признак состава ст. 159.6 УК – удаление компьютерной информации», видимо, может использоваться как аналог «уничтожения компьютерной информации», о котором идет речь в ст. ст. 272 – 274.1 УК.

Кроме того, названное в ст. 159.6 УК в качестве способа преступления «вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей», хотя в таком варианте и не упоминаемое в гл. 28 УК, очень близко по смыслу сразу к двум составам компьютерных преступлений – составу неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК) и составу нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям (ст. 274 УК).

Нужна ли, при таких условиях, дополнительная квалификация по статьям гл. 28 УК и когда?

Вопрос по составу ст. 274.1 УК решается просто, на мой взгляд. Поскольку им предусматривается охрана особого объекта, о котором не упоминает ст. 159.6 УК, – критическая информационная инфраструктура РФ, постольку дополнительная квалификация нужна всегда.

По другим составам компьютерных преступлений необходимо анализировать подробнее.

Представляется, что коль скоро речь идет об уничтожении (удалении), блокировании и модификации компьютерной информации, то следует обратить внимание на то, в качестве чего использованы эти понятия в составах компьютерных преступлений. В ст. 272 и ст. 274 УК – это последствия,

которые наступают в результате различных действий – или неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК), или – нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям (ст. 274 УК). В ст. 273 УК уничтожение, блокирование, модификация компьютерной информации выступают целью создания, распространения или использования компьютерных программ либо иной компьютерной информации.

Меньше всего, с учетом сказанного, пересечений у ст. 159.6 УК и ст. 273 УК. В случае если необходимым этапом хищения является создание вредоносных программ, чтобы потом, получив неправомерный доступ к чужой компьютерной информации, уничтожить, блокировать или модицировать ее, завладев, таким образом, чужим имуществом или приобретя право на него, то содеянное требует квалификации и по ст. 273, и по ст. 159.6 УК. В данном случае составом компьютерного мошенничества не охватывается создание вредоносных программ. При этом, видимо, нужна квалификация по ч. 2 ст. 273 УК по признаку корыстной заинтересованности.

Гораздо сложнее с составами ст. 272 и 274 УК. Получается, что деяние – или неправомерный доступ, или нарушение правил эксплуатации влечет за собой уничтожение, блокирование или модификацию компьютерной информации. Практически то же самое мы имеем и в ст. 159.6 УК, только помимо этого лицо таким образом завладевает чужим имуществом или правом на него. Получается, что состав неправомерного доступа всегда полностью выполняется в компьютерном мошенничестве, является его частью. Полностью охватывается компьютерным мошенничеством и нарушение правил эксплуатации компьютерных систем, с учетом того только, что оно в качестве самостоятельного состава преступно при наступлении крупного ущерба. О последнем составе, кстати, пишут редко (даже Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30.11.2017 о нем не упоминает), видимо, полагая, что это состав неосторожного посягательства. Однако думаю, что нарушение правил может быть совершено не только по неосторожности, но и умышленно, что подтверждается, во-первых, тем, что законодатель не указывает в ст. 174 УК на неосторожную форму вины, и во-вторых, сравнением санкций ст. 272 и ст. 274 УК. А потому проблема дополнительной квалификации компьютерного мошенничества при умышленном нарушении правил эксплуатации также имеет место.

Соответственно сказанному, на первый взгляд, дополнительная квалификация компьютерного мошенничества по ст. ст. 272 и 274 УК не требуется, за исключением единственной ситуации, не охватываемой составом ст. 159.6 УК, – наступлением, в качестве последствий таких деяний, ко-

пирования компьютерной информации, не связанного непосредственно с хищением чужого имущества или права на чужое имущество.

В доктрине, однако, справедливо обращается внимание на то, что составы компьютерных преступлений караются иногда жестче, чем состав компьютерного мошенничества. Простой состав неправомерного доступа к компьютерной информации, равно как и простой состав нарушения правил эксплуатации влекут, в числе прочего, наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, в то время как компьютерное мошенничество без квалифицирующих признаков может быть максимально наказано арестом до четырех месяцев. – Вечная проблема построения согласованных санкций. Потом, в квалифицированных составах эта разница в наказании сглаживается, и в конечном итоге именно компьютерное хищение влечет более жесткое наказание. Но диспропорция по простым составам есть, и она существенная.

Как выходить из этой ситуации?

В науке мнения разделились. Большая часть авторов считает, что компьютерное мошенничество должно дополнительно квалифицироваться по ст. 272 или ст. 273 УК[1]. Склоняюсь к такому решению и я, хотя с позиции правил квалификации преступных деяний это категорически неверно. Если признаки одного преступления полностью входят в число признаков другого преступления, предусматривающего и дополнительные признаки, должен применяться только последний состав. Это так называемая учтенная уже в законе совокупность деяний, а нормы, предусмотренные в ст. 272 (274) УК и ст. 159.6 УК, конкурируют между собой как часть и целое[2]. Но законодатель, к сожалению, мало обращает внимания на сопоставимость составов разных преступлений и на установленные собой же правила. И потому имеет место парадокс, результатом которого является принципиально более низкое наказание за то деяние, которое несет в себе признаки сразу двух преступлений, нежели наказание за преступления, являющиеся его частью. – Индульгенция и перевертыш: чтобы получить меньше, надо совершить больше…

С учетом сказанного, я полагаю, что необходимо квалифицировать содеянное по двум составам – как компьютерное мошенничество и как состав компьютерного преступления. Это совсем не «чистая», к сожалению, квалификация. Потому что получается, что дважды наказываем за одно и

---

[1] *Болсуновская Л.М.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: анализ судебной практики // Уголовное право. 2016. № 2. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс».

[2] Такая же позиция, см., напр.: *Шарапов Р.Д.* Актуальные вопросы квалификации новых видов мошенничества. В сб.: Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания: Мат. всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. С. 3–5; *Бархатова Е.Н.* Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений // Современное право. 2016. № 9. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс».

то же. Но если квалифицировать только по ст. 159.6 УК, то получится, что мы недооцениваем один из двух страдающих объектов (собственность или отношения в сфере компьютерной безопасности) и отказываемся от его охраны, что нарушает права и интересы, охрана которых провозглашена как Конституцией, так и самим уголовным законом.

Правильнее, в связи со сказанным, было бы или исключение ст. 159.6 УК, возможно со включением в составы хищений особого квалифицирующего признака, позволяющего учитывать высокую эффективность компьютерных способов хищения (об этом уже шла речь), или, по крайней мере, повышение санкции ч. 1 ст. 159.6 УК.

И еще одно. Коль скоро мы допускаем дополнительную квалификацию по составу простого компьютерного мошенничества, видимо, логично, предусматривать ее и в случаях совершения квалифицированного хищения[1], несмотря на то, что в них диспропорции по наказаниям нет: правила квалификации одного и того же деяния должны быть одинаковыми.

Собственно, сейчас об этом говорится и в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017: «Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ» (п. 20).

Библиографический список:

1. *Бархатова Е.Н.* Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений // Современное право. 2016. № 9.

2. *Болсуновская Л.М.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: анализ судебной практики // Уголовное право. 2016. № 2.

3. *Григорян Г.Р.* Об объекте мошенничества в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 2018. № 5.

4. *Комаров А.А.* Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 25 с.

5. *Мусьял И.А.* Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 27 с.

6. *Писарев Е.В.* Мошенничество: проблемы законодательной регламентации. В сб.: Актуальные проблемы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 23-24 мая 2001 года. Самара, 2001. С. 76.

[1] Иная позиция, см.: *Шевелева С.В.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности квалификации и конкуренции со смежными составами преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2017, № 4 (40). С. 230.

7. Раскрытие компьютерного мошенничества в Швеции // Уголовное право. 2009. № 3. С. 123–124.

8. *Тюнин В.И.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: сложности квалификации // Уголовное право. 2017. № 5.

9. *Чекунов И.Г.* Компьютерная преступность: законодательная и правоприменительная проблемы компьютерного мошенничества // Российский следователь. 2015. № 17. С. 29–33.

10. *Шарапов Р.Д.* Актуальные вопросы квалификации новых видов мошенничества. В сб.: Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания: Мат. всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. С. 3–5.

11. *Шевелева С.В.* Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности квалификации и конкуренции со смежными составами преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 230.

12. *Шергин Р.Ю.* Уголовная ответственность за компьютерное мошенничество: новое не всегда лучшее // Законность. 2017. № 5.

13. *Южин А.А.* Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 14.

УДК 343.13:004.9

О РАЗВИТИИ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ИНСТИТУТА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Г.Я. Борисевич,
доцент, кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Аннотация: показаны роль и значение межотраслевого института, регулирующего применение электронно-информационных технологий в процессуальном праве России. Предпринят анализ развития законодательства, регулирующего применение электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Изменения и дополнения, вносимые законодателем в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, обусловлены проблемами и трудностями, возникающими в следственной и судебной практике. Подчеркнуто то обстоятельство, что в сфере уголовного судопроизводства в отличие от других процессов, электронно-информационные технологии применяются не только в судебной деятельности, но и в досудебном производстве. Сделан вывод о возможных перспективах дальнейшего развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение электронно-информационных технологий в данной сфере судопроизводства.

Ключевые слова: электронно-информационные технологии; межотраслевой институт; уголовно-процессуальное законодательство; совершенствование законодательства.

CONCERNING THE DEVELOPMENT OF INTERDISCIPLINARY INSTITUTION REGULATING ELECTRONIC INFORMATION TECHNOLOGIES USAGE IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS OF RUSSIA

G.Y. Borisevich,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Annotation: the information presented outlines the role and meaning of the interdisciplinary institution that regulates the usage of electronic information technologies in the procedural law of Russia. The analysis was performed of the legislation covering the electronic information technologies usage in the criminal court proceedings. The changes and amendments introduced by the Russian legislator into the RF Criminal Procedural Code are conditioned by problems and difficulties met in investigation and court practice. The circumstance is emphasized that unlike other processes, the criminal court proceedings use electronic information technologies not just in the court activities but also in the pre-trial proceedings. A conclusion is made about the possible future development and improvement of the of the criminal procedural legislation regulating the use of the electronic information technologies in this sphere of court proceedings.

Keywords: electronic information technologies, interdisciplinary institution, criminal procedural legislation, legislation improvement.

Своевременное, планомерное развитие правового регулирования применения электронно-информационных технологий является важнейшим условием дальнейшей успешной цифровизации всех видов судопроизводства. Это обеспечит существенную экономию ресурсов; упрощение процесса совершения отдельных процессуальных действий в производстве по уголовным, гражданским, административным делам, экономическим спорам; позволит преодолеть трудности следователям в раскрытии и расследовании преступлений при наличии электронных следов; будет способствовать доступу граждан к правоохранительным органам и правосудию; открытости и доступности информации судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Цифровизация всех видов судопроизводства существенно скажется на эффективности деятельности правоохранительных органов и судов, обусловит их техническое оснащение, юридическую грамотность должностных лиц государственных органов в сфере компьютеризации, будет способствовать защите прав и законных интересов граждан, укреплению законности в нашем государстве.

Институт применения электронно-информационных технологий в процессуальном праве России наряду с институтами отводов; представительства; процессуальных сроков; процессуальных издержек; доказыва-

ния; гражданского иска в уголовном деле; преюдиции; апелляционного, кассационного, надзорного производств; ювенальной юстиции, является межотраслевым, поскольку регулирует сходные правоотношения, возникающие в данной сфере в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Нормативной основой использования информационно-коммуникационных технологий в судебной системе являются три программы Правительства РФ: «Развитие судебной системы России на 2002-2006 гг.»; «Развитие судебной системы России на 2007-2012 гг.»; «Развитие судебной системы России на 2013-2020 гг.», а также соответствующие нормы УПК, ГПК, АПК и КАС РФ. Важным этапом в развитии данного межотраслевого института явилось постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами положений законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил ряд общих положений, касающихся административного, гражданского, арбитражного и уголовного судопроизводств. В частности, разъяснено, что понимать под обращением в суд; документом в электронном виде; электронным образом документа; электронным документом; электронной подписью; простой электронной подписью; усиленной квалифицированной электронной подписью; квалифицированным сертификатом ключа проверки электронной подписи; судебным актом; системой автоматизации судопроизводства; личным кабинетом. Также разъяснено содержание элементов электронного правосудия: порядок подачи в суды документов в электронном виде; судебные извещения; подготовка и рассмотрение дела с использованием документов в электронном виде; выполнение судебных актов в форме электронного документа; направление судебных актов и их копий в электронном виде. На наш взгляд, большинство из приведенных понятий должны найти свое закрепление в каждом процессуальном кодексе России. Мы полагаем также, что в недалеком будущем Пленум Верховного Суда РФ, изучив сложившуюся практику в судах, примет соответствующее постановление, более широкое, посвященное вопросам применения электронно-информационных технологий в судопроизводстве России.

Электронно-информационные технологии применяются в административном, гражданском, арбитражном судопроизводствах. В сфере же уголовного судопроизводства применение их имеет место не только в судебной деятельности, но и в досудебном производстве. Это существенное отличие уголовного судопроизводства от других процессов. Как развивалось уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее примене-

ние электронно-информационных технологий в раскрытии, расследовании и разрешении уголовных дел?

Нельзя не отметить, что впервые в российском законодательстве возможность использовать системы видеоконференц-связи (далее – ВКС) была предусмотрена в уголовном процессе применительно к суду кассационной инстанции. Осужденному предоставлялось право участвовать в судебном заседании непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем ВКС. При этом вопрос о форме участия осужденного в судебном заседании решался по усмотрению суда (ч. 3 ст. 376 УПК РФ).

Законодатель в 2009 г. вновь обратился к необходимости закрепления в УПК РФ нормы об использовании ВКС. В статью 35 УПК РФ об изменении территориальной подсудности уголовного дела Федеральным законом от 27.12.2009 № 346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», впоследствии в редакции Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» от 23.07.2013 № 217-ФЗ была внесена часть 6. Согласно этой норме по решению суда обвиняемый вправе участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи.

Спустя год Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 29.12.2010 № 433-ФЗ была предусмотрена возможность использования систем ВКС при рассмотрении уголовных дел в апелляционном и кассационном порядке (ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч.2 ст. 401.13).

Впоследствии внедрение систем ВКС в уголовном судопроизводстве продолжало расширяться. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 20.03.2011 № 39-ФЗ статья 240 УПК о непосредственности и устности была дополнена частью 4. Эта норма предусматривает, что свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференц-связи. Таким образом, использование систем ВКС стало характерным также для деятельности суда первой инстанции. Этим же Федеральным законом в УПК РФ была введена статья 278.1, имевшая своей целью урегулировать особенности допроса свидетеля путем использования систем ВКС.

Характерно, что в судебной практике стали возникать вопросы о необходимости использования систем ВКС в завершающей стадии уголов-

ного процесса-исполнения приговора. Часть 2 ст. 399 УПК о порядке разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, была изменена в редакции Федерального закона «О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 20.03.2011 № 40-ФЗ. Это правило (при наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании в стадии исполнения приговора) обязывает суд обеспечить непосредственное участие данного участника в судебном заседании либо предоставить ему возможность изложить свою позицию путем использования систем ВКС.

Параллельно с востребованием института использования систем ВКС в деятельности судов возникли определенные трудности следователей, связанные с производством обыска, выемки в досудебном производстве, хранения электронных носителей, электронной информации. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28.07.2012 № 143-ФЗ в УПК был внесен ряд изменений и дополнений. Так, редакция части 8 статьи 166 УПКРФ была изменена. Законодателем было уточнено, что к протоколу следственного действия необходимо также прилагать электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации, если в ходе производства конкретного следственного действия это имело место. Примечательно, что этим же законом был введен пункт 5 в часть 2 ст. 82 о хранении вещественных доказательств в виде электронных носителей информации.

Значительно помогла преодолеть трудности в расследовании преступлений часть 9.1, введенная вышеназванным законом в статью 182 УПК об основаниях и порядке производства обыска. Данной нормой урегулирован вопрос об изъятии электронных носителей с участием специалиста при производстве обыска, копировании им информации с изымаемых электронных носителей, в том числе на другие носители информации. Для правоприменителей в данной норме содержится ответ на вопрос, в каких случаях при производстве обыска не допускается копирование информации, кому должны быть переданы электронные носители информации, содержащие скопированную информацию. Следователям, дознавателям важно знать и помнить, что об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей информации, содержащих скопированную информацию, законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации в протоколе обыска необходимо делать запись. Этим же законом («О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28.07.2012 № 143-ФЗ) аналогичные изменения были внесены в статью 183 УПК об основаниях и порядке производства выемки. Об этом свидетельствует часть 3-1 статьи 183 УПК РФ.

После внесения дополнений в статьи 182 и 183 УПК был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012 № 207-ФЗ. Этим же законом в статью 82 УПК «Хранение вещественных доказательств» была введена часть 2-1.

Спустя 2 года законодатель вновь обратился к институту использования в деятельности судов систем ВКС. В статью 241 УПК о гласности Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 21.07.2014 № 251-ФЗ была введена часть 6-1. Данной нормой предусматривается возможность суда в исключительных случаях в целях безопасности участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, перечисленных в части 6-1 УПК РФ, по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем ВКС. Этим же законом редакция части 1 ст. 293 УПК также была изменена. Согласно её содержанию подсудимый вправе выступить с последним словом, в том числе с использованием систем ВКС.

И вновь законодатель обратился к стадии исполнения приговора. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» от 30.03.2015 № 62-ФЗ была изменена редакция части 2-1 статьи 399 УПК. В соответствии с изменениями потерпевший, его законный представитель, представитель в завершающей стадии уголовного судопроизводства могут участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем ВКС. Решение суда о форме участия потерпевшего, его законного представителя, представителя в судебном заседании обусловлено наличием ходатайства кого-либо из перечисленных участников, заявленного в течении 10 суток со дня получения извещения о проведении судебного заседания.

Следующим значительным шагом законодателя было принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ, которым в УПК РФ была введена статья 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», состоящая из 3-х частей.

Как уже нами упоминалось, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» даны

разъяснения относительно применения положений ст. 474.1 УПК РФ. Для правоприменителей эти обстоятельные разъяснения относительно содержания этапов электронного правосудия, чрезвычайно важны.

Реализация их на практике, безусловно, позволит эффективно осуществлять электронное правосудие.

Между тем деятельность законодателя по созданию, совершенствованию норм, регулирующих применение электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве России, продолжается. Следственная и судебная практика ставят на разрешение законодателя новые задачи. Принятие новых законов в этой сфере продолжается. Так, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ в статью 81.1 о порядке признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики введена часть 4. Правоприменителям предписано, как поступить с предметами (включая электронные носители информации), если они не признаны вещественными доказательствами. Данная норма имеет своей целью защиту прав и законных интересов граждан, участников уголовного судопроизводства.

Возникла необходимость и в принятии Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 375-ФЗ. Этим законом в статью 185 УПК о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку введена часть 7. Согласно этой норме при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователь по решению суда вправе провести их осмотр и выемку. Большое значение также имеет и Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28.03.2017 № 46-ФЗ, которым изменена редакция части 5 ст. 241 УПК о гласности. В соответствии с этой нормой трансляция открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети Интернет наряду с фотографированием, видеозаписью и (или) киносъемкой допускаются с разрешения председательствующего в судебном заседании. При этом следует учесть, что трансляция открытого судебного заседания на стадии досудебного производства по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не допускается. Этим же Федеральным законом изменена редакция части 5 статьи 259 УПК о протоколе судебного заседания. Законодателем предписано делать отметку в протоколе судебного заседания, если в ходе его также осуществлялась трансляция по радио,

телевидению или в сети Интернет. В этом случае в протоколе судебного заседания указывается также наименование средства массовой информации или сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, посредством которых осуществилась трансляция.

Нет сомнений, что развитие законодательства, регулирующего применение электронно-информационных технологий во всех формах судопроизводства, в частности, уголовном процессе, будет иметь свое продолжение. Остаются надежды на то, что это развитие приобретет более планомерный, целенаправленный, системный характер; законодателем будет реализовано большинство предложений ученых и практических работников, направленных на устранение имеющихся проблем в этой сфере[1].

Библиографический список:

1. *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 93–101.

2. *Пастухов П.С.* Модернизация уголовного-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2015. С. 15–21.

3. *Федосеева Е.Н.* О некоторых проблемах производства следственных действий, связанных с получением электронных доказательств // Следственные действия: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Материалы науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Г.Я. Борисевич, С.Д. Долгинова. Пермь, 2017. С. 188–193.

4. *Цоколова О.И., Безруков С.С., Куприянов Е.И.* Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 59–61.

5. Шагеева Р.М. Проблемы правового регулирования применения электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2018. № 3(38). С. 123–129.

[1] *Шагеева Р.М.* Проблемы правового регулирования применения электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2018. № 3(38). С. 123–129; *Цоколова О.И., Безруков С.С., Куприянов Е.И.* Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 59–61; *Пастухов П.С.* Модернизация уголовного-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2015. С. 15–21; *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 93–101; *Федосеева Е.Н.* О некоторых проблемах производства следственных действий, связанных с получением электронных доказательств // Следственные действия: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Материалы науч.-практ. конф. / Под общ. ред. *Г.Я. Борисевич, С.Д. Долгинова*. Пермь, 2017. С. 188–193.

УДК: 004.9:343.1

О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (РИТВУС[1])

С.В. Зуев,
доктор юридических наук,
заведующий кафедрой Правоохранительной деятельности
и национальной безопасности
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
E-mail: zuevsergej@inbox.ru

Аннотация: настоящая статья посвящена актуальным вопросам развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Автор обращает внимание на необходимость разработки и принятия общей Концепции, которая учитывала бы основные направления (потребности) современной науки и позволяла сохранить традиционные ценности уголовного процесса. Утверждается, что в условиях цифровизации общества уголовное судопроизводство неизбежно обретет новый облик, включая электронный документооборот, дистанционные формы проведения следственных и судебных действий, использование алгоритмов и математических расчетов в принятии процессуальных решений, внедрение робототехники. При этом незыблемыми должны оставаться такие юридические феномены, как: справедливость, состязательность, презумпция невиновности, оценка доказательств судом по внутреннему убеждению, установление истины по уголовному делу, всесторонне и полное расследование всех обстоятельств преступления.

Ключевые слова: информационные технологии, концепция, уголовное судопроизводство, развитие, РИТВУС.

ABOUT THE CONTEMPORARY CONCEPT OF DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROSECUTION (RITVUS)

[1] РИТВУС (Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве) – научное направление уголовного процесса, виртуальная лаборатория, объединяющая ряд ученых, занимающихся проблемами цифровизации уголовного судопроизводства. Новости науки, судебная практика, научные статьи, полезные ссылки, научные проекты и многое другое можно посмотреть на сайте: http://ritvus.ru/ (максимальные возможности доступны после простой регистрации, данные пользователей остаются скрытыми, конфиденциальность гарантируется администратором сайта – автором настоящей статьи).

S.V. Zuev,
South Ural State University,
76, Lenin Avenue, Chelyabinsk, Russia, 454080
E-mail: zuevsergej@inbox.ru

Annotation: this article is devoted to topical issues of the development of information technologies in criminal proceedings. The author draws attention to the need to develop and adopt a common concept that would take into account the main directions (needs) of modern science and allow to preserve the traditional values of the criminal process. It is alleged that in the digitalization of society, criminal proceedings will inevitably acquire a new look, including electronic document management, remote forms of investigative and judicial activities, the use of algorithms and mathematical calculations in the adoption of procedural decisions, the introduction of robotics. At the same time, such legal phenomena as justice, competition, the presumption of innocence, the assessment of evidence by the court on internal conviction, the establishment of the truth in a criminal case, and a comprehensive and full investigation of all the circumstances of the crime should remain unshakable.

Keywords: information technology, concept, criminal justice, development, RITVUS.

Проанализировав состояние науки, теории и практики уголовного процесса, а также учитывая всеобщую цифровизацию общественных отношений, можно прийти к выводу о неизбежности внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство, а также необходимости разработки Концепции развития этого явления.

Главными задачами необходимо признать:

– создание условий осуществления электронного правосудия и использования в установлении истины по уголовным делам цифровых доказательств на своей территории РФ в соответствии с материальным и процессуальным законодательством;

– совершенствование электронного документооборота, дистанционных форм процессуальных отношений и создание единой цифровой среды, комфортной для всех участников уголовного процесса;

– обеспечение уголовного судопроизводства надежной системой защиты и сохранение конфиденциальности;

– соблюдение конституционных прав человека и гражданина при их реализации в цифровом пространстве в ходе осуществления процессуальных действий;

– сохранение в нормах уголовно-процессуального законодательства основных принципов и культурных ценностей демократического и цивилизованного общества;

– повышение уровня материально-технического обеспечения органов расследования, прокуратуры и судов, способных решать возлагаемые на них задачи с учетом информационных потребностей общества и государства;

– обеспечение достоверности и повышение доступности информации в деятельности органов расследования и судов по находящимся в их производстве уголовным делам.

Основными направлениями развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве следует считать:

– приоритет научных исследований в области информационной теории доказательств;

– переход на электронный документооборот, включая так называемое Электронное уголовное дело;

– модернизация следственных и судебных действий, в том числе с использованием дистанционных средств и методов;

– использование математических методов и алгоритмизации в поддержке принятия процессуальных решений;

– внедрение в уголовный процесс робототехники.

В настоящее время происходит переход от единичного использования электронных средств доказывания к комплексному построению цифровой системы уголовного судопроизводства. Вместе с тем обращают на себя внимание традиционные ценности уголовного процесса, зарекомендовавшие себя как устои (основы) демократического, культурного и цивилизованного общества, которые непременно следует сохранить. К ним можно отнести: справедливость, состязательность, презумпция невиновности, оценка доказательств судом по внутреннему убеждению, установление истины по уголовному делу, всестороннее и полное расследование всех обстоятельств преступления, обеспечение безопасности участников уголовного процесса, тайна предварительного расследования и т.п. Однако уже сегодня можно наблюдать некоторую угрозу умаления (преуменьшения) значения данных феноменов в связи с нарастающей цифровой индустрией.

В связи с этим требуется разработка защитных мер по сохранению традиционных ценностей, исторически доказавших свою состоятельность и важность при рассмотрении и разрешении уголовных дел. Представляется возможным относительно указанных направлений развития информационных технологий уголовного судопроизводства определить процессуальные каноны и возможные угрозы их значению.

Одним из таких направлений можно считать приоритет научных исследований в области информационной теории доказательств.

Ученые-процессуалисты в своих исследованиях последних лет все чаще обращаются к информационным категориям и их свойствам. «Информация» оказывается в центре внимания. Изучению подлежат такие категории, как: «электронная информация», «компьютерная информация», «цифровая информация», «информационные технологии», «электронные носители информации», «цифровые доказательства». Это свойственно не только для науки отечественной, но и зарубежной. Для обозначения информации, хранящейся в вычислительных устройствах, в англоязычных странах используется термин «digital». Им чаще всего обозначают «цифровой, записанный серией цифр» (от англ. «digit» – число от 0 до 9). В Великобритании и США также распространено словосочетание «digital evidence» – цифровое доказательство, в Германии в обиходе термин «Digitale Daten», во Франции – «Information numerique» (цифровая информация).

Какие угрозы таит в себе увлечение информационным подходом в науке уголовного процесса? Прежде всего, просматривается опасность стирания граней между информацией и доказательствами. В российской уголовно-процессуальной науке это абсолютно разные категории. Может сложиться впечатление, что любая информация, имеющая отношение к преступлению (или уголовному делу), может быть доказательством. Но это больше заблуждение. Информация первична, она появляется в процессе уголовно-процессуального, оперативно-разыскного или адвокатского познания и становится их результатом. Такая информация может быть представлена следователю или суду, а также получена ими самими.

Доказательства – плод (результат) уголовно-процессуальной проверки и оценки лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Вместе с доказательствами формируются знания, позволяющие установить объективную истину, то есть то, как все происходило на самом деле, кто виновен в совершении преступления и какое необходимо назначить наказание.

Информация не может рассматриваться как цель. Ее явно недостаточно для определения виновности лица, как бы очевидной она ни была. Проверяемость – неотъемлемый атрибут информации и гарант достоверности последующих выводов. Требования к цифровой информации должны быть аналогичными любым сведениям, претендующим на статус доказательств, с учетом ее (информации) особенностей[1]. Это касается аутентификации (позволяющей определить подлинность), идентификации (используемой для определения субъекта создания и модификации), верифицируемости (дающей возможность для определения даты, времени, способа создания и модификации электронного документа), целостности (неизменности) и воспроизводимости (способности демонстрации доступным способом) сведений.

[1] *Александров А.С., Кувычков С.И.* О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2013. № 5. С. 76–84.

Клод Шеннон в изданной еще в 1963 году монографии предупреждал: «Теория информации, как модный опьяняющий напиток, кружит голову всем вокруг»[1]. При этом информационный подход не является единственным возможным средством изучения действительности в уголовном процессе. В.А. Смирнов и К.Б. Калиновский выделяют помимо информационного еще логический и юридический уровень[2]. И.А. Зинченко считает интересным и перспективным подход системомыследеятельностный, согласно которому источником знаний всегда выступает тот, кто их формирует[3]. И это далеко не полный перечень альтернатив.

Переход на электронный документооборот – немаловажное направление развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве, которое, безусловно, имеет перспективу. Объясняется это экономией временных затрат на пересылку материалов уголовного дела (от одного отдела полиции в другой по подследственности; от следователя прокурору или руководителю следственного органа для проверки[4]; от прокурора в суд на рассмотрение и т.д.); сокращение бумажных расходов; удобства при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела; компактность хранения; легкость копирования.

В перспективе технические средства копирования, хранения, передачи электронной информации сделают ненужными бумажные уголовно-процессуальные документы, то есть возможен переход исключительно на электронный документооборот[5].

Вместе с тем просматривается угроза фальсификации следователем информации. Возможность иметь доступ к цифровой информации всегда будет вызывать сомнения в достоверности и быть лишним поводом к ее дополнительной проверке. Несмотря на существующие различные методы защиты целостности цифровых данных, проблема связана с информационной безопасностью, возможностью раскрытия персональных данных, кражи коммерческой, профессиональной, служебной и государственной тайны[6]. В связи с этим требуется дополнительная защищенность. Это относится и к самим

---

[1] *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ., под ред. *Р.Л. Добрушина, О.В. Лупанова.* М.: Иностранная литература, 1993. С. 668.

[2] Уголовный процесс: учебник / *А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский*; под общ. ред. проф. *А.В. Смирнова*. 4-е изд. М.: КНОРУС, 2008. С. 208.

[3] *Зинченко И.А.* Исследования проблем уголовно-процессуального доказательственного права должны быть продуманными и корректными // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 20–26.

[4] *Познанский Ю.Н.* Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовного дела в разумные сроки / Труды академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 41–44.

[5] Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / Коллектив авторов; под ред. *С.В. Зуева.* М.: Юрлитинформ, 2018. С. 165.

[6] *Пастухов П.С. Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспе чения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 231–236.

носителям электронной информации, и к данным, содержащим секретную информацию (например, сведения о лице, участвующем в уголовном деле в рамках государственной защиты под псевдонимом).

В силу легкости внесения изменений и дополнений в цифровую информацию предоставление ее участникам уголовного процесса для ознакомления также имеет определенные риски. На практике имеют случаи отказа обвиняемому осмотреть находящуюся на электронном носителе информацию. При этом в случае обжалования суды поддерживают позицию следователя[1]. Известны также случаи, когда следователи отказывали в приобщении к материалам уголовного дела электронных носителей информации, а в дальнейшем сами официально запрашивали эту информацию из учреждений, организаций и предприятий.

Квинтэссенцией электронного документооборота является создание Электронного уголовного дела. Это, конечно, удобно, компактно, мобильно и легко управляемо. В научных кругах необходимость и возможность активного использования Электронных уголовных дел в уголовном судопроизводстве обсуждается многими авторами. Системы электронного судопроизводства внедряются в США, Канаде, Германии.

В Бельгии, например, еще в 2005 году был создан проект электронного правосудия Phenix, в рамках которого помимо системы электронного документооборота «электронный файл» мог пополняться полицией, адвокатом, сторонами и судом. Вопрос аутентификации решался использованием электронного паспорта (eID)[2].

В Саудовской Аравии производство по многих делам заканчивается в течение двух дней. В этой стране перешли на Электронные уголовные дела несколько лет назад, сократив сроки расследования на 80%. Положительный опыт правоохранительной реформы можно наблюдать также Грузии, где в 2011 году был осуществлен переход на электронный формат уголовного дела. Заметно продвинулись в этом вопросе Южная Корея, Сингапур, Эстония. В 2011–2012 годах по линии Комитета государственных доходов в Астане и Карагандинской области Республики Казахстан запущен пилотный проект «Е-уголовное дело»[3]. В Азербайджанской Республике с 2016 года для расследования налоговых преступлений применяется программа «Электронное уголовное дело»[4].

В Российской Федерации предпринимаются попытки создания Электронного уголовного дела[5]. Особое значение придается обеспечению

---

[1] Апелляционное определение *Судебной коллегии по уголовным делам* Московского городского суда от 22.06.2015. Дело № 10-7831/2015.

[2] http://ec.europa.eu/idabc/servlets/Doc3443.pdf?id=32321.

[3] http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/stati/cifrovizaciya-prozrachno-i-effektivno.

[4] http://interfax.az/view/687271.

[5] *Янушко А.В., Бабанин А.В., Кузнецова О.А., Петрушенко С.В., Чекмарев М.Ю.* Защищенный аппаратно-программный комплекс центра хранения электронных копий материалов уголовного дела // Безопасность информационных технологий. 2011. № 1. С. 21–29.

информационной безопасности. Проблемы использования указанных технологий связаны с идентификацией сторон, возможностью внесения изменений при сохранении целостности доказательств[1]. Для того чтобы исключить возможность несанкционированного доступа к ним посторонних лиц, требуется качественное техническое решение. Существует мнение, что технология, поддерживающая Биткойн, обеспечивает безопасность, стабильность и эффективность онлайн-транзакций[2]. Вместе с тем следует согласиться с необходимостью разработки государственной системы хранения электронных сведений при использовании технологий блокчейн[3]. Именно здесь сейчас ведутся научные разработки, требующие значительных материальных затрат.

Модернизация следственных и судебных действий – еще одно перспективное направление развития информационных технологий в сфере уголовного процесса. Электронные документы могут рассматриваться в качестве конечного продукта проведения следственных действий. В данном случае возможна угроза разрушения стереотипного восприятия данных процессуальных действий. Дело в том, что оперирование электронной (цифровой) информацией не вполне вписывается в традиционную систему следственных действий. Так, например, в ходе осмотра носителя цифровой информации задействованы не только органы чувств, приходится, по сути, искать, сортировать информацию, выполнять технические и программные действия. Поэтому вряд ли это соответствует обычному осмотру. Американские ученые относят поиск файлов на цифровом устройстве обыском. При этом доказательством является отдельный файл, а не сам жесткий диск, на котором он хранится. Жесткий диск – это хранилище доказательств. Таким образом, в США проводится обыск цифрового устройства[4]. В Германии и Южной Корее это называется правомерная фильтрация информации для оценки ее доказательственного значения[5].

В российской юридической литературе можно встретить предложения по введению в уголовный процесс таких новых следственных действий, как: обыск средств компьютерной техники[6], электронное копирование

[1] *Potas I., Ash D., Sagi M., Cumines S., Marsic N.* Informing the discretion: the sentencing information system of the judicial commission of New South Wales // International Journal of Law and Information Technology. 1998. Vol. 6 (2). Pp. 99–124.

[2] *Cuccuru P.* Beyond bitcoin: an early overview on smart contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2017. Vol. 25. Issue 3, 1. Pp. 179–195.

[3] *Сергеев С.М.* Правовое регулирование и применения электронной информации и Электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 222.

[4] *Kerr O.S.* Digital evidence and the new criminal procedure // Columbia law review. 2008. Vol. 105. Pp. 298–299.

[5] *Sinn A.* Cybercrime im Rechtsvergleich: Beiträge zum deutsch-japanisch-koreanischen Strafrechtssymposium. Osnabruck. 2013. С. 133.

[6] Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Сборник научных статей. Уфа, 2003. Ч. 1. С. 105–109.

информации[1], осмотр информационной среды, электронная выемка, электронный обыск[2], арест электронно-почтовой корреспонденции[3]. Кроме того, есть мнение о том, что действующая редакция ст. 185 УПК РФ не рассчитана на применение в сфере цифровых технологий и не учитывает специфики отправки и получения информации с помощью технологии электронной почты[4].

В этой связи следует согласиться с тем, что необходимо регулирование, в первую очередь, основных начал проведения следственных действий и иной деятельности с использованием информационных технологий и электронных документов путем формулирования норм о гарантиях подлинности электронных доказательств, например, о ее неизменности, защите от возможных посягательств и доступности для последующего изучения, депонировании электронных копий, обязательном участии специалиста при проведении следственных или судебных действий, связанных с копированием, депонированием, осмотром, изъятием электронной информации[5].

В.В. Зозуля предлагает на законодательном уровне предусмотреть возможность осуществления видеозаписи при проведении следственных действий с автоматической системой видеозаписи в служебных помещениях органов предварительного расследования в уведомительном порядке[6].

Внедрение в уголовно-процессуальную материю технологии удостоверения процессуального документа любым участником уголовного процесса вместо его обычной подписи позволит в режиме онлайн осуществлять процессуальные действия и подтверждать их. Это дает широкие возможности по дистанционному обеспечению прав и законных интересов участников.

Целесообразным будет дополнить содержание диспозиции ст. 278.1 УПК возможностью использования видеоконференц-связи не только в судебном заседании, но и на предварительном расследовании[7].

---

[1] *Зуев С.В., Сутягин К.И.* Электронное копирование информации как самостоятельное следственное действие // Следователь. 2003. № 4. С. 14–15.

[2] *Сергеев С.М.* Правовое регулирование и применения электронной информации и Электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 246.

[3] *Усов А.И.* Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 14.

[4] *Зазулин И.А.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 139.

[5] *Кувычков С.И.* Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дисс. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 188.

[6] *Зозуля В.В.* К вопросу о применении видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2016. № 1 (3). С. 47–51.

[7] *Дмитриева А.А.* Теоретическая модель безопасного участия личности в уголовном судопроизводстве: дисс. …д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 19.

Вместе с тем необходимо отметить, что расширение возможностей информационных технологий уголовного процесса путем совершенствования программы реализации видеоконференц-связи (проведение с использованием данной технологии таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание, частичное упразднение института понятых) должно осуществляться при решении вопросов, связанных с обеспечением достоверности и допустимости полученной таким образом информации, ее безопасности и сохранности, тайны следствия, с соблюдением прав и законных интересов человека и гражданина[1].

В данном контексте вполне уместно говорить о конфиденциальности и защите цифровых прав[2]. Конфиденциальность по своей природе не может в полной мере обеспечить защиту части цифровой идентичности, которая требуется для транзакций из-за его по существу общественного характера[3].

К этому можно еще добавить то, что в Великобритании впервые в истории состоялся полностью виртуальный судебный процесс, в котором судья, истец и представитель ответчика общались между собой через специальную «закрытую» сеть, разработанную по заказу Минюста Соединенного королевства[4].

Еще одно направление развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве – использование математических методов и алгоритмизации в поддержке принятия процессуальных решений. Сама идея не нова и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, применение такой тщательно разработанной программы посягает на внутреннее убеждение правоприменителя (следователя, дознавателя, судьи). Оценка доказательств (электронных, цифровых или иных) была и будет оставаться в сфере усмотрения субъекта оценки, основываясь на внутреннем убеждении. Последнее связано с логической мыслительной деятельностью, выступающей неким принципом оценки, позволяющей отойти от формальной теории доказательств[5].

С другой стороны, компьютерная программа становится хорошим электронным помощником в принятии процессуальных решений, способствующим снижению коррупции, отступлению от субъективизма и предвзятости. Верховенство закона и злоупотребление властью становятся ключевыми моментами в вопросах технологического управления[6]. Объек-

[1] Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / Коллектив авторов; под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 27, 28.

[2] *Micheal K.Y.* Digital privacy and virtues of multilateral digital constitutionalism–preliminary thoughts // International Journal of Law and Information Technology. 2018. Vol. 25. Issue 2, 1. Pp. 115–138.

[3] *Sullivan C.* Digital identity and mistake, International // Journal of Law and Information Technology. 2002. Vol. 20. Issue 3. Pp. 223–241.

[4] https://legal.report/article/28032018/pervyj-virtualnyj-sudebnyj-process-po-britanskomupravu.

[5] *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. С. 47.

[6] *Brownsword* R. Logical management and the Rule of Law // Law, Innovation and Technolo-

тивность, независимость – неотъемлемые качества приобщения технических средств в процесс правотворчества.

В общем контексте использования электронных (цифровых) средств уголовного судопроизводства предложения подобного рода выглядят вполне логично. Не углубляясь в конкретные разработки математических методов назначения наказаний и обобщив их принципиальные подходы, можно выделить следующие используемые инструменты: балльная система; шкалирование; выстраивание отношений с помощью математических формул.

Проблема освободить судью при вынесении приговора от усмотрения является краеугольным камнем системы уголовного правосудия в странах общего права. Известны случаи, когда создаются подобного рода информационные системы назначения наказаний с предоставлением судьям различных юридических, фактических и статистических данных. Цель системы не лишить судью своего усмотрения, но лучше информировать его и таким образом добиться согласованности подходов по всей юрисдикции[1].

Внедрение в уголовный процесс робототехники – новое направление его развития. Психологи (Donna A. Taylor и Coral J. Dando) из Вестминстерского университета провели пилотный эксперимент, в котором изучили влияние виртуальной среды на память свидетелей. Часто допрос в полицейском участке сопровождается сильным стрессом. Исследования показывают, что использование виртуального аватара может повысить уверенность людей и способствует кооперации. Появилась инициатива использовать аватаров для допроса больных – например, парализованных людей или пациентов с шизофренией[2].

Эмили Уайтценбоук отмечает, что сегодня компьютеры являются не только средством коммуникации, которое обеспечивает и облегчает ведение электронной торговли, но и сами способны инициировать такую коммуникацию. Роль компьютера здесь развивается от роли пассивного инструмента до активного участника соответствующих процессов, способного генерировать соглашения самостоятельно, а не только быть средством генерации таких соглашений. И здесь возникает проблема правосубъектности таких агентов, которая необходима для придания юридической силы заключаемым ими договорам[3].

Таким образом, создание общей Концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве позволит определить основные направления для науки уголовного процесса, а также обозначить и сохра-

---

gy. 2016. Vol. 8. Pp. 100–140.

[1] *Potas I., Ash D., Sagi M., Cumines S., Marsic N.* Informing the discretion: the sentencing information system of the judicial commission of New South Wales // International Journal of Law and Information Technology. 1998. Vol. 6 (2). Pp. 99–124.

[2] https://nplus1.ru/news/2018/05/16/avatar-police.

[3] *Weitzenboeck E.* Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. № 3. Pp. 204–234.

нить его традиционные ценности. Внедрение информационных технологий в перспективе способно разрушить сложившееся привычное восприятие уголовного судопроизводства. Требуется приложить немало усилий для сохранения важных элементов существующей системы.

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Сборник научных статей. Уфа, 2003. Ч. 1. С. 105–109.

2. *Александров А.С., Кувычков С.И.* О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2013. № 5. С.: 76–84.

3. *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.

4. *Дмитриева А.А.* Теоретическая модель безопасного участия личности в уголовном судопроизводстве: дисс. …д-ра юрид. наук. М., 2017.

5. *Зазулин И.А.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.

6. *Зинченко И.А.* Исследования проблем уголовно-процессуального доказательственного права должны быть продуманными и корректными // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 20–26.

7. *Зозуля В.В.* К вопросу о применении видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2016. № 1 (3). С. 47–51.

8. *Зуев С.В., Сутягин К.И.* Электронное копирование информации как самостоятельное следственное действие // Следователь. 2003. № 4. С.: 14–15.

9. *Кувычков С.И.* Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 22 с.

10. *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 231–236.

11. *Познанский Ю.Н.* Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовного дела в разумные сроки / Труды академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 41–44.

12. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / Коллектив авторов; под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.

13. *Сергеев С.М.* Правовое регулирование и применения электронной информации и Электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2018. 36 с.

14. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.

15. *Усов А.И.* Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 402 с.

16. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ., под ред. Р.Л. Добрушина, О.В. Лупанова. М.: Иностранная литература, 1993.

17. *Янушко А.В., Бабанин А.В., Кузнецова О.А., Петрушенко С.В., Чекмарев М.Ю.* Защищенный аппаратно-программный комплекс центра хранения электронных копий материалов уголовного дела // Безопасность информационных технологий. 2011. № 1. С. 21–29.

18. *Brownsword R.* Logical management and the Rule of Law // Law, Innovation and Technology. 2016. Vol. 8. Pp. 100–140.

19. *Cuccuru P.* Beyond bitcoin: an early overview on smart contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2017. Vol. 25. Issue 3, 1. Pp. 179–195.

20. *Kerr O.S.* Digital evidence and the new criminal procedure // Columbia law review. 2008. Vol. 105. Pp. 298–299.

21. *Micheal K.Y.* Digital privacy and virtues of multilateral digital constitutionalism–preliminary thoughts // International Journal of Law and Information Technology. 2018. Vol. 25. Issue 2, 1. Pp. 115–138.

22. *Potas I., Ash D., Sagi M., Cumines S., Marsic N.* Informing the discretion: the sentencing information system of the judicial commission of New South Wales // International Journal of Law and Information Technology. 1998. Vol. 6 (2). Pp. 99–124.

23. *Reed C., Sathyanarayan, U., Ruan, S., Collins J.* Beyond BitCoin—legal impurities and off-chain assets // International Journal of Law and Information Technology. 2018. Vol. 26. Issue 2, 1. June. Pp. 160–182.

24. *Sinn A.* Cybercrime im Rechtsvergleich: Beiträge zum deutsch-japanisch-koreanischen Strafrechtssymposium. Osnabruck. 2013.

25. *Sullivan C.* Digital identity and mistake, International // Journal of Law and Information Technology. 2002. Vol. 20. Issue 3, 1.т. Pp. 223–241.

26. *Weitzenboeck E.* Electronic Agents and the Formation of Contracts // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. No. 3. Pp. 204–234.

УДК:343.37:343.98

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПОЛОЖЕНИЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

В.Б. Вехов,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕ,
заслуженный деятель науки и образования РАЕ,
профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы
ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана национальный исследовательский университет»
105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1
E-mail: v-vehov@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются актуальные теоретические и прикладные проблемы расследования преступлений в сфере цифровой экономики. Приводятся примеры из отечественной и зарубежной следственной практики по делам о преступных посягательствах, связанных с оборотом криптовалюты. Для повышения эффективности их расследования предлагается активнее использовать положения криминалистической теории исследования компьютерной информации и средств ее обработки – Электронной криминалистики. Приводятся ее содержание, системные элементы и другие общие положения. Акцентируется внимание на необходимости разработки теории электронных доказательств в рамках уголовно-процессуальной науки и установления науковедческих связей между ней и Электронной криминалистикой.

Ключевые слова: преступления в сфере цифровой экономики, Электронная криминалистика.

CRIMES IN THE SPHERE OF DIGITAL ECONOMY: IMPROVEMENT OF INVESTIGATION ON THE BASIS OF ELECTRONIC FORENSICS

V.B. Vehov,
Bauman Moscow State Technical University
(national research university),
2-ya, Baumanskaya st., 5/1, Moscow, Russia, 105005
E-mail: v-vehov@mail.ru

Annotation: the article explores the actual theoretical and applied problems of investigating crimes in the digital economy. Examples are given of domestic and foreign investigative practices in cases of criminal encroachments involving the circulation of crypto currency. To increase the effectiveness of their investigation, it is proposed to use more actively the provisions of the criminalistic theory of computer information research and its processing tools – Electronic forensics. Its contents, system elements and other General provisions are given. Attention is focused on the need to develop a theory of electronic evidence within the criminal procedure science and the establishment of science-related links between it and Electronic forensic science.

Key words: crimes in the sphere of digital economy, Electronic forensics.

Начало XXI в. характеризуется отчетливо выраженными явлениями глобализации и перехода от индустриального общества к обществу информационному. Повсеместно внедряются новые IT-технологии, которые предоставляют уникальные возможности для быстрого и эффективного развития как государства в целом, так и отдельно взятой личности. Как следствие, информация превратилась в основной товар, обладающий значительной ценностью, в своеобразный стратегический ресурс. Многие субъекты общественных отношений уже не могут существовать и успешно функционировать без взаимного информационного обмена и использования в своих технологических процессах различных программно-технических устройств – средств создания, накопления, хранения, обработки и передачи информации. В результате происходит качественное и количественное видоизменение первоначальной информации, неизменно влекущее создание нового информационного продукта, выраженного в особой материальной форме – электронно-цифровой[1]. Обработанная таким образом, она объективно становится компьютерной информацией.

Научные достижения в области микроэлектроники, системотехники, кибернетики, программного обеспечения и связи обусловили появление автоматизированных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, на которых в настоящее время базируется вся мировая экономика и с помощью которых обеспечивается обороноспособность ведущих мировых держав.

Не вызывает сомнений тот факт, что электронные документы и их производные все активнее вытесняют из оборота традиционные – бумажные.

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // http://www.pravo.gov.ru

Автоматизированные системы управления, связи и телекоммуникаций, мониторинга, прогнозирования (моделирования), охраны объектов и имущества, а также средства их обеспечения, конструктивно выполненные на базе разнообразных микропроцессорных устройств, стали неотъемлемой частью высокодоходных технологий, используемых в стратегических сферах экономики как нашей страны, так и зарубежных государств. Все это, наряду с широкими возможностями и доступностью средств электронно-вычислительной техники и электросвязи, особенностями технологий дистанционной обработки компьютерной информации, не «скованных» рамками административных и государственных границ, обезличенностью основной части компьютерной информации, привлекает внимание преступников.

Стремительное развитие в конце XX в. глобальной компьютерной сети Интернет привело к тому, что информационно-телекоммуникационные инфраструктуры промышленно развитых стран, их национальные информационные ресурсы оказались весьма уязвимыми объектами воздействия со стороны террористических организаций, преступных сообществ и групп, а также отдельных криминальных элементов[1].

Особую тревогу у мирового сообщества вызывает факт расширения масштабов и появления новых форм преступлений в сфере цифровой экономики, вышедших за рамки национальных законодательств.

Например, известно, что многие транзакции с использованием криптовалют производятся анонимно, без централизованного контроля со стороны государств и организаторов платежных систем. Это мотивирует преступников к использованию названного средства платежа для совершения преступлений, в том числе таких, как торговля наркотиками, оружием, финансирование терроризма, уклонение от уплаты налогов. Оплата незаконно поставляемых запрещенной в России террористической организацией ИГИЛ нефти и газа, а также вербовка новых членов этой террористической организации осуществлялись с помощью названных электронных платежно-расчетных инструментов[2].

Продолжая исследование выделенной проблематики, отметим, что 25 июля 2017 года по запросу американских правоохранительных органов в Греции был задержан российский программист Александр Винник. Прокуратурой города Сан-Франциско (штат Калифорния) ему заочно было предъявлено обвинение в отмывании 4 млрд долл. США, полученных преступным путем через биржу криптовалют и фиатных денег BTC-e, а также в совершении кибермошенничеств, похищении персональных дан-

[1] *Вехов В.Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 6–7.

[2] Подробнее об этом см.: *Вехов В.Б.* Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом виртуальных денег // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3. С. 128.

ных, взломе японской биржи Mt.Gox, спровоцировавший её банкротство, и участие в торговле наркотиками[1]. Примечателен также тот факт, что 10 августа 2017 года названному лицу в Российской Федерации было предъявлено обвинение в мошенничестве в крупном размере: он обманным путем с использованием сети Интернет под предлогом поставки оборудования похитил более 600 тыс. рублей у одной из организаций. А. Винник был объявлен в международный розыск. Останкинский суд Москвы 11 августа 2017 года заочно избрал ему меру пресечения в виде заключения под стражу. Генеральной прокуратурой Российской Федерации в Министерство юстиции, прозрачности и прав человека Греческой Республики было направлено два соответствующих запроса (18.08.2017 и 25.12.2017) о его выдаче для привлечения к уголовной ответственности[2], последнее из которых 30 июля 2018 года было удовлетворено[3].

Вместе с тем следует признать, что особенности механизма совершения рассматриваемых преступных посягательств, специфичность следовых картин, высокая динамика их развития и изменения, недостаточное правовое урегулирование общественных отношений в сфере цифровой экономики, противоречивость национального законодательства и соответствующего терминологического аппарата в разных государствах негативным образом сказываются на криминогенной обстановке и препятствуют эффективной борьбе с ними.

В то же время нужно отметить, что технико-криминалистическое и информационно-компьютерное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений находится в стадии разработки; не закончен процесс формирования криминалистических рекомендаций по тактике подготовки и производства отдельных следственных действий, связанных с обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием электронных следов и их материальных носителей; далеки от совершенства система взаимодействия следствия со специализированными органами дознания и специалистами различных отраслей знаний, а также зарубежными правоохранительными органами[4].

---

[1] *Зубов Г.* Без объяснения причин: Верховный суд Греции одобрил экстрадицию россиянина Винника в США. URL: https://russian.rt.com/world/article.

[2] Россия повторно потребовала выдачи задержанного в Греции по запросу США Винника. URL: https://russian.rt.com/world/news.

[3] Суд в Греции удовлетворил запрос Генпрокуратуры России об экстрадиции Винника. URL: https://russian.rt.com/world/news/540928-sud-greciya-ekstradiciya-vinnik.

[4] Об этом мы писали ранее, например, см.: *Вехов В.Б.* Электронные следы в системе криминалистики / *В.Б. Вехов, Б.П. Смагоринский, С.А. Ковалев* // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10–19; Вехов В.Б. Специальные знания, обеспечивающие расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты / *В.В. Бычков, В.Б. Вехов* // Российский следователь. 2018. № 2. С. 8–11; *Вехов В.Б.* Получение компьютерной информации от организаторов ее распространения в сети Интернет как процессуальное действие // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1. С. 105–109.

Помимо указанного, очевидно, что в качестве вещественных доказательств по уголовным делам все чаще стали выступать различные электронно-цифровые устройства и содержащаяся в них информация. В связи с чем в уголовном судопроизводстве возникают существенные проблемы по их собиранию, проверке и оценке. При этом на повестку дня обоснованно ставится вопрос о разработке теории электронных доказательств в рамках науки уголовного процесса и установления ее науковедческих связей с Электронной криминалистикой[1].

Одновременно с этим абсолютное большинство сотрудников правоохранительных органов уже используют различные компьютерные технологии в своей профессиональной деятельности. Однако имеющиеся специализированные компьютерные программы и оборудование не отвечают предъявляемым к ним требованиям как технико-криминалистическим средствам[2].

Все это обусловливает настоятельную потребность углубленного криминалистического изучения компьютерной информации и средств ее обработки как следов преступлений, а также повышения роли научных знаний, базирующихся на отечественном и зарубежном опыте применения компьютерных технологий в борьбе с преступностью. Очевидно, что без фундаментальных исследований объективных закономерностей в этой предметной области деятельность по расследованию преступлений в сфере цифровой экономики будет оставаться малорезультативной.

К сожалению, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков доказательственной компьютерной информации, за исключением рассмотрения этих вопросов в рамках методики расследования

[1] Подробнее об этом см.: *Вехов В.Б.* Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 155–158; *Вехов В.Б.* Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22–24; *Вехов В.Б.* Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11) С. 46–50; *Вехов В.Б.* Электронные документы как доказательства и объекты судебно-экспертного исследования // Материалы VI Международ. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти засл. юриста РФ, д. ю. н., проф. *Ю.К. Орлова* (г. Москва, 19-20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 77–81.

[2] Об этом, например, см.: *Вехов В.Б.* Перспективы совершенствования следственной деятельности на основе научных знаний в области «Электронной криминалистики» // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сборник материалов международной научно-практической конференции (12-13.04.2018, Минск, Республика Беларусь). Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 62–67; *Вехов В.Б.* Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 8–11; *Вехов В.Б.* Особенности использования специальных знаний для получения доказательственной информации при исследовании электронных мобильных устройств / *В.Б. Вехов, С.А. Ковалев* // Судебная экспертиза. 2016. № 4 (48). С. 8–18.

преступлений в сфере компьютерной информации, изучаются пока явно недостаточно. Методическая литература на эту тему носит неупорядоченный фрагментарный характер. Возможности получения и использования подобной информации большинству следователям и судьям неизвестны, поэтому необходим особый комплекс специальных знаний[1]. В связи с чем предлагается в рамках частной теории на единой методологической основе объединить следующие инновационные направления развития криминалистики[2]:

1) криминалистическое исследование и использование компьютерной информации, средств ее обработки;

2) тактику производства следственных действий, направленных на получение электронных доказательств;

3) разработку автоматизированных методик расследования преступлений. Относительно этого положения отметим следующее.

Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты – «Электронную криминалистику» определим как систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях расследования преступлений. Предполагается, что она будет включать в себя три подраздела:

1. Криминалистическое учение о компьютерной информации.

2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты.

Криминалистическое учение о компьютерной информации – это первый подраздел «Электронной криминалистики», который занимается изучением закономерностей возникновения и сокрытия электронных следов и разработкой на этой основе технических средств, приемов и методов по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В его систему должны входить:

1) криминалистическое исследование документированной компьютерной информации (электронных образов бумажных документов, электронных документов, электронных сообщений, электронных денежных средств, электронных журналов и реестров, компьютерных программ, баз

---

[1] *Россинская Е.Р.* К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / *Е.Р. Россинская* // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 110.

[2] Подробнее об этом см.: *Вехов В.Б.* «Электронная криминалистика»: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников Международ. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 г.). РнД: РЮИ МВД России, 2017. С.: 40–46.

данных, сайтов, страниц сайтов, а также их реквизитов, в том числе динамичной и статичной электронной подписи, а также электронно-цифровых ключей);

2) криминалистическое исследование вредоносных компьютерных программ (информационно-программного оружия и следов его применения).

Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей является вторым подразделом. Он представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методов по исследованию компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей как материальных носителей криминалистически значимой компьютерной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

В его структуре целесообразно выделить криминалистические исследования следующих видов носителей электронных следов: машинных носителей информации; интегральных микросхем и микроконтроллеров; пластиковых карт и других комбинированных документов, имеющих электронные реквизиты; компьютеров; информационных систем; информационно-телекоммуникационных сетей.

Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты – третий подраздел «Электронной криминалистики». Определим его как систему научных положений и разрабатываемых на их основе специальных программно-технических средств, а также приемов, методов и рекомендаций по использованию компьютерных технологий и средств защиты информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Основные направления его развития состоят в разработке и применении в целях обеспечения следственной деятельности:

1) общедоступных, а также специальных компьютерных программ и устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, например: автоматизированных методик расследования преступлений отдельных видов; информационных систем и сетей, обеспечивающих процессуальный контроль по уголовным делам, а также ведение и использование учетно-статистических, разыскных, криминалистических и экспертно-криминалистических учетов; производство судебных исследований и экспертиз;

2) программно-технических средств защиты документированной информации, циркулирующей в сфере уголовного судопроизводства;

3) компьютерной информации, в том числе электронных документов, как доказательств по уголовным делам – электронных доказательств.

Как мы писали ранее[1], природа информации, носителями которой выступают объекты следообразования, различна. Следообразующий объект выступает носителем непосредственной, первичной информации, выражающейся в совокупности присущих ему индивидуальных и устойчивых свойств и признаков. Следовоспринимающий объект – это носитель отраженной, производной от первого объекта информации, возникшей вследствие их контакта. В результате устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с расследуемым событием.

Но следовоспринимающий объект несет информацию не только об отражаемом объекте. Он является также носителем информации о механизме следообразования, то есть о действиях с отражаемым объектом или самого отражаемого объекта. Эта информация передается от системы к системе при помощи каких-либо материальных носителей в виде сигнала, который является отображением сообщения и средством переноса информации в пространстве и во времени.

Сигнал может иметь самую различную физическую природу, в том числе электромагнитную. Он включает в себя содержание информации и форму информации. Отображение определенных свойств объекта или события составляет содержание сигнала. Материальная же его основа как средство отображения, хранения и перемещения служит его формой.

Следы, образующиеся при использовании преступником в качестве средства и (или) предмета преступления компьютерной информации, есть отдельная составная часть системы материально фиксированных следов. Они являются объектом поиска, фиксации, изъятия, предварительного и судебно-экспертного исследования по уголовным делам о преступлениях различных видов, а также источником собираемой и используемой в уголовном судопроизводстве доказательственной информации.

В соответствии с примечанием 1 к статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Общие криминалистические признаки компьютерной информации целесообразно определить следующим образом:

1) является одной из объективных форм существования информации – электронной формой;

2) всегда опосредована через материальный – электронный носитель, вне которого физически не может существовать;

3) доступ к компьютерной информации могут одновременно иметь несколько лиц;

4) достаточно просто и быстро преобразуется из неэлектронных форм в электронную и обратно, например, при сканировании документа с бумажно-

[1] *Вехов В.Б.* Электронные следы в системе криминалистики / *В.Б. Вехов, Б.П. Смагоринский, С.А. Ковалев* // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 12–13.

го носителя и последующей распечатки на бумаге его электронного образа;

5) копируется на различные виды электронных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств электросвязи;

6) обнаруживаются, копируются, исследуются и используются в целях уголовного судопроизводства только с помощью специальных научно-технических средств – средств поиска, сбора, хранения, обработки, передачи и предоставления компьютерной информации.

Компьютерную информацию представляется возможным классифицировать по следующим криминалистическим основаниям.

1. По юридическому положению: недокументированная и документированная. Первая – это данные, управляющие команды и сигналы, образующиеся и (или) используемые в процессе обработки информации и не обладающие признаками документа, например, логин и пароль доступа к сети Интернет или ее ресурсу, сетевой адрес, доменное имя, ключ электронной подписи. Вторая – это зафиксированная на электронном носителе путем документирования информация с электронными реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

2. По режиму уголовно-правовой охраны: информация общего пользования и охраняемая законом.

3. По форме представления: файл, сетевой адрес, информационная система, база данных, программа для ЭВМ (компьютерная программа), доменное имя, электронное сообщение, электронная подпись, электронный документ, электронный журнал, электронные денежные средства, сайт, страница сайта.

4. По возможности использования в качестве информационного оружия. К этой категории относится вредоносная компьютерная программа – компьютерная программа либо иная компьютерная информация, которая заведомо предназначена для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (ч. 1 ст. 273 УК РФ). Она является разновидностью информационного оружия – информационно-программным оружием, которое основано на применении разрушающего программного воздействия на аппаратное, программно-математическое обеспечение, компьютерную информацию, в том числе на средства ее защиты, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети. Фактически вредоносные компьютерные программы представляют собой программные автоматы – самодействующие в электронной среде виртуальные устройства, производящие работу по заданной преступником программе без его непосредственного участия. Они являются как предметом отдельного, предусмотренного ст. 273 УК РФ, так и средством совершения

других преступлений, например, предусмотренных ч. 1 ст. 274.1 УК РФ[1].

Общими криминалистическими признаками вредоносной компьютерной программы являются:

1) программа способна уничтожать, блокировать, модифицировать либо копировать компьютерную информацию или нейтрализовать средства защиты компьютерной информации;

2) программа не предполагает предварительного уведомления обладателя или пользователя компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети о характере своих действий;

3) программа не запрашивает согласия (санкции) у обладателя или пользователя компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети на реализацию своего назначения – алгоритма работы.

Отсутствие у компьютерной программы хотя бы одного из этих признаков делает ее невредоносной.

В заключении исследования выделенной проблематики представляется возможным сделать вывод о том, что совершенствование расследования преступлений в сфере цифровой экономики в настоящее время и на перспективу невозможно без развития положений Электронной криминалистики, разработки теории электронных доказательств в рамках науки уголовного процесса и установления между этими частными теориями науковедческих связей.

Библиографический список:

1. *Вехов В.Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 561 с.

2. *Вехов В.Б.* Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом виртуальных денег // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3. С. 127–130.

3. *Вехов В.Б., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А.* Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10-19.

4. *Бычков В.В., Вехов В.Б.* Специальные знания, обеспечивающие расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты // Российский следователь. 2018. № 2. С. 8–11.

5. *Вехов В.Б.* Перспективы совершенствования следственной деятельности на основе научных знаний в области «электронной криминалистики» // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сборник материалов международной научно-практической конференции (12-13.04.2018, Минск, Республика Беларусь). Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 62–67.

[1] *Вехов В.Б.* Вредоносные компьютерные программы как предмет и средство совершения преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2. С. 43–46.

6. *Вехов В.Б.* Получение компьютерной информации от организаторов ее распространения в сети Интернет как процессуальное действие // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1. С. 105–109.

7. *Вехов В.Б.* Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 155–158.

8. *Вехов В.Б.* Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22–24.

9. *Вехов В.Б.* Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46–50.

10. *Вехов В.Б.* Электронные документы как доказательства и объекты судебно-экспертного исследования // Материалы VI Международ. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти засл. юриста РФ, д.ю.н., проф. Ю.К. Орлова (г. Москва, 19-20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 77–81.

11. *В.Б. Вехов, С.А. Ковалев.* Особенности использования специальных знаний для получения доказательственной информации при исследовании электронных мобильных устройств / В.Б. Вехов, С.А. Ковалев // Судебная экспертиза. 2016. № 4 (48). С. 8–18.

12. *Вехов В.Б.* Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 8–11.

13. Вехов В.Б. «Электронная криминалистика»: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников Международ. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 г.). РнД: РЮИ МВД России, 2017. С. 40–46.

14. *Вехов В.Б.* Вредоносные компьютерные программы как предмет и средство совершения преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения, 2015. № 2. С. 43–46.

15. *Россинская Е.Р.* К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 109–117.

УДК 343.132

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ИЗЪЯТИИ (КОПИРОВАНИИ) ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

О.В. Добровлянина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: odobr1@mail.ru

Аннотация: развитие информационных технологий вызывает острую необходимость введения в юридический оборот новых категорий. В уголовном судопроизводстве России появляются новые процессуальные понятия, определяющие основанные на электронных технологиях процессы. Однако нововведения не лишены недостатков. В статье рассматривается понятие, характеризуются виды электронных носителей информации, изымаемых при производстве следственных действий. Обращается внимание на особенности процедуры изъятия. Анализируется положение закона о возможном копировании информации в ходе производства следственных действий. Сформулирован вывод о необходимости совершенствования уголовно-процессуального закона в этом аспекте.

Ключевые слова: электронные носители информации; изъятие; уголовное судопроизводство, копирование электронных носителей информации; участие специалиста.

SOME ASPECTS OF PROCEDURAL SEIZURE (COPY) OF ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS

O.V. Dobrovlyanina,
Perm State University
15, Bukirev st., Perm, Russia, 614990
E-mail: odobr1@mail.ru

Annotation: the development of information technologies requires the introduction of new categories into law. In criminal proceedings in Russia there are new procedural concepts that define processes based on electronic technol-

ogies. However, innovations are not without drawbacks. The article discusses the concept and characterized by types of electronic carriers of information. Attention is drawn to the peculiarities of the procedure of seizure. The article analyzes the provision of the law on the possible copying of information during the seizure. The conclusion about the need to improve the criminal procedure law in this aspect is formulated.

Key words: electronic carriers of information; seizure; criminal proceedings, copying of electronic carriers of information; participation of a specialist.

Стремительное развитие информационного общества и неминуемое внедрение во все сферы жизнедеятельности, в том числе и в уголовное судопроизводство, информационных технологий вызывает острую необходимость реформирования уголовно-процессуального законодательства, введение в юридический оборот новых категорий, определяющих основанные на электронных технологиях процессы.

На протяжении ряда лет в юридической литературе обсуждается целесообразность электронных доказательств, электронного уголовного дела, необходимость проведения в ходе расследования киберпреступлений новых следственных действий, важность ведения аудиопротокола судебного заседания. Однако законодатель медлит с интегрированием в уголовный процесс предлагаемых новшеств, не обращая внимания даже на тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[1] в этом вопросе заметно отстает от других российских процессуальных законов.

Вероятно, тому найдется правдоподобное объяснение, например, не изученные должным образом возможные негативные последствия от использования новелл, влекущие ущемление или нарушение прав и законных интересов участников процесса, необходимость профессиональной переподготовки кадров и в том числе связанный с этим вопрос о финансировании всего нового. Поэтому законодатель делает первые шаги с большой осторожностью. Так, Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ[2] в статьи 182 и 183 УПК РФ вводятся соответственно часть 9.1 и часть 3.1 – о правилах обыска и выемки электронных носителей информации. Таким образом, появляется новый вид выемки, а по сути, новое следственное действие – выемка электронных носителей информации, чего нельзя сказать об обыске. В 2016 году Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ[3] в статью 185 УПК РФ вводится часть 7, в которой устанавливаются

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921 / Далее – УПК РФ.

[2] «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // http://pravo.gov.ru/

[3] «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»: Федеральный за-

правила об осмотре и выемке электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. Нововведения актуальны, и все же многие процессуалисты отмечают их непродуманность, к примеру, П.С. Пастухов констатирует, что «законодатель предпринял недостаточные усилия по модернизации уголовно-процессуального доказывания»[1]. Тем не менее появляются новые легальные категории: «электронные сообщения», «электронные носители информации». Однако не определяется, что под этим понимать. Особенно важно уточнить понятие «электронные носители информации», так как они могут выступать в роли вещественных доказательств, содержащих (хранящих) в себе сведения, имеющие отношение к уголовному делу.

Общеизвестно, что носитель информации (информационный носитель) – любой материальный объект, используемый человеком для записи, хранения и воспроизведения информации. Это может быть, например, камень, дерево, бумага, металл, лента с намагниченным слоем (в бобинах и кассетах), фотоматериал и т. д. Носителем информации также может быть объект, с которого возможно чтение (считывание) имеющейся на нём информации. К электронным носителям программисты относят носители для однократной или многократной записи (обычно цифровой) электрическим способом: оптические диски (CD-ROM, DVD-ROM, Blu-ray Disc); полупроводниковые (флеш-память, SSD-диски и т. п.); магнитные (магнитные ленты, дискеты, жёсткие диски)[2].

Электронные носители имеют значительные преимущества перед бумажными (бумажные листы): по объёму (размеру) хранимой информации; по удельной стоимости хранения; по экономичности и оперативности предоставления актуальной (предназначенной для недолговременного хранения) информации; по возможности предоставления информации в виде, удобном потребителю (форматирование, сортировка). Имеются и недостатки: хрупкость устройств считывания; вес (масса); зависимость от источников электропитания; необходимость наличия устройства считывания или записи для каждого типа и формата носителя[3]. Такая специфика обусловливает обязательность участия специалиста (программиста, например) при производстве изъятия электронных носителей информации.

К электронным устройствам, которые могут содержать информацию о подготовке, совершении и сокрытии преступлений, можно отнести сотовые телефоны, смартфоны, компьютеры, портативные устройства GPS, циф-

кон от 06 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

[1] *Пастухов П. С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 2 (36). С. 236.

[2] URL: http://mosmetod.ru/centr/proekty/pokoleniya-it/nositeli-informatsii.html (дата обращения: 28.08.2018).

[3] Там же.

ровые фотоаппараты, видеорегистраторы, платежные системы, дискеты, USB-устройства флеш-памяти, CD, DVD, HD диски, магнитную ленту и т. п.

Указанные виды электронных носителей информации и электронных устройств основаны на положениях технического стандарта ГОСТ 2.051-2013. ЕСКД.[1], содержащих общее широкое определение понятия «электронный носитель информации», под которым понимается «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники». Исходя из этого определения материальным носителем, используемым для записи информации, вполне может являться сотовый телефон, имеющий встроенную флеш-память. Тогда следователь вполне может изъять этот телефон вместе с картой памяти как электронный носитель информации. Если же модель сотового телефона не предусматривает встроенной флеш-памяти, то тогда необходимо изъять только карту памяти этого телефона. Таким образом, должностному лицу, ведущему расследование, необходимо учитывать, что если сотовый телефон помимо карты памяти имеет собственную флеш-память, то он является электронным носителем информации и может быть изъят, в отличие, например, от компьютера (процессора) или ноутбука, который сам по себе не является электронным носителем информации, выступая лишь устройством для считывания информации, содержащейся в его жестком диске, а потому изымается именно жесткий диск. Хотя существует позиция, что жесткий диск – это магнитный, а не электронный носитель информации, потому положения части 9.1 статьи 182 и части 3.1 статьи 183 УПК РФ в данном случае не применимы[2]. По обстоятельно обоснованному и вполне заслуживающему внимания мнению А. И. Зазулина, законодателю вместо термина «электронный носитель информации» было необходимо использовать термин «цифровой носитель информации», являющийся более широким по смыслу и включающий как электронные, так и магнитные, и оптические носители, а также возможные новые виды носителей информации[3]. Вполне возможно, что в будущем такое изменение произойдет. Однако представляется, что в действующем законодательстве понятия «электронный» и «цифровой» отождествляются, потому что законодателю важно было отделить этот носитель, прежде всего, от бумажного, информацию с которого можно прочитать без помощи специального технического устройства. То есть по смыслу электронный (цифровой) носитель содержит сведения, которые можно получить лишь с помощью специальных технических устройств. Такой подход к опреде-

[1] ГОСТ 2.051-2013. ЕСКД. Электронные документы. Общие положения: введен приказом Росстандарта от 22.11.2013 г. № 1628-ст.

[2] *Зазулин А. И.* Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 56.

[3] Там же. С. 56.

лению используют и программисты. Информацию с жесткого диска как с листа бумаги не прочитать, следовательно, этот диск – «электронный» носитель информации.

Невнимание законодателя к вопросу об определении категории «электронные носители информации» в рамках УПК РФ способствует противоречивой практике, когда, например, в одной ситуации следователь изымает ноутбук как электронный носитель информации, в другой – изымает только жесткий диск или же отказывает в копировании информации, так как полагает, что провел выемку предмета – ноутбука, а не выемку электронных носителей информации. Без всяких сомнений, толкование этого термина важно для успешной реализации норм. Соколов Ю. Н. пишет, что «отсутствие толкования в уголовно-процессуальном законе соответствующего материального носителя, необходимого для обособления электронной информации, не способствует однозначному пониманию его смысла»[1].

Следователю важно получить информацию о преступлении в порядке, установленном законом. Поэтому необходимо отграничивать выемку электронных носителей информации (и копирование интересующей следствие цифровой информации) от выемки, например, сотового телефона, который был украден. В первом случае обязательно участие не только специалиста, обеспечивающего сохранность носителей и данных, в них содержащихся, но и понятых, гарантирующих законность производства следственного действия. Во втором случае эти участники необязательны.

Ситуации, когда необходимо изъять цифровые данные, нельзя подменять, например, выемкой компьютера (ноутбука). Если требуется получить электронные сведения, содержащиеся в памяти видеорегистратора, то изымается только его карта памяти[2]. И если законный владелец изымаемых электронных носителей информации или обладатель содержащейся на них информации ходатайствует о копировании информации на другие электронные носители информации, предоставленные этими лицами, то специалист, участвующий в следственном действии, производит копирование по решению следователя, если это не может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Затем скопированная информация передается законному владельцу (обладателю). С одной стороны, это предусмотрено для того, чтобы не создавать трудности законному владельцу (обладателю) в пользовании техническими устройствами, то есть законодатель обеспечивает законные интересы владельцев (обладателей) электронных средств. Но, с другой стороны, вряд ли следователь в каждом случае безошибочно и уверенно определит, сможет копирование и пере-

[1] *Соколов Ю. Н.* Электронный носитель информации в уголовном процессе // Информационное право. 2017. № 3. С. 22.

[2] Практические работники предпочитают изымать видеорегистратор.

дача данных воспрепятствовать (навредить) расследованию преступления или нет. Поэтому проще всего отказать в удовлетворении такого ходатайства. Следователи отказывают в удовлетворении ходатайства о копировании цифровой информации в 50 % случаев, и такое решение во многих случаях не является обоснованным и мотивированным[1].

В юридической литературе обсуждается вопрос о том, можно ли признать копирование электронных носителей информации самостоятельным следственным действием. По мнению С.В. Зуева, «изъятие электронных носителей и копирование электронной информации – это два дополняющих, а в некоторых случаях и конкурирующих между собой познавательных приема по обращению с электронными средствами уголовно-процессуального доказывания. Преимущества того или иного действия зависят от решаемых задач, условий и сложности процесса»[2]. Автор приходит к выводу, что «в перспективе копирование электронной информации вполне может рассматриваться в качестве самостоятельного следственного действия»[3]. Это утверждение представляется весьма интересным в перспективе развития вопроса.

К слову заметить, в юридической литературе поднимался также вопрос о необходимости получения судебного разрешения на исследование изъятого у подозреваемого сотового телефона[4], но этот аспект не получил ясного и последовательного решения в рамках отечественного уголовно-процессуального права в основном потому, что, по мнению некоторых процессуалистов, требование о судебном контроле в данном случае создаст дополнительные препятствия правоприменителю и вряд ли будет являться исключительной и эффективной гарантией защиты прав владельца сотового телефона.

В итоге можно заключить, что для практических целей целесообразно в статье 5 УПК РФ предусмотреть определение понятия «электронные носители информации». Представляется, что определение этого понятия можно заимствовать из ГОСТ 2.051-2013. ЕСКД, так как в нем отражено основное свойство электронного носителя. Оно состоит в том, что получить информацию с материального носителя можно только при помощи технического устройства. В связи с этим для удобства правоприменителя

---

[1] *Крюкова Т.С.* Некоторые вопросы изъятия электронных носителей информации в ходе производства следственных действий: анализ судебной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 63.

[2] *Зуев С.В.* Электронная информация и ее носители в уголовно-процессуальном доказывании: развитие правового регулирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17, № 1. С. 32.

[3] Там же.

[4] *Оконенко Р.И.* Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 122.

предлагаем включить в статью 5 УПК РФ пункт 60.1 следующего содержания: «электронный носитель информации – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью технических (электронных) устройств для считывания информации».

В конце 2018 года стало очевидным, что законодателя беспокоит «дальнейшее формирование благоприятного делового климата в стране, сокращение рисков ведения предпринимательской деятельности, а также создание дополнительных гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования»[1]. В связи с чем Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ[2] при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности устанавливается запрет на необоснованное применение мер, способных привести к приостановлению законной деятельности организации или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации. При этом части 9.1 и 3.1 соответственно в статьях 182 и 183 УПК РФ утрачивают силу, но вводится отдельная норма об особенностях изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий – статья 164.1 УПК РФ. В части 1 этой статьи указаны исключения из правила о запрете изъятия электронных носителей информации. Это случаи, когда:

1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;

2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения;

3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение[3].

Все это осуществляется в рамках производства следственных действий. Изъятие электронных носителей информации, равно как и копирование, так и не стало самостоятельным следственным действием. Это следует из анализа частей 2 и 3 статьи 164.1 УПК РФ. По содержанию правила в целом похожи на те, что были указаны в частях 9.1 и 3.1 соответственно в статьях

[1] Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 593998-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

[2] О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

[3] Полагаем, что анализ этих случаев требует отдельного исследования.

182 и 183 УПК РФ. Однако в части 2 статьи 164.1 УПК РФ устанавливается, что копирование информации по ходатайству владельца или обладателя не осуществляется при наличии обстоятельств, указанных в пункте 3 части 1 этой же статьи, т. е. когда на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение. Последнее в перечне существовало и ранее. А вот первые два варианта, в отличие от ранее установленного и широко толкуемого правила «если это может воспрепятствовать расследованию преступления», более конкретизированы.

Важно отметить, что в силу части 3 статьи 164.1 УПК РФ следователь в ходе производства следственного действия вправе по собственной инициативе осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе информации. К протоколу прилагаются электронные носители информации, содержащие информацию, скопированную с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия. Очевидно, в таком случае следователь не изымает электронные носители информации, а только копирует информацию с них. В каких случаях целесообразно изымать электронные носители информации, а в каких случаях лучше только копировать (без изъятия)? В последнем случае законодатель не требует участия специалиста, равно как и оценку специалистом возможности повреждения или утраты информации при копировании. При копировании информации по ходатайству владельца (обладателя) после изъятия требуется участие понятых (часть 2 статьи 164.1 УПК РФ), а при копировании информации следователем самостоятельно не требуется участие понятых (часть 3 статьи 164.1 УПК РФ). Очевидно, что проще копировать. Это позволит оперативно решить задачи следственного действия, без траты времени на поиск специалиста. Однако в результате изъятия электронных носителей информации следователь получит вещественное доказательство. А какое значение будет иметь полученный при копировании (без изъятия) результат? Это скопированная информация, новый электронный носитель которой прилагается к протоколу следственного действия[1].

Думается, что расположение статьи 164.1 УПК РФ среди общих положений о производстве следственных действий, а не в специальных – о производстве конкретных следственных действий (выемки, обыска), – свидетельствует о возможности производства изъятия (копирования) электронных носителей информации в ходе производства практически любого следственного действия, в рамках которого будет обнаружен электронный

[1] Производное вещественное доказательство или иной документ?

носитель информации, имеющий значение для уголовного дела. В связи с этим, представляется также, что законодателю надлежит учитывать, как нововведения коснутся содержания других статей УПК РФ, и вовремя корректировать нормы. Так, в части 1 статьи 170 УПК РФ по-прежнему указывается на обязательность участия понятых при выемке электронных носителей информации со ссылкой на часть 3.1 статьи 183 УПК РФ, которая утратила силу. Вместе с тем при производстве выемки электронных носителей информации понятых необходимо приглашать в силу части 2 статьи 164.1 УПК РФ.

И, наконец, можно заключить, что в целом перестановкой правил об изъятии электронных носителей информации проблемы этого процессуального действия исчерпывающе не решены. Внедрение «электронных новинок» в досудебном уголовном судопроизводстве происходит точечно, непоследовательно и неоперативно.

Библиографический список:

1. *Зазулин А.И.* Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 54–57.

2. *Зуев С.В.* Электронная информация и ее носители в уголовно-процессуальном доказывании: развитие правового регулирования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 1. С. 31–35.

3. *Крюкова Т.С.* Некоторые вопросы изъятия электронных носителей информации в ходе производства следственных действий: анализ судебной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С.: 61–63.

4. *Окоменко Р.И.* Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 120–124.

5. *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 2 (36). С. 231–236.

6. *Соколов Ю.Н.* Электронный носитель информации в уголовном процессе // Информационное право. 2017. № 3. С. 22–26.

УДК:004.9:343.985.7

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

С.Д. Долгинов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Аннотация: в статье анализируются современные методы познания, регулирующие следственную деятельность при расследовании экономических приступлений, предающие ей организационный характер, обеспечивающие при этом максимальный эффект. Автор аргументирует необходимость разработки алгоритмов и программ следственной деятельности. Повышение степени информатизации процесса расследования обусловлено потребностью укрепления науки и практики. В статье сопоставляется значимость алгоритмов в предлагаемых следователям методиках расследования и криминалистических алгоритмов, содержащихся в компьютерных программах. Практическая ценность типичных алгоритмов, реализуемых в программе через анализ исходной следственной ситуации, состоит в том, что они не только организуют деятельность следователя, но и оказывают существенное влияние на накопление и систематизацию знаний, опыта следователя.

Ключевые слова: следователь, преступление, криминалистические рекомендации, программирование, алгоритмизация, наука, практика, информация, компьютерная техника.

INFORMATION TECHNOLOGY IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES

S.D. Dolginov,
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Annotation: in article analyzes modern methods of cognition, regulating investigative activity in the investigation of economic crimes, betraying her organization character, providing at the same time the maximum effect. The author reasons need of development of algorithms and programs of investigative activity. Increase in extent of informatization of process of investigation is caused by requirement of strengthening of science and practice. In article is compared the importance of the algorithms which are contained in computer programs. The practical value of the typical algorithms realized in the program though the analysis of an initial investigative situation consist that they not only will organize activity of the investigator, but also have significant effect on accumulation and systematization of knowledge, experience of the investigator.

Key words: investigator, crime, forensic recommendations, programming, algorithmization, science, practice, information, computer equipment.

Изменившийся характер современной преступности позволяет преступникам все чаще использовать информационные технологии, создающие определенные условия для активного противодействия расследованию. В сложившейся обстановке от следователя требуется инновационный подход к методологии расследования преступлений[1].

Но несмотря на все многообразие способов раскрытия и расследования экономических преступлений, существуют немало нерешенных вопросов, связанных с данной категорией дел. Проанализировав научную литературу, касающуюся расследования и раскрытия экономических преступлений, можно отметить, что многие ученые-правоведы говорят о необходимости разработки частных методик расследования новых видов экономических преступлений, для создания которой требуется как теоретическая, так и практическая база. По мнению Н.О. Мартиросян, в таких ситуациях нужно создавать модельные методики расследования, эффективным методом создания которых является программно-целевой научный анализ, созданный с помощью разработанных криминалистических программ[2].

С учетом того, что при расследовании экономических преступлений довольно часто требуется применение специальных знаний, которыми нередко не обладают следователи и иные практические работники, обоснованной является точка зрения о необходимости пересмотра алгоритма действий указанных лиц непосредственно при расследовании и раскрытии данных преступлений. Стандартные рекомендации, которыми пользуются

[1] *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно - технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1(23). С. 298, 299.

[2] *Мартиросян Н.О.* Современные проблемы экономических преступлений // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 36. С. 6–10.

сотрудники правоохранительных органов, зачастую не могут быть применены в конкретном деле при расследовании экономического преступления, где, помимо всего прочего, требуется использование специальных знаний, логическое мышление и умение оперировать цифрами.

Накопленный наукой и практикой опыт раскрытия и расследования преступлений, постоянный научный поиск новых способов обнаружения и извлечения криминалистически значимой информации обуславливает необходимость обобщения, систематизации и типизации сведений, содержащихся в частных криминалистических методиках. Возникла потребность в разработке таких научных рекомендаций, которые позволят следователям и дознавателям производить по конкретной, заранее разработанной схеме последовательные операции, представленные, в частности, криминалистическим алгоритмом или программой расследования.

Их применение обеспечит реальную интеллектуальную поддержку решения ими задач предварительного расследования. Для того, чтобы все это стало реальностью, каждая частная криминалистическая методика должна быть видоизменена, максимально упрощена и представлена совокупностью криминалистических алгоритмов и программ расследования. Используя содержащиеся в них сведения и совершая рекомендованные действия, дознаватели, следователи смогут наметить оптимальные пути переработки исходных данных о следственной ситуации в планируемые решения.

Внедрение современной компьютерной техники и компьютерных технологий в сферу следственной деятельности должно быть направлено на решение многих задач, встающих перед субъектами расследования преступлений. В связи с этим одним из направлений совершенствования работы следователя в целом выступает повышение степени информатизации процесса расследования, его компьютеризация, то есть использование в расследовании преступлений персональных компьютеров и специально разработанных компьютерных программ.

Использование компьютерной техники в практике расследования преступлений, помогая следователю осуществлять оптимальное и эффективное планирование своей деятельности, значительно сокращая сроки и повышая продуктивность поиска различного рода источников полезной информации, облегчая составление процессуальных и иных документов по сложным, многоэпизодным делам, помогая следователю своевременно принять обоснованное решение и т.д., оказывает исключительно положительное влияние на организацию расследования уголовных дел, находящихся в его производстве, а также на организацию следственной деятельности в целом. Вместе с тем следует отметить, что само по себе наличие компьютеров – это еще не решение проблемы. В связи с этим следует разделить точку зрения А. Кизлыка о том, что «отдельные разрозненные машины, не обеспеченные надлежащим программным продуктом, не объ-

единенные в локальные компьютерные сети, не имеющие грамотных пользователей, не принесут и доли потенциально возможного эффекта»[1].

Помимо этого, одной из причин ограничительного использования современных компьютерных устройств и информационных технологий является не отвечающая современным условиям расследования преступлений координация разработок специализированного программного обеспечения, предназначенного для решения задач расследования. Наибольший результат компьютеризация даст лишь в тандеме с алгоритмизацией расследования, поскольку они взаимно повысят эффективность друг друга.

В связи с этим возникает необходимость разработки и внедрения компьютерных программ, основанных на сборе, классификации и использовании обобщённого профессионального опыта расследования уголовных дел. «Массивы таких знаний, подготовленные для обработки на компьютерной технике, позволяют приемлемо имитировать процесс оценки следователем ситуации расследования и обеспечивать в режиме диалога консультационную поддержку принятия им решений»[2]. Однако даже опытные следователи, имеющие солидный стаж работы, в сложных следственных ситуациях далеко не всегда могут достаточно быстро найти правильное решение, особенно в условиях ограниченного времени. Более 40 % своего рабочего времени следователи расходуют на обобщение, систематизацию, переработку и анализ криминалистически значимой информации.

Между тем трудно не согласиться с А.Ю. Головиным и М.С. Барановым, отмечающим неэффективность некоторых предполагаемых алгоритмов, обусловленную, по их мнению, предельной обобщенностью и расплывчатостью, отсутствием конкретизации криминалистических задач, устаревшим характером таких алгоритмов[3]. Предлагаемые следователям в методиках расследования алгоритмы, как правило, это, по сути, перечень возможных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. На неэффективность использования алгоритмов в следственной деятельности обращают внимание и практические работники.

Алгоритмизация связана с операционным анализом деятельности и описыванием ее в форме логических схем. В логических схемах четко прописываются условия, действия, прогнозируется результат, который, в свою очередь, является основанием следующего рекомендованного действия, в конечном итоге выразившихся в комплекс действий при расследовании уголовных дел различных видов.

---

[1] *Кизлык А.* Информационное обеспечение прокуратуры: возможности и реальность // Законность. 1998. №1. С. 8.

[2] Компьютерные технологии в юридической деятельности: учебное и практическое пособие / под ред. *Н. Полевого, В. Крылова*. М.: Изд-во БЕК, 1994. С. 109.

[3] *Головин А.Ю., Баранов М.В.* Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. 2013. № 11. С. 12.

Важная черта криминалистического алгоритма – зависимость. Она реализуется через анализ исходной следственной ситуации. Но последняя настолько объёмна и вариативна, что заранее полностью описать каждую из всех вероятных ситуаций практически невозможно. Это, однако, не отрицает возможности криминалистической алгоритмизации. Компьютер будет самостоятельно предлагать систему действий, сопоставляя ситуацию с набором заранее разработанных критериев.

Безусловно, следователь не должен быть ограничен в возможности самостоятельно определять оптимальный порядок действий в ходе расследования. Мы разделяем мнение Головина А.Ю. и Баранова М.В., что «Пытаясь пользоваться исключительно научными рекомендациями, разработанными применительно к типичным ситуациям расследования, без учета специфических черт сложившейся конкретной обстановки, следователь может принять неверные решения, поскольку проведение действий в противоречие сложившейся обстановке расследования есть не что иное, как следственная ошибка»[1]. Поэтому хотелось бы отметить, что криминалистические алгоритмы и программы расследования преступлений содержат не жесткие предписания, а лишь рекомендации, которые следователь может использовать (или же не использовать) по своему усмотрению. Таким образом, взяв за основу программу (алгоритм) расследования отдельного вида преступлений, он, в зависимости от наличной следственной ситуации, вносит в нее собственные знания и опыт, учитывая при этом имеющиеся в его распоряжении силы и средства. В результате этого такая программа (алгоритм) становится гибким и динамичным планом расследования.

Программа расследования предстаёт перед следователем не в виде набора алгоритмов, а как совокупность всех действий, расположенных в зависимости от приоритетности, но с обязательным указанием, к какому алгоритму они относятся. Следователю остаётся только грамотно выполнять эти действия в предопределённой последовательности до неизбежного достижения результата – пошагового установления всех достоверных фактов и составления из них обоснованной картины расследуемого происшествия[2]. Следователю с недостаточным опытом работы не всегда удаётся адекватно реагировать на изменения следственной ситуации, что к тому же необходимо делать часто и достаточно оперативно. За счёт своей динамичности криминалистический алгоритм молниеносно отреагирует на происходящие изменения, скорректировав программу расследования. При компьютерном варианте выбывающие действия будут заменены новыми в автоматическом режиме, как и соответствующая коррекция программы расследования с повторным упорядочиванием её на основе приоритетов.

---

[1] *Головин А.Ю., Баранов М.В.* Указ. соч. С. 44.

[2] *Ищенко Е.П.* Борьба с преступностью: общероссийские и региональные проблемы // Сб. статей юридического факультета ЯГУ имени М.К. Амосова. Вып. IV. Якутск, 2008. С. 5–11.

Затем компьютер самостоятельно выберет методы разрешения ситуации, следственные и иные действия. Самостоятельность и в данном случае условна. Персональный компьютер не решает эти вопросы: варианты поведения для всех возможных ситуаций заранее закладываются разработчиками. Поэтому лишь кажется, что человек идёт на поводу у компьютера. На самом деле всякий раз к расследованию «подключаются» концентрированный следственный опыт, научные и практические знания[1].

На какой основе должны быть разработаны криминалистические алгоритмы и системы критериев? По мнению Е.П. Ищенко[2], возможны несколько вариантов:

1. Обобщение опыта следователей-профессионалов, имеющих солидный стаж работы по специальности.

2. Анализ и обобщение материалов уголовных дел, прошедших через судебные инстанции.

3. Анализ и обобщение материалов уголовных дел, оставшихся нераскрытыми.

4. Формирование алгоритмов на основе теоретических знаний учёных-разработчиков.

5. Проверка разработанных алгоритмов на практике, вначале в отдельно взятом регионе, с их доработкой на основе отзывов следователей.

К криминалистическому алгоритму, как представляется, должны предъявляться следующие требования: предназначенность и применимость алгоритма для решения однотипных задач; определённость (алгоритм должен быть общепонятным и доступным для любого следователя); конкретность и детальность алгоритмических рекомендаций; простота и однозначность рекомендаций; критериальная зависимость алгоритма от особенностей следственной ситуации; последовательность алгоритмических действий в соответствии с приоритетами, зависимыми от следственной ситуации; понятность языка алгоритмирования; автоматизация большинства алгоритмических процессов; направленность на повышение эффективности (результативности) всего расследования преступления.

Какие же препятствия встают на пути алгоритмизации следственной деятельности? Е.П. Ищенко считает, что эти препятствия возникают как со стороны «производителя» алгоритмов – науки криминалистики и ее представителей, участвующих в их разработке, так и со стороны потребителей алгоритмов – отдельных следователей. «Во-первых, слишком велика инерция укоренившейся привычки рассуждать многословно, излагать рекомендации и выводы в своих рассуждениях неточно и некорректно, не в виде однозначных формул и формулировок, а в виде усложнённых

[1] *Ищенко Е.П., Водянова Н.Б.* Алгоритмизация следственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 157.

[2] *Ищенко Е.П., Водянова Н.Б.* Указ. соч. С. 97.

решений. «Краткость – сестра таланта» – этой заповеди должны придерживаться криминалисты при разработке алгоритмов, предназначенных к использованию в следственной деятельности вообще и на первоначальном этапе расследования в особенности. Но это ещё не всё. Точность, точность и ещё раз точность – вот другой важнейший критерий; и третий – простота изложения и однозначность. Рассмотренное препятствие, так сказать, внутреннее, субъективное. Гораздо более важным представляется внешнее, объективное обстоятельство – привычка работать кустарными, архаичными методами (отсюда и стиль мышления и изложения), опора на небольшие объёмы исходных данных, собственный, не всегда богатый опыт следственной деятельности, подмена интуицией точного расчёта и массовой базы, которую нельзя «осилить» без компьютеров[1].

Практическая ценность типовых алгоритмов и программ первоначального этапа расследования преступлений состоит в том, что они позволяют сразу же осуществлять целенаправленную следственную деятельность, определять, что необходимо выяснить, какие комплексы следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий и в какой оптимальной последовательности проводить, как использовать добытую информацию для установления неизвестных обстоятельств предмета доказывания и т.д. Творческий же подход к их использованию предполагает учёт специфики совершенного преступления, складывающейся следственной ситуации, особенностей способа совершения преступления, наличных сил и средств, других факторов. Алгоритмизация особенно необходима тогда, когда следователь работает в экстремальных условиях, вызывающих психологическое напряжение, отрицательные эмоции, что может повлечь принятие ошибочных решений, различные упущения и сбои в работе[2].

В применении компьютерных технологий в следственной деятельности остаётся ещё множество проблем: организационных, технических, кадровых.

Большое значение для осмысления проблем криминаистической алгоритмизации имеет дальнейшая разработка уже сложившихся теоретических направлений в криминалистике. А.С. Шаталов отмечает, что «теория криминалистической алгоритмизации и программирования расследования выступает дополнительным системообразующим фактором для ряда других криминалистических учений и теорий, обеспечивающих в конечном итоге своими разработками создание методик расследования, в полной мере соответствующих потребностям следственной практики».[3]

---

[1] *Ищенко Е.П.* Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Материалы криминалистических чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступлений»: информационный бюллетень. № 17. М., 2002. С. 8–14.

[2] *Дулов А.В.* Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1979. С. 12–14.

[3] *Шаталов А.С.* Криминалистические методики расследования преступлений в ожидании перемен // Вестник криминалистики. 2014. №4 (52). С. 22.

Библиографический список:

1. *Головин А.Ю., Баранов М.В.* Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. 2013. № 11. С. 12.

2. *Дулов А.В.* Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1979. С. 12–14.

3. *Ищенко Е.П., Водянова Н.Б.* Алгоритмизация следственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 157.

4. *Ищенко Е.П.* Борьба с преступностью: общероссийские и региональные проблемы // Сб. науч. статей юридического факультета ЯГУ имени М.К. Амосова. Вып. IV. Якутск, 2008. С. 5–11.

5. *Ищенко Е.П.* Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Материалы криминалистических чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступлений»: информационный бюллетень № 17. М., 2002. С. 8–14.

6. *Кизлык А*. Информационное обеспечение прокуратуры: возможности и реальность // Законность. 1998. № 1. С. 8.

7. Компьютерные технологии в юридической деятельности: учебное и практическое пособие / под ред. Н. Полевого, В. Крылова. М.: Изд-во БЕК, 1994. С. 109.

8. *Мартиросян Н.О.* Современные проблемы экономических преступлений // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 36. С. 6–10.

9. *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1(23). С. 298, 299.

10. *Шаталов А.С.* Криминалистические методики расследования преступлений в ожидании перемен // Вестник криминалистики. 2014. № 4 (52). С. 22.

УДК: 343.139

ОЗНАКОМЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО И ЕГО ЗАЩИТНИКА С НОСИТЕЛЯМИ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

А.И. Зазулин,
кандидат юридических наук,
юрист Группы правовых компаний «ИНТЕЛЛЕКТ-С»
620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Кузнечная, д. 81
E-mail: a.zazulin@intellectmail.ru

Аннотация: в статье рассматривается проблема злоупотребления стороной обвинения своими процессуальными правами при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, содержащими носители цифровой информации. Зачастую такое злоупотребление приводит к невозможности ознакомления со сведениями, имеющими важное значение для защиты. Автором проанализирован опыт зарубежных стран по разрешению данной проблемы, и на основе него выработаны соответствующие рекомендации по улучшению российского законодательства.

Ключевые слова: ознакомление с делом, обвинение, цифровая информация, носители цифровой информации.

ACCUSED AND HIS DEFENDER FAMILIARIZATION WITH DIGITAL MEDIA IN CRIMINAL CASE

A.I. Zazulin,
Legal companies group INTELLECT-S
81, Kuznechnaya st., Ekaterinburg, Russia, 620075
E-mail: a.zazulin@intellectmail.ru

Annotation: the article deals with the problem of prosecution abuse of its procedural rights during accused and his defender familiarization with digital media in criminal case. Oftentimes this abuse leads to the defense impossibility of acquaintance with important information. The author analyzes the experience of foreign countries in solving this problem. On the basis of this research he develop appropriate recommendations to improve Russian legislation.

Key words: familiarization with criminal case, prosecution charge, digital information, digital media.

Этап ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела является одной из самых плодородных почв для злоупотребления правом в уголовном процессе. И несмотря на то, что в научной литературе акцент в подавляющем большинстве случаев делается на злоупотреблении правом со стороны защиты[1], не менее частым является злоупотребление правом со стороны обвинения. Особую актуальность данная проблема приобретает в свете развития современных технологий и повсеместного распространения носителей цифровой информации.

В настоящее время существенную часть материалов уголовного дела составляют носители цифровой информации: жесткие диски, компакт-диски, флеш-карты и т.п. Зачастую приложения к протоколам следственных действий и заключениям экспертов записываются на указанных носителях.

Согласно ч. 1 ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса РФ, для ознакомления обвиняемому и защитнику предъявляются также вещественные доказательства и по просьбе обвиняемого или его защитника фотографии, материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и иные приложения к протоколам следственных действий.

Положения второй части данной статьи указывают на то, что обвиняемый и его защитник при ознакомлении с делом вправе снимать копии с помощью технических устройств только с документов[2]. Таким образом, нормы процессуального закона подразумевают лишь визуальное ознакомление обвиняемого с материалами дела, не являющимися письменными документами.

Такая позиция законодателя оправдана в ситуации ознакомления с уголовным делом до появления цифровых накопителей данных, когда материалы состояли из письменных документов (протоколов, показаний, заключений экспертов) и предметов (вещественных доказательств). Однако в рамках нынешней уголовно-процессуальной реальности такая логика полностью блокирует для стороны защиты ознакомление с цифровыми носителями, содержащими информацию, недоступную невооруженному глазу и требующую специального оборудования для ознакомления и анализа.

Здравый смысл и логика подсказывают, что стороне защиты должна быть предоставлена возможность ознакомиться со сведениями, содержащимися на цифровых устройствах, приобщенных к материалам уголовного дела. К сожалению, нельзя не отметить, что современная правоприменительная практика идет противоположным путем: зачастую

[1] *Яковлева С.А., Криворотов С.Н.* Вопросы квалифицированной защиты на этапе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела // Марийский юридический вестник. 2017. №1 (20). С. 61–63; *Костенко К.А.* Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. №9. С. 30–34.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РФ №174-ФЗ от 18.12.2001 (с изм. и доп. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

цифровые носители информации служат надежным щитом, позволяющим следователю огородить обвиняемого от знания важной доказательственной информации.

Например, следователем было вынесено постановление о невозможности предоставления обвиняемым и их защитникам в ходе ознакомления с материалами уголовного дела носителей информации, поскольку любое подключение накопителей информации после проведения компьютерно-технических судебных экспертиз без использования специализированного криминалистического программно-аппаратного комплекса может повлечь нарушение целостности содержимого накопителей информации.

При обжаловании данного постановления суд поддержал указанный довод, указав, что статьей 217 УПК РФ и статьей 47 УПК РФ не предусмотрено снятие и получение обвиняемым при ознакомлении с материалами уголовного дела копии информации, содержащейся на признанных по делу вещественными доказательствами электронных накопителях[1].

В другом деле следователь все же пошел на уступки обвиняемому. Так, следователь отказал в возможности ознакомления с информацией, содержащейся на жестких дисках, а также в копировании приложений к экспертным заключениям, записанным в электронном виде на компакт-диске. Вместо этого следователь разрешил лишь просматривать на экране компьютера содержимое дисков, что было признано судом законным и обоснованным[2].

Между тем, по нашему мнению, при проверке обоснованности действий следователя судом не был учтен вопрос о том, что расследование проводилось по обвинению в статье 272 Уголовного кодекса РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»), а большая часть записанных на электронные носители сведений представляла собой сложную техническую информацию, простой визуальный осмотр которой с монитора компьютера не только не результативен, но и крайне сложен.

Такой формальный подход противоречит главной задаче процедуры ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела: обеспечение конституционных прав на получение информации и защиту от необоснованного обвинения[3]. Участников процесса необходимо не просто ознакомить с делом, а дать им полное представление о всех собранных доказательствах и проанализированных данных – только такой подход будет содействовать реализации принципа состязательности сторон.

[1] Постановление Московского городского суда от 22.06.2015 по делу №10-7831/15 (СПС «Гарант»), Постановление Московского городского суда от 19.10.2015 по делу №10-14255/15 (СПС «Гарант»).

[2] Определение Московского городского суда от 22.12.2016 по делу №10-18451/16 (СПС «Гарант»).

[3] *Матвеев А.В.* Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

Аналогичное мнение высказано и Европейским судом по правам человека, который, рассматривая вопрос об обеспечении процессуального равенства сторон, указал на обязанность публичных участников процесса обеспечить стороне защиты доступ к информации (включая доказательства), которая реально способна улучшить ее положение независимо от стадии процесса[1].

Несмотря на это, как указывает С.А. Насонов, «на практике существует проблема копирования видео- или аудиозаписей, признанных вещественными доказательствами по делу, поскольку УПК РФ говорит о снятии копий только с документов (а не с вещественных доказательств). Кроме того, среди оснований отказа в подобном ходатайстве следователи часто указывают на риск повреждения указанных записей в ходе такого копирования»[2].

Стоит заметить, что обозначенная проблема существует и в других странах континентальной модели уголовного процесса. Так, статья 147 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ содержит аналогичный отечественному принцип ознакомления с материалами уголовного дела. Согласно указанной статье, защитник вправе ознакомиться с материалами дела, в том числе вещественными доказательствами. Он также может подать ходатайство о выдаче материалов дела (за исключением вещественных доказательств) для ознакомления в своем офисе или жилище. Вместе с тем при наличии угрозы расследованию указанное право может быть ограничено прокуратурой.

В уголовном процессе Германии электронные документы и файлы приравнены к вещественным доказательствам[3]. Это означает, что защитник не может взять их к себе в офис для ознакомления, а само ознакомление с данными доказательствами может быть запрещено прокуратурой на основании возникновения риска повреждения цифровых записей.

Между тем немецкая юридическая общественность довольно успешно призывает разрешить данную проблему посредством закрепления в уголовно-процессуальном законе возможности передачи электронных файлов защитнику в форме копий на компакт-дисках[4].

Подобным же образом разрешается указанная проблема во Франции. Согласно статьям 114 и 801-3 Уголовно-процессуального кодекса Фран-

---

[1] § 56, 58 of the judgment of the European Court dated 14.12.1981 with regard to the case «Jaspers vs. Belgium» (Jespers v. Belgium). Complaint № 8403/78.

[2] *Насонов С.А.* Шесть нарушений права на защиту при ознакомлении с материалами дела // Уголовный процесс. 2017. № 12. С. 26–31.

[3] *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной республики Германия – Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Постдам: университет Постдама, 2012. С. 130.

[4] *Kesper D.* E-Akte in Strafsachen - der Stand der Dinge // JurPC Web-Dok. 103/2017, Abs. 1 – 33. URL: http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20170103 (дата последнего обращения: 19.08.2018).

ции, не менее чем за пять дней перед первым допросом стороны защиты или потерпевшего, а также в любой момент после него их адвокаты вправе ознакомиться со всеми материалами дела и запросить получение копии любого из содержащихся в них процессуальных документов. Если в деле находятся оцифрованные данные, их копии направляются защитнику по электронной почте или на соответствующем цифровом носителе[1].

Обращаясь к уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан, в которой была проведена реформа по электронизации уголовного судопроизводства, необходимо обратить внимание на часть 1 статьи 296 УПК РК. Согласно данной норме, защитнику и обвиняемому для ознакомления предъявляются вещественные доказательства, а также, по их просьбе, воспроизводятся фонограммы, видеозаписи, кинофильмы, слайды, иные носители информации, если таковые приложены к протоколам следственных действий. Как указано во второй части указанной статьи, подозреваемый и защитник могут снимать копии с документов, в том числе с помощью научно-технических средств[2].

Указанное позволяет говорить о том, что вопрос о возможности ознакомления стороны защиты с информацией на электронных носителях информации в законодательстве Казахстана разрешен положительно.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что страны со сходной с российской моделью уголовного процесса приходят или уже пришли к решению о предоставлении стороне защиты права знакомиться с любыми оцифрованными материалами уголовного дела.

Этот подход представляется не только обоснованным и справедливым в свете практики ЕСПЧ, но и легкоосуществимым с технической точки зрения. Именно существованием «риска» повредить первичную информацию, записанную на цифровом устройстве, в процессе изготовления ее копии для стороны защиты зачастую оправдываются решения правоохранительных органов об отказе в ознакомлении с ней. Между тем технически копирование информации с первоначального накопителя на новый не является сложным или опасным процессом. Более того, такое копирование всегда осуществляется при проведении компьютерно-технических экспертиз.

Методика проведения компьютерно-технических экспертиз предусматривает проведение следующих действий по обеспечению неизменности и сохранности первичной цифровой информации: при подключении носителя цифровой информации к тестовому компьютеру эксперта используются аппаратные средства блокирования уничтожения или сохра-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de procédure pénale), Закон Французской Республики №57-1426 от 31.12.1957 (с изм. и доп. от 09.08.2018); См. также: *Закотянский А.С.* Участие защитника в доказывании по уголовным делам: зарубежный опыт. Юридический вестник Самарского университета. 2015. Т. 1. № 1. С. 44–49.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан №231-V от 04.07.2014 (с изм. и доп. от 12.07.2018).

нения информации, после чего производится полное копирование цифровой информации на специально выделенные экспертом зоны на тестовом цифровом устройстве (так называемое создание образа исследуемого носителя цифровой информации)[1]. Существуют профессиональные программы по безопасному созданию «клонов» или «образов» любых цифровых носителей, как, например, Acronis True Image, Acronis Advanced Server, Norton Ghost[2].

Таким образом, технический прогресс давно разрешил проблему искажения цифровой информации при ее копировании. Следовательно, разумно предоставить стороне защиты право ходатайствовать о предоставлении ей для ознакомления в порядке статьи 217 УПК РФ копий цифровых данных, записанных на приобщенных к уголовному делу устройствах.

В связи с этим предлагается дополнить статью 217 УПК РФ частью 3.1 следующего содержания:

«3.1. При ознакомлении с делом обвиняемым или защитником может быть заявлено ходатайство о предоставлении копии сведений, содержащихся на приобщенных к уголовному делу электронных носителях информации. Копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, представленные лицом, заявившим ходатайство. Следователем может быть отказано в удовлетворении указанного ходатайства только в случае наличия заключения специалиста о том, что указанное копирование может повлечь за собой утрату или изменение информации».

Описанный механизм необходим в сложившихся реалиях информационного общества. Он позволил бы не только уравновесить процессуальный статус сторон обвинения и защиты, но и значительно снизить вероятность злоупотребления правом обвиняемым и защитником, сократить количество жалоб на отказ в ознакомлении с доказательственной информацией в цифровой форме.

---

[1] *Зубаха В.С., Усов А.И., Саенко Г.В.* Общие положения по назначению и производству компьютерно-технической экспертизы (Методические рекомендации). М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001; *Шелупанов А.А., Смолина А.Р.* Методика проведения подготовительной стадии исследования при производстве компьютерно-технической экспертизы // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2016. № 1. Т. 19. С. 31–32.

[2] *Баркалов Ю.М. Бабкин А.Н.* Экспертиза компьютерной информации в системах Windows NT // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 2. С. 6; *Разумов М.* Компьютерная экспертиза на платформах Windows, Ч. 2. [Электронный ресурс] // Федеральный портал «Компьютерные преступления: квалификация, расследование, профилактика». URL: http://www.securitylab.ru/?ID=36707 (дата последнего обращения: 19.08.2018).

Библиографический список:

1. *Баркалов Ю.М. Бабкин А.Н.* Экспертиза компьютерной информации в системах Windows NT // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. С. 6

2. *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной республики Германия – Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Постдам: университет Постдама, 2012. С. 130.

3. *Закотянский А.С.* Участие защитника в доказывании по уголовным делам: зарубежный опыт // Юридический вестник Самарского университета. 2015. Т. 1. № 1. С. 44–49.

4. *Зубаха В.С., Усов А.И., Саенко Г.В.* Общие положения по назначению и производству компьютерно-технической экспертизы (Методические рекомендации). М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001.

5. *Костенко К. А.* Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. № 9. С. 30–34.

6. *Матвеев А.В.* Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

7. *Насонов С.А.* Шесть нарушений права на защиту при ознакомлении с материалами дела // Уголовный процесс. 2017. № 12. С. 26–31.

8. *Разумов М.* Компьютерная экспертиза на платформах Windows, часть 2. [Электронный ресурс] // Федеральный портал «Компьютерные преступления: квалификация, расследование, профилактика». URL: http://www.securitylab.ru/?ID=36707 (дата последнего обращения: 19.08.2018).

9. *Шелупанов А.А., Смолина А.Р.* Методика проведения подготовительной стадии исследования при производстве компьютерно-технической экспертизы // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2016. № 1. Т. 19. С. 31–32.

10. *Яковлева С.А., Криворотов С.Н.* Вопросы квалифицированной защиты на этапе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела // Марийский юридический вестник. 2017. № 1 (20). С. 61–63.

11. Judgment of the European Court dated 14.12.1981 with regard to the case «Jaspers vs. Belgium» (Jespers v. Belgium). Complaint № 8403/78.

12. *Kesper D.* E-Akte in Strafsachen - der Stand der Dinge // JurPC Web-Dok. 103/2017, Abs. 1–3. URL: http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20170103 (дата последнего обращения: 19.08.2018).

УДК: 004.9:[343.985.7:343.34]

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО СЛЕНГА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.М. Каминский,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Удмуртии,
заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

Ж.А. Русских,
старший преподаватель кафедры криминалистики
и судебных экспертиз
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: kafedra.krim@gmail.ru

Аннотация: статья написана на основе изучения практики раскрытия преступлений в сфере компьютерной информации и иных преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий. Все чаще при решении повседневных и/или профессиональных задач каждый из нас сталкивается с автоматизированным сбором, хранением, обработкой, использованием информации с помощью новейшей техники и технологий, автоматизированной генерацией знаний. Это явление привело к возникновению феномена компьютерного сленга. В целях эффективности расследования преступлений все сотрудники правоохранительных органов должны владеть компьютерным сленгом.

Ключевые слова: компьютерный сленг, уголовный жаргон, преступления в сфере компьютерной информации.

SOME ASPECTS OF USING A COMPUTER SLANG WORDS FOR SOLVING THE TASKS OF INVESTIGATION CRIME IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

M.A. Kaminsky

G.A. Russkih,
Udmurt State University
1, Universitetskaya st., Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: kafedra.krim@gmail.ru

Annotation: The article is written on the basis of studying of crime detection practice in the field of computer information and other crimes, committed with using computer technologies. During the investigation of crimes, in solving professional problems, each of us having dealt with automated collection, storage, processing, use of information using the modern technology and automatic accumulation of knowledge. This phenomenon has led to the emergence of the phenomenon of computer slang. Due to the fact that a variety of crimes are committed with the help of computers, and some types of them cannot be done without using a computer, criminals are increasingly using computer slang.

Keywords: computer slang, criminal jargon, crimes in the field of computer information.

Активное применение современных информационных технологий во всех сферах деятельности предопределило вступление человечества в новую стадию своего развития. Появилось общество нового типа – информационное общество, имеющее свои характерные черты. Массовая компьютеризация и информатизация изменяет и человека.

Язык, будучи вербальным средством общения, в первую очередь отражает подобные изменения, становится их индикатором. Все чаще и масштабнее проникают в нашу речь термины и терминологические выражения, связанные с использованием информационных и компьютерных технологий.

Одновременно с профессиональным языком программистов начала формироваться и особая форма общения – компьютерный сленг. Его появление можно отнести к 80-м годам 20 века, а появление Интернет-технологий придало новый толчок для массового распространения сленга среди компьютеропользователей.

Компьютерные технологии, все глубже внедряясь в различные сферы человеческой жизни, представляют собой удобный инструмент и для действия злоумышленников. Для этого вида преступлений не нужно ни физических усилий, ни физического контакта, ни постоянной слежки за объектом. Легче выдавать себя за другую личность, легче скрывать следы воздействия. Иногда бывает достаточно иметь лишь контактные данные потенциальной жертвы, например, номер телефона, адреса страниц социальных сетей, электронной почты. Любой человек, имеющий средство электронной связи (смартфон, планшет, ПК и т.д.), может стать жертвой этого вида преступлений.

Как и любое глобальное явление в социуме, компьютеризация не могла не коснуться и сферы взаимовлияния преступной деятельности и деятельности по выявлению и расследованию преступлений, т.е. той сферы, что составляет предмет мысли ученого-криминалиста[1].

В практике сложилась ситуация, когда, во-первых, появилась принципиально новая группа преступлений в сфере компьютерной информации, ответственность за которые предусмотрена главой 28 УК РФ, во-вторых, преступные технологии совершения многих «традиционных» составов существенно изменились благодаря возможности использования компьютерных средств.

Поэтому ученые-криминалисты активно работают над разработкой методик раскрытия компьютерных преступлений, тактических приемов производства отдельных следственных действий и технико-криминалистических рекомендаций по исследованию компьютерных средств и систем[2].

В процессе этих исследований, например, «выявлен и исследован новый криминалистический объект – «кибернетическое пространство», определяемый как среда совершения преступлений в сфере компьютерной информации и существования нового вида виртуальных следов»[3].

Постепенно сложилось понимание необходимости разработки «...новой частной теории криминалистики: теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Предметом этой теории могут служить закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений. Объектом являются компьютерные средства и системы, особенности криминалистических технологий собирания (выявления, фиксации, изъятия) и исследования этих объектов для получения доказательственной и ориентирующей информации»[4].

Следует отметить и то обстоятельство, что активное использование компьютерной техники изменяет образ мышления компьютерщиков, деформирует их поведение.

Психологические особенности хакеров, компьютерных преступников исследовал В.А. Мещеряков: «В литературе длительное время не обращалось внимание на то, что длительное взаимодействие с ЭВМ... приводит к

---

[1] *Каминский М.К.* Основы общей теории криминалистики. Курс лекций по криминалистике для бакалавров:учебное пособие / под ред. *Каминского М.К., Каминского А.М.* Изд.2-е, испр. и доп. М-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. С. 4.

[2] *Россинская Е.Р., Шамаев Г.П.* Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как новый раздел криминалистической техники // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч.- практ. конф, Иркутск, 2014. С. 317–325.

[3] *Мещеряков В.А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 9.

[4] *Россинская Е.Р.* К вопросу о частной теории информационно – компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тул ГУ. Экономические и юридические науки. Вып.3. ч. 2, Юридические науки. Тула: Изд–во ТулГу, 2016. С. 110.

существенному изменению психологии людей, их поступков... Обобщенно эти особенности можно сформулировать следующим образом:

- стремление четко сформулировать любую возникшую проблему, выделить основные и второстепенные элементы... – это приводит к тому, что второстепенным элементам практически не уделяется внимание. Четкое логическое обоснование поведения при выполнении профессиональной задачи запросто может соседствовать с «хаотическим» поведением в быту;
- сильно развитое формальное… мышление, которое зачастую подводит в реальной жизни. Например, если написано заявление, то считается, что на него обязательно будет ответ, причем ответ может быть положительным или отрицательны и никаким другим. Появление уклончивых ответов или вообще их отсутствие не укладывается в «общую схему» и вызывает раздражение;
- стремление к точности, четкости и однозначности в языке. Это приводит к манере в разговорах задавать уточняющие вопросы и часто переспрашивать отдельные детали, что зачастую вызывает раздражение собеседника. При этом обращает на себя внимание постоянное использование компьютерного жаргона малопонятного непосвященным»[1].

Таким образом, компьютерный жаргон (сленг), как неотъемлемая часть компьютерной преступности, должен стать объектом исследования криминалистики наряду с «классическим» преступным жаргоном. И это исследование, как представляется, должно исходить из той методологической посылки, что «...преступный мир является социальной субкультурой... преступная деятельность реализуется сложившимся социальным слоем людей, субъектов, и уже... в силу факта своего существования (для криминалистики это в первую очередь значит выполнение специфической деятельности специфическими приемами и средствами) является носителем своей собственной, оформившейся преступной субкультуры»[2]. Язык, будучи вербальным средством общения, в первую очередь отражает складывающиеся, протекающие изменения, становится их индикатором и выступает в качестве важной составляющей любой субкультуры, преступной в частности.

Особую трудность при расследовании компьютерных преступлений представляет понимание языка преступников, сленговых и жаргонных выражений, специфики и способов их вербального и невербального общения. При расследовании преступлений следователю, оперативному работнику, дознавателю важно понимать преступников, использовать знание их языка

[1] *Мещеряков В.А.* Указ. соч.

[2] *Каминский А.М.* Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: дисс. … д-ра юрид. наук. Ижевск, 2008. С. 84.

для планирования и проведения следственных мероприятий. В некоторых случаях подобные знания помогут раскрыть замыслы преступника, а, следовательно, и предотвратить преступление.

Таким образом, возникает необходимость создания универсального инструмента-помощника в понимании компьютерного сленга для решения задач расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Для достижения поставленной цели необходимо выяснить, что представляет собой компьютерный сленг, в чем заключаются особенности функционально-семантического содержания (наполнения) сленговых выражений, какие способы словообразования используются для получения новых лексических единиц, а также каковы особенности использования компьютерного сленга для решения задач расследования компьютерных преступлений.

Сленг[1][англ. slang] – 1. речь социальной или профессионально обособленной группы, жаргон. 2. Элементы речи, не совпадающие с нормой литературного языка (обычно экспрессивно окрашенные).

Назначение сленга – «служить средством связи для лиц, входящих в определенную социальную группировку, объединить членов группы в одну корпорацию, имеющую свои интересы…»[2]. Лингвистическая сущность сленга – «игра со словом и в слово, метафоризация словесных значений с целью создания экспрессивных, эмоционально окрашенных средств языкового выражения»[3]. Сленг представляет собой совокупность «языковых единиц речи, которая отличается от других языковых единиц не нормативностью, подвижностью, способностью изменяться в короткие периоды времени». Вместе с тем сленг является источником пополнения лексического запаса современного языка.

Обратившись к научной и справочной литературе, можно проследить некоторую изменчивость в разграничении понятий «жаргон», «сленг» и «арго». Несмотря на то, что большинство исследователей предлагают компьютерную лексику называть «компьютерным жаргоном» (Л.П. Крысин, П.В. Лихолитов, В.А. Мещеряков, М.А. Грачеви др.), ссылаясь на ее разговорную, грубо-фамильярную окраску, нам представляется предпочтительным для ее обозначения использовать термин «компьютерный сленг». Учитывая то обстоятельство, что в компьютерной лексике преимущественно используются англицизмы, правильнее было бы ее называть английским термином, нежели словом французского происхождения (jargon). Тот факт, что компьютерная сфера – новейшая, активно развивающаяся область деятельности человечества, также убеждает нас в правильности выбора термина. Как мы уже отмечали, слово «сленг» в последнее время является более

---

[1] Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. *С.А. Кузнецов*. СПб.: Норинт, 1998.

[2] *Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. С. 68.

[3] *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

употребляемым. Кроме того, происходит активное и массовое заимствование слов данного языкового диалекта, сначала в профессиональный, а затем и в литературный язык. Все чаще эти слова встречаются в разговорной речи, в средствах массовой информации, в официальных документах, в докладах должностных лиц высших органов власти. Нам представляется, что такое свойство неприемлемо для жаргонных «словечек» и выражений.

В связи с вышесказанным считаем, что терминологическое словосочетание «компьютерный жаргон» устарело. В настоящее время корректнее использовать термин «компьютерный сленг».

Таким образом, компьютерный сленг – это разновидность сленга, используемая как профессиональными, так и другими пользователями компьютеров.

Необходимо отметить ряд особенностей компьютерного сленга.

Отличительной особенностью его является то, что он соединяет в себе черты профессионального и молодежного сленга. Это особая лексическая подсистема, занимающая промежуточное положение.

Вместе с тем компьютерный сленг может проявлять и черты уголовного/тюремно-лагерного жаргона. Во-первых потому, что последний находит свое отражение в молодежном сленге. Во-вторых, компьютер может выступать в качестве объекта и средства преступлений. А опытные компьютеропользователи – хакеры, будучи основными носителями компьютерного сленга, к сожалению, нередко становятся преступниками.

В отличие от уголовного жаргона, он существует не только в виде вербального средства общения, но и в виде графических символов, что в этом смысле роднит его с таким проявлением криминальной субкультуры, как уголовные татуировки, хотя и имеются и принципиальные различия. Татуировки несут в себе информацию о владельце – количество судимостей, отношение к властям, место и статус владельца в криминальной иерархии и др. Графика, как составная часть компьютерного сленга, используется, во-первых, для сокращения буквенных, письменных символов, выражая при этом отношение пишущего к предмету общения, а во-вторых, может быть использована как средство маскировки в общении, когда безобидный графический символ используется для обозначения криминальных действий, предметов, запрещенных к обороту и т.п.

Специалисты-языковеды (Н.В. Виноградова, М.А. Грачев) выделяют четыре основные функции компьютерного сленга:

- Номинативная.
- Эмоционально-экспрессивная.
- Функция экономии речевых усилий и времени (в том числе и упрощение написания).
- Коммуникативная.

Вместе с тем, исследуя компьютерный сленг в криминалистическом

аспекте, следует обратить внимание на тот факт, что если речь идет о коллективной деятельности (в данном случае преступной), то коммуникация при всей своей значимости является элементом в системе организации. Поэтому можно говорить о существенной роли компьютерного сленга в осуществлении организационно-управленческой функции.

Особенно рельефно это положение иллюстрируется в анализе организованной преступной деятельности, которая «в отличие от общеуголовной преступности, специфическим образом организована. Организованность ОПД выражается в том, что ОПФ обладают гибкой, эффективной структурой... Наличие структуры ОПФ делает возможным возникновение в этих формированиях эффективного механизма управления, организованного по двухканальному принципу, позволяющего... не только сохранять устойчивость ОПФ, но и осуществлять дальнейшее повышение уровня его организованности... Совершенно обоснованно можно предположить, что уровень социальной реализации ОПД существует в виде специфических средств общения (жаргон), норм и правил поведения...».[1]

Таким образом, мы видим, что компьютерный сленг – это динамически развивающаяся система и его знание жизненно необходимо сотрудникам правоохранительных органов не только при раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации, но и при расследовании различных преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий. Поэтому, на наш взгляд, встает научная задача формирования специального словаря и его обновления. Авторами данной статьи в качестве первого шага на этом пути, создан вариант такого словаря[2].

Библиографический список:

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб: Норинт, 1998. 1536 с.

2. *Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.

3. *Русских Ж.А., Каминский А.М.* Компьтерный сленг и возможности его использования в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Учебно–практическое пособие. Ижевск .2018. 56 с.

4. Курс лекций по криминалистике для бакалавров: учебное пособие / под ред. Каминского М.К., Каминского А.М. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. 332 с.

[1] *Каминский А.М.* Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2008. С. 14.

[2] *Русских Ж.А., Каминский А.М.* Компьютерный сленг и возможности его использования в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Учебно–практическое пособие. Ижевск. 2018. 56 с.

5. *Каминский А.М.* Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: дис. … д-ра юрид. наук. Ижевск, 2008. С. 84.

6. *Каминский А.М.* Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Ижевск, 2008. 52 с.

7. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

8. *Мещеряков В.А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 39 с.

9. *Россинская Е.Р., Шамаев Г.П.* Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как новый раздел криминалистической техники // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч.-практ. конф, Иркутск, 2014. 194 с.

10. *Россинская Е.Р.* К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тул ГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. ч. 2, Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГу, 2016. 349 с.

УДК: 343.37:336.743.4

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.А. Корепанова,
старший преподаватель кафедры уголовного права и прокурорского надзора
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: korepanova.jurist@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о возможности использования криптовалюты в преступных целях. В центре внимания статьи – теоретические и практические аспекты проблемы квалификации хищения криптовалюты. Автором предложены варианты квалификации преступных посягательств на криптовалюту с учетом внесенных в Государственную Думу РФ законопроектов, определяющих понятие «криптовалюты».

Ключевые слова: предмет преступления; криптовалюта; преступления против собственности; хищение.

CRYPTO CURRENCY AS AN OBJECT AND MEANS OF COMMITTING CRIMES

E.A. Korepanova,
Perm State University,
15, Bukireva st., Russia, Perm, 614990
e-mail: korepanova.jurist@yandex.ru

Annotation: the article examines the possibility of using crypto currency for criminal purposes. The focus of the article is theoretical and practical aspects of the problem of qualification of theft of crypto-currency. The author offers options for qualifying criminal encroachments on the crypto currency, taking into account the bills submitted to the State Duma of the Russian Federation, which define the concept of «crypto-currency».

Keywords: subject of crime; crypto currency; crimes against property; embezzlement.

В последнее время все больше ученых, правоприменителей озадачивается проблемой правового регулирования криптовалюты. Причины для этого:

– быстрое развитие информационных технологий;

– интерес населения к использованию криптовалюты;

– высокая степень защищенности криптовалюты от подделки;

– отсутствие комиссии при транзакции между странами;

– позитивный опыт зарубежных стран применения криптовалюты в расчетах.

Несмотря на отсутствие в России легального регулирования криптовалюты, достаточно большая часть населения использует ее в качестве инвестиций либо как платежное средство. Так, президент Российской ассоциации криптовалют и блокчейна (РАКИБ) Юрий Припачкин, выступая на дискуссионной панели «Криптовалюты и альтернативные механизмы инвестирования – источник финансирования бизнес-проектов» в Торгово-промышленной палате РФ, пояснил, что технологией блокчейн и криптоиндустриализацией в России занимаются 1,5 млн человек[1]. Следовательно, цифровые активы (виртуальная валюта, криптовалюта) – это ближайшее будущее. Государство должно обеспечить надлежащее правовое регулирование формирующихся отношений и их адекватную охрану.

Уже сегодня криптовалюту активно используют в преступных целях, например, в финансировании терроризма, легализации (отмывании) денег, при незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, организации занятия проституцией и др.[2]

Отметим, что в России и в мире все больше и больше совершается противоправных посягательств на криптовалюту, которые причиняют колоссальный ущерб. Так, в январе 2018 г. с токийской биржи криптовалют Coincheck неизвестные киберпреступники похитили $ 537 миллионов[3]. Кроме того, стали известны и следующие случаи преступных посягательств на криптовалюту: взлом Bitfinex Exchange (украли 120 000 биткоинов); хищение у Mt.Gox (ущерб оценен в 740 000 биткоинов); ограбление биржи Bitstamp (19 000 биткоинов) и BitFloor (24 000 биткоинов)[4].

Отметим, что существующее российское уголовное законодательство не позволяет квалифицировать данные действия как хищение, например,

[1] Отсутствие закона об ICO обходится экономике РФ в десятки миллиардов рублей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://coinspot.io/law/russia_sng/otsutstvie-zakona-ob-ico-obhoditsya-ekonomike-rf-v-desyatki-milliardov-rublej/ (дата обращения 09.03.2018).

[2] *Сидоренко Э.Л.* Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция, 2016, № 6. С.8–10.

[3] Кража XXI века: с биржи криптовалют в Токио украли $537 миллионов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ntv.ru/novosti/1976016/ (дата обращения 03.03.2018)

[4] https://geektimes.ru/company/smileexpo/blog/294741/ (дата обращения 21.04.2018).

как кражу и мошенничество, поскольку криптовалюта не признана объектом гражданских прав, в том числе имуществом, согласно ст. 128 ГК. Кроме того, нельзя ее отнести и к деньгам в силу ст. 140 ГК. Хоть криптовалюта схожа по своему функциональному назначению с деньгами, но все же она не является законным средством платежа. На это неоднократно указывал ЦБ РФ[1]. При отсутствии легального закрепления криптовалюты в качестве имущества любые посягательства на криптовалюту выходят за рамки уголовно-правовой охраны имущественных отношений.

Следовательно, единственно верной на сегодняшний день следует признать квалификацию незаконного приобретения криптовалюты по ст. 272, 273, 274 либо 274.1 УК, поскольку общественные отношения в сфере безопасного обращения компьютерной информации находятся под охраной уголовного законодательства, а неправомерное завладение криптовалютой невозможно без вмешательства в сферу компьютерной информации.

В 2017 г. президент РФ В.В. Путин дал поручение Правительству РФ и Банку РФ № Пр-2132 разработать законопроект о внесении изменений, предусматривающих определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, в том числе и криптовалюты[2]. Министерство финансов РФ уже подготовило законопроект, касающийся регулирования криптовалюты, согласно которому сущность криптовалют следует определять через понятие «цифровой финансовый актив» – т.е. имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств[3].

Казалось бы, что при приятии данного законопроекта не возникнет проблем с квалификацией противоправных посягательств на криптовалюту, поскольку криптовалюта определяется через категорию имущества и права собственности, а следовательно, незаконное приобретение криптовалюты необходимо будет квалифицировать по привычным для нас составам преступления – 158 (кража), 159 – 159.6 (мошенничество – компьютерное мошенничество) УК, в зависимости от способа совершения преступления.

Однако многие исследователи в области гражданского права указывают на неготовность гражданско-правовой терминологии описать институт цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, в том числе и криптовалюты. Представляется, что нельзя признать криптовалюту объектом права собственности, поскольку она существует не в объективной

[1] Информация ЦБ РФ от 04.09.2017 «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // Вестник Банка России. № 80. 14.09.2017.

[2] Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899 (дата обращения 29.11.29017).

[3] Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.01.2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.minfin.ru/ (дата обращения 25.01.2018).

реальности, а только в цепочке участников той или иной децентрализованной платежной системы. Именно признание данными участниками такой валюты средством платежа позволяет ей приобрести стоимость, стать товаром. Сама технология блокчейн, на основе которых построены самые известные криптовалюты, устроена таким образом, что любая транзакция подтверждается всеми участниками. Однако право собственности ¾ это абсолютное право, которое не зависит от воли и действий третьих лиц, в связи с чем мы не можем признать криптовалюту объектом права собственности.

Некоторые цивилисты больше склоняются определять криптовалюту через имущественные права требования. Представляется, что и это определение не является удачным, так как для того, чтобы криптовалюта стала правом требования, необходимо, чтобы в отношениях существовала третья сторона, например, как в расчетах с безналичными либо электронными денежными средствами. При использовании криптовалют, например биткойна, третьей стороны нет. При проведении расчетов тут нет ни банков, ни операторов, которые становятся обязанными проводить расчеты и отслеживать цепочку транзакций[1].

В свою очередь, в марте 2018 года был подготовлен законопроект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»[2]. Согласно данному законопроекту в гражданском праве появятся сразу две новые категории «цифровые права» и «цифровые деньги», которые и будут регулировать отношения с криптовалютой. При этом привычные нам «токены» будут отождествляться с цифровыми правами, а сама криптовалюта с цифровыми деньгами.

Таким образом, уже сейчас, в период разработки законопроекта о криптовалюте, важно определиться с сущностью данного института, поскольку от этого будет зависеть не только правовое регулирование, но и уголовно-правовая охрана этих общественных отношений. Кроме того, необходимо использовать опыт зарубежных стран, которые уже легализовали криптовалюту и активно применяют ее в сфере расчетов. В законопроекте о цифровых активах должны участвовать не только представители государственных органов (Минфин, ЦБ РФ и т.д.), но и специалисты в области информационных технологий, юристы, экономисты, филологи, общественные движения, которые смогут совместными усилиями создать максимально приближенный к существующим реалиям закон о криптова-

---

[1] *Satoshi Nakamoto.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (дата обращения 09.03.2018).

[2] Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» http://sozd.duma.gov.ru (дата обращения 20.08.2018).

люте. Более того, вопросы о квалификации преступных посягательств на криптовалюту должны быть решены на международном уровне, поскольку указанные выше общественно-опасные посягательства носят характер трансграничных преступлений.

Библиографический список:

1. *Сидоренко Э.Л.* Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция, 2016, № 6. С. 8–10.

2. *Satoshi Nakamoto*. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (дата обращения 09.03.2018).

УДК: 343.14:004.9

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОБИРАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Ю.А. Ложкин,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: fragment84@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с изъятием носителей электронной информации в процессе производства следственных действий в рамках расследуемых уголовных дел. Также автором проанализирована позиция судов общей юрисдикции, касающейся практики применения норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, относительно данных вопросов.

Ключевые слова: электронные доказательства, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, обыск, выемка, специалист, электронные носители информации, судебное решение.

ON SOME QUESTIONS OF THE ASSEMBLY OF ELECTRONIC EVIDENCES IN THE FRAMEWORK OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Ju.A. Lozhkin,
Perm Institute of the Federal Penal Service
125, Karpinskogo str., Perm, Russia, 614012

Abstract: the article considers problematic issues related to the seizure of electronic information carriers in the process of investigative actions in the framework of the investigated criminal cases. The author also analyzed the position of the courts of general jurisdiction regarding the practice of applying the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding these issues.

Key words: electronic evidence, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, search, seizure, specialist, electronic media, court decision.

В современном обществе происходит непрерывный процесс совершенствования средств передачи информации, разрабатываются и внедряются новые технические устройства для ее обработки и хранения. Стремительное развитие науки и техники неизбежно ведет к стремлению урегулировать с правовой точки зрения те отношения, которые возникают в данной сфере. Между тем в отечественной правовой науке информационное пространство определяют через единство двух его компонент: техническую, которая включает в себя инфраструктуру связи и коммуникации и социальную – сообщество интернет-пользователей[1]. В связи с этим нормативное регулирование данной сферы обоснованно вызывает объективные сложности. Развитие сети Интернет увеличивает количество внетерриториальных образований и ставит под сомнение основные положения международного права, в частности, традиционное понятие территориальной юрисдикции. Сеть Интернет и другие телекоммуникационные сети образуют кибернетическое пространство, которое является новой человеческой и технологической средой. Пространство не имеет границ, следовательно, не находится под юрисдикцией какого-либо одного государства[2].

Использование злоумышленниками в качестве инструментов совершения преступления сеть Интернет в целом и различного рода электронные данные в частности влечет за собой необходимость принятия со стороны правоохранительных органов мер, направленных на пресечение и раскрытие данной категории преступлений.

Развитие высоких технологий приводит к наиболее частому использованию в процессе доказывания по уголовным делам, относительно новой категории доказательств, а именно – электронных доказательств. В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ, принятого 18.12.2001 Федеральным законом № 173-ФЗ (далее – УПК РФ), рассматриваемая нами категория может быть отнесена к таким видам доказательств, как вещественные доказательства или иные документы. В соответствии со ст. 84 УПК РФ, документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. В частности, к ним могут быть отнесены различные фотографии (как в напечатанном, так и в электронном виде, хранящиеся на магнитном носителе), материалы киновидеосъемки, аудиозаписи и иные носители информации, полученные следователем (дознавателем) в соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 86 УПК РФ. В том случае, если рассмотренные нами предметы или документы обладают признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, то на основании ч. 4 ст. 84 УПК РФ, они могут быть признаны вещественными

[1] *Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С.* Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 199.

[2] *Искевич И.С., Кочеткова М.Н.* Особенности определения места преступления при нарушении авторских прав в глобальном информационном пространстве: международно-правовой и уголовно-правовой аспекты // ППД. 2017. № 1. С. 55.

ными доказательствами по конкретному уголовному делу. На сегодняшний день, в силу актуальности рассматриваемой тематики, вопросам собирания, исследования, проверки и оценки электронных доказательств посвящено достаточно большое количество исследований, проводимых в том числе и на монографическом уровне [1].

Электронные доказательства, являясь разновидностью доказательств в целом, при этом обладают определенной спецификой, которая характеризуется способами их фиксации на определенных носителях. Электронные доказательства создаются, обрабатываются и хранятся исключительно на магнитных (машинных) носителях информации. Как правило, к ним могут относиться различного рода магнитные диски (жесткие и гибкие магнитные диски-накопители, магнитооптические диски), серверы, флеш-карты и др. По мнению Н.А. Зигуры, с которым мы полностью согласны, предоставление подобной информации и использование ее в качестве доказательств по уголовному делу, возможно исключительно в электронно-цифровой форме[2]. Помимо этого, для изучения рассматриваемой информации человеком (просмотра, прочтения, прослушивания) требуется специализированное оборудование (компьютер, ноутбук, дисковод, CD-привод и др.), а также специальное программное обеспечение, позволяющее воспроизвести электронную информацию в том виде, в котором она может быть воспринята человеком.

Рассмотренные выше особенности электронных доказательств, несомненно, оказывают влияние на особенности их обнаружения, фиксации и изъятия. Электронные сведения могут быть относимы к уголовному делу наравне с другими непроцессуальными данными. При этом, чтобы электронная информация обрела статус доказательства в уголовном деле, она, во-первых, должна быть получена надлежащим субъектом (следователем или дознавателем), во-вторых, ее получение должно осуществляться надлежащим способом, и в-третьих, она должна быть получена из надлежащего источника доказательств[3]. Как и любые другие виды доказательств, электронные доказательства могут быть получены в процессе производства следственных и процессуальных действий. Наиболее распространенными следственными действиями, в рамках которых производится обнаружение и изъятие электронной информации, является следственный осмотр, а также обыск и выемка. При этом, исходя из специфики данной информации, о которой говорилось ранее, происходит обнаружение не ее самой, а лишь электронных носителей, на которых она хранится и обрабатывается. В первую очередь, к подобным носителям могут

[1] *Ефремов И.А.* О достоверности электронных документов при осуществлении уголовного судопроизводства // Информационное право. 2006. № 2. С. 21.

[2] *Зигура Н.А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

[3] *Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю.* Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18.

быть отнесены различного рода персональные компьютеры, ноутбуки, планшетные компьютеры, мобильные телефоны, фото-, видеокамеры, мобильные регистраторы и т.д. Кроме того, отдельного внимания при проведении следственных действий должны заслуживать магнитные накопители информации, функционирующие как внутри электронного устройства (жесткие магнитные диски, внутренняя память телефона), так и предназначенные для переноса информации с одного устройства на другое (флеш-карты, съемные жесткие диски, магнитные оптические CD-диски и DVD-диски и т.д.).

Фиксация обнаруженной информации может осуществляться как путем изъятия самого магнитного носителя, так и путем ее копирования на магнитный накопитель, имеющийся в распоряжении следователя (дознавателя). В дальнейшем изъятая информация подлежит осмотру. Определенную сложность представляет обнаружение и фиксация информации, которая хранится и обрабатывается на различных серверах, находящихся на значительном удалении от места производства предварительного расследования (например, в другом субъекте РФ или в другом государстве). Здесь, прежде всего, речь может идти о различных интернет-сайтах базах данных государственных органов или организаций. В данных случаях, из-за невозможности изъятия самого носителя информации лицо, осуществляющее предварительное расследование по уголовному делу, как правило, ограничивается следственным осмотром электронной информации, находящейся в свободном доступе.

Так, одним из доказательств по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 138 УК РФ (Незаконные производство, сбыт или приобретение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации), являлся протокол осмотра интернет-страницы http://www.ufanic.ru от 7 мая 2010 г. Исходя из содержания данного протокола, гражданин А. в присутствии понятых и условного покупателя зашел на указанный интернет-сайт, на главной странице которого обнаружил вкладку «Оформить заказ». При наведении курсора на эту вкладку появляется «всплывающее» окно, уведомляющее об отсутствии каких-либо товаров в корзине. При переходе по ссылке «Каталог товаров» была обнаружена позиция «Шпионские устройства», где отображалась текстовая информация об устройстве «GSM аудиопередатчик (шпион)», фотография устройства, его цена. Данный товар был перемещен в «корзину». Таким образом, в процессе просмотра интернет-сайта условный покупатель оформил в интернет-магазине заказ на приобретение GSM аудиопередатчика, который предположительно являлся специальным техническим устройством, предназначенным для негласного получения информации[1].

Если говорить о критериях допустимости электронных данных, ис-

[1] *Мухудинова Н.Р.* Процессуальная деятельность защитника по собиранию и представлению доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Саранск, 2008. С. 28.

пользуемых в качестве доказательств, то необходимо выделить несколько их видов. В первую очередь, это общие критерии, присущие всем доказательствам. Сюда могут быть отнесены: обязательное протоколирование следственного действия; собирание электронных доказательств специально уполномоченным на то должностным лицом; производство следственного действия с участием понятых и т. д. Во-вторых, это специальные критерии, которые характерны только для электронных доказательств. В частности, действия, которые требуют определенных познаний и навыков работы с электронными данными (например, проведение осмотра изъятых магнитных носителей, содержащих электронные данные, их копирование, производство компьютерной экспертизы и т.д.), должны проводиться исключительно компетентным специалистом. В противном случае, помимо прямого нарушения норм УПК РФ, существует большая доля вероятности безвозвратной утери данных или изучение их не в полном объеме.

Таким образом, к электронным доказательствам в процессе их собирания, изучения и оценки должны предъявляться более жесткие требования по сравнению с другими видами доказательств. Это обусловлено тем, что, исходя из своей специфики, они являются неосязаемыми, для их изучения и оценки нужны специальные средства, а также лица, обладающие специальными познаниями и навыками. Помимо этого, электронные доказательства, по сравнению с обычными, гораздо легче подвергаются изменениям и уничтожению, поэтому их своевременная и правильная фиксация крайне важна. Все это в совокупности определяет ряд особенностей, связанных с собиранием электронных доказательств: оперативность; участие в данном процессе компетентного лица; наличие специальных технических средств и программного обеспечения, позволяющих обнаруживать и обрабатывать электронные данные (персональный компьютер, мобильный телефон, видеокамера и др.).

Все это находит свое отражение в соответствующих положениях УИК РФ, регламентирующих процедуру получения электронной информации и ее носителей в ходе проведения следственных действий. В частности, изменениями, вносимыми в ст. 182 УПК РФ (основания и порядок производства обыска) и ст. 183 УПК РФ (основания и порядок производства выемки), при производстве рассматриваемых следственных действий, если они сопряжены с изъятием электронных носителей информации, является обязательным участие специалиста, т.е. лица, обладающего специальными знаниями в рассматриваемой сфере, а также опытом и навыками их применения на практике. При этом ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ не содержит никаких оговорок и исключений, что при буквальном толковании предполагает привлечение специалиста при изъятии любого электронного носителя информации (например, карты памяти, извлеченной из фотоаппарата, отдельно хранящихся флеш-карт или магнитных дисков)

по преступлениям всех категорий, что априори затрудняет ход следствия, возлагая на субъекта доказывания совершение дополнительных процессуальных действий, требующих больших временных затрат[1]. Помимо этого, указанные дополнения УПК РФ привели к формированию неоднозначной позиции судов, оценивающих данные доказательства с точки зрения их относимости и допустимости.

Так, Приморский краевой суд признал необоснованным довод апелляционной жалобы об отсутствии участия специалиста при изъятии в ходе обыска электронных носителей информации: ноутбука, USB флеш-накопителя и переносного жесткого диска, поскольку изъятие информации или ее копирование с устройств не производилось[2]. Данной позиции при принятии решения придерживался Горно-Алтайский городской суд, указав в своем постановлении, что «…при изъятии электронных носителей информации без участия специалиста, копирование информации, содержащейся на изъятых предметах, на другие электронные носители не производилось и сторонами не заявлялось, изъятие ноутбука и внешнего съемного диска не требовало специальных познаний в сфере компьютерной техники, в связи с чем следователем обоснованно принято решение о проведении обыска в отсутствии специалиста»[3]. Еще одним примером может служить решение Судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда, рассматривавшего апелляционную жалобу осужденного Я., который просил отменить приговор, среди прочего ссылаясь на то, что изъятие у него мобильного телефона, являющегося электронным носителем информации, было произведено сотрудниками Линейного отдела МВД России на транспорте без участия специалиста в нарушение ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ. Суд признал указанный довод гр. Я. необоснованным, указав, что из смысла ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ участие специалиста при производстве выемки в ходе изъятия электронных носителей информации требуется при наличии нуждаемости в данном специалисте, то есть когда необходимо применить специальные познания и навыки. В частности, если при производстве выемки производится копирование информации на другие электронные носители информации, участие специалиста обязательно, так как это связано с риском утраты или изменения информации. При этом из материалов дела следовало, что при выемке следователь пользовался обычными функциями просмотра телефона, не

[1] *Поплюева К.А.* Собирание «электронных» доказательств: некоторые проблемные аспекты // International scientific review of the problems of law. Collection of scientific articles II International correspondence scientific specialized conference. 2018. С. 55.

[2] Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 24.09.2015 № 22К-5674/2015 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/WyavwZ7DR958/ (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).

[3] Постановление Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 10.11.2015 № 3/10- 27/2015 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://docs.pravo.ru/document/view/79864212/91500342/ (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).

прибегая к необходимости поиска и открытия закрытых для общего доступа файлов, что говорит о законности произведенных действий[1].

В другом случае суд пришел к выводу о том, что действия сотрудников полиции в ходе проведения обыска в части изъятия электронной почты (электронных писем), принадлежащей заявителю, системных блоков без соответствующего решения суда и без привлечения специалиста, являются незаконными[2].

Проведенный анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что суды придерживаются позиции, в соответствии с которой, если при проведении обыска или выемки не производилось копирование информации, изъятие каких-либо отдельных деталей электронных носителей (например, жесткого диска из системного блока персонального компьютера), либо изъятие не представляет сложности и не требует специальных знаний и навыков, то привлечение специалиста не является обязательным. Во всех остальных случаях, привлечение специалиста является необходимым. Этот вывод основывается на том, что для обнаружения, фиксации, изъятия системного блока компьютера, ноутбука или карты памяти в их конструктивной целостности при проведении внешнего осмотра следователю достаточно общих криминалистических знаний[3].

Рассмотрев особенности собирания такого вида вещественных доказательств, как электронные носители, необходимо сделать основные выводы. Электронная информация сама по себе неосязаема, овеществлен лишь ее материальный носитель, который в дальнейшем и становится вещественным доказательством. В то же время ее определение в действующем законодательстве отсутствует, что приводит к неоднозначному пониманию его смысла для субъектов предварительного расследования. Специфика электронного носителя информации как особого вида вещественных доказательств проявляется в сложности его внутреннего строения как технологичного электронного устройства, обладающего только ему присущими особенностями, и требующая, для должного процессуального закрепления, в некоторых случаях привлечения лица, обладающего специальными знаниями. Вне зависимости от разновидности электронные носители информации могут выступать в роли вещественных доказательств, содержащих (хранящих) в себе информацию, имеющую отношение к уголовному делу.

---

[1] *Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 03.11.2016 по делу № 22-4229/2016* [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/pyDIbXPBiF1q/ (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).

[2] Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 27.08.2013 №22К-1644/2013 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/2Zu9oah4YNQu/ (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).

[3] *Яковлев А.Н.* «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 281.

Таким образом, подводя итог данной статье, следует отметить, что в настоящее время использование электронных доказательств в процессе расследования уголовных дел принимает все большие масштабы. Это обусловлено глобальной цифровизацией всех сфер жизни человека, и как следствие – появлением новых способов совершения преступления и сокрытия их следов. Появляются все более и более современные способы и инструменты связи, для подготовки и совершения преступлений активно используются социальные сети, электронная почта, различные «мессенджеры», функционирующие как на компьютерах, так и на мобильных телефонах (Viber, What›s UICQ, Skype, и др.). Наблюдается постепенный переход предприятий и организаций к полностью электронному документообороту, отказу от документов (в том числе и финансово-хозяйственных) на материальном, бумажном носителе.

При таких обстоятельствах отмечается рост использования компьютерных технологий при совершении преступлений. Преступления все чаще совершаются в отношении компьютерной информации и с использованием компьютерной информации. Для единообразия судебной практики необходим ряд разъяснений высших судебных инстанций по вопросам применения электронных доказательств. Вместе с тем мы считаем, что на данном этапе в изменении закрепленной в УПК РФ системы доказательств, с включением в нее электронных доказательств, нет необходимости. Представляется, что это запутает систему доказательств, ведь электронные доказательства зачастую могут иметь признаки и вещественных доказательств, и иных документов. Кроме того, достаточно сложно в настоящий момент точно определить, какое доказательство является электронным, а какое нет, ввиду их большого объема, разнообразия и постоянного развития. Тем не менее без правильной, обдуманной работы с такими доказательствами невозможно представить грамотного специалиста, работающего в сфере уголовного судопроизводства ни со стороны обвинения, ни со стороны защиты.

Помимо этого, мы считаем необходимым внесение соответствующих изменений в положения УПК РФ, регламентирующих процедуру изъятия электронных носителей в ходе обыска или выемки, исходя из сложившейся судебной практики. Существующая в настоящий момент императивная конструкция норм, закрепленных в ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, предписывает привлекать специалистов при любых действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации, что не всегда является оправданным и целесообразным. Кроме того, это порождает дополнительные возможности обжалования стороной защиты законности действий следователя при проведении обыска или выемки электронных носителей информации.

Библиографический список:

1. *Ефремов И.А.* О достоверности электронных документов при осуществлении уголовного судопроизводства // Информационное право. 2006. № 2. С. 21–23.

2. *Зигура Н.А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 20 с.

3. *Искевич И.С., Кочеткова М.Н.* Особенности определения места преступления при нарушении автор-ских прав в глобальном информационном пространстве: международно-правовой и уголовно-правовой аспекты // ППД. 2017. № 1. С. 54–57.

4. *Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю.* Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

5. *Мухудинова Н.Р.* Процессуальная деятельность защитника по собиранию и представлению доказательств в российском уголовном судопроизводстве: монография. Саранск, 2008. 64 с.

6. *Поплюева К.А.* Собирание «электронных» доказательств: некоторые проблемные аспекты // International scientific review of the problems of law. Collection of scientific articles II International correspondence scientific specialized conference. 2018. С. 54–58.

7. *Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С.* Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 199–2013.

8. *Яковлев А.Н.* «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 280–291.

УДК: 343.81(470.53):316.774

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ГУФСИН РОССИИ ПО ПЕРМСКОМУ КРАЮ

П.В. Миков,
Уполномоченный по правам человека в Пермском крае
614060, Россия, Пермь, Ленина, 51
E-mail: ombudsman@uppc.permkrai.ru

Д.Б. Шевченко,
начальник отдела по работе с правоохранительными органами Аппарата Уполномоченного по правам человека в Пермском крае
614060, Россия, Пермь, Ленина, 51, оф. 229
E-mail: dbshevchenko@uppc.permkrai.ru

Аннотация: в статье затронуты вопросы, связанные с проблемами обеспечения осужденных, подозреваемых и обвиняемых правовой информацией в учреждениях ФСИН России. Материалы подготовлены на основании жалоб граждан к Уполномоченному по правам человека в Пермском крае (далее Уполномоченный) за период с 2012 по 2017 годах.

Также сформулированы предложения по изменению действующего законодательства. Рассмотрен вопрос необходимости создания системы правового информирования граждан в учреждениях ФСИН России с использованием системы высокоскоростного интернета; введения в практику учреждений ФКУЗ МСЧ № 59 ФСИН России, расположенных в исправительных учреждениях телемедицинских консультаций.

Ключевые слова: права человека, правовое информирование, осужденные, Уполномоченный по правам человека.

PROBLEMS OF LEGAL INFORMATION PROVISION OF CONVICTS, SUSPECTED AND ACCUSED IN ESTABLISHMENTS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN PERM KRAI

P.V. Mikov,
Ombudsman of Perm krai
51, Lenina st., Russia, Perm, 6140660
E-mail: ombudsman@uppc.permkrai.ru

D.B. Shevchenko,
Office of Perm krai Ombudsman
51, Lenina st., Russia, Perm, 6140660
E-mail: dbshevchenko@uppc.permkrai.ru

Annotation: the article touches upon issues related to the problems of providing convicts, suspects and accused with legal information in the institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The materials are prepared on the basis of citizens' complaints to the Ombudsman in the Perm Krai of the period from 2012 to 2017.

Also, proposals are made to change the current legislation. Is coned the issue of the need of creation a system of legal information for citizens in the institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia with the use of a high-speed Internet system; introduction in practice of the institutions of the health care unit No. 59 of the Federal Penitentiary Service of Russia located in the correctional facilities of telemedicine consultations.

Key words: human rights, Ombudsman, legal information, convicts.

Право на информацию зафиксировано в статье 19 Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году.

В Европейской Конвенции о защите прав человека (далее Конвенция), принятой в Риме 4 ноября 1950 г., отмечено право на «свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей».

Конституцией РФ закреплено (часть 2 статьи 24, часть 4 статьи 29) право граждан на получение информации от органов государственной власти, непосредственно затрагивающей их права и свободы, а также их право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Лица, находящиеся в местах лишения свободы, имеют особый правовой статус, предусмотренный законодательством РФ (Уголовно-исполнительный кодекс (далее УИК РФ), Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее Федеральный закон № 103-ФЗ и т.д.).

Вместе с тем часть 2 статьи 24 Конституции РФ содержит императивную норму о том, что «органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

В статье 17 Федерального закона № 103-ФЗ указано на то, что «Подозреваемые и обвиняемые имеют право:

1) получать информацию о своих правах и обязанностях в режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, порядке подачи предложений, заявлений и жалоб».

Доступ подозреваемых и обвиняемых на получение информации о своих правах и свободах в совершении преступлений также урегулирован пунктом 13 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее Правила СИЗО), утвержденных Приказом Минюста России от 14.10.2005 № 189.

В отношении осужденных в части 1 статьи 12 УИК РФ указано: «Осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания. Администрация учреждения или органа, исполняющего наказания, обязана предоставить осужденным указанную информацию, а также знакомить их с изменениями порядка и условий отбывания наказаний», что более детально указано в пункте 13 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные Приказом Минюста России от 16.12.2016 N 295.

Таким образом, исходя из буквального анализа нормативно-правовой базы, можно сделать вывод о том, что администрация мест лишения свободы ФСИН России обязана предоставлять информацию только о правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, распорядке дня, порядке подачи предложений, заявлений и жалоб, а также о возможности получения психологической помощи подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, а также о правах и обязанностях осужденных, о порядке и условиях отбывания назначенного судом вида наказания, что безусловно не соответствует всем потребностям на получение информации лиц, содержащихся под стражей, учитывая постоянно изменяющееся законодательство РФ в данной части, отсутствие возможности обновления фондов библиотек следственных изоляторов и исправительных учреждений, своевременного обновления информационно-правовых систем, имеющихся в местах лишения свободы.

В учреждениях ГУФСИН России по Пермскому краю существуют следующие каналы и источники правовой информации:

- устная информация, поступающая от адвокатов, родственников и друзей;
- официальная информация, поступающая от администрации исправительных учреждений и следственных изоляторов;
- информация, поступающая по каналам средств массовой информации (телевидение, радио);
- информация из библиотек исправительных учреждений и следственных изоляторов;

- поступающие сведения из общественных и правозащитных организаций Российской Федерации, а также международных организаций, осуществляющих защиту прав и свобод лиц, содержащихся под стражей в местах лишения свободы;

- информация, поступающая от Уполномоченного по правам человека в Пермском крае (далее УППЧ в ПК), Уполномоченных по правам человека в других субъектах РФ (далее УППЧ в субъектах РФ), Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее УППЧ в РФ), от государственных органов и учреждений, правоохранительных и надзорных органов (брошюры, разъяснения по обращениям, выезды в исправительные учреждения и следственные изоляторы);

- сведения из имеющихся в отдельных исправительных учреждениях правовых электронных терминалов;

- информация, поступающая лицам, содержащимся под стражей во время проведения личных приемов в учреждениях руководством правоохранительных органов и заинтересованных служб, при проведении Дней правовых знаний;

- информация, поступающая от других осужденных и их родственников.

Однако из анализа жалоб и обращений можно сделать вывод о том, что осужденные не знают о том, что они могут за разъяснениями по тем или иным вопросам обратиться в воспитательные отделы и к руководству исправительных учреждений или боятся обращаться за подобными разъяснениями (причины различны, иногда просто боязнь, страх обращения).

Кроме того, юридическая служба исправительных учреждений не в полном объеме решает вопросы информационного обеспечения, так как на эту службу возложены другие функциональные обязанности, связанные с обеспечением производственной и иной деятельности учреждения.

Таким образом, из-за несовершенства нормативно-правовой базы в сфере обеспечения учреждений ФСИН России правовой информацией значительные усилия государственного аппарата отвлечены на направление правовой информации в места лишения свободы.

Пример: из 1170 обращений, поступивших в АУППЧ в ПК в 2017 году, 571 (48,8%) касалось вопросов предоставления правовой информации. Из общего количества обращений более 93,6% (535 обращений) поступили из следственных изоляторов ГУФСИН России по Пермскому краю.

Следует отметить, что тема правового информирования лиц, содержащихся в следственных изоляторах, требует отдельного изучения, так как существует специфика содержания людей в следственных изоляторах (отдельные камеры, содержание по отдельным категориям (женщины, мужчины по категориям преступлений, осужденные; большая численность лиц, содержащихся под стражей, нехватка личного состава; слабая работа библиотек; режимные требования и т.д.).

Взаимодействие УППЧ в ПК с руководством ГУФСИН России по Пермскому краю в сфере получения информации лицами, находящимися в местах лишения свободы, ФСИН России организовано по следующим направлениям:

- заключение Соглашения о сотрудничестве УППЧ в ПК и руководства ГУФСИН России по Пермскому краю;

- заключение Соглашения о сотрудничестве УППЧ в ПК и руководства МСЧ № 59 ФСИН России;

- подготовка плана совместных мероприятий по профилактике нарушений прав и свобод граждан, ежегодная корректировка данного плана с учетом возникающих проблем;

- создание и работа в аппарате Уполномоченного постоянно действующей рабочей группы по профилактике нарушений прав и свобод граждан в системе ГУФСИН России по Пермскому краю, с участием представителей прокуратуры Пермского края, ГУФСИН России по Пермскому краю, руководства МСЧ № 59 ФСИН России, председателя Общественной наблюдательной комиссии Пермского края по контролю за соблюдением прав человека в местах лишения свободы (далее ОНК Пермского края), а также представителей Пермского института ФСИН России, иных заинтересованных органов и учреждений, где обсуждаются возникающие проблемы по защите прав и свобод граждан;

- совместное (по отдельному плану) посещение исправительных учреждений, проведение Дней правовых знаний, совместных приемов совместно с руководством ГУФСИН России по Пермскому краю, ОНК Пермского края, членами Общественного Совета ГУФСИН России по Пермскому краю, сотрудниками заинтересованных служб ГУФСИН России по Пермскому краю, прокуратуры Пермского края;

- подготовка УППЧ в ПК самостоятельно, а также с заинтересованными службами правительства Пермского края, прокуратурой Пермского края информационных материалов для осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах;

- участие УППЧ в ПК в коллегиях ГУФСИН России по Пермскому краю, где рассматриваются вопросы соблюдения права на информацию лиц, содержащихся под стражей;

- проведение рабочих совещаний с руководством ГУФСИН России по Пермскому краю;

- проведение занятий с сотрудниками ГУФСИН России по Пермскому краю по обучению сотрудников администраций исправительных учреждений освещению правовых вопросов осужденным, подозреваемым и обвиняемым;

- совместное участие в проведении круглых столов и конференций, совместная работа с общественными правозащитными организациями края;

- участие в заседаниях ОНК Пермского края, Общественного Совета ГУФСИН России по Пермскому краю;

- организация работы по подготовке следственных изоляторов системы ГУФСИН России по Пермскому краю к проведению выборов в Единый день голосования (направление информационных материалов).

По инициативе УППЧ в ПК, а также по согласованию руководства ГУ ФСИН России по Пермскому краю сотрудники аппарата УППЧ в ПК принимают участие в разъяснении осужденным и лицам, содержащимся в следственных изоляторах, информации об их правах и свободах при проведении режимных и обыскных мероприятий (например, недопустимость обезличивания изъятых запрещенных предметов при проведении обыска, порядок обжалования действий сотрудников).

В рамках взаимодействия аппаратом Уполномоченного по правам человека в учреждения УИС Пермского края только в 2015-2018 годах было направлено различной литературы, брошюр свыше 2000 экземпляров.

В ходе вышеперечисленных мероприятий была решена проблема отправки в течение суток корреспонденции осужденных в адрес Уполномоченного по правам человека в Пермском крае.

Кроме того, по итогам проведенных совместных мероприятий удалось значительно снизить количество обращений и жалоб граждан, содержащихся в местах лишения свободы на неотправку их жалоб и корреспонденции (23%), на приговоры судов (10,2%), на разъяснения различных положений законодательства РФ (Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ), а также на пытки, избиения, недопустимое обращение со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Во всех отрядах исправительных учреждений оборудованы информационные стенды о правах и обязанностях осужденных, с брошюрами УППЧ в ПК по различным юридическим аспектам, информацией об адресах надзорных организаций, УППЧ в ПК, УППЧ в РФ, информацией о Европейском суде по правам человека. В постоянную практику введено проведение Дней правовых знаний в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, а также проведение совместных приемов Уполномоченного с руководством ГУФСИН России по Пермскому краю, ФКУЗ МСЧ № 59 ФСИН России, прокуратурой Пермского края, а также сотрудниками заинтересованных служб.

В настоящее время на постоянной основе действуют государственные приёмные Уполномоченного в г. Кудымкаре, г. Перми, которые позволяют вести личный прием родственников осужденных, получать от них необходимую информацию, организовано обучение начальником медсанчастей нормам и стандартам оказания медицинской помощи, доведение информации о правах осужденных, подозреваемых и обвиняемых на получение

доступной медицинской помощи, активизирована работа Общественного Совета при ГУФСИН России по Пермскому краю, а также улучшено информирование осужденных по правовым вопросам (созданы правовые терминалы системы «Консультант+» в ИК-32, ИК-28, ИК-18).

В 2018 году по инициативе Уполномоченного по правам человека в Пермском крае отдельно рассмотрен вопрос и проработана техническая возможность оказания телемедицинских консультаций (первый в Российской Федерации пилотный проект по больницам ФКУЗ МСЧ № 59 ФСИН России, расположенных в исправительных учреждениях) в учреждении Б № 2 ФКУЗ МСЧ № 59 ФСИН России (г. Соликамск). В качестве пилотной организации, оказывающей телемедицинские консультации определена ГБУЗ ПК «Ордена «Знак Почета» «Пермская краевая клиническая больница».

Однако имеются вопросы, требующие отдельного решения, а именно:

- восстановление доверия к информации, предоставленной осужденным, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, администрацией исправительных учреждений и следственных изоляторов (лица, содержащиеся в местах лишения свободы, считают, что сотрудники ФСИН России скрывают от них информацию о состоянии их здоровья, наличии лекарств, о нормах питания, снабжения, материально-технического обеспечения);

- слабая работа библиотек исправительных учреждений и следственных изоляторов, что порождает большое количество обращений с просьбами о разъяснении действующего законодательства, отсутствие возможности обновления библиотечных фондов исправительных учреждений и следственных изоляторов (в основном решается за счет некоммерческих общественных организаций, что явно недостаточно);

- возможность получения осужденными новых решений ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Пермского краевого суда касающихся прав и свобод осужденных, доступа к их ресурсам;

- получение информации осужденными, касающейся их социальных, жилищных, пенсионных прав;

- при наличии сети высокоскоростного интернета в отдельных исправительных учреждениях и следственных изолятора) не решен вопрос электронного документооборота, что значительно бы снизило время прохождения жалоб, заявлений и обращений осужденных, подозреваемых и обвиняемых (особенно это касается следственных изоляторов);

- вызывает проблему количество жалоб и обращений осужденных, поступающих из других субъектов РФ (ИК-18 п. Харп Ямало-Ненецкий АО, ФКУ ИК-1 ГУФСИН России по Кировской области, ФКУ СИЗО № 1 г. Екатеринбурга и т.д.), с просьбами разъяснения действующего законодательства РФ, предоставления адресов надзорных организации, а также общественных правозащитных организаций.

Уполномоченный по правам человека в Пермском крае считает необходимым рекомендовать ГУФСИН России по Пермскому краю:

- рассмотреть вопрос о получении соответствующего потребностям ИУ и СИЗО доступа администрации этих учреждений к сети высокоскоростного интернета (например, введения платной услуги на получение копий распечаток нормативно-правовых актов в СИЗО, возможности получения таких распечаток в ИУ), что позволило бы обеспечить доступ осужденных, подозреваемых и обвиняемых к электронной национальной библиотеке с использованием сети высокоскоростного интернета (сейчас эта возможность есть только в ПВК), с разработкой положения о порядке доступа к данной услуге, общедоступным электронным ресурсам районных судов Пермского края, Пермского краевого суда, Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ;

- нормативно урегулировать работу библиотек исправительных учреждений и следственных изоляторов системы ФСИН России путем внесения дополнений в УИК РФ, Федеральный закон № 103-ФЗ «О порядке содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», приведение их в соответствие требованиям Федерального закона от 29.12.1994 N 78-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О библиотечном деле», а также необходимость обновления библиотечных фондов учреждений, с введением штатной должности гражданского персонала по специальности «библиотекарь», так как на эту специальность специалиста по обслуживанию посетителей библиотек, обработке информации о библиотечных фондах необходимо учиться, а сейчас эту должность, как правило, занимают осужденные, которые не имеют профильного образования, или сотрудники воспитательного отдела учреждения, а такую библиотеку, которая не входит в общий библиотечный фонд, нельзя в полной мере назвать библиотекой.

За годы существования института Уполномоченного по правам человека в Пермской крае создана достаточно эффективная модель реализации права на информацию лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Составляющие этой модели: участие Уполномоченного в работе коллегиальных органов правоохранительных ведомств, и оперативное обсуждение внезапно возникающих проблем в ходе личных встреч Уполномоченного с прокурором Пермского края, проведение совместных проверок и посещений учреждений, проведение Дней правовых знаний, совместных приемов осужденных и подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, их родственников, а также деятельность общественного правозащитного сообщества.

Вместе с тем считаем, что вопросы обеспечения учреждений ФСИН России правовой информацией, а также обеспечения доступа исправительных учреждений и следственных изоляторов Уголовно-исполнительной системы к сети высокоскоростного интернета требуют отдельного изучения и закрепления в Уголовно-исполнительном кодексе РФ, нормативно-правовых актах ФСИН России.

УДК: 004:343.14

«ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» В НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

П.С. Пастухов,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,
доктор юридических наук, доцент
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: pps64@mail.ru

Аннотация: в статье проведен анализ теоретических и практических проблем, возникающих в процессе реализации и внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство в условиях цифровизации общества и правоприменительной практики. Целью работы является исследование путей внедрения электронной доказательственной информации в действующую систему уголовно-процессуальных доказательств. В работе исследуются правовые, технические и организационные барьеры, препятствующие внедрению электронных доказательств. Автор считает, что не следует вводить новый вид электронных доказательств, т.к использование электронной доказательственной информации охватывается общим понятием доказательств, под которыми понимаются «любые сведения», способные установить обстоятельства, имеющие значение для дела (ст.74 УПК). Определяя понятие «вещественное доказательство», «иные документы», надо лишь уточнить, что сведения могут быть в виде электронной информации.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация, электронные доказательства, электронный носитель информации, доказывание.

ELECTRONIC EVIDENCE IN THE REGULATORY SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE

P.S. Pastukhov,
Perm State University,
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990
E-mail: pps64@mail.ru

Annotation: the author analyzes the theoretical and practical problems arising in the process of implementation and introduction of information technologies in criminal proceedings in the conditions of digitalization of society and law enforcement practice. The aim of the work is to explore ways of introducing electronic evidence in the current system of criminal procedural evidence. The paper explores legal, technical and organizational barriers to the introduction of electronic evidence. The author believes that a new type of electronic evidence should not be introduced, since the use of electronic evidence is covered by the general concept of evidence, which means «any information» capable of establishing circumstances relevant to the case. Defining the concept of «material evidence», «other documents» only need to clarify that the information can be in the form of electronic information.

Keywords: information technology, digitalization, electronic evidence, electronic media, proof.

Информационная природа доказательств обеспечивает установление обстоятельств совершенного преступления, познание механизма совершенного преступления. Доказательства должны быть облечены в уголовно-процессуальную форму, под которой понимается соответствие порядка получения тех или иных сведений требованиям закона.

С развитием информационных технологий, стремительным распространением электронной информации, способной устанавливать обстоятельства совершенного преступления, остро встал вопрос об использовании электронных доказательств в судопроизводстве. Однако на сегодняшний день законодательное определение понятия «электронного доказательства» отсутствует в УПК РФ, а данный термин пока используется только в научной литературе. Необходимость исследования «электронного доказательства» и его правовое регулирование обусловлено реальными потребностями практики, которая все чаще использует в доказывании цифровую информацию о совершенном преступлении из электронных источников. Такая необходимость связана не только с повсеместным распространением информационных технологий, но и вытеснением традиционных бумажных документов электронной информацией, в связи с чем порождаются противоречия в правоприменительной практике.

Наиболее остро противоречия между старой (бумажной) и новой (электронной) формой доказательств, старыми и новыми способами накопления информации проявляются именно в уголовно-процессуальной отрасли права, в которой поспешные шаги могут привести к серьезным судебным ошибкам. Но именно в уголовно-правовой сфере информационно-технологические источники происхождения криминалистически значимой

доказательственной информации играют важную роль, а не столько и не только преступные действия, человеческие акты, поступки в механизме преступления, что все настойчивее побуждает органы предварительного расследования использовать в доказывании электронные доказательства, т.к. устанавливать обстоятельства совершенного преступления иным способом не представляется возможным.

Продолжающиеся бурные дискуссии внедрения электронных доказательств в уголовный процесс вызваны более сложным с технической точки зрения обращением с электронной информацией по сравнению с традиционным пониманием доказательственной информацией, находящейся в традиционных источниках. Кроме этого, многовариантные направления использования электронной доказательственной информации посредством: 1) получения электронных носителей информации с зафиксированной на них доказательственной информацией; 2) конвертация (сканирование) процессуальных бумажных документов (протоколов следственных действий и процессуальных решений) в электронный формат; 3) производство следственных и судебных действий удаленным способом (видеосвязь конференция); 4) электронный способ фиксации доказательственной информации при проведении следственных действий; 5) получение доказательственной информации в электронном виде через запросы, истребование и предоставление разрушают традиционные способы собирания по уголовным делам.

Помимо этого, такие свойства электронной доказательственной информации, как аутентичность, неизменяемость, целостность, подвержены новым уязвимостям, которые требуют более осторожного и внимательного отношения к электронным доказательствам в сфере привлечения к уголовной ответственности, ограничении прав и свобод, применении принуждения к подозреваемым, обвиняемым и подсудимым. В указанных условиях уголовный процесс находится под давлением информационно-технологического прогресса и требованием перехода на более решительное использование электронной доказательственной информации по уголовным делам, рискуя допустить следственные и судебные ошибки. Но с другой стороны, если уголовный процесс не будет воспринимать названные инновации, то он вынужден оставаться в рамках старых «бумажных технологий» фиксации доказательственной информации в письменных протоколах следственных и судебных действий, а поэтому обречен на отставание от общественного прогресса.

Противоречия диктуются также и тем, что информация, представленная в электронном виде, обладает массой преимуществ в том, что касается наглядности, визуализации, скорости фиксации и передачи, возможности автоматического исследования огромных массивов данных, технологий быстрого поиска. С помощью цифровой информации, находящейся в ин-

формационной инфраструктуре, можно установить почти все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам[1]. Развернутую характеристику и классификацию электронных доказательств дал В.Б. Вехов в недавней коллективной монографии, посвященной развитию информационных технологий в уголовном судопроизводстве[2].

Учитывая неоспоримые преимущества электронной доказательственной информации, перед законодателем и правоприменителем встает основной вопрос, как обеспечить использование «электронных доказательств» в условиях традиционного уголовного судопроизводства, когда закрепление доказательственной информации осуществляется в письменных протоколах следственных действий, т.е. в бумажном виде. У части ученых, оптимистично настроенных на скорейшее внедрение электронной информации в уголовное судопроизводство, указанные аспекты внедрения информационных и телекоммуникационных технологий в сферу уголовного судопроизводства порождают ложные ожидания относительно возможности создания нового вида доказательства (источника доказательства) – «электронного доказательства». Некоторые пишут даже о создании нового типа уголовного процесса, новой технологии уголовно-процессуального доказывания, новой теории уголовно-процессуальных доказательств, которые также требуют своевременных ответов[3].

Другие, наоборот, считают, что на данном этапе в изменении закрепленной в УПК РФ системы доказательств с включением в нее электронных доказательств нет необходимости. Они полагают, что это запутает систему доказательств, ведь электронные доказательства зачастую могут иметь признаки и вещественных доказательств, иных документов[4].

Для разрешения сложившегося противоречия между традиционным пониманием доказательств и более свободным использованием электронной доказательственной информации в доказывании по уголовным делам, необходимо обратиться к понятию доказательств. Согласно ч.1 ст.74 УПК, доказательствами являются «любые сведения», на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела. Легальное установление доказательств как «любые сведения» подкупает своей широтой

[1] *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 231–236.

[2] *Вехов В.Б.* Понятие, виды, классификация электронных доказательств: в кН. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография/под ред. докт. юрид. наук *С.В. Зуева*. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 71–83.

[3] См. например: *Зигура Н.А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 25; *Сергеев М.С.* Правовые регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 322 с.

[4] *Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С.* Собирание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2015. № 3. С. 17–21.

и, казалось бы, безграничным использованием любых сведений в качестве доказательств. Однако ч. 2 ст. 74 УПК устанавливает, что в качестве доказательств «допускаются», и перечисляет источники доказательств, из которых могут быть получены сведения. Используемый термин «допускаются» имеет ограничительный характер относительно «любых сведений», «не допуская» иную информацию, полученную не из указанных источников. Из сказанного можно сделать вывод, что ограничивающее значение для использования электронной информации имеют положения ч.2 ст.74 УПК, перечисляющие источники доказательств, где отсутствует понятие «электронная», «цифровая», «компьютерная» информация.

Вот здесь необходимо проанализировать нормативное и гносеологическое значение «источников доказательств», так как данные характеристики наиболее точно раскрывают их юридическую сущность. Сделать это необходимо для того, чтобы определить «механизм» появления доказательств и источников доказательств. С гносеологической точки зрения источники доказательств являются элементом системы материалистической теории отражения уголовно-релевантной информации в ходе преступной деятельности. В этом значении «источники доказательств» сохраняют в себе информацию, которая отобразилась на них (в них) в результате преступных действий. Нормативное значение «источников доказательств» связано с формой предоставления доказательственной информации для принятия решений по уголовному делу. Хотя новый УПК РФ не разграничивает терминологически понятия «доказательства» и «источники доказательств», но многие по-прежнему под источником доказательств понимают ту процессуальную форму, в которую облечены фактические данные-доказательства[1]. В данной концепции технология формирования доказательств заключается в извлечении доказательственной информации из источников как элементов теории отражения и преобразования получаемых сведений в надлежащую процессуальную форму. В такой юридической процедуре, по мнению С.А. Шейфера, доказательственная информация подвергается проверке, оценке и использованию для установления доказательственных фактов[2].

Через такое институциональное понимание мы попытаемся рассмотреть включение электронных доказательств в процессуальную доказательственную деятельность. При этом мы будем иметь в виду, что в современном информационном обществе при совершении преступлений все большее количество следов преступлений отображается в информационно-технологической инфраструктуре, т.к. все большее количество преступлений совершаются бесконтактным, удаленным, трансграничным способом с использованием компьютерных технологий, информацион-

[1] *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. С. 10.

[2] *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 37.

но-телекоммуникационных сетей, а количество традиционных следов-отображений и вещественных доказательств уменьшается.

На наш взгляд, главная проблема внедрения электронной информации в российское уголовное судопроизводство заключается в том, что существующая следственная (письменная) форма, в которой происходит формирование уголовно-процессуальных доказательств и на которой основан правовой стандарт допустимости доказательств, создает концептуальное препятствие для реализации потенциала информационных технологий в уголовном судопроизводстве, прежде всего – перевода письменного документооборота в электронный. Перечисляя недостатки следственной модели уголовного судопроизводства в условиях цифровизации, С.И. Кувычков отмечает, что превалирование формы над содержанием обуславливает понимание допустимости доказательства преимущественно с позиции формальных, а не содержательных требований[1]. Иначе говоря, вопрос о допустимости, к примеру, видеозаписи во многом зависит от того, как следователь (дознаватель) правильно и полно составит протокол или соблюдет ее порядок приобщения к делу. Второй основной недостаток, указывает этот автор, это бюрократизация и излишняя формализация. По его мнению, опора на формальную сторону доказывания во многом обуславливает излишний документооборот.

Действительно, противоречия следственной (письменной) формы и электронного документа порождает институциональную проблему совершенствования правового регулирования деятельности правоохранительных органов в условиях цифровизации общества. Так как дискуссия на тему доказательственного значения сведений, выраженных в электронной форме, в большей степени сфокусирована на проблеме использования в суде электронного документа, то разрешение указанного противоречия следует начать с исследования понятия «процессуальный документ». Более того, все уголовно-процессуальные доказательства тем или иным образом задокументированы. Процессуальный документ – это документ, составляемый в связи с производством по уголовному делу, в котором отражаются значимые для дела факты, форма которого предусмотрена УПК РФ, иными нормативно-правовыми актами или выработана практикой правоприменения. Главное предназначение документа – это сохранение и передача информации во времени и пространстве. Документ в уголовном процессе определяется как материальный носитель информации, на котором должностное лицо или гражданин зафиксировали в установленном порядке сведения об обстоятельствах, имевших значение для дела, в письменной, фотографической или иной форме с целью их сохранения и

[1] *Кувычков С.И.* Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 87–88.

последующего использования[1]. По словам Л.В. Ворониной, «сущность документа заключается в фиксировании какой-либо информации, ее сохранении и передаче»[2]. Важно то, что для документирования пригодны любые способы фиксации. Фотосъемка, кинофильмы, фонограммы, рисунки, схемы, эскизы также относятся к документам, письменным доказательствам, поскольку письменным можно признать любой способ кодирования, сохранения информации[3].

Если основное функциональное назначение документа состоит в закреплении и передаче информации во времени и пространстве, то ценность любого документа определяется его способностью хранить и передавать информацию о фактах. При этом как материальные носители, так и способы фиксации могут быть самыми разнообразными; важно лишь то, чтобы документы и зафиксированная на них информация могли сохраняться во времени неограниченно долго, а сама фиксация производилась с соблюдением порядка, соответствующего функциональному назначению каждого отдельного документа. Такие требования обеспечивают известную степень защиты документа от возможных подделок и фальсификаций, выявляемых в ходе визуального осмотра и оценки всех имеющихся реквизитов документа.

Анализ литературы показывает, что ученые все настойчивее пишут о переводе основной документации по уголовным делам в электронную форму. Например, О.В. Качалова, Ю.А. Цветков пишут, что модернизация уголовного судопроизводства должна вестись, во-первых, в направлении внедрения новых информационных технологий, способствующих повышению открытости, доступности и оперативности правосудия, а во-вторых, в направлении усовершенствования самого процесса посредством снижения его избыточного формализма. Одним из универсальных инструментов модернизации уголовного судопроизводства, способствующих одновременному достижению обеих целей, может стать переход от бумажного к электронному уголовному делу[4].

В перспективе электронный документ должен заменить письменные процессуальные документы. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, в русле технологизации и информатизации законодательства, потребовало от законодателя внесения более современной терминологии в уголов-

[1] *Карнеева Л.М.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе. М., 1994. С. 43.

[2] *Воронина Л.В.* Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1987. С. 17.

[3] См.: *Воронина Л.В.* Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе. С. 18, 19; *Леви А.А.* Звукозапись в уголовном процессе. М., 1974. С. 6; *Кузнецова Н.А.* Собирание и использование документов в качестве доказательств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 26.

[4] *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

но-процессуальный закон, повсеместно используемых в информационных правоотношениях. Так, Федеральным законом от 28 июля 2012 г. N 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения относительно изъятия и хранения в ходе досудебного производства электронных носителей информации.

В 2016 г. внесенными изменениями установлена возможность представлять в процессуальные документы не только типографским, но и электронным или иным способом. Введена новая статья 474.1. УПК РФ, предоставляющая участникам судопроизводства право направлять в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления и прилагаемые к ним документы в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте суда. Такой документ надо скреплять электронной подписью. Хотя акцент в статье сделан на предоставлении только ходатайств, заявлений, жалоб и только в суд, но также закреплена возможность представлять в суд письменные доказательства в виде электронного документа, подписанного электронной подписью. Такая возможность исходит из положений данной статьи, где говорится, что материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов.

Исходя из этого следует сказать, что устанавливаемый в ст. 474.1. УПК РФ порядок собирания доказательств в электронной форме является революционным и совершенно необходимым в современном информационном обществе. Этим нововведением сделан еще один шаг на пути модернизации и оптимизации уголовно-процессуального доказывания. Следующим шагом предстоит разработать формы на сайте суда и предпринять другие организационные и технические меры использования доказательственной информации в электронном виде в качестве доказательств, которые бы обеспечили безопасность и неизменяемость информации. В перспективе такого развития должно стать формирование электронного уголовного дела уже на досудебных стадиях. Но путь к электронному документообороту в уголовном судопроизводстве уже открыт. Практика подтверждает, что устранение из досудебного производства любого формального действия, любой лишней бумажки, придание ему динамичности, включение гласной оперативно-разыскной деятельности в состав уголовно-процессуального доказывания – вот перспективное направление модернизации уголовного судопроизводства[1].

Для разрешения противоречий, а также использования современного опыта следует проанализировать международный подход к официальному пониманию и правовому закреплению электронных доказательств, т.к.

[1] *Александров А.С., Терехин В.В., Кухта А.А.* О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81.

заимствование международного передового опыта всегда положительно сказывается на развитии национального законодательства. Кроме того, эффективность уголовного судопроизводства на международном уровне в условиях цифровизации, глобальной киберпреступности в настоящее время напрямую зависит от единого согласованного подхода всех стран к выработке универсального законодательства и правоприменительной практике в борьбе с транснациональными преступлениями с применением компьютерных технологий.

Проблему универсализации законодательства в области киберпреступности и единообразия практики его применения международное сообщество начало решать с момента совершения первых транснациональных и трансграничных компьютерных преступлений, но, несмотря на принятие ряда конвенций по киберпреступности, к настоящему времени она не решена. Принятая в 2001 г. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации[1] в Европе обозначила только общие подходы к совместной деятельности государств. Салвадорская декларация ООН о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы[2] поставила перед учеными всего мира задачи выработать единые комплексные стратегии предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире. Для этих целей была создана межправительственная группа экспертов открытого состава для проведения всестороннего исследования проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государств-членов, международного сообщества и частного сектора, включая обмен информацией о национальном законодательстве, передовом опыте, технической помощи и международном сотрудничестве, с целью изучения возможных путей укрепления существующих и выработки предложений в отношении новых национальных и международных правовых или других мер по противодействию киберпреступности. В своем докладе[3] о всестороннем исследовании проблемы киберпреступности международная группа экспертов определяет доказательства как средства, при помощи которых в ходе судебного разбирательства устанавливаются факты, касающиеся виновности или невиновности лица. Электронные доказательства – это все средства такого рода, существующие в электронной или цифровой форме.

---

[1] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS №85) [рус., англ.] (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003).

[2] Резолюция 65/230 от 21 декабря 2010 года. Салвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире (п.40-42).

[3] Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Доклад межправительственной группы экспертов ООН открытого состава о всестороннем исследовании проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государств-членов, международного сообщества и частного сектора. 2013 г. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/ Cybercrime_ Study_Russian.pdf. -**с**.207.

В Европейском парламенте выработан регламент по собиранию и сохранению электронных доказательств в уголовных делах, а также директива Европейского парламента и Совета, в которой устанавливаются согласованные правила для сбора электронных доказательств в уголовном судопроизводстве[1]. Согласно этим документам под электронными доказательствами (E-evidence) понимаются данные, хранящиеся в электронном виде данные, такие как информация о подписчиках, метаданные или данные контента, генерируемые любой деятельностью, связанной с цифровыми устройствами и сервисами.

Проанализировав многочисленные предложения о модернизации уголовно-процессуального доказывания в условиях информатизации и цифровизации общества, автор исходит из того, что «совсем необязательно для формирования из электронной информации доказательств придумывать новый вид доказательств. «Электронные доказательства» не делают переворота в способе доказывания – уголовно-процессуальной форме»[2]. Определяя понятие «вещественное доказательство», «иные документы» надо лишь уточнить, что сведения могут быть в виде электронной информации.

Наше утверждение основывается на том, что уголовно-процессуальный закон допускает использование электронной доказательственной информации через понятие доказательств, под которыми понимаются «любые сведения», способные установить обстоятельства, имеющие значение для дела (ст.74 УПК). Термин «любые» не делает исключений для какой-либо информации. А такой вид доказательств, как «иные документы», могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации (ст.84 УПК). Документы, содержащие электронную информацию и обладающие признаками, указанными в ч.1 ст.81 УПК, признаются вещественными доказательствами (ст.ст.81, 84 УПК). С 2012 года в УПК введено понятие «электронные носители информации», на которых содержится доказательственная цифровая информация (ч.4 ст.81, ч.1 и 4 ст. 81.1, ч.3.1 ст.183, ч.9.1 ст.182). Исходя из буквального толкования указанных норм и анализа сферы обращения электронной информации, следует сделать вывод, что электронная доказательственная

[1] Impact assessment. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal matters and Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on the appointment of legal representatives for the purpose of gathering evidence in criminal proceedings. Brussels, 17 .04.2018. URL:https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=SWD:2018:118:FIN.

[2] См.: *Пастухов П.С.* Доктринальная модель совершенствования уголовно–процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография / под. ред. *О.А. Зайцева*. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 163.

информация может быть изъята из любой технической среды посредством ее выемки, обыска, изъятия.

Полагаю, что различные предложения ученых о включении «электронных доказательств» в качестве отдельного самостоятельного источника доказательств связаны с относительной новизной этого вида информации. Но существующие тенденции цифровизации общества, скорость вытеснения информации на бумажных носителях электронными, привыкание простых людей и правоприменителей к цифровой информации делает ненужным вводить этот новый вид доказательств, т.к. скоро почти вся информация станет электронной. Общество скоро привыкнет к цифровой реальности, которая станет обычной средой следообразования при совершении преступлений. Для этого достаточно проанализировать практику замены денег банковскими картами; ценных бумаг электронными депозитариями; трудовых книжек, сберкнижек, медицинских карт, электронными; и т.д и т.п. Цифровая среда, информационно-технологическая инфраструктура – это та же материальная среда, в которой отображаются следы преступлений и которая вскоре станет привычной средой для исследования при раскрытии и расследовании преступлений.

Что следует сделать, так это дать разъяснение «электронной информации» и внести это понятие в ст.5 УПК. Такие предложения уже были высказаны. Думаю следует согласиться с А.И. Зазулиным, который предлагает внести изменения в статью 5 УПК РФ, дополнив ее пунктом 58.1, изложив его в следующей редакции: «58.1). Цифровая информация – это сведения, закодированные в двоичной системе счисления и передаваемые посредством любых физических сигналов, не воспринимаемые человеком непосредственно и содержащиеся только на определенных материальных носителях, специально предназначенных для их хранения – носителях цифровой информации»[1].

Быстрота обработки, передачи, доступность, точность электронной информации не создают качественно нового свойства у доказательства, имеющего своим содержанием электронную информацию. В доктринальном плане электронная информация ничего нового в классическую систему судебных доказательств не вносит, ибо в основе этой системы лежит постулат об оценке судьей любых сведений по своему внутреннему убеждению, в каком бы виде и каким бы способом они ему ни представлялись. Электронная информация вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств: вещественном доказательстве, заключении эксперта (специалиста), документе (протоколе), ином документе. Не следует вводить нового вида «электронного доказательства» или нового источника «электронного носителя информации». Определяя понятие «доказатель-

[1] *Зазулин А.И.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 99, 196.

ство», надо лишь уточнить, что сведения могут быть в виде электронной информации. Главное, что связано с появлением электронной информации в доказывании, состоит в новом обосновании необходимости перехода от следственной (закрытой) модели доказательств и доказывания к состязательной – открытой информационной модели. В этой связи принципиально важно уравнивание сторон на получение исходного фактического материала в качестве доказательств в ходе досудебного производства.

Признавая особенности цифровой информации, информационно-технологическую среду ее образования, считаю, что может иметь место особая методика поиска, исследования, закрепления, изъятия электронной (цифровой) информации, имеющей доказательственной значение по делу. Эти особенности уже в настоящее время возможны благодаря содержащимся в уголовно-процессуальных нормах расширенных понятий «технические средства» и «электронный носитель информации». Сторона, представившая электронную доказательственную информацию, должна показать ее целостность и неизменность, т.е. аутентичность, тем самым обеспечить допустимость электронного доказательства.

Библиографический список:

1. *Александров А.С., Терехин В.В., Кухта А.А.* О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81.

2. *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Норма. 2005. С. 10.

3. *Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С.* Собирание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2015. № 3. С. 17–21.

4. *Вехов В.Б.* Понятие, виды, классификация электронных доказательств: в кн.: Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография/под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 71–83.

5. *Воронина Л.В.* Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1987. С. 17.

6. *Воронина Л.В.* Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1987. 186 с.

7. *Зазулин А.И.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09 / А.И. Зазулин. Екатеринбург, 2018. С. 99, 196.

8. *Зигура Н.А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 25.

9. *Карнеева Л.М.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе. М., 1994. С. 43.

10. *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

11. *Кувычков С.И.* Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С.87–88.

12. *Кузнецова Н.А.* Собирание и использование документов в качестве доказательств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

13. *Леви А.А.* Звукозапись в уголовном процессе. М., 1974. 56 с.

14. *Пастухов П.С.* Доктринальная модель совершенствования уголовно–процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография / под. ред. О.А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2015. 347 с.

15. *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С.: 231–236.

16. *Сергеев М.С.* Правовые регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 322 с.

17. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 37.

УДК: 342.21:65

ОБ ИЗБЫТОЧНОСТИ И ПРОБЕЛЬНОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Е.А. Русскевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя»
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12
E-mail: russkevich@mail.ru

Аннотация: статья посвящена отдельным проблемам модернизации отечественного уголовного законодательства в части противодействия компьютерным преступлениям экономической направленности. На основании имеющихся точек зрения в науке уголовного права, анализа материлов судебно-следственной практики автором формулируются конкретные рекомендации по совершенствованию УК РФ. Статья предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, практикующих юристов, а также для всех, кто интересуется проблемами соответствующей тематики.

Ключевые слова: уголовный закон, компьютерные преступления, компьютерная информация, киберпреступность.

ON THE REDUNDANCY AND GAPS OF REFORMING CRIMINAL LEGISLATION IN ORDER TO PROTECT THE DIGITAL ECONOMY

E.A. Russkevich,
Moscow university of the ministry of internal affairs of Russia named V. Y. Kikot,
12, Academician Volgin st., Russia, Moscow,117437
E-mail: russkevich@mail.ru

Annotation: the article is devoted to some problems of modernization of the domestic criminal legislation in the part of countering computer crimes of economic orientation. Based on the available points of view, the author formulates specific recommendations in the science of criminal law, generalization and analysis of the materials of forensic investigation. The article is intended for

students, post-graduate students, teachers, law enforcement officers, practicing lawyers, as well as for all those who are interested in the relevant topics.

Keywords: criminal law, complicity, computer crimes, computer information, cybercrime.

За два последних десятилетия произошли глубочайшие изменения, которые трудно не заметить. Человечество вошло в эпоху гиперподключённого и гиперсвязанного мира. «Глобальная деревня», некогда предсказанная Маршаллом Маклуэном, воплотилась в реальность и преимущественно была обусловлена прогрессом в области разработки мобильных устройств и широкополосной сети мобильной связи, лежащих в основе культуры «всегда онлайн, всегда на связи».

Сложно переоценить значение высокотехнологичных средств коммуникации в решении глобальных вызовов и угроз современного мира. Так, например, остановить атипичную пневмонию во многом стало возможным благодаря Интернету. Через несколько дней после вспышки смертельной эпидемии Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) запустила защищённый сайт, на котором проводились видеоконференции по проблеме, осуществлялся обмен рентгеновскими снимками лёгких, на основе чего был разработан протокол диагностики вместе с рекомендациями по карантину инфицированных пациентов. Несмотря на то что атипичная пневмония по длительности инкубационного периода, лёгкости распространения и смертности существенно превосходила известную эпидемию испанского гриппа[1], пострадало от неё лишь 8422 человека[2].

Вместе с тем стремительно развивающаяся архитектура виртуального пространства не только качественно улучшает нашу жизнь, но и параллельно с этим генерирует новые риски и угрозы. Негативным следствием глобальной информатизации явилось появление не только нового вида преступлений (преступлений в сфере компьютерной информации), но и существенное изменение облика преступности в целом, которая в связи с использованием информационно-коммуникационных технологий приобрела несвойственные ей ранее признаки: экстерриториальность, гипертаргетированность, мультипликативность и др.

Несмотря на весьма активное обсуждение этой проблемы, использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях в последние годы по-прежнему является серьёзным вызовом как для пра-

[1] С 1918 по 1920 гг. около трети населения мира (полмиллиарда человек) заразилось смертельной формой гриппа, унёсшей около 50 миллионов жизней. СМ.: Jeffery Taubenberger, David Morens. 1918 Influenza: the Mother of all pandemics // Emerging infections diseases. 2006. № 12.

[2] World Health Organization, SARS: How a global epidemic was stopped (Geneva: WHO Press, 2006).

воохранительных, так и законодательных органов. Жертвами преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, ежегодно становятся миллионы людей и организаций, а также органы власти конкретных государств.

Так, по данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), в 2017 г. около половины российских компаний сталкивались с различными угрозами, а финансовые потери от атак понесли 22% из них. По данным Всероссийского опроса предпринимателей, проведённого Аналитическим центром НАФИ в ноябре 2017 г., средняя сумма убытков в одной компании составила 299 940 рублей. В целом по стране потери от атак, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, оцениваются в 115 967 204 788 рублей[1].

Высокотехнологичная преступность новейшего времени представляет собой серьёзный вызов и для глобальной безопасности. В докладе The Global Risks Report 2016, подготовленном по итогам Давосского экономического форума, выход из строя критически важной информационной инфраструктуры назван среди наиболее актуальных угроз мировой экономике[2].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации говорится о возрастании масштабов компьютерной преступности, прежде всего, в кредитно-финансовой сфере, а также увеличении числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина[3].

Оценивая риски и угрозы стремительной «диджитализации» экономики, российский законодатель принимает меры, направленные на формирование эффективного правового инструментария противодействия киберпреступности в этой сфере. Вместе с тем, к сожалению, они представляют собой результат эпизодического и бессистемного законотворчества, угрожающего разрушением субстанциональных признаков всей отрасли уголовного права.

Так, с недавнего времени признаки компьютеризированного преступления приобрела кража. Федеральным законом от 23.04.2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 3 ст. 158 УК РФ была дополнена новым особо квалифицирующим обстоя-

---

[1] Российские компании потеряли не менее 116 млрд. рублей от кибератак в 2017 году // [Электронный ресурс] // URL: https://www.nafi.ru/analytics/rossiyskie-kompanii-poteryali-ne-menee-116-mlrd-rubley-ot-kiberatak-v-2017-godu/(дата обращения: 30.06.2018 г).

[2] The Global Risks Report 2016: [Электронный ресурс] // URL: http://www.mmc.com/content/dam/mmc-web/Global-Risk-Center/Files/world-economic-forum-global-risk-report-2016.pdf (дата обращения: 17.06.2018 г).

[3] См.: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

тельством совершения кражи – с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств.

По мнению отдельных специалистов, данное решение учитывает необходимость дополнительной защиты финансовых интересов граждан, кредитных организаций и государства в целом, а также предоставляет правоприменителям возможность задействовать весь спектр оперативно-розыскных мероприятий[1].

Вместе с тем, на наш взгляд, анализируемая корректировка уголовно-правовой нормы об ответственности за кражу представляется крайне дискуссионной. Её следствием является то, что кража денежных средств с банковского счёта или электронных денежных средств оказалась механически приравнена к краже, совершённой в крупном размере. Таким образом, традиционная модель дифференциации ответственности за преступления против собственности на основе размера похищенного имущества была фактически нарушена. Разработчики законопроекта указывали на то, что хищение денежных средств в электронной форме либо с банковского счёта клиента, как правило, сопряжено с профессионализмом преступников, их оснащённостью и, как следствие, повышенной общественной опасностью[2]. Однако даже поверхностный анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что данный довод весьма далёк от реального положения дел. В этой связи уместен следующий пример хищения денежных средств с банковского счёта клиента на примитивно-бытовом уровне. В., находясь в квартире Ш., увидел на полке мебельной стенки сим-карту потерпевшей. Осознавая, что данная сим-карта ему не принадлежит, В. вставил ее в мобильный телефон и получил смс-сообщение от «Мобильного банка» о том, что на расчётном счету банковской карты Ш. находятся денежные средства в размере 5900 рублей. Реализуя умысел на хищение чужого имущества, В., осознавая, что его действия никем не замечены и носят тайный характер, используя мобильный телефон, с помощью услуги «Мобильный банк» осуществил операцию по переводу денежных средств в размере 5900 рублей, принадлежащих Ш., на расчётный счет своей банковской карты[3].

Следует лишь дополнительно отметить, что подобная практика носит массовый характер. Полагаем, что единственно приемлемым выходом из сложившейся ситуации является исключение анализируемого особо ква-

[1] *Иванов И.С., Рязанцева С.В.* Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счёте, и электронных денежных средств // Российский следователь. 2018. № 8. С. 49.

[2] [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base= PRJ&n=159733&rnd=4C4C85B84AD6F5C60364116A6485AEF6#00681407348329 8333 (дата обращения: 05.07.2018 г.).

[3] Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 11 января 2018 года по делу № 1-108/2018.

лифицирующего признака из уголовно-правовой нормы об ответственности за кражу.

Данным законом также скорректированы название и диспозиция ст. 1593 УК РФ путём указания на «электронные средства платежа». Понятие таких средств раскрывается в ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 года № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе». В целом указанная категория является более универсальной и охватывает не только платёжные карты, но и иные современные средства безналичных расчётов с использованием информационно-коммуникационных технологий (ApplePay, SamsungPay и др.). Вместе с тем заслуживает внимания то обстоятельство, что, изменив диспозицию ст. 1593 УК РФ, законодатель по каким-то причинам исключил оговорку о том, что соответствующие действия должны быть сопряжены с обманом уполномоченного работника кредитной или иной организации. Если согласиться с тем, что такой способ уже не является обязательным, то данный состав преступления станет абсолютно неотличимым от кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В связи с этим полагаем, что толкование данного преступления по-прежнему должно основываться на разъяснениях, сформулированных в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которым признаки ст. 1593 УК РФ имеют место только в случаях, когда хищение имущества осуществлялось путём сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности лицу карты (с учётом изменений – электронного средства платежа) на законных основаниях либо путём умолчания о незаконном владении им такой картой (с учётом изменений – электронным средством платежа).

Крайне дискуссионным и противоречащим теоретико-правовым основам дифференциации уголовной ответственности явилось решение законодателя о включении в ч. 3 ст. 1596 УК РФ особо квалифицирующего признака, связанного с совершением компьютерного мошенничества в отношении электронных денежных средств и средств, которые находятся на банковском счёте потерпевшего. С учётом специфического способа мошенничество в сфере компьютерной информации, как правило, не предполагает возможности его осуществления в отношении обычных (бумажных) денежных средств (исключением, пожалуй, может выступать противоправное вмешательство в работу программного обеспечения банкомата и последующее изъятие имеющихся денег). Это наглядно подтверждается и материалами довольно многочисленной судебно-следственной практики, где анализируемое преступление так или иначе всегда посягает на безна-

личные или электронные деньги. Таким образом, изменив редакцию ст. 1596 УК РФ, законодатель практически аннулировал действие её первой и второй части.

Более перспективным направлением, на наш взгляд, является установление повышенной ответственности за совершение мошенничества в сфере компьютерной информации «с неправомерным сокрытием либо изменением идентификаторов оконечного оборудования пользователя информационно-коммуникационной сети (в том числе сети Интернет)».

Как справедливо отмечает В. Х. Каримов, системы шифрования и сокрытия данных пользователей Интернета активно используется преступным миром, вследствие чего у заинтересованных структур, в том числе правоохранительных, возникают сложности в расшифровке сведений и установлении лиц, их использующих[1].

Предпринимаемые законодателем меры по защите цифровой экономики от киберпреступности, к сожалению, не затронули современную редакцию уголовно-правовой нормы об ответственности за вымогательство (ст. 163 УК РФ), которая до настоящего времени не позволяет должным образом оценить требования о передаче денежных средств или иного имущества под угрозой совершения действий, связанных с блокированием, уничтожением или повреждением компьютерной информации.

Вместе с тем в современных условиях такие деяния получают всё большее распространение. Так, в качестве примеров можно привести атаки на информационную инфраструктуру ряда государств, в том числе России, вирусов-шифровальщиков WannaCry и Petya. В общей сложности только от WannaCry пострадало более 500 тысяч компьютеров, принадлежащих частным лицам, коммерческим организациям и правительственным учреждениям, в более чем 150 странах мира[2]. Как известно, условием возобновления доступа к заблокированной компьютерной информации выступала выплата потерпевшим определённой суммы денежных средств.

В правоприменительной практике такие случаи квалифицируются исключительно по статьям о преступлениях в сфере компьютерной информации (ст.ст. 272, 273 УК РФ). Однако такая юридическая оценка является объективно неполной, поскольку охватывает только деяния, связанные с использованием вредоносного программного обеспечения и неправомерным доступом к компьютерной информации. Последующее же требование о передаче владельцем информационного актива денежных средств или иного имущества остаётся без надлежащей уголовно-правовой оценки. На

---

[1] *Каримов В.Х.* Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет // Российский следователь. 2018. № 6. С. 52.

[2] [Электронный ресурс] // URL: http://www.kommersant.ru/doc/3297338 (дата обращения: 20 марта 2018 г.).

это обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание в отечественной доктрине уголовного права[1].

Полагаем, что данный пробел должен быть устранён посредством дополнения диспозиции ст. 163 УК РФ указанием на «угрозу совершения действий, связанных с блокированием, уничтожением или повреждением компьютерной информации».

Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» предполагает категорирование всех объектов прежде всего в зависимости от социальной, политической и экономической значимости. К сожалению, действующая редакция ст. 2741 УК РФ не учитывает данное деление, что представляется существенным упущением не только с точки зрения игнорирования критериев дифференциации уголовной ответственности, но и что, пожалуй, более значимо, – анализируемая уголовно-правовая норма не позволяет должным образом оценить различия в объёме и значимости социальных последствий криминальных посягательств на объекты критической инфраструктуры. Вместе с тем вполне очевидно, что совершение компьютерной атаки на IT-инфраструктуру банка из первой тройки и кредитно-финансовой организации из третьей сотни рейтинга представляет собой отнюдь не одно и то же. Возможности учёта опасности указанного деяния только лишь посредством дифференциации уголовного наказания, как представляется, явно недостаточны. Полагаем, что в этой части уголовно-правовая норма об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации также требует соответствующей корректировки.

Библиографический список:

1. *Ефремова М.А.* Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны информационной безопасности Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2 (36). С. 222–230.

2. *Иванов И.С., Рязанцева С.В.* Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счёте, и электронных денежных средств // Российский следователь. 2018. № 8. С. 46–50.

3. *Каримов В.Х.* Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет // Российский следователь. 2018. № 6. С. 51–54.

[1] См., напр.: *Тирранен В.А.* Проблема уголовной ответственности за криптовирусные атаки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 637–640.

4. *Тирранен В.А.* Проблема уголовной ответственности за криптовирусные атаки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 637–640.

5. *Jeffery Taubenberger,* David Morens. 1918 Influenza: the Mother of all pandemics // Emerging infections diseases. 2006. № 12.

УДК: 343.8:621.395.5

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

В.В. Сурин,
кандидат юридических наук,
декан факультета внебюджетного образования
ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»,
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125
E-mail: surin-perm@mail.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме незаконного использования осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, средств мобильной связи. Рассматриваются некоторые аспекты проведения уголовно-процессуального действия – получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, реализуемого в рамках расследования преступлений, совершаемых осужденными с использованием данных средств связи. В частности, анализируются трудности, возникающие при реализации данного следственного действия.

Ключевые слова: расследование преступлений, исправительные учреждения, осужденные, доказывание, следственные действия, информация, средства связи.

INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY CONVICTS USING MOBILE COMMUNICATION MEANS

V.V. Surin,
Federal state educational institution «Perm institute of the Federal penal service»
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: surin-perm@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the problem of illegal use of mobile communications by convicts serving sentences in the form of imprisonment. Some aspects of carrying out the investigative action «obtaining information about connections between subscribers and subscriber devices» are considered in this clause. The same features are analyzed for the use of operational-search

measures aimed at «removing information from technical communication channels». The specifics of the above-mentioned measures are investigated in the investigation of crimes committed by convicts.

Key words: investigation of crimes, correctional institutions, convicts, proving, investigative actions, information, means of communication.

Целями уголовно-исполнительного законодательства, а соответственно, и деятельности ФСИН России является исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ст. 1 УИК РФ). Для достижения указанной цели на практике реализуется комплекс мероприятий, направленный, в частности, на пресечение различного рода правонарушений, совершаемых осуждёнными, расследование ранее совершенных преступлений. Рассмотрим один из аспектов этой деятельности.

Характерной особенностью нашего времени становится широкое распространение средств мобильной связи. Не обошел данный процесс стороной и пенитенциарную систему, однако в данном случае это явление имеет как положительную сторону, связанную с упрощением обмена информацией между сотрудниками уголовно-исполнительной системы, так и отрицательную, обусловленную неправомерным использованием осуждёнными данных средств связи. Например, мобильные телефоны часто используются осужденными при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, дезорганизацией деятельности исправительных учреждений, для связи с сообщниками на свободе и координации преступной деятельности. Нередко средства мобильной связи выступают в качестве орудия преступления, что характерно для так называемых телефонных мошенничеств. Находясь в исправительном учреждении или в следственном изоляторе, преступники оказывают психологическое воздействие на потерпевших и свидетелей. Нередки случаи мошенничества, совершаемого с использованием сотовых телефонов. Например, в 2008 году осужденные Н., О. и Я., содержащиеся в отряде № 7 ИК-38 г. Березники Пермского края, в целях получения постоянного дохода создали организованную преступную группу для совершения мошенничеств, в которую вовлекли и своих знакомых П. и Б., проживавших в г. Перми. Осужденные, набирая наугад номера телефонов, представлялись сыном или внуком. Сообщив абоненту, что его родственник совершил ДТП, злоумышленник как будто передавал трубку следователю. Изменив голос, он сообщал, что, к примеру, внук сбил девушку, и намекал на возможность урегулирования вопроса за вознаграждение в 40–50 тысяч рублей. Беседа с жертвой велась до тех

пор, пока сообщник, находившийся на свободе, не забирал у нее деньги. Это делалось для того, чтобы у потерпевшего за это время не было возможности связаться с родственниками или уточнить информацию, позвонив в милицию[1].

В соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, средства мобильной связи и коммуникации либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу, отнесены к Перечню вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать[2]. Таким образом, только лишь факт нахождения сотового телефона у осужденного в исправительном учреждении является правонарушением. Можно привести и другие примеры, но даже вышеизложенных вполне достаточно, чтобы понять характер существующей проблемы. Каким же образом она решается?

В настоящее время этот вопрос решается с использованием режимных, организационных, оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, рассмотрим некоторые из них.

В отечественной криминалистике вопросы получения и оценки сведений, связанных с использованием средств мобильной связи, стали изучаться сравнительно недавно. Данный вопрос является предметом исследований Г.В. Семенова, И.В. Лазаревой, В.А. Козинкина, А.В. Шебалина[3] и других авторов. В указанных трудах рассматриваются теоретические и практические вопросы расследования преступлений в информационно-коммуникативной сфере.

В настоящий момент наиболее распространенным средством мобильной связи является сотовый телефон. Рассматривая сотовый телефон как источник криминалистической информации, необходимо выделить ряд его характеристик, которые могут иметь значение с точки зрения расследования преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными. К ним относятся: международный идентификационный номер сотового телефона; наличие на персональной идентификационной карте (SIM-карте) номера, позволяющего установить ее абонента; абонентский номер, который запрограммирован в микросхеме персональной идентификационной карты

---

[1] Уголовное дело № 3540-09. Архив Ленинского районного суда г. Перми.

[2] Приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений».

[3] *Семенов Г.В.* Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 242 с.; *Лазарева И.В.* Расследование преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой радиотелефонной связи: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 23 с.; *Козинкин В.А.* Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 252 с.; *Шебалин А.В.* Расследование хищений средств сотовой связи: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010. 23 с.

абонента; наличие встроенной памяти или съемной флеш-карты для хранения информации[1].

Наряду с вышеуказанными сведениями, значение для расследования преступления может иметь информация, содержащаяся в автоматизированной системе расчетов подвижной радиотелефонной связи. Речь идет о сведениях, в которых отражаются факты наличия соединений между пользователями мобильной связи, а также информация о соединениях по международному идентификационному номеру мобильного телефона. Российское законодательство предусматривает возможность получения вышеуказанной информации несколькими путями: один из них – это проведение оперативно-разыскных мероприятий, другой – осуществление следственных действий, одним из них является получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Иными словами, если у нас есть основания полагать, что информация, отражающая связь между пользователями мобильной связи, имеет значение для расследования преступления, она может быть получена либо органом дознания в ходе проведения оперативных мероприятий, либо следственными подразделениями. Хотя объем, пределы и основания вышеуказанных мероприятий несколько отличаются друг от друга, однако в обоих случаях мы можем получить информацию о соединениях между абонентами и (или абонентскими устройствами).

Следы подобного рода являются весьма своеобразными, они с трудом вписываются в привычную для нас классификацию отображений преступной деятельности. Рассматриваемая информация представляет из себя электронный цифровой сигнал. В настоящее время в криминалистике очень активно обсуждается обоснованность и пределы использования подобного рода следов[2]. Несмотря на пёструю палитру мнений, информация данного рода, несомненно, может иметь большое значение для расследования преступлений: «В таком случае регистрируются не следы преступлений в их традиционном понимании, а информация о действиях граждан, в том числе связанных с совершением преступлений. Задача правоохранительных органов заключается в том, чтобы из общей массы такой информации выбрать ту, которая причинно связана с событием преступления или с постпреступным поведением соответствующих лиц»[3].

---

[1] *Сурин В.В.* Производство первоначальных следственных действий в исправительных учреждениях ФСИН России : монография / *В.В. Сурин, М.Н. Филиппов, Ю.С. Фомин.* Пермь, 2014. 118 с.

[2] *Пастухов П.С.* Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153; *Зигура Н.А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.; *Зазулин А.И.* О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 11. С. 77–82.

[3] *Ткачук Т.А.* Об информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 3 (31). С. 89.

Какого же рода информацию возможно получить в ходе проведения рассматриваемого следственного действия? Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами позволяет установить данные: о времени и продолжительности телефонных переговоров абонента, а также о номерах абонентов, с которыми производилось соединение (как исходящие, так и входящие переговоры); о местонахождении абонента или аппарата мобильной связи в зоне действия той или иной базовой станции данного оператора сотовой связи в указанное время, которые позволяют установить примерное местонахождение звонившего (или получившего входящий звонок) в интересующее следствие время[1].

Рассматриваемое следственное действие ограничивает конституционное право человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Этим можно объяснить усложненный порядок получения информации рассматриваемым путем. Исходя из содержания уголовно-процессуального законодательства, должны быть выполнены следующие условия: во-первых, в производстве у следователя должно быть возбужденное (возобновленное производством) уголовное дело; во-вторых, наличие достаточных оснований полагать, что рассматриваемая информация имеет значение для расследования (ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ); в-третьих, следователь должен возбудить перед судом (с согласия руководителя следственного органа) ходатайство о производстве данного следственного действия (ч. 2 ст. 164, ч. 1 ст. 165 УПК РФ); в-четвёртых, должно иметься постановление судьи о разрешении производства данного следственного действия (п. 12 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 УПК РФ). С одной стороны, наличие данных условий призвано обеспечить законность, не допустить необоснованного ущемления прав граждан, с другой стороны, зачастую осложняют ход расследования по уголовному делу. Рассмотрим подробнее ряд возникающих проблем.

В ходе расследования по уголовному делу порой возникает необходимость в скорейшем проведении рассматриваемого следственного действия. Вместе с тем закон требует в данном случае наличие судебного разрешения. Ряд следственных мероприятий в исключительных случаях согласно части 5 статьи 165 УПК РФ возможно проводить и без такого решения. Вместе с тем нормы статьи 165 УПК РФ не распространяются на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В соответствии с требованиями части 5 статьи 165 УПК РФ в исключительных случаях на основании постановления следователя (дознавателя) без получения судебного решения могут быть произведены

[1] *Сурин В.В.* Производство первоначальных следственных действий в исправительных учреждениях ФСИН России : монография / *В.В. Сурин, М.Н. Филиппов, Ю.С. Фомин*. Пермь, 2014. 118 с.

лишь следующие мероприятия: осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, а также выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в части 1 статьи 104.1 УК РФ. Как мы видим, в перечне следственных действий, на которые распространяется правило части 5 статьи 165 УПК РФ, отсутствует упоминание о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. На практике, при расследовании ряда преступлений, совершенных в условиях исправительных учреждений, информация о соединениях абонента может стать решающей, в частности, это характерно для расследования таких преступлений, как мошенничество и побег, временной фактор, скорость получения информации в данных случаях имеют принципиальное значение.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным внести изменения в часть 5 статьи 165 УПК РФ и дополнить перечень следственных действий, которые в случаях, не терпящих отлагательства, могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения, следственным действием «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Следующая проблема связана с отсутствием единообразия в используемой терминологии, что порой может приводить к формальному нарушению требований закона. Дело в том, что на сегодняшний день отсутствует законодательное определение термина «абонентское устройство» который используется в наименовании и содержании статьи 186.1 УПК РФ. В Федеральном законе «О связи» содержится определение термина «пользовательское оборудование» («оконечное оборудование»), который определяется как технические средства для передачи и (или) приема сигналов электросвязи по линиям связи, подключенные к абонентским линиям и находящиеся в пользовании абонентов или предназначенные для таких целей. Однако какого-либо перечня данных устройств в законе «О связи» не приводится, что на практике создает определённые проблемы, например, сегодня получили широкое распространение программа Skype и ее аналоги, позволяющие с помощью компьютера через сеть Интернет осуществлять различные (голосовые и видео) звонки. В данном случае, с формальной стороны, компьютер не является «абонентским устройством», что создает сложности с получением разрешения для проведения обсуждаемых следственных мероприятий. Используя особенности организации связи в сети Интернет, осуждённым зачастую удается остаться «неопознанными». Таким образом, отсутствие законодательного определения термина «абонентское устройство» создает определенные затруднения в определении того, какое же следственное действие необходимо проводить для получения нужной информации об использованном злоумышленником средстве связи.

С вышеупомянутым вопросом тесно переплетается другой. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О связи»: «абонент – пользователь услугами связи, с которым заключен договор об оказании таких услуг при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации». Вместе с тем в ходе расследования преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, как правило, устанавливается, что SIM-карты таких осужденных зарегистрированы на знакомых или родственников, находящихся на свободе. В большинстве случаев канал поступления определенного телефона и SIM-карты в исправительное учреждение или следственный изолятор очень тяжело установить. Таким образом, с одной стороны, мы имеем осужденного, совершающего преступление с использованием средств мобильной связи, с другой стороны, мы не можем считать его абонентом, в итоге, с точки зрения закона, проводить следственное действие «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» в данной ситуации не вполне правомерно.

Существуют в данном вопросе и проблемы «временного» характера. Дело в том, что в статье 186.1 УПК РФ лишь в общих чертах определяется вопрос касаемо срока предоставления руководителем организации, предоставляющей услуги связи информации, запрашиваемой в связи с проведением следственных действий. Отсутствие четких правил в данном вопросе на практике зачастую приводит к тому, что постановление о предоставлении информации о соединениях абонента исполняется операторами связи в максимально допустимые сроки. Подобного рода положение, конечно же, не способствует проведению успешного расследования, поскольку за время, прошедшее от поступления запроса о предоставлении информации о соединениях абонента до момента получения ответа, сведения могут потерять свое значение. Такая позиция ряда руководителей предприятий связи, затягивающих предоставление информации, зачастую значительно осложняет ход расследования уголовного дела.

Описываемая проблема возникла достаточно давно, и существует немало предложений для её разрешения, например, по мнению В.Ф. Васюкова, для разрешения этого вопроса было бы целесообразно внести изменения в ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ и изложить её в следующей редакции: «В случаях, не терпящих отлагательства, по требованию следователя руководитель организации, оказывающей услуги связи, обязан предоставить информацию о соединениях абонента незамедлительно после получения копии решения суда»[1]. Вызывает только сожаление тот факт, что законодатель, несмотря

[1] *Васюков В.Ф.* Преодоление противодействия расследованию хищений средств мобильной связи // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. матер. 51-х криминалист. чтений. В 2 ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2010. С. 48.

на явное несовершенство ст. 186.1 УПК РФ, не торопится приводить её содержание в соответствие с требованием сегодняшнего дня.

Учитывая вышеизложенное, становится понятным необходимость совершенствования правовой регламентации проведения следственного действия «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ. Четкая регламентация сроков получения запрашиваемой информации, законодательное определение понятий «абонент» и «абонентское устройство», безусловно, значительно бы повысили эффективность реализуемых мероприятий, в том числе при расследовании преступлений, совершаемых осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Библиографический список:

1. *Васюков В.Ф.* Преодоление противодействия расследованию хищений средств мобильной связи // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. матер. 51-х криминалист. чтений. В 2 ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2010.

2. *Зазулин А.И.* О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. №11. С. 77–82.

3. *Зигура Н.А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.

4. *Козинкин В.А.* Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 252 с.

5. *Лазарева И.В.* Расследование преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой радиотелефонной связи: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 23 с.

6. *Пастухов П.С.* Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.

7. *Семенов Г.В.* Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 242 с.

8. *Сурин В.В.* Производство первоначальных следственных действий в исправительных учреждениях ФСИН России: монография / В. В. Сурин, М.Н. Филиппов, Ю.С. Фомин. Пермь: ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России. 2014. 118 с.

9. *Ткачук Т.А.* Об информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 3 (31). С. 87–90.

10. *Шебалин А.В.* Расследование хищений средств сотовой связи: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010. 23 с.

УДК 343.98

ТЕХНОЛОГИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ СОЗДАНИЕ ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА И ЕГО РОЗЫСК

В.Ю. Толстолуцкий,
доктор медицинских наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603115, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4
E-mail: tolvlad@yandex.ru

Н.А. Борисов,
кандидат технических наук,
доцент кафедры программной инженерии института информационных технологий, математики и механики
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: nborisov.itmm@yandex.ru

Г.В. Кузенкова,
кандидат химических наук,
доцент кафедры программной инженерии института информационных технологий, математики и механики
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: kuzenkovagv@mail.ru

Аннотация: статья посвящена вопросу применения дополненной реальности в криминалистической деятельности. Анализируются отечественный и зарубежный подходы в данной области. Цель: разработка программного обеспечения с применением дополненной реальности для обеспечения создания психолого-криминалистического портрета преступника. Результаты: предлагается в поле восприятия вводить не только различные сенсорные данные с целью дополнения сведений об объектах

окружающей среды для улучшения восприятия и фиксации информации, но и схему действия субъекта доказывания.

Ключевые слова: дополненная реальность, криминалистические методы и приемы работы со следами, психолого-криминалистического портрета преступника, программа «ФОРВЕР», мишеней дополненной реальности.

AUGMENTED REALITY TECHNOLOGY TO CREATE A PSYCHOLOGICAL AND FORENSIC PORTRAIT OF A CRIMINAL AND HIS SEARCH

V.Yu. Tolstolutsky,
Nizhny Novgorod state University named N. I. Lobachevskogo
4, Ashkhabatskay St., Russia, Nizhny Novgorod, 603115
E-mail: tolvlad@yandex.ru

N.A. Borisov,
Nizhny Novgorod state University named N. I. Lobachevskogo
23, Gagarin Ave., Russia, Nizhny Novgorod, 603950
E-mail: nborisov.itmm@yandex.ru

G.V. Kuzenkova,
Nizhny Novgorod state University named N. I. Lobachevskogo
23, Gagarin Ave., Russia, Nizhny Novgorod, 603950
E-mail: kuzenkovagv@mail.ru

Annotation: the article is devoted to the application of augmented reality in forensic activities. Domestic and foreign approaches in this field are analyzed. Purpose: development of software using augmented reality to ensure the creation of psychological and forensic portrait of the offender. Methods: formal-logical, analysis, comparison, synthesis, generalization. Results: The theoretical concept according to which it is necessary to impose on a real crime scene both virtual images of objects, and a virtual image of the scheme of action of the investigator is formulated.The stages of the investigator's action should be separate layers superimposed on reality. Conclusions: The temporal structuring of the investigative action should be presented in augmented reality technology. We suggest using a multi-layer indicative basis of the action.

Keywords: augmented reality, criminalistic methods and working methods with traces, the program «FORVER», targets of augmented reality.

Современные информационные технологии кардинально изменяют все сферы деятельности. Перспективы внедрения новых информационных технологий в юридическую деятельность рассматриваются многими отечественными и зарубежными авторами. Однако во многих областях юридической деятельности внедрение информационных технологий сводится по своей сути к тезису «сменим печатную машинку на текстовый редактор». В результате юриспруденция в целом и криминалистика в частности развиваются не на базе информационных технологий, а параллельно компьютерным наукам, практически не испытывая их содержательного влияния на себе. В XXI веке развитие информационных технологий позволило заменить коробки из-под обуви программами «виртуального осмотра места преступления», а пишущие машинки – текстовыми редакторами. Однако такая замена не привела к появлению новых тактических приемов осмотра. В результате усилия криминалистов, работающих в этой области, например, оказались сведены к использованию накопленного предшествующими поколениями научного потенциала в виде постановки задач программистам, визуализирующим место преступления[1]. В итоге произошла подмена решаемых задач: вместо решения вопросов криминалистической тактики стали совершенствоваться средства, не относящиеся к криминалистике и не повышающие качество производства реальных следственных действий. Такая подмена только внешне выглядит как прогресс, на самом деле ее однозначно следует рассматривать как стагнацию в криминалистической тактике. Парадокс в том, что научная стагнация в этой части криминалистики обусловлена внедрением информационных технологий.

Особый интерес в криминалистической практике представляет применение дополненной реальности[2]. В работе[3] приводится следующее понятие дополненной реальности: «Augmented Reality (AR) is the synthesis of real world and virtual (computer generated) graphics. In contrast to Virtual Reality (VR) in which the user is engaged in an entirely artificial world, in AR applications virtual imagery of objects is superimposed over, rather than completely replacing the real world and displayed to the user via wearable, handheld or static displays». («Дополненная реальность – это синтез реального мира и виртуальной (сгенерированного компьютером) графики. В отличие от виртуальной реальности (VR), в которой пользователь участвует в полностью искусственном мире, в приложениях дополненной реальности накладываются виртуальные образы объектов вместо того, чтобы полностью

[1] *Алабужев И.Г.* Визуализация показаний допрашиваемого посредством компьютерного моделирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 16 с.

[2] Эпоха дополненной реальности / Бретт Кинг, Алекс Лайтман Дж. Рангасвами, Энди Ларк. Москва: Олимп-Бизнес, 2018. 528 с.

[3] *Schofield D.* Animating and interacting with graphical evidence: Bringing courtrooms to life with virtual reconstructions. // In International Conference on Computer Graphics, Imaging and Visualization, CGIV '07, Aug. 2007. Pp. 321–328.

заменить реальный мир и отобразить для пользователя через переносные, ручные или статические дисплеи»). Дополненная реальность (augmented reality) рассматривается как результат введения в поле восприятия любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и улучшения восприятия информации.

Основу зарубежных исследований криминалистического использования дополненной реальности составляет накладывание виртуальных образов объектов на реальные объекты[1]. Этот путь использования дополненной реальности направлен, в первую очередь, на повышение информативности следственного осмотра.

Зарубежный подход в использовании дополненной реальности можно охарактеризовать как совершенствование технических средств, без развития собственно криминалистической деятельности. Отечественная криминалистика базируется на другой методологической основе. Поэтому, с точки зрения отечественной науки, можно считать, что применение зарубежными исследователями только первого из возможных способов использования дополненной реальности фактически приводит к подмене решаемых задач: вместо решения вопросов криминалистической тактики осмотра места преступления стали совершенствоваться технические средства, не относящиеся к криминалистике и качественно не повышающие эффективность производства реальных следственных действий. Такая подмена только внешне выглядит как прогресс, на самом деле ее однозначно следует рассматривать как стагнацию в криминалистической тактике. Накладывание виртуальных образов объектов на реальное место преступления и следы действительно повышает информативность следственного осмотра. Но речь идет о только материальных объектах. При этом упускается собственно криминалистическая деятельность, которая не меняется. Парадокс в том, что компьютерные программы фиксируют уже имеющиеся криминалистические методы и приемы работы со следами и тем самым выводят их в качестве объектов совершенствования из поля зрения разработчиков дополненной реальности[2].

Мы полагаем, что при создании информационных систем на базе указанного подхода реализуется характерная для естественных наук парадигма и смысл дополненной реальности сводится к удваиванию окружающего мира предметов, когда реальные объекты дополняются виртуальными

[1] *Burton A. M, Schofield D., and Goodwin L. M.* Gates of global perception: forensic graphics for evidence presentation. // In 13th annual ACM international Conference on Multimedia, Multimedia'05, ACM, 2005. Pp. 103–111.

Datcu D., Lukosch S.G., Lukosch H.K. Handheld Augmented Reality for Distributed Collaborative Crime Scene Investigation // In the 19th International Conference on Supporting Group Work. Sanibel Island, Florida, USA. November 13 - 16, 2016. Pp. 267–276.

[2] *Billinghurst M., Kato H., and Poupyrev I.* The Magicbook: a transitional AR interface. Computers and Graphics, 25(5):745–753, 2001.

образами объектов или в поле восприятия вводятся различные сенсорные данные с целью дополнения сведений об окружающей среде и улучшения ее восприятия.

В противоположность указанной парадигме, предлагается введение в поле восприятия субъекта доказывания схему собственного действия, поскольку последняя имеет юридическую природу и не вытекает из свойств непосредственно воспринимаемых материальных объектов.

Предлагаемое нами решение отмеченной проблемы основано на отечественной концепции деятельностного подхода, в котором действие состоит из ориентировочной и исполнительной части. Нами выделяется ориентировочная основа действия следователя (процессуальная регламентация, тактические приемы и методы выявления и фиксации следов), и она накладывается, как виртуальный образ, на непосредственно воспринимаемые следователем в ходе осмотра следы преступления и все другие объекты обстановки места преступления, с которыми осуществляется действие.

До появления технологии дополненной реальности не существовало возможности наложить виртуальный образ схемы действия с объектами на непосредственно воспринимаемые следователем объекты. Повышается не только информативность осмотра, но совершенствуются интеллектуальные средства работы со следами.

Вынесение схемы действия в непосредственно поле восприятия следователя и ее «увязка» со свойствами наблюдаемого объекта позволяет организовать исполнительную часть действия и оптимизировать ее. Например, разработанная нами программа «ФОРВЕР» (формирование версий) выполняет функцию ориентировочной основы действия следователя, позволяя для конкретной следственной ситуации осуществить выдвижение версий и рассчитать их условные вероятности. Результаты работы программы становятся основой оптимизации исполнительной части действия следователя, позволяя начать проверку с наиболее вероятной для конкретной ситуации следственной версии и, одновременно, реализовать принцип параллельной проверки версий за счет пересчета условных вероятностей при получении дополнительной информации по делу. Совершенствование программы «ФОРВЕР» требует учета закономерностей интериоризации на основе использования технологии дополненной реальности.

В криминалистике, еще до появления компьютерных программ, процесс выстраивания последовательности операций, приводящих к требуемому результату (сегодня, уже устоявшийся, термин может показаться не очень удачно выбранным), назвали программированием (алгоритмизацией) расследования.

Разрабатываемые для следователя первые компьютерные программы (типа АРМ следователя) выполняли именно эту функцию – представляли собой вынесенную вовне из «головы» пользователя схему расследования

преступления (или схему производства следственного действия). В силу того, что программа «АРМ-следователя» выступала как объект внешней деятельности, она не могла быть использована «on-line» в расследовании. Следователю приходилось переключаться с одной внешней деятельности на другую. Одна деятельность реализовывалась в ходе, например, осмотра трупа в лесу, а другая за компьютером в кабинете следователя, что не позволяло достичь задуманного результата – программа не становилась ориентировочной основой реального действия. В результате чего данное направление не получило должного развития. Технология дополненной реальности способна взять на себя указанную функцию АРМ-следователя и быть включена «on-line» в тактику осмотра трупа и производства иных следственных действий.

Отметим наиболее существенную теоретическую новизну наших предложений, заключающуюся в визуализации этапов выполнения действия и одновременном переходе от временной координаты к пространственной. Очевидно, что выполнение действия занимает определенный интервал времени, требуемый для реализации последовательного ряда операций. При этом в ходе выполнения действия в «настоящем» субъекта всегда находится одна, текущая операция, остальные существуют либо в прошлом, либо в будущем. Ошибка выполнения одной операции обнаруживается только при завершении всего действия в виде отсутствия желаемого результата. Предлагается перейти от временной последовательности к структуре и перенести все операции в настоящее, представляя их визуально в виде слоев. В результате такого представления, можно использовать в дополненной реальности всю последовательность операций, в виде структуры, состоящей из ряда слоев.

В поле зрения следователя конвергируются, с одной стороны, обстановка места преступления и следы, а с другой – версии и их вероятность, поисковый портрет преступника, заподозренные (установленные оперативно-разыскным путем) и вероятность совершения ими преступления. По мере осмотра повышается число установленных фактических следов, что позволяет в режиме реального времени пересматривать вероятности версий, а также обнаружить негативные обстоятельства, противоречащие той или иной версии, трактующиеся как признаки криминальной инсценировки.

Поэтапность производства осмотра (статическая и динамическая фазы) выступает важнейшим принципом данного следственного действия. Поэтому временная структурированность следственного действия должна быть представлена в технологии дополненной реальности. Выделение временных интервалов позволяет создать многослойную ориентировочную основу действия (многослойная ООД), в которой каждый слой соответствует самостоятельному временному этапу действия. В результате такого

подхода формируется дополненная реальность на основе многослойной ООД. Такая разработка получила название: «Технология дополненной реальности в криминалистике на основе многослойной ООД». Научные исследования ведутся в ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород) усилиями юридического факультета и института информационных технологий, математики и механики (институт ИТММ).

Прототипом разработки «Технология дополненной реальности в криминалистике на основе многослойной ООД» является программа «ФОРВЕР», позволяющая представить в виде слоев следующие этапы раскрытия убийств: непосредственное восприятие следователем места преступления и фото (видео) фиксация последнего; выделение из воспринятого криминалистически значимых признаков, представляющее процедуру «программированного» сбора имеющейся информации; обработка полученной информации и выдвижение следственных версий (включая метод полного перебора вариантов); расчет условных вероятностей версий и ранжирование версий по степени уменьшения вероятности; введение подозреваемых лиц и ранжирование их по степени соответствия выдвинутым версиям о субъекте преступления[1].

Перечисленные операции представлены как слои, наложенные друг на друга и на место преступления, которые находятся для следователя в едином поле восприятия (суть технологии дополненной реальности). Поэтому в рамках одного следственного осмотра трупа каждый этап-слой, представляющий самостоятельную операцию, может быть проделан неоднократно, а его результат уточнен. Следователь получает возможность «экспериментировать» при выполнении того или этапа, вернуться к предшествующему решению и выполнить ранее осуществленную операцию иным способом. Например, он может пересмотреть перечень криминалистически значимых признаков, что немедленно приведет к пересчету вероятностей версий по признакам субъекта преступления. Изменение профиля преступника позволяет составить дополнительный круг лиц, среди которых следует искать лицо, совершившее преступление. Изложенный подход позволяет достичь раскрытия убийства методом итераций в ходе последовательного приближения к искомому преступнику.

На кафедре создан криминалистический полигон, на котором изучается прототип технологии дополненной реальности в криминалистике на основе многослойной ООД и программа «ФОРВЕР». Студенты фиксируют в виде слоев все этапы частной методики раскрытия убийств, начиная с непосредственного восприятия следователем места преступления с его фото фиксацией; выделения и маркировки из воспринятого криминалистически значимых признаков, которые выступают метками для последующей визу-

[1] *Толстолуцкий В.Ю.* Дополненная реальность в криминалистике // Ученые записки ИСГЗ. 2016. № 1 (14). С. 557–560.

ализации цифровых объектов (изображений и описаний ранений на муляже тела человека, траектории полет пули и брызг крови и т.д.).

Анализ зарубежных и отечественных направлений развития этой технологии показал опережение зарубежных исследователей в области технических возможностей и в то же время отставание в области совершенствования собственно криминалистической деятельности[1]. Основу зарубежных исследований составляет повышение информативности следственного осмотра за счет накладывания виртуальных образов объектов на реальные объекты и коммуникации между удаленными участниками осмотра[2]. Не умаляя этого направления, нами предлагается развивать дополненную реальность на основе отечественной концепции деятельностного подхода, в котором выделяется ориентировочная основа действия, которая, выступая виртуальным образом тактических приемов и методов выявления и фиксации следов, накладывается на изображения реальных следов преступления и другие объекты. Такой подход позволяет повысить эффективность применения дополненной реальности в криминалистической деятельности. Для реализации технической стороны метода разработана архитектура и общая схема работы программы с использованием дополненной реальности. Реализованы разные виды мишеней дополненной реальности (мишени для воспроизведения видео, мишени с расстановкой объектов в правильном порядке, мишени с интерактивными действиями). Для разработки данного приложения были выбраны следующие инструменты: язык программирования C#, игровой движок Unity3D и API Vuforia (набор инструментов, позволяющий использовать камеру мобильного телефона для обнаружения картинок-целей, на которых будут отображаться трехмерные модели).

Библиографический список:

1. *Алабужев И.Г.* Визуализация показаний допрашиваемого посредством компьютерного моделирования: автореф. дис. … канд. юрид. Ижевск, 2004. 16 с.

2. *Пастухов П.С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 1 (23) 2014. С. 298–304.

[1] *Gee A. P., Escamilla-Ambrosio P. J., Webb M., Mayol-Cuevas W., and Calway A.* Augmented crime scenes: virtual annotation of physical environments for forensic investigation. // In Proceedings of the 2nd ACM workshop on Multimedia in forensics, security and intelligence, MiFor '10, ACM, 2010. Pp. 105–110.

[2] *Lukosch S.G., Poelman R., Akman O., and Jonker P.* A novel gesture based interface for crime scene investigation in mediated reality. // In Proceedings of the CSCW workshop on Exploring collaboration in challenging environments, February 2012.

Poelman R., Akman O., Lukosch S., and Jonker P. As if being there: Mediated reality for crime scene investigation. // In ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work, CSCW '12, 2012.

3. *Провоторова А.А., Михнев И.П.* Применение информационных технологий в юридической деятельности // Образование и наука в современных реалиях: материалы III Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 17 дек. 2017 г.) – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 227–229

4. *Толстолуцкий В. Ю.* Дополненная реальность в криминалистике // Ученые записки ИСГЗ. 2016. № 1 (14). С. 557–560.

5. Эпоха дополненной реальности / Бретт Кинг, Алекс Лайтман Дж. Рангасвами, Энди Ларк. Москва: Олимп-Бизнес, 2018. 528 с.

6. *Billinghurst M., Kato H., and Poupyrev I.* The Magicbook: a transitional AR interface. Computers and Graphics, 25(5):745–753, 2001.

7. *Burton A.M, Schofield D., and Goodwin L.M.* Gates of global perception: forensic graphics for evidence presentation. // In 13th annual ACM international Conference on Multimedia, Multimedia'05, ACM, 2005. Pp. 103–111.

8. *Datcu D., Lukosch S.G., Lukosch H.K.* Handheld Augmented Reality for Distributed Collaborative Crime Scene Investigation // In the 19th International Conference on Supporting Group Work. Sanibel Island, Florida, USA. November 13–16, 2016. Pp. 267–276

9. *Fussell S.R., Setlock L.D., and Kraut R.E.* Effects of head-mounted and scene-oriented video systems on remote collaboration on physical tasks. // In Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems, CHI '03, ACM, 2003. Pp. 513–520.

10. *Gee A.P., Escamilla-Ambrosio P.J., Webb M., Mayol-Cuevas W., and Calway A.* Augmented crime scenes: virtual annotation of physical environments for forensic investigation. // In Proceedings of the 2nd ACM workshop on Multimedia in forensics, security and intelligence, MiFor '10, ACM, 2010. Pp. 105–110.

11. *Lukosch S.G., Poelman R., Akman O., and Jonker P.* A novel gesture based interface for crime scene investigation in mediated reality. // In Proceedings of the CSCW workshop on Exploring collaboration in challenging environments, February 2012.

12. *Poelman R., Akman O., Lukosch S., and Jonker P.* As if being there: Mediated reality for crime scene investigation. // In ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work, CSCW '12, 2012.

13. *Schofield D.* Animating and interacting with graphical evidence: Bringing courtrooms to life with virtual reconstructions. // In International Conference on Computer Graphics, Imaging and Visualization, CGIV '07, Aug. 2007. Pp. 321–328.

УДК: 343.72:004.41/42

СУДЕБНОЕ И ДОКТРИНАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЯ СПОСОБА МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В.Г. Шумихин,
доцент кафедры уголовного права
и прокурорского надзора юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
E-mail: shumihin_v@mail.ru

Аннотация: точное установление способа хищения является залогом правильной квалификации хищений чужого имущества. Квалификационная практика судов и доктринальное толкование способа в составе мошенничества в сфере компьютерной информации как совокупности пяти самостоятельных способов совершения этого преступления вызывало значительные сложности в квалификации этого преступления. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» подкорректировал практику судов, разъяснив содержание способа этого преступления, и сформулировал основу для толкования этого единого способа, включающего пять приемов вмешательства: ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации и иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: ввод, удаление, блокирование, модификация, компьютерная информация, вмешательство.

UDICIAL AND DOCTRINAL INTERPRETATION OF THE WAY OF FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

V.G. Shumihin,
Perm State University,
15, Bukireva st., Russia, Perm, 614990
E-mail: shumihin_v@mail.ru

Annotation: proper specification of the way of committing larceny is the promise of correct qualification of stealing another person`s property. Qualifi-

cation practice of courts and doctrinal interpretation of the way in the legally defined fraud in the field of computer information as the aggregate of five independent ways of committing the crime caused significant difficulties in qualifying the crime. The Plenum of the Supreme Court of Russian Federation in its resolution of November 30, 2017 «On court practice in fraud, misappropriation and embezzlement cases» corrected the court practice, interpreted the content of the way of committing crime and defined the foundation for interpreting the common way including five methods: input, deletion, blocking, modification of computer information and other interference in functioning the facility of storing, processing and transmitting computer information or information and telecommunication networks.

Key words: input, deletion, blocking, modification, computer information, interference.

Введенный в Уголовный кодекс РФ состав мошенничества в сфере компьютерной информации (статья 159.6 УК РФ) имеет отличный от других форм хищения способ. Ряд авторов отмечали эту важную особенность способа, позволяющую обозначить данный состав седьмой формой хищения чужого имущества, что соответственно влияет на квалификацию, в частности, исключает соотношение общей и специальной норм между нормами, содержащимися в статьях 159 и 159.6 УК РФ.[1]. Пленум Верховного Суда РФ в своих руководящих постановлениях всегда уделял внимание разъяснениям признаков способа в составах хищения чужого имущества. В постановлении от 30 ноября 2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум фактически признал, что мошенничество в сфере компьютерной информации не является специальной нормой по отношению к основному составу мошенничества. В пункте 1 постановления Пленум перечислил специальные составы мошенничества, имеющие способ совершения обмана или злоупотребление доверием, не включив в этот перечень состав статьи 159.6 УК РФ[2]. Важное перспективное значение состав мошенничества в сфере компьютерной информации приобретает в связи со становлением цифровой экономики, особую сферу которой занимает виртуальная валюта. Исследуя эти проблемы, Ильяшенко Е.А. отмечает, что до момента разрешения на законодательном уровне статуса криптовалют нормы

[1] *Шумихин В.Г.* Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета, 2014. Выпуск 2 (24), С. 229–233; *Безверхов А.* Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 14 и др.

[2] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. С. 7.

уголовного законодательства России неприменимы. Только признание криптовалют финансовым активом позволит применять состав статьи 159.6 УК РФ по фактам хищения виртуальной валюты, что говорит об адаптированности данного состава преступления к такому новому предмету преступления, как «криптовалюта»[1].

Способ мошенничества в сфере компьютерной информации законодатель изложил в диспозиции статьи 159.6 Уголовного кодекса РФ как ряд действий: ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Большинство доктринальных толкований сходятся во мнении, что в диспозиции этой статьи содержится перечисление самостоятельных способов данного хищения[2]. Пленум Верховного Суда РФ по этому вопросу и в пункте 21 постановления №48 указал, что суть данных действий заключается в незаконном воздействии на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. Именно с этих позиций и следует проводить уголовно-правовую квалификацию действий субъектов данного преступления. Принципиально важно это разъяснение, как отмечали исследователи, для отграничения мошенничества в сфере компьютерной информации от новой редакции мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст.159.3 УК РФ) и кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (ч.3 ст.158 УК РФ)[3].

В новой редакции статьи 159.3 Уголовного кодекса РФ способом мошенничества с использованием электронных средств платежа является обман или злоупотребление доверием в отношении любого лица. Способ мошенничества в сфере компьютерной информации иной, он не предусматривает личностного устного или письменного контакта путем введения в заблуждение и использования доверительных отношений.

Первым среди других действий в диспозиции статьи 159.6 УК РФ обозначен ввод компьютерной информации. В практике российских судов, под вводом компьютерной информации понимался широкий спектр действий, начиная со случаев хищений чужого имущества путем обманного использования телефона потерпевшего и введения набора цифр на номер «900». Такой подход квалификации ввода компьютерной информации, очевидно, сложился на основе доктринальных толкований. Так, Третьяк М. определяла ввод как определенный алгоритм действий по набору данных об адреса-

[1] *Ильяшенко Е.А.* О перспективах привлечения к уголовной ответственности за использование криптовалют в преступных целях // Российский следователь. 2018. № 8. С. 53.

[2] См., напр.: *Ермакова О.* Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст.159.6 УК РФ): сложности толкования и квалификации // Уголовное право. 2016. № 3. С. 36–43.

[3] СМ.: *Архипов А.* Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С. 9.

те (номера его лицевого счета, мобильного телефона, данных мобильного кошелька), далее их распознавание компьютерной системой и наступление результата[1]. Пленум Верховного Суда в постановлении от 30.11.2017 не согласился с таким подходом и рекомендовал квалифицировать эти действия как кражу чужого имущества[2]. Под вводом компьютерной информации как приемом совершения хищения чужого имущества следует понимать незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети, то есть, когда ввод вызывает последствия в виде удаления, блокирования или модификации компьютерной информации. Исходя из толкования Пленума, можно предположить, что ввод информации не может быть самостоятельным способом, а является составной частью других приемов, таких как удаление, блокирование и модификация компьютерной информации.

Удаление компьютерной информации в судебной практике до выхода постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. квалифицировалось также на основе доктринальных толкований как действия по изменению ее первоначального состояния, при котором она перестает существовать в силу утраты основных качественных признаков[3]. В статье 3 Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» дано понятие уничтожения компьютерных данных как действия, в результате которых становится невозможным восстановить содержание данных в информационной системе. Удаление и уничтожение компьютерных данных с точки зрения русского языка не являются словами синонимами[4]. Однако удаление компьютерной информации по сути своей является таким действием, приводящим к полному или частичному прекращению ее существования. С точки зрения руководящего разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данного в указанном постановлении, удаление компьютерной информации как прием совершения мошенничества в сфере компьютерной информации – это незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети, могущее вызывать последствия в виде блокирования или модификации компьютерной информации. Соответственно, удаление компьютерной информации не может быть самостоятельным способом хищения совершения хищения, а является приемом в сочетании с другими приемами, так как не приводит к причинению прямого материального ущерба собственнику или владельцу имущества.

---

[1] *Третьяк М.* Проблемы понимания способа компьютерного мошенничества в судебной практике // Уголовное право. 2015. № 5. С. 109–110.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ.2018. № 2. С. 11.

[3] *Третьяк М.* Указ. соч. С. 110–111.

[4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. *Н.Ю. Шведовой.* М.: Рус. яз., 1984. С. 733, 742.

Третьим приемом данной формы хищения является блокирование компьютерной информации. Нормативное определение блокирования компьютерных данных дано в той же статье 3 Федерального закона «О персональных данных»: блокирование компьютерных данных – временное прекращение обработки данных (за исключением случаев, если обработка необходима для уточнения данных). Доктринальное толкование блокирования сводится к признанию его как действия, приводящего к ограничению или закрытию доступа к компьютерной информации и соответственно недоступностью ее использования со стороны законного владельца (собственника), но не влекущего прямого материального ущерба[1]. Для оконченного хищения требуется применения и других приемов, таких как ввод компьютерной информации. Очевидно, и блокирование компьютерной информации не может быть самостоятельным способом хищения чужого имущества без сочетания с вводом, и удалением данных. Четвертый прием хищения, указанный в диспозиции части 1 статьи 159.6 УК РФ – модификация компьютерной информации. Нормативное понятие модификации определено в п.9 ч.2 статьи 1270 ГК РФ: под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимаются любые их изменения, в том числе перевод такой программы или такой базы данных с одного языка на другой язык, за исключением адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя. Доктринальное и судебное толкование модификации основывается на нормативном понимании и рассматривается как внесение изменений в уже существующую компьютерную информацию[2]. Рассматривая эти действия как самостоятельные способы данной формы хищения, неизбежно встает проблема точного их разграничения. Это достаточно сложно, поскольку блокирование и модификация включают в себя сочетание способов ввода и удаления. Следует, видимо, подробно привести подходы исследователей по разрешению этой проблемы. Так, М. Третьяк предлагает проводить следующий анализ при разграничении модификации компьютерной информации от ввода, удаления и блокирования компьютерной информации и учитывать пять специфических признаков: «– во-первых, способ, который выражается в действиях по удалению всей имеющейся компьютерной информации и вводу новой компьютерной информации; удалению части имеющейся компьютерной информации и вводу новой компьютерной информации при сохранении полностью имеющейся компьютерной информации; – во-вторых, результат этих действий, выражающийся в частично измененной или полностью новой компьютерной информации, сразу появ-

[1] *Третьяк М.* Указ. соч. С. 111.

[2] См.: *Ермакова О.* Указ. соч. С.41, а также Уголовное дело №1-267/2015.

ляющийся в том же источнике (например, интернет страница пользователя), где были совершены действия с компьютерной информацией; – в-третьих, воздействие на имеющуюся (ее удаление и (или) добавление к ней новой информации) компьютерную информацию. Это запись о значении безналичных денежных средств, номер sim-карты, компьютерная программа, цена товара др.); – в-четвертых, воздействие не только на электронную запись о безналичных денежных средствах, но и на другую компьютерную информацию; в-пятых, изменения данных о денежной сумме (например, на лицевых банковских счетах) виновного лица и потерпевшего, появляющиеся после операции «перевести» («отправить») к модификации не относится»[1]. С позиции Пленума Верховного Суда РФ такое разграничение приемов единого способа мошенничества в сфере компьютерной информации не требуется, достаточно установить то или иное сочетание этих приемов.

Пятым приемом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно телекоммуникационных сетей. Доктринальное толкование этих действий как способа отличалось достаточно широким спектром мнений, в силу различного понимания средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации. По мнению О. Ермаковой, под иным вмешательством следует понимать неправомерные действия, нарушающие процесс обработки, хранения, передачи, использования компьютерной информации, которые чаще всего совершаются путем ввода компьютерной информации, и квалификация содеянного будет зависеть от согласия на ввод информации владельца счета как совокупность способов или только способ «иного вмешательства»[2]. Автор, определяя иное вмешательство как самостоятельный способ, опять же встает перед проблемой отграничения его от других способов: ввода, удаления, блокирования и модификации компьютерной информации.

Очевидно, что доктринальное толкование способа мошенничества в сфере компьютерной информации как совокупности самостоятельных способов не продуктивно и искусственно усложняет квалификацию этих преступлений.

В диспозиции статьи 159.6 УК РФ, если основываться на руководящем разъяснении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г., предусмотрен один способ хищения, включающий в себя пять приемов вмешательства: ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации и иное вмешательство в функционирование средств хранения,

[1] *Третьяк М.* Модификация компьютерной информации и ее соотношение с другими способами компьютерного мошенничества // Уголовное право. 2016. № 2. С. 101.

[2] См.: *Ермакова О.* Указ. соч. С. 42–43.

обработки или передачи компьютерной информации или информационно-коммуникационных сетей. Суть этих приемов вмешательства в рамках единого способа, как было указано выше, Пленум определяет совершенно идентично как незаконное воздействие на программное обеспечение. Способ характеризуется различным сочетанием приемов вмешательства: ввода, удаления, блокирования и модификации компьютерной информации, иного вмешательства результатом которого является покушение или оконченное хищение чужого имущества. Ни один из приемов вмешательства не является самостоятельным способом хищения чужого имущества, поскольку представляет собой сочетание приемов, и каждый в отдельности, чаще всего, не влечет необходимых общественно опасных последствий в виде материального ущерба. Данное преступление, как указывает Пленум Верховного Суда РФ, следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Правильная квалификация мошенничества в сфере компьютерной информации возможна лишь на основе руководящих разъяснений Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017г., в частности принципиально важного толкования способа этого преступления, состоящего из разного сочетания пяти приемов вмешательства, указанных в диспозиции статьи 159.6 Уголовного кодекса РФ, который заключается в целенаправленном незаконном воздействии на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети.

Библиографический список:

1. *Архипов А.* Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С. 4–9.

2. *Безверхов А.* Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 8–14.

3. *Ермакова О.* Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст.159.6 УК РФ): сложности толкования и квалификации // Уголовное право. 2016. № 3. С. 36–43.

4. *Ильяшенко Е.А.* О перспективах привлечения к уголовной ответственности за использование криптовалют в преступных целях // Российский следователь. 2018. № 8. С. 51–54.

5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1984.

6. *Третьяк М.* Проблемы понимания способа компьютерного мошенничества в судебной практике // Уголовное право. 2015. № 5. С. 109–110.

7. *Третьяк М.* Модификация компьютерной информации и ее соотношение с другими способами компьютерного мошенничества // Уголовное право. 2016. № 2. С. 101.

8. *Шумихин В.Г.* Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета, 2014. Выпуск 2 (24). С. 229–233.

УДК: 004:343.9(410+481)

«ЦИФРОВИЗАЦИЯ» ПРЕСТУПНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И НОРВЕГИИ: КРАТКАЯ ЗАМЕТКА

А.Д. Щербаков,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: alex_03071991@mail.ru

Аннотация: предлагаемая к ознакомлению статья посвящена проблематике использования современных цифровых и компьютерных технологий при совершении преступлений. Статья базируется на двух примерах, связанных с изменением классической преступности, во-первых, по владению порнографической продукцией в Великобритании, и во-вторых, против личности и половой неприкосновенности в Норвегии. В заключение делается вывод о необходимости привлечения внимания отечественного законодателя и правоприменителя к указанной проблеме, основываясь на опыте зарубежных стран.

Ключевые слова: цифровизация; преступность; иностранный опыт; квалифицирующие признаки; реформа.

«DIGITALIZATION» OF CRIME IN THE UK AND NORWAY: A BRIEF NOTE

A.D. Shcherbakov,
The Russian State University of Justice,
69, Novocheriomushkinskaya st., Russia, Moscow, 117418
E-mail: alex_03071991@mail.ru

Annotation: the article proposed for acquaintance is devoted to the problems of using modern digital and computer technologies in the commission of crimes. The article is based on two examples related to the change in classical crime, first, the possession of pornographic products in the UK, and secondly, against the person and sexual inviolability in Norway. In conclusion, it is con-

cluded that it is necessary to draw the attention of the domestic legislator and law enforcer to this problem, based on the experience of foreign countries.

Key words: digitalization; crime; foreign experience; qualifying signs; reform.

Современные компьютерные технологии уже прочно вошли в жизнь каждого человека. По данным финансово-аналитических групп, к 2020 году у более 75% населения Земли будут смартфоны[1], обеспечивающие выход в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а это означает, что почти каждый человек на нашей планете будет 24 часа в сутки в режиме online доступен для восприятия и передачи информации. Новая технология всегда может быть рассмотрена с двух сторон: с одной стороны – безусловно положительная, выражающаяся в облегчении бытовых условий, ускорении технологических процессов, сокращении расстояний и путей сообщения. С другой же – безусловно отрицательная, ведущая к деградации отдельных общественных отношений, негативному влиянию на окружающую среду и здоровье населения, использованию технологий для создания опасных и вредных ресурсов. Точно так же и развитие телекоммуникационных и цифровых технологий как облегчает нам жизнь (развитие сети электронных ресурсов, создание международных образовательных платформ, повышение уровня и качества транслируемой информации и т.д.), так и несет в себе тот самый негативный заряд, проявляющийся, прежде всего, в использовании средств телекоммуникации при совершении преступлений. Немногим более года назад мы были свидетелями «бума»[2] исследований среди ученых-юристов, посвященных проблематике оборота криптовалюты. С одной стороны, присутствовала точка зрения о полном запрете ее оборота и недопустимости ее использования на территории Российской Федерации, с другой же была высказана вполне здравая мысль, что невозможно противиться прогрессу, и следует изучить это явление, попытаться использовать его для нужд отечественной экономики, испытывающей огромное внешнее давление от наших «партнеров» от режима санкций. Представляется, что вторая точка зрения предпочтительнее, так как действительно невозможно противиться прогрессу, его нужно использовать в своих интересах.

Использование т.н. «высоких» технологий характерно, традицион-

[1] Количество активных смартфонов в мире к 2020 году вырастет до 6 млрд. единиц // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://www.ixbt.com/news/2017/01/19/kolichestvo-aktivnyh-smartfonov-v-mire-k-2020-godu-vyrastet-do-6-mlrd-edinic.html.

[2] Согласно данным научной электронной библиотеки E-library.ru, за период 2017-2018 г.г. было выпущено 813 публикаций, где среди ключевых слов было указание на криптовалюту // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://elibrary.ru/query_results.asp/.

но, для совершения преступлений экономической направленности, а также для преступлений, сопряженных с различного вида хищениями[1] (не можем же мы игнорировать «великую» реформу о мошенничестве 2012 года, когда у нас появился отдельный состав, посвященный мошенничеству в сфере компьютерной информации, – ст. 1596 Уголовного кодекса Российской Федерации). При рассмотрении иных составов преступлений, помещенных в Особенную часть УК РФ, мы встретим крайне незначительное число случаев указания на «высокие» технологии, используемые при совершении преступлений[2]. Но вместе с тем стоит признать, что использование цифровых технологий при совершении иных преступлений, в первую очередь против личности, должно находить отклик у законодателя и иметь материальное выражение в конкретной норме права. Для защиты этого тезиса мною будут приведены опыты двух государств: Великобритании и Норвегии. Спешим заметить, что указанные примеры, направленные на охват двух сфер – уголовно-правовой (в случае Великобритании) и криминологической (в случае Норвегии), – с целью обеспечения комплексного рассмотрения заявленной темы статьи.

Рассматривая опыт Великобритании, мы остановимся на преступлениях, сопряженных с оборотом «экстремальной» порнографической продукции.

Прецедентом, положившим начало реформе уголовного законодательства Великобритании в области криминализации владения экстремальным

---

[1] Интересно, что сам субъект законодательной инициативы – Верховный Суд Российской Федерации – прямо указывает в тексте пояснительной записки, что «деяния, ответственность за которые предлагается установить в статьях 159^1- 159^6, не являются столь распространенными», т.е. нормы создаются на будущее. Представляется излишне говорить об «успехах» этой реформы, так как после ее проведения написано столько негативных комментариев и откликов выдающих специалистов в области уголовного права, что мы предоставим читателю самому ознакомиться с этими интересными научными работами. Текст пояснительно записки к проекту федерального закона № 53700-6 от 11.04.2012 года // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=53700-6.

[2] При изучении текста УК РФ мы можем найти всего лишь 17 составов преступлений, где в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака состава преступления приводится указание на использование «средств массовой информации, либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)». Причем стоит признать, что ряд составов, к примеру, предусмотренные ст. ст. 110^1, 110^2 и 151^2 УК РФ, введенные чуть более года назад в структуру уголовного закона и пока не имеющие сложившейся правоприменительной практики, могут быть исключены из указанного перечня. По факту, наиболее распространенными в практике, помимо «экономических» составов, остаются составы, связанные с преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности (статьи 228^1, 242, 242^1 и 242^2 УК РФ), а также составы т.н. «экстремистко-террористического» характера (статьи 205^2, 280, 280^1 и 282 УК РФ).

порно, можно считать дело R v. Coutts[1]. Учитывая обстоятельства дела, приведенные в примечании, в обществе началась масштабная кампания под лозунгом «Мемориал в память Джейн Лонгхерст»[2] по введению детальной регуляции сети Интернет, в частности, по возможности размещения и демонстрации контента определенного содержания (подразумевается контент, носящий порнографический и жестокий характер)[3], так как указанные изображения могут выступать катализатором развития у лица желания воплотить указанные сцены в реальной жизни (доминирование, БДСМ, связывание, удушение и т.п.). В ходе общественного обсуждения инициативы Правительством было предложено[4] считать незаконным владение материалами, содержащими изображение:

а) полового акта или орального секса с животными;

б) манипуляций сексуального характера с человеческими трупами;

в) серьезного насилия с сексуальными подтекстом;

г) серьезного сексуального насилия.

---

[1] *R v Coutts* [2005] EWCA Crim 52, [2] (Cresswell J). Согласно фабуле дела, тело потерпевшей Джейн Лонгхерст (Jane Longhurst) было найдено обнаженным и сожженным в лесополосе, расположенной в пределах промышленной зоны г. Хоув (Hove). В ходе расследования было установлено, что на шее у потерпевшей находилась пара чулок, связанных между собой, образуя тем самым узел (ligature). При расследовании преступления было установлено, что обвиняемый Каутс (Coutts) имел извращенное сексуальное предпочтение, выражавшееся в удушении как свой жертвы, так и себя в процессе совершения полового акта. 03 марта 2003 года, вступив в половую связь с потерпевшей, он сильно сжал узел из чулок на ее шее, тем самым задушил ее. Органами расследования было также установлено, что обвиняемый посещал различные ресурсы в сети Интернет, где занимался просмотром порнографических фото- и видеофайлов, изображающих сцены удушения партнеров. В ходе судебного разбирательства сторона обвинения заняла жесткую позицию, связанную с утверждением, что произошедшее является предумышленным убийством, носящим характер садистского. Сторона же защиты пыталась отстаивать версию, что произошедшее стало стечением обстоятельств и должно квалифицироваться как убийство, совершенное в условиях грубой небрежности. Дело, дойдя до Палаты Лордов (Полный текст заметок достопочтимых Лордов-судей по указанному делу на сайте Bailii.org // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2006/39.html), было направлено на новое рассмотрение, так как указывалось, что первоначальное осуждение за убийство было осуществлено на безальтернативной основе, тогда как по сложившимся правилам председательствующий должен был инструктировать жюри присяжных о возможности вынесения вердикта не только за убийство, но и за непредумышленное убийство, исходя из обстоятельств дела. Хотя после состоявшегося нового рассмотрения дела в 2007 год, Каутс был снова признан виновным именно в убийстве, приговорен к пожизненному лишению свободы. Интересно, что указанный новый вердикт обсуждался присяжными в течение 13 часов.

[2] I want to stop another murder // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://www.theguardian.com/technology/2004/sep/16/g2.onlinesupplement.

[3] *Antoniou, Alexandros K.,* Akrivos, Dimitris, The Rise of Extreme Porn Legal and Criminological Perspectives on Extreme Pornography in England and Wales - Palgrave Macmillan, 2017. 75 p.

[4] Home Office, Consultation: On the Possession of the Extreme Pornographic Material (Home Office Communications Directorate, London: 2005 // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/30_08_05_porn_doc.pdf.

Итогом данной кампании стало принятие в 2008 году Акта об уголовном правосудии и иммиграции, где в части 5 «Уголовный закон», разделе «Порнография и прочее», параграфы 63-71 были описаны случаи запрета на владение экстремальными порнографическими изображениями[1], а также вид и размер наказания за указанное деяние. Согласно Акту, выделяется две категории изображений:

1. «порнографическое», т.е. это такое изображение, которое позволяет разумно предполагать, что оно было сделано исключительно или в большей степени с целью сексуального возбуждения;

2. «экстремальное», т.е. такое изображение, которое содержит определенные сцены[2], либо же оно носит характер абсолютно оскорбительного, мерзкого или непристойного изображения.

Вид и размер наказания дифференцируется в зависимости от режима уголовного преследования и изображения. Так, если лицо обладает изображением, не содержащим сцен, описанных в пар. 63 (7) (a) и (b)[3], то оно может быть приговорено к лишению свободы на срок до 2 лет или штрафу, при разбирательстве дела в режиме суда присяжных. В случае же, если разбирательство происходит напрямую через магистратский суд, то срок лишения свободы не может превышать 12 месяцев для Англии и Уэльса, а также 6 месяцев для Северной Ирландии.

Несмотря на благую цель Акта, попытку оградить несовершеннолетних от возможного просмотра указанных изображений в сети Интернет, пресечения практики изготовления таких изображений, все же в научной литературе имеются и скептические взгляды на указанный Акт. Так, если мы обратимся к статье Джонтана Клафа[4] (Jonathan Clough), то можем заметить, что автор задает вполне резонный вопрос: а есть ли вред от указанных изображений в реальной правоприменительной практике?

---

[1] Criminal Justice and Immigration Act 2008 // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/4/resources.

[2] Законодатель изменил первоначальное наполнение 4 пунктов-характеристик, вынесенных на обсуждение. По действующему Акту (пар. 63 (7) (a-d) к характеристикам экстремального изображения относятся случаи, когда на нем изображено явно и реалистично:

a) действия, явно угрожающие жизни человека;

b) действия, которые приводят или могут привести к серьезным травмам ануса, груди или гениталий изображаемого лица;

c) действия, сопровождаемые сексуальными манипуляциями с трупами умерших людей;

d) человек, совершающий половой акт или акт орального секса с животным (как живым, так и мертвым).

Обязательной характеристикой является наличия условия, при котором человек, смотрящий на такое экстремальное изображение, будет понимать, что изображаемый человек или животное являются реально существующими.

[3] В остальных случаях, лицо может быть приговорено уже к лишению свободы на срок до 3 лет, при сохранении разнице в размерах сроков лишения свободы для Англии, Уэльса и Северной Ирландии в рамках разбирательства в магистратском суде.

[4] *Clough, J. A.* (2015). Possession of «extreme» pornography: where's the harm? Canadian Journal of Law and Technology, 13(2), Pp. 131–169.

Так ли обоснована криминализация указанного деяния? Вполне резонным выглядит его аргумент о том, что указанная криминализация не соответствует принципам определения человеком своей сексуальности и права на частную жизнь. Подчеркнем, что это относится только к сфере владения такими экстремальными изображениями, но не к производству порнографической продукции определенной направленности, а равно совершение сопутствующих преступлений (незаконная миграция, похищения людей, работорговля и т.п.) – все эти преступления чудовищны по своей сути и не могут быть оправданы. Но вместе с тем стоит согласиться, что криминализация владения указанными изображениями требует дополнительного криминологического и правового обоснования.

Обращаясь же к опыту Норвегии, стоит сделать некоторую оговорку. В основу излагаемого материала в рамках настоящей статьи будут положены данные, собранные нашими коллегами из Университета Осло – профессорами Сандбергом (Sandberg) и Угелвиком (Ugelvik)[1].

Их исследование базируется на анализе 51 приговора судов апелляционной инстанции Королевства, где возможно было найти указание на современные средства телекоммуникации, прежде всего, смартфоны с доступом в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также где преступление было сопряжено с использованием различных социальных сетей.

Традиционно мы знаем, что осуществление съемки в процессе совершения преступления может выполнять различную роль: с одной стороны, преступник собирает т.н. «архив» для последующего просмотра и удовлетворения различного рода парафилий[2]. Одним из ярких примеров в отечественной криминологической практике может служить печально известный Сливко А.Е., проводивший съемки курсов т.н. «обучения и воспитания» с участниками детского лагеря «ЧЕРГИД»[3]. С другой стороны, это может совершаться с целью устрашения окружающих или трансляции своих требований (к примеру, в случае террористического акта, захвата заложников, а также похищения человека с целью выкупа). Но в последнее

[1] *Sveinung Sandberg, Thomas Ugelvik;* Why Do Offenders Tape Their Crimes? Crime and Punishment in the Age of the Selfie, *The British Journal of Criminology*, Volume 57, Issue 5, 1 September 2017, Pp, 1023–1040.

[2] *Дерягин Г.Б.* Криминальная сексология: Курс лекций для юридических факультетов. М.: Московский университет МВД России. Издательство «Щит-М», 2009. С. 238–239. На стр. 240 отмечается, что: «Коллекция фетишей крайне важна для серийного убийцы, так как она помогает воспоминаниями, возвращению чувства реальности содеянного, участвует в дальнейшей кристаллизации патологических сексуальных фантазий». «Фетишизироваться могут и части тела человека (волосы, половые органы, например половой член в состоянии эрекции, молочные железы, ягодицы, маскулинная внешность с оволоснением груди, рук, инфантильные черты внешности, ноги, руки, глаза, различные аномалии частей тела и т.п.), их фотографические изображения…» // Сексуальное поведение и насилие / *П.И. Сидоров, Г.Б. Дерягин.* М., МЕДпресс-информ, 2007. С. 38.

[3] *Образцов В.А., Богомолов С.Н.* Криминалистическая психология. Из-во Юнити-Дана, Закон и право. 2002. С. 42–45.

время мы также можем наблюдать случаи, когда съемки и фиксация преступления осуществляются виновными лицами именно с целью привлечения внимания к своим противоправным действиям, для получения своеобразной славы и отклика среди просматривающих, пусть и негативной в 90% случаев[1]. Также можно выделить случаи совершения съемки преступных деяний (пытки, сцены физического и психического принуждения и т.п.) для создания личного архива, но преследуя иные цели: бахвальство перед окружающими, повышение внутригруппового статуса в различных социальных группах и общественных объединениях (к примеру, случаи пыток и издевательств над заключенными тюрьмы Абу-Грейб, получивших отражение и правовую оценку в докладе Тагубы[2]).

На эту же проблематику было обращено внимание наших коллег из Норвегии. Основной задачей стало стремление получения ответа на вопрос: почему же преступники снимают свои преступления? В результате получилось интересное наблюдение, которое мы опишем ниже.

К первой группе факторов, помогающих ответить на этот вопрос, было предложено вынести фактор изменения структуры изготовляемой порнографической продукции, а именно, увеличение объема т.н. «любительского» порно. Отмечалось, что расширение запроса на «любительское» порно привело к расширению случаев использования мобильных телефонов при совершении насильственных преступлений сексуального характера. В поддержку заявленного тезиса приводятся материалы уголовного дела, согласно которым некая 17-летняя молодая девушка, познакомившись с незнакомцем на улице, согласилась проследовать в его апартаменты для дальнейшего продолжения вечера. Там она употребила в разной последовательности кокаин и каннабис. После этого, пребывая в состоянии наркотического опьянения, виновное лицо начало кричать на потерпевшую, приказывая ей снять всю одежду, осуществлять оральные ласки, а также рассказывать пошлые и непристойные истории. Все эти действия записывались виновным лицом на камеру мобильного телефона. При этом стоит отметить, что в случае, если потерпевшая совершала требуемые действия недостаточно искусно, то запись стиралась, и преступник силой заставлял потерпевшую повторять эти действия.

---

[1] Можно привести в качестве примера случаи жесткого обращения с животными в Хабаровске: Полиция возбудила дело в отношении разместивших фото издевательств над животными // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://tass.ru/proisshestviya/3719044. Также примерами могут служить нашумевшие случаи видеозаписи применения насилия в отношении несовершеннолетних или недееспособных с последующим размещением их в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: В Покрове подростки жестоко избили школьника-инвалида // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://www.ntv.ru/video/1574041.

[2] Расследование в отношении 800 бригады военной полиции // [Электронный адрес] / режим доступа: URL: https://fas.org/irp/agency/dod/taguba.pdf.

Особо указывается, что использование современных средств фиксации и передачи данных может использоваться не прямо в процессе насилия, а для фиксации последствий и следов совершенного насилия[1]. Следовательно, следует выделить два подвида такого использования технических средств: в первом случае такое использование сопряжено со стремлением виновного лица изготовить порнографическую продукцию против воли потерпевшего, тогда как во втором подвиде можно говорить о постпреступном использовании технического средства, т.е. о создании некоего архива «побед» для последующего просмотра.

Вторую группу факторов образует развитие культа унижения. В отличие от первой группы, развитие преступной деятельности происходит не в рамках явной ситуации насилия, а имеет второстепенное значение, которое, впрочем, может оказать влияние на развитие преступной деятельности.

В этой связи примечателен пример судебной практики, показывающий особую роль съемки противоправной деятельности в контексте расширения участвующих в преступлении лиц.

Так, во время одной из частных вечеринок некая потерпевшая Д., будучи раздосадованной пропажей ее телефона, начала активно привлекать внимание к этой проблеме, расспрашивая присутствующих о произошедшем. По мере нарастания скандала Е. была, как бы между делом, проведена на кухню группой молодых людей, которые снимали происходящее на видео. На кухне один из виновных, некто Д., приказал потерпевшей снять с себя одежду. Съемка в этот момент не прекращалась и сопровождалась достаточно фривольными комментариями со стороны окружающих. Спустя некоторое время Д. приказал Е. следовать за ним в другую комнату, оказавшуюся спальней, где приказал последней лечь на шпагат, а затем сесть на стул и мастурбировать, предварительно ударив ее несколько раз зонтиком по туловищу. В процессе этих издевательств съемка не прекращалась, как смех и издевки окружающих. В какой-то момент некто В., до этого времени стоявший в общей толпе, выхватил камеру у снимавшего, заявив, что хочет сам попробовать снимать это.

Как мы видим, общая атмосфера унижения и издевательств оказала влияние на лицо, которое и не собиралось каким бы то ни было образом принимать активное участие в травле потерпевшей. Однако стремление быть в центре событий и иметь хоть какую-то причастность к происходящему побудила молодого человека взять на себя роль оператора этих издевательств. Можно даже предположить, что это стремление было продиктовано желанием быть не просто сопричастным происходящему,

[1] Приводится случай, когда 15-летний мальчик, будучи сознательно введенным в состояние наркотического опьянения, был подвергнут сексуальному насилию со стороны взрослого, который после совершенного насилия сделал несколько фотографий на свой мобильный телефон.

а иметь возможность влиять на ситуацию, раздавая различные указания окружающим, а также потерпевшей. Особо следует отметить, что, в отличие от первой группы факторов, вторая группа не всегда связана с прямым сексуальным насилием над потерпевшим. Следует говорить скорее о стремлении виновных лиц оказать психологическое насилие над жертвой преступления, а также показать превосходство над ней, указывая последней на то, как ей следует вести себя в кадре, фактически подчиняя волю потерпевшего себе.

Примером такого превосходства, соединенного со стремлением к удовлетворению низменных сексуальных влечений, демонстрирует следующий пример судебной практики.

В материалах судебного дела отмечалось, что потерпевшая А. находилась в некоторых отношениях с мужчиной Д., который периодически применял к ней насилие. Также в процессе отношений они практиковали просмотр порнографической продукции, связанной с зоофилией. Однажды Д. позвал А. пройти в ванную, где путем психологического насилия заставил последнюю совершить акт орального секса с золотистым ретривером. А., проживавшая длительное время в обстановке психического и физического насилия, не могла противиться приказу Д., выполнив все действия, которые просил Д.

Другим примером совмещения стремления доказать свое превосходство над потерпевшим с желанием получить одобрение окружающих может служить пример судебной практики, когда несколько молодых людей, применяя психологическое насилие, выразившееся в криках, оскорблениях и угрозах физической расправы, заставили Д. пробежать абсолютно голым по холлу городской Ратуши. Все эти действия сопровождались насмешками, низменными и оскорбительными шутками, а также постоянной съемкой на камеру мобильного телефона.

Третья группа факторов связана также с изменениями, происходящими в массовой культуре. Одним из таких изменений следует считать развитие т.н. «культуры» моментальных снимков, когда мало-мальски заметный поступок в жизни человека получает свое отражение в соответствующей фотографии или видеозаписи с последующим размещение на странице в сети Интернет (к примеру, получившее распространение в сети Instagram размещение фотографий еды).

Так, в рассматриваемой нами статье авторы приводят пример судебного решения, когда молодой человек, приобретя в Осло некоторое количество амфетамина, не будучи обнаруженным службой безопасности, спокойно проследовал на борт судна, где сделал фото с пакетом амфетамина, снабдив его подписью: «Уехал в Осло, чтобы купить кило спидов». Указанное фото было им отослано в режиме MMS.

Более показательна ситуация, когда съемка была совершена после совершения убийства. Данная фотография была снабжена подписью: «Вот что происходит, когда сосед доставляет слишком много шума».

Представляется, что лица, создающие такие или схожие снимки, пытаются спрятаться за камеру своего мобильного телефона, окончательно не понимая, что в действительности совершают преступление, а не очередную фотосессию для улучшения своего профиля в социальной сети или развлечения друзей.

Делая некоторый промежуточный вывод в рамках настоящей заметки, как нам представляется, следует сказать о большом потенциале для научных исследований тематики использования цифровых средств при совершении преступлений[1]. Представляется, что область использования технических средств коммуникации и цифровых ресурсов сети Интернет может статьи прорывным направлением для проведения конкретных криминологических значений, так как выше мы отмечали, что т.н. «традиционное» рассмотрение использования этих ресурсов уже не отвечает требованиям трансформируемого общества. Также стоит отметить, что вопрос цифровых технологий в контексте возможной криминализации деяний с его использованием также требует отдельной проработки со стороны законодателя и не может приниматься «под влиянием эмоций. Так как эмоции не самый лучший товарищ для законодателя»[2].

Библиографический список:

1. *Дерягин Г.Б.* Криминальная сексология: Курс лекций для юридических факультетов. М.: Московский университет МВД России. Издательство «Щит-М», 2009. С. 238–239.

2. *Летелкин Н.В*. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 26 с.

3. *Образцов В.А., Богомолов С.Н.* Криминалистическая психология. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. 448 с.

[1] *Летелкин Н.В.* Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): автореф. дис. … канд. юридж. наук. Н. Новгород, 2018. 26 с.

[2] Из речи члена Палаты Общин Парламента Великобритании Jane Griffiths в ходе слушаний от 18.05.2004 года по вопросу введения уголовной ответственности за владение экстремальной порнографической продукцией // HC Deb. 18/05/2004, vol. 421, part № 558, Column: 180WH // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm200304/cmhansrd/vo040518/halltext/40518h01.htm#40518h01_spnew21.

4. Сексуальное поведение и насилие / П.И. Сидоров, Г.Б. Дерягин. М.: МЕДпресс-информ, 2007. 272 с.

5. *Antoniou, Alexandros K., Akrivos, Dimitris.* The Rise of Extreme Porn Legal and Criminological Perspectives on Extreme Pornography in England and Wales - Palgrave Macmillan, 2017. 75 p.

6. *Clough, J. A*. (2015). Possession of «extreme» pornography: where's the harm? Canadian Journal of Law and Technology, 13(2). Pp. 131–169.

7. *Sveinung Sandberg,* Thomas Ugelvi. Why Do Offenders Tape Their Crimes? Crime and Punishment in the Age of the Selfie, The British Journal of Criminology, Volume 57, Issue 5, 1 September 2017. Pp. 1023–1040.

ПЕРМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

~ 2019 ~

Подписан в печать 29.05.2019 г. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 32. Тираж 200 шт.
Заказ № 393

Отпечатано: ООО «Типография ДПС»
614000 Пермь, ул. Танкистов, дом 12
Тел.: 8 (342) 206 46 47